ISBN 995221068-2

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД

Bərpanəşr

Министерство Культуры и Туризма
Азербайджанской Республики

**Национальная Библиотека Азербайджана
имени М.Ф.Ахундова**

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД

26 февраля - 5 марта 1926 г.

(Стенографический отчет)

**“Нагыл Еви”
Баку - 2011**

Bərpanəşr

Ответственный за выпуск: *В. Бахманлы*
Редактор: *А. Асадзаде*
Художественный редактор: *К. Лидия*
Дизайн: *Н. Махмудов*
Верстка: *А. Мухтарова*
Корректор: *С. Самедова*

Первый Всесоюзный Тюркологический Съезд,
Баку 2011. “Нагыл Еви”. 552 стр.

ISBN 995221068-2

При издании произведения были сохранены все данные оригинала

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ С`ЕЗД

26 февраля - 5 марта 1926 г.

(Стенографический отчет)

БАКУ - АССР
1926 г.

П Е Ч А Т А Н О
в типографии
Кооп. Изд-ства
при БК АКП (б)
“Бакинский Рабочии”.

Азлит №1841. Заказ №1345 Тираж 3000

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД

26 февраля - 5 марта 1926 г.

(Стенографический отчет)

Формат 60x90/16. 34,5 п.л. Тираж 500.
Отпечатано в типографии “Нагыл Еви”.
Тел.: (+994 12) 498 56 38

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

П Е Р В Ы Й
ВСЕСОЮЗНЫЙ
ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
С' Е З Д

26 февраля-5 марта 1926 г.
(Стенографический отчет)

БАКУ

П Е Ч А Т А Н О
в типографии
Кооп. Изд-ства
при БК АКП (б)
"Бакинский Рабочий"

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Открывает с'езд Агамали оглы.

Агамали оглы. Первое торжественное заседание первого тюркологического с'езда в Советском Социалистическом Азербайджане об'являю открытым.

Товарищи, прежде, чем перейти к делу, я должен ознакомить вас, что азербайджанский народ, сначала терзаемый ханской деспотией и системой безответственных феодалов, а затем русским самодержавием, впервые вступает на арену исторической деятельности, как свободный народ, создающий по собственному желанию свою судьбу. Великая идея национального самоопределения, рожденная русской пролетарской революцией, находит свое осуществление. И если азербайджанцы, и туркмены, и узбеки, и все малые народы бывшей Романовской империи стали существовать, мыслить и дышать, то это по воле Великой Октябрьской Революции. Мы не можем здесь приступить ни к одному исторически значительному делу, не почтив память вождей этой революции и в первую очередь гениального организатора ее, товарища Ульянова-Ленина. Прошу почтить его память вставанием. (Все встают).

Прежде всего, товарищи, разрешите мне от имени азербайджанских рабочих и крестьян и всего азербайджанского народа принести вам искренний привет. Азербайджанцы сумеют оценить то счастье, которое выпало на их долю и которое заключается в том, что первый в мире научней тюркологический с'езд открывается на их родной земле. Но этого мало: впервые же здесь имеют возможность представители тюрко-татарских народов встретиться на своем братском Курултае, на котором будут рассмотрены и разрешены их наболевшие культурные вопросы. До сих пор в истории тюрко-татарских народов ни разу не имело место такое великое событие, как с'езд представителей этих народов, - для обсуждения мирных культурных вопросов, выдвинутых, жизнью. Уже нет спящего Востока, и поэтическое определение поэта Лермонтова: «У подножья Арарата дремлет Тегеран»–делается достоянием истории. Исцелительные волны русской революции бурно прокатились

по землям седого Востока, от града до града, от морей до океана, пробуждая темные народы к новой творческой жизни и в первую голову разорвав рабские цепи народов бывшей гигантской империи поправ смертью смерть. Вызванные к новой жизни, эти народы, ныне свободные члены великого Советского Союза, для творчества собственной жизни, должны, не покладая рук, наверстать потерянное и самоопределиться на высших заветах революции. Но такое самоопределение требует познания собственной истории в прошлом, для понимания настоящего и определения перспективу грядущего.

Вопросы, поставленные в порядке дня на рассмотрение с'езда, сами говорят о совокупности задач, которыми интересуется тюрко-татарский мир. Объективно научное освещение их даст верную ориентировочную линию для культурных успехов и достижений. Если не ошибаюсь, кажется, впервые высоко уважаемая наука и социальная практика вплотную подходят друг к другу. Наука является третьей силой, которая руководит трудовыми массами для разрушения старого мира до основания, чтобы создать новое освобожденное человечество.

В этом великом деле с'езд, несомненно, принесет свою лепту. Ведь дать верную научную основу культурному развитию многомиллионного народа на рубеже Востока, где большая часть человечества еще находится под гнетом иноземных сил и собственных предрассудков, это значит–потрясти этот самый Восток. Рост многомиллионных народов, прежде бывших «неисторическими», прежде бывших угнетенными, ныне призванных к жизни, возрожденных могучей революцией,–это действительно гигантская сила грядущего освободительного движения человечества. Не будет преувеличением, если я скажу, что тюрко-татарские народы советских стран, правильно строя свою жизнь на основе советских законов, советской экономики, советской культуры, освещенной наукой, тем самым создают стимулы для пробуждения еще спящих народов угнетенного Востока. Но значение с'езда не в этом только: он внесет ценный вклад в литературу тюркологической науки, что также не может пройти бесследно в истории развития человечества.

Все сказанное, конечно, скорее касается будущего, чем настоящего момента. Настоящее заключается в том, что из данного с'езда мы должны извлечь максимум возможного. Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что до сих пор ни один научный с'езд не был центром внимания широких трудовых масс. Конечно, все с'езды сопровождались вниманием ученого и, отчасти, образованного мира, но чтобы интерес народной массы был прикован к такому съезду, это мы встречаем впервые в истории, и это же говорит, насколько вопросы, поднятые с'ездом на рассмотрение и разрешение, являются практически живыми для тюрко-татарских народов. Но, чтобы правильно реагировать с'езду на такое законное настроение массы, необходимо проявить максимум продуктивности. И это будет возможно, конечно, в том случае, когда продуманные сжатые доклады по тому или другому вопросу встретят серьезную критику, не далекую от научности, а не желание, вообще, критиковать, когда не будут выступления, ради выступления, и противные мнения обойдутся любезно, без страсти и навязывания.

Я, товарищи, имею в виду острые спорные вопросы, группирующиеся вокруг вопроса о форме письменности. Вам известно, что в этом вопросе существуют две позиции, два мнения, взаимно исключающие друг друга: одно мнение за реформированный арабский алфавит, другое мнение–в пользу кардинального перехода на новый алфавит латинской системы. К сожалению, по природе этих споров, трудно или даже невозможно найти среднюю линию соглашения. Здесь возможна формула: «или эта или эта», или формула «и то и то». Последнее значит: оба алфавита существуют параллельно и равноправно. Я, конечно, не указываю, что надо, я только говорю, что трудности положения требуют особого отношения к этому вопросу, отношения об'ективного, и думаю, что единственное достижение, которое мы можем иметь по этому вопросу, заключается лишь в правильном научном освещении его; а использование научных фактов– предоставить мудрости каждой стороны, на их ответственность перед историей.

Заканчивая свою речь, я выражаю уверенность, что каждый

участник с'езда столь мудро сорганизует свои мысли и чувства, что в общем с'езд преодолеет все затруднения, стоящие на его пути, и выйдет блестящим победителем стихийности, дав образец поведения, направленного только к пользе трудовой массы, чтобы сделать грамоту и знание массовыми, дабы трудящихся сделать равными по культуре со всеми.

Да здравствует Первый Тюркологический С'езд! Шлю привет всем культурникам и ученым, стоящим на точке зрения освобождения труда! (Продолжительные аплодисменты).

Засим разрешите перейти к делу. На первой очереди–конструирование Президиума.

Слово для предложения имеет товарищ Абдул Джабаров.

Абдул Джабаров. (По-тюркски). От имени делегаций Азербайджанской и Тюркменской республик, Казакистана и других предлагаю следующих кандидатов в президиум:

1. Агамали оглы.
2. Ахундов Рухулла–Азербайджан.
3. Бартольд–академик.
4. Байтурсун–Казакистан.
5. Барахов–Якутская республика.
6. Бороздин–Ассоциация Востоковедения.
7. Джабиев Габиб.
8. Ибрагимов Галимджан–Татаристан.
9. Идельгузин–Башкиристан.
10. Кепрюлю заде–Турция.
11. Коркмасов–Дагестан.
12. Нагамов И.–Узбекистан.
13. Наговицын–Наркомпрос РСФСР.
14. Ольденбург–академик.
15. Павлович–Ассоциация Востоковедения.
16. Самойлович–профессор.
17. Тынстанов–Кара-Киргизия.
18. Чобан-заде–профессор.
19. Бердиев–Туркменистан.
20. Акчокраклы–Крым.

21. Алиев Умар–Северный Кавказ.
22. Менцель–профессор, представитель европейских ученых.

Председатель. Есть ли дополнения? Возражений нет? Принимается.

Абдул Джабаров. (По-тюркски). От имени азербайджанской делегации и других республик выдвинуты в качестве почетных членов Президиума следующие товарищи:

1. Алибек Гусейн-заде.
2. Банг.
3. Кулиев Мустафа.
4. Марр.
5. Луначарский.
6. Томсен.

Председатель. Возражений нет? Принимается.

Абдул Джабаров. От имени делегаций вышеуказанных республик были выдвинуты в мандатную комиссию нижеследующие товарищи:

1. Мамед-заде.
2. Томашевский.
3. Иванов (Якутия).
4. Абдул Джабаров.
5. Иванов (Чуваш.).

Председатель. Возражений цет? Принимается.

Абдул Джабаров. (По-тюркски). В редакционную комиссию предлагается избрать следующих:

1. Зифельдт.
2. Яковлев.
3. Максудов.
4. Габитов.
5. Рахими.
6. Ошаев Халид.

Председатель. Возражений нет? Принимается.

Абдул Джабаров. В качестве секретарей выдвинуты следующие товарищи:

1. Касимов
2. Вельтман.
3. Гильдиев.
4. Одабаш.
5. Султанова Айна.

Председатель. Возражений нет? Нет. О порядке дня слово имеет т. Зифельдт.

Зифельдт. Товарищи, что касается порядка дня и программы с'зда, то вам, кажется, всем розданы в печатном виде эти программы, и нет смысла повторяться. Только нужно здесь ввести небольшую поправку, т.к. при печатании произошла небольшая типографская опечатка. В 12-м пункте: «Методы преподавания тюркского языка» была выпущена фамилия Лиманова. Это единственная поправка, которую нужно внести в тот порядок дня, который был принят на Пленуме Организационной Комиссии еще 4-го января этого года и подтвержден на сегодняшнем заседании Пленума Оргкомиссии.

Председатель. Есть поправки?

Максудов. Я предлагаю следующее: пока нам придется утвердить порядок дня, который предлагается. По этому вопросу я не имею никаких возражений, но мне известно, что есть некоторые упущения по отношению названия некоторых докладчиков. Нам придется это исправить, поэтому я предлагаю утвердить порядок дня, за исключением названий отдельных докладчиков.

Председатель. Возражений нет? Принимается. Прошу членов Президиума занять свои места. Слово имеет для приветствия председатель ЦИК Союза ССР, тов. Мусабеков (аплодисменты).

Мусабеков. Товарищи, я пришел, по поручению Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистческих Республик и Совета Народных Комиссаров Азербайджанской Советской Социалистической Республики, передать Первому Всесоюзному Тюркологическому С'езду горячее приветствие и пожелание полнейшаго успеха в его предстоящих работах, результаты которых с таким нетерпением ожидают многомиллионные массы тюркско-татарских народностей.

Товарищи, открытие этого С'езда, 1-го С'езда, посвященного исключительно вопросам тюркологии, имеющего возможность, рассмотрение их в плановом порядке, несомненно, является в жизни тюрко-татарских народностей фактом величайшего исторического значения. Не меньшее значение результаты С'езда будут иметь для народов Турции, Персии, Афганистана и всего научного мира, которому предоставляется возможность подитожить результаты работ за ряд лет и наметить дальнейшие, пути развития тюркологии.

Не случайность, товарищи, что 1-й Всесоюзный Тюркологический С'езд наметил местом своей работы столицу Азербайджана, города Баку. По своему географическому месторасположению, как преддверие Востока, и по тем колоссальным культурным и экономическим достижениям, которые трудящиеся Азербайджана имеют за последнее пятилетие, Азербайджан в праве претендовать на высокую честь видеть у себя дорогих гостей, ученых представителей тюркологии и представителей советских братских нам республик.

Товарищи, Октябрьская Революция, выставившая лозунг самоопределения национальностей, дала возможность отсталым тюрко-татарским народностям приобщиться к мировой культуре, прогрессу. Мы действительно с вами являемся свидетелями мощного сдвига этих народов в культурной области. Тюркологический С'езд должен заложить прочный фундамент этого научного сдвига. Однако, товарищи, первым камнем в этом фундаменте быть должно революционное учение великого пролетарского вождя, т. Ленина, который с гениальной прозорливостью указал великое

значение. Востока в общем развитии человечества.

Богатый экономическими и культурными силами Запад также интересуется загадочным Востоком: не жалея средств, капиталистический Запада снаряжает специальные научные экспедиции, выпускает литературу, газеты, журналы и проч. Однако, мы знаем, что капиталистический Запад преследует совершенно иные цели, мы знаем, что часто, вопреки воле ученых в капиталистическом мире, наука приносится в услужение воинствующему империализму. Не то совершенно происходит у нас, у нас нет таких стремлений. Единственной нашей целью является создание нового социалистического общества, которое, несомненно, предполагает широко развитую культуру. Поэтому первейшей нашей задачей и важнейшим нашим лозунгом является борьба за истинную культуру. Только в социалистическом обществе, товарищи, наука может занять достойное и подобающее ей почетное место. Исходя из этих предпосылок, Тюркологический с'езд должен наметить новые пути для всестороннего научного охвата народов Востока. Мы, товарищи, являемся свидетелями больших научных достижений в этой области. Однако, сегодня необходимо отметить, что мы имеем еще много недочетов, и Тюркологическому с'езду нужно будет дать вехи, наметить главнейшие пути для дальнейшего изучения этих областей. Порядок дня нашего с'езда вполне отвечает всем этим требованиям.

Из задач, непосредственно стоящих перед Тюркологическим с'ездом и выдвинутых самой жизнью, я позволю себе остановиться на следующем: первое–на характерной, тесной и непосредственной связи с научным культурным миром за советской террйторией, второе–оказание помощи местному О-ву по Краеведению в области введения его в русло научной работы, третье–изучение, тщательное изучение социально-политической жизни тюркско-татарских народов и истории революционного движения этих народов.

Кроме того, перед Тюркологическим с'ездом стоят вопросы непосредственно практической важности, это–вопросы языка, терминологии, такое великое начинание, как стремление ликви-

дировать неграмотность, приближение государственного аппарата непосредственно к трудящимся массам, преподавание в средних и высших школах на родном языке, перевод учебников на родной язык и пр., и пр. Все эти наши великие важнейшие начинания подчас упираются в несовершенство языка и терминологии. В этих важнейших вопросах наши надежды на Тюркологический с'езд чрезвычайно огромны. Первый Тюркологический с'езд призван помочь советской власти разрешить важнейшие культурные вопросы Ближнего Востока, разрешить важнейшие проблемы тюркско-татарских народов.

Отсталые тюркско-татарские народности, при свете факела науки, сумеют лучше приняться за создание своей новой, светлой жизни, преодолевая косность и невежество, привитое им веками колонизаторами и капиталистами.

Товарищи, этот Тюркологический с'езд, несомненно, послужит мощным толчком для того, чтобы об'единить массы тюрко-татарских народностей по ту сторону советской границы и с полной энергией приняться за возрождение своей беспросветной теперешней жизни.

Вот, по моему, товарищи, важнейшие вопросы, которые стоят в первую очередь перед Всесоюзным Тюркологическим с'ездом.

Разрешите же, товарищи, приветствуя вас от души, еще раз выразить пожелание полнейшего успеха во всех ваших работах и провозгласить:

«Да здравствует наука».

«Да здравствует мощный союз труда с наукой».

«Да здравствует Первый Тюркологический с'езд, родное детище Советской власти» (аплодис

менты).

Председатель. Слово для приветствия предоставляется председателю Всесоюзной Научной Ассоциации при ЦИК'е СССР, т. Павловичу (аплодисменты).

Т. Павлович. Позвольте, товарищи, приветствовать, прежде всего С'езд от имени Всесоюзной Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК'е СССР, а также от имени Московского Института Востоковедения имени Нариманова (аплодисменты).

Нынешний Тюркологический С'езд явится величайшим событием в истории тюрко-татарских народов. Как мощный удар набатного колокола, отзвуки которого разнесутся далеко за пределы не только Баку и Азербайджанской Республики, но и всего Советского Союза, Тюркологический С'езд призван обратить внимание не только интеллигенции, но и широких народных масс до низов на ту несовершенную терминологию, орфографию, алфавит и т. д., которые мешают приобщению тюрко-татарских народных масс к культуре и цивилизации, являвшимся до сих пор достоянием лишь европейских народов. Этот С'езд явится началом великого наступления, великой атаки революционных баталионов тюрко-татарских народностей против тех Гибралтаров и Порт-Артуров мракобесия и невежества, которые мешали ликвидации безграмотности, распространению просвещения среди народных масс. И то обстоятельство, что этот С'езд созывается в пределах Азербайджанской Республики, входящей в великий Советский Союз, является доказательством величия принципов национальной политики Советской власти, Рабоче-крестьянской власти, ибо разве мог бы быть такой С'езд созван в какой-нибудь другой стране. Разве вы видели где-нибудь вне Советского Союза такой с'езд, где величайшие представители науки, светила науки, как академик Бартольд, как представители Академии Наук Ольденбург, Крымский и другие, собирались вместе с представителями трудовых масс, чтоб сообща обсудить все те пути, которые помогут ликвидировать неграмотность. Этот С'езд явится лишь одним из этапов национальной политики Советской власти. Национальная политика–это очень сложная вещь: из-за неправильной или правильной национальной политики сохранялись или гибли целые государства. Пример–Австро-Венгрия.

В своих мемуарах министр Австрии говорит о том, что, если бы даже не случилась мировая война, то все равно Австрия в результате разрывного действия неразрешенных национальных вопросов–распалась бы. Таких неразрешенных национальных вопросов в Советской республике, в Советском Союзе нет. Наша национальная политика отнюдь не ограничивается знаменитой декларацией, подписанной товарищами Лениным и Сталиным в первую же не-

делю Октябрьской Революции. Эта декларация говорила, во-первых, о равенстве и суверенности всех народов России, во-вторых, о праве всех народов на самоопределение, вплоть до права на отселение, а в-третьих, об отмене всех национальных и национально-религиозных привиллегий и ограничений. Однако, ясно, что никакая декларация о праве народов на суверенность, никакие голословные заявления о равенстве прав всех народов не имеют никакого значении, пока сохраняется экономическое и культурное неравенство между различными народами. У нас такое экономическое и культурное неравенство существовало в эпоху, царизма, и оно составляло фундамент политики царизма по отношению к национальностям. Мы видели, что наши окраины были превращены в сырьевые базы; лишенные фабрик и заводов и промышленных центров, они были поставщиками сырья для промышленных районов России. Советская власть поставила своей целью уничтожить это экономическое неравенство. Второй пункт третьего раздела знаменитых тезисов товарища Сталина, принятых на 10-ом С'езде партии, говорит о 30-ти миллионах тюркского населения, которые страдают в результате этого экономического неравенства, в результате того, что их районы являлись исключительно сырьевыми базами. Советская власть имет основной задачей своей экономической политики по отношению к окраинам–уничтожение экономического неравенства путем планомерного насаждения промышленности в отсталых областях, путем переноса фабрик к источникам сырья. В области индустриализации отсталых районов мы достигли громадных успехов. Как об'яснить эти гигантские успехи. Многие иностранцы, с которыми мне приходится беседовать, ставят вопрос, как об'яснить то, что Советский Союз, лишенный всякой финансовой поддержки со стороны окружающих государств, блокируемый ими, тем не менее, имеет великие достижения в области экономического строительства. Это, товарищи, об'ясняется очень просто. В эпоху царизма громадные силы русского народа тратились на покорение и угнетение так называемых отсталых народов. Наоборот, колоссальные резервы энергии этих народов растрачивались на борьбу против этого угнетения и против этого притеснения. Таким обра-

зом, колоссальные запасы сил парализовали друг друга: одни, идущие на угнетение, другие–на борьбу против этого угнетения. Теперь эти самые гигантские резервуары источают из себя силу, которая целиком идет на экономическое культурное строительство. Я был всего несколько лет назад в Азербайджане. Я вижу здесь гигантские успехи в гор. Баку. В Азербайджане мы имеем новый промышленный центр–Ганджу. Посмотрите на то, что делается в соседнем с вами, вчера только патриархально-феодальном, экономически отсталом Дагестане. В этой стране, которая 60 лет боролась против царизма, теперь вы увидите, что горные орлы Дагестана–представителя их мы видим здесь в лице товарища Коркмасова (аплодисменты), когда-то стоявшие во главе народных масс в борьбе против царизма и тратившие на это энергию, направляют теперь силы на великие экономические и культурные задачи Дагестана: на прорытие Октябрьского канала в 85 клм, на создание фабрик и заводов. Вот это уничтожение в нашем государстве борьбы национальностей, борьбы, которая кипит во всем мире за пределами СССР и поведет скоро к гибели многих империалистических государств, считающих себя сильными, как, например, Британской империи, это содружество всех национальностей СССР, немыслимое ни в каком капиталистическом государстве, освободило громадные запасы энергии, растрачиваемой в эпоху царизма на взаимную борьбу, на дело мирного строительства и является основным фактором, который обусловил наши гигантские успехи в области хозяйственного строительства, в борьбе с экономическим неравенством–наследием по-Октябрьской эпохи. Экономическое неравенство постепенно отходит в область прошлого, но в области культурной также недопустимо неравенство. Если мы вводим у нас тракторы, если мы этими тракторами хотим заменить старые плуги, если даже в отсталом Дагестане, на заводе Дагогни, мы применяем усовершенствованные машины Фурко, точно также в области культурной мы не должны сохранять старых методов преподавания несовершенных алфавитов, несовершенной орфографии, никуда негодной терминологии и т. д., ибо, если бы сохранилось такое положение вещей, при котором один народ обладает алфавитом, который

можно изучить в два-три дня, а другой вынужден пользоваться алфавитом, на изучение которого необходимы месяцы, немыслимо культурное равенство. Если народ имеет совершенную терминологию, совершенную орфографию и т. д., а другой остается при старой, негодной терминологии, культурное равенство тоже недостижимо. Поэтому, в интересах культурного равенства, в интересах приобщения народных масс до самых глубоких низов их к живительному источнику знания, науки и искусства, нужно повсюду вводить совершенные методы, совершенные орудия производства и усвоения науки. Мы не желаем, чтобы наука оставалась достоянием привиллегированных. Мы желаем, чтобы к этому источнику науки приобщились миллионы и миллионы вчерашних рабов, и совершенно прав Заккрайком, когда он в своем приветствии говорит о том, что Тюркологический С'езд должен поставить своей задачей дать темным миллионам Востока, жаждущим света и культуры, легкую, усвояемую, упрощенную письменность и т. д., что достигнуть этого, значит совершить величайшую революцию, которая поднимет трудящиеся массы Востока на небывалую в истории высоту.

Да здравствует Тюркологический С'езд, который явится важнейшим этапом в истории культурного развития тюрко-монгольских народов.

Да здравствует Азербайджанская Советская Республика, в центральном городе которого созывается С'езд.

Да здравствует рабоче-крестьянская Советская Социалистическая Власть (продолжительные аплодисменты).

Председатель. Слово должно было быть предоставлено непременному секретарю Академии Наук, проф. Ольденбургу. К сожалению, он болен, и за ним сохраняется право выступить на одном из ближайших заседаний.

Затем следующее слово для приветствия от Закавказского Правительства предоставляется т. Гусейнову (аплодисменты)

Гусейнов. Товарищи, все тюркские народы, в числе прочих народов нашего Великого Советского Союза, по своей численности занимают одно из первых мест. Если посмотреть, то ясно будет, что они занимают громадную территорию, начиная с Алтайских

гор, великой Волги, пустынных песков Туркестана, седых вершин Кавказа и кончая прекрасным Крымом. Еще не так давно, каких-нибудь 10 лет тому назад, эти народу изнывали от тяжести, гнета царизма. Вы знаете, что жестокий царизм душил не только рабочих и крестьян России, но и все другие народы. Эта тяжесть особенно была тяжела по отношению к т. н. инородцам. Вы знаете, что царское правительство по отношению к инородцам вело определенную политику, политику обрусения. Эта политика заключалась в том, что царское правительство хотело не более, не менее, как уничтожить всех инородцев, превратить их в русских. Ничем иным, товарищи, нельзя об'яснить, что земли Узбекистана, Туркмении, Азербайджана и Казакистана постепенно занимались царским правительством; ничем нельзя об'яснить того, что царское правительство запрещало даже произношение слова «тюрок». Это слово было вне закона. Не подлежит, товарищи, никакому сомнению, что, если бы Октябрьская Революция опоздала еще на 10 лет, то мы были бы осуждены на полное вырождение. Только октябрьская революция, проведенная гениальными мастерскими руками нашего дорогого учителя ЛЕНИНА, спасла нас. Не только русский пролетариат и крестьянство освободились из-под столетнего гнета царизма, но и мы, тюркские народы, освободились. Там, где раньше была единая, неделимая Российская Империя, мы там сейчас видим десятки тюркских республик; там, где был гнет–мы теперь видим возможность свободно самоопределяться и развивать свою культуру. Вы знаете, что в той самой столице Азербайджана, в этом самом Баку, где Вы сейчас заседаете, царская политика велась с особой утонченностью. Здесь эта политика выражалась в том, что царское правительство один угнетенный народ натравливало на другой и стремилось к тому, чтобы эти народы уничтожали друг друга. Здесь, в этом самом Закавказье, Вы теперь имеете свободный Союз Закавказских народов, братскую федерацию 3-х республик: Азербайджана, Армении и Грузии. Раньше здесь наши поля орошались кровью наших братьев, как азербайджанцев, так и армян, и грузин. Что теперь стоит перед нами. Тюркские народы должны теперь пользоваться плодами великой Октябрьской революции и развивать свои производительные

силы, поднимать свое благосостояние. Тов. Павлович совершенно правильно охарактеризовал ту экономическую политику, которую вело царское правительство, и которая заключалась в том, чтобы превратить т. н. «окраины» в колонию, в базу сырья для фабрик царского правительства, для фабрик Москвы и Петербурга. Теперь мы имеем совершенно другое положение. Теперь свободные, самоопределившиеся советские республики имеют возможность поднять свое благосостояние, перейти не только на следующую ступень хозяйственного развития, но даже обогнать несколько ступеней, чтобы сразу иметь возможность сделать то, чего нельзя было сделать даже в столетия. Но, товарищи, не только на пути экономическом мы имеем возможность итти вперед, поддерживать свои силы,–и на пути культурном мы имеем возможность сделать большие шаги. Мы имеем возможность, буквально, семимильными шагами итти вперед, развивать нашу культурность; мы имеем возможность сделать так, чтобы наш крестьянин, наш рабочий видели совершенно ясно и очевидно, что, если бы он обладал другими орудиями производства, то он мог бы при такой же затрате труда получить гораздо большие результаты и жить гораздо лучше. Имейте в виду, товарищи, что наши народы, в особенности тюрки, особенно страдают в вопросе культуры и грамотности, я говорю грамотности, потому что мы страдаем, прежде всего, в этой области. Если даже взять самые передовые тюркские Республики, как Азербайджан, Туркменистан, даже в этих республиках грамотность выражается в каких-нибудь 10-15%. Между тем, мы могли бы значительно дальше пойти в этом отношении, и наши усилия показывают, что грамотность как раз и больше всего нам нужна. Вы знаете, что на этом пути мы встречаемся с одним очень большим тормазом. Речь идет о нашем алфавите, об арабском алфавите, который,–и это всеми сознается, по крайней мере, в том виде, как он существует,–является большим тормазом для нас. Вопрос этот стоит перед Вами. Вам нужно будет разрешить этот вопрос в том смысле, чтобы грамотность сделать доступной для широких слоев тюркских масс, для широких масс нашего населения. Я думаю, что Тюркологический с'езд, перед которым стоят важнейшие вопросы истории, литературы,

филологии тюрок,–основной проблемой, основной директивой своих работ должен поставить именно этот вопрос, т. е. вопрос значительного облегчения основной грамотности для наших масс. Этот вопрос является особенно важным для нас. Я думаю, что Тюркологический с'езд наш, где участвуют светила ученые-тюркологи и представители всех тюркских народов нашего Великого Союза, именно со всей беспристрастностью, со всей об'ективностью подойдет к этому вопросу и разрешит его так, как требуют этого интересы наших масс, интересы нашего народа. Надо иметь в виду, товарищи, что Азербайджан, одна из тюркских республик, применил у себя латинский алфавит, который имеет здесь, а этой республике, опыт. По свидетельству всех, этот опыт в Азербайджане удался блестящим образом. Тюркологический с'езд должен будет заняться и этим вопросом, выяснить его, изучить этот вопрос, выявить его со всех точек зрения и вынести свое авторитетное решение по этому вопросу. Я думаю, что Тюркологический с'езд, благодаря этому обстоятельству, т. е. благодаря тому, что здесь участвуют и представители всех тюркских народов и все ученые, известные мировые ученые-тюркологи, безусловно разрешит все, стоящие перед ним, вопросы.

Разрешите от имени Закавказского правительства передать Вам горячий привет, с пожеланием плодотворной работы в этой области, с тем, чтобы вы могли детально разрешить все больные вопросы тюркологии.

Да здравствует Октябрьская революция, которая освободила тюркские народы, как и все другие народы бывшей Российской империи.

Да здравствует освобождение тюркских народов.

Председатель. Следующее слово для приветствия предоставляется члену коллегии Наркомпроса РСФСР, тов. Наговицину.

Наговицин. Товарищи, разрешите Приветствовать Вас от имени Народного Комиссариата Просвещения РСФСР.

Товарищи, Октябрьская революция освободила от гнета многомиллионные массы трудящихся народов Востока, и среди этих

многомиллйонных масс тюркские народы составляют громадное большинство. Октябрьская революция пробудила в этих народах спавшие до сих пор колоссальные силы. Вы видите сейчас, как каждый народ, каждая отдельная национальность с величайшим трудом изживают то позорное наследство, которое оставил нам царизм. Большая неграмотность, огромное невежество и темнота, отсутствие культурных сил,–вот эти препятствия стоят на пути развития отсталых народов. С большим трудом, но с каждым годом эти препятствия преодолеваются. Сейчас в школах, высших и низших, обучаются тысячи и миллионы молодежи, обучаются на родном, понятном языке. То, что было раньше, когда господствующее правительство навязывало язык господствовавшей нации, это отошло в область предания. Каждый народ присоединяется к культуре на своем родном языке. Мы имеем школы на родном языке, издаются учебники на родном языке, издаются тысячи газет с миллионным тиражем на родном языке. В высших школах, куда раньше был совершенно закрыт доступ для представителей тюркских народов и других, так называемых, инородцев, в этих высших школах сейчас вы имеете десятки тысяч молодежи, которые явятся культурными силами, культурными работниками для своих народов. Вместе с тем, также из среды этих народов выдвигаются молодые научные силы. Вы, т. т., видите, как среди каждого народа пробивается ручеек мысли, ручеек борьбы за знание. Эти ручейки сливаются в реки, эти реки сливаются в огромный поток культурного движения, мощный поток культурного движения. Эти огромные массы трудящихся, раньше угнетенных, ранее темных, эти народы стремятся к величайшему океану счастливой жизни, которую мы строим для всего человечества.

Товарищи, к этому колоссальнейшему строительству, которое происходит у нас в Союзе народов, прислушиваются также угнетенные народы Востока. Эти народы до сих пор еще угнетены под пятой капитала, но эти народы с величайшей надеждой смотрят на свое будущее, потому что их братья, братья трудящиеся в Советском Союзе, строят свою новую жизнь, строят ее каждый самостоятельно, строят ее в братском союзе, и каждый из этих народов знает, что также и ему предстоит великое будущее.

Наши народы, освободивши себя в Октябре от гнета, являются вождем вот этих угнетенных масс народов Востока.

Товарищи, настоящий с'езд является одним из важнейших этапов в том величайшем строительстве, которое в данный момент происходит у всех народов Востока Советского Союза.

Товарищи, разрешите пожелать С'езду плодотворной работы.

Да здравствует союз науки и труда.

Да здравствует освобождение народов Востока.

Да здравствует рабоче-крестьянская власть.

(Аплодисменты)...

Председатель. Слово предоставляется для приветствия С'езда Азербайджанскому учительству.

Байрамалибекова. (по-тюркски). (Аплодисменты).

Председатель. Слово предоставляется т. Умару Алиеву.

Умар Алиев. Имеется следующее предложение, а именно-послать приветственную телеграмму следующим учреждениям: ЦИК'у СССР, Совету национальностей, Академии наук, Ассоциации Востоковедения, Закавказскому ЦИК'у, Азербайджанскому ЦИК'у, Наркомпросу РСФСР, Наркомпросу Азербайджана, О-ву Изучения Азербайджана, Комитету нового тюркского алфавита, т. Сталину и В. Томсену. Составление телеграмм поручается президиуму.

Председатель. Есть ли возражения?

Бартольд. Если я не ошибаюсь, здесь не был упомянут тот институт, который находится в Ленинграде, и при котором имеется Тюркологический Семинарий; может быть, будет найдено возможным, в виду того, что он является единственным Институтом Тюркологии, послать ему приветственную телеграмму.

Председатель. Нет возражения? Значит, принимается в целом. Желающих приветствовать довольно много. Есть предложение прекратить приветствия (голоса: правильно). Значит, возражений нет? Приветствия прекращены.

Джабиев. Поступило приветствие от Азербайджанского Государственного Университета, от Комитета по изучению языка и этнической культуры восточных народов; от Азербайджанского литературного О-ва; от Центрального Издательства Народов СССР; от Центральной Комиссии по изучению турецко-татарской культуры при Научной Ассоциации Востоковедения; от Московского 1-го Государственного Университета, от Российского Научного Исследовательского Института Общественных Наук.

Кроме того, т. т., в Президиум поступил ряд телеграмм, приблизительно до 40, прочтение коих займет очень много времени. Есть, предложение эти телеграммы сейчас не зачитывать, а опубликовать их в печати.

Затем имеется приветствие от Главнауки РСФСР, от Ленинградского Института Живых восточных языков, от центрального Исполнительного Комитета и Совнаркома Татарской ССР, Музея Восточных культур. Затем, товарищи, я зачту телеграмму тов. Чичерина.

«Баку–Тюркологическому с'езду. Горячо приветствую открытие тюркологического с'езда. Уверен, что работа с'езда будет иметь величайшее историческое значение для культурной жизни тюркских народов. Искренне сожалею, что не могу лично прибыть в Баку, дабы принять участие в работах с'езда. Чичерин», (аплодисменты).

Есть предложение послать ответную телеграмму товарищу Чичерину (аплодисменты)

Председатель Товарищи, в виду истечения регламента, есть предложение сегодня закрыть заседание. Завтра, в первую очередь, будет заслушан доклад т. Бартольда. Для экономии времени просьба ко всем делегатам быть ровно в 9 ч. 30 минут.

Заседание об'являю закрытым.

Заседание закрывается в 9 ч. 15 минут.

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ

27 февраля 1926 г.

Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей

Председатель. Заседание об'являю открытым. Слово предоставляется академику Бартольду. (Продолжительные аплодисменты).

Бартольд. Среди научных дисциплин, которые могут быть отнесены к области туркологии, в особом положении находится история турецких племен и народностей. По ходу своей исторической жизни турки, за немногими исключениями, не могли создать исторической литературы на своем языке. История кочевых турецких племен нам известна, конечно преимущественно по рассказам их культурных соседей; но даже там, где турки в завоеванных ими странах переходили к оседлости, и где возникали культурные государства под властью турецких династий, влияние культуры побежденных было настолько сильно, что языком литературы, в особенности прозаической, оставался их язык, а не турецкий. История турок, живших в восточной Азии особенно в Монголии, откуда они были вытеснены, вероятно в X веке, нам известна почти исключительно по китайским источникам. О турках, переселившихся в западную часть Средней Азии и подчинившиеся влияний мусульманской культуры, мы получаем сведения из арабских и больше всего из персидских источников. Сверх того, в Туркестане в средние века, вообще, не было или, по крайнее мере, не дошло до нас почти никаких произведений собственной исторической литературы; например, история Монгольских ханов Средней Азии, история Тимура и его потомков нам известны почти исключительно по сочиненйям, написанным в пределах Ирана. Более значительная историческая литература появилась в Туркестане только с XVI века при узбеках. Из трех ханств, основанных узбеками, в Бухарском–языком делопроизводства и исторической литературы был до конца, за немногими исключениями, персидский, в Хивинском–средне-азиатско-турецкий; в Кокандском ханстве писали иногда по-турецки, но чаще по-персидски. Из всех турецких государств только историю Османской империи можно изучить преимущественно по турецким историческим сочинениям, но и язык османских историков заключает в себе гораздо больше арабских и персидских слов, чем турецких, почти непонятен большинству турецкого народа и представляет мало привлекательного для турколога. Турколог, как и иранист (историю Ирана до монгольского периода также приходится изучать преимущественно по иноземным источникам–греческим и арабским), редко становится историком. Для изучения истории турецких народностей недостаточно быть туркологом; необходимо быть также, смотря по тому, какой эпохой интересуешься, синологом, арабистом или иранистом.

В мою задачу не входит воспроизведение общей картины истории турецких народностей; я постараюсь только, насколько это возможно сделать в кратком очерке, дать понятие о характере доступных в настоящее время источников, о приемах исследования, о стоящих на очереди вопросах.

Эпоху в истории туркологии составило, как известно, открытие в конце XIX века орхонских исторических надписей и ключа к их чтению. Я не буду говорить о значении надписей, как древнейших датированных памятников турецкого языка. Помимо своего лингвистического значения, надписи имеют не меньше значения и для историка, как рассказ турок VIII века о себе, во многом дополняющий сведения китайских источников. Необходимо, однако, помнить, что хотя со времени открытия датским лингвистом Томсеном ключа к чтению надписей прошло уже более 30 лет, дело разбора их еще далеко не закончено, и толкование многих мест остается спорным. Попытки без знания языка, на основании существующих переводов, пользоваться надписями, как историческим источником, могут привести и часто приводили к совершенно ошибочным историческим выводам.

Орхонские надписи принадлежат первому по времени народу, называвшему себя турками, выступившему в VI веке; в турецком происхождении этого народа не было сомнения и до открытия памятников его языка. Разумеется, этот язык существовал и до VI века, хотя, может быть, тогда не назывался турецким.

На основании сообщений китайских источников о родстве и сходстве турок с теми или иными кочевыми народностями, выступившими в истории Китая раньше, европейскими учеными делались попытки определить, какие из этих народностей могли быть по языку турками. В новейшее время профессору Пельо, повидимому, удалось найти в китайской литературе материал, дающий возможность поставить эти попытки на более твердую научную почву.

Китайцами были составлены словари для языка некоторых из этих народов; в лекции, прочитанной осенью 1925 года в Ленинграде, профессор Пельо упомянул о словаре языка сяньбийцев, народа, выступающего в I веке нашей эры и владевшего северным Китаем в IV и V веках; по словам Пельо, этот словарь ясно показывает, что сяньбийцы были турками; между тем, именно сяньбийцам европейские ученые никогда не приписывали турецкого происхождения, тогда как считали турками их предшественников, хуннов, приобревших впоследствии известность в истории Европы. В одной из своих статей профессор Пельо упоминает о словаре языка китаев, владевших северным Китаем с до XII в. в. и давших этой стране свое название; китаев чаще всего называли народом тунгусского происхождения, но словарь показывает, что их язык был монгольским. Монголами же, по мнению профессора Пельо, были непосредственные предшественники турок VI века, авары. Материал, которым располагает профессор Пельо, повидимому, настолько важен, что до обнародования и исследования этого материала необходимо воздерживаться от решения вопросов о племенном происхождении того или другого народа соответствующей эпохи.

На исторические выводы, повидимому, суждено оказать влияние и результатам новейших лингвистических исследований. Среди лингвистов давно уже возбуждал споры вопрос о положении чувашского языка, который, наравне с якутским, занимает особое место среди турецких языков и не понятен остальным турецким народам. Некоторые туркологи пытались об'яснить все отличия чувашского языка от других турецких смешением турок с финнами, тогда как другие видели в этих отличиях остатки более

ранней стадии развития самих турецких языков. Последние исследования Н. Н. Поппе безусловно говорят в пользу последнего взгляда. Сопоставляя турецкие наречия с монгольскими, Н. Н. Поппе приходит к заключению, что чувашский язык не принадлежит ни к тем, ни к другим и должен быть признан или третьим звеном в этой цепи, или, во всяком случае, остатком того периода, когда признаки турецких языков еще не успели образоваться.

Сопоставляя этот лингвистический факт с историческими, вероятно, придется признать чувашей остатком того первого по времени переселенческого движения из Средней Азии в Европу, главными представителями которого были хунны. С тем же явлением, вероятно, придется привести в связь как турецкие элементы в венгерском языке, так и существование еще в X веке особого языка по среднему и нижнему течению Волги, языка болгар и хазар, отличавшегося, по словам арабских географов, как от турецких, так и от финских языков. Древнейшими историческими предками чувашей в таком случае придется признать хуннов, выступающих в истории Китая в III веке до нашей эры.

К числу турецких народностей, упоминаемых сначала в китайских источниках, потом и в мусульманских, принадлежат киргизы, народ, живший сначала в верховьях Енисея и постепенно передвигавшийся на юго-запад, в сторону нынешней Джетысуйской области или Семиречья, где он преимущественно живет в настоящее время. Все, что мы знаем из китайских источников о языке киргизов, указывает на турецкий характер этого языка, но в то же время приводятся антропологические черты, указывающие на нетурецкое происхождение, напр., светлые волосы. Свидетельство китайцев в этом случае вполне подтверждается свидетельством мусульман, которыми, вследствие указанных антропологических признаков, предполагалось родство по происхождению между киргизами и славянами. Перед нами, во всякам случае, несомненный факт существования таких антропологических признаков и столь же несомненный факт почти полного исчезновения их в последующие века; тот и другой факт должны быть, так или иначе, об'яснены. В китайских источниках слово «киргиз», в различных транскрипциях, встречается гораздо раньше, чем слово «турок»;

древнейшую из этих транскрипций, Гянь-Гунь, проф. Пельо об'ясняет монгольской формой единственного числа кыркун, что указывало бы на то, что китайцы получили сведения о киргизах от монголов. Неправильное чтение другой транскрипции создало слово «хакас», как называют себя теперь живущие в той же местности, как и прежде, киргизы, енисейские турки.

О культурном состоянии древних турок, кроме письменных известий, имеется и некоторый археологический материал. Изучение этого материала до сих пор сравнительно мало подвинулось вперед; особенные трудности представляет, как почти во всех случаях, где археологический материал не освещается или недостаточно освещается письменными известиями, точная датировка отдельных категорий предметов. Даже выдающиеся ученые приходили в этом отношении к совершенно ошибочным выводам,– так, Радлов до открытия орхонских памятников полагал, что ни енисейские надписи, ни так называемые «каменные бабы» (надписи, как известно, встречаются и на «бабах») не могут принадлежать туркам, несмотря на вполне определенные известия как китайских, так и некоторых западных источников. Радловым отмечались и другие случаи противоречия, как ему казалось, между археологическим материалом и письменными известиями; так, китайцы говорят о существовании у турок обычая трупосожжения; в разрытых Радловым могилах, считавшихся турецкими, признака сожжения трупа не оказалось. Впоследствии, однако, такие могилы были найдены, и, вообще, свидетельство китайцев настолько ясно и определенно, что оспаривать его трудно. Произведенные в 1925 году проф. Владимирцовым раскопки на месте орхонских памятников, особенно важные потому, что здесь мы имеем дело с памятниками, точно датированными, еще не дали окончательных результатов, хотя и привели к некоторым важным открытиям, например, к открытию хорошо сохранившейся статуи турецкого воина VIII века. Шаткость существующих до сих пор приемов датировки археологических памятников вполне обнаружилась в последнее время–во время изучения археологических открытий монголо- тибетской экспедицией П. К. Козлова. Так как предметы были найдены вместе с китайскими монетами Ханьской династии,

то первые исследователи были склонны относить их к последним векам до и к первым векам после нашей эры; так как вместе с предметами китайского производства были найдены предметы, явно указывающие на греческое влияние, то получался интересный вывод о существовании более ранних и более обширных, чем полагали прежде, культурных связей между Западом и Дальним Востоком. Однако, впоследствии как знатоками культуры Китая, особенна проф. Пельо, так и знатоками античной культуры, особенно Б. В. Фармаковским, были приведены доказательства в пользу значительно более позднего происхождения находок экспедиции.

*

* *

Движению киргиз на юго-запад предшествовало движение того же народа на восток, в Монголию, где им около 840 г. было уничтожено последнее кочевое государство восточных турок, уйгурское. Это движение интересно, как один из немногих примеров завоевательного движения турецкого народа с запада на восток; почти все движения турок происходили в обратном направлении. В это же время это была единственная попытка киргизского народа играть роль в политической истории Средней Азии (я, конечно, имею в виду народ, сам называющий себя киргизами, а не народ, по ошибке получивший такое название от русских). Для самих киргизов эта попытка не имела больших результатов; уже в начале X века они были вытеснены из Монголии народом, как теперь указывают, монгольского происхождения, китаями, а этот факт, повидимому, имел большое значение в истории постепенного вытеснения турок из восточной части Средней Азии и передвижения их на запад, где они вошли в сферу влияния Ислама, составляющего теперь религию огромного большинства турецких народностей.

История этих турок известна нам, конечно, главным образом, по мусульманским источникам, и здесь, как при изучении истории более ранних, пограничных с Китаем турецких государств, многие вопросы могли быть поставлены в последнее время на новую почву, благодаря открытию новых источников, среди которых, вы-

даются персидское географическое сочинение конца X века, известное, под названием «Рукопись Туманского», персидский исторический труд Гардизи, составленный в XI веке, но по более ранним источникам, и, в особенности, труд о турецких наречиях, составленный во второй половине XI века на арабском языке Махмудом Кашгарским в Багдаде и заключающий в себе также большое число сведений географического и этнографического характера до турецких народностях, о местах их расселения, о принадлежащих в то время туркам городах и т. п.

И в этом случае приемы критики источников еще не вполне выяснены. Не всегда обращалось достаточно внимания на книжный характер мусульманской литературы, в том числе и географической. Если какое-нибудь географическое сведение находится, например, у автора X века, то из этого не следует, что это сведения соответствуют фактам данной эпохи; часто автор, повторяет рассказы своих предшественников, без ссылки на источники и без оговорки, что эти рассказы относятся к более раннему времени. Поэтому попытки привести связь слова автора X века с фактами его времени иногда должны были приводить к ошибочным выводам. Из китайских источников мы знаем, что вытесненные из Монголии уйгуры основали государство, в пограничной области нынешнего китайского Туркестана, где теперь города Турфан, Гучен и другие; в той же местности упоминаются уйгуры у мусульманских авторов XIII века; но в географической литературе IX–X в. в. вместо уйгуров везде названы то- гузгузы; в это название,–по-турецки токуз-огуз, девять огузов,–входит не слово «уйгур», а слово «огуз», название, принадлежавшее не уйгурам, а их предшественникам и врагам, туркам орхонских надписей. Были разные попытки объяснить это противоречие; между прочим, старались доказать, что огуз и уйгур–одно и то же, и существование двух названий для одного и того же народа об'ясняли фонетическими особенностями отдельных турецких наречий. Между тем, слово «тогузгуз» появилось в арабской литературе в такое время, когда уйгуров в китайском Туркестане еще не было; из китайских источников видно, что до уйгуров туда же была вытеснена часть токуз-огузов, потом ушедших оттуда дальше на восток и поселившихся в пограничных местностях Китая. Арабы, очевидно, ознакомились с Китайским Туркестаном, когда там жили токуз-огузы, и потом по книжным традициям сохранили за населением этой местности то же название, не зная или не принимая во внимание, что во второй половине IX века туда пришли уйгуры. Характерно, что в единственном из дошедших до нас арабских сочинений о Средней Азии, написанном не по книгам, а на основании личного знакомства автора со страной и ее населением, в сочинении Махмуда Кашгарского, говорится не о тогузгузах, а только об уйгурах.

Вообще, труд Махмуда Кашгарского дал много нового материала для изучения культурной истории и исторической географии Средней Азии; но многие вопросы и после Махмуда Кашгарского остаются неясными. Доступные нам в настоящее время источники еще не дают возможности обеяснить главный факт культурной истории турок в западной части Средней Азии–постепенное подчинение их влиянию ислама и персидско-мусульманской культуры. Теперь, когда, в особенности благодаря археологическим открытиям в Китайском Туркестане, до-мусульманская культурная история турок нам известна лучше, чем прежде, этот вопрос становится еще сложнее. Мы теперь знаем, что еще до начала среди турок религиозной пропаганды с запада турки находились под культурным влиянием восточных иранцев–согдийцев, что согдийцам, а не сирийским христианам, как полагали прежде, турки обязаны так называемым уйгурским алфавитом, может быть также орхонским, что на турецком языке была религиозная литература, буддийская, манихейская и христианская; от Махмуда Кашгарского мы, кроме того, узнали о существовании у турок, до начала персидского влияния, своей поэзии, не только народной, но и искусственной; были даже придворные поэты. Замечательно также, что турки приняли ислам добровольно, без всякого давления со стороны мусульманского оружия. Подчинение турок влиянию ислама–лишнее доказательство в пользу значения этой религии, как культурной силы. По числу своих последователей, ислам и теперь значительно уступает двум другим мировым религиям, буддизму и христианству; но мы не знаем ни одного мусульманского народа, который бы принял христианство или буддизм, и знаем ряд буд-

дийских и христианских народов, принявших ислам. Кроме того, ислам является единственной мировой религией в настоящем смысле слова, т. е. религией, распространение которой не связано с особенностями одной расы или одного культурного мира; только ислам мог прочно подчинить своему влиянию народы самого различного происхождения и культурного прошлого. Буддизм является исключительно религией восточно азиатского мира; христианство постепенно сделалось религией европейцев и по сравнению с европейцами и переселенцами из Европы остальные, исповедники христианства не имеют значения ни по численности, ни по культурным успехам. Ислам в основе является религией передне-азиаткого мира, но имеет теперь в восточной Азии, в Индии и на Зондских островах большее число последователей, чем в Передней Азии; китайский ислам также представляет прочную и самостоятельную силу, тогда как попытки создать в Китае национальную христианскую церковь не имели успеха; такую же прочную и могущественную силу представляет африканский ислам.

Завоевательное движение турок на Переднюю Азию, начавшееся еще в до-мусульманскую эпоху, продолжалось с большим успехом после принятия турками ислама. Помимо большого числа династий турецкого происхождения, основанных людьми, выдвинувшимися на службе у халифов или иранских владетелей, мы в до-монгольскую эпоху видим два государства, образование которых было последствием завоевательного движения принявших ислам турок: империю сельджукских султанов в Персии и Малой Азии и государство так называемых караханидов или илекханов, известных у мусульманских историков под названием «Дом Афрасиаба», в Туркестане. История первого государства нам сравнительно хорошо известна; мы знаем, что народом-завоевателем был тот же огузский народ, который некогда господствовал в Монголии и который при исламе стали называть туркменами. Неясным остается только вопрос о происхождении самого названия «туркмен»; у восточных авторов мы находим об этом только явно фантастические народные этимологии. С другой стороны, вопрос, из какого турецкого народа вышли караханиды, остается до сих пор

невыясненным; ничего не говорит об этом и Махмуд Кашгарский, сведения которого относятся именно к эпохе караханидов. Из его рассказов можно заключить, что ханы хотели быть только потомками мифического Афрасиаба, царя турок по персидским эпическим преданиям; влияние персидской культуры было так сильно, что под влиянием усвоения персидского предания ханы уже перестали сознавать связь между собой и жившими в их государстве турецкими народностями, не исключая и той народности, из которой вышла сама династия.

В истории мусульманского мира турки имели такое значение, что самому Мухаммеду был приписан ряд изречений о турках и ряд предсказаний об их столкновениях с мусульманами. В этих изречениях упоминаются расовые признаки турок: маленькие глаза, плоские носы и т. п., чем опровергаются попытки некоторых новейших ученых доказать, что турки первоначально, до смешения с монголами, были народом белой расы. Разумеется, тип. турок должен был изменяться по мере их движения на запад. Один из самых резких антропологических фактов, долихокефалический, т. е. длинноголовый тип туркмен, теперь склонны об'яснять смешением турок в степях Средней Азии с жившими там раньше иранскими кочевниками.

До более широкого распространения ислама турки считались третьим, после арабов и персов, этнографическим элементом мусульманского мира.

Несмотря на подчинение культурному влиянию Ирана, турки сохранили свой язык, обнаруживший большую жизненную силу; при столкновений с другими языками турецкий язык обыкновенно одерживает верх и до сих пор с успехом расширяет область своего господства в Туркестане, Иране и на Кавказе. Несколько турецких народностей создали литературу на своем языке, хотя и с большим количеством арабских и персидских слов. Первым по времени центром турецкой и мусульманской литературы был Кашгар; впоследствии, в XII в., больше значения получили в этом отношении Хорезм и соседние с ним местности по нижнему переднему течению Сыр-Дарьи. Возникшее здесь литературное движение продолжалось еще с большей силой при монголах; с ним тесно

связано образование так называемого «чагатайского» литературного языка, впервые вступившего в соперничество с персидским. Когда еще не было термина «чагатайский» по поводу стихов одного из уроженцев Хорезма, Средне-азиатский автор начала XIV в. говорит о языках арабском, персидском и турецком, как о трех литературных языках мусульманского мира, и сопоставляет арабским красноречием и персидским остроумием турецкую правдивость; Несмотря на подражательность турецкой литературы, язык ее, особенно Средней Азии, оставался до конца более простым и ясным, чем язык персидской поэзии и, в особенности, персидской прозы.

Приняв Ислам, турки сделались ревностными защитниками мусульманского правоверия. Как берберы на западе, турки на востоке нередко выступали в роли защитников предписаний религий и мстителей за их нарушение; этой идеей оправдывалось завоевательное движение турок-мусульман против мусульманских стран Махмуд Кашгарский приводит предание, будто Аллах сказал пророку: «У меня есть на востоке войско, которое называется турками; когда я разгневаюсь на какой-нибудь народ, я посылаю их на него». Как берберы, турки в своей искренней преданности исламу являлись иногда орудием религиозной реакций против успехов культуры, материальной и духовной. В связи с этим находилось и увлечение турок мусульманской мистикой, до последнего времени имевшей на кочевников гораздо больше влияния, чем догматическая сторона ислама, и находившейся в Средней Азии в строгом согласии с требованиями мусульманского правоверия. На эту сторону культурной истории турок обращено внимание в последнее время в Турции. В трудах проф. Кепрюлю-Заде Мехмед-Фуада мы видим удачную попытку доказать связь между турецкими мистиками Туркестана и турецкими мистическими орденами Малой Азии.

Турки-мусульмане, однако, составляли в до-монгольский период далеко не весь турецкий мир. Вторгаясь в области иранской культуры, они сами подвергались нашествию со стороны своих северных соседей; кыпчаков с Иртыша и киргизов с Енисея, причем те и другие тогда были почти совершенно не затронуты ислам

мом и его культурой. Даже на Сыр-Дарье еще в конце XII в. было не мусульманское турецкое владение. То и другое движение пока недостаточно известны, и рассказы источников, в особенности о движении киргизов, скудны и противоречивы. Крайне интересны известия рукописи Туманского, заставляющие полагать, что кочевья киргизов уже тогда близко подходили к Кашгару и Аксу, хотя при перечислении народностей нынейшней Семиреченской или Джетысуйской области ничего не говорится о киргизах ни у Махмуда Кашгарского, ни у Гардизи, ни даже в самой рукописи Туманского.

Окончательная победа ислама над западной частью средне-азиатских степей и над всем Туркестаном относится уже к периоду монгольского владычества. Монгольские завоевания и образование монгольской империи вызвали обширную литературу, среди которой особенно выделяется написанный в западной Персии в начале XIV в. труд Рашид-ад-дина. Введение к этому труду, заключающее в себе свод сведений о турецких и монгольских племенах, представляет богатую сокровищницу материала о религиозных верованиях, нравах и обычаях средне-азиатских кочевников. Только из слов Ращид-ад-дина мы узнаем, что зверолову жизнь кочевника казалась таким же невыносимым рабством, как кочевнику–жизнь оседлого поселенца; что шаманизм первоначально был религией звероловов, а не кочевников, и что в эпоху монгольской империи самыми могущественными и искусными шаманами считались шаманы, жившие в странах, где сохранялся охотнический быт.

Рашид-ад-дин написал свой труд для монгольских ханов, до созданной им картиной кочевогб быта, как и оживлением кочевых традиций под влиянием монгольских военных успехов, воспользовались не сами монголы, а турки, с которыми постепенно слились немногочисленные монгольские элементы, переселившиеся в западную часть Средней Азии. До утраты своей национальности монголы, успели значительно изменить строй местной жизни. Древне-турецкий культ востока уступил место монгольскому культу юга, и двери юрт едва-ли не во всей Средней Азии теперь обращены на юг, а не на восток, как было прежде. В государствах, где языком народа был турецкий, продолжали жить традиции мон-

гольской империи, и право на престол признавалось только за потомками Чиниз-хана. Изменились и названия народов; кыпчаки, по имени которых в домонгольский период назывались степи западной части Средней Азии и южной России, теперь утратили свое название, как народ. Слово «татар», бывшее прежде народным названием монголов, теперь стало обозначать население Поволжья и Крыма, говорившее по-турецки, а слово «турецко-татарский» некоторое время употреблялось в русской науке в том же смысле, как теперь слово «турецкий» и «тюркский». Некоторые вновь возникшие народности стали называть себя по имени отдельных ханов из династии Чингиз-хана; сюда относятся существующие до сих пор узбеки и ногайцы и существовавшие в средние века чагатаи, название которых сохранилось только в названии средне-азиатского турецкого литературного языка. Из среды узбеков выделились казаки, ушедшие в XV в. изпод власти узбецкого хана Абулькайра и составляющие теперь особый от узбеков, вполне однородный по языку и обычаям народ. Слово «кыпчак» теперь существует только как название отдельных родов среди узбеков и казаков.

Оживление кочевых традиций не могло остановить успехов ислама и мусульманской культуры. Под влиянием развития в монгольской империи караванной торговли, ислам широко распространился среди турок и отуреченных монголов, даже среди тех немногих монголов, которым удалось сохранить свой язык. Возникли большие мусульманские города в Крыму, где до XIII в., насколько известно, мусульман не было совсем, и на Волге; значительно распространился ислам на Кавказе; бывш. кыпчацкая степь делалась мусульманской страной; образовалось мусульманское турецкое княжество в Тобольском крае, остающемся и до сих пор передовым постом ислама на северо-востоке. На Волге и Иртыше ислам утвердился так прочно, что впоследствии мог распространяться в средне-азиатских степях не только с юга, но и с севера, что было совершенно невозможно в домонгольский период. Влиянию ислама вполне подчинилась и пограничная с собственным Китаем часть Китайского Туркестана, где в домонгольскую эпоху, в области уйгуров, казалось, прочно господство-

вали буддизм и христианство.

И в этом случае, как при изучении до-монгольской эпохи, задачи науки признаются теперь более сложными, чем прежде. Доказано, что, несмотря на произведенные монголами опустошения, первое время сушествования монгольской империи было временем экономического и культурного расцвета для всех областей, которые могли воспользоваться последствиями широко развившейся при монголах караванной торговли и более тесного, чем когда-либо прежде и после, культурного общения между западной и восточной Азией. И здесь наука не располагает всем материалом, который был бы для нее необходимым. Ничего не осталось от Бухары XIII в., о блеске которой говорят как мусульманские, так и европейские путешественники; систематическое исследование развалин городов Поволжья и Крыма началось в такое время, когда эти развалины уже были в значительной степени расхищены. Продолжение археологических работ в этих местностях теперь вновь поставлено на очередь и, вероятно, принесет некоторую пользу, хотя больше для истории мусульманской культуры в целом; вопреки некоторым высказанным за последнее время мнениям, участие турок и, в особенности, татар в общей культурной жизни едва ли могло быть очень значительным.

В первой половине XIV в. этой культуре был нанесен удар политическими смутами, последствием которых было почти полное исчезновение городов вдоль северной окраины мусульманского культурного мира в Средней Азии. Существовавшая в XIII в. культурная жизнь не могла быть восстановлена до XIX хотя Средняя Азия еще могла создать такое явление, как государство Тимура и его потомков, с великолепными архитектурными памятниками этой эпохи, тоже еще недостаточно известными. Вообще, несмотря на историческое значение царствования Тимура, на обилие письменных источников и вещественных памятников, до сих пор ни на турецком языке, ни на европейских нет исчерпывающей монографии о Тимуре.

Еще меньше интересовались до последнего времени новейшей историей турецких народностей, за исключением Османской империи. Казалось, что история Средней Азии в этот период, когда

культурное первенство перешло к Европе, и когда Туркестан, как самая отдаленная от Европы часть мусульманского мира, даже среди мусульманских стран был самой отсталой, не заслуживает внимания. В действительности, культурная жизнь Средней Азии даже в эту эпоху была гораздо сложнее, чем предполагали, и могла бы представлять интерес для каждого историка. В узбецких ханствах возникла обширная историческая литература, которой в Средней Азии до тех пор почти не было, и были произведены обширные оросительные работы, также превосходящие все то, что в этом отношении было сделано прежде, особенно в Фергане. Жизнь узбецких ханств представляет сложную картину борьбы традиций кочевой жизни и родового быта, с одной стороны, и традиций мусульманской культуры,–с другой. Ход этого процесса до сих пор еще почти совершенно не выяснен, хотя в источниках есть значительный материал; не отмечено и постепенное распадение родов, о котором свидетельствует факт, что узбецких родов прежде считалось 32, потом 92, причем мы имеем возможность довольно точно установить время этой перемены: в 1756 году, в рассказе о вступлении на престол первого бухарского хана из мангыгов, Мухаммед-Рахима, еще говорится о 32 родах; в 1781 г. правитель Бухары уже говорил русскому агенту Бекчурину о 92 родах. Помимо образовавшихся в монгольский период народностей узбеков и казаков, продолжали существовать прежние народности, в особенности туркмены и киргизы, причем последние впервые сделались мусульманским народом; несмотря на слабое знакомство с обрядами и догматами мусульманской веры, киргизы были передовыми борцами ислама в войнах с новыми монгольскими пришельцами, калмыками, основавшими в Средней Азии последнюю сильную кочевую державу и как ревностные буддисты, не подчинившиеся, подобно монголам-шаманистам Чингис-Хана, влиянию ислама. Традициями этой борьбы об'ясняется появление у киргиз эпической поэзии, которой нет в такой степени ни у одного из турецких народов, кроме ногайцев. Борьба с калмыками настолько вытеснила у киргиз память о их прежней исторической жизни, что они не помнят ни одного из своих передвижений, кроме совершившегося в XVIII в., после падения калмыцкой дер-

жавы, обратного переселения из Ферганы в Семиречье или Джетысуйскую область. Много своеобразных черт представляет также жизнь и поэзия туркмен, как оставшихся в Туркестане, так и переселившихся в Иран и в Малую Азию. О туркменской поэзии до 2-й половины XIX века ничего не знали; есть полное основание полагать, что дальнейшими исследованиями будет добыт еще новый материал о туркменских народных сказаниях и туркменской искусственной, но распространенной среди народных масс поэзии. Из всех турецких народностей только у туркмен есть свой национальный поэт, каким является для всех туркмен, несмотря на отсутствие политического единства в прошлом и частые войны между отдельными туркменскими племенами, Махтум-Кули.

На этом я позволю себе закончить свой обзор, которым я постарался показать, как много научных вопросов стоит на очереди перед исследователем истории турецких народностей, как неразрывной части мировой истории. Надо надеяться, что в выполнении этой работы примут участие и представители этих народностей, перед которыми теперь, на всем пространстве от Малой Азии до Тобольска и Турфана, стоит сложная задача усвоения западной культуры, без утраты своего национального достояния. (Аплодисменты).

Новейшие открытия в области татарской культуры

Бороздин. Исторические судьбы тюркских народов СССР изучены далеко недостаточно и неполно. Особенно мало использованы памятники материальной культуры, могущие восстановить пробелы, не заполненные данными письменных источников. Насущной необходимостью является изучение древностей хазар, волжских болгар, быстро сменявшихся обитателей южно-русских степей, тюркских племен Средней Азии, насельников Азербайджана и т. д.

Пока в этой области сделано чрезвычайно мало. Любопытнейшая хазарская культура, широко размахнувшаяся на нашем юге с большими продвижениями на Кавказ и Крым, восстанавливается лишь по скудным, нередко противоречивым письменным источникам. Правда, количество их до самого последнего времени увеличивается; достаточно указать на вновь открытое «еврейское письмо», опубликованное у нас академиком Коковцевым. Но зато вещественные памятники Хазарии почти совершенно отсутствуют. Как ни старается Бабенко пропагандировать Верхне-Салтовский инвентарь, как хазарский, в научной литературе все более и более укрепляется мнение, что здесь мы имеем дело с аланскими вещами. В своей блестящей работе «La Suede et d'Orient» шведский археолог Арне лишний раз отметил ту роль, какую играли хазары, как посредники в торговых отношениях обитателей Скандинавского полуострова с арабами. Удалые норманские викинги и скандинавские купцы ходили за товарами и везли свои на далекий манящий их Восток. В рунических письменах часто говорится о походах в Searkland. Арне очень остроумно толкует это, как страна Саркела, т. е. Хазария, место встречи северных и восточных купцов. Одновременно подчеркивается значение волжского торгового тракта, игравшего, пожалуй, не меньшую роль, нежели знаменитый путь «из варяг в греки». Но если историческая роль хазар все более и более отмечается, то прошлое их, отличительные особенности социально-политического и культурного уклада являются далеко не освещенными. И здесь, конечно, огромным

пробелом приходится считать почти полное отсутствие строго фиксированных подлинных хазарских вещей. Надо надеяться, что Калмыцкая автономная область и Дагестан, уже определенно проявивший интерес к изучению своего прошлого, дадут возможность экспедиционным путем обследовать те места, где были хазарские города и становища.

Значительная и богатая культура болгар на Волге подверглась более интенсивному историко-археологическому обследованию, но и здесь целый ряд вопросов далек от окончательного разрешения. Сами раскопки болгарского городища (близ Казани) были далеко не на высоте; лишь в самое недавнее время экспедиция Казанского Общества археологии и истории, а также экспедиция профессора Башкирова (1919 г.) были организованы более методично. В области болгарских древностей лучше представлен период татарского владычества, лишь в Билярске и на Змиевом городище обнаружены до-татарские болгаро-тюркские предметы (главным образом, характерна керамика). Необходимо расширить и углубить исследования в области болгарских древностей. Здесь дело за Татреспубликой, уделяющей видное внимание научным работам, и Чувашской республикой. Этим летом предположено Акцентром Татреспублики совместно с Всесоюзной Научной Ассоциацией Востоковедения произвести археологическое обследование болгар на Волге.

Я мог бы привести ряд других, не менее красноречивых примеров, указывающих на необходимость пристального изучения памятников материальной культуры тюркских народов нашего огромного Союза, но должен ограничиться основной темой моего доклада, посвященного новейшим открытиям в области татарской культуры.

Мощная монгольская волна, хлынувшая из дебрей Азии в Европу 700 с лишним лет тому назад, создала большую восточную культуру в пределах теперешнего Союза ССР–культуру татар. Мы теперь хорошо знаем, какое громадное значение в мировой истории сыграло образование Монгольской империи, распространившей свое влияние на Ближний, Средний и Дальний Восток. Походы Чингиз-Хана грандиозно размахнулись от глубины Китая

через Среднюю Азию, русскую равнину до западно-европейских пределов. Создалась интересная, своеобычная культура, впитавшая ряд богатых культурных традиций. Вряд ли надо говорить, что монгольское завоевание не было только одним голым разрушением, когда, якобы, «все и вся» было разрушено огнем и мечом. Эту точку зрения давно уже пора сдать в архив, хотя на Западе она до сих пор находит своих защитников, приводящих, правда, достаточно неубедительные доказательства. В отчете о последней заграничной поездке академик Бартольд указывает, что ему в своих лекциях, читанных в Лондоне, пришлось возражать против подобных взглядов, приводимых, между прочим, историком Лейскером в его обобщающей статье о кочевниках и кочевой жизни, помещенной в «Кембриджской Средневековой Истории». В противовес Пейскеру и его единомышленникам академик Бартольд справедливо указывает, что на всем пространстве от Китая до России мы в после-монгольскую эпоху видим больше политической устойчивости, чем до монгольского завоевания.

На ряду с разрушением шла большая созидательная творческая работа, которую хорошо учитывали средневековые западно-европейские наблюдатели, совершавшие далекие и трудные путешествия в ставку великого хана. Все вышесказанное относится всецело и к тем татарским ордам, которые осели в пределах СССР. Как раз недавно исполнилось 700-летие пребывания татар в пределах нашего Союза. И вот, подводя итоги тому, что сделано в области изучения татарской культуры, приходится сказать, что сделано еще очень немного, и требуется большая дальнейшая исследовательская работа. Правда, собраны письменные источники, роде известного сборника Тизенгаузена, имеются летописные сводки, даны обобщающие очерки почти во всех курсах русской истории, но, к сожалению, изображение татар и созданной ими культуры в большинстве случаев односторонне и трафаретно. Дикость и некультурность татар- завоевателей проводится красной чертой; лишь изредка встречаются немногие случайные оговорки. Между тем пристальное и углубленное изучение памятников татарской старины свидетельствует совершенно о другом. Раскопки в после-Октябрьский период, произведенные профессором Балл

одом в Поволжьи, на месте бывших столиц Золотой Орды–старого и нового Сарая–дают возможность хотя бы и частично восстанавливать благоустроенные по тому времени и процветавшие восточные города. О какой-либо примитивности и дикости, во всяком случае, говорить не приходится. Татарская культура, оказавшая большое влияние на культуру русскую, в свою очередь впитала целый ряд иноземных культурных влияний. Мы видим, что она принесла с собой из глубокой Азии несомненные следы дальневосточных (китайских) влияний.

Передвижение через Среднюю Азию дало целый ряд туркестанских элементов. Любопытно указать, например, на организацию водоснабжения по-персидскому (а также и среднеазиатскому) образцу, когда применялась, напр., система так называемых «кягризов». Наконец, прибыв в Россию, татары впитали и некоторые другие влияния: болгарское, византийское, мамелюкского Египта и сельджукской Малой Азии.

Различные предметы материальной культуры, архитектурные памятники, монеты, посуда и др. наглядно и показательно свидетельствуют об этом. Все это перерабатывалось и оформлялось на местной почве, создавая свое культурное целое. Теперь уже можно определенно говорить о культуре и об искусстве Золотой Орды.

Но здесь чрезвычайно любопытным является вопрос о различных местных проявлениях большой и широко развернувшейся татарской культурной экспансии золотоордынских времен. При такой постановке весьма существенным является изучение начал крымско-татарской старины. Уже прошлогодние раскопки в Эски-Юрте (близ Бахчисарая), под руководством Усейна Боданинского и Башкирова, дали прекрасный показательный материал, преимущественно различные виды надгробий с интересными надписями и орнаментами.

Ставя во всю широту вопрос об изучении татарской культуры в Крыму, Крымцик и Крымсовнарком совместно с научной ассоциацией востоковедения при ЦИК СССР организовали летом 1925 года научную экспедицию для обследования памятников Старого Крыма (Солхати), под моим руководством. Солхат в XIII (второй половине) и XIV веках был крупным экономическим и культур-

ным центром. Сюда стекались многочисленные караваны, неся продукты различных стран Востока, здесь слышалась многоязычная речь, здесь совершались крупные торговые сделки, и велась тогдашняя биржевая игра. И Малая Азия, и Египет, и Туркестан, и даже далекая Индия находились в торговых сношениях с цветущим татарским городом, стены которого, по старинному свидетельству, всадник на хорошем коне мог об'ехать лишь в полдня. На ряду с экономическим благосостоянием Солхат являлся крупным культурным центром, средоточием тогдашней образованности и искусства. Множество мечетей, медрессе, дюрбе, дворцов, возведенных искусными, иногда специально выписываемыми мастерами, раскиданы были по городу.

Нашей экспедиции удалось обнаружить и собрать огромное количество памятников чрезвычайного интереса. Обнаружены великолепные надгробия (свыше 70) с показательными хронологическими датами и любопытнейшими орнаментами. Одно из примечательнейших надгробий восходит к 1309 году, т. е. ко времени, предшествующему постройке мечети Узбека, считавшейся до сего времени древнейшим датированным татарским памятником в Крыму. Орнаменты других надгробий говорят о влияниях мусульманского Египта и турок-сельджуков. Ценны и значительны монеты, обнаруженные в большом количестве. Большинство из них падает на первую половину XIV века, но встречаются монеты датированные последними десятилетиями XIII века. На ряду с привозными найдены и монеты, чеканенные в самом старом Крыму.

Экспедиции прошлось проделать немалую работу по учету и собиранию памятников, их расчистке, зарисовкам, фотографированию, снятию эстампажей с надписей и орнаментов, детальным архитектурным обмерам. Были подвергнуты обследованию территориальные пределы Солхата, не совпадавшие с после-наслоившимся современным небольшим городком; удалось выяснить линию валов, остатки крепостных стен и башен. В результате был составлен генеральный план старого городища, с обозначением всех обнаруженных до сих пор памятников древности. Этот план должен лечь в основу дальнейших исследовательских работ.

Для определения типических особенностей Солхата, как центра торгового и центра культурного, были произведены две углубленные археологические разведки, частично перешедшие в раскопку. Одна археологическая разведка была предпринята на территории караван-сарая, являвшегося пристанищем многочисленных торговых караванов, тянувшихся в Солхат. Здесь, прежде всего, удалось выяснить, что это действительно караван-сарай, а не хан-сарай (дворец) или монетный двор, как многие предполагали. Зондажные траншеи выявили остатки большой вымостки с постаментами для столбов, на которых держалось покрытие. Обнаружены большие ямы и любопытнейшие остатки труб древнего водопровода. При раскопках найдено огромное количество фрагментов разнообразной расписной поливной посуды, монеты и другие предметы. Весьма характерны остатки гончарной мастерской, примыкавшей к караван-сараю и указывавшей, точно так же, как и найденная в Феодосии мастерская, на развитие местного керамического производства. Громадная территория, занимаемая караван-сараем (общая площадь 2500 (кв. метров), требует большого и детального обследования. Здесь можно обнаружить еще много чрезвычайно любопытного и ценного.

Вторая, предпринятая нами, разведка была направлена на исследование руины большого медресе, примыкающего к мечети Узбека.

Углубленная археологическая разведка на территории медресе, перешедшая в отдельных случаях в раскопки, дала очень многое. В основных чертах достаточно отчетливо выявился общий план прекрасного, мастерски выполненного сооружения. Выкопанные остатки главного портала с исключительным по красоте и великолепию пилоном дают ценнейший материал для установления культурных влияний мамелюкского Египта и Сельджукии. В западной части найдено дюрбе, пышный мавзолей, воздвигнутый над ханским погребением. Дюрбе подвергнуто тщательной раскопке и вскрыто целиком. Найдены два превосходных мраморных надгробия, датируемые 773 и 833 г.г. Хиджары, причем одно из них орнаментировано золотом. Первое из надгробий было покрыто целым рядом расписных 43 разцов (зеленое с золотом),

составлявших вместе с деревянной обшивкой (совершенно сгнившей) любопытный образец надгробного сооружения. Во вскрытом склепе найдено шесть погребений в деревянных гробах, фрагменты которых (дубовые, ясеневые и ореховые доски) сохранились вместе с остатками парчи, шелковой ткани, кожи, бронзовых и железных гвоздей и скреп. Костяки совершенно истлели, превратившись в прах. У входа в склеп найдены два погребения; одно из них детское.

Основная траншея, проведенная в направлении восток-запад, на расстоянии 34 метров дала возможность выявить все отличительные особенности медресе. Теперь является совершенно необходимым произвести генеральную раскопку всей территории медресе и обнаружить, таким образом, остатки одного из интереснейших памятников крымско-татарской старины, до сих пор не находящего себе равных. Руины медресе свидетельствуют о великолепии этой древней Солхатской академии и прекрасно подтверждают данные о процветании здесь наук и искусств.

Солхатские раскопки уже в своей первой стадии вводят новый и свежий материал в познание золото-ордынской культуры эпохи ее расцвета. XIII и XIV в. в. в истории тюркских народов привлекают в настоящее время усиленное научное внимание. Здесь одинаково интересны проблемы социально-экономического порядка, особливых государственных форм, широко развернувшихся международных отношений (отметим недавние блестящие публикации Пеллио о сношениях римских пап с монголами), развитие исскусства и технических усовершенствований. Материальные документации здесь играют немалую роль.

Старо-крымские исследования необходимо продолжать и углубить, как необходимо развернуть аналогичные работы и в других исторических местах, населенных нашими тюркскими народами. Если царизм, с его русификаторскими тенденциями, не давал возможности познавать свое национальное прошлое, то теперь, под сенью серпа и молота, можно свободно вести научно-исследовательскую работу среди освобожденных и призванных к новой жизни народов Востока. Само собой разумеется, что работы эти должны производиться по определенным планам и задачам. И,

если говорить о «госпланировании» археологических раскопок, то я высказался бы за систематическое обследование торговых путей. И в первую очередь должны быть изучены торговые караванные пути из Средней Азии (Хорезм) в Поволжье и Крым. На ряду с археологическими экспедициями насущно нужны и экспедиции археографические.

Позвольте мне в заключение доклада, от лица Научной Ассоциации Востоковедения СССР и Крымреспублики, поднести 1-му Всесоюзному Тюркологическому с'езду альбом фотографий, знакомящих с результатами наших экспедиционных работ по изучению татарской культуры, и выразить надежду, что к следующим с'ездам количество подобного рода материалов будет непрестанно увеличиваться, открывая новые и новые страницы богатого культурного прошлого тюркских народов Советского Союза.

Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов

Губайдулин. Этот вопрос в общем масштабе был блестяще выяснен предшествующим докладчиком, академиком Бартольдом, и на мою долю остается лишь изложить ход развития истории тюрко-татарских племен, выполненный трудами самих тюрко-татарских ученых. Так как предоставленное мне время довольно ограничено, я смогу только набросать некоторую схему.

Прежде, чем приступить к докладу, я считаю необходимым предупредить, что я буду касаться лишь тех произведений по истории тюрко-татар, которые написаны тюрками Советского Союза, и тех, которые написаны под некоторым влиянием западно-европейской исторической науки. Последнюю оговорку я считаю нужным сделать потому, что даже в XIX столетии среди тюркских племен России существовали историки, которые писали свои исторические произведения или мемуары, подражая старым восточным традициям, не пользуясь западными историческими пособиями и источниками. К таким, например, может относиться «История Шекинского ханства» Латиф Эфенди, «История болгар и Казани»–Хусаина Амирхани и многие узбекские произведения. Однако, о тех историках, которые написали свои труды под большим влиянием старых арабско- персидских традиций, но и пользовали для своей работы русские и европейские источники и исторические труды, я, конечно, говорить буду (Таковы Бакиханов, Марджани, Мурад Мекки).

Появление у российских тюрков исторических произведений (под влиянием европейской или русской историографии) связано с их возрождением; под влиянием европейской цивилизации, в первую очередь, это возрождение началось у тех тюрских племен, у которых раньше всех начал развиваться капитализм, и господствующим классом сделалась национальная буржуазия. Таким на-

родом среди российских тюрков являются приволжские татары, которым способствовали их нахождение на старинном торговом волжском пути и очень раннее соприкосновение с европейской культурой через русских. Вот почему еще в начале XIX столетия там появился первый историк-татарин Ибрагим Хальфин, напечатавший в 1822 году сборник исторических анонимных рассказов: «Жизнь Джингиз-Хана и Аксак-Тимура», к которому он приложил весьма интересное предисловие, призывающее татарское население к собиранию погибающих исторических рукописей и народной словесности исторического характера. Этим же деятелем, при руководстве известного ориенталиста, проф. Френа, было напечатано, руководствуясь научными методами, «Родословное древо тюрков»–Абульгазы Багадур хана, в 1824 году. Однако, в татарском мире мы находим некоторый застой в области развития исторической мысли, приблизительно до 60-х годов. Но за то в сороковые годы среди российских тюрков жил и писал другой знаменитый человек–азербайджанский историк Бакиханов, написавший на персидском и русском языках монографию по истории Закавказья, под заглавием «Гюлистан Ирям». До сих пор в азербайджанской исторической литературе ничего не написано по поводу этого, поистине интересного, произведения и его автора, хотя некоторые из русских и тюркских историков Азербайджана и любили пользоваться этим трудом при составлении своих очерков. Бакиханов владел не только восточными, но и русским языком. Ему были известны такие русские историки, как Карамзин, и некоторые античные авторы, которые, так или иначе, касались в своих трудах прошлого этой страны. Автор «Гюлистан Ирям», по сравнению с другими тюркскими историками, как например, с татарским Марджани, является вполне европейцем, и образ мысли у него также напоминает нам европейских и русских историков.

Эпоха Николая первого не была благоприятна для развития тюрко-татарской литературы, вообще, и исторической, в частности. Список книг, изданных на различных восточных языках, и в том числе на тюрко-татарских, в Казани, составленный ориенталистом Дорном, ясно указывает на такое явление: в то время, как в огромном количестве выпускались коран, шаблонные религиоз-

ные книги, различные молитвенники и талисманы, мы видим в списке весьма ограниченное количество более или менее научных и оригинальных книг. Но когда, после смерти этого императора, реакция ослабла, и читающая Россия стала чувствовать себя немного легче, то это оживление отразилось и на российских тюрках Поволожья. Кроме того, наступательная политика российского правительства на Среднюю Азию также действовала и на татарский господствующий класс, а именно на буржуазию, которая имела торговые дела с этой Средней Азией и была посредницей русской торговли. Вот почему, когда русский капитал начал действовать без посредства татар, то в 60-х годах XIX столетия началось среди приволжских татар пробуждение и религиозно-реформационное движение. История Западной Европы нам указывает, что у всех народов в такие моменты возрождения появляется интерес к родной старине. Такое же явление мы замечаем и у приволжских татар, у которых скоро появился замечательный человек–Марджани (1818-89). Марджани известен в мусульманском мире, как реформатор и богослов, но он не мало трудился в области теории истории, истории ислама, Средней Азии и, в особенности, в области истории восточно-европейских тюрко-татар. Его перу при оготомная историче ота «Вфаятуль аслаф» ( ), «Пролегомена» ( ) которая была издана отдельно, а остальные тома д ор не могли увидеть света. Эта«Пролегомена», подобно « » Ибн Хальдуна, посвящена вопросам классификации н снению места истории среди других «наук традиций» ( ).

Марджани, подобно Ибн Хальдуну, в этом труде останавливается на выяснении факторов истории, придавая огромное значение географическому фактору, однако, мельком касается и роли экономики в жизни человеческих обществ. «Пролегомена», без сомнения, написана под большим влиянием Ибн Хальдуна. Как я старался показать в одной из своих статей, некоторые места целиком списаны с него; однако, Марджани, как восточный ученый XIX столетия, во многом пошел вперед. Например, он весьма критически относится к средневе , к алхимии, на и-нственном значении букв ( ),талисманам ( ),

ильмуссихр и др., выдвигая на их место ряд новых естественных наук. Марджани был первым тюрко-татарским историком России, выступившим на европейскую арену.

На IV Археологическом С'езде 1874 года, в г. Казани, он выступил с докладом на тюрко-татарском языке по истории булгар и татар, в котором он старался выяснить до того неизвестные имена булгарских ханов. Этот доклад Марджани, который вошел впоследствии в «Труды С'езда», является первым опытом систематического изложения истории приволжских тюрков.

Одним из ранних исторических сочине . я, посвященное истории Средней Азии, ( ). Однако, самым важ ым трудом является двухтомная ( ). Первый том этого, по-истине замечательного труда посвящается истории хазар, булгар, тюркских кочевников Восточной Европы, Золотой. Орды, средне-азиатских тюркских ханств, Казанского, Касимовского, Астраханского и Крымского ханств. Второй же том является опытом истории приволжского татарского и бакширского духовенства и мечети, и этот последний том до сих пор является единственным источником по истории татарской культуры после завоевания края Москвой; он написан на основании источников, собранных самим автором (предания, частные письма, летописные рассказы, написанные различными лицами, и т. д.).

Второй же том написан на основании данных арабских, персидских и чагатайских источников, большинство из которых автор прочитал в бытность его в Бухаре и Самарканде. Однако, ему не были чужды и русские летописи и другие русские памятники. Этими источниками, не владея языком, он мог пользоваться по переводам русских ориенталистов и особого переводчика из татар. Но Марджани не были чужды и труды некорых русских ориенталистов. Например, я в одной статье старался доказать, что ему было известно «Исследование о Касимовских царях и царевичах»–проф. Вельяминова-Зернова, откуда Марджани взял большую часть сведений о Касимовском ханстве. Это двухтомное произведение Марджани важно еще и в том отношении, что оно написано на тюрко-татарском языке. Я не буду входить в детали

произведений Марджани и в научную оценку их; такой разбор уже дан в тюркской литературе, особенно в изданном, при моем, Хасана Ата Ал مرجانى и Зеки Валиди ближайшем участии, юбилейном сборнике « » وفيات الاسلاف

Хотя самое важное и большое сочинение Марджани « » и не было издано, однако, русский ученый мир достаточно оценил этого историка; хотя русские ученые и не дали полного его разбора, но все же считали его серьезным ученым, дающим много нового. По этому вопросу имеется весьма ценная статья З. Валиди: «Марджани в русской литературе», а потому, отсылая интересующихся к этой статье, я хочу покончить с Марджани и перейти к другим вопросам. Однако, следует отметить, что эпоха Марджани в области татарской исторической мысли была одной из замечательнейших.

С одной стороны, в то время между татарскими учеными и русскими ориенталистами устанавилась тесная связь, которая впоследствии, после смерти Марджани, надолго была прервана. А с другой стороны, в это самое время мы видим небывалый под'ем интереса со стороны татарских ученых к исторической науке, вообще, к истории тюркских племен, в частности. Начиная от шестидесятых годов до смерти Марджани, существовал ряд татарских ученых и любителей, занимавшихся историей. Ученик Марджани, Хусаин Фаисханов, отправился в Петербург и, сделавшись лектором Восточного Факультета, всю свою жизнь работал вместе с Вельяминовым-Зерновым, помогая ему в трудах по собиранию и чтению документов, по истории Касимовского ханства и Крыма.

Даже в архиве Марджани, который погиб в 1922 году во время пожара, я видел доставленный им и Фаисхановым проэкт открытия татарского университета по западному образцу. В то же время друг Марджани, Хусаин Амирхан, занимался собиранием татарских преданий и впоследствии выпустил книгу по истории булгар и Казани. Наконец, друг Марджани, купец Мухаммеджан Аиттов, помогал Марджани в чтении русских книг по истории родного ему народа и, наконец, сам написал сборник исторических очерков, рукопись которой погибла в начале Революции. Кроме того, когда

жил и писал свои замечательные произведения Марджани, совершенно независимо от него работал татарский просветитель и светский человек, энциклопедист и педагог, Каюм Насыри (1824-1904).

Насыри не был историком-специалистом; он скорее был лингвистом и этнографом, но попутно, как энциклопедист, иногда писал и на исторические темы. Главная заслуга Насыри в области истории приволжских татар не в систематическом изложении истории своего народа, не в отдельных монографических произведениях, а в собирании фактов и исторических документов Во-первых, такие материалы он помещал в периодически ежегодно издаваемых им настольных календарях на татарском языке. Насыри помещал там исторические песни татарского народа, предания по истории быта (например, одежды, утвари обычаев и нравов), некоторые критические статьи, направленные против Марджани, которого он не очень долюбливал. Кроме того, Насыри собрал довольно большое количество материала по истории татарской литературы конца وفيات الاسلاف начала XIX столетий и поместил их к концу своего « ». Особо следует отметить статью Насыри, помещенную в одном из календарей, и упомянутую книгу о татарском предании об Алупах, т. е. миф о вели جيلان ах, статью о п چيتك хождении у татар одежды под названием « »и об обуви « » по-русски «ичиги». Насыри является первым татарским историком и этнографом после Хусаина Фаисханова, который вышел на поприще русской историко-этнографической науки. Его «Поверия и обряды казанских татар, образовавшиеся помимо влияния на них суннитского магометанства», помещенные в VI томе записок импер. Русского Географическаго Общества, являются первым трудом в этой области, о чем высказался весьма сочувственно и такой авторитет в области истории Востока, как проф. Григорьев, в предисловии к этой статье. Я не буду говорить о другой важной статье Насыри на русском языке: «Народная литература казанских татар», но, однако, следует отметить его заслуги в собирании татарских исторических песен. Например, Н. З.Катанову он передал весьма интересные песни исторического содержания: «Песню о Казани (о завоевании ее) и «песню о рус-

ском походе на Францию в 1814 году». Насыри в своих произведениях на русском языке писал как европейский ученый, и в предисловии к первой статье он употребляет, напр., такие слова: «когда я стал относиться к делу научно... и. т. д.. Но более важные исторические источники, собранные Насыри, до сих пор не изданы; из них только три варианта татарских летописей мною были изданы в татарском журнале «Маариф» в 1923 году, с огромным количеством типографских ошибок, но новые списки «Таварихи булгарие» и «Дастани Чингиз-хан и Аксак-Тимур» до сих пор хранятся у его родственников. Но более важные в историческом отношении три рукописных произведения на татарском языке: «Материалы археологические», «О Пугачеве» и «Об Аксак Каратуне (т. е. о Луке Канашевиче)», хранятся в библиотеке Готвальда, в Казанском Госуниверсите. Первое произведение представляет собою довольно крупную научную ценность для истории приволжских татар: там собран большой эпиграфический материал, найденный им в Свияжском уезде, и собрано огромное количество преданий о происхождении селений того же уезда. Второе произведение ценно потому, что оно раскрывает нам отношение различных классов татарского общества к пугачевщине. Последнее, же произведение посвящено самой темной и неизвестной эпохе истории татар, а именно XVIII веку, когда в Казани свирепствовал ужасный князь церкви и гонитель, епископ Лука Канашевич. Об этих последних рукописных работах Насыри в прошлом году мною представлена Акадцентру ТССР довольно подробная статья, которая, надеюсь, будет напечатана скоро.

Насыри интересовался не только историей татар, но он занимался и другими частями истории. Им написана и издана конспективная история России. Кроме того, он интересовался древним Египтом и собирал материал на основании арабских авторов. В трехтомном труде по всемирной географии Насыри дает нам довольно интересные сведения о том, что говорят о древнем Египте такие мусульманские писатели, как Джалюддин Сиюти, Ибн Мутевведж, Ибн Зуляк и Эль-Кенди.

В последний период своей жизни Насыри мало занимался историко-этнографическими вопросами, а целиком предался составлению учебников для татарской новой школы и изучению татарского языка.

Начиная от восьмидесятых годов, приблизительно до конца XIX века мы видим большой застой в области истории, в чем мы можем только усмотреть давление российской реакции. Один только Гаспринский в своем публицистическом произведении: «О русском мусульманстве», написанном в 1881 году, старался обосновать свои неясные и противоречивые мысли, основываясь на исторических данных. Для примера, мы можем привести здесь следующие довольно любопытные мысли автора: «500 лет тому назад на Куликовом поле бесповоротно был решен судьбою истории вопрос о подчиненности северного и восточного мусульманства, а в частности тюрко-татарского племени русскому. После вековых испытаний и борьбы, возмужавший и окрепший русский дух сломил, наконец, грозную, своеобразную власть татар, и с того момента шаг за шагом русская сила и власть надвигаются в цедра Татарии, и разрозненные ветви тюрко-татарского племени, в свое время единого и могущественного, постепенно переходят под власть России и делаются ее нераздельной и составной частью. Так, одно за другим, в моменты исторической необходимости вошли в состав растущей Руси–царства Рязанское, Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское, далее–ханства Закавказья и в последнее время некоторые ханства Средней Азии, где, по нашему мнению, Россия достигла своих исторических границ. Мы думаем, что рано или поздно границы Руси заключат в себе все тюрко-татарские племена и, в силу вещей, несмотря на временные остановки, должны дойти туда, где кончается населенность тюрко-татар в Азии..» Этот псевдо-патриотический отрывок является ясным свидетелем того, как трудно было писать тюркским ученым публицистам эпохи Александра III, и к каким увертками они принуждены были прибегать для-того, чтобы среди чисто показного и патриотического пафоса пропустить свои сокровенные мысли ... К таким же историческим экскурсам прибегал этот замечательный журналист и просветитель буржуазной эпохи российского тюрко-татарского мира и в других своих статьях, хотя он и не был специалистом в области этой науки. Гаспринский любил эту науку,

вот почему в эпоху свирепствования цензора Смирнова он написал: «Мусульманские женщины»–брошюру, посвященную биографиям замечательных женщин мусульманского и тюркского мира. Приписываемое ему же произведение: «Мулла Аббас Франсави», будучи фантастическим романом, в то же время дает нам полную картину жизни и культуры андалузского халифата, к чему хотели вернуться деятели тюркской эпохи возрождения.

В конце XIX и в начале XX столетия на севере, опять-таки среди приволжских татар, работали в области истории два замечательных человека: народный учитель–крестьянин Айнуддин Ахмаров, делающий доклады в Обществе Археологии и Истории при Казанском Университете на историко-этнографические темы (например, о происхождении мещеряков и тептярий, о болгарских надгробных камнях), и Риза Фахруддинов, ныне здравствующий татарско-башкирский историк. Последний еще в конце прошлого века стал продолжать работу Марджани по истории татарско-башкирской культуры и печатать первые выпуски своих ценных «Асар», собраний биографических сведений о татаро-башкирских деятелях.

При существовании гнета абсолютизма и страшной цензуры, которые гораздо тяжелее отражались на тюрко-татарской печати, чем на остальной, нельзя было и мыслить о развитии литературы, вообще, а исторической, в частности. Например, мы знаем, что первая казакская газета, которая стала издаваться и выходить в Сибири во 2-й половине XIX в., быстро принуждена была прекратить свое существование, главным образом потому, что там был помещен перевод введения Германа Вамбери к его труду о примитивной культуре тюрко-татарских племен; в 90-ые же годы с трудом разрешалось печатание некоторых сур и аятов из корана...

Репетиция к Октябрю, именно революция 1905 года, давшая проблески свободы печати, дала сильный толчек развитию литературы, вообще, и исторической, в частности, на тюркских языках.

В первые годы «свободы» в казанских реформированных медресе стали преподавать историю. Даже часть интеллигенции стала

интересоваться не только фактической, но и философией и методологией истории; вот почему в 1906 г. تاريخ وعلوم вилась брошюра Юсуфа Акчурина «История и наука» ( ) по методологии и философии истории. Айнуддин Ахмаров стал помещать целые фельетоны по истории татар и болгар в новопоявившихся газетах на татарском языке. В то же время в Казани сильно увлекались историей болгар.

В своих лекциях по истории болгар Ахмаров главное внимание посвятил опровержению теории чувашизма болгар.

Послереволюционный период на севере дал толчок не только к изучению истории татар, но и истории башкир, как отдельного народа. В этой области появилась первая книга Мунира Гади, написанная на основании русских работ, по истории Уральского Края и башкирских преданий. Эта книга появилась, насколько мне помнится, в Оренбурге, который после революции стал вторым культурным центром, как город, имеющий крупных представителей татарского торгового капитала, и, как город, не имеющий никакой связи с татарскими феодальными традициями. С 1909 года на деньги владельцев золотых приисков Раммеевых, под редакцией упомянутого Риза Фахруддинова стал издаваться татарский историко-общественный журнал « شورا », который, вследствие доступности языка, стал читаться не только татарами, но всеми передовыми либеральными элементами и борцами против феодальных пережитков средне-азиатских и даже закавказских тюрков. В каждом номере этого журнала сам Фахруддинов помещал статьи по биографии замечательных деятелей мусульманского и тюрко-татарского мира. Некоторые из этих статей представляли собою новые исследования, например, статья по биографии азербайджанско-тюркского турколога Казем-бека, по биографии Абдуссалям-муфтия, любимца Николая 1-го. В последней были опубликованы даже доселе неизвестные его письма. Кроме того, тот же ученый нередко помещал статьи по биографии арабских ученых, историков и путешественников, писавших по истории тюрко-татар (например, об Ибн-Фодлане, Идриси, Ибн-Хаукале, Ибн-Батуте, Мусуди и др.)

В эпоху реакции в России в этом же журнале был поднят круп-

ный спор, до известной степени носивший научный характер, на тему: «кем мы являемся, тюрками или татарами»? В разгаре полемики многие старались ссылаться на данные истории тюркских племен,–вот почему о них приходится здесь упомянуть.

В скорости после пятого года, когда более или менее свободно стали открываться новые школы и реформироваться старые медресе, история тюрко-татарских народов стала предметом преподавания, стали издаваться учебники по истории тюрко-татар. Составители учебников по истории тюркских племен в одно и то же время принуждены были проделать две работы: создать систему истории тюрков или татар, собрать достоверный фактический материал, который был разбросан, и некоторая часть даже не была издана. Вот почему историкам-составителям учебников приходилось проделывать огромную и трудную работу. Однако, эти составители учебников по истории тюрко-татар не были по-европейски подготовлены и не получили специальной исторически подготовки.

Первым составителем учебника по истории татар был преподаватель реформированного медресе в городе Троицке, Абдулбари Батталов, который в одно и то же время был довольно популярным журналистом национально-демократического направления. В 1909 году он выпустил довольно большую книгу: «История татар». Как видно из самого названия книги, Батталов принадлежал к той части татарской молодежи, которая боролась за «татаризм». Вот почему Батталов во первом издании своей работы задался целью создать систему истории приволжских татар. По этой причине история Батталова начинается с истории хазар, потом излагается история приволжских болгар, а потом уже он переходит к истории татар Золотой Орды, Казанского ханства, попутно касаясь истории Ногайской Орды, Астраханского ханства. Отсюда ясно, что Батталов принял систему Марджани. Надо отметить, что Батталов во втором издании своей работы несколько изменил своей старой системе, включив в книгу, в виде предисловия, общие сведения о тюркских народах, вообще, о гуннах, тукийцах и уйгурах, в частности.

В 1909 же году появилась в печати другая книга по истории

тюркских племен, противоположная по идее книге Батталова. Это «История тюркского племени» старого просветителя и новометодиста Хасан-Ата Абаши. Само название указывает на то, каким принципом руководствовался сам автор при изложении. Абаши делит историю тюркских племен, подобно истории европейских народов, на три периода: на древнюю (от древнейших времен до падения Монгольской империи), на средний (от падения Монгольской империи до падения Казани), новый (от падения Казани до наших дней). Автор задался целью написать всю историю тюркских племен, и этот том был посвящен древнему периоду истории этого племени.

Автор «Истории тюркского народа» настолько увлекся, что многие, совершенно не принадлежащие к тюркскому племени, народы (например, сарматов, скифов, ясов, касогов, аланов и все народы Восточной Европы, описываемые греко-римскими авторами) причислил к тюркам. Абаши большое внимание уделяет, истории не только тюрков, но «родственных им», как выражается автор, «туранцев», к которым, по его мнению, относятся японцы, китайцы, финны и др. Вообще, история Абаши не совсем похожа на историческое произведение, а скорее является собранием сведений по истории и этнографии разнообразнейших тюркских и «туранских» народов.

В это же время выступил со своими весьма сер'езными историческими трудами историк-самоучка Заки Валиди. В 1912 году напечатана была его первая книга «История тюрков и татар». Эта книга Валиди сразу обратила на себя внимание ученого мира, не только российских, но и зарубежных тюрков. Юсуф Акчурагоглы в «Тюрк-Юрды» посвятил разбору этого труда Валиди большую статью и назвал ее: «Первой всеобщей историей тюркских народов». Эта книга, как это легко можно заметить из предисловия, написана под большим влиянием Леона Кагона, через Наджиб Асима, по сокращенному изданию первого. Поэтому принцип деления на периоды находится под сильным влиянием последнего. Однако, есть некоторая разница: если труд Кагона и Н. Асима является попыткой изложения общей истории тюрков, как системы, то работа Валиди написана со значительным уклоном в сторону

истории татар. Вот почему он делит историю тюрко-татар на такие периоды: тюрки в древности; тюрки и ислам; престол или «каанства» под властью монголов; Золотая Орда; болгары после татарского нашествия и Казанское ханство. Этим заканчивается первый том истори; второй том не вышел. Как видно из краткого оглавления книги, эта работа Валиди является чисто политической историей. Политическому и религиозному фактору автор придает преобладающее значение, в чем мы можем усмотреть отсутствие социологической школы и общей подготовки автора в то время. (Например, автор вполне уверен, что Казанское ханство своим самостоятельным существованием до 1552 года обязано «великому джигитству и религиозной ревности казанцев). Однако, после Марджани северно-тюркско-татарский мир не знал ни одного историка до Валиди, который бы применил методы критики источников и кто бы использовал труды русских и европейских историков в русском переводе. Валиди в сносках и в предисловии, подражая европейским и русским историкам, указал литературу по разбираемому вопросу, что дало возможность многим заниматься историей родного народа, и это явление дало толчек развитию исторической литературы на тюркском языке.

В то же время Валидов занимался разработкой отдельных вопросов по истории тюркских народов, в особенности средне-азиатских тюрков. Помощь, оказанная сначала Обществом Истории и Археологии при Казанском Университете, при содействии такого крупного знатока древности, как М. М. Хвостов, а потом Российской Академией Наук, сильно способствовали развитию этого историка-башкира самородка. Я не буду касаться тех замечательных работ по изучению и отысканию источников по истории тюрков, исполненных после командировок его в Среднюю Азию, по открытию им нового варианта Кудатку Билика и изучению недавно обнаруженного им в Мешхеде отрывка путешествия Ибн-Фодлана, ибо эти работы достаточно известны. Я считаю необходимым коснуться других его трудов по истории тюрко-татар на татарском языке. Я не имею возможности сейчас коснуться всех его статей, вышедших до его бегства, а скажу несколько слов о некоторых более или менее, важных работах; Безусловно интерес-

ным является его критический обзор «Бурхануль Хавакин» Марджани, в котором автор дал весьма ценный материал по истории тюрков Восточного Туркестана и обнаружил глубокое знание источников и литературы вопроса. Точно так же ценным трудом является небольшая брошюра «Лутфи и его Диван», в которой Валидов дал довольно ценный материал об этом мало известном туркменском поэте. Его же брошюра по истории участия татар во время «Смуты» XVII века, как популярный обзор, также ценен, как первая попытка, после Марджани и Фахруддинова, изложить русский или московский период истории северных тюрков. Но весьма интересной является его статья в журнале «Шуро»: «Хальфины», в которой он, первый из татарских историков, перешагнул из истории древних времен в новые времена, совершенно мало изученные исторической наукой вообще.

В то время, когда работали Батталов и Валиди, на севере работал еще один неутомимый и упорный историк, бывший член Второй Думы, радикально настроенный мулла Гади Атласы. Он не писал учебников, а издал три исторических работы, которые можно было бы назвать монографиями, если б два из них не носили характера компиляции. Первая работа, «История Сибирскаго Ханства», написанная на основании русских летописей; в особенности таких старых русских историков, как Фишер, Миллер и другие. Второе произведение Атласы–это «Сююнбека»; по стилю и форме изложения ее можно было бы назвать первым опытом художественной истории на татарском языке. Но более важный и объемистый труд– «История Казанского Ханства»–является самим замечательным трудом этого историка. Конечно, Атласы, кроме общей концепции и несколько тенденциозного изложения, ничего нового не дает, однако, по сравнению с изданной популярной лекцией Ахмарова по истории Казанскаго Ханства и чисто компилятивного изложения Батталовым истории этого государства, труд Атласы является новым в тюрко-татарской историографии. Кроме того, это произведение Атласы ценно тем, что он первый раз пользовался источником, написанным на старо-татарском языке, а именно ярлыком Сахыб- Гирей-Хана, хотя и не мог достаточно использовать этот весьма ценный исторический памятник для ана-

лиза внутренней жизни этого ханства, как это сделал М. Г. Худяков три года тому назад в своей «Истории Казанского Ханства».

Кстати, следует упомянуть об одном татаро-башкирском историавшем историю татар на арабском языке под названием «تنفيق الاخبار» конфискованную цензором за «неосторожное и оскорбительное выражение» относительно Екатерины Второй. Этот автор–известный Мурад Меккинский. Двухтомное сочинение на арабском языке этого автора является работой, написанной по старой мусульманской традиции, хотя ему через переводчиков и были известны некоторые русские историки, как Карамзин и, отчасти, Соловьев. Но ценность этого сочинения в том, что Мурад Мекки, живя в мусульманских центрах, мог пользоваться некоторыми арабскими авторами в подлиннике, а иногда даже по неизданным рукописям. Отсутствие системы, мусульманский фанатизм, незнание европейских методов являются характерной чертой этого историка-любителя.

Мировая война не давала возможности тюрко-татарской интеллигенции заниматься культурными делами: многие из них были взяты на войну, часть, спасаясь от фронта, поступила «на оборону», оставшаяся часть ждала призыва... По этой причине, насколько мне помнится, кроме стариков, подобных Фахруддинову, никто не занимался в эти годы историей. Только последнему удалось выпустить перевод на татарский язык «Путешествия Ибн-Батуты в Дешт Кипчак», предпослав ему довольно интересное предисловие.

Но новое поле для деятельности историков открылось с начала Февральской Революции, когда не только татары, но и остальные тюркские народы столкнулись с вопросом о самоопределении, для которого необходимо было изучать родную историю. Поэтому в узбекских, азербайджанских и крымских газетах стали появляться статьи с историческими экскурсами или прямо на исторические темы, которые были вызваны практическими потребностями изучения старины. Однако, вполне смело можно утверждать, что в этот период, если не считать «Материалов по истории русской политики на окраинах» Арслана Кричинского, не вышло никаких солидных исторических трудов, кроме «Истории тюрко-татар»,

написанной братьями Туйки во время владычества Дутова в Оренбурге. Она является до некоторой степени переделкой других учебников на татарском языке, но с огромными ошибками (насколько мне помнится, Туйки в своем увлечении доходили до того, что готов назвали тюрками).

Но совершенно другая эпоха открывается в области исторической науки после Октября. С одной стороны, в эту эпоху тюрко-татарские школы окончательно освободились от гнета, и история родного народа для каждого тюркского народа стала предметом преподавания в школе. С другой стороны, с этой эпохи тюрко-татарские революционеры стали писать историю революционного движения среди тюрко-татарских племен. В-третьих, тюркские народы, ставшие фактическими хозяевами своих стран, почувствовали практическую потребность в изучении родных стран. Интереснее всего то, что с этой эпохи история тюркских племен стала изучаться вполне об'ективно, без примеси националистических тенденций, ибо революция дарила этим народам то, о чем они мечтали долгие времена.

Кроме того, тюрко-татарские историки с этого периода стали изучать прошлое народа не только с точки зрения эволюции политической жизни, но и с социально-экономической.

В кратких чертах я попытаюсь дать сжатый очерк развития литературы по истории тюркских племен, написанной самими тюрками.

Прежде чем приступить к отдельным народам, я должен отметить один характерный момент этой эпохи, а именно: участие тюрко-татарских работников в высшей школе по преподаванию истории тюрко-татарских племен. Этот факт весьма знаменателен потому, что тюрко-татарские работники, попавшие в научную среду, обучая студентов, сами стали усиленно учиться.

Раньше всего остановимся несколько на работах азербайджанских тюрков.

Ужасный гнет царского правительства и господство фанатически настроенного духовенства и не знающего ничего, кроме угнетения своего народа, обрусевшего или слишком фанатичного бекства до революции не давали возможности развития историче-

ской науки среди тюрков-азери; если и существовали такие пионеры в этой области, как Бакиханов, Латиф-Эфенди и другие, то это было большим исключением. Такой крупный ученый из тюрков-азери, как Мирза Казембек, профессор Восточного Факультета Казанского университета, написавший научную грамматику тюркского языка и издавший известную, но до того времени неизданную книгу историка Ахмед Риза-«Семь планет» не мог тогда найти сочувствия окружающих, применения своему труду и уважения на своей родине, в Азербайджане. Он принужден был оставить свою родину и народ. Но советский переворот в Азербайджане,–когда народ из «татарина» и «мусульманина» превратился в «тюрка», получив истинное свое название, – послужил громадным толчком для развития исторической литературы.

В первые годы советского переворота, а именно в 1923 году, была издана первая «История Азербайджана», написанная Рашидом Измаиловым. Эта работа является первым опытом истории этого края, почему и имеет крупные дефекты; однако, до настоящего времени еще не появилось книг по истории этой республики, которые были бы написаны тюрками на тюркском или русском языке. Отсутствие материалистического подхода к историческим явлениям и некоторая тенденциозность являются характерными чертами произведения Измаилова. Труд делит азербайджанскую историю на следующие периоды, по политическому и хронологическим принципам: 1–древнейшие эпохи, 2–период владычества арабов, 3–нашествие тюрков и монголов на Азербайджан, 4–эпоха Ширваншахов, 5–период нашествия османских тюрков, 6–период владычества иранцев (время Сефевидов), 7–нашествие Надира, 8–период владычества Ага Мухамед Каджара, 9–эпоха господства азербайджанских ханов, 10–нашествие царской России, 11–завоевания Екатерины II в Азербайджане, 12–положение Закавказья во время Павла 1-го, 13–положение страны при Александре I, 14–падение Гянджинского, Карабахского, Ширванского и Бакинского ханств, 15–об'явление Закавказьем самостоятельности, 16–Азербайджанская Республика. Несмотря на все недостатки этой книги как в идеологическом, так и в научном отношении, она имеет одно важное преимущество: как можно было заметить из вышесказанного, ни один историк тюрко-татарского мира не мог довести свое изложение до новейшего времени. Даже татарские историки большею частью излагали свои истории до падения самостоятельных ханств[1]). Измаилов довел свое изложение до советского переворота.

Труд Измаилова не явился последним. В настоящее время разработка обшей истории Азербайджана идет усиленным темпом. Новый труд в этой области, написанный преподавателем Тюркского Педагогического Института, Мамед-Гасаном Бахарлы, уже готов к печати.

Наряду с общей и систематической разработкой истории Азербайджана идет усиленная работа по отдельным вопросам. Так, например, тот же Гасан Бахарлы написал монографическую работу по истории административного деления Азербайджана в прошлом. Начинающий историк, Рза Шабанов, закончил работу по истории ханского периода, а А. Ахмедов написал исторический очерк по вопросу об участии тюрков в революции 1905 года, на основании архивного материала. Ряд общественных работников в этом году выступил в газетах с историческими статьями по крестьянскому движению. Молодой университетский работник, Али Агаларов, закончил статью о революционных партиях среди тюрков после первой революции; директор Государственного Архива, Абдулла Субханвердиханов, приготовил к печати интересную работу: «Муштегид-Помещик», выясняющую положение духовных феодалов в Азербайджане в эпоху Николая 1-го и написанную на основании архивных, неопубликованных документов; мною же приготовлена к печати небольшая монография по истории феодальных отношений в Азербайджане, в XVIII и XIX столетиях, по архивным материалам. В настоящее время Госархивом готовится к печати сборник архивных материалов и отдельных статей по истории этого края.

Наряду с историей края, вообще, азербайджанскими учеными в настоящее время ведется усиленная работа по истории тюркской литературы. В этой области следует особо отметить сборник посвященный памяти древне-азербайджанского поэта–Фузули; в

[1]) Хотя мы и попытались довести историю татар до конца 18 века.

этом сборнике многими специалистами помещены довольно ценные статьи по биографии и по истории эпохи этого поэта. В области изучения истории своей литературы азербайджанские деятели далеко оставили за собой казанских татар. Особенно ценны в этой области статьи Исмаил Хикмета и Абдуллы Шаика. Редакция газ. «Коммунист» выпустила целый ряд брошюр, в которых помещены как уже издававшиеся, так равно и неизданные еще произведения азербайджанских поэтов, причем каждому выпуску предпосланы ценные биографические сведения об этих поэтах Салмана Мумтаза. Азербайджанские тюрки не только интересуются историей своей литературы, но уделяют огромное внимание изучению литературного творчества других тюркских племен. Доказательством этому может служить крупный труд работника Азгосуниверситета, Исмаил Хикмета, по истории анатолийской тюркской литературы. Пока вышли четыре тома, из коих три первых посвящены XIX веку, а четвертый XX веку анатолийской тюркской литературы. Этот труд Хикмета является первым систематическим и обобщающим трудом в этой области. Насколько мне известно, не только на русском, но и на османско-тюркском языке не было труда по истории новейшей османско-тюркской литературы, если исключить две, недавно появившиеся, работы Исмаил Хаиба и Ибрагим Наджми и сборник, посвященный 500-летнему юбилию знаменитого чагатайского поэта Невали, который я получил незадолго до выступления здесь с своим докладом и еще не успел прочитать. Наконец, издание весьма ценного произведения Неваи «Меншеат» дало возможность изучения, этого знаменитого поэта, мастера тюркского слова. Также ценна работа профессора Чобан-Заде о кумыкском языке и литературе, которая дает нам важные сведения как по истории, так равно и по истории литературы кумыкского народа, столь мало изученного в русской и европейской науке.

Узбекский народ тотчас после революции еще не смог широко развернуть свои силы и способности. Этот народ, который, в сущности говоря, является наследником великой среднеазиатской культуры, до революции жил своей старой культурой, хотя эта культура была культурой феодального класса и отжила уже свой

век; новая же, европейская культура долгое время не могла успешно проникать в узбекскую среду благодаря тому, что не было об'ективных благоприятных социально-экономических и политических условий. Но после революции узбекский народ воспрянул духом, и способности этого старого культурного народа опять выступили на сцену. На страницах толстых научно-литературных журналов, которые стали издаваться среди них, появились ценные статьи как по истории, так и по истории литературы этого народа. Интеллигенция узбеков, умудренная опытом других тюркских племен, не спешит писать на скорую руку историю своего народа, ограничиваясь пока собиранием исторического материала. Например, собранные Гази-Алимом Юнусовым и другими, изданные и не изданные, исторического характера народные дастаны являются ценными источниками по истории этого народа; история Бухарской революции, написанная поэтом Айни, также является весьма ценным материалом по важнейшей эпохе узбекского народа, равно как и исследования Махмуда Вдуда о Неваи и других поэтах-мыслителях Средней Азии. Наконец, особо следует отметить материалы, собранные Юнусовым и касающиеся родового строя и названия родов и их тамги у узбеков; они дадут возможность изучить не только этнографию, но и социальную историю этого народа. Несколько лет тому назад появилась небольшая работа на узбекском языке; «История Бухары» Салиева, которая хотя и является работой слабой, но все же может послужить руководством для школ по краеведению. Этот же работник, говорят, готовит более ценную работу.

У узбеков мы видим одно замечательное явление, а именно переводы трудов по истории Средней Азии. Например, издан перевод «Истории Бухары» Вамбери. Хотя этот труд и страдает огромным количеством недостатков, но все же знакомит узбекскую читающую публику с европейской историографией. Однако, если бы эта книга была издана с указанием грубейших ошибок, то это было бы весьма полезно и предохранило бы публику от неизбежных заблуждений. Но более ценным является перевод «Туркестан в эпоху монгольского завоевания» академика В. В. Бартольда, который познакомит узбекскую молодежь не только с

фактами по родной старине, но и с методами европейской исторической науки. К сожалению, перевод этой книги до сих пор еще не издан и ждет очереди.

Отсутствие правильной научной связи не позволило нам следить за ходом развития исторической литературы у казакского народа. Этот народ, хотя в большей своей части еще не вышел из кочевого быта, в XIX веке дал такого замечательного историка и этнографа, как Чокан Валиханов, такого публициста, любящего ссылаться на исторические факты, как Букейханов, и, наконец, исследователя родовых отношений Худайбер-дина. Из современных деятелей науки нам известны Диваев, с его работами по собиранию народных исторических песен, которые вышли отдельными выпусками (после революции) в Ташкенте, и Тынышпаев. Последний в прошлом году выпустил замечательное исследование: «Материалы к истории киргиз-казакского народа». В этом труде автор остановился на исследовании двух интересных вопросов: на «Генеологии родов» и на происхождении киргиз-казаков,–и приложил к работе родословные таблицы этого народа.

Кстати, следует отметить, что в последнее время в историко-этнографической литературе тюрко-татарских народов большое внимание уделяется исследованию родовых отношений и тамги. Выше было сказано о деятельности узбекского деятеля Юнусова по собиранию такого материала. Башкиры в только что полученном мною сборнике «Башкирский Аймаки» также много места уделили этому вопросу. Но особенно интересно маленькое исследование, которое я получил от крымского историка Османа Акчокраклы,–«Татарские тамги в Крыму», и которое посвящено настоящему Тюркологическому С'езду. Это маленькое исследование дает нам много материала по этому вопросу. Пока тюрко-татарские тамги интересовали тюркских ученых как доказательства возможности происхождения орхонских письмен от тамг, о чем было высказано предположение О. Доннером, но потом взяла верх другая теория заимствования. Например, татарский писатель, Абдрахман Саади, в своей недавно вышедшей, популярной и компилятивной книге: «Язык, литература и письмо»,–также приводит

несколько башкирских тамг и, на основании этого весьма ограниченного материала, склоняется к мысли о происхождении орхонских письмен от тамги.

Нужно заметить, что, когда ученые отвергли эту теорию, в их распоряжении было много материала о тюркских тамгах, вообще, и о башкирских, в частности, но этому автору эти труды были, очевидно, неизвестны. Во всяком случае, это изучение и собирание материалов по генеологии и тамгам тюркских племен хотя и носит непосредственно этнографический характер, но представляет огромный исторический интерес, ибо можно надеяться, что впоследствии, на основании этих тамг и таблиц, удастся найти пути для разрешения вопроса о происхождении различных тюрко-татарских народов и для выяснения древнего социального устройства их.

Небольшой крымский тюрко-татарский мир, имеющий огромное культурное прошлое и давший еще в XVII веке довольно интересных историков, не отстает в нашей области и в настоящем. Помимо тех статей исторического характера, которые выходят в периодической советской татарской печати, в прошлом году вышло весьма ценное, имеющее жизненное и практическое значение большое исследование и собрание материалов Ахмеда Озенбашлы: «Крымская трагедия в царский период или татарские переселения». Эта книга, написанная, как и все крымско-татарские книги, сочным, прекрасным и доступным языком, имеет кроме публицистического и научное значение. В этом произведении впервые были пущены в научный оборот добытые неизданные материалы учреждений царской эпохи, а изданные уже материалы скомбинированы и собраны воедино. Точно также ценна приложенная карта бывшего Крымского Ханства XVII столетия.

Славная башкирская история, полная борьбы против колонизации помещичьего правительства до сих пор, кроме Мунира Гади, не имела своего историка. В настоящее время работники вольной Башкирии проявляют большой интерес к своему историческому прошлому.

Более важным руководством по истории башкирского народа

является «История Башкир», написанная сыном славного татаро-башкирского писателя и историка Риза Казы–Абдрахманом Фахруддиновым. К этой работе Фахруддинова не следует относиться как к ученому труду, а как к попытке написать учебник по истории башкир. Но важность этой книги заключается в том, что она является в то же время первым опытом систематического изложения истории этого народа с древнейших времен до советского переворота. Содержание ее делится на следующие периоды, часть I: обще-исторические и социологические предпосылки в самом популярном виде; часть II; прародина башкир – Алтайские горы; гуннское движение; положение Башкирии в древнейшие времена; башкирско-болгарские отношения; подпадение башкир под владычество татарского ханства; башкиры после падения Золотой Орды; башкиры под властью ногайцев; после падения Казанского Ханства; подчинение башкир Московскому княжеству; основание Уфы; основные причины русской колонизации; первый период колонизации, административное деление Башкирии; земельная политика правительства в начале колонизаторской политики; начало башкирских восстаний; сеитовское восстание; алдаркусумовский бунт; изменение башкирской политики России; начало промышленности в Башкирии; причины повальной продажи башкирами своих земель; постройка Оренбурга и борьба народа против этого; последствия кильме-абызского бунта; татищевское управление; бунт Кара-сакала; период Неплюева; тептярский бунт; обруситель-ная политика; бунт Батырши, его воззвание, подавление движения; период Екатерины, яицкие казаки, пугачевщина, ее ход, Салават, последствия баширских восстаний; создание кантонства и башкирского войска; земельный вопрос в этот период, управление и жизнь во время кантонства, после уничтожения его; башкиры после февральской революции; Октябрьская Башкирия.

Даже при беглом чтении легко можно заметить, что книга эта написана не на основании первоисточников. Сильно заметно влияние фактического материала Витевского («Неплюев и оренбургский край»), Попова («Башкирские бунты»); Соловьева («История России»). Вот почему, где есть материал, автор на тех периодах останавливается довольно подробно, а где нет разработанного материала, там Фахруддинов дает краткие сведения: в то время, как XVIII век изложен им весьма подробно, состоянию народа в XIX столетии им посвящено весьма мало места, хотя эта эпоха является самой важной эпохой в жизни Башкирии. Точно так же мало места уделяется эпохе революции пятого года и февральской, и Октябрьской революциям. В этом отношении хорошим дополнением является брошюра на русском языке башкирского деятеля, Салаха Атнагулова, которая, являясь экономико-статистическим очерком, дает довольно подробный и правдивый материал по истории новейших эпох жизни Башкирии. Кроме того, Атнагулов, как личный участник последних событий, излагает много событий на основании своих личных переживаний и наблюдений, вот почему эта работа носит, отчасти, и мемуарный характер.

Несколько слов приходится сказать относительно исторической работы в Чувашской Республике. Чувашский народ, получив после Октября самоопределение, принялся за создание своей народной культуры. Как всегда в эпохи возрождения народов, проявляется сильный интерес к своему прошлому. Вот почему чувашские деятели с начала своей свободы стали проявлять сильный интерес к изучению истории, и до этого времени чуваши имели своего историка-этнографа, в лице профессора Никольского. Этот неутомимый труженик собрал огромный материал и стал опубликовывать его, начиная с конца XIX столетия. Но в настоящее время среди чуваш выдвинулся М. П. Петров, присутствующий здесь, на съезде. Хотя этот деятель и не является чистым историком-социологом, а скорее лингвистом и этнографом, но в прошлом году выпустил весьма интересное исследование: «О происхождении Чуваш», в котором он, углубляя прежде высказанные взгляды, на основании привлечения нового материала, пришел к следующим выводам: язык чувашский и язык древне-булгарский один и тот же; современные казанские татары в значительной степени являются отатарившимися чувашами. Хотя тов. Петров и отрицает тюркское происхождение чувашского народа, но мы, придерживаясь старой теории, пока еще достаточно не опровергнутой, можем сказать, что, несмотря на поспешные выводы, недоказанные и спорные положения, выдвинутые

автором, мы считаем эту книгу одной из важных (с методологической точки зрения) историко-этнографических работ, написанных» тюрко-татарскими деятелями в последние времена.

Товарищи, теперь позвольте мне сказать несколько слов о положении изучения истории тюрко-татарских народов приволжско-татарскими деятелями. После октябрьского периода спор о тюркизме или татаризме был разрешен окончательно в пользу последнего. Поэтому татарские историки сосредоточили главное свое внимание на изучении и популяризации истории татарского народа, главным образом после падения ханства. Если до революции об'ектом изучения была эволюция политической жизни татар, то с Октября пробудился интерес к социально-экономической истории и истории классовых отношений. Наконец, многие общественники-историки принялись за собирание материалов и изучение хода революционного движения среди татар, но в то же время не оставили в стороне и изучение истории культуры и литература, применяя материалистический и диалектический метод к об'екту изучения. Главными деятелями и в области изучения истории татар в этом последнем периоде, кроме меня, (о себе здесь я не буду говорить ничего) были следующие лица: Джамал Валиди, Галимджан Ибрагимов, Асым Мансуров, Салах Атнагулов, Фатих Сейфи, Али Рахим, Сеид Вахидов и другие.

За неимением времени, я не буду останавливаться на отдельных произведениях указанных лиц, а скажу несколько слов о более или менее важных работах их. Товарищам, желающим познакомиться с подробностями, я могу рекомендовать просмотреть нашу статью в сборнике «За пять лет», под заглавием «Что сделано в области науки».

В области методологии и периодизации истории татарского народа можно отметить две статьи Ибрагимова и Салаха Атнагулова, вышедшие в журнале «Маариф», в которых были даны попытки разделения истории татар, на периоды, на основании социально-экономических принципов, которые, отчасти, с некоторыми дополнениями и изменениями в настоящее время приняты татарской исторической литературой. В области опубликования и анализа новых источников мы можем указать на чтение и расшифрование

ярлыка Сахиб-Гирея и на ряд статей по анализу его, исполненные Сеидом Вахидовым. Отыскание и опубликование этого важного памятника даст возможность значительно изменить до сего времени еуществовавшие представления о Казанском ханстве. В области систематической работы по истории татарской духовной культуры можно упомянуть оба издания «Истории татарской литературы», вышедшие при моем участии. По изучению истории революционного движения среди татар было сделано довольно много Ибрагимовым. Значительный интерес представляют его брошюры: «Из истории татарского студенческого движения», «Октябрьская революция», «Пролетарская литература», в которой были сделаны некоторые исторические предпосылки. Но особенный интерес представляют два сочинения Асим Мансурова и того же Ибрагимова по истории революционного движения среди татар в эпоху пятого года. Эти сочинения хотя и написаны на одну и ту же тему, но взаимно дополняют друг друга. Эти труды поистине являются интересными работами, главным образом, как собрание материалов по дальнейшему изучению и углублению этого вопроса. Но скудость материала по истории крестьянского движения в обоих трудах можно рассматривать как довольно крупный дефект. Кроме того, у обоих историков положения, которые касаются выяснения предшествующих ближайших эпох, основаны на весьма скудном материале. Мне кажется, здесь нужно высказать пожелание, чтобы татарские ученые больше внимания обращали на экономическую историю XIX и начала XX столетий. Несмотря на эти и другие дефекты, независящие от самих авторов, эти две книги являются самыми важными историческими работами, вышедшими после революции на татарском языке.

Позвольте мне сделать некоторые выводы: во-первых, у всех почти тюркских историков не хватало метода, и замечалось отсутствие школы, так как почти все они, за исключением некоторых, были людьми, не прошедшими специальной школы. Во - вторых, большинство из трудов, написанных на тюркско-татарских языках, носили популярный характер. В-третьих, в этих трудах замечается малое знакомство с историческими источниками и специальной литературой; в особенности с западно-европейской.

На основании всего изложенного, мы считаем необходимым обратить серьезное внимание на подготовку молодежи к этой деятельности, ибо тюрки сами, зная жизнь современных тюркских народов и владея восточными языками, живя сами на той территории, где происходили исторические события, могут принести большую пользу науке, что показали до сего бывшие опыты. Во-вторых, в целях популяризации и приближения исторической науки к тюркским массам необходимо приступить к переводу важнейших произведений русских и европейских историков по истории тюркских народов. В-третьих, в тех же целях следует приступить к планомерному изданию источников по истории с переводами их на тюркский язык. Наконец, следует признать весьма желательным усилить археологические раскопки в целях увеличения материалов по истории материальной культуры тюркских племен.

Председатель. Доклад окончен, записавшихся нет, вопросов также, повидимому, нет. Приходится перейти к следующему вопросу, а этот доклад принять к сведению. Следующий доклад товарища Руденко. (Аплодисменты).

Современное состояние и ближайшие задачи этнографического изучения турецких племен

Руденко. Прежде чем открыть серию докладов по этнографии турецких племен, прошу разрешения от имени Русского Музея в Ленинграде принести в дар Первому Тюркологическому с'езду альбом. В этом альбоме Русский Музей, крупнейший музей быта народов Союза, пытался, по возможности, представить быт турецких племен и народов, которые об'единяются в нашем Союзе (Аплодисменты).

Турками или тюрками принято именовать группу народностей, говорящих на различных диалектах турецкого языка. О турецком мире, как об объединении различных этнических групп, мы можем говорить только с лингвистической точки зрения. Язык, вне сомнения, является одним из крупнейших социальных факторов.

В нем мысль воплощается в определенную форму, он является проводником идей, а следовательно, культуры и цивилизации. Поэтому вполне естественно то центральное место, которое вопросы языка и алфавита заняли на первом туркологическом с'езде. Тем не менее, мы знаем не мало фактов, свидетельствующих о том, что язык, культура и физический тип живут вполне самостоятельной жизнью, без той, казалось бы, столь естественной связи, которую следовало бы ожидать между элементами, без которых мы не мыслим ни одной этнической группы. Мы знаем, что одна и та же раса может в отдельных своих частях говорить на различных языках и принадлежать к различным культурным мирам. Одной и той же культурной жизнью могут жить народы различного расового происхождения и разноязычные. Многочисленные факты свидетель-

ствуют о том, что язык является наименее стойким этническим признаком. С удивительной стойкостью выживают расовые типы, с редким упорством переживают бытовые особенности, и сравнительно легче утрачивается язык, заменяясь новой разговорной речью.

При таком положении, на первый взгляд, кажется странной постановка вопроса об основных чертах турецкого физического типа и турецкого быта. Между тем, этими именно вопросами я и намерен на несколько минут занять ваше внимание.

Первый туркологический с'езд идет под знаменем лингвистики и культурного возрождения турецких народов. Но мы хорошо знаем, что культурное возрождение возможно только на базе естественного развития материального быта, общественности и физических сил народа.

Я не сомневаюсь, что вопросы социальной гигиены и всестороннего изучения быта станут в центре внимания второго и третьего туркологических с'ездов; но, чтобы подойти к ним во всеоружии, мы должны теперь же, не теряя ни минуты, наметить главнейшие направления нашей коллективной работы в этом направлении.

Область распространения турков мы все представляем совершенно ясно на предлагаемой вашему вниманию карте расселения турецких племен, составленной, состоящей при Академии Наук СССР, постоянной комиссией по изучению племенного состава населения Союза и сопредельных стран, при участии Туркологического Семинария Института Живых Восточных Языков, вы видите, что от Средиземного моря на юго-западе до крайнего-северо-востока Азии, от Тянь-Шаня и Памира на юго-востоке до Среднего Поволжья на северо-западе рассеялись народы, говорящие на различных диалектах турецкого языка. В центре этого ареала они живут сплошною массою, на периферии вклиниваются или переплетаются с этническими группами, говорящими на различных других языках. Несмотря на громадность территории, заселенной турками, на многообразные и весьма сложные их взаимоотношения с соседящими этническими группами, мы все же можем, как мне кажется, говорить о характерном для турков

физическом типе.

Рост средний, или немного ниже среднего, с умеренной брахискелией, смуглый цвет кожи при интенсивно пигментированных волосах и глазах, брахицефалия, средняя широколицость, с довольно значительным различием скуловых костей, прямой нос при резко вступающих носовых костях, относительно слабое развитие волосяного покрова на теле, вообще, и, в частности, на щеках у мужчин–вот черты, наиболее характерные для физического типа турков. Этот тип, намечающийся в древних кочевнических погребениях, ярче всего проявляется в центре расселения турков у казак-кыргызов. Отсюда, по направлению к северо-востоку через алтайских и частью минусинских турков у сойотов и якутов мы наблюдаем видоизменения намеченного нами типа в результате примеси монгольского и манчжурского (точнее тунгусского) типов, проявляющиеся в более интенсивной пигментации, редукции волосяного покрова, брахискелии, скуластости при: максимальном развитии processi zydomatici, которое, вместе с малым развитием в высоту носовых костей, дает типичную для монгол складку верхнего века, эпикантус и проч.

По направлению к западу и северо-западу от указанного центра, наблюдаются изменения основного типа уже в совершенно ином направлении. Пигментация заметно слабеет, понижается головной указатель, рост остается тот же, при более высоком указателе скелии, скуловые-кости не так развиты и прочее. Яркую картину изменения турецкого типа по мере движения к северо-западу мы наблюдаем у башкир и далее к западу у приволжских татар, причем участие финских элементов в данном случае для нас несомненно.

Если среди юго-восточных турков узбеки, при некоторых отклонениях от намеченного нами турецкого типа в сторону более высокого роста, значительного развития волосяного покрова и некоторых других, все же до известной степени являются носителями турецкого типа, как и ногаи на западе, то туркмены уже весьма существенно отличаются от прочих турков по своему физическому типу. Высокорослость, макроскелия, долихоцефалия и ряд других соматических признаков туркмен свидетельствуют о

преобладании среди них иранских элементов. То же самое следует сказать и об азербайджанцах, которые по своему высокому росту, темной пигментации и волосяной растительности и долихоцефальной форме головы, лепторинии и проч. примыкают к одной антропологической группе с курдами и персами. Физический тип западных анатолийских и балканских турков-османов крайне смешанный и без тщательного анализа не поддается точному определению.

Если в вариациях физического типа турков, за исключением тех случаев, где мы имеем дело с заведомо отуреченными группами иного расового происхождения, первенствующее значение имеет метисация, в результате скрещивания с иноплеменниками материальная культура варьирует в зависимости от географической среды и культурных заимствований.

Жизненные условия приполярного севера и субтропиков, горной страны и равнины, центра континента и морского побережья слишком различны, чтобы можно было ожидать полного тождества в материальной культуре турков.

Непосредственное сожительство на протяжении многих столетий с народностями древних цивилизаций, с одной стороны, и с примитивными этническими группами, с другой–внесло существенные изменения в исконный быт турков. Тем не менее, без особой натяжки, позволительно говорить о турецкой культуре, как таковой.

Говоря о быте турков, надо всегда иметь в виду, что они, прежде всего, древние кочевники-скотоводы. Если звероловство, в частности облавные охоты, для монгольских племен в древности были основным занятием, то турков мы издревле знаем как скотоводов. Скотоводческое хозяйство, и, прежде всего, лошадь–главный момент в жизни большинства турецких племен. Она обуславливает подвижность турецких племен, их широкое географическое распространение, сезонные миграции, режим питания, в значительной степени характер одежды и жилища, домашний обиход. Не даром лошадь играет такую видную роль в древнем заупокойном культе турецких племен, в мифологии и культе светлых божеств.

Рогатый скот и овцы имеют важную, но все же подчиненную

роль в хозяйстве кочевых турков. Достаток, благосостояние определяется у них количеством табунов лошадей.

Кочевой образ жизни у турецких племен обусловил особый путь развития подвижного жилища, которое в войлочной кибитке казак-кыргызов достигло таких совершенных форм. В решетчатых кибитках принято различать тип монгольский, с конусообразным верхом, и турецкий куполообразный. Ни у одного из монгольских племен мы не встречаем кибитки турецкого типа. Напротив у ряда турецких племен Саяно-Алтайского нагорья и предгорьев Урала и Кавказа мы имеем кибитки монгольского типа; ареал распространения кибитки турецкого типа, приводит нас к мысли о том, что в древности не было того различия типов, которое мы сейчас наблюдаем. Монгольский, или, правильнее, первичный, общий для турков и монголов, тип кибитки по тем или иным причинам, остановился в своем развитии на перифирии, в центре же, в западно-азиатских степях, он продолжал развиваться, пока не вылился в тех конструктивно совершенных формах, в каких мы застаем его там ныне.

Круглый тип временного жилища, характерного для турков, сочетается с весьма устойчивым распределением хозяйственного инвентаря и размещением членов семьи внутри жилища, а с переходом турецких племен к оседлости, сказывается на формах неподвижных жилищ и их внутреннем убранстве. Многогранные, срубчатые, круглые плетневые или бревенчатые жилища и постройки мы встречаем повсюду на периферии турецкого мира. Медленно и постепенно совершается переход к прямоугольным постройкам, но в них долго еще удерживается традиционная распланировка внутри, а в некоторых обрядовых убранствах, например, в свадебных жилищах, мы зачастую встречаемся с пережитками убранства, выработавшихся в круглых жилищах.

Земледелие, а тем более садоводство и огородничество, чуждо древне-турецкому миру. Если турки и занимались посевом, в частности посевом проса, то только спорадически, и притом в ничтожных размерах. Их земледелие было крайне примитивным мотыжным земледелием. Поэтому, с переходом к земледельческой культуре, главным образом на периферии своего обитация, турец-

кие племена усвоили системы хозяйства и соответствующий земледельческий инвентарь от различных народностей, с которыми им приходилось соприкасаться. Отсюда не может быть и речи о том или ином земледельческом хозяйстве, свойственном и характерном, для всех турецких племен.

Иначе обстоит дело с обрабатывающей промышленностью, техникой обработки животных и, отчасти, растительных материалов. Если мы обратимся к технике обработки кожи и меха, то должны будем отметить, удивительное ее однобразие у громадного большинства турецких племен. Выделка меховой и кожаной посуды, столь практичной в обиходе подвижных народов, выделка меха при помощи молочных продуктов, валяние кошмы и обработка рога–исконные занятия турков, стойко бытуют и поныне, далеко распространяясь за пределы турецкого мира. Текстильное производство, плетение и ткачество не типичны для индустрии турков. Их плетение далеко уступает плетению их южных соседей, ткачество крайне примитивно, а ковровое производство южных турков иноземного происхождения.

Мы не имеем достаточных данных, чтобы судить о технике обработки металлов, но все данные приводят нас к заключению, что металлургия, в частности кузнечество и ювелирное дело, могут считаться древними занятиями турков, развивающимися у них под различными иноземными влияниями.

Весьма интересна одежда турков. При всем разнообразии материала, покроя и типов турецкой одежды, имеются черты, которые можно считать общими для турецкого одеяния. Мех, кожа, войлок и шерстяные ткани – наиболее распространенный, древнейший материал для одежды. Нет сомнения в том, что иноземные ткани, проникавшие в огромном количестве в среду турецких народов и издавна служившие для изготовления одежды, придавали ей большое разнообразие.

Больший интерес представляет для нас покрой турецкой одежды, который, при всевозможных местных вариациях, крайне прост и характерен для них.

Конные кочевники–турки издревле носили длинную распашную, с разрезом спереди, плечевую одежду, широкие шаровары, мягкую

короткую обувь и глубокие с отворотами или высокие шапки.

Длинные, двуполые кафтаны, с длинными, но узкими, рукавами, длинные широкие меховые шубы–типичная для турков плечевая одежда. Типична она для женщин в той же мере, как и для мужчин. Очень интересно происхождение той широкой и длинной, всегда ниже колен, обычно с отложным воротом и завязками, никогда не подпоясывающейся, рубахи которую мы встречаем ныне у турков. Есть основание полагать, что рубаха сравнительно недавнее приобретение в комплексе турецкой одежды. Прототипом турецкой рубахи следует считать двуполый кафтан, зашитый спереди на значительном расстоянии, сохранивший разрез только в верхней части. Иного, видимо, происхождения рубахи, которые иногда встречаются у юго-восточных турков, с разрезом на плече. Они происходят от древних прототипов иного порядка, чуждых турецкому миру. Если рубаха сравнительно недавнее культурное приобретение, то шаровары–древнейшая одежда турков в настоящее время, широко распространенная, в формах, типичных для турков, далеко за пределами их культурного мира.

Плечевая одежда, сшитая в талию, длинные казакины и короткие безрукавки, казалось бы, весьма типичная для турецкого мира одежда, характерная как для мужского, так и женского костюма. Однако, является сомнение, не была ли она в древности заимствована турками у монголов.

Одной из типичных частей турецкого костюма является мягкая обувь, едва достигающая колен, без пришивных подметок и каблуков. Это излюбленная обувь кочевников, для которых необычны значительные пешие переходы.

Столь распространенный ныне среди турков обычай бритья всей головы пришел к ним с юга, вместе с исламом, равно как и полушаровидные шапочки, прикрывающие бритую голову мужчины. Несравненно интереснее меховые, войлочные или суконные шапки, с высоким верхом и отворотами, закрывющими затылок и уши. Это–древний турецкий головной убор, который и поныне стойко держится в центре турецкого мира. Столь же интересны, типичные для турков, высокие женские головные уборы, которые

мы встречаем повсюду, во многих вариациях и разновидностях.

Особый стиль и техника ювелирных украшений турецких женщин, местами пышно развивающиеся, выделяют турков среди чуждых им этнических группировок.

Питание, способы приготовления кушаний, казалось бы, один из наименее устойчивых элементов культуры, бытует среди турецких племен в ряде своеобразных проявлений. Кумыс, или перебродившее кобылье молоко,–типичный турецкий напиток. Ряд своеобразно приготовленных молочных продуктов и мясной режим питания заслуживают здесь особого внимания.

Обращаясь к способам и средствам передвижения, мы без труда выделим ряд специфических для турков особенностей. Турецкое седло, существенно отличающееся от монгольского, персидского и арабского, широко распространено по всему турецкому миру. Оно бытует в тех же традиционных формах, вместе с конским набором, которые мы наблюдаем в течение многих столетий.

Таким образом, не в местных вариациях, а в основных бытовых элементах мы можем наметить ряд общетурецких черт материальной культуры.

Характерные для турецкого мира особенности мы можем отметить и в общественном быту. Крепкий родовой строй, с агнатической системой родства и вытекающими отсюда семейнородовыми отношениями и принципами обычного права, стойко держится в общественной жизни турецких народов. Достаточно бросить беглый азгляд хотя бы на взаимоотношения старших и младших в семье и роду, положение женщин-чужеродок в семье, на свадебные обычаи с калымом, левиратом, на неизменно сопровождающие свадьбу состязания в борьбе и конские ристалища, чтобы с уверенностью говорить об единстве социального строя турков.

Мое поверхностное знакомство с вокальным и изобразительным искусством турецких племен приводит меня к мысли о единстве и в художественном их творчестве, о чем подробнее скажет проф. А. А. Миллер.

Несравненно затруднительнее судить о религиозном миросозерцании турков. Ислам–господствующая среди турков религия. Он затемняет для нас былое турецкое миросозерцание, и только немногие турецкие племена хранят осколки тех верований, кото-

рые мы должны считать исконно турецкими.

*

* *

В самых кратких чертах мною сделана попытка наметить физические черты и бытовые особенности, свойственные главной массе турецких племен.

Приемлемая в общем, она, разумеется, не приложима к каждой из турецких племенных групп, ибо многие из них отличаются своеобразными особенностями.

Тот беглый взгляд, который мы бросили, не вытекает из научно-литературных источников. Он является результатом обзора музейных собраний и личных наблюдений над турецкими племенами, преимущественно северной и северо-западной групп.

К сожалению, антропологическая и этнографическая литература по-туркам не богата, а главное, случайна и крайне неравноценна по содержанию.

Быт каждого народа слагается во времени, и этнография–наука,, прежде всего, историческая. Поэтому, вне исторической перспективы все- наши построения будут беспочвенны.

Письменные источники, свидетельствующие об особенностях быта турков в древности, весьма ценны, но они крайне ограничены, требуют строгого изучения и соответствующих толкований. Крайне важны для нас палеоэтнологические исследования, которые определят физический тип турков, время и условия его формирования, раскроют нам эволюцию и генезис бытовых форм турецкого мира.

К сожалению, палеоэтнологические исследования в области турецкого мира пока только в зародыше. Одной из первоочередных задач должна быт поставлена организация планомерных, безукоризненно и научно поставленных палеоэтнологических раскопок в области, заселенной турками, и, прежде всего, на восточной окраине, у истоков турецкого мира.

Возвращаясь к вопросам изучения современного быта, материального и духовного, следует наметить задачи общего, методического характера и более частные.

Если мы окинем взором ныне существующую литературу о

турках, то нам нетрудно будет заметить, что она, количественно весьма обширная, по содержанию крайне пестра. Мы имеем ряд монографий, но их очень мало. Мы имеем статьи специального характера, чаще всего освещающие один какой-нибудь узко специальный вопрос третьестепенной важности.

Самый существенный недостаток тот, что до последнего времени почти совсем отсутствовали систематические исследования в области материального и духовного быта. Те серьезно задуманные исследования, которые предпринимались в этой области, чаще всего касались явлений реликтовых, пережиточного характера, и как будто-умышленно оставлялись в тени явления рядового порядка и, следовательно, самые типичные. Только что сказанное касается и музейных собраний в этой области. Там, в музеях, вы найдете все из ряда вон выходящее, все диковинное, чаще то, что в жизни встречается, как исключение или пережиток.

В изучении быта весьма важную роль играет количественный анализ. Если мы иной раз и имеем представление об ареале распространения того или иного бытового явления, то для нас совсем не безразлично, встречается ли оно спорадически, единицами, или это явление массовое и действительно может рассматриваться, как бытовой элемент, удовлетворяющий той или иной насущной потребности народной массы.

Для того, чтобы сдвинуться с мертвой точки в методологии изучения турецкого культурного мира, мы должны представить наглядную его картину. Для этого совершенно необходимо выяснить географическое распространение отдельных бытовых элементов и их сочетаний в тех замкнутых биологических единицах, которые мы называем этническими группами. Только после того, как эта работа будет проделана, мы сможем строго-научно ставить вопросы, подлежащие изучению, выяснить генезис различных культурных элементов и те законы, по которым отдельные элементы сочетаются в народном быту.

Таким путем, не выпуская из виду исторической перспективы, мы сможем вполне об'ективно установить элементы и их вариации, характерные для всего турецкого мира. Мы установим областные и районные группировки, которые будут совпадать с

племенными или родовыми подразделениями турецких народов и, быть может, с особенностями физического типа и диалектологическими, а, быть может, и нет, ибо, повторяю, законы развития физического типа, языка и быта не одни и те же.

Когда эта работа будет проделана, только тогда мы подойдем к разрешению более частных и не менее конкретных вопросов.

Для нас станут ясны те бытовые особенности, которые, с одной стороны, связывают с общетурецким миром самую отдаленную северо-восточную группу турецких племен–якутов, с другой–являются результатом особых древних и позднейших влияний, в частности монгольской и манчжурской культуры, влияний, которых в такой мере не испытало ни одно из других турецких племен.

Мы сможем установить огромное монгольское влияние на урянхов и в меньшей степени на алтайских турков, а в изучении абаканских и некоторых алтайско-кузнецких турков мы, быть может, придем к заключению, что имеем дело в первом случае с отуреченными монголами, а во втором–с восточными финнами.

Мы сможем проследить постепенное преобразование исконного турецкого быта, по мере продвижения на запад и северо-запад, вследствие финских влияний, и более отчетливо представим подлинный быт чувашей с деградированными турецкими их элементами.

Мы сможем ясно наметить у узбеков и, особенно, у туркмен те культурные приобретения, которые идут с Ирана, вместе с иноплеменными слагаемыми, и придают совершенно своеобразный облик их быту, столь четко выделяющемуся на фоне общетурецкой кочевнической их культуры.

На юго-западе у кавказских горцев мы установим те бытовые нити, которые, несмотря на весь туземный яфетический облик карачаево-балкарской культуры, связывают этих турков с кочевническим миром.

В Закавказье, на примере Азербайджана, мы сможем проследить, как на местном яфетическом племенном субстрате, в силу общности языка, постепенно появляются общетурецкие бытовые элементы, о чем сообщит нам Г. Ф. Чурсин.

Особо сложным представляется анализ анатолийских и балканских турков, исторические судьбы которых уже давно поставили их в связь со Средиземно-морскими культурами, вследствие чего их бытовой уклад, при наличии ряда общетурецких корней, представляет в настоящее время столь своеобразную бытовую картину, которую осветит нам сегодня доктор Месарош.

Рамки настоящего доклада не позволяют подробнее развить затронутую тему. Моей задачей было наметить только пути и ближайшие задачи в изучении культуры турецких племен.

В области естественно-исторической и экономической мы уже давно перешли к точным методам исследования и учету изучаемых явлений. Для успеха развития наших познаний по биологии человеческих сообществ, жизни этнических групп и учета факторов их жизненной деятельности, для уяснения эволюции человеческой культуры нам пора уже перейти от дилетанства к точному научному исследованию. (Аплодисменты).

Председатель. Есть одно предложение по докладу Бартольда. Предлагается избрать Комиссию в числе 7-ми. Слово имеет тов. Алиев.

Алиев. Предлагается создать комиссию в составе 7 человек для выработки резолюции по первому вопросу–о состоянии и ближайших задачах изучения историй тюркских народов. Предлагается состав из следующих товарищей:

1) Бартольд, 2) Бороздин, 3) Губайдулин, 4) Тюрякулов, 5) Карачайлы-Ислам, 6) Сабиров, 7) Тынстанов.

Председатель. Есть ли возражения, или поправки? Нет. Следующее слово предоставляется профессору Месарошу.

Современное состояние и ближайшие задачи изучения этнографии анатолийских и балканских турков

Месарош. Необходимость изучения анатолийских турков, с пересмотром существовавших до сих пор культурных тенденций в этой области, в первый раз была почувствована теперешним правительством турецкой республики. В связи с этим простой народ, являющийся главным элементом государства, стал не только главной заботой правительства, но и победоносно занял место в программах научных учреждений, в мраморных залах музеев, где хранятся памятники тысячелетий. (Аплодисменты).

Полтора года тому назад правительство турецкой республики основало в Ангоре Турецкий Этнографический Музей. Назначение этого учреждения–научным способом впервые изучить и сохранять погибающие памятники вещественной и духовной культуры анатолийских турков. Изготовление проекта этого музея к собирание предметов в этой области продолжается уже полтора года. До сих пор собран весьма ценный материал, могущий служить основанием для будущих систематических коллекций. В программу ближайших лет входит изучение отдельных вилайетов страны и собирание там предметов материальной культуры. При помощи благотворного содействия турецкого правительства и систематической работы в течение нескольких лет, возможно будет составить себе наглядное представление о теперешней этнической структуре и об этнографии Анатолии.

Проявления материальной и духовной культуры малоазиатского народа в незначительной степени привлекало внимание только прежних путешественников и археологов. Помимо описаний старейших и новейших путешественников, по некоторым отдельным вопросам, основными источниками по интересующему нас вопросу являются исследования и собрания R. Humann'a (1880), J. Kunos'a (1887–9), F. V. Luschan'a (1890), D. Brinton'a (1895), P. Karolides'a (1898), A. Gleye'a (1900), R. Herrmann'a (1900), FR. Hommel'я (190.4), J. Morgan'a(1909), J. Meszaros'a (1906, 1911), R. Bleichsteiner'a (1918).

Предметом исследований до сих пор служил большею частью вопрос культуры и этнического состава доисторических и протоисторических народов Малой Азии, в частности проблема этнической принадлежности тех древних народов, которые участвовали в распространении старейших культур на берегах Средиземного моря.

И действительно, если мы пожелаем составить себе ясное понятие о происхождении анатолийского турецкого племени, об этнографии этого народа, то, без сомнения, мы должны будем начать

наше исследование в этой области с доисторического слоя жизни туземного древнего человека. Как то показали до сих пор произведенные исследования в этой области, как антропологическое развитие современного народа Анатолии, так и его материальная и духовная культура находятся в очень тесной связи с древнейшим населением и жизнью на этой земле. В восточной части полуострова, начиная от реки Halys'a, теперешнего Кызыл-Ырмака, до системы Евфрата и Тигра, по свидетельству самых старых человеческих документов, жили так называемые *алародийские* народы. Центральную Анатолию и северную часть Сирии занимала *Хеттитская* держава. Оттуда на восток жили знаменитые рукодокопные племена Tubal и Mosoch. Дальше, на верховьях Евфрата, фигурируют Mitanni, около Ванского озера (Vanna), в Армении, Urartu, на востоке от Вавилона–эламиты (Elymet) и Kossei (по-вавилонски Kassu),–все эти перечисленные народы относятся ко второму тысячелетию до христианского летоисчисления. Новейшие исследователи нашли в структуре языка этих народов и в их этническом составе близкое сходство с современными кавказскими народами.

Их скотоводческая, земледельческая и рудокопная культура распространяет свое благотворное влияние на далекую территорию. По всей вероятности, к этому же алародийскаму роду принадлежали дальнейшие ответвления, аборигены Ликии и Карии, жившие на юго-западном побережьи Анатолии.

А в восьмом дохристианском столетии, при одном переселении, новые элементы притекают с севера и расселяются между этими старыми культурными народами. Из южных степей России, из бассейна реки Дона, переселяются кочевые и полукочевые киммерийские племена (Kimmerii, повавилонски Gimerrai, по Геродоту, через Кавказ, а по Страбону–через Балканский полуостров и Гелеспонт, в северную часть Анатолии, в окрестности Синопа, откуда они потом долгое время беспокоили военными вторжениями Илион, Лидию, Ионию и Киликию. Наряду с ними, со стороны Балканского полуострова появляются фрако-фригийские индогерманские элементы и затопляют всю северо-западную Малую Азию: Мизию и Фригию. Со стороны Кавказа приходят арийские

народы. С начала бронзового века греческая колонизация также постоянно шлет через Эгейские острова индо-германские полчища, разделившиеся на западных морских берегах.

Таким образом, из указанных выше восточных алародийских и западных индо-германских элементов была образована уже с доисторических времен первоначальная этническая основа на этой территории. Позднейшие исторические события–походы ассирийцев, персов, греков, арабов и, наконец, монголов,–нарушили, может быть, порядок расселения, уменьшили плотность населения, однако, существенно не изменили этнического состава аборигенов. При наличии первоначальной этнической основы поселились и первые турецкие покорители, сельджуки, в течение XI в. Эти последние пришельцы обосновываются по большей части в Армении, в Каппадокии и в Ликии, одним словом, на земле старинных алародийских народов. И хотя власть их более или менее распространилась почти на всю Анатолию, всетаки местом их поселения были по большей части средние и восточные области. Турки шаха Сулеймана, предки настоящего господствующего элемента, появляются в их теперешней родине в начале XIII столетия. Они сами выходят из средней Азии, подобно сельджукам, и впервые появляются в долинах реки Ефрата. Их число, по турецким летописям, не могло быть больше, чем приблизительно 50.000 или 150.000 душ. Принявши их к себе, конийский султан Ала-Эддин назначает им зимовку в Вифинии, около Sojud'a. Здесьто, в бассейне реки Сакарии, размножается воинственный народ Эртогрула и Османа. Неподалеку, в Бруссе, устраивается первая столица, здесь основывается турецкая держава, из этого центра продолжается, вместе с распространением мухаммеданской веры, медленное отуречение всей Анатолии.

Сведения об упомянутом переселении народов и нахождение первых турецких родов должны нам служить основой для исследования этнографии анатолийских турков. Сначала, прежде всего, нужно по соответствующим показаниям летописей и документов установить главные направления исторических расселений сельджуцких и позднейших турецких элементов. Параллельно с этим полезно было бы выяснить антропологический вид анатолийского

жителя. С появлениям в дальнейшем новых покорителей, власть из византийских рук перешла в руки турков. Аборигены же в этническом отношении остались приблизительно на тех же местах, где они были от доисторических времен до средних веков. Новый господствующий элемент руководил правительством, играл самую видную роль в войске, продолжал вести свой излюбленный кочевой или полукочевой образ жизни, а покоренный преобладающий слой земледельческого народа состоял из того же самого алародийского и индо-германского элемента, находившегося издревле на этой земле. Турки настоящего монголоидного типа и по числу были слишком малочисленны для того, чтобы быть в состоянии заселить эту громадную территорию, уже заселенную многочисленными группами. Этим обстоятельством об'ясняется, почему так сравнительно редко встречаются соматологические черты монголоидного типа в Анатолии. Наоборот, местами все чаще и чаще заметно наличие отличительных свойств, частью алародийских, частью же индо-германских аборигенов. Недавно основанное при медицинском факультете Стамбульского Университета, Антропологическое Общество имеет своей целью систематическое изучение этого вопроса.

Если по этим исследованиям определится этническая принадлежность малоазиатского человека и географическое расселение отдельных типов, то благодаря этому и этнографические исследования будут облегчены во многих отношениях.

В связи с этими кругом исследования находится изучение анатолийских диалектов. Как подсобная наука, оно также необходимо для об'яснения народной культуры, главным образом, для об'яснения происхождения некоторых специальных культурных понятий. Они переходят всегда от одного народа к другому вместе с терминологией. И когда, например, в анатолийском турецком языке мы встречаемся с выражением некоторых культурных понятий кавказскими или индо-германскими словами, то, несомненно, в них проявляются редкие остатки исчезнувшего языка старинных аборигенов. И не только эти слова, выражающие культурные понятия, но их географическое распространение имеет глубокое значение. Кроме этого, очень важна будет и точная фонетическая запись анатолийских диалектов. Отуреченные аборигены, естественно, перенесли фонетику их старинного родного языка на свое новопринятое наречие. Так, в северном диалектическом районе (от Кастамболу до Харпуга) произносится большею частью гуттуральное О и У в тех случаях, где, вообще, в других турецких языках звучит палатальное ö и ü (напр. Boluk-Bölük). Это является ясным свидетельством о том, что в прежнем говоре и языке этих аборигенов звук этот был совершенно неизвестен. Будущая диалектическая карта этих территорий приблизит нас равным образом к разрешению проблемы происхождения малоазиатских турков. Излишне подчеркивать то, что, при подобных лингвистических исследованиях, для фонетической транскрипции, по сие время везде применяется европейский латинский алфавит.

История расселения, антропология и лингвистика, впрочем, нечто иное, как вспомогательные и подсобные науки, для точного этнографического изучения одного народа. К ним нужно обращаться особенно в данном случае, потому что дело идет о несколько усложненной культуре, и задача несколько меняется, по сравнению с изучением других первобытных народов. Вообще, этнография, и в широком смысле этнология, как сравнительная наука, с своей народно-психологической системою, ставит себе задачей разгадать загадку происхождения всеобщей человеческой культуры. У более развитых народов, как и анатолийские турки, исследователя не в первую очередь занимают эти международные генетические вопросы. Первоначальная задача состоит здесь в верном и совершенном установлении этнографического вида этого народа. Необходимо также собрать и классифицировать вещественный материал, могущий показать проявление хозяйственных форм, социальной жизни и способ коллективного мышления. Такой материал собирается и хранится в Этнографическом Музее, устроенном в Ангоре.

Малая Азия, главным образом, обещает нам много интересного материала, особенно в трех отношениях. Во-первых, вещественные памятники, дающие понятие о первобытной кочевой жизни рассеяных и jükük'ских и türkmen'ских родов. Эти кочевые элементы сохранили до сих пор, в антропологическом смысле, наи-

более чистый тип турецкого народа. В проявлениях их хозяйственной жизни и сегодня еще живо сохраняется память о старой средне-азиатской культуре. Формами своей хозяйственной жизни они обнаруживают свою тесную связь с своими другими родственниками, оставшимися на далеком Востоке. Социальная родовая система и духовная культура у них тоже имеет очень близкие аналогии в сродных культурных явлениях восточных турков.

Вторая, не менее интересная, группа состоит из земледельческих инструментов оседлого мало-азиатского народа (т. н. köylü или rendcber). В типологическом отношении часто доисторическая картина открывается в этой области перед глазами исследователя. И здесь частью занесенные формы из Азии, частью туземные западо-азиатские явления привлекают внимание собирателей.

Северо-восточная часть Анатолии, с своим естественным рудным богатством, уже в глубокую доисторическую эпоху известна была, как классическая родина металлургии. Соседние культурные народы добывали оттуда металлы; из этого же источника доставали их и хеттиты; отсюда разнес металлические изделия торговыми путями ветхо-заветный народ Тубал; в этом же краю известны были в VI-м столетии до Р. Х. халибы, по имени которых греки называли «сталь» халипс. В этом же районе и в наши дни не угасло рудокопство, сохраняющее и до нашего времени пережитки старых доисторических форм. С музеологической точки зрения весьма поучительно будет основательное этнографическое изучение этого района.

Долго всетаки не будет возможно остановиться в этих узких пределах. Разыскание дальнейших следов и связей необходимо, с одной стороны, в области расселения турков в направлении Балканского-полуострова, с другой стороны, на родной земле восточных турков. Несомненно, в этом отношении нужно будет распространять исследования на всех представителей многочисленных тюркских народов.

Все эти родственные народы живут, главным образом на территории СССР. Литература по тюркологии самая богатая здесь, и представители этой науки здесь были всегда самые выдающиеся и многочисленные. А потому сотрудничество обоих стран в этой

области не может подлежать сомнению. Реализация этого сотрудничества представляется различным образом. Музеи обоих стран могли бы содействовать в данном случае собиранию вещественных памятников этнографии тюркских народов. Этнографический Музей в Ангоре, быть может, будет в состоянии время от времени составлять дубликатные коллекции и предлагать их в обмен на равноценные коллекции восточных турков. Далее, относительно об'единенного собирания фольклористических материалов не исключено также сотрудничество. Оно может выразиться в общих экскурсиях и экспедициях к различным тюркским племенам.

Кроме этого, анатолийская земля, благодаря своему старо-этническому составу, и в другом направлении представляет возможность для сотрудничества. Закавказская область является самой старинной родиной тех алародийских народов, остатки которых живут в настоящее время на Кавказе, и изучением коих занимается Яфетический Институт в Ленинграде. Культурные и языковые памятники всех этих аборигенов извлекались из земли Анатолии, но громадная часть их, вероятно, лежит еще и сегодня никому неизвестной. На горах и в долинах северо-восточной Анатолии живут даже прямые потомки упомянутых старых культурных народов. И не совсем исключена возможность, что много научных тайн до сих пор таится в этих легендарных горах. Все перечисленные задали, проблемы, благодаря их особенному характеру, требуют также, само собою разумеется, известного научного содружества.

В заключение я позволю себе сказать, что этим скромным докладом я хотел познакомить почтенных членов Конгресса с программою наших этнографических изучений, в той надежде, что соединенными силами мы совершаем общеполезную работу в интересах наших народов и науки (аплодисменты).

Председатель. Прежде, чем перейти к следующему вопросу, предоставляю слово т. Руденко для оглашения тезисов по его докладу.

Руденко. Разрешите огласить тезисы моего доклада.

1. При всей разноплеменности турецкого мира, допустима постановка вопроса о физическом типе, характерном для турков.

На основании палеоэтнологических материалов и антропометрических данных, турецкий тип ярче всего проявляется у казак-кыргызов.

2. Для выяснения расовой и племенной конституции физического типа турецких племен и их жизненности, необходимы планомерные антропологические исследования.

3. Несмотря на поразительное, казалось бы, разнообразие бытовых форм у турецких народностей, в основе турецкой культуры лежит скотоводческо-кочевнический быт, с вытекающими из него определенными бытовыми формами.

4. Первочередными задачами в изучении культуры турецких народностей должны быть поставлены: а) планомерные, безукоризненно и научно-проводимые палеоэтнологические раскопки в области, заселенной турками, и, прежде всего, на восточной окраине у истоков турецкого мира; б) систематическое качественное и количественное изучение бытовых элементов, географического их распространения, выяснение законов сочетания бытовых элементов в биологических единицах–этнических группах; в) выяснение на общем фоне турецкого быта племенных культурных вариаций, как следствия перерождения в процессе усвоения чуждых форм быта, так и региональной эволюции в своеобразных условиях окружающей среды.

Председатель. Есть просьба о перерыве.

(Перерыв об'является на 10 минут).

Ближайшие задачи этнограф. изучения Кавказск. тюрков

Председатель. Слово предоставляется тов. Чурсину, (аплодисменты).

Чурсин. В своем докладе я хочу обратить внимание Тюркологического С'езда на один весьма важный вопрос–вопрос об организации систематического и планомерного изучения тюркских народов Кавказа. Кавказ, как известно, с очень древних времен считается одним из наиболее разноплеменных и многоязычных районов земного шара. Здесь, на небольшой территории, сосредоточено около 50 различных народов, говорящих различными языками, имеющих различное происхождение и стоящих на самых различных ступенях культурного развития. Среди этого большого количества различных народов одна группа, об'единяемая тюркским языком, выделяется своей численностью, своим экономическим и политическим значением. Эта тюркская группа народов Кавказа обнимает, примерно, около двух миллионов населения Кавказа и распространена как в пределах закавказской федерации, так и на Северном Кавказе. Мы имеем около 10 отдельных народов тюркского языка, из которых 5 народов живут на Сев. Кавказа и 5–в пределах Закавказья. Из них азербайджанские тюрки представляют основную массу тюркского населения, массу, охватывающую около полутора миллионов населения Закавказья, массу составляющую 25% всего населения ЗСФСР, массу, которая на территории своей собственной Азербайджанской республики составляет 60% населения. На Сев. Кавказе мы имеем 5 народов, стоящих на различной высоте культурного развития и численно представленных весьма различно, начиная от кумыков, наиболее многочисленных и культурных, потом ногаев (70.000), карачаевцев, балкар и туркмен, которые составляют только 8000 с лишним. В Закавказье, кроме азербайджанских тюрок, мы имеем ряд мелких народов, которые не имеют большого значения и частью сливаются с азербайджанскими тюрками, частью живут отдельной жизнью на территории Абхазии (османы) и на территории Аджарии (аджаристанцы), небольшое количество туркмен, шахсеваны. Вся эта значительная масса тюркских народов Кавказа до сих пор оставалась этнографически неизученной. Интересы научных исследователей на Кавказе привлекались больше всего, т. н., коренными кавказскими народами, народами, сохранившими элементы культуры Кавказа, народами, относящимися к т. н. яфетической семье. Тюрки, как народы, появившиеся несколько позже на территории Кавказа, и как народы, мало сохранившие пережитки древнего быта, оставались почти в забвении, литература о нйх крайне скудна, и только те народы, которые судьбами истории загнаны в наиболее неприветливые условия природы (карачаевцы и т. д.), только они привлекали внимание исследователей. В настоя-

щее время можно сказать, что наиболее серьезной литературой по этнографии этих народов является литература относительно карачаев, в то время как азербайджанские тюрки, составляющие самую основную массу тюркского населения Кавказа, меньше всего привлекали внимание исследователей этнографии. Между тем, народы тюркского языка, народы Кавказа по своему быту, по своим обычаям и воззрениям представляют не меньший интерес, чем народы яфетического семейства. Если мы бросим беглый взгляд на различные формы быта у различных тюркских народов Кавказа, то увидим, что здесь мы можем проследить переход от одной культурной формы к другой, начиная с наиболее примитивных, причем одни группы по своему быту, по своим обычаям и воззрениям гораздо больше примыкают к яфетическим народам, чем другие, другие же совершенно лишены или мало имеют элементов, сближающих их с народами яфетическими. Если обратить внимание, прежде всего, на хозяйственный быт, то увидим, что среди тюркских народов Кавказа одни народы сохранили первоначальный кочевой и скотоводческий быт тюркских народов в Средней Азии, такие, как ногайцы, туркмены, но были кочевые группы и азербайджанских тюрок в Закавказьи. Другие перешли давно к оседлому быту, но занимаются всетаки, преимущественно, скотоводством, как карачаевцы, балкарцы. Третья группа народов давно перешла к оседлому быту и занимается почти исключительно земледелием, хлебопашеством и скотоводчеством, как, например, кумыки. Если от хозяйственного быта перейти к различным элементам материальной культуры, то и здесь мы можем наблюдать различные формы материального быта. Мы могли бы проследить у тюркских народов целый ряд форм жилищ, начиная от типичной тюркской кибитки и переходя затем последовательно к полуземлянке и землянке. Население, переходящее к полуоседлому быту, и каменные постройки балкар, постройки из огромных древесных бревен карачайцев, из кирпичей у кумыков, у азербайджанских тюрок и т.д. Словом, целый ряд последовательного развития жилищ у тюркских народов можно проследить на территории Кавказа.

Такое же разнообразие мы имеем и в области домашней обста-

новки, домашней утвари и затем домашнего обихода. Если обратимся к тюркским горцам Кавказа, то увидим там, среди предметов домашнего обихода, предметы из дерева, кожи, рога и даже камня. Мы видим, что вместо глиняной посуды, распространенной у народов, живущих на равнинах, здесь преобладает посуда деревянная, кожаная и посуда из рога. Камень применяется для изготовления каменных ступок. Ничего подобного мы не увидим в восточном Закавказьи, в Азербайджане или у кумыков, где посуда глиняная и медная. Если перейти от материального быта к социальным отношениям и общественному устройству, и здесь, среди этих десятков тюркских народов, мы могли бы проследить различные фазы развития общественной жизни. В то время, как у тюркских народов Северного Кавказа до сих пор значительно сохранился родовой строй – это мы видим у карачайцев, балкаров, тюркмен,–у азербайджанских тюрок родовой строй уже проявляется очень слабо. У северо-кавказских тюрок мы видим экзогамный брак: члены одного рода не вступают,–до сравнительно недавнего времени,–в брак между собою. В настоящее время эти пережитки родового строя, экзогамного строя уходят в прошлое. Но до сих пор члены одной и той же фамилии очень часто не вступают в брак между собой.

Ничего подобного мы не видим у азербайджанских тюрков, где, напротив, наблюдается скорее эндогамный брак, т. е. наблюдается брак между близкими родственниками. Предпочтительным считается жениться на родственнице, чем на члене другого рода. В области воззрения религиозного характера, в области обычая, верований мы наблюдаем также большое различие между тюрками, горцами Сев. Кавказа, как карачаевцы и балкарцы, и, отчасти, ногайцами и тюрками восточными, как кумыки, и азербайджанскими тюрками. У карачаевцев и у балкар мы встречаем целый ряд воззрений, сходных с воззрениями яфетических народов. Мы имеем ряд божеств, аналогичных божествам абхазцев и сванов. У балкар мы имеем божество охоты,–Абсады, которое соответствует божеству охоты осетин Абсати, или божеству охоты сванов–Абсад. Затем мы имеем пережитки или отголоски других божеств, как божество грозы Чаба у карачаевцев, балкар, и слабое воспоминание

об этом божестве у абхазцев и осетин. Подобных божеств у азербайджанских тюрок и у кумыков совершенно не имеется. Но затем у тех же тюрок, горцев Сев. Кавказа, карачаевцев и балкар, сохранились древнейшие, чисто тюркские названия. У карачаевцев бог носит название Тейри, чего у кумыков, у азербайджанских тюрок не имеется. У них же имеется представление о злом существе Обур. Это чисто тюркское божество, которого нет у тюрок Азербайджана. А затем, если мы обратимся к поэзии, и здесь, у карачаевцев и балкарцев, мы наблюдаем нартовский эпос, широко распространенный у народов яфетического мира, у чеченцев, абхазцев, осетин, тогда как у народов восточной и даже северной части Кавказа, у тех же ногайцев и туркмен, следов нартовского эпоса мы не встречаем. Это эпос совершенно иного мира. То же самое явление наблюдается в области музыкальных инструментов. У карачаевцев, балкарцев и в прежнее время у ногайцев существовал инструмент, которого мы не знаем и не видим у кумыков и азербайджанских тюрок, напр. инструмент для отбивания такта, харе, состоящий из дощечек. Этот инструмент был известен только карачаевцам, ногайцам, кабардинцам, осетинам. Кумыки и азербайджанские тюрки такого музыкального инструмента не знали. Затем другой музыкальный инструмент, сибзи, в роде флейты, был известен кабардинцам и ногайцам, но, насколько известно, среди тюрок не встречался, его не было ни у азербайджанских тюрок, ни у кумыков. Здесь, на территории Кавказа, среди тюрок северного и южного Кавказа, мы встречаем различные стадии и формы культуры, что объясняется, с одной стороны, влиянием различного окружающего культурного мира. Северокавказские тюрки–балкары, карачаевцы, входили в круг культурного влияния кабардинцев, и если они принесли с собой из своей далекой родины некоторые воспоминания, чисто тюркские старинные воззрения и верования, чисто тюркские названия божеств, о которых я говорил, то, с другой стороны; они восприняли от окружающего мира целый ряд особенностей быта, материальных и духовных, которые связывают их с народами яфетической культуры. Тюркские народности Закавказья, затем народы восточной части Сев. Кавказа–кумыки, туркмены и ногайцы,–гораздо больше

и в большей полноте и целости сохранили чисто тюркские формы быта, воззрений и обычаев. Этих примеров достаточно, чтобы показать, что среди тюрок Кавказа мы имеем самые разнообразные элементы, разнообразные стадии культуры. Мы имеем богатый материал, который мог бы пролить свет на многие проблемы этнологии. Но, к сожалению, этнографическое изучение тюркских народов Кавказа до сих пор не было совершенно организовано. Та литература, которая имеется по этому вопросу, чрезвычайно скудна и не затрагивает многих сторон этого вопроса. Поэтому я и считал необходимым выступить с этим докладом, чтобы привлечь внимание Тюркологического С'езда к вопросам организации систематического и планомерного этнографического изучения всех тюркских народов Кавказа.

Что с этой целью необходимо сделать? Прежде всего, конечно, необходимо выяснить то, что было до настоящего времени сделано в области этнографического изучения тюркских народов Кавказа, т. е. необходимо составить тщательно разработанный библиографический указатель литературы о тюркских народах Кавказа. Затем, необходимо также собрать все имеющиеся древнейшие письмена, собрать сведения из арабской и классической литературы о тюркских народах Кавказа и эти сведения в извлеченном виде издать в виде особого сборника этнографических материалов о тюркских народах Кавказа. Кроме того, если в литературе еще имеются некоторые всетаки ценные работы, касающиеся этнографии тюрок Кавказа, то эти ценные работы безусловно нужно собирать и издать в виде отдельного сборника, т. к. те работы, которые были до настоящего времени опубликованы, делаются библиографической редкостью, и пользование ими представляется довольно затруднительным. Затем, самое важное–это создание такого учреждения, которое взяло бы на себя работу по систематическому и планомерному исследованию этнографии и, вообще, этнологии тюркских народов Кавказа. С этой целью необходимо создать учреждение, которое могло бы взять на себя функции тюркологического института по изучению тюркских народов Кавказа. Этот институт был бы действительно научным очагом, об'единяющим вокруг себя все научные силы, работающие

по тюркологии. Кроме того, он дал бы могучий толчек делу изучения тюркских народов Кавказа. Помимо создания научного учреждения, ведущего тюркологическую работу, считаю полезным также особый печатный орган, посвященный вопросам тюркологии. Такого печатного органа здесь мы не имеем, и создание его было бы в высшей степени целесообразно, т. к. он не только служил бы об'единяющим центром для тюркологических научных сил, но послужил бы очагом для создания новых работников в области тюркологии. Затем, вопрос о собирании коллекций также стоял весьма и весьма плохо. Известно, что ни в одном из музеев Советского Союза нет вполне систематически подобранных коллекций, характеризующих быт тюркских народов Кавказа, я не говорю о тюркских народах Советского Союза вообще.

Здесь, в Азербайджанском Госмузее, также имеются пока довольно слабые зачатки этнографического отдела, характеризующего быт тюркских народов. Поэтому было бы весьма важно или при музее Азербайджана, или в виде самостоятельного учреждения создать тюркологический музей, музей, посвященный специально быту всех тюркских народов Закавказья. Этот музей мог бы дать полную картину быта тюркских народов, рассеянных по всему Кавказу. Кроме того, чтобы создать научных работников, которые бы двигали это дело, которые бы служили ядром, вокруг которого собираются все научные тюркологические силы,–необходимо расширить и углубить преподавание этнологических дисциплин при Азербайджанском Университете. Если бы указанные мною выше мероприятия были проведены в жизнь, мы могли бы сойти с мертвой точки в деле этнографического изучения тюркских народов. Остается пожелать, чтобы работники в этой области смогли найти силы преодолеть материальные затруднения, которые встретятся на этом пути, и тогда тюркологический институт и другие учреждения, заинтересованные в этом деле, скоро превратятся в мощные научные организации, которые послужат примером и образцом для тюркских народов всего мира (аплодисменты).

Об изобразительном искусстве тюркских народов

Председатель. Слово предоставляется профессору Миллеру.

Миллер. Сегодня здесь не раз высказывались пожелания о необходимости всестороннего изучения культуры турецких народов. Вполне присоединяясь к этому, я в качестве специалиста, работавшего по изучению одной из сторон культуры турецких народов,–выскажу также пожелание, чтобы дальнейшее изучение было бы организовано полно и разносторонне. Это необходимое условие для дальнейшего поступательного движения наших знаний в области изучения турков. Я остановлюсь на одном из слагаемых культуры, которое недостаточно было освещено предшествовавшими докладчиками, и которое, с моей точки зрения, имеет большое значение, именно на изобразительной деятельности турецких народов. Но нужно оговориться, что пути к этому источнику значительно-испорчены диллетантизмом и несерьезным отношением к делу. Здесь возможны две позиции: или мы будем относиться к этому серьезно, тогда мы получим источник весьма большого значения к пониманию культуры прошлого этих народов, если мы станем на другую точку зрения и будем оценивать эти народные произведения по признаку того, нравится или не нравится, и каковы они в отношении современных художественных восприятий, то на этом пути мы далеко не уйдем. И диллетантские шаги, которые делались много раз в этом направлении, не могли послужить той опорой, которая необходима для оценки этого материала, как научного источника первостепенного значения. Поэтому к строго научному изучению этой стороны народной жизни я хочу призвать работников, изучающих тюркскую жизнь. Перейду теперь к характеристике того материала, который подлежит моему рассмотрению, и постараюсь сделать некоторые выводы из той работы, которая мною проводилась в течение ряда лет.

Если мы посмотрим на изобразительную деятельность тюркских народов, то мы сделаем заключение, что образцы этой изобразительной деятельности можно рассматривать с разных сторон. Прежде всего, в этой деятельности мы найдем своеобразное при-

ложение декоративной работы к тому или иному бытовому предмету. Если бы мы приступили к рассмотрению изобразительных работ тюркских народов по этим признакам, мы бы пришли к локализации мелких областей, которые в том или ином отношении различаются, и даже иногда резко между собою различаются. Чтобы идти таким путем с надеждой на некоторые выводы, нужен огромный сравнительный материал, которым пока мы не располагаем. Если мы возьмем другую сторону народного творчества и будем исследовать его со стороны утилизации разных материалов, применяемых в искусстве, то мы можем придти к некоторым выводам; но я сейчас на этом не буду останавливаться и оставлю в стороне также всю сумму данных в отношении очетания красок.

Ограничу свой разбор только самой существенной стороной, тем фундаментом, который лежит в основе всякой изобразительной деятельности, именно–орнаментальным характером искусства. Если к этому материалу приложить строго проверенный научный метод, орнаменты могут дать некоторый материал к пониманию культурных взаимоотношений турков, и полученная общая картина этих взаимоотношений и влияний в основном–совпадет с картиной таких же отношений, построенных на другом материале. Изобразительная деятельность тюркского мира в орнаментальном отношении нас поражает необычайным богатством и разнообразием.

Разбираясь в этом материале внимательно и группируя орнаментальные элементы по существенным признакам, мы находим, что это разнообразие и даже пестрота имеют определенные и закономерные основания.

Наиболее богатыми орнаментально оказываются турецкие народы давно пришедшие в соприкосновение с высоко-развитыми культурами и подвергшиеся с этой стороны сильным влияниям.

В эту группу я включаю узбеков, туркмен и азербайджанских тюрков. Конечно, эти районы на периферии турецкого мира подвергались воздействию высоко-культурных центров и утратили почти полностью те коренные мотивы, которые были присущи туркам-кочевникам в их кочевой обстановке. Устраняя из рассмотрения эти районы, я должен буду отделить и другую большую

группу турецкого мира, которая также подвергалась длительному воздействию иной творческой концепции и традиций. Я подразумеваю башкир, мишарей и казанских татар. Здесь мы не найдем почти никакого материала в орнаментальной стороне изобразительной деятельности, который можно было бы сближать с орнаментом, характерным для турков-кочевников. Когда мы оставляем эти две группы, перед нами предстает коренной турецкий мир, который сохранил и в бытовой форме, и в других чертах наибольшее количество признаков, которые мы можем считать турецкими и старыми. Если мы посмотрим на кыргызов, казаков, алтайских турков, то здесь найдем чрезвычайно характерную базу изобразительной деятельности, которая является весьма однородной во всех этих группах. Отметим, что, анализируя эти формы орнамента, мы не доходим до тех первоисточников, которые могли бы дать разгадку на основной вопрос: какие сюжеты лежали в основе тех орнаментальных мотивов, которые развивались и выросли в пышную картину разнообразных и пестрых сочетаний. Этой первородной стадии мы в пределах турецких народов не находим совсем. Но с этим вопросом мы вплотную подходим к монгольским племенам, и здесь у бурят (кудинских), орнаментальные элементы имеют определенные названия, они нам представляются в простейших формах, которые в свою очередь слагаются в элементарные комбинации парных сочетаний и ритмических рядов.

В среде турков-кочевников орнамент перед нами выступает таким, же по своим элементам, но в более развитой стадии. Эти мотивы мы находим широко распространенными и за пределами обитания мною указанных народов. Лучшим представителем, лучшим держателем старых турецких форм мы можем указать на Сев. Кавказе на караногайцев. У караногаев найдете такие же фазы развития какие мы видим у кыргызов и казаков, и, что более всего нас заинтересовывает, это то, что эти орнаментальные старые турецкие формы, сохранившиеся у караногаев, являются в настоящее время распространенными и вне границ турецких племен и народов Сев. Кавказа. Если здесь говорилось о том, что яфетические племена Кавказа влияли на культуру северо-кавказских тюрков, что является фактом положительно установленным, то

позвольте, с другой стороны, утверждать, что и влияние турецкой культуры на туземное яфетическое население Кавказа было весьма значительным, проникая глубоко в край. Если посмотрим на весь Кавказ со стороны распространения разного рода орнаментальных форм, то нетрудно будет, по основным признакам, весь край разделить на несколько зон. В одной зоне – Грузия и Армения, история орнаментальных форм которых сложна, – я не буду на этом останавливаться, – затем – Азербайджан на востоке, на севере– горный район, довольно узкий, доходящий до центра Дагестана. Эта последняя зона характеризуется в высокой степени архаическими формами орнамента, орнамента до-исторического, несмотря на то, что он является современным. За исключением этих трех зон, все остальные яфетические народы, начиная с западных черкесов, кабардинцев и до чечен, включая сюда и горных тюрков, обнаруживают в своей изобразительной деятельности формы настоящего турецкого кочевого орнамента. Это вклад турецких кочевых племен, и, вероятно, довольно древний; по крайней мере, в черкесской курганной культуре на Кубани эти турецкие элементы выступают хорошо усвоенными уже в XIV веке. Если мы посмотрим на Дагестан, то здесь найдем, по крайней мере, орнаментальных слоя, которые сосуществуют в теперешнем быту. Архаический орнамент уживается вместе с высоко-развитыми формами, заставляющими думать о их персидском происхождении; наконец, здесь же мы находим и те самые турецкие орнаментальные элементы, о которых речь была выше. А здесь, таким образом, мы находим известный вклад турецкой культуры. Орнаментальный характер Азербайджана приводит нас к тому заключению, что здесь имеется огромный слой персидских форм. Но к этому следует сделать оговорку. Персия влияла на культуру азербайджанских турок, это несомненно, но несомненно и то, что усвоение этих чужеродных элементов происходило в Азербайджане в процессе творчества, в процессе переработки их в иные формы, которые ничего общего с персидским искусством не имеют. Мы здесь видим картину, аналогичную той, на которую указывал проф. Месарош в области турецких диалектов Анатолии, где замечаются отклонения от общих норм, характеризующие особенности ныне исчезнувших языков аборигенов страны. Но еще, может быть, интереснее то, что в массе орнаментных мотивов, персидских по происхождению и переработанных, мы находим пережиточно сохранившимися древние турецкие орнаментальные мотивы, столь характерные для кочевников, и в Азербайджане.

Я заканчиваю этим мое краткое сообщение, которое имело целью указать на направление, в котором могут сложиться выводы научного изучения народной изобразительной деятельности, в частности – орнамента. Научный подход к этим вопросам значительно обогатит наше понимание культуры турецких народов, и нужно надеяться, что настоящий с'езд положит начало планомерной работе по собиранию и изучению необходимых материалов к следующему с'езду, который не заставит себя долго ждать. Позвольте сказать, что я располагаю некоторым количеством рисунков, которые могу желающим продемонстрировать, в подтверждение тех основных мыслей, которые я изложил. (Аплодисменты).

Прения

Председатель. По прениям слово предоставляется товарищу Галимджану Шарафу.

Шараф. Т.т., как представитель одной из тюркских народностей, заслушав доклад в области этнографии, я хотел бы выразить некоторые пожелания. Эти пожелания сводятся к следующим пунктам. Если мы посмотрим на всю работу востоковедов наших в прошлом и даже в значительной степени в настоящем, мы увидим, что наши востоковеды и наши тюркологи, и этнологи, главным образом, занимаются изучением моментов археологии, надгробных памятников прошлого, изучением верований и других моментов исторического прошлого или моментов, носящих характер идеологических надстроек. Почти совершенно не применяется метод статистического этнографического изучения. Не изучается экономическое положение отдельных тюркских народностей. Однако, такое изучение вполне возможно и должно быть. Например, почему не предпринять изучения экономики крестьянского хозяйства у татар, у азербайджанцев, у других народностей? Почему не заняться изучениеи кустарных промыслов у различных народностей, изучением положения пролетариата, в каком производстве он имеется и в какой форме? Какое положение в данном производстве занимает пролетариат, соответствующие национальности и т. д. Все эти вопросы совершенно не изучены, и наши тюркологи, востоковеды почти не занимаются этим вопросом. Опыт Татарской республики в этом отношении говорит, что такое изучение вполне возможно, и оно дает большой материал. Такое массовое изучение, охватывая все крестьянское хозяйство, охватывая весь пролетариат в данном месте, совсем не требует больших расходов, чем расходы на различные другие исследования, на раскопки и т. д. Я этим отнюдь не хочу умалять значения чисто научных исследований, но то экономическое изучение положения различных классов, которое нам необходимо, изучение экономики той или иной тюркской народности даст безусловно много, больше, чем изучение прошлого, чем изучение тех или иных отдельных моментов. Да и в научном отношении, я сказал бы – изучение и разработка этого вопроса едва ли имеют меньшую научную пробу, едва ли эти вопросы составят низкопробный материал. По-моему, нашим востоковедам нужно было бы на эту сторону обратить внимание. В частности, в этих целях следовало бы было больше привлекать к изучению вопросов этнографии и тюркологии востоковедов – местных работников, а самим тюркологам и учреждениям, подготовляющим работников по тюркологии, безусловно необходимо ввести предметы по экономике, по статистике и, вообще, быть ближе к практической стороне дела, конечно, не прекращая работы по линии археологии, по линии изучения различных идеологических надстроек различных тюркских народностей. Одновременно необходимо, безусловно, и на эти области обратить серьезнейшее внимание. Например, в статистическом управлении каждой национальной республики имеются материалы по крестьянскому бюджету, имеются материалы по статистике, имеются материалы ЗАГС'а по вопросам рождаемости, смертности от тех или иных болезней и т. д. Все эти вопросы можно разрабатывать без особенно больших затрат. Возьмем другую область, область языковедения. Если мы обратимся к трудам наших тюркологов, то здесь мы мало встретим того материала, который мог бы служить для наших практических целей. Мы, тюркские народности, еще мало культурны.

Мы подходим к вопросам реально, мы смотрим, что можно использовать. Например, в области языка и в других областях главные, фундаментальные труды посвящаются мелким или вымирающим народностям, которые не могут использовать в практических целях получаемый материал. Самый большой труд в области отдельных тюркских народностей, труд проф. Катанова, такой (показывает) толщины, в 20 фун., конечно, очень ценный не только с точки зрения изучения урянхайского языка, но и для других областей очень ценный, но он посвящен такому народу, который исчисляется в 15.000 населения и который никогда этим материалом в практических целях не воспользуется. В этом отношении нельзя подходить к тюркологии, как к зоологии, как к исследованию мелких явлений, а нужно дать работам более

прикладной характер. (Аплодисменты).

Хакимов. Я хотел сказать, что доклады востоковедов еще не удовлетворяют и потому, что доклады нужно делать обязательно по научным основаниям. Эти научные основания есть социальные основания, т. к. человек есть социальный продукт. Нужно понять человека и с биологической стороны. Научный метод есть именно только марксистский, социологический метод. По этому методу мы знаем, что человек только приспособляется, и у него вся национальная и физиологическая физиономия изменяется только по социальному положению. Напр., узбеки всегда носят яблоки и другие вещи, на голове в корзине. От этого зависит у них строение черепа: у них очень толстый череп. Если бы мы не знали этой причины, тогда это нам было бы непонятно. Возьмем еще человека с биологической стороны. Мы должны здесь исследовать этнографическую сторону человека по конституции. Конституция бывает внутренняя и внешняя. Внешняя часть: волосы, кожа и др. По этим внешним признакам мы всетаки не можем достаточно знать и определять. Для этого нужно обязательно изучать и внутренюю сторону конституции человека. Напр., у него бывают родимые пятна, как у турко-татарско-монгольского типа бывает над спинным мозгом. Еще есть в составе крови различия, напр.: если европейцев такой-то болезнью болеет 5 чел. из 100 или 1000, то, может, из тюркских народностей – 3. Это зависит от состава крови. Когда мы исследуем религию нации, тогда это нужно связать с тем фактом, что характер человека определяется по его конституции, а самая важная часть конституции это есть внутреняя секреция человека. Почему именно все китайцы, японцы, индусы – буддисты? Очевидно, к этому располагают их какие-нибудь особенности их внутренних секреций.

Вот с этим тоже нужно считаться. Я хотел сказать, что так именно нужно исследовать человека и нацию, только по био-социологическому методу.

Вечернее заседание начинается в 4 ч. 30 м.

После речи т. Хакимова утреннее заседание закрывается.

ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ

27-го февраля 1926 юда.

Председательствует т. **Джабиев**.

Сабашкин. Многие товарищи, присутствующие здесь на с'езде, не знают своей нации. В числе последних нахожусь и я, представитель ойратов. Нас относили старое время к различным нациям: называли калмыками, «инородцами», алтайцами, телеугами. Вследствие столь многих определений нашей национальности, мы потеряли нашу действительную национальность. Лишь недавно я, учась в ВУЗ'е и имея некоторое общение с научными силами тюркологии, узнал, что я тюрок. Нас так титуловали достопочтенные ученые: Радлов, Вербицкий, Харузин и др., – точна также определение нашей национальности дает докладчик проф. Руденког «отуреченные монголы». Я против такого определения протестую, так как я хочу быть членом той нации, которая представлена на этом с'езде. О том, что мы действительно являемся народом тюркского племени, говорит сама история и то прошлое, которое мы совершили в момент отступления перед русским милитаризмом. Наше племя находилось в пределах Иртыша, и, теснимые русским милитаризмом, мы отступали по реке и вынуждены были выйти на юг Сибири и оставить на произвол судьбы Якутию. Об этом же говорит существующее в народе, особенно среди киргиз, враждебное чувство по отношению к нам. Они говорят, что мы изменники; киргизское предание говорит, что ойраты, некогда бывшие одной нацией, уступили русскому милитаризму и предали своих сородичей. Отсюда, ясно, что мы – народ тюркского племени. И второе то, что нас относят к монголам лишь потому, что с тюрками нет ничего общего исторического в быте за последние 200-300 лет. Правда, у нас есть общее с китайцами и монголами, так как мы до момента коалиции с русской империей имели более 160 лет исторически общего с монголами, и само собой понятно, что некоторые бытовые стороны были заимствованы нами от монгол. Об этом же говорит и то, что после возникновения культа бурханизма (ламаизма) само собой понятно, что мы в этом отношении

являемся не монголами. Тут выступал товарищ, который обвинял тюркологов в том, что якобы последние не дают истории, обоснованной чисто социологически. Я считаю такое требование преждевременным. Было бы совершенно целесообразно обвинять наших предшественников, светил науки по тюркологии, что они не дали цельности истории-хронологии, дат и. т. д. Но постольку, поскольку наша история сама по себе находится, по выражению одного товарища, «в земле», т. е. нужно ее добывать лопатой и топором, то здесь нужно приложить не только умственную силу, но и физическую. Следовательно, товарищи, работающие среди этих племен и народов, вынуждены отыскивать всемерную помощь для того, чтобы закрепить эту историю. История нашего народа, нашего племени находится в земле. Раскопки производятся периодически, но тут я просил бы тех лиц, которые производят работу, о том, чтобы в их работе принимали участие те работники, которые работают на местах. Мы, ойраты, знаем, что к нам приезжали за период советской власти 3 экспедиции. Результатов их мы не знаем; планов, задач мы тоже не знаем. Для нас, заинтересованных в этом вопросе и желающих найти свое прошлое, это совершенно невыгодное явление, и наше желание, чтобы все ученые лица и экспедиции, приезжающие в наш район, приглашали бы и наших местных работников, которые работают на этом поприще. Я, как делегированный ойратским народом, вынужден высказать пожелания, которые были мне пред'явлены делегировавшими меня товарищами, во первых, чтобы тюркологический С'езд нашел историю ойратов, и второе, – что данный тюркологический С'езд должен нам создать транскрипцию, которая отвечала бы нашим специфическим национальным требованиям. Я надеюсь, что Тюркологический С'езд окажет нам в этом отношении помощь, и те работники, которые принимают здесь участие, укажут конкретные пути для изысканий в этом направлении.

Яковлев. Мне думается, что упреки некоторых товарищей о том, что современная наука далека сейчас от практики, не совсем правильны. Я, по крайней мере, исхожу из опыта той работы, которая ведется в московском Комитете по изучению восточных народов и в других учреждениях, где строят работу в этом направ-

лении. Здесь указывалось, что этнологическое исследование якобы не дает материала для практических выводов. Указывалось на то, что они не связаны с экономическим обследованием. Я должен сказать, что из опыта нашей экспедиции можно утверждать, что экономическое обследование параллельно с этнологическим чрезвычайно важно для самой науки и оно ставится действительно так. В частности, бюджетное обследование сельского хозяйства дает чрезвычайно много для установления этнологических явлений. Я укажу на некоторые факты, где чисто этнологические факты получают свое об'яснение из фактов экономики. Возьмем пример Адыгейской области на Северном Кавказе. Адыгейская область, как установлено обследованием, делится на две части, из которых западная находится главным образом в условиях скотоводческого хозяйства, а восточная при более благоприятных почвенных условиях развивала земледельческую культур. И вот мы наблюдаем, что параллельно тому, что в западной части вообще менее благоприятные условия для развития нового типа земледельческой культуры, мы там находим и наибольшие этнологические архаичные пережитки. Укажу еще один пример относительно большей или меньшей древности языков и большого или меньшего их расхождения. Как известно, тюркские языки сравнительно мало разошлись друг от друга, в то время, как языки других семейств развили сравнительно большую дифференциацию. Насколько мне приходилось с этими явлениями сталкиваться на Кавказе, в частности в Дагестане, можно определенно указать, что большая дробность языков определенно бывает связана с одним типом хозяйства, а сравнительно меньшая дробность языков и наречий связана с другим видом хозяйства. В Дагестане наибольшую дробность языков мы находим в тех районах, где развито земледелие. В самых высокогорных районах, как это ни странно, но по статистике Дагестана земледелие развито больше, чем скотоводство. Можно отчасти связать с этим такие явления, как система экзогамная и эндогамная. Они с большим или меньшим исключением, но всетаки связаны с определенным типом хозяйства.

Теперь перейду к другому вопросу – о языке. Я должен указать, что, по крайней мере, одна область языкознания и так называемое

статистическое изучение языка недостаточно в том состоянии, в каком находится сейчас и имеет чрезвычайно важное практическое значение, и в частности в вопросе разработки алфавита можно прямо базироваться на соответственной лингвистической теории, на теории фонем, которые были разработаны русскими учеными. Вопрос разработки школьной грамматики может базироваться на статистическом изучении грамматического строя языка. Все что я говорю, это все у нас в работе уже испытано и практические результаты из такого рода теоретических исследований уже даются в наших научных работах.

Теперь я также отмечу еще один момент – это момент необходимости изучения, так сказать, национальной проблемы, как у отдельных народностей, так и в целом. Этот вопрос вообще мало ставится. Сюда я отношу такого рода вопросы, как изучение социального состава данной национальности, изучение того, насколько развивалось у данной национальности национальное городское население, насколько выделился национальный рабочий класс и т. д. Сюдя же войдут вопросы культурной и религиозной ориентации данной народности и много других вопросов, которые также не могут быть обойдены в практических вопросах национального культурного строительства и которых я подробно коснусь в своем докладе, потому что эти вопросы находятся в связи с такой проблемой, как проблема введения того или иного алфавита. На этом я хотел закончить (Апплодисменты).

Юнусов. Здесь в докладах говорилось о достижениях в области этнографии тюркских народностей. Но эти доклады были настолько скудны, что они напоминают только научные статьи из журналов. Эти доклады не были достаточно иллюстрированы фактами материальной культуры тюркских народностей; говоря об искусстве этих тюркских народностей, докладчики не указывали отличий, основных мотивов и различных фаз развития этого тюркского искусстра. Возьмите, например, Узбекистан. Когда говорят об узбеках, у всех получается какое-то туманное представление. Что они представляют собой? Узбеки – это люди с длинной бородой, большой чалмой и длинными широкими халатами. И только. И действительно, взглянешь на альбом, где изображены типы уз-

беков. Что же этот альбом нам говорит? Абсолютно ничего. Например, вместо узбека снят таджик персидского, иранского происхождения; в их чертах совершенко нет тюркского элемента. Такие альбомы, вероятно, составлены человеком, совершенно не знающим этнического состояния Узбекистана. В Узбекистане почти каждый живет в кишлаге, родовой быт до сих пор не забыт; преобладает кочевая жизнь. Среди узбеков вы видете юрту, которая имеется у киргизов; среди узбеков вы видите такие же типы, какие вы увидите в различных областях Киргизии и Казахстана, а может быть и в далекой Сибири. Вы встречаете там тип унгута, который, может быть, очень близок к монгольским элементам. Вы видите, например, тип бургута, старинного тюркского племени, которое недавно вошло в узбекский союз; он отличается совершенно от типа унгута. Видите тип сарайя и наймана. Тип наймана совершенно отличается, во многом отличается от типа сарайя. Берите, например, тип конрата или мангута. Когда вы вращаетесь среди мангутов и среди конратов, вы ясно видите там отличие. Узбекистан, таким образом, не составляют однообразные народы; там встречаются народности всех типов. Следовательно, генеологического изучения узбеков еще нет. Имеющиеся данные настолько скудны, настолько темны, что они ничего абсолютно нам не говорят, а когда мы проверили эти данные на местах и хотели узнать, кто из этих 92 племен узбеков живут в настоящее время в пределах Узбекистана, где, в каких кишлагах начинается каждое племя, мы видим, что во многом не соответствуют истине сведения этих авторитетов. Одним словом, я мог бы здесь показать свои работы и взаимно обменяться материалом с местными любителями тюркологии. Если бы это было возможно, мы представители тюркских народностей, могли бы больше материала дать для тех же авторитетных наших ученых и для самих себя.

Теперь в области архитектуры древних тюрков, относящихся к периоду до нашествия Чингиза. Я путешествовал по старому руслу Амур-Дарьи среди песков около 22 суток. Я об'ездил эти места и встретил там развалины громадных городов. Когда я постарался получить сведения об этих памятниках и узнать, к какой культуре, к какой эпохе они относятся, я не мог найти никаких све-

дений ни в русской литературе, ни в литературе других стран. А там очень много интересного в области этнографии и в области изучения развалин древних городов среди необитаемых песков. Поэтому я просил бы конгресс обратить серьезное внимание на изучение всех тюркских народностей, а в частности изучение узбеков, о которых наши ученые хотя и дали труды, – в этой области мы можем гордиться трудами нашего ученого академика Бартольда, – но в области этнографии, к сожалению, ничего не имеется. К сожалению, нет материалов и в области языковедения. Наши языковеды не знают, какие имеются наречия у узбеков. Например, чагатайское, смешанное узбекское наречие, они называют узбекским. А потом еще выдумали какой то сартский язык и говорят, что это их особый язык, тогда как сарты все говорят на персидском языке. Когда они говорят на узбекском языке, они знают, что они персы. Таджиков, сартов определяют без всякого затруднения. Они говорят по-узбекски так же, как я говорю по-русски; сейчас же можно узнать, что я не русский, что они не тюрки. А некоторые наши ученые писали в своих трудах, что вот мол сарты происходят из иранской расы, они забыли свой язык и приняли тюркский язык, что в Узбекистане имеется сартское наречие. Это конечно неправильно, это – большая ошибка. Я считаю необходимым указать на огромное значение Средней Азии, на изучение истории и этнографии всех тюрков Средней Азии, многие из которых влияли на другие народности. Ни Москва, ни Ленинград серьезно этим вопросом не занимались. Я просил бы, чтобы Курултай на это обратил внимание,

Одабаш. Я здесь, главным образом, хотел отметить несколько моментов для того, чтобы систематизировать и правильно поставить вопрос о собирании материалов вещественной культуры тюркских народностей. Я также отметил некоторые работы, проделанные в Крыму. Для того, чтобы собирать материал в тот момент, когда экономическая жизнь тюркских стран ежегодно меняется, и лицо ее вещественной культуры совершенно изменяется, в этот момент, для того, чтобы осилить этот вопрос, непременно нужно обратиться к помощи учителей, так как единственной культурной силой в тюркских странах являются

они. Второй момент. Непременно нужно подготовить научных работников из самих же тюрков, а для этого непременно нужно командировать со стороны тюркских республик в этнографические отделы университетов несколько таких представителей. Третий момент, – непременно создать конференцию по вопросам этнографии тюркских народностей. Затем еще один момент для осуществления синтеза работы по вещественной культуре тюркских народностей. Нужно создать общий музей этнографии в каком-нибудь центральном месте тюркской республики; Вот те моменты, которые я здесь намечаю.

Аюпов. (По-тюркски...)

Аюпов. Из всех выступлений можно сделать один коротенький вывод: оказывается, изучение истории и этнографии всех тюркских народов во всех республиках шло стихийно, неорганизованно. Каждая республика создавала свою форму организации: в Дагестане имеется научно-исследовательский институт, в Крыму – научная ассоциация, а Киргизская республика или Абхазия имеют научные общества и т. д. Разумеется, что при такой неорганизованной работе многие наши ученые не могли сосредоточить соответствующих материалов в своих руках, во-первых, и, во-вторых, они не могли здесь за недостаточностью времени иллюстрировать все, что они имели в своих руках. Я, как представитель Дагестана, тоже могу огорчиться тем, что ничего не сказали о дагестанских тюрках. У нас имеются кумыки, южно-дагестанские тюрки и т. д. Но я говорю, что мы сейчас не вправе требовать всего, что можно было бы потребовать, всего, что требовалось, здесь. Я думаю, что выступления, которые здесь сделаны, подчеркивают то положение, что первый Тюркологический С'езд имеет величайшее значение в том смысле, что здесь мы закладываем первый фундамент организованного глубокого изучения всех тюркских народов во всех отношениях: и в историческом, и в этнографическом, и в культурно-бытовом. Сейчас нечего долго разговаривать. Того, что не сказано, никто нам не скажет. Сейчас нужно конкретно установить, что нам нужно дальше сделать. Я полагаю, что и вопросы научно выдержанной современной методологии исследования и изучения, которые здесь рекомендовались выступающими товарищами, должны также найти место в резолюции комиссии С'езда.

Бердиев. Мы, представители разпичных республик, которым суждено устраивать у себя культурную жизнь, на которых папа обязанность'строить и культурную и экономическуы жизнь отсталых народов, мы не можем рассматривать ни одного научного вопроса вне связи с этим строительством; такой важности вопрос, как вопрос этнографии, который дает надежные ключи для строительства, должен быть также в тесной связи с культурным и советским строительством различных республик.

Какое, казалось бы, имеет отношение этнография к санитарному делу? – Однако, изучение бытовых особенностей того или другого народа, изучение способов его питания и способов домашней жизни – указывают, что здесь как раз есть надежный ключ для разрешения гигиенически-санитарных вопросов. Даже собирание фольклерного материала дает большой материал для построения национальной культуры. Все эти вопросы тесно связываются с советским строительством на местах и поэтому не только по существу, но даже и с формальной стороны мы должны обратить внимание на этот вопрос. Надо сказать, что формальная сторона в нашем строительстве занимает большое место. Мы должны обеспечить такую организацию, чтобы она давала опору для разрешения тех или других вопросов. Поэтому я подхожу с организационной, с формальной стороны к этому вопросу. Выступавшие профессора с этой стороны вопроса как раз не осветили, т. е. они не осветили, работы учреждений всесоюзного значения, занимающихся этнографией. Это есть большое упущение, на которое культурники различных республик Советского Союза не могут не обратить своего внимания. Каждая народность, которая подвергается изучению, может взять и сказать: для чего вы меня изучаете? Какое вы имете отношение к моим насущным нуждам? Какие у вас обязанности по отношению ко мне и какие на это у вас права? Какой контакт вы устанавливаете со мной? Вот почему, если С'езд наш хочет оставить за собой какие-нибудь результаты, – он должен определить взаимоотношения этих организаций.

Тов. Чурсин правильно опасался, что без надежной организации не может быть никаких последствий от этого С'езда, и он, как вре-

менную меру, предлагал издание журнала и другие подсобные вещи. Я думаю, что С'езд, выбирая комиссию по этому вопросу, учтет эту сторону вопроса и сделает соответствующие заключения. (Апплодисменты).

Губайдулин. Я следил за той работой, которая ведется в Татреспублике в области этнографии. Об этом я хочу кратко сообщить. После объявления Татарской Социалистической Республики, этнографы, как русские, так и татарские, занимались, главным образом, изучением народного быта и подходили с точки зрения изучения материального быта, материальной жизни тех народов, которые живут в Татреспублике, особенно татарского народа. В настоящее время, главным образом, 5 работников ведут работу в этом направлении. Со дня объявления Татреспублики, когда нужно было определить жизнь и быт ее населения, тов. Шараф занимался общей этнографией турецко-татарского населения Татреспублики, Воробьев – изучением жилищ, Дульский – прикладного искусства, Ф. Сейфи – религиозных верований, пытаясь восстановить картину доисламского шаманизма, который постепенно исчезает. В области этнографии у нас имеются следующие достижения: в прошлом году осенью было открыто татарское этнографическое отделение музея, состоящее из несколько комнат, которое изучает быт народностей Татреспублики, в особенности татар, именно на классовых основах – быт богатых крестьян, бедных крестьян и городского населения. Вторым достижением можно считать издание географического описания. Вышел довольно толстый том, где совместно с историческими статьями помещены мелкие исследования из материального быта татарского населения Республики. В области лингвистической этнографии татарскими учеными тоже кое-что сделано. В прошлом году в Обществе Татароведения было сделано несколько докладов. Этнографическими науками в Татреспублике заняты два О-ва: Этнографическое и Археологическое О-во при Казанском Университете, которое пополнено новым составом, куда вошли теперь и татарские работники, которых раньше не было, и второе – созданный недавно по инициативе Ассоциации Востоковедения Общество Татароведения. Это Общество занимается с одной стороны

изучением прошлого татарского населения, с другой стороны – изучением быта и этнографии татар. Точно также совершены некоторые экспедиций. В прошлое лето совершена довольно большая и удачная экспедиция, членами которой были татарские деятели; она собрала огромное количество материалов по материальной и духовной культуре татарского населения Республики.

Последним достижением мы можем отметить открытие новой кафедры при Педагогическом Институте в Отделении Востоковедения (теперь Татароведения), кафедры истории. В Казани же с 1922 года, когда была попытка организовать Восточную Академию, с этого момента ведется преподавание этнографии турецко-татарских народов; обращено главное внимание на этнографию Приволжских татар, в то же время ведется курс на изучение татарского фольклера.

Петров. Я представитель Чувашской Республики, представитель народа, который занимает самый крайний северо-западной угол обширного тюркского мира. Я полагаю, что немногие из присутствующих здесь делегатов знают собственно, что такое чуваши. Чтобы хоть немного познакомить вас с этим народом, я бы хотел дать краткий исторический очерк этого народа.

Чуваши до самого XIII столетия жили своей особой самостоятельной жизнью. После нашествия монголов они оказались под властью Золотой Орды вместе с татарским миром. Когда же, освободившийся из-под татарского владычества, русский народ стал делать наступление на Восток, то в первую очередь в этой тяжелой борьбе удары русского оружия пали на чувашей. И нужно сказать, что эти удары продолжались в течение целого ряда столетий. Территория чувашей была территорией больших столкновений между татарским миром и миром русским. Находящиеся в этой борьбе чуваши в конце-концов действительно ослабели. Они первые в 1551 году приняли добровольное подданство, но такой страшный режим, который был введен новым русским правительством, вывел чувашей через каких-нибудь три месяца из терпения. Они подняли поголовное восстание, но это восстание было подавлено самым жесточайшим образом. Все так называемые «лучшие люди», как выражаются русские летописи, были поголовно уни-

чтожены, а средние люди были выселены в Новгородскую и Псковскую губернии. Таким образом, осталась так называемая «темная масса», черная народная масса. Я и являюсь делегатом от этой черной народной массы. Нужно сказать, что и после взятия Казани не однажды чуваши поднимали восстание. Так, они в Смутное время подняли вопрос вместе с черкесами о создании своего собственного самостоятельного государства, но только это не осуществилось благодаря тому, что контакт не составлялся. Два раза они были разбиты под Чебоксарами и под Свияжском. Под Свияжском было такое жестокое сражение, что, как рассказывали летописцы, чувашские трупы валялись на протяжении семи верст. Теперь вы поймете, почему этот народ, когда-та сильный, действительно культурный, стал постепенно беспомощным, только Октябрьская Революция снова окрылила этот народ, вдохнула в него новую жизнь. Теперь этот народ на новую государственность взирает с надеждой на помощь. Когда мы услыхали, что созывается общий Тюркологический С'езд, мы естественно ждали, что будем приглашены, и мы получили приглашение. Я не имел возможности прошлый раз высказаться, выразить благодарность. От лица Чувашской Республики, нашего ЦИК'а и нашего Наркомпроса приношу большую благодарность за это приглашение (продолжит, апплодисменты). Теперь разрешите мне перейти к вопросу о том, насколько изучен чувашский мир. Из того исторического обзора, который я вам дал, видно, что чувашский мир не был предметом серьезного изучения. Если им интересовались, то интересовались только отдельные лица, мимоходом, случайно. Единственный человек, который отдал можно сказать всего себя, все свои молодые таланты этому делу, это Николай Иванович Ашмарин, который дал действительно великолепную грамматику чувашского языка. Я думаю, что такой грамматики многие не имеют. К этому вопросу мы только еще подготавливаемся. Перед нами еще стоит целый ряд задач исследования бытовой стороны жизни чувашей, перед нами стоит ряд задач, которые мы должны выполнить. Изучение народа, изучение массы, по моему глубокому убеждению, не может быть совершаемо отдельным человеком, оторванным от массы. В этой работе должна принимать участие

сама масса. Изучение народа должно быть коллективным. Когда здесь ставится вопрос об изучении всего многообразного обширного тюркского мира, мне кажется, что это изучение должно быть совершаемо учеными представителями этих тюркских народов сообща, вместе, об'единенно. И мне хотелось бы здесь высказать надежду, что мы в этой работе будем приглашены принимать участие самое близкое, самое непосредственное и, я сказал бы, самое живое. Мне кажется, чуваши заслуживают в этой области особенного внимания. Одни думают, что чуваши отуречившиеся финны, другие говорят, что это какой-то другой народ, но теперь исследования академика Марра, который в прошлом году летом у нас несколько времени посвятил исследованию чувашей, исследования некоторых других ученых (Николай Николаевич Поппе) дают серьезный материал, что это народ очень древний, что в языке, в быте и других явлениях чувашской жизни есть такие элементы древности, на основании которых только и можно дать объяснения разным явлениям тюркских языков. Так что в этом случае чуваши не могут быть обойдены. Я, как делегат от чувашской национальности, хочу выразить пожелание, чтобы мы всегда приглашались к этой совместной работе (Апплодисменты). По-чувашски приветствует с'езд (Продолжительные апплодисменты).

Председатель. Заключительное слово имеет тов. Руденко.

Руденко. Разрешите мне прежде всего ответить на несколько вопросов, которые были направлены лично-по отношению ко мне. Тов. Сабашкин, который выступал здесь с короткой речью, ставит вопрос, действительно ли ойраты-отуреченные монголы. Свой вопрос и свое мнение он повторил с кафедры. Я очень огорчен тем, что был неправильно понят товарищем Сабашкиным. Я в своем докладе не говорил, что ойраты, т. е. вернее телеуты, алтайкыжи и теленгеты являются отуреченными монголами; они не только турки, но, повидимому, древнейшие турки, сохранившие старинный турецкий быт. Еще покойный академик Радлов обратил на это внимание и на основании данных языка высказал предположение, что Алтай является родиной турецких языков. Проф. Поппе в своем докладе этого вопроса, вероятно, коснется. Поэтому я его сейчас касаться не буду и должен только сказать, что, на основа-

нии физического типа, быта и языка, как собственно алтайцы, так и теленгеты являются, конечно, тюрками, а не монголами. Второй вопрос, заданный Губайдулиным, касается конусообразных головных уборов, и задается вопрос, не происходит ли этот убор от ношения металлических шлемов; быть может, обычай носить этот шлем вызвал конусообразный головной убор, который мы встречаем у турков? По этому вопросу я должен высказаться отрицательно. Дело в том, что ношение шлема у турецких народов мне лично, по крайней мере, неизвестно. Археологические изыскания в области турецкого мира, могильники, которые мы можем приписывать туркам, не дали шлемов. Между тем, изваяния достаточно древние, относящиеся к эпохе, предшествовавшей железу, указывают на то, что тогда носились уже высокие головные уборы, которые так характерны сейчас для центральной области расселения турков. Джанибеков задает вопрос о ногайцах: какие моменты ногайской культуры являются наиболее интересными для изучения? Сколько-нибудь подробно ответить на этот вопрос сейчас я затрудняюсь и полагаю, что в комиссии, которая будет заниматься разработкой вопросов о дальнейшем исследовании турков, – вопрос о ногайцах будет поставлен особо. Пока что, должен напомнить, что ногайцы являются самыми западными турками, сохранившими кочевой быт, и отсюда является важным вопрос: каким образом турки, сохранившие кочевническую культуру, усваивают новую, чуждую им жизнь, и в какой форме она преломляется в их жизни. Тов. Шараф затронул целый ряд интересных и важных вопросов. Он упрекал лингвистов в том, что они уделяют внимание маленьким племенам и вымирающим народностям. Я думаю, что этот упрек незаслуженный, незаслуженный потому, что в настоящее время, коль скоро нас интересуют вопросы истории, вопросы происхождения тех или иных турецких племен и народов, изучение мелких отсталых или живущих в исключительных условиях турецких племен даст ключ к разрешению проблем, которые ставятся в изучении турецкого мира. Вместе с тем, им был брошен упрек, что мы много внимания уделяем археологии, надгробным памятникам и целому ряду других предметов культуры, которые стоят далеко от хозяйственной жизни тех племен и

народов, которые нас должны сейчас интересовать в особенности. Здесь нужно отметить, что мы только в том случае можем совершенно ясно и определенно наметить дальнейшие пути развития того или иного народа, когда мы достаточно ясно знаем его прошлое. Древние памятники, ископаемые, документы являются теми свидетелями, по которым мы можем восстановить прошлое и наметить пути в нашем дальнейшем строительстве. Тов. Шараф, быть может, совершенно справедливо отметил то обстоятельство, что слишком мало внимания уделено было хозяйственному быту. Он обратил наше внимание на то, что мы сейчас в экономических исследованиях могли бы почерпнуть ценный материал для изучения материальной культуры турецких народов. Обследования бюджетов хозяйств, труда, вопросов рождаемости и смертности, которыми занимается наша статистика, дает доступный материал, и он мог бы оказать помощь в изучении материальной культуры. Я согласен с т. Шарафом, но с одним исключением. Я полагаю, что большая ошибка статистико-экономических исследований, которые велись до последнего времени и, главным образом, среди племен и народностей – заключалось в том, что не был изучен в достаточной мере материальный быт этих народов. Если вы посмотрите, какую колоссальную территорию занимают турецкие народности, если вы посмотрите на те условия приполярной жизни, которые мы видим на северо-востоке, то вы увидите, какое нужно было большое напряжение хозяйственных усилий, чтобы приспособиться к тем условиям, в которых данный народ борется с природой за свое существование. Нужен был тысячелетний опыт, чтобы турецкие племена, расселившиеся на такой территории, не потеряли бы своих бытовых особенностей и продолжали бы жить своей жизнью. Целесообразные экономические мероприятия могут быть проведены при том условии, если мы достаточно знаем весь материальный быт и все те культурные приобретения, которые были сделаны в прошлом данным племенем и народом. Я полагаю, что в изучении материального быта, в разрешении экономических проблем это обстоятельство будет учтено. Я могу сообщить вам, что в Якутской республике ведутся крупные исследования, где изучению вопросов материального

быта отведено уже должное место. В Казакистане также намечены аналогичные в связи с вопросами землеустройства исследования, и там изучение хозяйственного быта поставлено в первую очередь.

Чрезвычайно важный вопрос в своем слове затронул тов. Хакимов. Основные замечания, которые были сделаны тов. Хакимовым, сводятся к следующему. До последнего времени должного внимания не уделялось изучению расового типа. Очень любопытно то обстоятельство, что в качестве примера он привел узбеков, – другой же товарищ о тех же узбеках говорил, как о мало изученных, и о поразительной расовой смешанности этого народа. Наши доклады делались сегодня в направлении быта, материальной и духовной культуры. Поэтому этим вопросам было уделено недостаточное внимание. Тем же оппонентом было обращено внимание на изучение расовой конституции. Мы знаем хорошо, что организмы различных племен чрезвычайно существенно различаются между собой. Мы знаем что народы в одних условиях вырабатывают одни морфологические особенности, в других – другие. Если мы хотим решить вопрос, почему якуты могут свободно жить и развиваться на полярном севере, а туркмены – на юге, – мы должны точно определить физиологическую конституцию этих племен. Это главный вопрос, который должен быть поставлен на одном из ближайших с'ездов. Товарищем Хакимовым было обращено внимание еще на одно существенное обстоятельство. В последнее время экспериментальной биологией большое внимание уделяется известным реакциям серума, изучению агглютинации крови и определению, на основании чрезвычайно тонкого биохимического анализа, различия в строении белковой молекулы крови человека. На основании этих исследований, мы имеем возможность с достаточной точностью определить родство или разнородность того или иного племени и парода, на основании характерных свойств их крови. Эти работы в применении к изучению турецкого мира, к выяснению основных элементов турецких народов представляют огромный интерес, но до сих пор данных в этой области мы имеем мало, и будет важно, если к ближайшему С'езду и по этим вопросам соберется достаточный научно-собранный материал.

Наконец, тов. Хакимов коснулся еще одного момента – о физиологических отправлениях в связи с деятельностью желез внутренней секреции и их влияния на психологию народностей и рас. Этот вопрос чрезвычайно сложен, чрезвычайно важен, но вопрос, по которому мы имеем очень недостаточный материал, и в настоящий момент, главным образом, институты физиологические, институты, изучающие нервную систему и мозг, занимаются этим вопросом. Несомненно, что и по отношению к турецкому миру постановка всех этих сложных вопросов представляется существенно важной. Поэтому я должен сказать, что многие замечания, которые были сделаны по нашим докладам не совсем справедливы. Все те вопросы, которые были затронуты оппонентами, требуют очень тщательной предварительной проработки. В тот короткий срок, в который был задуман и осуществлен, первый Туркологический С'езд, они не могли быть надлежащим образом подготовлены. Я полагаю, если настоящий С'езд еще до окончания своих работ наметит план дальнейших исследований в указанном направлении, то на следующем туркологическом с'езде мы сможем уже поставить и дать ответы на некоторые из этих чрезвычайно важных вопросов.

В ряде выступлений других оппонентов выяснилась некоторая неудовлетворенность С'езда тем фактическим материалом, который был дан здесь докладчиками, освещающими быт турецких племен и народов. Это произошло в значительной степени потому, что этим вопросам по причинам, указанным при открытии С'езда, было уделено сравнительно небольшое внимание. В своем докладе я уже имел случай отметить, что вопросы, которые здесь затронуты, должны быть первоочередными вопросами следующего С'езда. Я должен еще сказать несколько слов относительно некоторых частных пожеланий, которые были здесь сделаны. Представителем Крыма, т. Одабашем, было сказано, как одно из пожеланий, чтобы в ближайшее время был организован всесоюзный туркологический музей, в котором быт турецких племен и народов Союза был бы представлен в достаточной полноте. Я бы предостерег от такого начинания. Слишком небольшие работы сделаны на местах, слишком мало еще сделано в отдельных республиках по из-

учению целого ряда народностей. Опыт центральных всесоюзного масштаба музеев показывает, насколько трудна эта работа. Мы хорошо знаем, что без изучения в достаточной мере всех вопросов, касающихся этнографии и палеоэтнологии, представляется чрезвычайно-трудной организация объединенного музея. Поэтому я в ближайшее время выдвинул бы вопрос о том, чтобы все республики, которые представлены на С'езде, приняли все меры к тому, чтобы у них на местах в пределах отдельных республик организовались соответствующие отделы местных музеев, которые с исчерпывающей полнотой представляли бы этнографию народностей республик, вопрос же о музее обще-турецком, вопрос будущего, который может быть поставлен на одном из последующий с'ездов. Был сделан еще ряд замечаний, на которые я отвечать не буду, потому что за меня уже ответил на них т. Аюпов. Бердиевым было отмечено, что в настоящее время недостаточна связь центра с местами. Мы, представители центра, слышавшие некоторые доклады с мест от наших товарищей-представителей республик, могли убедиться в том, что они не осведомлены о некоторых крупных работах, касающихся их края, с другой стороны оказалось, что мы не знаем всего, что сделано на местах. Я полагаю, что эта связь, совместная работа установится в тот момент, когда мы совместными силами наладим совместную работу. Заканчивая свое заключительное слово, напомню, что совместная работа залог единения (аплодисменты).

Алиев. Предлагается создать комиссию по этнографическому вопросу в составе следующих товарищей.

Руденко, Месарош, Чурсин, Миллер, Мамедбеков Керим, Юнусов, Таги-Заде Абдулла, Надыр, Омаров, Хакимов Неймат, Одабаш, Бердиев, пр. Яковлев.

Созыв за профессором Руденко.

Председатель. Все члены С'езда могут участвовать в работе Комиссии.

О близком родстве тюркских наречий

Чобан-Заде. Я полагаю, что на с'езде, где присутствуют очень ценные научные величины и просвещенцы, нет надобности и останавливаться на обще-известных вопросах, каковыми являются причины, вызвавшие появление разных наречий. Этих последних вопросов коснулись выдающиеся умы Европы последних веков языковеды, лингвисты, психологи и обществоведы Вильгельм Вундт, Вильгельм фон-Гумбольдт и Карл Маркс. Их исследования в этих вопросах не могут быть признанными не исчерпывающими. Одновременно мы не коснемся также и вопросов о том, в каком состоянии был и был ли вообще праязык у человечества вообще, а у тюркских народностей в частности.

Если вернуться к предмету нашего доклада и к нашей теме, каковым является вопрос о тюркских наречиях, то должны констатировать, что тюркские наречия существовали еще до орхонских надписей. Это положение не подлежит никакому сомнению. Тот неоспоримый факт, что орхонские надписи, принадлежащие Тукию подразделялись на две части: восточный и западный или северный и южный, с другой стороны и то, что в этих надписях упоминаются имена тюркских племен карлуков, уйгуров, токузогузов, киргизов и других и, наконец, и сам язык орхонских надписей говорит и доказывает вышесказанное. Что эти тюрки называли себя «тюрками» также не вызовет сомнения. На все время протяжения истории имеются веские на это доказательства. Если мы посмотрим и вникнемся в некоторые труды, принадлежащие разной эпохе, как-то: «Кудатку-Билик», «Диван Хикмет», «Диван лугат иль турк», то мы увидим, что они написаны на разных наречиях и авторы называли свои труды «тюркскими» и себя именовали «тюрками».

Если выдвигаемое нами положение можно признать правильным и верным, то отсюда вытекает то, что основу и первоисточник тюркских наречий надо искать в эпохах предшествующих появлению орхонских надписей. Так как в нашем распоряжении нет других источников и исторических документов, кроме орхонских

надписей, то наши изыскания в этой области пока что не представляются возможными. До XIII века, как нам известно, кроме «Кудатку-Билик», «Диван лугат тюрк» и других немногих источников, нет больше ничего. Исходя из этого, мы принуждены констатировать, что мы не имеем сведений за огромный промежуток времени на протяжении почти шестисот лет. Имеющиеся документы, как указано выше, должно признать весьма скудными и весьма мало в это дело вносящими.

Имеются и такие тюркские народности, от языка и наречия которых буквально не осталось никакого следа и даже единой фразы.

«Дивани лугат турк» относится к XI-му веку. Исследование этого труда дает нам возможность ориентироваться в тюркских наречиях того века.

Махмуд-эль-Кашгари в предисловии к первому тому своего произведения д ايغر гакое подразделение тюркским наречиям:

1. Уйгур فای، یاقو، تتار، بسمل
2. Кай, Ебаку, Татар, Бесмел
3. Киргиз, Гефчак, Огуз, Т قرقز، قفحاق، اغز، تخسی، یغما، جکل، اغراق، جرق риг یماك، بشغرت
4. Емак, Башгурт. بلغار، سوار، بجنك
5. Булгар, Сувар, Печенег

Кроме этого, Махмуд-эль-Кашгари с точки зрения тогдашней эпохи подошел с большим научным обоснованием и, придерживаясь особой научной системы, разобрал взаимоотношения и связь этих тюркских наречий. Его труд для своего времени можно признать гениальным и заслуживающим сугубого внимания.

Что Махмуд-эль-Кашгари был человек весьма подготовленный и с огромной эрудицией, его кругозор был широк, можно установить из следующих его слов:

«اصل اللغات قلما یختلف فیه. و انما یقع الاختلاف فی بعض الحروف بالتبدیل والحذف».

«Между тюркскими наречиями основа лексикона единая. Там нет разницы. Если есть разница, так только в разных буквах (звуках) и в их изменениях».

В этом заключении Махмуда-эль-Кашгари я склонен видеть результат его всестороннего исследования и глубокого анализа.

Тут вкратце нужно коснуться тех звуковых особенностей и тех

особенностей языка, которые в свое время были исследованы Махмудом-эль-Кашгари. Он в разных местах своего труда коснулся тюркских наречий, существовавших в XI веке, и даже он разбирал различие между литературами этих наречий. Мы не будем останавливаться здесь на этих подробностях. Мы возьмем только девять звуковых различий и разберем эти различия между звуками:

I. Это слова, которые в начале имеют «я». Гузы غز и Гипчаки قیچاق‌لار заменяли его «алифом» – « الف » или «дж» « ج » на самом деле звук « j » заменяется или «С» или вовсе отпадает.

Например: По гузски и кипчакски по-тюркски

الکن – مسافر	ялкын
أليغ سو – سیجاق	ялгыз сув
جنجو، اینجو – اینجی	нэнэ

Отсюда следует, что та разница, какая существует между наречиями северных и южных тюрок и в настоящее время, была установлена еще в XI веке. На самом деле, возьмем мы слова یکیت، یل، یلدن В Азербайджане они произносятся в следующем виде: на севере, например, в Казакистане: جیگیت، جیل، جیلان.

Мы видим, что эта разница уцелела и до нашей эпохи.

II. Тюрки Эргу ارغولار « я » « یا » стоящее на конце слова или в средине, превращали в «нун» « نون »

Например:

قوی – قون (قویون)، جیغای – جیغان (ققیر)، قایو (هانی)...

III. Гузы غزیۀ Гипчаки قیچاق и суварины (сувар и булгары?) سوارین букву « م » в начале слова заменяли « با »

Например:

من، بردم	–	بن بردم
مون	–	بون

IV. Если в слове встречается «т», то Гузы غزلار заменяли «д»

توی	–	دوی (دەوە)
آپ	–	اود

V. Имеющиеся на тюркском языке « پ » Гузы « و »замен-яли

اپ – دوی (دەوە)
آپ – آو

Превращения: بارماق в وارماق или «бар» в « вар » « بيرمك » в « ويرمك » тоже нужно отнести сюда.

VI. Егма يغما, Тохси تحسى Гипчак قيجاق Ебагу بياقو Татар تتار Кай قاى Джемел جمل и Гузы غز букву «зал» « ذ » заменяют «я» и никогда не употребляют букву «зал».

قذنك – قينيك
قذن – قين (قاين
تذتى – تويدى (دويدى).

Что касается «зал» « ذ » на языке Джегел جكل и др. так эту букву Гипчакцы قحاق Емаки يماق Сувары سوار Булгарцы (они тянутся от Руси до Византии) заменяли «за» « ز »

Как например:

تذتى ـ تزدى (دويدى)
اذق ـ ازق (آياق)

Махмуд-эль-Кашгари о таких переменах звуков дает еще более и исчерпывающее сведение. Он говорит:

Это тот самый «зал» «ذ», который имеется у Джегел جكل Он имеется и у Егма يغما Тохси تحسى Гуз غز и у некоторых из Эргу ارغولار В направлении к Китаю это «я» « يا », а к Византии «за» « ز »

VII. Хатен ختن и Генджаки كنجاق имеющееся в начале слова «алиф» الف превращают в «ha» «ها» И это потому, что они не тюрки, ибо в тюркском языке этого нет. Если мы переведем дословно, досконально Махмуд-эль-Кашгари, то мы увидим, что это положение он объясняет так: И по этому-то (т. е. потому, что они «алиф» превращают в «ha») мы Генджакские كنجاك и Хатенские ختن народности не можем принять за тюрок, ибо это не имеет места в тюркском языке.

Возьмем пример:

آتا ـ هتا (بابا ـ اب).
آنا ـ هنا (آنا ـ ام).

VIII. На наречии Гузов и Гипчаков звук в середине слова вовсе выпадает:

حمقق – جمق
تمقق – تحق
بر غان – باران
ارغان – اران

IX. Наконец, Махмуд-эль-Кашгари наряду со звуковыми особенностями еще указывает на формы. В именах времен и места употребляется « غو » Вместо этой формы Гузы غزلر употребляют форму آسى (У Махмуд-эль- Кашгари это место указано несколько неясно и несколько иначе).

Например: بر غو بير ـ براسى بر (واراجاق بير).
ترغو بير ـ تراسى بير (дораджак).

В вышеприведенных 9-ти пунктах мы приводили сравнения в наречиях тюркских народностей в XI веке, которые мы видим в труде Махмуда-эль-Кашгари, но тем не менее мы должны заметить, что имеется масса других характерных особенностей, которых не коснулся автор. Во всяком случае из труда Махмуда-эль-Кашгари мы усматриваем, что живые тюрко-татарские наречия сегодняшнего дня в общих чертах установились еще до XI века. Среди этих наречий ярче всего бросаются в глаза некоторые звуковые особенности и формы и это все мы и по сей день можем находить как отличительные черты в северных и южных наречиях.

Если мы проследим историю тюркских народностей в период от седьмого до десятого, от одиннадцатого до пятнадцатого и наконец от пятнадцатого до девятнадцатого столетия, то мы увидим, что между ними есть эпохи, которые имеют огромный интерес, как в других отношениях, так и с точки зрения языковедения. К великому нашему сожалению для исследования и изучения этих эпох в отдельности с точки зрения языковедства и в смысле куль-

туры у нас нет в руках достаточного материала. Эти эпохи обхватывают как основание Тукю, Уйгур, Могол, Джегатай, Золотую Орду и ханств, так и их разрушение и уход с исторической сцены. Потому то и мы вправе говорить, что эти эпохи охватывают большие моменты в смысле историческом. Они для языковедения имеют большое значение и огромную ценность. Эти эпохи совпадают с видоизменением экономических устоев, смешением тюрок востока с западными, южных с северными и т. д. Каждая из этих эпох знаменует собой появление и возникновение наречий и особенностей языка. Если нам представляется возможным с некоторой точностью определить в письменной литературе нашей или вернее в эволюции нашего языка самодовляющее место Орхонского, Уйгурского, Джегатайского и Узбекского наречий, если мы в этом направлении т. е. при изучении этого вопроса сможем добиться некоторых определенных результатов, то мы отнюдь не можем говорить это в отношении сравнения и сопоставления тюркских наречий. В этом вопросе мы пока что не имеем возможности установить линию эволюции вообще.

Надо заметить, что в эти эпохи тюркские народности до того смешались или раз'единялись, отдалялись друг от друга, что мы можем при их исследовании только установить некоторые особенности, дальше этого итти мы не в состоянии и это положение трактует, как мы видели выше Махмуд-эль-Кашгари в своем труде. Относительно того, кому принадлежит та иди другая особенность, принимая во внимание разные эпохи, исчерпывающего и окончательного ничего говорить невозможно. Если мы возьмем географическую карту любого тюркского края, возьмем Среднюю Азию, Крым, Кавказ, Поволжье и проследим обозначение и наименование сел, деревень, гор и рек, то мы увидим, что эти названия присущи и восточным, и западным, даже тюркским и монгольским языкам и наречиям. Возьмем маленький край – Крым. С точки зрения языковедения история этого края говорит за то, что он приобщался к наречиям западных и южных групп и вот в этом маленьком крае вы увидите название сел и местностей, которые можно отнести к наречиям как восточных так и западных и северных и южных тюрок. В Крымском полуострове мы изучали ма-

ленький район, общая численность народонаселения которого не достигает, может быть, даже пятнадцати тысяч. И в этом районе мы видели названия сел, которые могут доказать справедливость нашего выше утверждения, например:

«قاسغلى، آرغين، نايمان، قيچاق، مركيت»

Одновременно мы установили, что наречие, язык этого района несколько разнится от прочих районов Крыма, мы видим тут влияние и остатки разных наречий. Без всякого преувеличения мы можем говорить, что во многих районах вообще с тюркским населением нельзя найти даже в отдельных семьях единства языка и наречия. В Крыму мы этот факт констатировали сами. Так обстоит дело и в Средней Азии. Что имеется наличие перемещения наречий на языке Казаков, Узбеков и Тюркмен, факт не подлежащий никакому сомнению.

Исследования в этом направлении, начиная от Махмуд-эль-Кашгари до проф. Самойловича, по нашему мнению, содержат в себе следующие недостатки:

1) Исследования тюркских наречий в большинстве случаев предприняты с целью подсобия и помощи в деле пролития света на вопросы исторические, экономические или политические.

2) Сколько бы не сравнивали разные тюркские наречия в большинстве случаев в конечном итоге эти исследования замыкаются и не выходят из рамки одного из этих наречий.

3) Труды, составленные до сих пор по классификации тюркских наречий, по нашему мнению, имеют следующие дефекты:

а) Берутся со вниманием только звуковые особенности.

б) Не касаются и не считаются с особенностями исторических данных.

в) Зачастую одни принципы смешиваются с другими.

Бетлинг, Радлов, Томсен, Вамбери, Буденц, Рамстед исследовали разные области тюркологии. Они постарались установить родство между тюркскими наречиями. Их заслуги поистине огромны и бесспорны. Материал собранный Радловом не достаточно систематизирован. Вот почему мы не можем не приветствовать переиздание его словаря. Переработка этого материала даст возможность появлению сравнительной исторической грамматики

и словарю тюркских наречий. Без этого, конечно, о родстве тюрко-татарских наречий окончательного, определенного с точки зрения науки говорить не представляется возможным. Нельзя из нашего вышеприведенного мнения сделать заключение, что исследования относительно родства между тюркскими наречиями не привели абсолютно ни к какому результату. Наоборот, в этом вопросе, т. е. в вопросе о родстве тюркских наречий мы можем взять за основание колоссальной важности классификацию, принадлежащую академику Коршу и Радлову, позднее законченный или вернее несколько расширенный проф. Самойловичем. Основу этой классификации как и всех других, начиная от Махмуда-эль-Кашгари, составляют некоторые общие звуковые особенности. Ни один из этих трудов не дает законченных и исчерпывающих сведений относительно одного наречия или жизни группы наречий. Несомненно с практической точки зрения этот труд не имеет значения, т. е. нельзя построить терминологию и грамматику на основе этой классификации. Это потому, что родство и взаимоотношение наречий в наши дни заметно разнятся от того, что мы видим в этой классификации. В трудах Березина, Корша и Радлова в Средней Азии, по Самойловичу, Узбекское и Восточно-Туркестанские наречия занимают срединное место между Севером и Югом. Если мы проследим исторические события и исторический путь начертанный тюркскими народностями, то мы найдем, что утвержение этих ученых имеют под собою почву и соответствуют действительности. Отсюда можно заключить, что наречия Узбекское и Восточно-Туркестанское занимают центральное место и служат как бы отправной базой. Отсюда идут разветвления, одно из них Тюркмено-Османское, другие татарско-Башкиро-Казакское, Киргизское, Ногайское и Башкирское. Откуда и как возникло Якутское наречие, по сей день еще не установлено. Наречия Сибирских и Алтайских тюрок более близки к наречиям Средней Азии. В исследовании Чувашского наречия имеет место, с одной стороны, труды Н. Н. Поппе и труд проф. Юлиус Немет под заглавием « ئس- تورك: », который приложил усилие поставит на одну доску, подвести под общую классификацию наречия Чувашское и Якутское. Если мы тут не согласимся с этими учеными, то одновременно мы не можем их классифицировать как наречия Казакское и Ойратское. Это наречие представляет из себя наконец язык с самостоятельной фонетикой и морфологией.

Еще раз заметим, что труды по исследованию тюркских наречий не в состоянии показать и пролить достаточный свет на взаимоотношения тюркских наречий и представить из себя сравнительную грамматику этих наречий. Тут нельзя не упомянуть известное исследование Вилли Банга (Willy Banq) под заглавием «Vom Koktürkisehen zum Osmanischen».

Раз вопрос представляется перед нами в такой форме, то безусловно было бы целесообразно теперь оставит в стороне фантастические размышления и приступить к изучению каждого в отдельности тюркского наречия или заняться составлением сравнительных трудов относящихся к группе какого-нибудь наречия. В настоящее время, начиная от кок-тюркского вплоть до османлисского наречия не найдешь общего пути для изучения языка и истории наречий.

Как вывод из вышесказанного можно заметить, что для изучения и исследования тюрко-татарских наречий в отдельности и жизнь и эволюцию их в целом тюркские наречия должны быть крепко связаны с другими областями тюркологии, в первую голову с историческими исследованиями. Из доклада академика Бартольда по истории, доктора Месароша по этнографии можно заключить, что этот период далеко еще не близок и это не вопрос ближайшего времени.

Во всяком случае намечены пути и начертан план для создания столь необходимой сравнительной грамматики в широком масштабе. В ближайшее время мы надеемся, что такой труд выйдет из-под пера тюркологов безотносительно к какой бы организации или группировке они не принадлежали. Такой труд несомненно прольет достаточный свет и поможет выяснению вопроса относительно Урало-Алтайской теории.

ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

История и современное положение вопроса о взаимном родстве алтайских языков

Председательствует ***Агамали*** *Оглы*.

Председатель 4-ое заседание Курултая об'являю открытым. Слово принадлежит тов. Поппе.

Поппе. Мой доклад будет посвящен вопросу о родстве турецких языков с монгольскими. Я коснусь, главным образом, истории этого вопроса и его современного положения. Сравнительное изучение алтайских языков, т. е. монгольского, турецкого и тунгузских, имеет за собой долгий пройденный путь. Путь этот не на всем своем протяжении ровен и не везде безопасен: избравшие его не раз сбивались с него, чтобы, после долгих скитаний в дебрях, снова выбраться на него и продолжать свое странствие. И если теперь перед нами стелется широкая и прямая дорога, то мы обязаны этим исключительно тем, кто ее проторил, и кто вывел нас на высокое место, с которого нам виден путь далеко вперед. С этого же места, оглянувшись назад, мы можем окинуть взором и весь уже пройденный путь.

В истории сравнительного изучения алтайских языков можно различить два основных периода. Первый период – это тот, в течение которого алтайские языки оставались не выделенными в отдельную группу и рассматривались исследователями как члены одной обширной языковой семьи, часто менявшей свое название и непостоянной в отношении количества своих членов, ныне называемой урало-алтайской, и который, поэтому, можно назвать урало-алтайским периодом. В противоположность этому периоду второй характеризуется тем, что алтайские языки в самом начале

его были выделены из всей массы прочих урало-алтайских языков в одну особую группу, ибо к этому времени удалось установить, что более тесное родство, если, вообще, можно говорить о взаимном родстве урало-алтайских языков, прежде всего, связывает языки турецкий и монгольский, а также, быть может, и тунгузские, вследствие чего все усилия исследователей этих языков были направлены именно в сторону более детального изучения отношений их друг к другу, независимо от их отношения к языкам уральским, т. е. самоедским и финно-угорским. И не приходится, поэтому, подчеркивать, что начало собственно алтайского сравнительного языкознания относится именно к этому второму периоду. Было бы, однако, несправедливо утверждать, что первый период прошел для алтайского сравнительного языкознания совершенно без пользы, ибо он является периодом подготовительным, и ошибки, и заблуждения исследователей того времени имели большое воспитательное значение для исследователей новой школы. Обойти этот период полным молчанием мы поэтому не можем.

Начало урало-алтайского языкознания, из которого впоследствии выросло алтайское сравнительное языкознание, относится к XVIII ст. Основание ему было положено выходом в свет замечательного для своего времени труда Johann'a von-Strahlenberg'a [1]) в качестве военнопленного много лет в восточной части России и в Сибири и сделавшего много ценных наблюдений над языками целого ряда народностей. Помимо того, что в труде Strahlenberg'a собраны первые фактические данные о языках, о которых до него ничего не было известно, – так, например, значительную часть его составляет первый по времени словарь живого калмыцкого языка, – труд этот замечателен, прежде всего, как первая попытка обосновать родство урало-алтайских языков. Об'единяя сближаемые им в языковом отношении народности под общим названием «татарских», Strahlenberg дает также первую классификацию, разбивая эту семью народов на 6 групп, именно на группы: 1) уйгуров, под

[1]) Das Nord-und Ostliclie Theil von Europa und Asia, insoweit solches das gantzo Russische Reich mit Sibirien und grossen Tatarei in sich begreiffet etc. von Philipp Johann von-Strahlenberg. Stockholm, 1730.

каковыми подразумеваются финно-угорские народности, барабинцы и гунны, 2) турко-татар, 3) самоедов, 4) монголов и манджуров, 5) тунгусов и 6) племен, обитающих между Черным и Каспийским морями. Как видно, классификация эта не соответствует позднейшим и во многих своих частях не правильна, ибо в ней об'единены в некоторых группах такие народности, которые фактически должны быть отнесены к разным. Тем не менее, как первая, эта классификация заслуживает серьезного внимания. Strahlenberg'a выдвинул урало-алтайскую проблему, и в этом его заслуга.

Вопрос о родстве урало-алтайских языков был снова поднят почти ровно сто лет спустя после выхода в свет труда Strahlenberg'a выдающимся датским лингвистом, R.Rask'ом, об'единившим под общим названием «скифских» языков, языки, ранее об'единенные Strahlenberg'ом, распространив это название еще на ряд других языков, в результате чего группа «скифских» языков Rask'a обнимает собою языки народов, населяющих Гренландию, северную часть Америки, Азии и Европы, а также Кавказ, причем к «скифским» народам Rask причислил и до-индо-европейское население Испании и Галлии. Таким образом, в число «скифских» народов входят не только тунгусы, монголы, турки и финно-угорские народы, но и обитатели Гренландии, палеоазиаты, горские народы и потомки исчезнувшего яфетического населения Испании и других стран Европы [1]).

К середине прошлого столетия языкознание, вообще, уже сделало большие успехи: были выработаны принципы сравнения языков, и уже существовало индо-европейское сравнительное языкознание. Именно к тому времени относятся и выдающиеся в области языковедения работы W. von-HumboIdt'a, которые не могли остаться без значения и для теории о взаимном родстве «татарских» или «скифских» языков[2]), одним из наиболее

[1]) Den skytiske Sprongaet. Sammlede tilldels forhen utrykte Afhandlingen at R. K. Rask. I. København, 1834. p. 7.

[2]) O. Donner. Die ural-altaischen Spracher. «Finnisch-Ugrische Forschungen», I, S. 130.

характерных признаков которых в отличие от флектирующих индоевропейских языков считался агглютинативный строй их. На основании как раз этого признака, к которому присоединяется еще общий для значительного количества языков закон гармонии гласных, в группу перечисленных уже языков Max Müller включил еще языки сиамский, тибетский, южно-индийские и языки Малайского архипелага, предложив для этой расширенной группы языков название «туранской»[1]).

Туранизм, в сущности, нельзя назвать новой теорией. В общих чертах эта теория, об'единяя все языки Азии и Европы, за исключением индо-европейских, семитических и китайского, совпадает со «скифской» теорией Rask'a, отличаясь от нее лишь еще большой широтой выдвинутых проблем.

В силу того, что «туранские» народы занимают огромную территорию, Max Müller находил вполне естественным, что общие для «туранских» языков признаки не могут отличаться такой же определенностью, как характерные признаки индо-европейских или семитических языков и быть всюду одинаково ярко выраженными. Неудивительно, поэтому, если Max Müller находил, возможным применять к исследованию этих языков иные методы, чем к исследованию индо-европейских языков, являющихся вместе с семитическими языками характерными представителями political languages, которым он противопоставлял «туранские» языки, как nomadic languages[2]). Впрочем, никакого сравнительного изучения «татарских», «скифских» или «туранских» языков Max Müller не создал, и туранизм, в сущности, ограничился лишь тем, что наметил группу языков, обладающих некоторыми общими признаками, ставя, вместе с тем, эти языки в некоторую, не вполне ясную, родственную связь друг с другом, на что указывает самый термин «туранские языки»» который содержит прямое указание на родину этих языков. Необходимо, однако, подчеркнуть, что родственные связи этих языков друг с другом Max Müller у представлялись весьма слабыми, вследствие чего он всюду избегает термина «семья туранских языков», предпочитая ему термин «группа туранских языков».[1]) Ограничившись одним лишь отнесением ряда языков по некоторым общим признакам к одной группе, туранизм, в силу именно слишком большой общности этих признаков, естественно, не мог ясно очертить круг туранских языков. Этим самым об'ясняется, что круг туранских языков продолжал расти и в скором времени охватил и некоторые языки древности, как язык аккадийский [2])

Преждевременность выдвинутых туранизмом проблем особенно подчеркивать не приходится. В то время еще только зарождалось финно- угорское сравнительное языкознание, и только было положено знаменитым Böhtlingk'ом начало сравнительной грамматике турецких языков, а из остальных языков, включая и монгольский, тогда еще ни один не был исследован. Таким образом, все эти языки, история и отношение которых даже к ближайшим их родственникам еще не были выяснены, сразу оказались вовлеченными в один круг с бесконечным количеством других языков, из которых многие, как ныне уже окончательно установлено ничего общего с ними не имеют. Неудивительно поэтому, что туранизм не пользовался большой популярностью и нашел так мало сторонников.

На правильный путь наука была направлена Castrènom. Этот гениальный исследователь, в противоположность всем своим предшественникам и современникам, занимавшимся вопросом о родстве урало-алтайских языков, с большинством из них был знаком не по наслышке и не по чужим трудам. Собрав во время своих далеких путешествий по областям, населенным самыми разнообразными народами, богатейшие материалы по их языкам, Castrèn дал первые описания их, не превзойденные до настоящего времени. Посвятив всю свою жизнь исследованию урало-алтайских языков, Castrèn мог лучше, чем кто-либо, ориентироваться и в во-

[1]) Essays von Max Müller, I. Leipzig. 1869, S. 20.

[2]) The languages of the Seat of war in the east. With a survey of three families of language, Semitic, Arian and Turanian. London-Edinburgh-Leipzig, 1855, p. 88.

[1]) Essays, 1,8. 20.

[2]) Fr. Lenormant. La magie chez les chaldeens et les origines accadiennes. Paris, 1874.

просе о взаимном отношении исследованных им языков. Но здесь поражает та осторожность с которой Castrèn выражается. Ограничив круг языков, называемых им «алтайскими», пятью семьями – финской, самоедской, турецкой, монгольской и тунгусской, Castrèn об их взаимном отношении высказывается в том смысле, что между этими языками нельзя обнаружить такой близости как между отдельными ветвями индо-европейской языковой семьи, но что известные соответствия, особенно между финскими, самоедскими и турецкими языками, все-таки наблюдаются. «Являются ли эти соответствия столь существенными», продолжает он, «что дадут языковедам право причислить языки, о которых идет речь, к одной и той же семье–это вопрос, ответ на который должен быть предоставлен будущему»[1]). Этими словами Castrèn достаточно ясно высказал свою точку зрения на взаимные отношения «алтайских» (по нынешней терминологии урало-алтайских) языков.

Со времени Castrèn'a устанавливается урало-алтайская группа языков в ее нынешнем составе. Однако, еще современниками Castrèn'a были сделаны попытки расширить круг урало-алтайских языков включением в него и японского языка[2]) повторявшиеся и впоследствии[3]), но они особого успеха не имели, и в настоящее время речь может идти лишь об урало-алтайской группе языков в намеченном Castrèn-ом составе.

Высказав свою точку зрения на взаимные отношения отдельных семей урало-алтайской группы языков и предоставив окончательное решение этого вопроса будущему, Castrèn посвятил свои сравнительные исследования, главным образом, решению вопроса о родстве финно-угорских и самоедских языков, создав прочную

[1])Über die Personalaffixe in den altaischen Sprachen. M. A. Castren's Kleinere Schriften. St. Petersburg,' 1862, S. 152.

[2]) Boller. Nachweis, dass das Japanische zum ural-altaischen Stamme gehört. Wien, 1857.

[3]) H. Winkler. Der ural-altaische Sprachenstamm, das Finnische und das Japani-sche. Berlin, 1909.

W. Pröhle Studien zur Vergleichung des Japanischen mit den uralischen und altaischen Snrachen. Keleti Szemle, XVII, S. 147 f.

основу для всех будущих исследований в этой области[1]), а также некоторым вопросам специально финно- угорской сравнительной грамматики [2]), и в качестве компаративиста-урало-алтаиста Castrèn, в сущности, выступает лишь в одной работе, посвященной личным суффиксам урало-алтайских языков[3]).

В широком масштабе, действительно, сравнительное изучение урало-алтайских языков началось со времен Schott'a. В противоположность своим предшественникам и современникам, делавшим свои обобщения, главным образом, на основании наблюдений над некоторыми общими признаками урало-алтайских языков, Schott строил свои выводы на основании соответствий в лексическом материале, не оставляя, вместе с тем, без внимания и морфологии урало-алтайских языков. Дав в дополнение к своим работам в области сравнительной морфологии урало-алтайских языков ряд сопоставлений слов из разных, относящихся к этой группе, языков[4]), Schott вывел урало-алтайскую проблему из ее неподвижного состояния на тот путь, по которому урало-алтайское сравнительное языкознание идет в настоящее время. Ограничив круг своих исследований языками финно-угорскими, называемыми им «чудскими», и турецкими, монгольскими и тунгусскими, объединенными им под общим названием «татарских», Schott вместе Castrèn'ом всей группе урало-алтайских языков присваивает название «алтайской» или «чудско-татарской». Каких-либо других языков Schott, за редкими исключениями, к сравнению не привлекает, и в этом отношении он идет рука об руку с Castrèn'ом.

[1]) E. N. Setala. Centenaire de la naissance de Mathias-Alexandre Casteren. Journ de la Societe Finno-Ougr. XXX, № 1 b, p. 21.

[2]) Напр. De affinitate declinationum in lingua Fennica, Esthonica et Lapponica. Vom Einflusse des Accents in der lanplandischen Sprache.

[3]) Über die Personalaffixe in den altaischen Sprachen.

[4]) Über das altaische oder finnisen-tatarische Sprachengeschlecht. Berlin, 1849; Das Zahlwort in der tschudischen Spraehenklasse, wie auch in Türkischen, Tungusischen and Mongolischen. Berlin, 1853. Altaische Studien, Oder Untersuchungen auf dem Gebiete der Altai Sprachen, Berlin, 1860.

Являясь одним из столпов урало-алтайской теории, Schott, как и его современник Castrèn, ставит урало-алтайские языки не в одинаковую родственную связь друг с другом. Как известно, Castrèn в наиболее близкую родственную связь друг с другом ставит финно-угорские и самоедские языки[1]), выделяя их этим самым в особую языковую семью–уральскую, противопоставляя им остальные языки урало-алтайской группы, взаимных отношений которых он более точно не определяет. Точно так же и Schott выделяет финно-угорские языки, как находящиеся в наиболее близкой родственной связи друг с другом, в одну семью–финскую или «чудскую», противопоставляя им остальные языки–турецкий, монгольский и тунгусские, об'единяемые им под общим названием «татарских». Таким образом, можно установить, что уже во времена Schott'a и Castrèn'a существовало деление урало-алтайской группы языков на две подгруппы.

Говоря о значении Schott'a, было бы односторонне судить о нем только как об урало-алтаисте, ибо в целом ряде работ он выступает в качестве алтаиста, сосредоточив свое внимание специально на вопросе о взаимном отношении турецкого, монгольского и тунгусских языков, как, наприм., в работе «Versuch tiber tatarischen Sprachen» (Berlin, 1836;), в которой лишь в редких случаях привлекается к сравнению еще финно-угорский материал. И если говорить о заслугах Schott'a в этой области, нельзя не отметить, что им совершенно правильно были установлены некоторые фонетические законы этих языков, напр., соответствия звуков р–з и л–ш, столь характерные для алтайской языковой семьи, и верно определено место некоторых алтайских языков, как, например, чувашского, относительно которого он установил, что он является языком турецким [2]), каковая точка зрения, с некоторыми оговорками, приемлема и в настоящее время. Работы Schott'a в этой области, как и в других, конечно, сильно устарели, но они имеют огромное историческое значение.

[1]) M. A. Castrèn's. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren, 1845–1849. St. Petersburg, 1856. S. 91,199

[2]) De lingua Tschuvaschorum, Berolini (s. a), p. 4.

Алтайское сравнительное языкознание в качестве самостоятельной величины начинает, таким образом, существовать со времен Schott'a, и с этого момента усилия исследователей направляются на более детальное выяснение взаимных отношений турецкого, монгольского и тунгусских языков–с одной стороны, и финно-угорских и самоедских–с другой. Правда, не всеми было принято деление урало-алтайской группы на эти две основные подгруппы, и некоторые, как H. Winkler, ставили тунгусские языки в более тесную связь с финно-угорскими и с самоедскими языками, рассматривая манджурский язык как звено между последними и японским языком, разбив этим самым урало-алтайскую группу на две неравные подгруппы–самоедско-финно-угро-тунгусо-японскую и монголо-турецкую[1]), но эта точка зрения не нашла поддержки у других, и большинство исследователей продолжает тунгусские языки рассматривать, как наиболее близкие к монгольскому и турецкому языкам.

Оставляя теперь в стороне урало-алтайскую группу, к которой мы вернемся еще впоследствии, мы обратимся теперь к истории алтайского сравнительного языкознания, которая начинается именно с того момента, когда сравнительному изучению алтайских языков было отведено особое место в науке, и когда оно перестало быть синонимом урало-алтайского сравнительного языкознания.

Что алтайское сравнительное языкознание пошло по этому новому пути, свернув в сторону с пути урало-алтаистики, было совершенно неизбежно. Еще за много лет до этого было установлено, что не все урало-алтайское языки находятся в одинаковом отношении друг к другу, и что в пределах этой группы одни языки более тяготеют к одним, а другие к другим. С другой стороны, именно к тому времени относится пышный расцвет финно-угорского сравнительного языкознания, давшего такие громкие имена, как Budenz, Ahlqvist, Donner и др., в ре-

[1]) H. Winkler. Uralaltaische Völker und Snrachen. Berlin, 1884; Das Uralaltaische und seine Grupnen, Berlin, 1886; Tungusisch und Finnisch-Ugrisch, 1 u II (Journ. de la Soc. Finno-Ougr. XXX, № 9 u XXXIX, № 1).

зультате работ которых финно-угорское языкознание в скором времени в отношении своих методов и разработанности целого ряда вопросов приблизилось к индо-европейскому языкознанию. Таким образом, финно-угорское сравнительное языкознание и алтайское в короткий срок оказались в весьма неравном положении, ибо из алтайских языков к тому времени лишь турецкие языки, благодаря Böhtlingk'y и Радлову, могли считаться до некоторой степени изученными в сравнительном аспекте. Детальное изучение взаимных отношений алтайских языков и установление фонетических законов их стало, поэтому, самой неотложной задачей.

Задача эта оказалось нелегкой, так как из всей группы алтайских языков лишь по турецким наречиям был собран более или менее исчерпывающий материал в то время, как знание монгольского языка тогда ограничивалось лишь знанием письменного языка, а по живым монгольским наречиям еще ничего не было собрано. Еще хуже дело обстояло с тунгусскими наречиями, которые и в настоящее время являются настолько мало изученными, что привлечение к сравнению тунгусского материала в широком масштабе не представляется возможным. Дело замедлялось еще и тем, что исследователям было трудно сразу отрешиться от прежних методов и ограничить свои исследования небольшим количеством языков. Этим самым объясняется то обстоятельство, что работы первых алтаистов, направленные на более точное выяснение взаимных отношений алтайских языков, изобилуют экскурсами в сторону финно-угорских языков, как, наприм., работа Büge об отношении тунгусских языков к монгольскому и турецкому[1]).

Вообще, если говорить об ошибках первых алтаистов, Schott'a и его последователей,–то как на главную ошибку необходимо указать, прежде всего, на то, что они, сознавая необходимость ограничить круг своих исследований небольшим количеством языков, свое намерение осуществили в недостаточной степени. Вместо того, чтобы на первых порах ограничиться выяснением отношений каких-нибудь двух языков–монгольского и тунгусских, они

[1]) E. Büge. Über die Stellung des Tungusischen zum Mongolisch-Türkischen. Halle (1887).

взяли на себя невыполнимую задачу выяснить взаимные отношения всех этих языков, задачу, которая не выполнима даже в настоящее время. Неудивительно поэтому, если все работы первых алтаистов оказались совершенно неудовлетворительными, как, напр., сравнительная грамматика алтайских языков Grunzel'я[1]), которая была бы своевременной лишь после целого ряда монографий по отдельным языкам и исследований по отдельным частным вопросам сравнительного изучения их и отнюдь не должна была открывать собою сравнительного исследования алтайских языков, ибо появление сравнительной грамматики было бы преждевременным и в настоящее время, даже если бы такая сравнительная грамматика обнимала собою только языки монгольский и турецкий, не говоря уже о том, что сравнительная грамматика всех алтайских языков, вообще, сможет появиться только через многие годы.

Совершенно очевидно, при этих условиях, было, что для сравнительного изучения алтайских языков еще не настало время, и что таковое сможет начаться лишь после того, как будут собраны более или менее исчерпывающие материалы по не изученным еще алтайским языкам, каковыми являлись живые монгольские наречия и тунгусские. Очевидность этого факта было жестоким разочарованием, но с ним нужно было примириться и нужно было наверстать упущенное. Естественно, что выбор, прежде всего, должен был пасть на живые монгольские наречия, чтобы выяснить отношение их письменному монгольскому языку и хотя бы в общих чертах набросать картину истории монгольского языка. Этот выбор был вполне понятен, ибо монгольский язык обладает сравнительно древней письменностью, вследствие чего вскрытие его истории не должно было представлять собою тех трудностей, как выяснение истории бесписьменных тунгусских языков, ибо манджурский язык, как образование искусственное, понятно, в расчет идти не мог. Вместе с тем, изучение именно живых монгольских наречий должно было сослужить алтайскому сравни-

[1]) J. Grunzel. Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen nebst einem verglechenden Wörterbuch. Leipzig, 1895.

тельному языкознанию большие услуги, ибо, давно уже было установлено, что наиболее близкими из алтайских языков являются как раз монгольский и турецкий. Безусловно этими соображениями руководился *Рамстедт,* создавший современную алтайскую школу, когда он в качестве стипендиата Финно-Угорского Общества в Гельсингфорсе предпринял в 1898 году свое первое путешествие в Монголию, с целью собирания материалов по живым монгольским наречиям, за которым последовали поездки в калмыцкие степи и на границы Афганистана, с целью изучения калмыцкого языка и языка моголов. Это начинание нашло живой отклик в русской науке, выдвинувшей целый ряд собирателей материалов по живым монгольским наречиями, среди которых первое место занимает Ц. Ж. *Жамцарано*, в результате чего в сравнительно короткий срок количество собранных образцов живой речи самых разнообразных монгольских племен даже превысило количество изданных записей текстов турецких наречий. К сожалению, далеко не все эти материалы увидели свет, и большинство из них до настоящего времени остается неизданным.

Таким образом, почва для выяснения истории монгольского языка, была подготовлена. Основание историческому исследованию монгольского языка было положено выходом в свет работы Рамстедт'а об отношении ургинского говора к письменно-монгольскому языку[1]) и о языке моголов[2]); одновременно с этими работами вышло в свет его же исследование о монгольском спряжении, являющееся, вместе с тем, первой отвечающей требованиям современной науки работой в области сравнительной морфологии монгольского и турецкого языков, с привлечением некоторого тунгусского материала.

---

[1]) G. J. Ramstedt. Das Schriftmongolische und die Urgamundart phonetisch vergleichen. Helsingfors, 1902.

Впоследствии в русском переводе: Г. И. Рамстедт. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и Халха'ско-Ургинского говора. Под редакцией А. Д. Руднева, С.-Петербург, 1908.

[2]) Mogholica. Beitrage zur Kenntnis der Moghol-Sprache in Afghanistan. Journ. de la Soc Finno-Ougr. XXIII, № 4. Helsingfors. 1905.

Успех первых опытов *Рамстедта* в области сравнительного изучения монгольского и турецкого языков об'ясняется, конечно, в значительной степени тем, что почва этих изысканий была уже в значительной степени подготовлена, отчасти, им самим, а также другими исследователями. Как раз к тому времени относятся наиболее крупные достижения в туркологии: блестящая расшифровка орхонских памятников, навеки, сделавшая бессмертным имя *Томсена* и давшая исследователям богатейший материал по древнейшим турецким наречиям, о котором раньше никто и мечтать не мог, открытия в области уйгурской письменности – все это сразу двинуло турецкое языкознание вперед и открыло перед ним широчайшие перспективы. В то время уже существовала сравнительная фонетика турецких наречий *Радлова* [1]), и появилась первая историческая фонетика турецких наречий Grenbech'a, труд которого и в настоящее время является основой турецкого сравнительного языкознания[2]).

С самого начала своих исследований Рамстедту удалось установить ряд чрезвычайно важных фонетических законов монгольского и турецкого языков. Так, напр., оказалось, что монгольский язык в отношении соответствий турецким звукам «з» и «ш» занимает совершенно такое же положение, как чувашский язык, в котором, как это было установлено еще раньше Schott'ом и другими исследователями, этим звукам соответствуют «р» и «л» [3]). Говоря об этом соответствии, являющимся одним из наиболее характерных, нельзя обойти молчанием того факта, что правильное освещение ему было дано опять же Рамстедтом. Как и его предшественники, которым этот фонетический закон был известен по чувашскому языку, Рамстедт первоначально стоял на той точке зрения, что монгольские и чувашские «р» и «л» являются развитиями более древних «з» и «ш», сохранившихся в турецком

---

[1]) W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1883.

[2]) W. Grenbech. Forstudier til tyrkisk Lydhistorie. Köbenhavn, 1902.

[3]) G. J. Ramstedt. Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen. Helsingf'ors 1903, S. 97.

языке[1]), впоследствии же, убедившись–в силу разных соображений, на которых здесь не место подробно останавливаться–в несостоятельности такого рода об'яснения, он предложил обратную теорию, согласно которой турецкие «з» и «ш» являются развитиями более древних «р» и «л», сохранившихся в монгольском и чувашском языке [2]), и эта последняя теория является в настоящее время единственно приемлемой.

В результате целого ряда работ Рамстедта посвященных отдельным частным вопросам сравнительной фонетики, в настоящее время можно считать установленным факт, что турецкий язык по сравнению с монгольским представляет собой язык, проделавший долгую эволюцию и весьма стершийся. Так, напр., теперь известно, что турецкий язык терпел некогда в начале слова наряду с глухим «к» и «т» также соответствующие им «г» и «х», ничего общего не имеющие со звонкими смычными в этом положении в южно-турецких наречиях, щ которых последние появились вторично. С другой стороны, можно считать установленным, что турецкий звук «j» в начале слова различного происхождения и восходит к четырем различным звукам–к « ج » (дж) «j», «н» и «д», каковые звуки сохранились в монгольском языке до настоящего времени [3]).

На первых же порах работы Рамстедта нашли живой отклик и у других исследователей. Здесь в первую очеред необходимо упомянуть имя венгерского исследователя Gombocz'a, давшего, на ос-

[1]) G. J. Ramstedt. Über die Zahlwörter der atlaischen Sprachen. Journ. de la Soc. Finno-Ougr. XIV, № 1, S. 18; его же Этимология имени Ойрат. Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина, стр. 553.

[2]) G. J. Ramstedt. Zur Fvage nach der Stellung des Tschuwassischen. Journ. de la Soc. Finno-Ougr. XXXVIII, № l, S. 29.

[3]) G. J. Ramstedt. Zur Geschichte des labialen Spiranten im Mongolichen. Festschrift V. Thomsen. Leipzig, 1912, S. 187;

Его же. Ein anlautender stimmloser labial in der mongolisch-türkischen Ursprache. Journ. de la Soc. Finno-Ougr. XXXII, № 2, S. 1;

Его же. Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte. Keleti Szemle XV, S. 14; Zur Frage nach der Sfellung des Tschuwassischen. S. 33.

новании, отчасти, установленных Рамстедтом фонетических законов, а также и собственных наблюдений, целый ряд турецко-монгольских этимологий, главным образом, в качестве примеров соответствий «р»–«з» и «л»–«ш», а также по вопросу об истории звука «д» в монгольском и турецком языках[1]). Совершенно исключительное значение не только для алтаистики, но и для финно-угорского сравнительного языкознания имеет капитальный труд Gombocz'a, посвященный вопросу о турецких элементах в венгерском языке, в котором им устанавливается факт наличия в венгерском языке древне-чувашских, или булгарских заимствований[2]), что является чрезвычайно важным для решения вопроса о прежних областях обитания венгров и чувашей.

На основании этих и других исследований в области алтайского сравнительного языкознания, в настоящее время уже можно довольно точно установить отношения, с одной стороны, монгольского языка к турецкому, а, с другой стороны, и чувашского к обоим. Рамстедт приступил к решению этого вопроса без всякого предвзятого мнения. В своих первых работах в области сравнительного исследования этих языков он определенного мнения о характере взаимных отношений монгольского и турецкого языков не высказывает и допускает, что значительная близость монгольского языка к турецкому может являться результатом массовых заимствований[3]). Впоследствии же, когда был установлен ряд чрезвычайно сложных монгольско-турецких фонетических законов, и когда были выявлены общие элементы морфологии этих языков, Рамстедт уже определенно высказывается в пользу гипотезы о родстве монгольского и турецкого языков, и в его последу

[1]) Z. Gombocz. Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen. Keleti Szemle XIII.

[2]) Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912, s. 201.

[3]) Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen, S. VII; Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen. S. 1.

ющих работах неоднократно говорится уже о монгольско-турецком праязыке [1]).

Родство монгольского и турецкого языков было не всеми сразу принято. Так, например, Nemeth еще в 1912 г. высказывал свое скептическое отношение к теории турецко-монгольского родства[2]), но и он очень скоро склонился к убеждению, что турецкий и монгольский языки являются родственными друг другу. Вместе с тем, он попытался наметить также основные этапы в истории монгольского, турецкого и чувашского языков и установил четыре периода: 1) период первобытного родства, 2) период чувашско-монгольских взаимных языковых влияний, 3) период татарско-монгольских взаимных влияний и 4) период якутских заимствований из монгольского языка. В частности, монголо-чувашское соответствие звуков «р» и «л» турецким «з» и «ш» Nemeth рассматривает как результат совместного развития этих языков в течение второго периода[3]).

Этим самым Nemeth определяет более точно и положение чувашского языка среди родственных и полагает, что за периодом монгольско-турецко-чувашского единства следовал период монгольско-чувашского языкового единства. Против этой теории можно сделать довольно много возражений. Прежде всего, необходимо заметить, что чувашский язык в отношении своей фонетики, а также и морфологии, прошел те же стадии развития, что и турецкий язык, вследствие чего можно полагать, что за периодом монгольско-турецко-чувашского единства следовал период не монгольско-чувашского, но турецко-чувашского языкового единства. С другой стороны, между чувашским и монгольским языками нельзя установить такой близости, на основании которой можно было бы заключить об имевшем некогда место периоде совместного развития этих языков.

[1]) Этимология имени Ойрат., стр. 550; bin anlauten der stimmloser Labial in der mongolisch - ttlrkischen Ursprache (срв. заглавие); Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen, S. 34.

[2]) J. Nemeth. Die türkisch-mongolische Hypothese. Zeitschr. d. Deutchen Morgenl. Ges. LXVl, S. 549 в f.

[3]) J. Nemeth. Über den Ursprung des Wortes Schaman und einige Bemerkungen zur türkisch-mongolischen Lautgesichte. Keleti-Szemle, XIV. Отдельный оттиск, стр. 7.

Против этой теории Nemeth'a выступил Рамстедт. Не считая возможным, чтобы за периодом монгольско-турецкого языкового единства следовал период совместного развития монгольского и чувашского языков, Рамстедт установил, что чувашский язык являет собою закономерное развитие турецкого языка, и притом вне всякого прямого влияния со стороны монгольского языка[1]). В силу приведенных уже соображений, теория Рамстедта безусловно должна быть признана единственно правильной. Только по поводу данного Рамстедтом определеня чувашского языка, как закономерного развития турецкого языка, можно заметить, что такое определение приемлемо лишь с некоторой оговоркой. Дело в том, что чувашский язык является единственным турецким «р» и «л» языком, в то время как все турецкие наречия являются «з» и «ш» языками и восходят к такой общей стадии в которой заместителями звуков, развившихся в монгольском и чувашском языках в «р» и «л», были «з» и «ш». Чувашский язык и турецкие наречия являются, поэтому, потомками двух праязыковых говоров–«р» и «л» говора и «з» и «ш» говора. И если этот древний «з» и «ш» говор обозначить термином «турецкий пра–язык», то это название наобщий язык-предок чувашского и турецкого языка распространяться, конечно, не может. Более правильным названием для последнего, поэтому, является «чувашско-турецкий пра–язык»[2]). Взаимоотношение алтайских языков представляется, поэтому, в настоящее время приблизительно в следующем виде: после распада монгольско-турецкого языкового единства на две ветки, из которых одну можно назвать монгольской, а другую чувашско-турецкой, обе эти ветви долгое время развивались совершенно независимо друг от друга. Впоследствии чувашско-турецкая ветвь

[1]) Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen, S. 34.

[2]) N. Poppe. Die tschuwassischen Lautgesetze. "Asia Major", 8. 777, Н. Н. Поппе. Чувашский язык и его отношение к монгольскому в турецкому языкам. Изв. Рос. Акад. Наук, стр. 246.

разделилась, в свою очередь, еще на две ветви–чувашскую или болгарскую, которую можно назвать так по той причине, что волжско-булгарский язык был, по всей вероятности, предком нынешнего чувашского языка, и турецкую. Что касается пра-турецкого языка, выделившегося в результате этого разделения чувашско-турецкой ветви, то это был язык, стоявший приблизительно на той же ступени развития, что хронологически более поздний язык орхонских надписей[1]).

Об отношении тунгусских языков к монгольскому и турецкому в настоящее время еще очень трудно сказать что-либо определенное. Прежде всего, остается открытым вопрос, являются ли они, вообще, родственными алтайским языкам, и не объясняются ли общие для этих языков явления заимствованием. Во всяком случае, общего с монгольским и турецким языками у тунгусских языков довольно много, причем, насколько теперь можно судить, они стоят ближе к монгольскому языку, чем к турецкому. Так, например, тунгусские наречия являются «р» и «л» языками и, подобно монгольскому языку, различают в начале слова глухие и звонкие смычные, а также сохранили звуки «н», «д», « ج »и «j», совпавшие в чувашско-турецкой ветви в одном звуке. С другой стороны, тунгусские наречия в некоторых отношениях оказываются еще более архаичными, чем монгольский язык, вообще, стоящий весьма близко к алтайскому пра-языку, как, например, в отношении глухого губного звука в начале слова, исчезнувшего и в монгольском, и в турецком языках, пройдя стадию спиранта «h»[2]). Все это делает весьма вероятным предположение, что тунгусские наречия находятся в близком родстве с монгольским и турецким языками и восходят вместе с ними к одному языку-предку. Окончательно этот вопрос решится впоследствии, ибо возможно, конечно, что такое отношение тунгусских наречий к монгольскому и турецкому языкам, и особенно близость их к первому, является результатом

[1]) H. Pedersen. Türkischo Lautgesetze. Zeitschr. d. Deutschen Morgenl. Ges. LVII, S. 559.

[2]) Ramstedt. Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache, S. 10.

массовых заимствований, имевших место в отдаленную эпоху, быть может, домонгольскую.

Таковы результаты, к которым пришло современное алтайское сравнительное языкознание. На всем протяжении своей истории алтайское сравнительное языкознание неуклонно сокращало круг своих исследований. От туранизма к урало-алтаизму и от последнего к сравнительному изучению только двух языков–турецкого и монгольского,–таков путь этой науки. И если она кое-чего достигла и в настоящее время уже добилась своего признания, она обязана этим ислючительно тому, что исследователи сумели вовремя ограничить свои исследования и направить их на детальное изучение ограниченного числа языков.

Современное алтайское сравнительное языкознание сделало уже много достижений, и это дает возможность подвести итоги всей сделанной работе и, вместе с тем, наметить и ближайшие задачи. К достижениям алтайского сравнительного языкознания, прежде всего, относится разрешение в положительном смысле вопроса о родстве монгольского и турецкого языков, а также точное определение места чувашского языка, служившего предметом долгих споров в науке. В области фонетики более или менее подробно разработан консонантизм, как в начале слова, так и в середине. Меньше достигнуто в области морфологии, где, в сущности, разработанным является лишь отдел о глаголе–учение об образовании глагола и спряжений, в то время, как отдел об имени–учение об образовании имени и склонения–еще нуждается в детальных исследованиях. Ближайшими задачами исследования, таким образом, являются: в области фонетики–выяснение истории монгольского и турецкого вокализма первого и следующих слогов, а также разрешение вопроса о происхождении и давности гармонии гласных в этих языках. В области специально турецкой сравнительной фонетики необходимы более углубленные исследования по вопросу о происхождении пра-турецких долгих гласных, отражения которых можно проследить в якутском языке и в некоторых других наречиях. В связи с этим вопросом стоит вопрос о пра-языковом ударении, которое во многих случаях падало на первый слог, как и теперь еще в монгольском языке, но не всегда.

В области турецко-монгольской морфологии необходима разработка отдела образования именных основ и склонения, а также выявление корней, в связи с чем стоит вопрос о так называемых неразложимых основах, являющихся на самом деле такими же неразложимыми, как и основы, образованные при помощи «живых» суффиксов. Здесь достаточно указать на такой пример, как на обширную семью слов от корня са–в турецких языках, как сан «число», сан–«думать», саіы–«число», сат–«продавать», сак–«осторожный» от корня са,–сохранившегося в уйгурском языке, со значением «говорить, считать», и соответствующего тунгусскому са–«знать»; этимологическая связь этих слов совершенно очевидна, а между тем некоторые форманты, при помощи которых они образованы, еще не выявлены на достаточном количестве примеров. Все эти вопросы принадлежат к наиболее важным, и скорейшее разрешение их совершенно необходимо, ибо неразработанность этих отделов препятствует появлению в свет сравнительной грамматики турецкого и монгольского языков. Между тем теперь необходимость в печатном руководстве по сравнительной грамматике турецкого и монгольского языков все больше и больше ощущается. Во всяком случае, необходимо отметить, что появление такой сравнительной грамматики, быть может, уже не за горами, ибо главные трудности уже преодолены, и большая часть работы в этой области уже сделана. Уточнить сделанное, внести некоторые поправки и дополнения и разработать всего лишь несколько отделов–таковы, следовательно, задачи современного сравнительного языкознания.

Вместе с тем, не следует забывать тунгусских наречий. Принадлежность их к алтайским языкам и родство их с монгольскими и турецкими языками окончательно еще не доказаны. Но здесь остается пока делать то же самое, что некогда было задачей для исследования турецкого и монгольскго языков, а именно собирание материалов. Составление словарей, грамматических очерков, выяснение взаимных отношений тунгусских наречий, сравнительное исследование их, пока без привлечения других языков–вот задачи тунгусоведения. Когда это будет сделано, тогда можно будет помышлять и о сравнительном изучении тунгусских наречий и монгольского и турецкого языков. До тех пор все попытки в этом направлении не приведут к желательным результатам. Время бессистемного и безметодного сравнения отдельных языков для алтайского языкознания миновало, и оно больше никогда не вернется.

Алтайское сравнительное языкознание идет своим путем. Параллельно продолжает существовать урало-алтайская теория или, вернее, гипотеза о родстве алтайских языков с уральскими. Когда будет создана полная сравнительная грамматика финно-угорских языков, с одной стороны, и алтайских языков, с другой, когда будет восстановлена фонетическая система финно-угорского пра-языка или даже уральского и, с другой стороны, алтайского, тогда можно будет с большим успехом, чем теперь, сравнивать отдельные слова, но уже не финские, венгерские, турецкие и т. д., но пра-финские и пра-алтайские. Но до этого еще далеко,–еще нет даже полной сравнительной грамматики финно-угорских языков. Еще меньшего можно ожидать пока от алтайского языкознания, которое, несмотря на долгий пройденный путь, все еще так юно.

Об отношении турецких языков к яфетическим языкам

Председатель–Слово предоставляется товарищу Генко.

Генко–Тот вопрос, обсуждению которого посвящаются мной те немногие минуты, которые я имею возможность уделить ему, стоит несколько иначе, чем тот, которого касался мой предшественник и товарищ.

Этот вопрос, трудный сам по себе, заключающий в себе совершенно исключительные трудности по качеству и сложности проблем, еще в значительной мере усугубляется в своей трудности своей связанностью с другими вопросами общего характера, которые не разрешены, которые решаются провизорно, т. е. время решения одного вопроса зависит от времени решения другого вопроса. Это вопрос о возможном отношении турецких языков к языкам, именуемым уже 30 лет в научной литературе языками яфетическими. Вопрос, с которым он связан, более общий, без разрешения которого немыслимо разрешение другого вопроса. Это

вопрос о том, как, вообще, следует и можно понимать вопрос о связи языков. Этот вопрос о связи языков в той мере, в какой он ставился в литературе,–а я имею в виду факты, уже обсуждавшиеся,–допускает многозначное решение, решение, по меньшей мере, в 4-х смыслах. Связь языков наиболее убедительная, наилучше исследованная и имеющая наибольшее научное значение,–собственно эта связь языков понимается в смысле их генетического родства. Это–связь нескольких, ныне раздельно существующих, языков, языковых коллективов, связь их в очень далеком прошлом, когда они представляли собой нечто более или менее единое. Генетическая связь, т. е. генеалогическая лестница, строится на основе этих фактов, и родство понимается в смысле родства биологического. На этой предпосылке основано понимание взаимоотношений отдельных турецких языков между собою, отдельных языков индо-европейских между собою и т. д. Но, помимо этой связи, которая существует не только между отдельными словами, существует и родство грамматическое, система морфологии. Такое родство не исключает собой возможности существования не менее значимых с точки зрения понимания прошлого народов и их взаимоотношений–других типов родства, которых можно насчитать, по меньшей мере, еще три. Первое, наиболее проблематическое и, вместе с тем, наиболее интересное, имеющее наибольшие перспективы в будущем, представлено в научной литературе в сравнительно слабой мере. Одно из крупнейших достижений в этой области сделано в последние 2-3 года. Я имею в виду исследование французского ученого Кюни, который в одном из последних трудов, напечатанных в 1925 г., подвел итоги многолетней систематизированной и продуманной работы, которая велась в сторону обоснования родства между языками индо-европейскими и семито-хамитическими, т. е., иначе говоря, со всеми теми языками, которые играли в Средиземно-морском мире такую роль на протяжении всей доступной нам истории. Родство этого типа названо последним исследователем в достаточной мере удачно, как родство преграмматическое. Это значит, что в отличие от нормального типа родства, на котором базирована вся языковая семья, в отличие от этого родства, оно основано не

только на сходстве словаря, но и морфологии. Это родство об'ясняется также родством грамматическим, понимаемым в ином смысле, не в смысле морфологии, а в смысле основного... (неразб.) Эти два вида родства приводят нас, по самому скромному подсчету, во времена, когда никакие письменные источники не говорят нам ничего, т. е. во времена вполне доисторический. Этот тип родства, как я уже сказал, имеет, при более тщательной разработке отдельных языковых семейств, получить доминирующую роль в соответствующей литературе о связи языков. Третьим вариантом решения вопроса о связи, языков является теория, которая в последнее время все чаще и чаще именуется теорией субстратов. Это теория, вокруг которой ломалось и ломается по сей день много копий, в значительной степени по недоразумению. Мы должны признать, что в жизни народов постоянно наблюдается явление преемства одного от другого, преемства в деле культурном, и поскольку язык является одним из самых ярких, самых ценных элементов культуры, постолько и в языке. Речь идет лишь о том, как ближайшим образом понимать эту связь и как ближайшим образом, что еще важнее, сделать ее убедительной в глазах других, сделать ее научно обоснованной. В этом весь вопрос, и нужно признать, к сожеланию, что еще не выработаны в достаточной мере те методы, которыми можно демонстрировать, доказать безусловную связь этого типа. Эти методы в будущем еще имеют быть выработанными, и в данный момент можно лишь говорить о большей или меньшей доказательности тех приемов, которыми пользуются в вопросах этого рода. Наконец, последним, четвертым способом понятия о связи языков должен явиться чрезвычайно распространенный и наименнее ценный, быть может, в глазах лингвистов тип родосвязи, связи вполне исторической, связи, которая обуславливается слиянием и неполным слиянием одного народа с другим от длительного сосуществования их на известной территории, общей для тех и других, на почве длительного обмена культурными приобретениями, в том числе, конечно, и приобретениями языковыми. Эта связь, которая квалифицируется, как связь позаимствованная, решает вопрос о связи языков вообще. Если мы перейдем к частному вопросу, который в данный

момент занимает нас, вопросу о возможной и доказанной связи языков яфетических с турецкими, то тут, прежде всего, надо уточнить неясное, быть может, понятие о языках яфетических.

Я сказал уже, что соответствующая научная работа в отношении этих языков проделывается уже приблизительно 30 лет. Под яфетическими языками в научной литературе разумеются в настоящее время те коренные языки Кавказа, которые известны под названием, с одной стороны, горских языков, с другой стороны–закавказских (грузинский и прочие, с ним родственные). Вот эти языки и понимаются, как языки яфетические. Было бы, конечно, большой неосторожностью, пагубной для трактования того вопроса, о котором сейчас говорим, думать, что то положение вещей, которое существует в настоящее время, т. е. изолированность яфетических языков, в значительной мере их нахождения преимущественно на территории Кавказа, было всегда, что таково было положение и в прежнее время. Напротив, у нас имеются все основания утверждать, что яфетические языки Кавказа в том виде, в каком они существуют в настоящее время, представляют собой жалкие остатки когда-то великого целого, которое и территориально, и по своей культурной значимости представляло собой нечто совершенно иное, значительно более внушительное, значительно более важное при решении вопросов подобного рода. У нас есть данные,–предшествующие доклады уже затрагивали многие вопросы подобного рода–у нас есть данные полагать, что яфетические языки были распространены на территории Передней Азии значительно к югу от Кавказа и, быть может, даже гораздо дальше.

Для вопроса о связи турецких языков с яфетическими еще важнее их восточное распространение, их распространение в сторону Центральной Азии. Наша осведомленность, к сожалению, в этом вопросе несколько хуже, чем в вопросе о Передней Азии. Если относительно Передней Азии наши исторические традиции предстаавляются единственными в своем роде по своей хронологической и внутренней широте, то в отношении вопросов средне-азиатских наши горизонты начинают проясняться только за последнее время и еще далеки в смысле хронологическом и в смысле полноты от того, что мы имеем о Передней Азии. Тем не менее, и тут, в данной

области, есть известные основания утверждать, что в сторону Востока, в направлении, к Средней Азии, Туркестану распространение яфетических языков в прежнее время было значительно. Если мы будем рассматривать последовательно вопрос о связи турецких языков с яфетическими, то уместнее всего начать с того положения, которое имеется в настоящее время. Мы знаем, что сейчас на Кавказе сосуществуют языки заведомо яфетические и заведомо турецкие. Стало быть, уже на почве этого наличного сейчас состояния мы можем предполагать известную связь совершенно а приори, не рассматривая вопроса подробнее. Если вопрос идет о турецких языкак, то необходимо считаться с существующими яфетическими и, наоборот, говоря о некоторых особенностях языков яфетических, нельзя игнорировать наличие здесь турков. Таково положение вещей сейчас.

Но мы знаем, что то расселение турецких народов, которое имеет сейчас,–дело сравнительно позднего времени. Мы можем с большей или меньшей степенью вероятности предполагать и даже утверждать, когда именно, в какую эпоху совершалось формирование того расселения народов на территории Кавказа, которое мы имеем в настоящее время. Это приблизительно можно датировать эпохой монгольской, отнеся к XIII-XIV веку. К этой эпохе относится, вероятно, окончательное напластование турков на Северном Кавказе, напластование, явившееся в результате разгрома всех турецких образований, которые существуют в южной России. Заселение турками южного Кавказа по эту сторону хребта произошло несколько ранее, и, во всяком случае, карта расселения получила свою окончательную форму в ту же эпоху. Спрашивается, что было до этого? До этого происходило следующее. Начиная, по крайней мере, с VI-го века нашей эры, турецкие народности находились в известном контакте с кавказскими, и с этого момента были реальные нелингвистические предпосылки для взаимного обмена всевозможных типов. Следовательно, трактуя об этом вопросе, мы должны шагнуть несколько вперед, в глубокое время. VI-й век–это та дата, которая обусловлена случайностями, той исторической традицией, которой мы располагаем. Мы постоянно должны иметь в виду, что аргумент ex silentio, т.-е. заключение,

основанное на молчании источников, не есть аргумент, который годится в том случае, если имеются прямые свидетельства, которые подтверждали бы это заключение. И когда мы примем это во внимание, мы должны будем сказать, что не исключена возможность наличия тюркских народов в непосредственном контакте с Кавказом в эпохи более ранние. Я имею в виду неразрешенный пока и едва ли допускающий разрешение теми средствами, которыми он разрешался до сих пор,–вопрос о гуннах, имеющий большую литературу, систематически подобранную в той книге, которая вышла вторым изданием, в книге Иностранцева. Вопрос о гуннах, в числе многих решений, которые ему давались, насчитывает решение и такое, что гунны были тюрки, что это была турецкая народность, которая явилась предшественницей позднейших турок, появившихся на той же исторической арене. Все эти возможности, все эти неясности, которые здесь существуют, в значительной мере затрудняют и без того сложный, и без того многогранный вопрос о возможных связях тюркских, турецких языков с яфетическими. Что же можно утверждать положительного, и что является вопросом будущего? Одна возможность является в настоящее время, при наличном положении разработки, уже исключенной, – возможность генетического родства этого типа, о котором я говорил, господствующего типа связи языков, наиболее распространненого в литературе,–эта возможность исключена. Те данные, которые мы имеем,–связь турок с монголами, а, может быть, и с тунгусами, – все эти данные и соответственные данные яфетических языков, исключают возможность понимания связи яфетических языков с турецкими в этом смысле, т. е. в смысле генетическом. Затем, вопрос о родстве преграмматическом сейчас было бы ставить преждевременно, но если можно говорить о вероятностях, а говорить о них, может быть, должно, и, вообще, мой доклад по существу заключает в себе сферу вопросов недоработанных, носит характер гипотетического утверждения,–в этом–преграмматическом родстве–приходится, повидимому, воздерживаться от ответа и признать его скорее исключенным.

С тем большим основанием можно утверждать, что родство турецких языков с яфетическими последних двух типов, т. е. типа

субстрата и типа заимствованных слов,–оно несомненно имеет место. Те данные, которыми мы располагаем сейчас, прежде всего, заставляют сказать следующее: изучение как турецких языков, прежде всего Кавказа, так и языков яфетических оставляет желать лучшего, материал не собран. Конкретно языки карачаевский, азербайджанский и т. д. имеют в научной литературе такую трактовку, что не допускают постановки вопроса во всей его широте.

Материал недостаточен для полной постановки вопроса; он достаточен, однако, для того, чтобы утверждать, что, при наличии полных материалов, многое из того, что является непонятным и специфическим для турецких языков Кавказа, должно получить свое объяснение из коренных языков Кавказа–яфетических. Не нужно говорить о громадном значении, которое имеет выяснение такого факта. Прежде всего, установление таких взимоотношений последнего типа покажет нам общую значимость тюркских народов, покажет нам их лицо в том виде, как они дают себя чувствовать окружающим. Самое интересное и самое большое, что может связываться с вопросом о тюркских языках,–это вопрос о том, какое значение и какую роль играли они в грамматической системе культурного мира, частью которого они являются. Эта сторона дела имеет получить свое разрешение только на почве исследований подобного рода. Другая сторона вопроса–это выяснение таким же порядком культурной истории тех турецких или, возможно, не-турецких народов, которые сменялись на глазах истории.

Я беру на себя смелость утверждать, что все вопросы, хорошо известные историкам, вопросы о гуннах, хазарах и других народностях,–все эти вопросы не допускают чисто - исторического решения,– это уже мы можем сказать вполне,–не допускают их потому, что характер нашей исторической традиции таков, что оставляет нас в недоумении относительно самых капитальных вопросов.

Яфетические языки, я уверен, послужат тем зеркалом, которое на протяжении многих десятков лет и столетий отражало на себе картину, происходящую вокруг Кавказа, фиксировало ее в фактах языков, в фактах словаря и, таким образом, сохранило для нас то,

что не сохраняли никакие арабские и никакие иные писанные исторические источники. (Аплодисменты).

После доклада слово предоставляется т. т. Зифельдту и Чобан-Заде для оглашения приветствий.

ПРЕНИЯ

Габитов. (По-башкирски).

Саади (По-татарски).

Зифельдт. Товарищи, вопрос о родстве между тюркскими и финно- угорскими, монгольскими и тунгузскими языками был поднят в XIX в. несколькими учеными, которые были здесь названы докладчиком Поппе. Но с тех пор наука языковедения шагнула далеко вперед, и те доказательства, которые мы встречаем у основоположников так называемой урало-алтайской, или туранской теории, в свете современного языкознания являются недостаточно обоснованными и поэтому вполне понятно, что против урало-алтайской теории были приведены многочисленные возражения. Вся эта теория была поставлена под знак вопроса. Связь между финно-угорскими и тюркскими языками считается и среди большинства русских ученых в настоящее время совершенно невыясненной, и в таком состоянии застаем мы вторжение яфетической теории в урало-алтаистику. Академик Марр в настоящее время занят изысканиями в области изучения чувашского языка, интересуется яфетизмами в азербайджанском тюркском языке, а в прошлом году заявил, что и в финских языках, по его мнению, имеется особая яфетическая подпочва.

Одно, что без всяких колебаний необходимо принять из этой яфетической теории, это то, что никакого праязыка туранского или урало-алтайского не было, так же, как не было общечеловеческого праязыка. В начале языков было много, как много их и сейчас. Язык народа, расселяющегося по различным областям, с различными географическими и климатическими условиям, расщеплялся, образовывались диалекты, которые потом превращались в самостоятельные языки. С другой стороны, происходило и слияние языков от близкого соседства, особенно языков народностей, связанных экономической и политической общностью. Получается взаимная диффузия грамматических форм, гибридизация народов в зоологическом смысле сопровождается и гибридизацией

их языков. Например, армянский язык имеет грамматические формы яфетические, а по словарному составу–это в значительной степени язык индо-европейский. Нечто подобное мы можем встретить и в целом ряде других языков.

Но если не было туранского или индо-европейского праязыка, и в этом отношении мы не можем говорить о генетических родственных связях этих языков между собой, как не можем говорить о кровном зоологическом родстве этих народов, то многочисленные сходства, которые мы видим в грамматических формах и в словарном богатстве этих народов дают основание утверждать, что родственная связь, или, во всяком случае, «свойственные» связи имеются. Эти языки должны были между собою породниться еще в доисторическое время. Я постараюсь это показать на нескольких примерах. Их очень много, но короткое время не позволяет их даже перечислить.

По своему фонетическому материалу, как финно-угорские, так и тюркские языки можно разбить на две главные группы: 1) свистящие (группа «с»)–западно-финские (финский, эстонский), а из тюркских–якутский; 2) шипящие–(группа «ш») — восточно-финские, мадьярский и большинство тюрко-татарских.

Общее для всех групп финно-угорских, тюркских, монгольских и тунгузских языков, отличающее их от языков яфетических, семитических, индо-европейских и других–наличие почти у всех одного состава гласных: кроме «а», «о», «у», «і», «э» и полугласной «j»,–общих у всех этих языков–звуков: «ä», «ö», «ü», «ы». Из согласных отсутствует, кроме некоторых самоедских и тунгузских языков, звук «ф». Все эти языки не терпят соседства многих согласных. В начале же слова, кроме аффрикатов «дз», «дж», «ц» и «ч»–согласных дифтонгов они не терпят. Западные финны в иностранных словах в таких случаях отбрасывают один согласный звук: «ve» вместо «две», «ri» вместо «три». Здешние тюрки и османы в таких случаях прибавляют еще один гласный звук в начале слова: тюрки говорят «истакян», вместо «стакан», «Ирза», вместо «Рза», или вставляют гласную между двумя согласными: «Риза», вместо того же «Рза».

Для этих языков характерен закон сингармонии, или вокальной гармонии. В литературном эстонском языке сингармонизм уже выродился, но он встречается в рудиментарном состоянии в южно-эстонских наречиях, в части других финских и, во всяком случае, в самом Suomi–финском языке. Если в основе финского слова имеется твердая гласная, то твердым является и окончание; при смягченной гласной в основе, изменяются и гласные в окончании. Так, например, suoma-lajnen, viro-lajnen, но hämä-läjnen, venä-läjnen. Здесь окончание слова гармонируется с основой.

Обращает на себя внимание разительное сходство в морфологии между такими отдаленными языками, как эстонский и турецкий. Например, окончание неопределенного наклонения по-эстонски - «та», по-карельски - «тах», по-турецки - «так», - «mäq». Окончание, выражающее название местности или принадлежность к чему-нибудь, соответствующее русским - ец (японец), - ский (сельский) и т. п., по-эстонски будет - lane,-li-ne; напр., türk-lane–«тюрк», «турок», külaline–«гость» (от küla – селение), по-фински - laj-nen, - läj-nen (напр., syomalajnen– «финн», vena-lajnen–«русский»). В тюркских языках этому окончанию соответствуют- lu (-лу),-lü,-1ы (-лы), li (напр., Köprülü, Dagly, Nemneli).

Вместо предлогов в этих группах языков мы наблюдаем послелоги.

Род отсутствует одинаково в финских,- тунгузских, монгольских, и тюркских языках.

Я хотел бы привести ряд примеров словарного сходства, но мне придется за недостатком времени ограничиться малым.

Мы находим разительное, сходство между эстонским o1-e-ma(«быть») и турецким ol-inak, с параллелями на финских языках: на суоми и карельском ol-en, ol-la, мордовском - мокша ul-än, мордовском - эрзя ul-ems, ul-n-ems, зырянском ol - ny, вотяцком ul-y-ny; из самоедских на кушвинском il-e-van; из тюркских: на чувашском yl-аш, якутском buol, алтайском pol, башкирском bul-mak.

Понятия «сон», «спать» представлены в финских языках словами: эстонск. ujn, uni (сон), iyn-u-ma (уснуть, засыпать), суоми uni (сон), ujn - a - an, ujn-un (уснуть, засыпать), морд.-on, ud-omo

(сон), зырянск. un (сон), перм.-on (сон); в тюркских языках: якутск. uu (сон), орхонск. u (сон), алтайск. uj-ukta (спать), карагасск. uj-gu (сон), ud-ur-men (спать) османско-турецк.–uju-mak (спать).

Далее, эстонск. taba-ma (схватить, поймать), tap-та (убивать), tap-le-ma (браниться, ссориться), финск- суоми tapa-an (схватить, поймать, попасть в кого), tap-an (убивать, молотить), tapp-el-en (бороться, браниться), карельск. tapp-a, tap-el-la (убить, убивать), tappa-ja (убийца),– представлены в тюркских языках чувашским tob-ysas (спорить) и алтайским tabar (напасть на кого).

Глагол «есть» (кушать) на финских языках: эст. söö-ma, sü-ja, фин. суоми süö-n, карельск. süo, suv-ja, морд.-мокша sev-an, зырян. и пермяцк. sjoj-ny, вотяцк. si-ny, sajy-ny; на тюркских: чувашек, sij-as, якутск. siä.

Так как мое время уже на исходе, то я вынужден просить вас поверить мне на слово, что количество сходных корней огромно. Сходны названия многих диких и некоторых домашних животных холодного климата, сходен ряд других слов, относящихся как к охоте и рыболовству, так к скотоводству и к началу земледелия. Поразительно сходство названий растений умеренно-холодного и приполярного климата (наприм., береза, ель, сосна, рябина, лес, дерево, ягоды и др.), есть сходство и в наименованиях злаков. Столь же велико и сходство названий степеней родства и имен ряда добрых и злых божеств и духов.

Если бы было время углубиться в семантику урало-алтайского словарного богатства, то можно было бы раскрыть картину не менее интересную, чем та, что раскрыла перед нами яфетическая теория Николая Яковлевича Марра.

Выводы, которые можно сделать при сравнении как грамматических форм, так и словарного состава финских, самоедских и тунгузских языков, с одной стороны, тюркских и монгольских–с другой – эти выводы таковы. Несомненно, с доисторических времен эти народы жили в близком общении. И если не было первоначального родства,–об этом еще рано судить, языковедение еще не проделало всей работы, необходимой для этого,–то уже можно утверждать, что заимствование друг от друга было настолько значительным, что мы можем говорить о том, что эти языки между

собою породнились в такой глубокой древности и продолжали сближаться в историческое время в общих государственных образованиях, что и в настоящее время на таких противоположных полюсах, как западно-финские, тунгузские и тюркские языки, наблюдается такое разительное сходство. (Апплодисменты).

Председатель. Есть предложение образовать комиссию по поводу юбилея Неваи. Слово имеет Алиев.

Алиев. Президиум предлагает для проведения 500-летнего юбилея, приуроченного к тюркологическому с'езду, образовать комиссию в составе следующих товарищей: Перенглиев, Байтурсун, Мамед-Заде, Габитов, Ибрагимов, Чобан-Заде, Шакирджан Рахими, Иногамов, Нагиев, Леманов.

Созыв комиссии за тов. Иногамовым.

Щерба. Я просил слова для того, чтобы дополнить или, вернее, чуточку исправить маленькие недоразумения, которые могли возникнуть у аудитории по поводу доклада Николая Николаевича Поппе. В частности, 1-й пункт. Он сказал, что родство монголов и турок можно считать более или менее твердо установленным. Вот эта фраза может подать повод к недоразумениям. Конечно, речь идет не о родстве монголов и тюрок, а о родстве языков монгольских и турецких. Это, конечно, подтвердит и сам Н. Н. Поппе, а это, просто, такой способ выражения, который, однако, в широко-образованных кругах общества может привести к большим недоразумениям. Надо иметь в виду, что сравнительная грамматика и установление родства языков вовсе и принципиально не устанавливают родства носителей этих языков. Никогда никаких выводов из этого нельзя делать. На наших глазах и на глазах истории постоянно происходит перемена языка. Один и тот же народ может в течение сравнительно короткого периода времени для истории переменить несколько раз язык. Вот это–первое.Тут можно, однако, себя спросить, зачем же тогда изучать всю эту сравнительную грамматику и для чего сравнительное изучение языков? Ответ очень прост: нельзя делать этнологических выводов из этого изучения языков, но культурные выводы по вопросам связи культуры, цивилизации–в большой мере. Нельзя построить историю национального языка вне сравнительного изучения языков, без

этого нельзя вести никакой здоровой политики, как в области самого строительства языка, так и в области создания орфографии, алфавита и т. д.

Так что, хотя сравнительное изучение не дает никаких прав для этнологических выводов, но оно совершенно необходимо для целого ряда научных и прочих достижений. В виду того, что у С'езда мало времени, не буду здесь развивать дальнейших перспектив, которые, естественно, можно было б развить. Второй пункт – о праязыке. Этот вопрос также может подать повод к недоразумениям. Широкая образованная публика может подумать, что праязык это какое-то понятие, которое вызывает в себе предпосылку об отсутствии ряда всяких других языков. Это, конечно, совершенно наивное заблуждение. В науке сейчас так никто не думает. Наоборот, праязык в современных представлениях, в тех случаях, когда он доказывается (а доказывается он не всегда: не всегда это так легко), предполагает скорее принципиальную теоретическую наличность колоссального наличия языков. Как известно, ряд языков своеобразно видоизменился. Есть в истории преемственность. Одни языки меняются, другие исчезают; так что связывать понятие о праязыке с понятием о каком-то бывшем одном общечеловеческом языке–нельзя. Лингвистическое понятие о праязыках не имеет ничего общего с такими распространенными мнениями о каком-то первоначальном языке человечества. Об этом последнем мы ничего не знаем, скорее должны предполагать множественность, но это все так туманно, что у нас нет никакого основания говорить об общечеловеческом языке. Разрешения этого вопроса мы должны ждать от антропологии и других таких наук, а не от лингвистов, или если ждать от лингвистов, то частично. Это миф. Праязык, например, турецкий (я не утверждаю то, что пратурецкий был, это особый вопрос), это совершенная реальность, которая может быть, но которая, однако, в большинстве случаев недоступна непосредственному историческому изучению. Конкретное предложение, которое я хотел сделать, я, вероятно, сделаю в связи с докладом т. Самойловича, хотя по заглавию оно относится больше к шестой теме порядка дня. (Апплодисменты).

Халид Саид. (По-узбекски).

Усманов. (Переводит речь Габитова). Речь товарища Габитова носила больше характер декларации и обращения к товарищам, выступавшим здесь, к учителям-тюркологам и к лингвистам. Он говорит, что на башкирский народ, живущий в Уральских горах, в своей автономной республике, до Октябрьской революции мало обращалось внимания, их считали за вымирающее племя, но это был результат глубокого незнания всей жизни этого народа. После Октябрьской революции башкиры доказали свою жизненность и свое желание жить и участвовать в общей творческой работе пролетариата.

Теперь у башкир растет своя литература. До Октябрьской Революции не изучали башкир с точки зрения ни лингвистической, ни этнографической. Был только труд ученого Беляева о башкирском языке, который он разделяет на 7 наречий. А товарищ Габитов говорит, что есть одно башкирское наречие. Есть население, говорящее на смешанном татарско-башкирском языке. В башкирской республике имеется два башкирских наречия. Товарищ Габитов говорит, что башкиры причисляют себя к группе казакских языков; за исключением различия буквы «б» и «ф», почти все слова и звуки сходятся с казакским языком. Еще до сих пор, несмотря на то, что башкирская литература не завоевала прав гражданства, они не смущаются этим вопросом, ибо если до Октябрьской Революции не было литературы, это может быть будет лучше, ибо возрождающаяся литература создается на почве пролетарского творчества, наш язык – это язык башкирской бедноты, и литература башкирская –это литература башкирского пролетариата и трудового крестянства. (Апплодисменты).

Мусаев. (По-тюркски). (Апплодисменты).

Ачарьян. (По-тюркски). (Перевод в конце 5 заседания).

Заключительное слово Чобан-Заде.

Чобан-Заде. (По-тюркски). (Апплодисменты).

Заседание закрывается в 2 ч. 30 мин.

ПЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председательствует тов. Коркмасов.

Председатель. Сейчас будет доклад проф. Самойловича. Что касается резолюции по докладу проф. Чобан-Заде, то комиссия будет избрана после того, как мы выслушаем доклад проф. Самойловича. Оба докладчика договорились, что можно избрать одну комиссию для выработки резолюции по обоим докладам. Возражений нет? Слово проф. Самойловичу.

Современное состояние и ближайшие задачи изучения турецких языков

Самойлович. Первый Всесоюзный Туркологический С'езд происходит как раз с самого начала новой эпохи в истории нашей науки, туркологии. Те богатые, хотя и несчерпывающие, материалы по изучению турецких народов в разных отношениях, которые накоплялись за предыдущую эпоху, достигли уже таких размеров, что разработка их повелительно требует организованного систематического и планомерного труда–не отдельных работников, а труда коллективного. Это коллективное начало, планомерно проводимое в нашей науке, является первым условием работы в новый период туркологии. Второй отличительной чертой, может быть, еще более важной и более характерной, чем первая, для нового периода туркологии является то обстоятельство, что за последнее время в разработке туркологических вопросов все энергичнее и энергичнее начинают принимать участие–на ряду с прежними работниками–новые силы. Переход к новому периоду нашей науки теснейшим образом связан с нашим теперешним Курултаем. Без этого Курултая немыслимо дальнейшее движение нашей науки в таком размере, который диктуется богатыми накопленными материалами. Уже те заседания С'езда, кото-

рые протекли, ясным образом свидетельствовали еще раз о том, что мы действительно находимся в начале нового периода нашей науки. Мы здесь слышали представителей различных турецких народов, различных республик, с преобладающим турецким населением, и эти представители совершенно определенно своими заявлениями доказали, что, действительно, дальше работать без связи, без организации труда, без введения в нашу работу системы невозможно. Иначе оказывается, что работники, сидящие в центре, уже не в состоянии следить за тем, что делается на местах, а работники, все в большем и большем количестве появляющиеся на местах, не получают своевременно сведений о том, что делается в центре. На этих заседаниях мы слышали несколько заявлений, которые об'ясняются недостаточной осведомленностью. В этом, конечно, никакой вины у тех, которые об этом заявляли, нет. Это естественное положение до С'езда. Мы глубоко уверены, что в результате теперешнего нашего С'езда уже почва для того, чтобы мы не знали, что делается на местах, и чтобы на местах не знали, что делается в центре, совершенно пропадет. Настоящий С'езд, как известно, включил в свою программу ряд вопросов практических, которые должны быть на этом С'езде рассмотрены и разъяснены на базе теоретической. С другой стороны, этот С'езд поставил в порядок дня и целый ряд вопросов теоретических. Что касается последних, т. е. теоретических вопросов, то, как явствует из нашей программы, здесь мы не имеем в виду разрешить какие-нибудь неразрешенные научные проблемы в области туркологии, а имеем единственную только цель–подвести итоги того, что до сих пор сделано в отдельных областях изучения турецких народов.

В результате этих итогов выяснится, что еще не сделано, что надлежит сделать, и потом подготовить для той будущей работы достаточно продуманную и обоснованную программу, а затем, пользуясь принципом разделения труда, наладить дело так, чтобы в дальнейшем была определенная связь, где и какою областью нашей науки заниматься, с тем, чтобы впредь не велось параллельной работы, чтобы одни и те же вопросы не привлекали к себе внимания различных лиц, ибо при таком положении, конечно, по-

лучается и лишняя трата труда, которым мы все, конечно, должны дорожить. Мой сегодняшний доклад, как один из докладов теоретических, имеет своей целью подвести итоги того, что сделано в области изучения турецких языков, и наметить дальнейшие перспективы в этой области. По этой теме, кроме меня, выступают еще два докладчика. Проф. Ашмарин в своем сообщении коснется подробно истории развития туркологии, проф. Малов специально коснется вопроса изучения древне- турецких языков. Так что на мою долю падает подведение итогов по тому, что сделано в области изучения живых турецких языков.

Я должен сказать, что те многие десятки лет, которые были затрачены на эту работу, конечно, не прошли даром. Мы можем теперь уже заявить о том, что это большая грандиозная целина, которая раскинута на грандиозном пространстве, рельефно обозначенном на находящейся здесь карте; что эта грандиозная целина уже пройдена плугом пионера-исследователя, но пройдена быстро и один только раз.

Мы можем сказать в настоящее время–в общих грубых чертах,– что мы имеем представление о всех главнейших современных живых турецких диалектах, и, таким образом, в дальнейшем работа должна быть направлена к тому, чтобы эта первый раз только плугом пройденная целина в дальнейшем разрабатывалась более интенсивно, иными словами, на основе этих собранных в общих грубых чертах материалов по живым турецким наречиям предстоит углубленное и детальное их изучение.

Чтобы всетаки дать присутствующим общее представление о том, что сделано по изучению живых турецких языков, я позволю себе очень быстро пройтись по находящейся здесь карте и сказать отдельно о каждом из живых турецких языков несколько слов.

На самом северо-востоке вы видите обозначенное коричневой краской расселение якутского народа, образующего, как вам известно, автономную Якутскую Республику. Находясь в наиболее отдаленном от центра современной культуры районе, якуты в отношении их языка, тем не менее, изучены в значительной степени. Всесоюзная Академия Наук в Ленинграде в числе своих изданий, как известно, имеет уже несколько томов образцов народной ли-

тературы якутов. Та же академия продолжает печатание словаря якутского языка, составленного Эдуардом Карловичем Пекарским и его сотрудниками. Что касается грамматики якутского языка, одна из лучших грамматик турецкого языка принадлежит именно якутам. Это–грамматика академика Бетлинга. Мы далее знаем, что среди якутского народа и раньше, и теперь имеется целый ряд работников, которые и сами изучают свой язык и свою народную литературу. На основе того, что уже сделано по якутскому языку, в ближайшее время надлежит, углубляя эту работу, обратить внимание на изучение отдельных районов якутской территории, в поисках особенностей диалектических, особенностей по говору, которые могут оказаться внутри этого якутского языка. Затем, двигаясь дальше по направлению от Азии к Европе, мы в бассейне реки Енисея, в верхнем его течении, опять, как вы видите, находим той же краской закрашенное пятно. Это – район расселения так называемых абакинских турок, состоящих из отдельных мелких племен: сагайцев, качинцов и т. д. А еще юго-восточнее, к югу от Саянского хребта, вы видите еще большее пятно, той же краской изображенное, это так называемые, сойоты, которые обитают в Урянхайском крае. И по абаканским туркам, и по сойотам мы имеем значительные материалы, прежде всего в виде собраний памятников народной литературы, а в отношении сойотского языка также в виде исследований проф. Катанова, который дал нам описание сойотского, или урянхайского, языка на фоне остальных турецких диалектов и языков. К северу от Саянского хребта, непосредственно за сойотами, вы видите опять на карте изображенные той же краской несколько пунктов, населенных маленьким народом, всего в 400 душ обоего пола, который именуется карагасами. Это, может быть, один из самых мелких существующих на земном шаре турецких народов. Он тоже не ушел от внимания исследователей, и тот же самый Катанов собрал материалы по диалекту этого маленького народа, материал, который вместе с сойотскими данными находится в девятом томе «Образцов народной литературы тюркских племен», издававшихся под редакцией академика Радлова. Там же, в Сибири, имеется еще маленькое племя отуреченных самоедов, камасинцов, внутри которого про-

цесс отуречения, по имеющимся сведениям, еще не закончился. Эти камасинцы также изучались тем же Катановым, и некоторые данные по этому маленькому говору им сообщены. Двигаясь далее, для того, чтобы оставаться в пределах той же коричневой краски, я должен упомянуть об одном народе, о котором упомянул сегодня один из наших товарищей, принадлежащем к турецкому населению Китая. Я говорю о том маленьком народе, который известен под именем сары-уйгуров, и которые обитают в пределах Великой Китайской Стены. Присутствующий среди нас профессор Малов является одним из тех европейских исследователей, которые посетили этот край. Сергей Ефимович Малов собрал материал по говору этого маленького народа.

Затем дальше, возвращаясь в Сибирь, мы попадаем на Алтай, в алтайскую горную систему, внутри и вокруг которой имеется целый ряд мелких турецких племен, которые изучались, главным образом, академиком Радловым, крупным работником в области туркологии в предшествующую эпоху ее развития. Но Радлов был не единственным исследователем турецких языков в пределах Алтайского края. Здесь, кроме алтайской литературы, сосредоточенной в первом томе упомянутой мною серии Радлова, имеется также коллективная грамматика алтайского языка, а в настоящее время сами представители алтайского племени продолжают эту работу, и еще недавно в Москве я имел счастье встретиться с одним из этих молодых представителей алтайского населения, алтайских исследователей, который ознакомил меня с богатейшим новым собранным им запасом образцов народной литературы и живых языков этого района. Далее, в пределах Сибири, мы в Барабинской степи находим барабинских турков, и в районе Тобола–тобольсыих татар. Эти островки турецкого мира также изучены в отношении их родного языка академиком Радловым, и образцы по живым языкам представлены в серии образцов народной литературы турецких племен.

Наконец, из Сибири мы переходим в пределы Средней Азии, и здесь, как известно, к границам Западной Сибири примыкают территории степей, населенные народом казаков, народом, который занимает в сравненении с другими турецкими народами большую

территорию и численна является одним из первых турецких народов современности. Естественно, поэтому, что внимание тюркологов особенно обращалось к этому народу, и Радлов, и Мелиоранский, и Гибаев и целый ряд других работников и присутствующий среди нас представитель казакского народа, тов. Бай-турсун, общими усилиями изучали казакский язык и казакскую литературу. Имеется специальный указатель литературы казакского народа, который обнимает 900 печатных страниц. Однако, и здесь работа далеко еще не закончена, и на основе собранного материала надлежит эту работу углублять.

На восток, рядом с казаками, живет народ кыргыз, который по своему культурному положению, культурному состоянию является особенно интересным для тюркологов-этнографов, который до сих пор привлекал мало внимания, но не может считаться совершенно изученным. Целый 5-й том упомянутой мною серии Радлова посвящен народной словесности кыргыз. Один из венгерских путешественников, побывавший в Средней Азии, также собрал некоторый материал по кыргызскому языку. В настоящее время и кыргызы выделили из своей среды молодых работников, которые энергично занимаются родным языком и родной литературой, и мы знаем, что знаменитое эпическое произведение «Мораз», которое привлекло к себе внимание специалистов по эпосу не только из среды тюркологов, но и внимание других ученых, изучающих этот род литературы,–этот эпос записан самими кыргызами.

Переходим дальше к Узбекистану. Узбекский язык, который играет такую огромную роль в Средней Азии, правда, не изучен в такой мере, в какой он это заслужил, но нельзя сказать, чтобы им совсем не занимались. В отношении узбецкого языка приходится сказать, что литературные данные о нем не покрывают всего того, что исследователи-тюркологи успели собрать среди узбеков. Из частных бесед с этими исследователями выясняется, что современные узбецкие говоры значительно больше изучены, чем это представляется, если мы обратимся к печатной литературе. Здесь приходится считаться с тем, что узбеки, появившиеся в начале XVI в. на территории оседлой части Туркестана, застали там уже значительное количество населения, которое им предшествовало,

население, с одной стороны, ирано-язычное, с другой – турецко-язычное, и здесь, попав в эту густо населенную страну, узбеки вынуждены были расселиться на свободных пространствах–и в пределах Бухарского ханства и в других частях Туркестана. Таким образом, народное узбецкое единство было нарушено, и в дальнейшем мы наблюдаем процесс изменения того узбецкого языка, который принесен был сюда с появлением на территории Туркестана узбеков в XVI веке, изменения, связанные с турецкими говорами, которые существовали в отдельных районах Туркестана до появления узбеков. Отсюда, узбецкие говоры Хорезма имеют отличие от узбецких говоров Бухарскрго района и т. д. При изучении этих говоров, необходимо, в дальнейшем, обратить внимание на то, что, кроме изучения говоров, принадлежащих узбекам осевшим, с особенным вниманием надо изучать говоры узбеков, не порвавших с кочевнической традицией, т.-е. находящихся в кочевом или полукочевом состоянии, и тогда мы только в полной мере узнаем, как изменился узбецкий язык, после переселения узбеков из степей Туркестана в его оседлую часть, и в какой мере сохранился другой, подлинный узбецкий язык у сохранивших свой кочевой образ жизни узбеков.

Из узбецкого района я перехожу на территорию Китайского Туркестана, между Куэнь-Лунем и Тянь-Шанем, а также к северу от Тянь- Шаня. Эта территория населена турко-язычным народом. Судьбы турецких элементов в Китайском Туркестане на протяжении столетий претерпевали не мало изменений, и современные живые говоры Китайского Туркестана резким образом отличаются от того древнего языка, который мы знаем по уйгурской письменности, известного нам древнего уйгурского языка. Современные живые говоры Китайского Туркестана привлекли к себе внимание целого ряда исследователей, как русских, так и западно-европейских. Из русских должен, прежде всего, отметить Катанова, который очень внимательно изучал эти говоры и собрал грандиозные материалы, которые много лет ждут печатного станка, будучи приготовленными тщательнейшим образом, а также Малова и западно-европейчского исследователя М. Картера. Эти исследования, только частью проникшие в печать, в большей части сохранив-

шиеся в рукописях, свидетельствуют о значительной близости между этими говорами Кит. Туркестана и говорами современными–узбецкими.

Дальше, в пределах Средней Азии мы доходим до берегов Аму-Дарьи, которая является границей туркменского народа, состоящего из целого ряда отдельных племен. Туркменские говоры, действительно, являются меньше всего изученными, а если они и изучались, то это изучение наименее всего отразилось в печатной литературе. Так как я принадлежу к числу тех немногих тюркологов, которым приходилось заниматься именно туркменскими говорами, то, вместе с тем, я являлся и одним из виновников того, что до сих пор в печати о туркменах известно меньше, чем это в действительности следовало бы. Образцы народной туркменской литературы почти совершенно не изданы. Что касается грамматики, то все до сих пор появившиеся граматтики туркменского языка носили характер учебный, а не научный, и поэтому внимание современных тюркологов в области турецких диалектов в Средней Азии должно быть обращено на диалекты туркмен. Туркменские диалекты ведут нас в пределы Северного Афганистана, с одной стороны, и по Каспийскому морю в пределы Ирана,–с другой. Но я в эти пределы пока не перехожу.

Из Средней Азии перекидываемся через Урал в пределы Восточной Европы. Здесь связывающим звеном между турецким миром Средней Азии и турецким миром Восточной Европы является народ башкирский, который давно уже привлек к себе внимание исследователей, но который сохранил в отношении языков действительно весьма недостаточно. Академик Радлов в ту эпоху своей жизни, когда работал в Казани, занимался изучением башкирского языка, и те характерные фонетические особенности башкирского языка, которые так хорошо излагал представитель этого народа, много десятков лет тому назад нашли свое почетное место в европейской литературе, именно в сравнительной грамматике турецких языков академика Радлова, в первой части, части фонетической. Кроме Радлова, и другие исследователи занимались изучением башкир, и сегодня в нашем историческом собрании Курултая мы имеем счастье видеть одного из работников, принимавших участие в изучении башкирского языка–это венгерского ученого, профессора д-ра Месароша. Другой его соплеменник, венгерский тюрколог Преле, также изучал башкирский диалект, и в результате работы обоих ученых появились в печати в Венгрии. Катанов также, когда работал в Казани, совершал поездки в Башкирский край, и в его отчетах некоторые заметки о характерных особенностях башкирского языка нашли место.

В пределах Восточной Еврспы мы переходим в область расселения, так называемых, казанских татар и рядом с ними бок о бок живущих, так называемых, мишар. И мишары, и казанские татары, уже обитая в бассейне реки Волги, в районе, весьма доступном и для исследователей, и в районе, который давно имеет свой университет–Казанский, к сожалению, всетаки изучены далеко не так, как это мы бы желали. Из местных и заграничных ученых целый ряд тюркологов занимался изучением этих диалектов, и они нашли свое отражение в существующей европейской и русской литературе. А в новейшие времена, как мы знаем, и среди башкирского народа, и среди казанских татар, и среди мишарей появился целый ряд национальных молодых работников, которые и приступили к изучению на родном языке литературы и родных диалектов.

В Поволожьи же обитают чуваши, о которых неоднократно здесь упоминалось, и про которых можно сказать, что им посчастливилось, как и якутам. Если якуты имели своего Пекарского, то чуваши имеют своего Ашмарина. Ашмарин издал не только грамматику чувашского языка, но собрал колоссальный чувашскйй словарь, который, к сожалению, до сих пор еще не издан. К печатанию его было некогда приступлено, но печатание остановилось на двух выпусках, и с тех пор этот словарь лежит в рукописи и ждет своей дальнейшей судьбы. Кроме Ашмарина, очень серьезно и всесторонне занимался изучением чувашского языка и чувашской этнографии опять-таки наш гость, д-р Месарош, и в новейшее время финляндский ученый тюрколог Рамстедт и ленинградский алтаист Поппе обратили специальное внимание на чувашский язык.

Опускаясь по Волге вниз, мы попадаем в Астраханский край, в котором, с одной стороны, встречаем западное крыло казакского народа, а с другой стороны–остатки тех ногайцев, которые некогда

населяли эти грандиозные степи к северу от Каспийского моря, от Северного Кавказа, от Крыма и вплоть до Дуная. Теперь ногайское население сохранилось как известно, отдельными островками в Астраханском крае, в Ставропольской губернии, в части бывшей Терской области, в Северном Крыму и далее к Румынии. Ногайцы, по своему языку весьма близкие к казакам, изучены мало. В особенности это надо сказать про ногайцев астраханских, о которых мне в европейской литературе, признаться сказать, ничего неизвестно. Среди Ставропольских ногайцев пришлось работать мне, мои материалы не изданы. Среди ногайцев был д-р Рамстедт, который поместил об этом небольшую заметку; материал не издан. Мне известно существование национальных работников в среде ногайцев; с ними я встретился еще во время своей поездки к ним в 1912 г. Но при отсутствии той связи, ради которой мы здесь собрались, мне неизвестно, что ногайцам самим удалось издать по своему языку и по своей литературе.

В Ставропольской губернии находим также маленький островок туркмен. Это выселок туркмен. Этих туркмен изучал я; материалы собраны, но до сих пор не изданы.

Из этой степи мы попадем на Северный Кавказ к турецким племенам Кара-Чай и Балкар, которые были посещены исследователями и русскими, и западно-европейскими. Из западно-европейских у карачаевцев был венгерский ученый, который посетил и башкир,–Преле. Он изучал и балкар. У балкар был венгерский ученый Немет и русский турколог Караулов. Результатом этих посещений были образцы народной литературы карачаевского народа в венгерском журнале, маленькая грамматика балкарского языка, изданная Карауловым, и словарный материал, вошедший в сводный кумыцко-балкарский словарь Немета.

Далее, направляясь из Европы в Азию другим путем, мы попадаем в Дагестан к кумыкам, непосредственно живущим в соседстве с ногайцами.

Кумыки также принадлежат в отношении языка к наименее изученным турецким племенам. Кроме тех материалов по кумыцкому языку, которые в свое время были напечатаны, имеются образцы народной литературы, собранные Неметом и изданные; затем, образцы, собранные покойным ленинградским профессо-

ром Смирновым, неизданные. Имеются также материалы, собранные самими кумыками. В настоящее время, как известно, работы по изучению кумыков продолжены профессором и деканом восточного факультета в Баку, Чобан-Заде.

Через Дагестан–Дербент. Здесь турецкое население, отличающееся особенностями, известными европейским туркологам по отдельным мелким сообщениям академика Корша, который особенно интересовался турками Кавказа и, в частности, дербентскими. Но дошедшие до нас сведения–мелкие сообщения.

Дальше мы проникаем к Азербайджану, который является на пути из Европы в Азию–преддверием, большим районом, заселенным турецкими элементами: азербайджанско-закавказскими, азербайджано-персидскими и населением отдельных территорий Персии, где имеется турецкое население в виде островков, наприм., в Хоросанском районе. Азербайджанские турки и очень близкие к ним остальные турки Ирана изучались до сих пор в отношении языка весьма не интенсивно. Кроме практической грамматики, имеются исследования германского ученого Фоя, который собрал данные среди студентов, выходцев из персидского Азербайджана. Эта работа германского ученого Фоя, которая имеет целью собрания особенностей языка азербайджанского диалекта на фоне остальных диалектов юго-западных областей, неоконченная и составленная на основе ограниченных данных, не дает, конечно, полного представления о действительном положении вещей. Только в новейшее время, после возникновения Общества Обследования и Изучения Азербайджана, общества, которое одной из своих задач поставило изучение азербайджанских говоров, перед нами начинает выясняться более детальная картина состояния этих говоров, и в частности работа Ашмарина, которая, кажется, сегодня выходит в свет, показывает нам то особенное богатство отдельных говоров, которые мы здесь имеем, и исследование которых обещает дать очень богатые результаты для туркологов. Что касается иранских турков, то здесь мы имеем небольшую работу нашего ленинградского работника Ромаскевича, которым собрана народная литература турецкого племени кашкаи из провинции Фарс.

Перехожу к последней заключительной части своего доклада, именно к тому, как я себя представляю работу по изучению турецких говоров в дальнейшем. Для того, чтобы в новом периоде тюркологии, в который мы вступаем, работа шла так, как того требует современная наука, принимая во внимание тот интерес, который проявили к этому вопросу сами представители турецких народов, в первую голову нужно позаботиться о том, чтобы в каждой республике были организованы центры изучения местного края в части его живых диалектов. Далее, для того, чтобы эти местные центры были обеспечены работниками, которые явились бы вполне подготовленными с точки зрения современных требований науки для всестороннего изучения своих народов и в отношении языков, и эта задача должна стоять перед нами. А затем, чтобы изучение турецких диалектов и говоров на местах в дальнейшем велось в направлении углубления и детализации, в частности, чтобы в каждом отдельном районе, где обитают турецкие племена, их живые говоры изучались не отдельно, а в связи с той средой, в которой эти говоры находятся, чтобы учитывалось то взаимное влияние, которое эти говоры имеют на соседние языки, и как соседние языки влияют на эти говоры. Это–тема, которой один из докладчиков, даже не один, сегодня здесь касались, и развивать ее я не буду. Это изучение местными работниками живых турецких говоров должно вестись, прежде всего, в смысле собирания богатого материала по народной литературе; затем собирания словарного материала, обоснованного цитатами, и затем составления описательной грамматики каждого отдельного говора с фонетикой, морфологией и синтаксисом. Далее, наряду с этим работами на местах, главным образом направленными к изучению отдельных говоров со всей детальностью, должна быть организована работа обобщающего характера в продолжение той работы, которая до сих пор велась. Раз мы становимся на принцип коллективной работы в области работ обобщающего характера, мы должны эти работы поставить очень широко, на почве сотрудничества международного, и на этой основе вести работу по подготовке на основе детального изучения этих говоров в сравнительной исторической грамматике. На основе изучения отдельных слова-

рей, отдельных говоров и наречий мы должны заботиться о том, чтобы коллективным образом на международной базе готовился обще-этимологический, обще-турецкий словарь. Затем, для того, чтобы вся работа шла как можно более интенсиво, чтобы она как можно меньше встречала на своем пути препятствий, мы должны позаботиться, чтобы таким же коллективным трудом и на такой же международной базе была организована, собрана и создана библиография специально по изучению турецких народов и по изучению их языков. (Апплодисменты).

Изучение древних турецких языков

Председатель. Следующее слово предоставляется содокладчику, профессору Малову (Аплодисменты),

Малов. Иранский народ согдийцы оказали громадное влияние на турком. Теперь выясняется, что не только уйгурский алфавит, но даже турецкие руны восходят к древне-согдийскому алфавиту, памятники которого посходят к 1 -му веку нашей эры. Эти памятники, писанные рунами, были известны у нас из бассейна реки Енисея еще со времен Петра Великого. В 1889 году к этим памятникам прибавился памятник Кюль-Тегина благодаря открытиям Ядринцева в Монголии, на реке Орхоне, но до 1893 года эти сведения были чисто внешние: мы не знали, кому эти памятники принадлежат, на какой языке написаны и каково их содержание. Только в 1893 году, благодаря открытию Томсена, выясняется, что эти памятники турецкие, и они начинают свободно читаться. Теперь мы имеем не только прекрасное издание их в атласах финляндском и русских, но имеем и переводы, и исследования на основании этих атласов. Памятники енисейские, довольно маленькие по размеру, представляют собою небольшие надгробные эпитафии, с надписью в несколько слов. Памятники на Орхоне–громадные по величине обелиски, которые содержат до 5000 турецких рун, образец которых имеется на блок-ноте, который раздается делегатам. Кроме этих камнеписанных турецких памятников, когда начались археологические открытия в Китайском Туркестане, к ним прибавились бумажные памятники и даже

целая книга, состоящая из 102 страниц и находящаяся в Британском музее. Имеются также фрагменты турецкой письменности и у нас в Союзе: в Ленинградском Азиатском Музее имеется редкий фрагмент, вывезенный экспедицией проф. Ольденбурга. Таким образом, и у нас материал по изучению древних турецких языков довольно обширен. Язык этих енисейских памятников принадлежит кыр-гызам; язык памятников Орхонских и реки Селенги принадлежит древним огузам. Благодаря довольно совершенному руническому турецкому алфавиту, фонетика языка письменности турецких рун у нас довольно хорошо известна. Правда, енисейские памятники, т. е. язык памятников древней письменности кыргызов, еще до сих пор таят в себе некоторые неясности, так как, может быть, письменность еще не установилась, и памятники датируются даже двумя-тремя столетиями раньше орхоно-селенгинских, а эти памятники датированы 30-ми годами VIII-го столетия. Много, вероятно, будет сделано в ближайшее время. Много памятников, еще неизвестных и неизданных, имеется в Минусинске; можно также рассчитывать на документы из Китайского Туркестана.

Одновременно, надо думать, с этой рунической письменностью существовала среди турков и другая письменность–уйгурская. Памятников уйгурской письменности гораздо больше, чем памятников турецких рун. Очень обширный и новый материал был получен по уйгурике, с развитием археологических исследований в Китайском Туркестане. Теперь имеются памятники литературы языка буддийской культуры, христианской и манихейской письменности, а до того, обычно, была письменность уйгурско-мусульманская. Самый обширный письменный памятник, называемый «Алтун Ярук» «Золотой Блеск», хранится у нас в Азиатском Музее, в Ленинграде. Далее, Штейн вывез рукопись Абидарма-куша, которая обследуется еще до сих пор Россом. Не буду перечислять всех других буддийских и христианских сочинений, которые имеются у нас, как, напр., самый большой отрывок христианского содержания из апостолического евангелия о поклонении волхвов, важные памятники на турецком языке по манихейству и т. д. Нужно сказать, что памятники уйгурской письменности относятся к разным векам, к разным культурам; позднейшие памятники–XVIII в. (1702 г.), самые ранние относятся к VII-VIII-IX векам; они найдены на разных пространствах Китайского Туркестана, в Багдаде, имеются рукописи из Герата, Кашгара. Все это указывает на сложность изучения этого языка. Проф. Радлов предполагал, и я того же мнения,– что уйгурский письменный исскуственный книжный язык образовался между VIII и X веками, а далее искусственно поддерживался до 1702 года. Язык, главным образом, переводный книжный, и довольно трудно себе представить живой, действительно настоящий, уйгурский язык. Отношение современного уйгурского языка, т. е. языка желтых уйгуров, к этому языку тоже довольно сложное. Настоящие уйгуры-скотоводы совершенно утратили ту былую культуру и образованность, которой когда-то уйгуры обладали. Язык желтых уйгуров в настоящее время тоже несомненна очень древний, но все же не сходится с этим книжным, литературным языком. Можно показать одним примером для тех лиц, которые знакомы с классификацией Самойловича, что это язык «3»–диалектика, а язык письменности, книжный уйгурский язык, это язык «д»–диалекта адак– группы. Так что вопрос о языке здесь усложняется этой искусственностью, книжностью и переводностью с различных китайских, тибетских, индийских и других языков. Я особняком оставил уйгурскую письменность мусульманского характера. Здесь весьма многим из присутствующих известен крупнейший памятник «Кудатку-Билик», которого у нас имеется три рукописи. Одна рукопись хранится в венской придворной библиотеке, другая в Каире. Затем была найдена недавно рукопись вторично в Фергане. И надо думать, что теперь изучение и, в особенности, перевод на, много двинется вперед об'единенными усилиями туркологов, и надо пожелать скорейшего издания этого третьего варианта «Кудатку-Билик'а». Близко примыкает к этому весьма часто упоминающаяся здесь с этой кафедры книга «Дивану-Люгати-Турк», написанная Махмудом Кашгари, за издание которого нужно очень благодарить стамбульских туркологов. Махмуду Кашгари в настоящее время уделяется очень большое внимание со стороны арабиста Карла Рохермана, и им уже помещено не-

сколько статей в западно-европейских журналах и туркологическом венгерско-немецком журнале.

Конечно, многое еще остается сделать в области уйгурского языка. У нас, в Азиатском Музее, имеются рукописи и фрагменты, даже еще незарегистрированные и ждущие свободного времени туркологов, как, например, рукопись, которая еще недавно появилась в свет в издании Росса, я о ней упоминал. Имеются многочисленные рукописи в Берлине, которые обрабатывали там с большим успехом академик Мюллер и Лекок. Имеется рукопись в Париже и снимки с некоторых камней из Центрального Китая у академика Пельо, имеются рукописи в Японии, часть которых издал Кинадо с переводом, а часть издана без перевода в роскошнейшем японском альбоме. Таким образом, в области уйгурского языка остается еще много неисследованного. Отсутствует полный уйгурский словарь, хотя таковой имеется в рукописи после покойного академика Радлова.

Кроме этих крупных исторических языков–уйгурского и орхонского, у нас имеются еще памятники различных времен и относящиеся к различным турецким племенам, например, языка современного христианско- турецкого населения, изучением которых занимался Хвольсон, Радлов, Керш и другие.

Языком половцев в настоящее время успешно занимается проф. Банг, пользующийся изданиями Хуна, Радлова и манускриптами. У него имеется много статей, посвященных исследованию половецкого языка по памятникам, которые датированы 1303 годом. Сейчас наблюдается интерес и к османскому, и сельджукскому языку, и в недавнее время вновь появились так называемые сельджукские стихи, изданные в упомянутом мною венгерском журнале. На очереди издание памятника XIV в. средне-азиатских турецких языков, каковое издание начато Мелиоранским, но не закончено. Самая древнейшая рукопись по этому языку сейчас находится в Лондоне.

Имеется у нас целый ряд алфавитов в XII-XIV в., из которых весьма известен турецко-арабский словарь, изданный Гоутсма.

Затем мне хочется поблагодарить, стамбульских туркологов за их издания Ибна–книге огузского, персидского и турецкого языка.

Это начато было у нас в России гораздо раньше и было издано Мелиоранским, но не был известен автор. Теперь вновь появилось такое доступное издание. Таким образом, для исторической грамматики турецкого языка накоплен громадный материал, и мне остается пожелать, чтобы, вслед за упомянутыми мною стамбульскими учеными, приняли участие в этом деле все ученые представители турецких народностей и обратили бы свое внимание на изучение истории турецкого языка. Кратко скажу, что это, между прочим, предохранило бы их, в особенности авторов турецкой грамматики, от многих ошибок и некоторых курьезных этимологий. Приятно отметить, что в грамматике узбекского языка упоминаются издание Неджибом Асимом Махмуда Кашгари.

Остается пожелать, чтобы эти некоторые сведения проникли дальше в грамматику, не оставаясь в предисловиях, и чем это будет сделано скорее, тем лучше, (аплодисменты).

Председатель. Слово имеет следующий содокладчик, проф. Ашмарин.

Кое-что о прошлом туркологии и ее настоящем состоянии

Ашмарин. Основы научной туркологии были заложены в России во второй половине XIX в. трудами немецких ученых. Зарождение этой новой науки связано теснейшими узами с теми необыкновенными успехами в области языкознания, которыми ознаменовано начало этого столетия, давшего известные всему миру имена знаменитых ученых; Вильгельма Гумбольдта, Франца Боппа, Шампольона и друг.

До начала второй половины минувшего столетия изучение тюркских языков подвигалось вперед очень медленными шагами. Преимущественно изучалось османское наречие, притом главным образом из практических соображений, влияние которых на постановку академического изучения языков чувствовалось в Европе до весьма близкого к нам времени.

Начало вполне научному исследованию языков тюркского семейства было положено трудом по якутской грамматике академика

Отто Бетлингка, который по основному направлению своих научных занятий собственно не был туркологом. Туркология не была его специальностью, но он прошел европейскую школу и был хорошо подготовлен для работы в новой области всей своей предшествовавшей научной деятельностью, и внес в эту работу правильные приемы лингвистического исследования. Коренная ошибка почти всех тюркских грамматик, написанных до Бетлингка, заключалась в неточном изображении звуков речи и неправильном освещении явлений тюркского языка с точки зрения привычных норм европейской грамматики. Естественно, что при подобном приеме лингвистического исследования язык неизбежно искажался, и его оригинальные особенности оставались в тени.

Между прочим, Бетлингк не ограничился одним описанием языковых явлений, но и дал им возможное по тому времени освещение. При этом он привлек для выяснения форм якутского языка материал по тюркским наречиям, собранный его предшественниками, и, таким образом, его классический труд явился как бы первым камнем, положенным в основу будущей сравнительной грамматики тюркских языков.

Почти через 20 лет после выхода в свет труда Бетлингка, была напечатана в Казани грамматика алтайского языка, составленная сибирскими миссионерами. В составлении ее принимал участие и известный ориенталист Н. И. Ильминский, между прочим издавший замечательный памятник чагатайской литературы–«Бабур-Наме». Алтайская грамматика, очень ценная для тюрколога, написана на основании довольно богатого материала, заимствованного из произведений народной словесности и текстов, написанных природными алтайцами. Она заключает в себе попытку логического истолкования явлений тюркского синтаксиса, причем составители извлекли большую пользу из вышедшей значительно раньше грамматики монгольского и калмыцкого языков, составленной А. Бобровниковым, в которой рассмотрены с удивительной для того времени углубленностью синтаксические явления монгольской и калмыцкой письменной речи. Ильминский хорошо знал тюркские языки, которыми он владел и практически, но, повидимому, не мог уделить достаточно времени на изучение алтайского

языка; поэтому названное сочинение, по крайней мере, в некоторых его частях, не было достаточно обработано, явления языка не были подвергнуты подробному изучению, и сведения о них, в особенности в области синтаксиса, часто носят характер отрывочных, незаконченных набросков.

Всего более сделано в деле исследования живых тюркских языков академиком В. Радловым, посвятившим всю свою жизнь изучению древних и новых тюркских наречий, а также собравшим и издавшим многочисленные произведения тюркской народной словесности, до него вообще мало известной.

Кроме тюрков Сибири, изучению которых посвящены более ранние годы его научной деятельности, им изучались тюрки Средней Азии и, отчасти, Поволжья и Крыма. Меньше всего изучены им некоторые из приволжских наречий: чувашское, мещеряцкое, башкирское, а также и наречия южной группы.

В последние годы своей жизни Радлов обратил внимание на изучение древних диалектов. Им издано вновь и переведено на немецкий язык уйгурское сочинение Кудадгу-Билиг, а также издано, в сотрудничестве с С. Е. Маловым, буддийское сочинение на тюркском языке Алтунярук («Сутра–Золотого Блеска»), найденное С. Е. Маловым в Китае, во время его путешествия в 1910 г. Кроме того, Радловым изучались и комментировались и некоторые другие эпиграфические и рукописные находки.

Огромною заслугою Радлова для туркологии следует считать издание им обширного словаря тюркских наречий, который занимает в области тюркской лексикографии совершенно исключительное место.

В 1893 г. датский ученый В. Томсен сделал открытие огромной важности: он разгадал тайну тюркских рунических надписей, до того времени не поддававшихся об'яснению. Это замечательное открытие создало в области туркологии новую эпоху. В истолковании надписей Радлов принял самое живое участие, и ему принадлежит об'яснение многих темных мест в этих древних памятниках.

Из более поздних работ по туркологии необходимо отметить большой труд покойного проф. Н. Ф. Катанова: «Опыт исследова-

ния урянхайского языка», а из изданий последних лет следует указать на грамматику османского наречия, составленную профессором парижской Школы Живых Восточных Языков, Ж. Дени. Это очень значительный труд. Между прочим, в его грамматике сделана попытка дать картину развития глагольных форм в различных тюркских наречиях. Одной из особенностей сочинения является привлечение к изучению османского и других диалектов нового рукописного материала, что позволило автору коснуться многих фактов, бросающих свет на историческое развитие османского языка.

Если бы мы попытались подвести итоги тем достижениям, которые сделаны в настоящее время в области изучения тюркских диалектов, то мы могли бы формулировать их, употребив прием отрицания, следующим образом:

1) Звуковой строй отдельных тюркских наречий изучен далеко недостаточно, и применявшееся до сих пор изображение тюркских звуков часто страдало от недостаточной углубленности в природу предмета.

2) Морфология большей части наречий мало исследована; многие из них затронуты только в случайных очерках, и для большей части наречий нет отдельных монографий.

3) Индивидуальные черты синтаксиса в большей части диалектов совсем не обследованы. В существующих грамматиках синтаксические явления излагаются исключительно с логической стороны; при этом психологические факторы, играющие столь важную роль в турецких языках, совершенно не приняты в расчет.

4) Лексический состав большей части наречий мало обследован; по некоторым из них, напр., башкирскому и туркменскому, имеются только весьма недостаточные, краткие словари, другие же наречия, к числу которых относятся, между прочим, диалекты Северного Кавказа и Предкавказья, и совсем не разрабатывались в этом отношении.

5) Произведения народного творчества многих племен не собраны и не изучены, в особенности обращено мало внимания на наречия, употребляемые вблизи бойких культурных центров. Со-

всем не изучены отдельные говоры казанско-татарского наречия, и не издан словарь этих наречий. Совершенно не исследовано очень своеобразное касимовское наречие; не изучены наречия мещеряков, тептярей, ногайбаков и некоторых тюркских племен Сибири и Средней Азии. О некоторых диалектах нельзя найти в литературе никаких сведений.

6) Недостаточно выяснена музыкальная сторона тюркской речи, а также и законы тюркского стихосложения.

7) До сих пор мы не имеем ни одного сочинения по сравнительной грамматике тюркских наречий. Названное выше сочинение Бетлингка заключает в себе некоторый материал, привлеченный для сравнения из других наречий, но главная цель его,–это изучение якутского языка. В 1881 году появился труд Радлова: «Фонетика северных тюркских наречий», написанная на немецком языке. Южные наречия затронуты здесь недостаточно, формы чувашского языка часто изображены неправильно. Сочинение обнимает только сравнительную фонетику, а, морфология и синтаксис остались и по сие время не разработанными.

Не может иметь значения сравнительной грамматики и сочинение Катанова «Опыт исследования урянхайского языка», хотя в нем и собраны формы большей части ныне существующих наречий. Сравнение последних носит в этой книге механический характер: формы только сопоставляются одна с другою, но не сравниваются и не исследуются.

8) Не изучен и почти совершенно обойден исследователями древний пратюркский (может быть, даже первоначальный урало-алтайский) элемент в языке, заключающийся в подражательных словах, имеющих у тюрков особую морфологию и обнаруживающих в своем строении черты очень глубокой древности, которая доказывается нахождением их в тюркских наречиях, проявляющих между собою в других отношениях очень глубокие различия, а также и в наречиях финских. Необходимо было бы тщательно собрать эти древние словообразования: они помогут нам довести наши исследования до очень отдаленной эпохи, когда слова еще являлись прямыми отражениями и выражениями настроений и подражательных стремлений, а не условными символами, перво-

начальное значение которых впоследствии во многих случаях совершенно исчезло для непосвященных. Можно сказать, что исследование и изучение корней тюркских слов и тюркская семасиология представляют для нас никем не тронутое поле, которое может принести исследователю обильную жатву. Каждое слово языка в его первоначальном значении, это–отражение первобытной мысли, воспоминание о старом обычае, обломок старого быта, отзвук забытой мелодии, памятник старого мировоззрения, отпечаток древнего понимания природы. Открытие первоначального значения слов, дойти до которого здесь можно скорее, чем где-либо, благодаря своеобразному прозрачному строению тюркских наречий, ввело бы нас в мир представления древнего языка, и новая тюркская речь, освещенная светом минувшего, звучала бы для нас как чудная симфония, в которой к звукам настоящего присоединились бы многочисленные голоса, доходящие до нас из глубины веков. В тюркских языках, как и в некоторых других языках урало-алтайского семейства, еще хранилась древняя подражательность и способность передавать явления окружающего мира в ярких звукообразованиях, являющихся непосредственным откликом древнего человека на то, что совершалось вокруг него, и что волновало его впечатлительную душу. В этой стороны тюркские наречия заключают в себе много драгоценного не только для турколога, но и для лингвиста вообще.

В настоящее время героический период туркологии, кажется, уже надо считать закончившимся, и следовало бы приступить к внимательному изучению отдельных диалектов. Для этого необходимы трудолюбивые работники на местах, которые посвятили бы себя исследованию отдельных местных диалектов в связи с жизнью данного народа и всеми особенностями его существования. Необходимо собирать и изучать народную словесность, старые рукописи, редкие книги, эпитафии, древние надписи на стенах зданий и т. п. Следует собирать сведения о памятниках старинного письма, находить и издавать эти памятники. Туркология может идти быстрыми шагами, если будет уделено должное внимание провинциальным работникам. Даже разумное собирание сырых

материалов и издание их может оказать развитию туркологии огромную услугу. Необходимо напечатать наставление относительно записи материалов словарных, грамматических и фольклористических и поставить правильно дело издания произведений народной словесности, по возможности, снабжая последние переводом на русский или на один из литературных тюркских языков, так как иначе рациональное использование этих источников было бы сильно затруднено (Апплодисменты).

Юнусов (по-узбекски) Апплодисменты,

Саади (по-татарски) Апплодисменты.

Саади (по-тюркски) Аплодисменты.

Хакимо (по-татарски) Апплодисменты.

Джанибеков (по-ногайски) шумные апплодисменты.

Сабашкин. Выступавшие докладчики говорили о том, что якобы народы, населяющие горный Алтай, имеют грамматику. Не приходится отрицать этот факт, но последний содокладчик сказал об универсальности этой грамматики, т. е. что она отвечает тем потребностям, которые являются насущными в данное время для нашего народа вообще. Конечно, поскольку она универсальная, отпадает то, что она может не отвечать потребностям нашего народа. Я не буду касаться отдельных моментов орфографии и т. д., поскольку этот вопрос стоит дальше, но должен упомянуть тот факт, с которым мы сталкивались в процессе создания национальной нашей литературы после Октябрьской Революции. Для большинства присутствующих известно, что мелкие народности и племена не имели своей литературы как таковой, и они народное устное творчество не фиксировали в книгах, а посему, конечно, народное творчество и у нас не было зафиксировано. Мы имели литературу духовную, я имею ввиду Алтайскую духовную миссию. И само собой понятно, что литературными работниками являются не кто иные, как бывшие духовные лица, представители духовного культа. Когда мы хотим создать новую литературу, отвечающую потребностям народа в целом, мы сталкиваемся с рядом моментов, которые ставят нас в трудные условия. В грамматике проф. Радлова говорится, что наша алтайская грамматика имеет ту особенность, что все глаголы во всех предложениях

должны стоять в конце предложений. И если мы имеем предложения с придаточными, дополнениями и т. д., то мы глагол должны поставить через два-три десятка слов. Получается абсолютная бессмыслица, и мы теряем лингвистическое содержание данного предложения. А отцы духовные, т. е. те деятели которые в данное время работают в нашей литературе, отстаивают этот принцип. Само собою понятно, что поскольку имеется грамматика и определенные правила, то это является законом для литературного языка, и отступать от них не является возможным. Между прочим, я являюсь сторонником нового течения в литературе. Я говорю, что глагол не всегда нужно ставить в конце, каково бы ни было предложение. Я говорю о том, что если автор находит возможным поместить глагол перед придаточным или дополнением, то этому нельзя препятствовать, и я приводил факты из священного евангелия, которое издавалось алтайской духовной миссией. Там, например, в первом предложении даются глаголы, и затем, после двоеточия, предложение продолжается и т. д. Но эти факты как будто бы для них совершенно не приемлемы.

Во-вторых, я должен сказать о том, каким образом создавалась алтайская грамматика. Научные силы, которые занимались изучением Алтая, в особенности академик Радлов и Ильинский, которые впоследствии составили алтайскую грамматику, руководствовались таким методом: они являлись к духовным отцам и начинали их расспрашивать, как они говорят, как они излагают логически свои мысли. Но для того, чтобы вникнуть во все тонкости этих языков, нужно было бы знать их. Вполне понятно, что в их изучение вкрались некоторые ошибки, и они не могли сделать исчерпывающие научные исследования. Вполне прав Харузин, который изучал быт инородцев Сибири и говорил, что ни в коем случае нельзя изучать языки туземцев Сибири, без личного знакомства с данными языками. Вполне понятно, что Радлов и другие ученые, не знавшие языков ойратов, не могли создать совершенной грамматики. В данное время мы приступили к изданию литературы общественной, художественной и т. д. У нас существуют в литературе два течения. Одна группа руководствуется как неотъемлемой истиной грамматикой Радлова, а другая группа, представителем которой являюсь я, создает свою грамматику, такую, которая приемлема после революции, которую требует общественная жизнь. Все наши требования и пожелания сводятся к тому, что-тюркологи должны пересмотреть грамматику Радлова и дать новую грамматику, которая была бы более приемлема при данных условиях.

У нас были попытки создать свою грамматику общими коллективными силами работников просвещения нашей области и самородков литературы, и эта грамматика до некоторой степени более или менее приемлема, как методическое руководство для преподавателей. Но почему-то более компетентнее лица в этом отношении, как отделения Академии Наук в Москве и ГУС, не пропустили ее, и какими-то путями эта грамматика в рукописном виде попала в Общество Обследования и Изучения Азербайджана.

Наши пожелания литературных работников Ойратской Области заключаются в том, чтобы грамматика Радлова была пересмотрена, и была создана такая грамматика, которая бы соответствовала современным требованиям общественной жизни. (Апплодисменты).

Омаров. Я хотел сказать о методах изучения тюркского языка. До сих пор тюркские языки исследованы учеными ориенталистами-тюркологами, но главный недостаток заключается в том, что сами ученые тюркологи не были тюрками и поэтому не могли безусловно знать все тонкости тюркских языков. Поэтому в трудах тюркологов неизбежны были, ошибки. Перечислять ошибки я не намерен, т. к. заслуги их так велики, что они дали нам возможность самим исследовать свой язык.

Изучение языковедения имеет чисто научное значение, оно играет подсобную роль по отношению к другим наукам: истории, этнографии и т. д. Но, кроме того, изучение языков имеет и практическую цель. Нам нужно создать литературный язык. Правда, некоторые тюрки уже имеют литературный язык, как, например, азербайджанцы, османцы, татары и т. д., но имеются тюркские народности, у которых литературные языки создаются только теперь. Мне кажется, что я недостаточно знаком с другими тюркскими языками, особенно с языками южных тюрков, но по тем скудным сведениям, которые я имею, мне кажется, что литературные языки

этих южных тюрков и татар сильно разнятся от народного языка, что является большим недостатков этих литературных языков.

Теперь нам, отсталым народам, у которых пока еще нет литературного языка, у которых он только что создается, нужно не повторять этих ошибок. Мы, казаки, как раз вступили на этот путь. У нас литературный язык только что создается, и мы надеемся, что у нас особого книжного языка, недоступного для масс, не будет, а этого мы достигнем путем изучения нашей грамматики, фонетики, морфологии и синтаксиса. Тут, говоря о классификации языков, неоднократно упрекали ученых в том, что классификация сделана именно по принципам фонетики, и не принята в соображение морфология. Мне кажется, что морфология и синтаксис имеют громадное значение для изучения языка, для создания литературного языка. У нас в казахском языке основной синтаксический закон таков, что определение всегда должно предшествовать определяемому слову, создавая в литературном языке сочетания столь чуждые народному языку; этим самым мы отдаляем литературный язык от массы. Предыдущий товарищ упрекал духовных отцов в том, что они дали правило, по которому глаголы должны находиться в конце предложения. Синтаксис и морфология не так изучены, как фонетика, и мне кажется, что духовные отцы не так ошибалась. Не глаголы, а сказуемые всегда должны находиться не только в конце слова, это в нашем кыргызском и татарском языке. Но общие законы нашего языка,–я не знаю, как у южных тюрков,– таковы, что слово управляющее должно находиться после, а управляемое должно непосредственно предшествовать. Морфология и синтаксис весьма важны именно для литературного языка. Раз мы в построении предложения нарушаем эти требования синтаксиса, то предложение наше будет недоступно народу. Предыдущий товарищ возмущался тем, что это стесняет автора составлять предложения. У нас в казахском языке за последнее время была масса авторов, которые грешили именно синтаксисом. Это об'яснялось, просто, тем, что наши литераторы все получили образование в русской школе, мыслили по-русски, переводя русские предложения на наш язык, и получилось сочетание уже не по нашим правилам. Простой народ никак не может понимать такое

сочетание. Теперь мы установили твердое правило и по синтаксису в этом году. Даже недавно мы вступили на новый путь и в синтаксическом отношении. Если сравнить номера газет центр, органа за июнь-июль 1925 года и позднейшие номера, уже заметна разница. Эти газеты частенько грешили в синтаксическим отношении–теперь нет этой погрешности. В морфологии должно быть исследовано значение суффиксов-словообразователей. Что касается суффиксов словоизменения, то они уже известны, и особого изучения их не требуется, для этого достаточно классифицировать звуки и выяснить, для каких звуков требуются какие окончания. В наших языках эта сторона вопроса исследована достаточно. Для практических целей необходимо изучить значение не в фонетическом отношении, а нам нужно изучить в достаточной мере значение словообразовательных суффиксов. У нас в этом отношении сделано тоже сравнительно много, пожалуй больше, чем у других тюрков, а у нас до последнего времени грешили именно в литературе тем, что употребляли не тот суффикс, который нужно. Например, вместо того, чтобы сказать «цендремин», у нас писали «цусдеремин». Правда, тут есть такая форма, есть словообразовательный суффикс «с»–сочетание правильное, но употреблено неправильно. Если мы хотим изжить ошибку в отношении словообразовательных суффиксов, относительно практических целей морфологии и синтаксиса, необходимо изучение народного языка. Я не имею основания говорить о том, насколько доступны интеллигенции южных тюрков, далеко ушедших по сравнению с нами в культурном отношении, насколько им доступен народный язык, но судя по моим скудным сведениям, мне кажется, что народный язык и язык литературный у передовых тюрков очень разнится, и если сравнивать его и наречия, я боюсь, что будут большие препятствия для дальнейшего культурного развития.

Сулеев. (по-казакски).

Щерба. Я целиком присоединяюсь к тем практическим предложениям, которые внес Александр Николаевич Самойлович в смысле программы дальнейших работ по изучению турецких языков, но позволю себе маленькую детализацию второй части, некоторого общего плана. Я очень сожалею, что не предложил по

этому вопросу особого доклада. Дело в том, что в последнее время в Западной Европе, в частности во Франции, очень развился метод лингвистической географии, главным представителем которой является Жильерон в Париже и целая плеяда его учеников швейцарцев, французов, итальянцев и т. д. Нечто аналогичное имеется и в Германии–это Марбургская школа, которая продолжает дело, начатое проф. Венкером, и так называемая венгерская школа. Я скажу в двух словах, в чем тут дело. Выбирается известное количество слов, фраз, оборотов и т. д., которые, по возможности, исчерпывающе характеризуют фонетику, морфологию, синтаксис и даже словари, по крайней мере, в некоторых его частях, данной языковой группы, и далее намечаются географические пункты, которые подлежали бы исследованию; инструктированные опытные лица записывают в каждом данном географическом пункте весь цикл фраз, слов и т. д. В результате этот материал, таким образом получейный, наносится на карты, столько карт, сколько этих слов, образцовых фраз и т. д. Таким образом, получаются атласы. Между прочим, закончен печатанием атлас Франции, готовится атлас Корсики, атлас романских говоров в Швейцарии, изготовляется каталанский атлас в Испании, и, в общем, надо сказать, что многое сделано в этой области. Результаты получаются сногсшибательные, изменяются представления в целом ряде процессов и многие представления о сути вещей. Мне представляется, не знаю, как это возможно по материальным соображениям, но в связи с тем, что организуется такой центральный орган изучения турецких языков, всей турецкой филологии, если говорить шире,–мне представляется, что этот орган мог бы начать подготовительные работы по изданию такого атласа в этом духе. Это было бы хорошее предприятие. Конечно, не сразу и не скоро можно его осуществить. Немецкий атлас осуществляется раз в 10 лет, французский–в более короткий срок, потому что теперь уже проложены пути для этой работы. Мне представляется, что этот центральный орган мог бы взять на себя организацию этого большого сложного дела, требующего предварительной разработки, но эта задача, которая, во-первых, дала бы бесконечное количество частного материала для уточнения наших сведений об отдельных диалектах,

а–возможно–внесла бы новые перспективы и горизонты и понятия в классификацию этих турецких наречий. (Апплодисменты).

Председатель. Заключительное слово предоставляется проф. Самойловичу.

Самойлович. В виду позднего времени, я должен отказаться от ответов каждому из выступавших товарищей. Постараюсь быть кратким–надеюсь но этот раз в истинном смысле этого слова.

Я начну с того, что я был счастлив, что по поводу моего доклада выступали представители целого ряда турецких племен, и я имел случай притти в непосредственное соприкосновение с представителями этих племен, которые я изучаю. Замечания, которые были сделаны по поводу моего доклада, могут распадаться на несколько категорий, причем значительное внимание уделялось моей классификации. Я должен сказать, что когда я несколько лет тому назад решил сделать дополнение к классификации предшественников, то для этого была причина, и мне казалось, что настал момент, когда о классификации турецких языков переставали говорить, и об этом надо было напомнить.

Издавая свое дополнение, я думал, что если оно будет даже забраковано, то все же оно даст толчек к тому, чтобы появилась классификация более совершенная, и в этом даже случае я был бы вполне удовлетворен. Из того, что я слышал по поводу своей классификации, я могу сказать, что цель моя достигнута; на этом Курултае мы имели возможность познакомиться с целым рядом полезных указаний, и я прошу у авторов права считать это одним из своих достижений, раз эти дополнения были вызваны недостатками, которые оказались в моих дополнениях. Полностью они не опровергают их, и я считаю, что полностью этот вопрос будет разрешен разработкой сравнительно-исторической грамматики. Я должен сказать, что те замечания по классификации, которые были сделаны моими оппонентами, конечно, дадут этому делу дальнейшее движение, и я надеюсь, что эти замечания, как и мои замечания, будут учтены при окончательном установлении этой классификации. Другой товарищ дополнил меня в отношении сообщений о живых языках. Я думаю, что весь Курултай и я должны быть благодарны за эти сообщения, за краткостью времени я не

мог коснуться такой важной республики, как Крымская. За это приношу извинения. Тут говорили, что я указывал целый ряд работников, участвовавших в разработке тюркологии, и чаще называл имена европейские, чем имена национальные. Я должен напомнить, что я, называя отдельные имена, указывал, что известное оживление наблюдается в среде самих этих национальностей, и что национальные силы развиваются. Целью моего доклада, как я вначале сказал, не являлось сообщение новых научных фактов и освещение каких-нибудь проблем, а задачей моего доклада было–на основании кратких итогов, наметить пути к дальнейшей разработке в нашей области. Насколько я понял, это мое предложение не встретило возражений, и только имелись дополнения, из коих получилось, что, помимо организации тюркологических исследований на местах, конечно, необходимо эту местную работу об'единить. Я умышленно упустил вопрос об этом, потому что этот вопрос будет поставлен в следующем докладе, посвященном изучению тюркологии в дальнейшем. Я позволю себе принести самую искреннюю благодарность тем лицам, которые доставили мне большое счастие своим выступлением.

Председатель. Для об'явления имеет слово тов. Иногамов.

Иногамов. Комиссия по докладу Руденко будет работать в понедельник, в 6 часов вечера.

Поэтому Руденко просит всех членов комиссии явиться.

Сегодня назначена комиссия по проведению 500-летнего юбилея Неваи, в которую выдвинуты следующие товарищи, их прошу после заседания остаться: Иногамов, Байтурсун, Мамед-заде, Рахими, Чобан-заде, Габитов, Леманов.

Взаимное влияние тюркского и армянского языков

(Краткий перевод доклада, прочитанного на турецком языке).

Р. Ачарян. В 1021 г. тюрки впервые вступили в Армению и, завоевав в короткое время всю страну, продвинулись дальше на запад. С тех пор и поныне, на протяжении девяти веков, армяне и разные тюрко-татарские племена (сельджуки, татары, тюркмены, узбеки, азербайджанцы и османли) жили бок-о-бок. Это сожительство привело к взаимодействию в разных областях культурной жизни, но я остановлюсь только на языковых явлениях.

Влияние тюркского языка на армянский очень велико. Этому вопросу я еще в 1902 году посвятил специальную обширную работу (изд. в «Эминск. Этногр. Сборнике» в Эчмиадзине), где отметил все заимствования из тюркского языка в константинопольском, ванском, карабахском и нахичеванском на-Дону наречиях. Число таковых доходит до 4.000. Подобно тому как константинопольский турецкий литературный язык переполнен арабскими и персидскими словами, так и армянская народная речь во многих провинциях насыщена турецкими словами. Встречаются предложения, целиком составленные из тюркских слов.

Заимствуются из одного языка в другой обычно имена существительные, иногда только прилагательные, в редких случаях глаголы. Имена числительные, как и союзы и наречия, не перенимаются. Однако, в армянский язык все эти элементы проникли в одинаковой мере. Во многих областях 70, 80 и 90–выступают в тюркских формах. В Родосто все числа от 69 до 99–целиком тюркские.

Это влияние тюркский речи на армянский в Западной части М. Азии, на Кипре, в Булгарии, в В. Румелии, в Румынии и в Бессарабии, как и в некоторых деревнях Персии и Закавказьи, простиралось до того, что армяне утратили совершенно свой родной язык. Это явление имело место уже несколько веков тому назад. Польские армяне, начиная с 1530 года, забыв армянский язык и восприняв татарский, создали целую литературу на последнем языке, пользовавшуюся армянским алфавитом. Даже церковные книги были переведены на татарский язык. Точно так же в М. Азии и в Константинополе армяне развили богатую литературу на турецком языке с помощью армянских письмен. Так как турецкие алфавиты всегда были несовершенны и не были в состоянии точно передать все звуковые особенности народного языка, а армянский алфавит представляет это преимущество, естестественно, что вся эта литература, написанная армянскими знаками, крайне важна для изучения истории турко-татарского языка. Заимствованные турецкие слова дают возможность установить хронологию турецких

фонетических законов, если при этом еще использовать обильный материал, сохранившийся у армянских писателей, которые дают быт и историю тюрко-татар ранних веков.

Перехожу теперь ко второй части темы, к выяснению влияния армянского языка на тюрко-татарский. Из копенгагенских ученых проф. Олгер Педерсен и из венских Крелиц-Гренфенгорст полагают, что одну группу слов тюрко-татары заимствовали у армян с очень давних времен, тут я не касаюсь этого вопроса. Я ваше внимание остановлю на явлениях более поздних времен, которые отмечаются в разных тюрко-татарских говорах, главным образом, в анатолийских. Из этих слов часть проникла и в литературную речь, а другая живет в простонародии. Общее число таких заимствованных слов двести и по содержанию распределяются по 14 группам. Так, имеются слова, касающиеся земледелия, растительного мира, строительной техники, утвари и мебели, ремесл, кухни, скотоводства и домашних животных, кустарного промысла и одежды, родственно семейных связей, болезней, календаря, всякие пословицы, поговорки, проклятия и благословения, прозвища и условно-тайные слова. Подробный список этих слов с сопоставлением с их армянскими эквивалентами появится в свет особым изданием. (Шумные апплодисменты).

ШЕСТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

1-го марта 1926 года

Председательствует **Коркмасов.**

"Основные принципы орфографии и их социальное значение"

Щерба. Я не льщу себя надеждой, что скажу что-нибудь абсолютно новое для тех, которые всю свою жизнь посвятили науке о языке, размышлению о письменности и т. п. Область, конечно, в общем известная, но я адресуюсь к тем практическим деятелям, жизнь которых, по роду своей деятельности, связана тесно с этим вопросом. Думаю, что, может быть, удастся дать тот или другой толчек мысли. Прежде всего, позвольте остановиться на одном частном, предварительном вопросе. Дело в том, что даже в научной литературе, в учебниках, по которым, может быть, многие или некоторые из вас учились или, во всяком случае, читали, существует смешение вопросов алфавита и вопросов орфографических. Позвольте, поэтому, остановиться на этом.

Совокупность всего вопроса о письменности имеет три стороны.

Первая–это вопрос собственно о письме, о шрифте, о форме этих зрительных значков вне всякой связи с чем бы то ни было, вопрос, которому, сколько мне известно, будет посвящен один из дальнейших докладов, вопрос большой и очень важный.

Другой вопрос–вопрос алфавита вне орфографии, только алфавита, вне всякой ассоциациии, вне всяких связей со словами, со смыслом; чтобы сказать еще проще, все вопросы о том, как писать и читать, не зная смысла слов. Ведь это вполне возможно писать и читать, ничего не понимая. Эти вопросы и будут вопросами алфавитными.

И, наконец, дальше, как писать и читать реальные слова. Тут тоже могут быть разные приемы и разные принципы орфографии. Например, кажется, это я читал в некоторых руководствах,–что в

русском языке буква «о» иногда обозначает звук «а», пример всем известный: говорится «вада», но пишется «о». Это, конечно, совсем неправильно. В русском алфавите «о» никак не значит «а», а это вопрос орфографии. Когда мы пишем «вода» через «о», то хорошо сознаем и понимаем, что так мы звук «о» изображаем вопреки того, что слышится, и в силу каких-то особых других соображений, о чем у нас будет речь впереди. Другой пример: в «каво», «чево», пишется «г», произносим «в». И это не значит, что русское «г» имеет значение «в». Это в вопрос алфавита никак не входит. Старое, теперь устраненное правило писания «i» перед гласной, это тоже правило алфавита. Во французском буква «g» произносится перед «е», «i», «у», как «ж», перед «а», «о», «и», как «г»,–тоже правила алфавита. Может быть, на этих примерах выясняется, что такое алфавит. Тут целый ряд разных вопросов. Так, например, в алфавите может быть принцип иероглифический, т. е. обозначение одним знаком целой группы звуков, принцип силлогический; потом вопрос о монографии, диграфии и триграфии; вопрос о многозначности и однозначности. Вот какие вопросы алфавитные.

Теперь перейду к теме об орфографии. Принципов 4–1) фонетический, 2) этимологический или словопроизводственный, иначе морфологический, 3) исторический и 4) идеографический. В чем дело? Ну, фонетический–ясно. Это означает, что как пишется, так и произносится. В русском и во многих других языках есть много слов, которые пишутся так, как произносятся, без всяких хитростей. Это лучше всего видно в итальянском языке. Там алфавитные ассоциации сложные и не такие простые, но орфографический принцип в основе фонетический. В немецком тоже, в известной мере, может быть в большей мере, чем в русском языке, принцип фонетический. Во всяком случае, до 80% немецких слов можно читать, зная хорошо правила алфавита, которые, к сожалению, не всегда известны, можно до 80% слов читать не зная языка, не зная этих слов.

Другой принцип–этимологический или словопроизводственный. Слова пишутся так, как по родству слово выходит, или, вернее даже, по родству частей слов, корней, префиксов, суффиксов

и окончаний. Пример из русского: «вода». Почему пишется «вода»? Потому что есть слово «водный». «Просьба». Фонетически там слышится «з», но пишем именно «с», потому, что есть слово «просить».«Стлать» пишем черес «т», потому что «стелет» пишем с «т». «Слать» но аналогии с «шлет» без «т». «Масло», «сало» на конце пишем «о». Тут вопрос орфографии окончаний. Почему? Потому что окончание среднего рода «о»: «окно», «яйцо» и т. д. «Огурчик»–«чик», но «мешечек»–«чек».Почему? Потому что по аналогии с «денек»–«денька», «хвостик» «хвостика» и т. д. В немецком «Mundart» «(наречие)» пишется через «д», хотя слышится «т», потому что этимология этого слова такая, которая производит его от Mund-Mundes. Еще, например, vlerzen (четырнадцать) произносится с кратким «i», но пишется «ie», потому что есть слово vier (четыре) с долгим «i» и т. д.. Но более последовательно развит этот принцип в русском языке.

Следующий принцип исторический. Он состоит в том, что пишут так, как писали предки. Из русских примеров назову слово «собака». Пишем «о». Почему? Нет сейчас никакого резона для меня, кроме того, что так писали раньше. «Кого», «чего»–пишут через «г». Почему? Мы же ясно произносим «в». Так писали предки. Конечно, сложности разные есть. Это специально древнеболгарское писание, но это все равно. Сейчас это для нас есть принцип исторический. Различение «ѣ» и «е» при старой орфографии–это тоже исторический принцип. Русской традиции этот принцип совершенно несвойствен, поэтому, между прочим, это различение «ѣ» и «е» так легко можно было убрать. Но другие языки очень придерживаются этого принципа, в частности, больше всего французский и, особенно, английский. По-английски пишется night, произносится «найт», по-французски пишется aiment, произносится «эм». Это все случаи, когда мы пишем так, как писали предки. Конечно, предки в большинстве случаев не зря так писали. Действительно, они так и произносили, как писали. Правда не всегда так бывает, но в большинстве–это отражение прежнего языка.

Четвертый принцип–идеографический. Примеры: в русском языке мы пишем, скажем, «мяч»–без мягкого знака, «ночь» с мягким знаком. Это не имеет никакого значения фонетического, но имеет значение смысловое. Так и формулируется правило: «если слово мужского рода, нет мягкого знака, женского рода–есть мягкий знак». Так что это, просто, отражение некоторого смысла. Суть идеографического принципа состоит в том, что знаки ассоциируются непосредственно со смыслом, минуя звук. В известной мере сюда можно отнести такие французские случаи, как множественное число. Оно тоже не слышно, когда мы читаем, оно вызывает у нас представление множественного числа непосредственно.

Вот какая социальная значимость всех этих четырех принципов.

Почему я говорю о социальной значимости? Потому что язык является явлением социальным по своему существу, служит для общения между людьми, сплачивает группы, а письмо и подавно по самому существу вещей еще, может быть, больше, чем язык. Так вот фонетический принцип, «пиши, как говоришь», является, конечно, самым демократическим принципом, самым легким, самым простым. Выучи алфавит, и дело готово, и читаешь, и пишешь без ошибок, все в порядке. Однако, здесь есть большое «но». Дело в том, что это совершенно справедливо, пока идет речь о маленькой группе лиц, о каком-нибудь одном говоре, для него это действительно так: как говоришь, так и пиши. Но обыкновенно, по существу вещей, письменность не предназначается для маленького круга лиц. В большом же круге лиц неминуемо обязательны значительные колебания, и поэтому этот фонетический принцип теряет весь тот смысл, который ему можно было бы на первый взгляд приписать, потому, что для громадного большинства людей это будет всетаки всегда: «Пиши не так, как говоришь, а как говорит кто-то там, где-то». Позвольте привести несколько примеров. Например, по-русски говорят: «хвасталса» и «хвастался», и то и другое произношение существует, в учебниках орфоэпии, т. е. науке хорошего произношения, даже рекомендуется говорить «са». Как быть? Если иметь в виду принцип: «Пиши, как говоришь», то каждый писал бы на свой образец. Этимологический образец говорит: пиши «ся», потому что «взялся», «дался» и т. д. Еще пример. По-русски говорят: «голубь», «голуб», с мягким и с твердым на конце, и если бы каждый писал, как он говорит, то

было бы большое разнообразие. Этимологический принцип говорит: Пиши мягкий знак, потому что: «голубя», «голубю», и т. д. И в другом еще отношении этимологический принцип является важным. Русский префикс–предлог «с». Ведь он имеет очень много произношений, напр : с (с) кошкой, с (сь) типом, с (зь) домом, с (зь) делом, с (ш) чем, с (ж), жиром.Итак вы получаете 6 видов «с». Едва ли это удобно

Многие народы, однако, не применяя широко этимологического принципа, находятся в таком же положении, т. е. имеют массу говоров и большие затруднения в письме. Но эти народы с более высокой культурой выходят из этого положения. Там не только вопросы письма, но вопросы произношения играют большую роль. Так, в Германии и Франции вопросы произношения обследуются, правильному, хорошему произношению обучают и, таким образом, парализуют диалектические различия. Культивирование произношения и стремление оединообразить произношение языка требуют очень и очень высокой культуры. Для народов, в том числе и русского, которые не дошли до такой высокой культуры языка, культуры произношения–это дело безнадежное, и в конце-концов при соблюдении фонетического принципа получается такое положение вещей, что приходится просто зубрить самым бессмысленным образом, как пишутся слова, потому что при фонетическом принципе нет никого из людей, говорящих с вами иначе, нет никакого решительно принуждения в языке, есть только принуждение со стороны, а этимологический принцип дает об'яснение правописания в самом языке. Сошлюсь на мой большой педагогический опыт. Молодые люди, которые говорят на другом диалекте, чем я, всегда со мною спорят при начале обучения, почему именно так, почему надо «акать», а не «окать». Действительно, особых резонов само по себе нет.

Исторический принцип в орфографии ясным образом имеет значение связи с прошлым, здесь очень важно то, что он соединяет нас с опытом предков. Опыт предков накоплен в литературе, книге, библиотеках, и историческое правописание, исторический принцип позволяет пользоваться легко и всем этим опытом предков. Если бы англичане порвали с исторической орфографией, ко-

торая нам причиняет бездну затруднений и неприятностей, то они поставили бы очень и очень многих людей в печальное положение, что новообученные не могли бы читать старых книг, не могли бы пользоваться благами старой накопленной культуры. Между прочим, для меня это было одним из резонов, почему я стоял в комиссии по выработке русской новой орфографии за эту орфографию. Я считаю, что народы должны именно постоянно, время от времени чинить свою орфографию, для того, чтобы не было этих страшных прорывов. Как опыт нам уже показал, реформа в русской орфографии не обусловила прорыва. Люди, пишущие по новому, прекрасно читают старые книги. Но, тем не менее, исторический принцип имеет полный социальный резон для народа с прошлым, с большим культурным наследием.

Наконец, приходится сказать об идеографическом принципе. Это–принцип наднациональный, поскольку этимологический принцип есть принцип наддиалектический, национальный об'единяющий нацию, об'единяющий лиц разных диалектов. Поскольку принцип идеографический есть принцип наднациональный, это дело абсолютно туманного будущего.

В качестве некоторого развлечения скажу, что, когда мы уже хорошо читаем, мы, ведь, не читаем отдельные слова, а как-то сразу, кто умеет хорошо газету читать, именно газету, сразу глядит на целый большой кусок и уже получает впечатление. Если бы газету прочитать всю, надо было бы читать целый день или полдня. Тут как-то иначе происходит восприятие, сложнее. Это все очень важно и интересно, вопрос совершенно не разработан, и пока что практически из этого ничего не выходит.

Я полагаю, что практически для турецких народов, хотя, конечно, я это говорю со всей осторожностью и со всей скромностью, самое правильное было бы–комбинация фонетического и этимологического принципов, комбинация в каждом отдельном случае своеобразная и разная. Ибо правил общих тут никак нельзя дать. Вопрос этот практический, вопрос жизни, и жизнь должна подсказывать правильное решение. Вопрос орфографии мучительный и болезненный и должен быть выработан в процессе жизненного опыта и в каждом данном случае, в данном языке и в данных

отдельных конкретных случаях по-своему, по-разному. Главная цель моего доклада состояла в том, чтобы не увлекаться чрезмерно фонетическим принципом. Не отказываться от него отнюдь, но не чрезмерно увлекаться, ибо это может повлечь к большим затруднениям, для того же дела, для которого, на первый взгляд, предназначен фонетический принцип,– это затруднило бы обучение грамоте и сделало бы это обучение страшно бессмысленным и противным. Почему так тебя заставляют писать? Этимологический принцип осмысляет это дело и делает его понятным для детей при правильной постановке дела, является возбуждающим мышление, возбуждающим интерес. Реформа русской орфографии повела к тому мнению в широких массах, что орфография это вещь такая, ну пиши, валяй, как хочешь, и очень серьезные даже люди стали думать так. Раньше ученые думали, что это,–конечно, тут ученого ничего нет,–просто практическое дело, жизненное, но, однако, с точки зрения жизни и жизненности надо выдвинуть положение, что надо писать грамотно. Это совершенно социально необходимо и вытекает из очень простых вещей, это, так сказать, мысль о других, потому что безграмотное писание читать трудно, ведь его не узнаешь; читать безграмотное писание, безграмотную рукопись, или как на машинке барышни стучат весьма безграмотно, эта чистая мука, точно едешь в таратайке по мерзлой дороге. Что это такое? Так что писать грамотно требует социальная порядочность, уважение ко времени своего соседа. Надо приучать всячески к этому делу и стараться сделать его не бессмысленным, а осмысленным, и путь к этому лежит именно в каждый раз специально продуманной комбинации. Вот этимологический принцип. (Апплодисменты).

После докладов т. т. Одабаша и Ибрагимова (на тюркском и татарском языках) слово предоставляется докладчику, проф. Жиркову.

Жирков. Профессор Щерба, конечно, не мог коснуться некоторых вопросов орфографии, которые представляют из себя специальную особенность тюркских языков. Мне известны некоторые больные пункты в этой области. Самым больным пунктом, мне кажется, является вопрос о правописании арабских слов, вошедших

в громадном количестве в турецкий язык. Допустим, мы устроим такой совершенный алфавит, мы примем такие хорошие системы письма, которые дадут возможность выражать просто, точно и легко все турецкие слова. Мы еще не разрешим всех вопросов тюркской орфографии в целом, потому что еще остается много арабских заимствованных элементов и много остальных чужеземных элементов, проникших в турецкий язык. Дело в том, что благодаря сингармонизму, о котором здесь много говорилось, чрезвычайно легко будет установить регулярную, правильную турецкую орфографию; достаточное количество знаков в алфавите разрешит этот вопрос вполне последовательно, но слова заимствованные могут в турецких языках не подчиняться гармонии гласных и часто не подчиняются. Разные турецкие языки ведут себя в этом отношении разно; некоторые языки, стоящие ближе к языку, откуда они заимствовали слова,–переделывают их на свой лад. И тут нужно различать две социальные основы,–как воспринимает и переделывает эти слова народный язык, и как литературный. Если вы возьмете даже азербайджанскую газету, то вы там найдете слова, которые не так пишутся, как произносятся. Это потому, что турецкие литературы базировались всегда не на народном языке и не адресовались к народной массе, а адресовывались к верхним слоям, к аристократии.

Получилось поэтому развитие целой системы заимствований из персидского и арабского языка, и люди, которые вводили эти заимствования в свой литературный язык, старались повторять эти слова так, чтобы это было похоже на язык оригинала; они пользовались ими в большей мере для того, чтобы шиковать, чем для того, чтобы ими пользоваться. Вследствие такой исторической причины возникло явление, что до сих пор слова арабские пишутся не так, как они произносятся. Надо ли нам в дальнейшем при реформе тюркской орфографии оставить этот принцип, или пора от него отказаться и возможно ли это будет? Этот вопрос предстоит решить. Я высказываюсь здесь всетаки за попытку перейти к фонетическому написанию этих слов. Во всяком случае, раз нужен принцип очень твердый, принцип устойчивый, то таким принципом в большей мере сейчас может быть,–при большой еще

безграмотности турецких народов,– принцип фонетического написания. Отсутствие орфографии в турецких языках доходит до невозможности. Это чувствуется и в таком больном вопросе, как переход к новому латинскому алфавиту, где даже простые русские заимствованные слова пишутся на четыре разных манера, напр.: торг, торк (мягкие и твердые «к» и «г») и т. д.–четыре разных написания. Эта шаткость орфографии проникла в «Ени-йол», и то, от чего он страдает,–это как раз недоработанность орфографии. Я лично высказываюсь за фонетизм. Говорят, что тогда трудно будет понять, что это арабские слова? Трудно понять, для кого? Для меня это трудно, как для ориенталиста, как для научного работника, трудно для муллы, деятеля церкви, религии, трудно для арабиста, которые привыкли слова эти видеть по-арабски. Но нам научиться узнавать эти слова в новой форме будет легче, потому что мы сильнее, чем всему народу, еще безграмотному. Учиться тюркскому народу зараз и тюркской орфографии, и иному принципу арабского написания в тюркской орфографии–это будет не хорошо, это значит тяжесть этой работы с плечь интеллигенции переложить на плечи народа. Хорошо если он вынесет (апплодисменты). В общем должен сказать, что это совсем не будет трудно для интеллигенции. Недавно произошла реформа орфографии в России, и эта реформа встретила в начале крайне отрицательное отношение интеллигентных кругов. Но оказолось, что это дело, может быть, двух месяцев, и изучить это интеллигенции, во всяком случае, легче, чем кому-нибудь другому. Я хочу–может быть, это и излишне–хочу подкрепить слова проф. Щерба о важности орфографии, как социального института. Он совершенно справедливо указывает, что при чтении газеты мы сразу схватываем глазами слова–это есть экономия времени, и эта экономия происходит в национальном масштабе у всех. Если вы берете газету и там есть опечатка, у вас потеряно лишнее время, потому что вы подумали; почему это так написано, может быть, тут хотели на что-нибудь намекнуть, или, может быть, это типографская опечатка, может быть, это по ошибке,–но время ны потеряли. Если вы все потери времени сложите, чем занимаются учреждения НОТ'а, то получится громадное количество времени, теряемого нацией от несовер-

шенства орфографии и от того, что многие не знают орфографии. Я с этим вопросом сталкиваюсь очень часто, я болею, этим вопросом. У меня есть в Москве ученики, которые учатся по-персидски, и при переводе с персидского на русский я требую, чтобы писали по русской орфографии. Они брыкаются, они не хотят, а я им говорю, что отказаться писать так, как пишут все,–это значит совершать преступление, это значит, что вы воруете у нации время. Вот почему вопросы орфографии для турков, у которых орфография меньше, чем у всех других народов, разработана, я считаю одним из центральных вопросов этого С'езда. Я думаю, что ваше решение будет иметь серьезное влияние на последующую судьбу турецкой орфографии.

Теперь позвольте в заключение мне,–хотя я не тюрколог, но учился турецкому языку и в состоянии был написать для той части аудитории, которая не понимает по-русски, конечно, весьма несовершенное резюме, позвольте мне огласить это резюме. Я не могу говорить так свободно, как по-русски, поэтому прочту по написанному. Я прошу извинения за ошибки у всего собрания и еще больше у моего учителя по-турецки, профессора Самойловича, конечно (читает по-турецки). (Апплодисменты).

Рахими (по-узбекски). (Апплодисменты).

Ибрагимов. (Переводит свой доклад). Доклад мой распадается на 3 части. Первая часть включает критический анализ тех старых систем орфографий, которые существовали до 2-й половины XIX в., анализ уйгурской, орхонской и старо-арабской орфографии. Во второй части описываются те движения, которые были направлены к реформе арабского шрифта и уточнению орфографии тюркских народов. Тут описывается османско-турецкое движение, башкирское, узбекское, крымское и т. д. Главное внимание этих движений было обращено на то, чтобы установить, сколько гласных звуков в том или другом наречии, какими буквами их надо изображать, потому что в арабской орфографии из 10-ти гласных изображается только три. Потом, как быть с арабскими словами, которые употребляется много и пишутся они не татарским, узбекским, казакским правописанием, а чисто-арабским, и, таким образом, создаются три орфографии в одном языке: тюркская,

арабская, а иногда и персидская. Движение это было также направлено к ликвидации исключений. В третьей части моего доклада заключаются те конкретные предложения, которые могут до некоторой степени облегчить, а, во-вторых, покончить с тем разнобоем, разногласием, которое существует между тюркскими народами. И предлагается для уточнения тюркской орфографии принимать во внимание следующие особенности тюркских языков:

1) Сингармонизм–это не требует об'яснений и заключается в том, что буквально все слова во всех тюркских наречиях бывают твердые или мягкие, и этому закону подчиняются все суффиксы; при составлении нашей орфографии эту особенность надо принять во внимание. 2) Агглютинация. Известно, что языки разделяются на 3 группы; урало-алтайские принадлежат ко второй группе, где корень и суффикс остаются одинаковыми во- всех падежах. В русском языке, например, имеются падежи и соответственно словам изменяются, а у нас, например: «сюз» во всех падежах остается в таком же виде, и все падежные окончания повсюду, в именах существительных и прилагательных, остаются одинаковыми. Это свойство-общее для всех языков, и это надо принять. Третьим моментом для уточнения орфографии надо взять не только фонетический момент, по необходимо, главным образом, принять во внимание морфологический момент. Дело в том, что у нас в тюркских литературных языках особенно много наречий, напр.: у казанских татар 6-7 литературных наречий–наречие мишерское, казанских татар, касимовских татар и т. д. Все они по своему фонетическому составу очень разнообразны, и если мы будем принимать во внимание только фонетические основы, то нужно взять одно наречие, а для остальных это будет уродством, а потому я предлагаю принять морфологический момент. 4) Тут я предлагаю практический метод для того, чтобы покончить с анархией, которая имеется у нас во-всех буквально языках. Необходимо от имени Курултая сказать веское слово, т. е. с попытками подчинения правописания отдельным наречиям–надо вести борьбу. 5) Для того, чтобы облегчить нам образование турецкой литературы, необходимо принять такую меру, что во всех случаях, когда предлагаются новые слова, новые буквы, необходимо, чтобы

тюркские литературные языки согласовывали эти моменты между собой. Например, казакский язык по закону сингармонизма употребляет обозначение мягких слов, а татарский и башкирский для обозначения твердости. Мы на это должны обратить внимание. Необходимо также урегулировать и привести в порядок, чтобы у всех наречий были общие знаки и буквы. Дальше мною предлагается еще один конкретный метод. Радлов составил научную академическую транскрипцию, это очень хорошо. Мы, тюркологи, этим пользуемся, но когда нужно писать по-татарски, по-узбекски арабским шрифтом–это создает большие затруднения. Поэтому я предлагаю на основе академической научной транскрипции создать арабский шрифт для словаря. Это будет не для практического потребления, а для точного изображения звуков и еще маленьких оттенков, как, например, у нас во всех тюркских наречиях гласных больше. Это не для орфографии–это для научного употребления.

Выражаю общее пожелание, что для урегулирования тюркской орфографии необходимо, вообще, сохранить и практические термины. Я не много осторожно употребляю этот принцип культурно литературной федерации тюркских языков. Мы не можем создать единого тюркского языка, –это не позволяет ни фонетика, ни морфология, и главным образом социально-экономическое положение, но мы, тюркские народы, не можем изолироваться. Например, Якутская область очутилась в очень трудном географическом положении, якуты оторваны от нас, не могут пользоваться нашим опытом, и мы не можем пользоваться тем, что есть у них. Поэтому полагаю, что в будущем для всех работ по орфографии этих языков эта терминология должна быть взята в основу, а также неоторванность каждого языка от другого. Я настаиваю: неоторванность будет заключаться в федерации, даже не в конфедерации, а федерации тюркских языков, что каждый язык будет автономен в своем строении, но у всех тюркских языков есть общие основы, общие законы, общие черты, которые должны быть приняты во внимание. Это понятие федерации неточно, но, я думаю, злоупотреблять этим словом не будут. Я хочу принять во внимание, что при составлении будут две категории свойств: первая категория–это свойство и особенности каждого языка, вторая категория–свойства, общие

всем тюркским наречиями. Вот беглый обзор моих материалов, которые были изложены на татарском языке.

Усманов. (переводит тов-ща Рахими). Основная мысль тов. Рахими сводилась к следующему. Сингармонизм в тюркских языках, в частности в узбекском языке, есть; под влиянием проникновения к городским жителям таджикизма этот сингармонизм нарушается, но в языке кишлакского населения этот сингармонизм есть. Он говорит, что первый недостаток знаков для обозначения гласных звуков приводит к тому, что у некоторых народностей, у некоторых племен гласных звуков насчитывается от 6 до 8 и даже до 13, между тем как с'езд Узбекистана исчислил гласных звуков всего 6, а мы видим, что в жизни гораздо больше, но для обозначения гласных звуков не хватает букв. Это он причисляет к основным недостаткам узбекского алфавита, несмотря на то, что в узбекском языке имеется для обозначения узбекского письма 23 знака, но потом прибавили еще 3 знака. Хамза, знак, который употреблялся в арабском языке и выброшен, отчасти, татарами, до сих пор у них засоряет письмо; конечно, этот знак хамза будет у них выброшен. Тов. Рахими говорит, что вопрос о реформе орфографии тесно связан с вопросом об алфавите, ибо приспособить арабский алфавит будет трудно, и вопрос об орфографии нужно связать со вторым вопросом–об алфавите, разрешение которого будет зависеть от С'езда; тогда облегчится вопрос о самой орфографии.

Ага-Заде. (Говорит по-тюркски, затем читает по-русски тезисы к своему докладу).

1. Все слова тюркского языка, в том числе и арабские, употребляющиеся в нем, должны иметь без исключения единое правописание.

2. Из принципов правописания, принятых в культурных языках, самым подходящим для тюркского языка является принцип фонетический.

3. Фонетическое правописание основывается на произношении; поэтому необходимо из наблюдений над живым тюркским языком установить звуковой состав языка, виды слогов как основ, так и производных слов, участие в них гласных и согласных звуков, роль гармонии гласных и, наконец, особенности сочетания

гласных и согласных звуков в начале, середине и в конце тюркских слов.

4. Все арабские слова отныне теряют свои особенности, присущие фонетике и письму арабского языка, и подчиняются основным требованиям тюркской фонетики.

5. Из существующих в тюрко-татарском мире трех алфавитов: старый арабский алфавит в неизмененном виде не соответствует, требованиям фонетического письма тюркского языка; реформированный же арабский алфавит удовлетворяет эти требования неполностью; новый же алфавит, принятый в Азербайджане, отвечает без исключения всем требованиям фонетического письма.

6. В этом отношении новый алфавит имеет свои преимущества, играющие ту или другую роль в вопросах правописания. К числу их надо отнести следующие:

а) возможность изображать собственные имена и географические названия с большой буквы;

б) связываемость всех букв между собою, что необходимо для группировки слов, как простых, так и сложных;

в) деление слов на правильные слоги для переноса их из одной строки в другую;

г) установления знака ударения над гласными в детских букварях, что способствует как правильному чтению, так и правильному письму детей.

7. Условия, необходимые в установлении фонетического правописания по новому тюркскому алфавиту (эти условия, числом 7, перечислены в докладе).

8. Европейские слова, начинающие входить в тюркскую литературу, подчиняются законам фонетики тюркского языка, с соблюдением перечисленных в докладе 9 условий.

9. Для установления рационального фонетического правописания тюркского языка, необходимо создание групповых словарей тюрко-татарских областей, каковые словари при сливании дадут общий словарь, отражающий как весь лексикон, так и фонетическое правописание всех тюрко-татарских наречий. (Аплодисменты).

(Далее выступают т. т. **Габитов и Саади** на татарском языке).

Байтурсун. (Аплодисменты). Прежде всего надо поставить вопрос: что требуется от правописания. Требуется, чтобы это правописание удачно, точно передавало звук языка. Второе–чтобы это правописание для изучения было легким. Вот эти два основные требования. Здесь возникли споры. Одни говорят, что правописание имеет связь с алфавитом; другие говорят–не имеет. На самом деле правописание имеет связь с алфавитом только в том случае, если алфавит несовершенный. Возьмем, например, русский алфавит. В русском алфавите есть недостатки, например: «е», «ю», «я». Дальше. Профессор Щера говорил: «хвастался и хвастался». Отчего это так смешивается? Оттого, что для звука «а» нет соответствующего знака. Например, слова: «дарю» «даюэ»–вы видите совершенно разное произношение «ю». Значит, в русском, алфавите нет соответствующего знака. Теперь возьмем слова: «тебе», или, например: «чтение», или «доброе»–тут как будто слышен звук «е», а когда говорят: «тебе» получается «тибие». Значит, в русском алфавите нет соответствующего знака для звука «е». Если алфавит несовершенный, тогда действительно это несовершенство будет влиять на правописание, а когда алфавит совершенный в том смысле, когда-для каждого звука имеется соответствующий, определенный знак и этот знак никогда не меняется, то это другое дело. Теперь следующий вопрос. Что здесь положить в основу? Взять ли принцип этимологический, или исторический, или же, наконец, фонетический? Мне думается, что самое идеальное правописание–это фонетическое. Если прибегают к другим правописаниям, то делают это по совершенно другим основаниям. Правописание большей частью зависит именно от языка, от свойства языка. Если возьмем, например, язык русский, употребляющий этимологический принцип, то мы должны сказать, что этот язык хаотический, анархический, потому что одни и те же слова, при изменении ударения, принимают совершенно другие формы. Например: «вада», «воды», ударение изменилось, где раньше стоял звук «а», теперь появился «о». Это самый анархический, хаотический язык. Где дело так обстоит, там действительно необходимо прибегать к этому этимологическому принципу. Я другие языки хорошо не

знаю, но хорошо знаю из наших языков киргизский и казакский. Эти языки–самые стройные. Здесь звуковые законы очень строги, каждый звук в конце слова дает такую же реакцию, какую дает химический элемент. Это самый совершенный, самый стройный язык. Если у других тюрков точно такой же язык, то нет никакой необходимости принимать за основу именно этимологический принцип. Дальше, в отношении обучения правописанию. Идеальное правописание–это фонетическое. Фонетическое письмо практически мы, казаки, применяем уже несколько лет, и результаты получаются блестящие. Проучившиеся год по нашему алфавиту пишут в такой же степени грамотно, как окончившие 4-х летку в русской школе, окончившие 4-хлетку пишут точно так же грамотно, как окончившие русскую 9-тилетку. Сами судите, до какой степени этот фонетический способ письма облегчает обучение. Вот в отношении социального значения для того, чтобы грамотность стала доступной, эта грамотность должна быть при обучении очень легка для населения, а фонетическое письмо при обучении грамоте облегчает не только дело обучения детей, но даже и взрослых. Здесь я должен коснуться исторического принципа письма. Есть тюркские народы, которые до сего времени не могли отрешиться от традиции. Возьмем, например, азербайджанцев и османцев,–они до сего времени держатся исторического принципа письма. То, что к нам перешло от арабов, они консервативно до сего времени держатся этого, они считают святотатством изменить это. Так относиться нельзя! И при этом, относясь так, они еще винят других, что другие будто бы консервативны. Я должен это сказать здесь, потому что многие думают, что если мы держимся за арабский алфавит, то мы консервативный элемент. Нет. Мы со «священным» письмом давно покончили. В отношении применения фонетического способа для слов из других языков я должен сказать, что мы берем слова из других языков для наших надобностей хотя не для научного употребления, а в народном разговоре. Если возьмем слово «ажол», это киргизы считают своим словом, никогда не говорят, что это арабское «гакол» переделали казаки именно в свое слово. Также много слов теперь новых. Слово «комиссар». Казаки говорят «комюссер». Что же это мы для

европейцев должны оставить это слово в том виде, в каком они его произносят? Но казахская артикуляция не выносит такой конструкции слов. Поэтому мы все иностранные слова будем брать в таком виде, чтобы это было легко для произношения казаков. Точно так же и другие тюркские народы не должны считаться с происхождением слов, а должны считаться с говором, с артикуляцией населения. (Звонок председателя). Я многое пропускаю, только скажу одно, что здесь, когда открывали с'езд, т. Агамалиоглы и т. Павлович говорили, что будто бы сам алфавит мешает прогрессу, а если возьмем другие языки, например русский, русское письмо в сравнении с нашим–это китайское письмо. Тут приходится заучивать, зазубривать каждое слово, точно также как английский, немецкий и французский языки; в сравнении с нашей грамотностью это есть именно китайская грамота. Мы заучиваем только 24 звука, а они же все, что есть на этом языке, должны заучить. На каждом языке сколько слов, столько должны припоминать изображений этих слов. Почему? Потому что их письмо не передает правильно ни одного звука.

Яковлев. Тут товарищи затронули, в особенности последний, тов. Байтурсун, очень важный вопрос, а именно вопрос о том, существует ли связь между орфографией и алфавитом, или же такой связи не существует, и когда эта связь должна существовать. Мне кажется, что, конечно, связь между алфавитом и орфографией все-таки существует. Возьмем хотя бы такой вопрос, как количество знаков в алфавите. Ведь, кажется, т. Байтурсун как раз составлял алфавит на киргизском языке и путем того, что он ввел знак мягкости, этим путем число знаков в алфавите уменьшилось. Следовательно, есть безусловно известная связь между системой письма, что имеет уже прямое отношение к орфографии, и числом знаков в алфавите. А раз такая связь есть, то вполне естественно, что здесь, когда стоял вопрос об орфографии, все т. т., высказываясь, неизбежно сбиваются на вопрос об алфавитах. Отчасти, может быть, тут та ошибка, что вопрос об алфавите поставили не раньше вопроса об орфографии, а после него. Поэтому очень интересно мне было послушать, просто, как лингвисту, ту оценку, которую товарищ Байтурсун дал русскому языку, впрочем не

только русскому, но также охарактеризовал он и французский, и немецкий, и другие языки. Я не вполне согласен с его термином, нельзя все-таки делить языки на «хаотические» и «гармонические», но по существу, конечно, явление было указано правильно. Дело здесь объясняется иным путем. Я бы сказал, что существуют языки «дисфонетические» и «синфонетические»; что существуют языки такие, в которых фонетические законы соблюдаются почти без исключения, и существуют такие, в которых эти законы соблюдаются с большими исключениями. И об'яснение этого надо искать в истории тех языков, которые, по выражению т. Байтурсуна, страдают хаотизмом. Есть языки более культурных народов, которые в течение веков воспринимали в себя массу материала из всяких других языков. И поэтому, их собственные, фонетические законы перемешались в них с фонетическими законами других языков. Поэтому получился кажущийся беспорядок. На самом деле этого нет. Вполне прав т. Байтурсун, когда он говорит о «гармонии» киргизского языка. Киргизский язык только начинает выступать на арену языковой культуры. Он начинает становиться языком письменного народа. У него вошло в язык мало элементов из других языков. Поэтому это язык, как я его называю, «синфонетический». В нем почти нет элементов из других языков, фонетические законы киргизского языка соблюдаются во всей чистоте, и слова, которые попадают в этот язык из других языков, перевариваются в нем полностью. Вот, по-моему, вполне правильно отмеченное явление и вот то об'яснение, которое этому явлению мы можем дать. Теперь я перейду собственно к тому, о чем я, главным образом, хотел говорить–это о фонетическом и этимологическом принципах в орфографии. Здесь совершенно правильно докладчики указали, что главным образом существуют именно эти два принципа, что оба они в одинаковой мере встречаются в языках. Так, по крайней мере, я понял проф. Щербу. Вопрос идет только о том, в каком отношении они к каждой орфографии находятся, т. е. какой из этих элементов преобладает, потому что и весьма фонетическое письмо все равно содержит некоторые этимологические правила правописания. То же и в русском языке. И тут надо исходить из исторической точки зрения для того, чтобы понять это яв-

ление. Совершенно не случайно, что тут в защиту этимологического письма выступали представители того языка, который имеет сравнительно развитую литературу, и в защиту фонетического письма выступил товарищ, язык которого только начинает создавать свою литературу. Вот мне и кажется, что в этом вопросе надо различать те народы, которые только начинают вырабатывать свою письменность, которые не имеют еще одного литературного языка. Они волей-неволей должны сейчас начать с той стадии; когда фонетический принцип будет преобладать. И каждый будет еще писать на своем наречии, потому что раз нет единого литературного языка, никакими декретами, никакими правилами вы не заставите писать на каком-нибудь одном наречии. Каждый считает свое наречие единственно правильным и на нем пишет. С этого начинается письменность, и с этого начинается развитие литературного языка. Что касается тех народностей, где письменность имеет уже историю, где есть более или менее выработанный литературный между-диалектический язык, там, само собою разумеется, преобладает этимологический принцип. Эти вопросы нельзя решать одинаково. Вообще-то, оба принципа будут присутствовать в орфографии, но фонетический должен преобладать у тех народов, где письменность только начинается, этимологический–у тех народов, где письменность получила свои традиции. На этом я закончу. (Аплодисменты).

———

СЕДЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председательствует **Коркмасов.**

Прения по вопросу об орфографии

(Выступают в прениях на тюрко - татарских языках т. т. *Манатов, Алпаров, Алиев и Юманкулов)*.

Омаров. Я–представитель казаков, поэтому будет не случайно, если- я тоже буду защищать фонетическое правописание. Здесь говорили, что фонетический принцип более хорош для языка менее культурных народов, а для культурных народов он не годится. Безусловно казаки являются самым отсталым из всех тюркских народов в культурном отношении. Но в вопросах языка казак ушел далеко не только разработкой грамматики, правил правописания, но также в отношении развития самого языка. В наших глазах идет развитие языка, именно законов языка, создание новых законов, исчезновение звуков, создание новых звуков. Еще Радлов отметил существование в нашем языке звука «ч». Это было, но теперь теряется, уничтожается везде. В нашем языке недавно была буква «дж», это звук исчез в течение десятка лет. У нас сменяется морфология, окончание. Суффиксы «л», «ль» сохранились у татар и у других, но это старая форма, а у нас этот суффикс изменился, сохранившись в 2–3-х словах. Например, у нас существует в некоторых местах слово «тынлы». Теперь говорять «тынды», или «кынлы, а теперь «кынды». Вот такие случайные старые слова показывают, что эти окончания имеют недавнее происхождение. Таким образом, у нас развивалась фонетика. Затем, звук «ж»: переход полугласной «и» в «ж», это тоже совсем недавнее, потому что у нас существует слово вроде «быил». Это слово, которое получилось путем сочетания двух слов «был» и «ил». Когда было создано это слово, казаки произносили не «бьжл» а «ил». Казакский язык развивался, но развивался вне влияния чужих языков.

Поэтому эти изменения законов нашего языка, это свободное изменение вне чужих влияний и является прогрессивным. Мы в отношении развития языка народа ушли далеко вперед, потому что на наш язык никакого стесняющего его влияния не было. Одним из условий, стесняющих развитие языка, является этимологическое правописание. Ведь русские филологи, как, например, Ушаков, определенно говорят о влиянии этимологического правописания на развитие языка. Этимологическое правописание задерживает свободное развитие языка. Таким образом, народный язык, язык русского мужика, свободное развитие языка, законы языка должны изменяться. Законы фонетические, морфология, закон языка русского мужика изменяются, развиваются естественным ходом, а литературный язык не может развиваться, потому что литературный язык не может выйти из пределов этимологического правописания. О достоинствах этимологического правописания или недостатках, об этом я не хочу говорить, но то обстоятельство, что татарский и другие тюркские языки не могут так развиваться, как наш язык, пожалуй обясняется тем, что у них раньше, чем у нас, появилась письменность. Интеллигентный человек имеет тенденцию обособляться, шиковать, как выразился проф. Жирков, хвастаться тем, что он иностранные арабские, и французские слова произносит так же, как коренной араб или француз. Путем такого шикования и других экономических и социальных условий буржуазного времени получился книжный язык. Этот литературный язык недоступен для демократии. Этимологическое правописание как раз поддерживало такое обособление литературного языка от народного. Отчего же нельзя говорить, например, «беис», а не «беиш»? Это означает рай. У казака не было такого понятия «рай», и только принятие ислама вызвало необходимость создать для этого понятия особое слово. Казак не захотел придумывать новое слово из своего лексикона и принял чужое слово «беиш» или «беиз». В лексическом отношении казахский язык, пожалуй, богаче, чем другие тюркские языки, но слова большей частью не свои. В словарном отношении масса чужих слов, может быть, меньше, чем у азербайджанцев и осман, но все чужие слова у нас переделаны, например, слово «интымак». Ни один казак не пове-

рит, если скажешь, что это слово не казакское, а перезвукованное арабское «иттифак». Этимологическое правописание имеет особое достоинство для языков флективных, к которым относится русский язык, но в арабском языке фонетическое правописание, как во всех индо-европейских языках, невозможно, потому что все эти языки не флективные. Тут меняется корень слова, меняется звук. Что касается тюркских языков, не флективных, тут корень слова никогда не изменяется, и поэтому для правописания никаких затруднений не может быть; Нет ни одного корня в казахском языке, который бы менялся. В этом отношении некоторое затруднение представляет самое смягчение. Этот вопрос распространяется в казахском языке на два звука: на «ка» и «г», которые находятся между двух гласных, в «гк» и «хк». Это единственное затруднение, и, следовательно, этимологическое правописание для этих звуков невозможно. Если же мы установим этимологическое правописание для этих звуков, то слова «жеке» и «жеге» –деепричастия–мы должны тогда писать одинаково; если не менять корня, то получается смягчение, и поэтому письмо должно показать эти два смягчения. В отношении смягчения, есть и другие затруднения, которые получаются при сочетании слов, например, «казах» при сочетании с «кара» произносится иначе,–влияет гласный звук предыдущего слова, а если к слову «казах» прабавляется слово на гласную букву «эле», то тоже получается изменение. И такие изменения мы не отмечаем, потому что ряд слов имел бы несколько изображений, и для фонетического писания необходимо изучить всякого рода суффиксы, словообразования и словоизменения.

(Далее выступают на тюркском языке т. т. *Нейзим и Фейзи)*.

Усманов, Шамиль. Некоторые, выступавшие здесь, товарищи заявляли о необходимости не смешивать вопроса орфографии с вопросами алфавита. Я думаю, докладчик в своих тезисах подразумевал недопустимость путания вопросов орфографии с вопросами алфавита. Однако, это не есть отрицание связи между ними. Это было блестеще доказано товарищем Байтурсуном в его речи, когда он говорил, что от совершенства алфавита зависит облегчение или осложнение вопросов орфографии. Возьмите для примера реформированную орфографию татар. Мы знаем, что в арабском

алфавите нет букв для обозначения гласных звуков, там учат, что есть буква «вау», буква «вау» и «з» рядом дают «вз». Однако, если перед ними стоит буква «г», то выходит «гюз»; если над «вау» стоит запятая, то будет «гёз», если над предыдущей буквой стоит запятая, то будет «гуз» Как видите, это не облегчение, а осложнение. Если мы примем более совершенный алфавит, то этой сложности не будет. Тов. Байтурсун в своей речи в логической последовательности должен был договориться до этого. Однако, по его данным, выходит, что язык казаков настолько совершенен и строен, что не нуждается в таком алфавите и удовлетворяется старым арабским. Я не знаю, строен ли казакский язык, однако, знаю, что если бы он произнес свою речь не по-русски, а на родном языке,–в его речи было бы столько иностранных слов, что закона сингармонизма не было бы и в помине. Противники основной, коренной реформы противопоставляют закон сингармонизма. Я до сих пор не мог понять их цели, зачем понадобилось им выкапывать этот закон, относящийся еще к древнему языку. Теперь, благодаря тов. Алпарову, ясно, в чем дело. Он высказал мысль, за которую я ему благодарен; оказывается, они этим хотят доказать ненужность для тюркского письма какого бы то ни было совершенного алфавита. Но я знаю, что полного сингармонизма даже в татарском языке нет. Возьмите слова «сина», «мина», здесь сингармонизма нет. В татарском языке также много слов, получивших право гражданства, но не подчинившихся закону сингармонизма. Так, например, «исхак», «китаб», «галимджан», «ибрагим», здесь никак нельзя суметь соблюсти этот закон. Также много слов, вошедших в наш язык, благодаря веяниям новой культуры и техники, как слова «кино», «килограмм» «килдметр», «гидро». Вы этого никак не скажете–выйдет «килограмм». Один товарищ говорил о необходимости вернуться к чистому языку деревни. Теперь мы не можем идти обратно к деревне. Нашим лозунгом теперь должен быть лозунг: «Вперед к городу». Товарищ Ибрагимов просил С'езд дать в арабский алфавит новые знаки, думая, что С'езде даст их, но это будут не запятые, а будут более радикальные и более совершенные знаки, и с введением нового латинского алфавита в корне разрешатся все вопросы орфографии.

(Продолжительные бурные апплодисменты).

Говорят на тюрко-татарских языках т. т. *Алпаров, Хакимов* и *Чобан-заде.*

Заключительные слова докладчиков

Щерба. Я затрудняюсь что-нибудь говорить, потому что по существу моего доклада, насколько я мог осведомится от коллег по С'езду, ничего не было сказано. И это понятно, потому что, ведь, в сущности мой доклад был отвлеченный, говорил о принципах орфографии вообще, не применяясь к данным конкретным обстоятельствам. Но то обстоятельство, что времени было у меня недостаточно, конечно, повело к тому, что целый ряд недоразумений мог возникнуть, и мне могли приписать некоторые мысли, которых я не имел. В частности, я от разных лиц слышал, что мне приписывается некоторое склонение в ту или другую сторону в вопросе, который занимает С'езд в первую очередь, в вопросе об алфавите. Я должен сказать по этому поводу, что, как уже отмечал в печати, по этому вопросу считаю себя совершенно некомпетентным высказываться, т. к. это вопрос национальный, решается на основании культурно-политических соображений, и мне здесь в этом вопросе нечего делать. Так что, просто, я бы считал себя совершенно невправе, как инородец, как-нибудь вмешиваться в это дело. Если я взял на себя доклад по орфографии, то только по принципам, которые существуют вообще в мире.

К некоторым недоразумениям, повидимому, повели мои соображения относительно исторического принципа. Тут как раз за недостатком времени я об этом мало говорил и, отчасти, именно потому, что считал, что применительно к турецкому языку, точно так же, как и к русскому, которые (и те, и другой) являются в значительной мере молодыми языками, в которых этот вопрос исторического принципа, исторического правописания не имеет преобладающего значения, не следует об этом подробно говорить. Из доклада профессора Жиркова видно, что есть один вопрос, который представляется важным, вопрос о правописании заимствованных слов с арабского, но это конечно, частный вопрос. Ведь,

всетаки главная масса слов турецкие, и вопрос о некоторых в большей или в меньшей мере встречающихся арабских словах–вопрос частный. Я осведомлю вас, что разные народы решают вопрос правописания слов по-разному. Русские и итальянцы держатся принципа неотмечения никаких иностранных слов, как таковых, в отношении к своим словам. Немцы, наоборот, придерживаются этого принципа отмечения заимствованных греческих слов. Там имеется особая буква «у» (испилон), сочетания th, ph и т. д. Дело вкуса и дело опять-таки национального разрешения. Как поступить в данном случае? По-моему, я, как не тюрок, опять-таки в этом вопросе своего мнения выявить не могу. Но, как русский, за свой язык я это высказал и высказываю. А вы, как знаете. Это дело ваше,–вам виднее. Как для русского языка, так, по-моему, вообще следует придерживаться принципа неотмечения особо иностранных заимствованных слов. Теперь несколько больше придется мне сказать об этом историческом принципе. Дело в том, что я указал на его значимость. Я указал, почему он всетаки не есть какая-то грубая косность, ничем не оправдываемая; но так как я полагал, что это, вообще, в данной кон'юнктуре неинтересный вопрос, то я и не останавливался долго на другой стороне дела. Я не отметил того, что исторический принцип в орфографии есть большое зло, хотя бы потому, что он затрудняет и усложняет чтение. Английская орфография–настоящая мука для них самих. Это несомненно. Это–азбучная истина. В частности, я, как один из авторов русской реформы орфографии, я придерживаюсь такого мнения, что нельзя допускать, чтоб язык попал в такое положение, в какое попал английский язык. Мудрость здоровой языковой политики состоит в том, чтобы постоянно подгонять, не застаиваться, а подгонять под существующее положение вещей язык. В этом вся штука и состоит, и молодые народы, вступающие на путь культурного строительства, это, по-моему, должны иметь ввиду. Русская культура, в частности языковая, всегда стояла на этом пути. Реформа орфографии есть продолжение того, что делалось и во время Петра Великого, и раньше, и после Петра Великого, во время Пушкина, Карамзина и т. д. Это–непрерывный процесс постоянного подновления языка под современность. Вот эта-та оборотная сторона ме-

дали, вот это тот момент, на котором я остановился вскользь, и который, может быть, повлек за собой некоторые кривотолки. Могу только прибавить одно, что, конечно, это дело ваше. Разумеется, фонетический принцип–идеальный. Я это сказал утром. Я сам являюсь членом и даже почетным членом Международной Фонетической Ассоциации, которая одной из своих целей ставит введение фонетического алфавита. Это–идеал. Это для меня не подлежит сомнению, но, однако, как человек жизни, я указываю, что да, это, конечно, самое простое решение, к которому надо стремиться; жизнь же требует поправок, и поправок не этимологических, которые отнюдь не надо смешивать с историей. Надо стараться поставить работу так, чтобы не попасть из огня в полымя, т. е. чтобы для широких общественных слоев не создать еще больших затруднений по изучению орфографии, что могло бы быть при других условиях, как я достаточно, кажется, выяснил это утром. Так что фонетический принцип–это идеал. Отрицать это–значит ломиться в открытые двери. Но вот о чем надо сказать, это о том, что, несмотря на очевидность этого положения, есть что-то другое, на что надо обратить внимание, исходя с точки зрения целесообразности, с деловой точки зрения. Конечно, принцип «пиши, как говоришь»,–это идеал. К этому надо стремиться, в этом отношении нельзя стоять на месте. Русский язык в этом смысле постоянно движется вперед. Он отметает все этимологии, которые забыты, которые не чувствуются. Один пример–слово «смиренный». Мы производим через «смирный» и пишем через «и», а на самом деле это слово происходит от слова «смеренный», «смерять», «умерять».Это значит,что русский язык постоянно обновляет слова в связи с реальным ощущением говорящих, с теми связями, которые существуют сейчас. Я согласен с Яковлевым, что в разных случаях, в разных местах и т. д. этимологический принцип должен иногда притти на помощь фонетическому, который есть идеал, и главный, но не надо забывать что-то другое и важное (апплодисменты).

Гал. Ибрагимов. Товарищи, мне трудно говорить на русском языке, все же я вынужден это сделать, потому что мой утренний доклад был не всем понятен. Я начну с конкретных моментов. Га-

битов упрекал меня в том, что я дал неправильную информацию относительно башкирского наречия. Я много в этой области работал и хорошо это знаю, а кроме того есть сборник, который посвящен целиком Туркологическому С'езду. Этот сборник издан под редакцией Габитова. Он говорит, что у башкиров имеются две категории наречий: основные и татаризированные. К основным он причисляет: кубели, эйзе и т. д.–это основные, а татаризованные–топсак и т. д. Таким образом, я не знаю, чему верить–этому выступлению, или тому сборнику, который посвящен Тюркологическому С'езду. Относительно выступления Манатова. Он упрекает меня, что я дал здесь слишком неточные и краткие сведения относительно движения по реформе орфографии в Турции и Азербайджане. Но я был ограничен временем и не мог на этом остановиться. Все же я подчеркнул, что подробности можно получить. из книги Ага-Заде, там есть подробности, но на основных моментах, о том, какие были с'езды в 5,6 году, я всетаки останавливался. Если Манатов интересуется этим вопросом, я могу дать ему эти материалы. Кроме того, тут произошла путаница. Тов. Манатов говорил, что как будто я предлагаю турецкий язык взять за основу и, основываясь на этом языке, создать орфографию. Товарищ, вы не так меня поняли, я сказал, что в наших отдельных турецких наречиях–узбекском, башкирском и т. д. есть основные общие черты в фонетике и морфологии. Это должно быть взято за основу, и, кроме того, я сказал, что не надо допускать провинциализма, а провинциализм есть–фонетический, морфологический и орфографический. Я, может быть, неточно выразился, но я хотел сказать, что не надо допускать провинциализма в орфографию. Товарищ Рахими говорил и запутался. Он говорил, что в своем докладе Самойлович говорил, что туркмены и азербайджанцы входят в южную группу. Я, конечно, это знаю, и я не говорил о таких классификациях. Я говорил только, что туркмены по тем результатам, которые они сделали в орфографии, стоят ближе к казакам и узбекам, чем к азербайджанцам. Еще серьезный вопрос возник с выступлением тов. Чобан-Заде. Из его выступления на мою долю относится два момента. Он отрицает значение сингармонизма и значение основных моментов агглютинации. Я считаю, что это не-

правильно, особенно по отношению к родственным языкам; Проф. Чобан-Заде хороший филолог и знает древние тюркские языки. Ему известны все работы и все ученые тюркологи, как арабские, так и русские, особенно Радлов и другие; все эти ученые указывали, что во всех этих наречиях это свойство определенно было. Во всех академических изданиях это подчеркивается, как особая теория, а практическом отношении во всех реформированных орфографиях говорится, что в этом отношении тюрки отстали. Суиндж... говорит в своей грамматике (читает по-тюркски). И во всех тюркских языках и во всех грамматиках это принято во внимание. Он определенно говорит: «тогда мы можем объединить все урало-алтайские наречия». Это немного не то; эти народы культурно разобщены, и я настойчиво предлагаю вашему вниманию, при составлении тюркской орфографии, эти основные моменты учесть, это явится и экономией и облегчением. Байтурсун сказал, что тюркские языки строгие (по-тюркски), и это еще больше усилится, если мы будем изучать эти два момента. (Апплодисменты).

Жирков. Я должен буду занять внимание собрания на 5 минут, потому что по существу моего содоклада, случайного содоклада, насколько мне было понятно из тюркских речей,–особо резких возражений и протестов не было, но общая линия в прениях дала мне мысль выступить, и вот почему. Дело в следующем. У нас не только один вопрос орфографии будет решаться на С'езде и будет дебатироваться, будут также поставлены столь же серьезно вопросы об алфавите, о самой внешней графике и о системе письма. Эти два доклада будут сопровождаться обильными прениями. Это очень важные вопросы. А сейчас вопрос об орфографии стоял первым, и поэтому многое то, что относилось к последующим докладам и последующим вопросам, было сказано уже сейчас. Это мне кажется не более, не менее, как недоразумением. Хотелось бы больше системы в порядке обсуждения.

Вот еще одно впечатление, которое оказалось в результате прослушанных мою прений. Многие товарищи здесь делали совершенно справедливый упрек деятелям науки, упрек в том, что вы не решаете многих вопросов, не решаете того, что мы у Вас спрашиваем. Вы не даете прямых указаний: делай так, а так не делай.

Я должен поставить вопрос совершенно иначе. Я бы здесь сказал так: а вы сами, турки-ученые, где? Почему вас так мало? Вас должно быть гораздо больше, вас должно быть столь много, чтобы вы эти вопросы могли решать за себя сами, и могли бы решать не хуже, чем их решают в Европе народы, оказавшиеся в более счастливых исторических условиях. Если бы вы сказали: мы хотим решить эти вопросы, но мы не уверены, у нас нет методов, вы нам должны оказать помощь. И вот эту помощь вы вправе потребовать от ученых всего мира, и эту помощь вам наука может оказать. Сейчас стоит один из очень важных вопросов–вопрос о подготовке научных работников в области языка из среды самих этих народностей. Раньше европейцы изучали языки всех континентов, а сейчас вы должны сами начать изучать свои языки и изучать не хуже, а во всяком случае лучше, чем эти языки изучали европейцы. (Апплодисменты).

Ага-Заде. (По-тюркски). (Апплодисменты).

Алиев. Предлагается по этому вопросу составить для выработки резолюции комиссию из товарищей Щерба, Жиркова, Галимджана Ибрагимова, Рахими, Ага-Заде, Байтурсуна, Алиева, Чобан-Заде, Габитова, Гельдиева, проф. Яковлева, Аюпова. Созыв за тов. Алиевым.

Председатель. Слово для сообщения принадлежит тов. Самойловичу.

Самойлович. Ленинградский Институт Живых Восточных Языков имени тов. Енукидзе подносит С'езду изданное Институтом специально для С'езда и посвященное С'езду 2-е переработанное издание работы профессора Иностранцева «Хунну и Гунны». Названная работа издается Тюркологическим Семинарием, состоящим при нашем Институте.

Далее Яфетический семинарий, находящийся при том же Институте, подносит С'езду работу академика Марра: «К вопросу о реформах письма». (Апплодисменты).

Заседание закрывается в 8 ч. 30 м.

ВОСЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председательствует **Агамали-Оглы.**

"О принципах образования научной терминологии в тюркских языках"

Зифельдт. Старое языковедение рассматривало язык, как нечто самодовлеющее, имеющее свои собственные самостоятельные законы. Для нас, сторонников исторического материализма, язык является продуктом общественного развития, развивается по тем же законам, что и само человеческое общество, как хозяйственное целое. В самом деле, людей объединяет в общество хозяйственная деятельность. Язык служит в этой деятельности средством и связью между работниками. Это–основное, первоначальное назначение языка. И уже вслед за тем язык обслуживает всевозможные идеологические надстройки над этим фундаментом. Каждый общественный строй имеет также и свою форму языка. Стадии развития языка более или менее совпадают со стадиями культурно-экономического развития человеческого общества. Каждая техническая и социально-экономическая революция неизбежно влекла за собой и революцию языковую. Патриархально-родовая община не могла удовлетворяться нищим и смутным языком первобытных семейно-матриархальных групп. Княжеско-племенной строй, федерация племен, варварская военная монархия, феодализм и т. д. требовали в свою очередь соответствующего усовершенствования строя языка и обогащения языка новыми терминами. В жестокой борьбе за существование плохо приспособленные к изменившимся социальным условиям языки сходят со сцены, уступая место более приспособленным. При расширении экономических связей какой-либо страны с другими те группы лучше выживают в борьбе за существование, которые знают самый необходимый в

сношениях с нужными людьми язык. Хыналугец или джек Кубинского уезда (есть здесь такие одноаульные племена), владеющий только своим материнским языком, на котором говорит только его родной аул, рискует навсегда остаться жалким пастухом. Усваивая же язык окружающего его аул тюрко-язычного населения, он становится сильнее и устойчивее в житейской борьбе, он не прикован к своим скалам, для него открывается более широкий мир со многими возможностями. Тюркский язык в Азербайджане и Турции, славяно-русский язык между Доном и Невой, арабский язык в Сев. Африке, Сирии и Месопотамии в начале отнюдь не были языками всего населения этих стран. Это были языки небольших гарнизонов племен-завоевателей или торговых поселений. Став, в силу исторических обстоятельств, необходимыми языками междуплеменных сношений для разноязычного аборигенного населения этих стран, они с каждым новым поколением расширяли круг понимающих и говорящих на нем и постепенно вытесняли мелкие туземные языки. Покоренные оставались, но, забывая свои прежние языки и усваивая языки междуплеменных сношений, они механически теряли и прежнюю национальность, входя в состав нации победителей. Как профессор Месарош довольно обстоятельно говорил, анатолийское население в расовом отношении является в большинстве своем далеко не турецким, но является только турко-язычным. Точно так же обстоит дело и в других странах. В расовом отношении современные великороссы больше финны, чем славяне; «арабы» Северной Африки больше кабилоберберы, чем семиты; азербайджанцы и анатолийские турки больше яфетиты, чем тюрки. Раса и язык нигде в мире не совпадают в своих границах. В борьбе языков гибнут легче всего те, которые имеют слишком ограниченный круг распространения. Языки нескольких аулов могли сохраниться веками где-нибудь в недоступных горах Дагестана до тех пор, пока там царило неразвитое, почти изолированное, полупастушеское хозяйство. Но коль скоро и эти уголки будут втянуты в орбиту государственного хозяйства, коль скоро туда проникнут кооперация, школы грамоты, избы-читальни и т. п., дни этих языков можно полагать уже сосчитанными. Они уступят место тюркскому или одному из соседних

языков с большим распространением.

В борьбе языков меньше шансов на выживание имеют–при прочих равных условиях с другими–те, которые слишком громоздки и неудобны по своей структуре, имеют больше исключений из правил, чем слов и форм, подчиняющихся определенным правилам, или бедны словарным материалом. Более обеспечено, наоборот, будущее тех языков, которые непрерывно совершенствуются в сторону своего грамматического упорядочения, во-время отбрасывают архаизмы и обогащаются новыми необходимыми для данной исторической эпохи и данного общественного строя словами, строго подчиняя их законам своего языка.

В пределах одного языка такая же борьба по всем правилам дарвинизма происходит между отдельными словами и формами. Слово, не точно, сумбурно выражающее определенную мысль, является плохим орудием, ничуть не лучшим, чем лучинка, дубина, деревянная соха или арба на деревянных колесах. Такое слово становится архаизмом и находит себе место только в старомодной поэзии, оторванной от действительности, или в тихой беседе в кофейне, или в бане. Его место в устах деловых людей занимают новые слова, более четко выражающие мысль. Слишком длинные слова вытесняются равнозначущими короткими. Звуки и их сочетания, требующие больших усилий со стороны диафрагмы, легких, глотки, языка, вытесняются звуками более легкими, требующими в произношении меньше усилий.

Вся эта эволюция происходит непрерывно в каждом живом языке, происходит бессознательно стихийно, как развивались стихийно и производительные силы в народном хозяйстве. По мере усложнения экономики, техники, политической жизни, в головах людей накопляются новые понятия, требующие новых словесных обозначений. Если их нет в своем языке, то они заимствуются из чужих языков, подчас нарушая законы фонетики. Доходя до известного предела, эта эволюция влечет за собой революцию или гибель языка.

После Октябрьской Революции, в эпоху строющегося социализма, дело развития языков властно требует организованного вмешательства Советской Власти и ее научных учреждений. Со-

циализм, в противоположность анархическому капитализму, это плановое хозяйство, сознательное регулирование стихии в интересах трудящегося человечества. Таким же остается социализм в области языковедения и развития языков.

В эпоху капитализма, характеризуемого анархией производства, господством частной инициативы и частного хозяйства, преобразованием языка занимались частным образом отдельные поэты и беллетристы. Они вводили в читательский обиход провинциализмы, неологизмы, они занимались словотворчеством; их работу дополняли журналисты, беспощадно засоряя язык варваризмами. Филологи-теоретики только регистрировали факты и подгоняли правила грамматики под этот анархически создавшийся интеллигентский литературный язык.

В наши дни бурного роста производительных сил в стране с низкой культурностью нет времени ждать развития языка, науки и литературы «естественным» путем, т. е. стихийно, частными несогласованными усилиями. Это и нецелесообразно. За разработку грамматики и терминологии в советских республиках с тюркоязычным населением уже принялись особые государственые терминологические и др. комиссии при наркомпросах. Но для того, чтобы такое ответственное дело не зависело целиком от случайного личного состава этих комиссий, состоящих из национальных литераторов и ученых, не всегда достаточно прочно связанных с народными массами, работа их должна происходить на виду у всех и корректироваться общественной мыслью. Это вышло бы лучше всего, если бы названные комиссии, прежде чем наложить штемпель на определенный новый термин или грамматическое правило, делились бы своим достоянием с общественностью, хотя бы на страницах периодической печати. Обмен мнений всех интересующихся и сведущих лиц в печати мог бы на много предупредить наркомпросовские комиссии от всевозможных ошибок. Более того, для успешности и доброкачественности работы, членам терминологических комиссий следовало бы почаще совершать поездки по рабочим районам и деревням.

Для всякого мало-мальски непредубежденного культурного работника очевидно, что современные так называемые «литературные» языки тюркских народов являются беспомощными в борьбе за существование. Эти литературные языки, сложившиеся в предыдущую социально-политическую эпоху, являются отражением господства крупных землевладельцев-дворян, духовенства и торговой буржуазии. При старом режиме вырабатывавшие этот язык литераторы и грамотеи большей частью либо сами принадлежали к арабизированному мусульманскому духовенству, либо экономически зависели от эмиров, ханов, беев и мурз или купцов-хаджи. Спрос этих классов, стоящих высоко над рабочей и крестьянской массой, вызвал и соответствующее предложение. Наиболее «изысканным» в литературе считался язык, наименее похожий на живую речь трудовой массы, язык, до невероятности засоренный арабскими и персидскими варваризмами. К тому же эти заимствованные слова пользовались исключительными правами экстерриториальности, подчиняясь лишь правилам арабской и персидской грамматики. Чтобы обладать этим «литературным» жаргоном, необходимо изучить три грамматики: арабскую, персидскую и тюркскую.

Такое положение должно было кончиться, когда к власти пришли вчерашние рабы–пролетариат и крестьянство, не понимающие варварского жаргона и имеющие свой собственный разговорный язык. Тут и наступило время революции в области литературного языка.

Но, как и в вопросах политических, мы здесь встречаем ряд борющихся между собою партий и группировок, правда, организационно неоформленных, но также выражающих интересы и настроения определенных классов и социальных прослоек.

По отношению к литературному языку в среде большинства тюрко-язычных народов мы различаем 4 основных течения, которые мы для простоты условно называем: первых панисламистами, вторых–европеизаторами, третьих–пантюркистами и четвертых–народниками (демократами)

Панисламисты–это люди старого закала, реакционеры, старающиеся удержать арабо-персидский жаргон и продолжать засорять тюркский язык арабскими и персидскими словами. Европеизаторы–это более современные люди, более прогрессивные, более революционные, которые ищут идеал культуры не в средневеко-

вом мусульманском мире, а среди более передовых народов, но в силу привычки, усвоенной из русской или европейской школы, они безжалостно переполняют язык европейскими варваризмами, и тут количество часто переходит в качество. Будучи сами революционерами и демократами по своим убеждениям, они, конечно, хотели бы стать ближе к массам, но создавая такой литературный жаргон, вводя черезчур большое количество непонятных массам европейских терминов, они достигают неблагоприятных результатов и создают то же средостение между интеллигенцией и народными массами.

Пантюркистами я называю, с одной стороны, тех, которые стремятся ввести один язык, чаще всего османский, навязать его искусственно всем тюркским народам, с другой стороны, тех, кто стремится выработать обще-тюркский литературный язык для всех тюркских народов сейчас же.

И, наконец, народники-демократы–это те, которые считают необходимым все термины искать в народном языке, а если их там нет, то образовывать слова из корней же народного языка искусственно, вроде того как были созданы русские слова: «паровоз», «усовершенствование», «развитие», «самолет» и т. д. Для того, чтобы опять-таки подойти с общественной точки зрения к этим четырем течениям, нужно принять во внимание ту революцию, которая проделана в прочих областях жизни, и те задачи, которые стоят перед обществом в настоящее время. Октябрьская Революция в корке изменила положение угнетенного царизмом нерусского населения, в том числе и тюрко-язычных народов, большинство которых живет в пределах СССР. Ныне эти народы, уравненные в правах с великороссами, пользуются всеми видами самоуправления от областной автономии до полной независимости. Каждый народ является хозяином на своей земле. Большинство стран, населенных тюрками, обладает более значительными естественными богатствами, чем бывшая метрополия (азербайджанская нефть, уральские и алтайские минеральные богатства, кузнецкий уголь, якутское золото, узбекистанский хлопок и т. д. Эти страны давали царизму, русским и европейским капиталистам (Нобель, Ротшильд, Лесли-Уркарт, «Лензолото» и др.) огромные доходы.

Но сами коренные жители этих стран оказались за хребтом этого мощного развития капитализма, являясь в основной массе кочевниками-скотоводами и земледельцами и, отчасти, пробавляясь мелкой торговлей, черной работой, охотой за пушным зверем, или в качестве проводников, оставаясь культурно-отстало массой угнетенных. Культурной же силой в этих отраслях стали, главным образом, великороссы. Причины нужно искать, отчасти, в колонизаторской политике царизма, отчасти в том, что местное население, связанное различными видами лесного, степного и сельского хозяйства, обнаруживало меньшую тягу на возникавшие рудники, промысла, заводы и железную дорогу, чем страдавшие у себя дома от малоземелья и безработицы великороссы. В силу этих обстоятельств носителями диктатуры пролетариата, двигателями науки и техники в этих республиках и областях являются в значительной мере великороссы, слабо связанные с массой тюрко-язычного крестьянского большинства. В этом кроется немало затруднений для дальнейшего советского строительства. Социализм может быть осуществлен лишь при условии равновесия и тесной связи крупной индустрии и сельского хозяйства, следовательно, при условии тесного союза города с деревней, пролетариата и технической интеллигенции с крестьянством. Интересы социалистического строительства властно требуют переброски мостов между промышленными центрами и сельско-хозяйственной периферией. Наряду с великорусской интеллигенцией и квалифицированными рабочими должны вырости кадры столь же квалифицированных работников из коренного населения. Эта новая сила, связанная общностью с крестьянским Hinterland'ом и являющаяся необходимейшим элементом в социалистическом строительстве, может расти легче, если в основу школы, прессы, литературы и общественной жизни будет положен такой литературный язык, который наиболее близок к разговорному языку т. н. «простого народа». С этой точки зрения наиболее здоровой является точка зрения языковых народников-демократов. Только такой язык, не засоренный арабско-персидскими и европейско-русскими варваризмами, может содействовать успеху политического, сельско-хозяйственного и школьного просвещения трудящегося большинства насе-

ления. С этого нужно начинать. В дальнейшем изложении мы выскажем мнение, в какой мере и на каких условиях необходимо допустить некоторое количество варваризмов в целях обогащения языка.

Необходимо рассмотреть теперь, какие возражения могут быть приведены против возврата литературного языка к народному. Первое затруднение возникает при выборе диалекта или говора в данной стране как основы нового литературного языка. В каждой республике, например Узбекской, имеются различные говоры,–то же самое в Азербайджане и других местах. Если мы будем демократами на все 100%, то тогда объединенного литературного языка в пределах одной нации не будет, а останутся уездные или волостные диалекты и говоры. Естественно, при этом нельзя выйти за пределы букварей и стенгазет. Следовательно, в пределах одного языка необходимо либо найти нечто среднее или общее всем диалектам и говорам, либо, как об этом свидетельствует повсеместный исторический опыт, за основу берется одно из наречий, обыкновенно столичной провинции, дополняемое постепенно–через художественную литературу и периодическую печать–словарными богатствами соседних наречий.

При нынешних условиях, как уже было сказано выше ждать исторического накопления провинциализмов только этими путями нет надобности. Эту работу должны проделать в более короткий срок и более планомерно совместными усилиями научные организации: государственные терминологические комиссии, литература и периодическая печать. Большую помощь в создании близкого народным массам литературного языка, могут оказать толковые словари живых народных говоров, составляемые под руководством ученых лингвистов, при участии сельского учительства в качестве наилучших собирателей словарного материала на местах.

Противники народного языка всегда твердят: о его бедности, даже нищете, стало быть, о неизбежности введения в литературу огромного количества варваризмов. Но при внимательном изучении народного языка окажется, что это не совсем так.. Термины для, анатомии и медицины в значительном количестве можно

найти готовыми у мясников, коновалов и знахарей, для агрономии и ботаники–у земледельцев, бахчевников, садоводов; по зоологии–у охотников и рыболовов и т. д.

В случае отсутствия готовых слов для выражения сложных понятий – в интересах сохранения популярности литературного языка–полезнее всего прибегать к словообразованию из корней родного языка пообразцу dəmir-jol. Осмеянные арабистами термины типа jer-bil («землю знай») не следует отвергать, но поправить их: в jer-biliq («землеведение»–география); jyldyz-biliq (астрономия), sy-biliq (гидрология), daz-biliq (петрография) и т. д.

Нельзя, конечно, скрыть, что и после всестороннего использования диалектических богатств народного языка, все же в нем окажутся пробелы могущие быть заполненными только заимствованием из других языков. При этом необходимо соблюдать следующие условия:

1) заимствуемое слово не должно выходить из границы определенных звуков, свойственных заимствующему языку (например: не должно заключать в себе аффриката Ц);

2) в заимствуемых, словах могут быть лишь такие сочетания и чередования звуков, которые свойственны заимствующему языку (например, слово: не должно начинаться согласным дифтонгом);

3) заимствуемое слово должно укладываться в правило сингармонии;.

4) необходимо строго сохранять общий стиль языка в интересах психо-физиологической экономии сил говорящего.

Легче всего принимаются в данный язык слова из языков, отличающихся такими же фонетическими законами. Для каждого тюркского языка таковым является всякий другой тюркский язык, особенно если он относится к одной группе с заимствующим языком. Для азербайджанского языка таковыми являются языки югозападной группы (прежде всего туркменский, затем анатолийско-турецкий и крымский), для казанско-татарского–башкирский, мишарский и др.

Вторым источником заимствования могут служить западно-европейские и русский языки. В заимствуемых словах, если ударение стоит не там, где полагается, то его нужно переставить на

последний слог. Затем нужно его сингармонизировать. Если, например, это слово не соответствует сингармонии, то требуется соответствующая переделка. Если мы берем немецкое слово, где буква «ц» не согласующаяся с тюркской фонетикой, эта согласная переделывается в «ч», «дз» в «дж». Надо следить также и за тем чтобы не было согласных дифтонгов в начале слова: тюркский язык не терпит согласных дифтонгов. «Рза» переделывается в-«Ирза», «Риза» и т. д.То же самое можно делать с европейскими языками.

Среди нащей азербайджанской интеллигенции происходит спор, можно ли, в азербайджанский язык вводить сокращенные слова: как «командарм», «исполком», «НЭП», «ВЭС» и т. д. Мы глубоко убеждены, что нетолько можно, но и нужно, потому что сокращенные слова в минимум времени выражают максимум смысла. Сокращенные слова начали появляться; в Германии еще до войны в эпоху бурного развития капитализма. В России, если вы помните, сокращенные слова стали появляться в эпоху мировой войны. В военной технике необходима лаконичность, необходима экономия времени. «Главковерх», «командарм», это слова не советские. Это слова до-советские. Советская власть породила еще больше новых слов. По этому же образцу неизбежно пойдут и языки тюркские. Теперь относительно арабских и персидских слов. Я противник этих слов. Я считаю, что это просто наследие религии, и больше ничего, и потому я считал бы возможным оставить в тюркском языке только такие термины, которые выражали бы собой только религиозные понятия. По скольку мы церквей не закрываем, людям не запрещаем веровать, то как раз можно было бы оставить для религиозных понятий : такие слова, какг «Аллах», «шайтан», «мулла», «ахунд», «намаз», «хаджи»– из арабского-языка; «дервиш», «абдест», «афтаба»-из персидского языка, но как общее правило–необходимо термины из иностранных языков брать в крайнем случае, только в том случае, если, использованы все возможности своего языка. (Апплодисменты).

О системе научной терминологии

[Перевод с тюркского]

Чобан-Заде. Постараюсь дать выводы из своего доклада. Я, основываясь на разборе взаимоотношений терминологии европейских народов, пришел к следующему выводу: основы взаимоотношений европейских народов в области терминологии показывают, что в научном языке европейских народов уже выработалась единая научная терминология, так что любой специалист по любой области может без труда об'ясниться со специалистами других национальностей. Например, турецкий врач, получивший на европейской основе образование, с европейской терминологией, он поймет рецепт и язык французского или английского врача. Тоже самое в области лингвистики и в других областях науки. Основами, которые дали эти результаты, по моему мнению, являются: единство системы научной, это язык схоластики, так сказать, латинский. Потом общность основы Ренессанса, эпохи Возрождения в смысле терминологии. Конечно, я говорю: тесная связь между языками европейских народов, принадлежность их к одной семье языков–индо-германской, что с морфологической точки зрения имеет, по моему, громадное значение. Потом тесная связь, цельность европейской истории, против оторванности азиатской.

Если возьмем наиболее важные, наиболее выдающиеся периоды азиатской истории, период монголов, период гуннов, или период тимуридов, период, например, расширения ислама, то этими периодами вся Азия не охватывается целиком так, как, например, французская революция или революция нашего времени охватывает другие события до французской революции, как например, реформация, или анти-реформация охватывают все европейские народы. База этой тесной связи лежит в единой экономике, в тесной связи европейских народов. Это дает общность научно-культурного языка, но, вместе с тем, я предлагаю, во избежание излишних справок, другое явление. Например, о существовании отдельной оторванной научной терминологии у других народов, у других рас. Например, я указал на венгерский язык, где слова «электричество», «конституция», «доктор», «интерна-

ционал», «университет» и т. д., и т. д. существуют на подлинном венгерском языке. Вы найдете таких венгерских образованных людей, которые имеют высшее образование и не знают иностранных языков, потому что они, в силу своей культурности, перевели весь научный литературный материал на свой язык с соответствующей терминологией.

Переходя к тюркским языкам, я сказал, что у нас имеются три общие базы для нашего словаря в нашем лексиконе. Во-первых, обще-тюркская база, хотя мы в других вопросах говорили о различиях, существующих между тюркскими диалектами, но это было сделано для того, чтобы определить взаимоотношения тюркских диалектов, различия между друг другом, но, кроме этих различий, остается громадный материал, громадное количество заимствованных черт и особенностей, которые составляют общую базу между этими тюркскими диалектами. Эта база должна быть принята во внимание при составлении терминологии.Это общетюркская словарная база.

Затем есть другая база, хотя тов. Зифельдт выступил против этих терминов, слов «духовенство» и т. д. Каким бы путем ни пришли к этому наши языки, но факт, на который я вчера указал в своем выступлении, что нельзя наши языки определять только с точки зрения агглютинации, или с точки зрения сингармонизма,– это касалось бы только части наших языков. Даже, я скажу, такой более чистый язык, как казахский, имеет уже громадное количество иностранных чужих элементов, как своих родных. У нас сингармонизм или агглютинация, свойственные чисто тюркскому языку, нарушены заимствованиями из арабского, персидского. Наш язык не есть в обшей сложности, принимая во внимание это заимствование, язык чисто тюркский, и поэтому он целиком не подчиняется основным правилам законов агглютинации и сингармонизма.

Здесь я указывал на то, что, за исключением чувашей и, отчасти, якутов, которые подпали под это влияние, как, напр., куманы, они не будучи мусульманами, все же имели массу слов европейских и персидских, благодаря близости с другими соплеменниками, которые подпали под влияние ислама, но я выделяю их из общей

сложности. За исключением чувашей и якутов, у нас есть другая база на почве заимствований персидских и арабских, напр., возьмите язык Али-Шир Неваи, 500-летие которого мы будем праздновать завтра вечером, возьмите язык любого османского классика 15-16 века, Бакия, Набия и Надема–они сходны и понятны нам благодаря, отчасти, заимствованиям арабским и персидским, которые фигурируют в их терминологии.

Что же касается чисто тюркской части в чагатайской форме, или османской формы слов, то они расходятся друг с другом, в особенности чагатайские элементы и османские у этих классиков расходятся.

Третья общая база, на которую мы должны обратить внимание при создании терминологии, это есть наша общая ориентация в области восприятия научных понятий, научных концепций и вместе с этим принятие их названий, терминов, этой европейской ориентации. Ни один народ, даже с границ Китая, не ориентируется на Восток, а ориентируется на Запад. Япония слишком изолированная область, чтобы она могла влиять на дальне-восточные тюркские племена. Начиная с якутов и далее, мы имеем ориентацию на европейскую культуру, на европейскую цивилизацию. Это тоже общая база. Я выделяю три таких базы–обще-тюркскую, арабско-персидскую и европейскую.

Основываясь на этом, я, с вашего разрешения, выбрасываю еще несколько тезисов и перехожу к своим выводам. Я думаю, что термины имеют двоякое значение: во-первых, имеют научное значение и, во-вторых, педагогическое значение. Мы без терминов преподавать в школах и писать научные книги не можем. Это надо зафиксировать, и если это так, то с терминами мы можем ориентироваться пока, сообразуясь только с нашим научным положением и нашими культурными условиями, мы можем взять только педагогическую сторону, потому что мы уже имеем известные формы, известные ступени тюркских школ, главным образом школ II-й ступени, школ I-й ступени. Наверное, через несколько лет у нас уже настанет насущная необходимость создания терминов для школ III-й ступени, т. е. для ВУЗ'ов. Я исхожу из такого положения и оставляю пока научную сторону вопроса, тем более, что педа-

гогическая сторона вопроса в такой постановке, по моему мнению, охватывает все научной важности вопросы, не упуская из виду даже исследовательского момента.

Теперь я подчеркиваю один момент, очень важный с нашей общей восточно-мусульманской точки зрения. До сих пор, как было у греческих и арабских филологов, богатым языком считался тот, в котором одно слово имеет десять значений или, наоборот, десять слов имеют одно значение. Мир Али-Шир-Неваи ставит в достоинство тюркского языка, что одно слово «гёк» имеет 5-6 значений, и, наоборот, есть другие такие слова, когда 10 слов имеют одно значение. Это так называемые омонимы и синонимы, выдвигаемые как богатство языка.

Научная терминология, как мы говорили, подобно принципу алфавита, требующему, чтобы каждому звуку соответствовала отдельная буква также требует, чтобы против каждого понятия стояло отдельное слово без смешивания их между собою.

Теперь, исходя из нашей школьной системы, я опять-таки свои выводы, к сожалению, делаю без обоснования,–но всетаки для школы I-й ступени придется легализировать проделанную на местах работу и ориентироваться на местные выражения. Мы должны выдвинуть для первой ступени только живую речь, как это сделал в Казани Ибрагимов, Байтурсун в Казакистане, Одабаш–в Крыму, и должны легализировать эту местную терминологию. Я даже беру во внимание работу Азербайджанской Терминологической Комиссии. В создании терминологии мы должны ориентироваться на местные языки, в особенности в их фонетической форме, т. е. в произношении и морфологии этих слов. Я не упускаю из виду терминологии тех дисциплин, которые проходятся в школах I-й ступени–географии, математики и других элементарных дисциплин, но я полагаю, что и в русских школах I-й ступени в первое время употребляются чисто-русские термины и постепенно в школах II-й ступени прибавляются термины европейские, во всяком случае чужие термины, например–«водород», «кислород». Если русский ребенок знакомится впервые с этими словами по русской терминологии, то в гимназии он водород уже называет–«гидрогеном», а кислород–«оксигеном». Если это так прак-

тикуется в русских и других европейских школах, то я думаю, что мы без всякой опасности можем принять наши чисто местные термины, например, прекрасную терминологию дал Байтурсун для казакской грамматики. Для лингвистических работников школ II-й ступени нужно немного иначе изменить свою базу и свои термины, и здесь, в школах II-й ступени, я выдвигаю групповые черты языков. Например, казахский или башкирский язык должны быть взаимно приняты в таком случае во внимание. Нельзя забывать также казахским терминологам взаимоотношений их языка с диалектом узбекским; то же самое азербайджанские терминологи должны брать во внимание османскую терминологию. Я, конечно, выбрасываю эти «камусы»–словари, которые, по моему мнению, противоречат всяким принципам, они созданы обществом «Сочинений и переводов». Эти камусы выдвигают такие арабские термины, которые забыли даже сами арабы. Я не такую терминологию беру, но такую, которая проходится в учебниках психологии и философии. Мы все, тюркские народы, должны готовиться к созданию научной терминологии и к переходу к европейской классической литературе. Для этого мы должны брать 3 основы: мусульманскую, арабско-персидскую, обще-тюркскую и европейскую. Конечно, в отношении европейской части мы должны ориентироваться на единый источник. Если мы берем греческую основу, то все тюркские народы должны эти слова брать в греческой форме. Этот вопрос определит мой содокладчик, тов. Зейналлы, который изучал этот вопрос подробно.

Что касается тюркских слов и персидско-арабских, здесь мы с легким трудом могли бы избегнуть много недоразумений и трудностей. Так, например, я укажу на существование, для обозначения слова «председатель», шести-семи терминов, которые понятны всем нашим народам, но в Узбекистане употребляется один термин, в Азербайджане другой–арабский и т. д.; или возьмем, например, обозначение слова «центр», «помощник председателя», или другие такие понятия, в особенности административные,–всюду изобилует наша терминология такими параллельными словами.

Наконец, я перейду к предложениям. Первое. Необходимо создать обще-тюркское научно-переводческое бюро, которое рабо-

тало бы не по заданиям Наркомпроса или административных органов, а с целью изучения классической европейской литературы, разрабатывало бы научный язык и фиксировало бы значение особых выражений и т. д. У нас на тюркском языке не выработалось пока особых приемов определения значений различных необходимых научных выражений. У нас отсутствует обще-научный язык, но для этого имеется база. Например, как пишут казанские, османские, азербайджанские писатели? Стиль научный у них одинаковый, общая чагатайско-османская база, и тут нетрудно приблизить их стиль. Второе предложение мое заключается в организации научно-тюркологического Комитета, который бы учитывал работы комитетов местных,тем более, что в уездах существуют тюркологические комиссии, общества и т. д., и они имеют готовые работы в форме словарей, например, в Татарстане и Азербайджане, а также в Турции. Такой комитет выдвигал бы определенные планы, задания и согласовывал бы терминологическую работу этих местных комитетов. (Апплодисменты).

О системе научной терминологии по тюркским языкам.

I. Введение (историческая справка)

Зейналлы. До 1917 года на тюркских языках небыло строго определенной, более или менее выработанной терминологии для научных понятий. Каждый переводчик, каждый автор употреблял тот термин, который, по его мнению, мог соответствовать определенному понятию, напр., слово «труд» употреблялось в 5-ти формах– أمك، زحمت، چاليشما، سعی، مساعی، И никто не задумывался над однообразием (не говорим мы о том, насколько они соответствовали или не соответствовали подразумеваемым понятиям). Социально-экономические требования жизни были настолько чужды для известных слоев нашего образованного общества, оторванного от массы, что не заботились, поэтому, об идее установления общей, однообразной терминологии для тюркского народа. Наука и художественная литература находились в исключительном распоряжении этой привиллегированной части общества и служили

их интересам и вкусам. Ныне, когда на арену общественной жизни выдвигаются широкие слои рабочих и крестьян, должны быть сняты все преграды между достижениями науки и «черным людом».

Потребность создания как оригинальной, так и переводной научной литературы заставляет каждую республику позаботиться об установлении на родном языке однообразной и устойчивой терминологии. В целях достижения этого выдвигаются различные точки зрения, разные ориентации, разногласие между которыми не улеглось еще и по сие время. Поэтому является настойчивая необходимость авторитетного и вдумчивого вмешательства, которое дало бы определенное направление лучеобразно расходящимся линиям. Вот почему данный вопрос поставлен в порядок дня настоящего С'езда.

II. Отсутствие единой классификации тюрко-татарских. языков, имеющих значение для данного вопроса

Сравнительное изучение корней, словообразовательных приставок и других грамматических изменений тюрко-татарских языков дает нам основание сказать, что, хотя эти языки, по своему строю, не так противоположны, но все же нет возможности создать единой во всех отношениях терминологии, вследствие различных условий жизни, создавших неодинаковые говоры. Но этим, однако, думается, нельзя отрицать возможности создания групповой терминологии для трех-четырех главных ветвей тюркских наречий, все же остальные подгруппы, подходящие под ту или другую ветвь, связать с одной из них.

Соответствующее близкое соприкосновение разных тюркских племен с теми или другими народностями оставило такой глубокий след на диалектах этих племен, что отдельные работники, вопреки требованиям закона своего языка, держатся и теперь совершенно неподходящей ориентации («арабско-персидская» в южно-тюркской и русская в северной тюркской – в частности Турция, Азербайджан, с одной стороны, и Татаристан, с другой). Данная аномалия, также и «возврат» к отжившим свой век словам

должны быть устранены, ибо как первая, так и второй окрашены чрезмерной искусственностью. Мы не говорим о тех словах, которые, вследствие сильного влияния чуждого языка, принуждены были выйти из шеренги родного. Подобные приемы, такая искусственность может оторвать нас, во-первых, от мировой техники и экономики, во-вторых, введет путаницу в мир понятий. Вот почему необходимо точнее определить целесообразную классификацию тюркских наречий и создать для них единообразную систему принципов для установления устойчивой терминологии.

III. Предлагаемые нами руководящие принципы

1. Принимая во внимание почти одинаковое социально-политическое и экономическое положение тюркских народностей, нужно сказать, что самая система установлений терминов и их источники приблизительно должны быть одинаковыми. Вследствие беспрерывного экономического, культурного роста, связанной с ними производительности страны и требования жизни–вооружиться умением самооуправления,–сознание обогащается новыми понятиями, для которых необходима родная словесная оболочка. Следовательно, на первом месте должно стоять творчество самого народа.

2. Также надо пока оставить право существования в нашем языке тех научных терминов арабско-персидского происхождения, которые заменить родными формами не представляется возможным. Это–во-первых. Во-вторых, из указанных персидских терминов оставить лишь ту долю их, которая понятна массе. Сознавая неминуемость того, что мировая культура в смысле экономики и техники должна быть воспринята всем Востоком, в частности тюркскими народностями, рациональнее и целесообразнее будет не создавать терминов на народном языке для научных понятий в большинстве дисциплин, касающихся этих двух областей, а принять имеющиеся готовые термины, общие для всего культурного мира; не знаю, насколько будет правильно заменить слова: «мотор», «динамо», «социализм», «трест», «синдикат», словами родного языка. Уместно будет привести мысль первой термин, ко-

миссии о том, что «необходимо выбирать термины дисциплин из той страны, где она более всего разработана» (например, хозяйственно-экономические из Англии, уголовные из Франции, философские из Германии и т. д.). Соглашаясь с приведенным мнением, вынужден буду разбить общеевропейские термины на две категории: 1) на термины, принятые всеми народностями Европы без всякого изменения (напр., метан, этан, фенол, ацетил, ихтиозавр, бронтозавр, базофилл, эйзенофилл и пр.), 2) те термины из общей основы, но приспособленные к каждому языку и, отчасти, переведенные. Следовательно, *общеевропейские термины первой категории должны быть приняты в том же виде, а вторая категория должна быть создана на родном языке, за исключением лишь тех, для которых подобрать или производить подходящие оболочки на тюркских языках пока невозможно,* что было выше сказано по отношению к арабско-персидским терминам. Но считаю долгом-оговориться, что те термины из второй категории, которые будут приняты, должны быть, по возможности, приспособлены к требованиям тюркских языков. Во всяком случае возврата к арабско-персидским терминам не должно быть. Между прочим, укажу на выработанные принципы, которыми руководилась вторая Азербайджанская Терминологическая Комиссия, а именно: 1) Сделать термином тюркское слово, если оно общепонятно, и давать такому слову предпочтение перед арабскими, персидскими и проч. словами. 2) Если не имеется общепринятого тюркского слова, то термином можно принять существующее на тюркском языке и общепонятное арабское или персидское слово, с условием подчинения этих слов правилам тюркской грамматики. 3) Термины, принятые на большинстве европейских языков, принимаются нами без перевода, во французском или итальянском произношении этого слова. 4) Буквальных переводов не делать и не создавать новые непонятные слова, прибегая к этим мерам в самых исключительных случаях.

IV. Необходимость определения пределов научного языка

Как известно, язык науки до сих пор настолько был узкоопределенным, что смысл его слов мог понимать только работник дан-

ной дисциплины, и этим большею частью гордились «жрецы науки». Но теперь наука, выходя за пределы тесных кабинетов и становясь достижением широких слоев, ставит нам определенные требования: покуда создается новый научно-литературный язык для тюркских народностей, не следовать примерам до-революционных школ, т. е. выработать термины из слов, употребляемых среди этого народа. Эта работа не может быть выполнена одним ударом, а–длительная и кропотливая, касательно качеств ее.

Подходя близко к языку широких масс тюрко-татарских племен, мы замечаем, что иногда одна или та же категория понятий имеет ряд названий وجود، جەلیم، اندام، بدن، جان (тело и телосложение) или, наоборот, одно и то же слово соответствует целому ряду понятий, напр., алмак–дан (лан), дутмак–чун (учун).

Конечно, нельзя сказать, что все это говорит за красоту и за богатство языка; наоборот, это показывает, насколько разрозненно жили отдельные группы, что возник в языке такой хаос понятий. Но при создании единой общереспубликанской научной терминологии придется вести определенную систематическую работу над языком и в данном отношении. Тут, по-нашему, можно установить три принципа:

1. При установлении научной терминологии из родных тюркских слов, не нужно забывать общегрупповую особенность данного говора, чтобы не терять связи с остальными членами этой группы.
2. Брать в основу наиболее распространенное из них и лучшее, если такое удачно зафиксировано в произведениях литераторов, в широком смысле этого слова.
3. Брать наиболее соответствующее понятию, не забывая при этом благозвучия.

V. Какова должна быть конструкция принятых терминов

На этот вопрос мы отвечаем так:

1. Принимать с иностранных языков только их корни. Принятые уже слова из иностранных языков и приспособленные к тюркской артикуляции, в смысле перемещения слогов в корне или некото-

рого изменения последнего, должны оставаться в таком же виде.
2. Все последующие этимологические, так сказать, наслоения, связанные с этими корнями, подчинить природе тюрко-татарских наречий, т. е. к этим корням должны быть прибавляемы частицы и приставки, свойственные тюркскому языку.
3. При создании термина для данного научного понятия, конечно, в громадном большинстве случаев трудно бывает подыскать в языке соответствующее готовое живое слово, с точностью передающее лишь это понятие. В таких случаях должно брать слово, имеющее много значений в языке, в одном лишь из последних, ближе остальных подходящее к данному понятию. В этом отношении тюркский язык не оставляет желать лучшего.

Обоснование этой конституции

Общий взгляд на семейство тюрко-татарских языков дает возможность нам обосновать вышеприведенные принципы:

1. Наши языки характеризуются силлабичностью, сингармонией гласных в известном отношении и даже ударениями; в основе они являются языком корней. Например:
2. Все приставки, частицы и послелоги, прибавляемые к корням слов, так приспособляются к конструкции их, так с ними сливаются, что охотно подчиняются всем изменениям, вытекающим из физической природы этих корней. Такая их гибкость значительно облегчает произношение слов, сообщая им удивительную легкость, не говоря о том, что эти частицы и послелоги придают корню тот или другой смысл и оттенок. Поэтому и надо к корням иностранных слов прибавлять именно тюркские словообразователи, как это было указано выше.
3. Тюрко-татарские языки являются языками действий, т. е. глаголы этих языков являются фундаментом, на котором можно создать массу форм. Так что, имея такой богатый материал отглагольных форм, можно смело отказаться от множества иностранных терминов, касающихся таковых.
4. Тюрко-татарские корни, за исключением 0,3–0,5%, все имеют глухие окончания. (По словарю Радлова, из 14.738 слов

только 35, а по Ш. Сами, из 15920 арабско-персидско-тюркских слов, употребляемых в литературном языке, только 73-80 слов имеют гласные окончания). Можно сказать, что природа , этих языков не признает открытых гласных окончаний, если они не гармонизированы с предыдущими, как, напр: фабрика, контора, группа, система в тюркском языке произносится как: фабрык, гянтур, груп, систем.

Точно так же природа этих языков не терпит сочетания ряда согласных (р, с, ж и пр.), как в начале, так же и в средине слов, так как они мешают выговору и расположению слогов в духе языка), и если попадаются таковые из иностранного лексикона, то народ или придает им лишние гласные, или же в разговорной речи опускает один из согласных, иногда переставляет места слогов, чтоб создать удобную для себя артикуляцию, например:

Рiштä ريشته , лимон ليمون, Степан ستەپان , Рза رضا , Ризван رضوان , Стамбул ستامبول , стакан ستاقان ,

принимают лишнюю гласную в начале и становятся такими:

Эриште, илимун, Истепан, Приза, Иризван, Исламбул, Истäкän, ئەريشتە، ايليمو، ايستەپان، ايريضا، ايريضوان، اسلامبول، ايستەكان،

но слова:

Иштiha, Чahap-паи, Шеб- пäрä, Täр-у-тазä, ШаЬадет, мензил, дüрüст, اشتيها، جهار ـ بايى، شب پره، تر و تازه، شهادت، منزل، درست،

Икрар, патента, бафите, вокзал становятся:

اقرار، پاتەنتا، بافته، واقزال،

Ыштаha, чар-паы, шо-па-раг, тäрä, Шahат (или Ша-ыт), мез-кил, дüрüс, اشتاها، جاربايى، شوپەرەك، تەره، (تەره ياغى)، شاهات، مەزكيل، دوروس،

Ил-кар, патент, бафта, ваз-гал.

ايلقار، پاتەنت، بافتا، واز ـ قال،

4. Не нужно забывать, что язык нашего народа не так то беден, как это кажется многим из нас. Яркой иллюстрацией этого может служить семасиология тюрко-татарских языков.

Например, следующие слова имеют массу значений:

ачмак	— 18	агыр	— 6
ачык	— 15	агыр-лашмак	— 4
атмак	— 22	агырлык	— 14
Ара	— 11	Агыс — (3)	— 5

Арка	— 8	Босмак	— 20
Чыкмау	— 26		

и если принять во внимание, что различные суффиксы тюрко-татарского лексикона придают разнообразное значение (понятие) одним и тем же корням, то можно быть уверенным, что глубокое изучение своего языка даст не мало материалов для выработки научной терминологии.

Только тщательное и бережное отношение к законам языка может приблизить выработанные термины к народным массам и тем самым усилить темп приближения тюрко-татарских народов к мировой культуре.

VI. О сокращенных словах

Остается еще один интересный вопрос в области терминологии. Это касается всевозможных сокращений и сливании двух и более слов в одно целое. О них приходится говорить постольку, поскольку комбинированные слова сами по себе становятся терминами; конечно, в таковых нужда имеется, поскольку в революционную пору приходится прибегать к таковым. И в нашей периодической и непериодической литературе имеется ряд комбинаций, как, например: Иджраком اجرا قوم (Исполком), Азмык آذميق (АзЦИК), Азериттифак آذر اتفاق (Азсоюз), Азернешр آذر نشر، (Азгиз), Азербалык آذر بالق (Азрыба), Азернефть آذر نفت، (Азнефть), I3CI (СССР), но все это, как видите, представляет из себя ничтожное исключение, и то сплошное наименование различных учреждений. Этой болезни не избег и русский язык, над чем зло смеялся Владимир Ильич Ленин. Нам же остается сказать, что никто не имеет права с такой легкостью создавать новые слова, которые будут, во-первых, непонятны самому народу, во-вторых, в разных словах будут разные гласные, сочетания каковых опять выведут нас из подчинения законам тюркского языка.

Поэтому, мы думаем, что необходимо, по возможности, избегать таковых сокращений. Но, во всяком случае, нужно быть в этом от-

ношении очень чутким к потребностям хозяина этих языков, т. е. к широкой тюрко-татарской массе.

VII. Выводы

Таким образом, мы приходим к следующему:

1) Нужно отбросить всякое кустарное отношение к выработке терминологии и заняться научной постановкой вопроса в смысле выработки общих принципов для всех групп тюрко-татарских наречий.

2) В основу системы научной терминологии поставить групповой принцип этих языков.

3) В выработке терминов значительный процент должен быть за тюркскими словами, причем ассимилированные народом арабско-персидские слова пока должны быть причислены к тюркским. В данном отношении может гордиться Азтермикомиссия, которая в этой области % тюркских слов в биологической дисциплине довела до 80, а в гуманитарной до 50.

4) Необходимо установить пределы научного языка, ибо без установления таковых не будет единого целого в точном смысле этого слова.

5) Необходимо, с одной стороны, учесть влияние принятых иностранных терминов на наш язык, а, с другой, выработать грамматические условия подчинения этих слов тюрко-татарским наречиям, не вводя варваризации в эти языки, как, например, от слова «сеадет» нужно получить саадетлы, а не месуди и проч.

6) Для дальнейшей проработки всех деталей и научного руководства в духе решений этого с'езда и претворения в жизнь его постановлений, необходимо иметь определенный научный центр, каковой сумеет разрешать проблемы практической терминологии. (Апплодисменты).

Тезисы доклада «Терминология на тюркских языках»

Одабаш. 1. Каждый социальный переворот, каждое новое движение, появление каждой литературной школы и, вообще, каждое

новое открытие и изобретение требуют образования в языке массы новых слов.

2. Новые слова, в которых чувствуется потребность, появляются в языке преимущественно следующими путями:

1. Опираясь на основные законы данного языка, новые слова вытекают из имеющегося в данном языке собственного лексического материала. Работа эта может идти по следующим направлениям: а) введение в употребление давно забытых слов (архаизмов) или в старом их значении, или в новом смысле: курултай (с'езд, учредительное собрание), билик (наука) и т. д., б) составление новых слов из материала живого языка: Башкарма–Исполнительный Комитет (Казань), кызлы гидиш–большая скорость (Азербайджан), ал байлык – первоначальный капитализм (Карачай), кочуруль-тай – правление (Крым) и т. д., в) употребление слов живого языка в узком специальном смысле, близком, на первый взгляд, к первоначальному значению этого слова, например: муче (член общества), баш (руководитель, председатель), байлык (капитал), бирлик (союз).

II. Новые понятия выражаются словами тех языков, с которыми данный язык имеет определенные социально-исторические отношения. Если мы обратимся ко всем существующим, нам известным, культурным языкам, то заметим, что в этом отношении существует два направления: 1) новые слова для специальных понятий в европейских языках черпаются, главным образом, из латинского и реже греческого языков; научные термины в языках русском, французском, английском и т. д.–на 50–60% заимствованы именно из вышеуказанных языков, 2) новые слова в языках мусульманского Востока, особенно, в тюркских языках, черпаются почти целиком из арабского и реже из персидского языков.

Начало этих двух направлений можно отнести к эпохе распространения христианской и исламской культур. В последние века, хотя религиозное влияние утратило в значительной мере свое значение, но установившееся как бы органическое родство между названными языками дает себя чувствовать и поныне в смысле заимствования из них необходимых слов.

III. Новые открытия и изобретения получают при своем воз-

никновении определенные названия в своей стране и оттуда переходят на все прочие языки в том же виде, например, «алгебра», «телефон», «самовар» и т. п.

IV. Новые слова получают свое начало от собственных имен изобретателей, ученых и т. д., например, дарвинизм, ленинизм, гальванизация, ампер-метр.

3. Язык, как живой организм, не может относиться безразлично ко всем влияниям, которым он подвергается, как со стороны архаизмов и неологизмов, так и со стороны варваризмов. Он ведет с ними упорную борьбу и старается подчинить их своим постоянно действующим законам.

4. Это явление во всех без исключения языках создает движение «пуризма».

5. Хотя пуризм в деле урегулирования крайностей вторжения в язык архаизмов, неологизмов и варваризмов и играет некоторую положительную роль, требуя осторожного и сознательного отношения к ним, все же никогда не может оградить язык от новых влияний.

6. Пуризм в разных наречиях тюркского языка проявляется в следующих видах:

а) в наречии османском и в близком к нему наречии азербайджанском « ساده‌جه دیل جویانی » –пуризм» проявляется, во-первых, в стремлении очистить эти наречия от влияния законов арабского и персидского языков (от теркибов, от законов согласования между существительными и прилагательными, от разных суффиксов арабского и персидского языков); во-вторых, в стремлении очистить эти наречия от обилия арабских и персидских слов. Такое движение в данных наречиях хотя полного успеха не имело, но оказало на них достаточное влияние в смысле их изменения;

б) в наречиях крымских татар, туркменов, казаков, карачаевцев, узбеков и приволжских татар и т. д. пуризму не пришлось столкнуться с влиянием на них законов арабского и персидского языков; ныне в этих наречиях почти не существует этого влияния.

В настоящее время замечается в этих наречиях большое стремление создать свою отдельную научную терминологию, что большею частью приводит к крайностям провинциализма.

Возникшие после Революции 17-го года органы народного образования автономных тюркских Республик и областей принуждены были, наряду с инициативой отдельных лиц, в силу целого ряда причин, вести и работу в области разработки научной терминологии, которая привела, в известной степени, к обособленности родственных по своей основе тюркских наречий, анархии и хаосу, выдвинула нежизненные даже для данной среды термины и не дала положительных результатов.

8. Малочисленные тюркские народности, как-то: балкары, карачаевцы, кумыки, крымские татары, тюркмены, башкиры и т. д., насчитывающие в своих рядах от 30.000 до 11/2 миллион, населения, естественную свою культуру и научную литературу со своей обособленной терминологией создать не могут. Если сейчас даже популярные издания, в силу низкой грамотности этих народностей, себя не окупают, то и научная литература, при более высоком уровне грамотности, в последующем на это также расчитывать не может. Поэтому в вопросах создания научной терминологии видна полная необходимость присоединиться этим народностям к наиболее сильным в численном и культурном отношении тюркскими группам.

9. Хотя численность казаков, узбеков и азербайджанцев сравнительно и велика, но принимая во внимание, с одной стороны, элементарное состояние их материальной культуры, недостаточное развитие у них издательского дела, с другой стороны, отсутствие и у этих народностей прочной установившейся научной терминологии, приходится признать необходимость совместных усилий всех, и больших и малых тюркских народностей, в вопросах создания научной терминологии.

10. Если стоять на такой плоскости, то исходными принципами, при создании научной терминологии, по моему мнению, должны быть следудующие:

а) оставить научные термины тюркских языков, вошедшие в них в силу социально-исторических причин из арабского и персидского языков, предварительно пересмотрев и подчинив их единообразной форме начертания и придав одинаковое значение для всех тюркских народностей.

Стремление некоторых отдельных тюркских племен заменить местными словами отдельные арабские и персидские термины, получившие в некотором отношении права гражданства в этих наречиях и являющиеся как бы интернациональными,–считать нецелесообразным:

Инклаб–(революция)–алмашку, алмашу, дечишме и т. д.

Ихтар–(примечание)–искерме, эсте, олсун и т. д.

Сермайе–(капитал)–байлык, пара, и т. д.

Илаве–(добавление)–кошумта, баглама.

Меджлис–(заседание)–отуруш, топлануш, дживи и т. д.

в) При условии составления новой терминологии надо пользоваться предпочтительно материалом из тюркских же наречий, опираясь на законы тюркского языка.

с) Некоторые суффиксы арабского языка при составлении новой терминологии могут быть применены в словах, заимствованных из того же языка, как-то: суффиксы:

Например: Гужтыма–(собранн.), иджтымай–(социальный).

Иджтымает–(социальных), иджтымаят–(социология).

Ыктысад (экономия), ыктысады (экономический), Ыктысадийат (экономика).

Тюрк, тюрки, тюркият.

В виду давнего употребления этих суффиксов в тюркских языках, они как бы органически слились с ними. Такой порядок вещей можно наблюдать и по отношению к чисто тюркским корням. Например:

Ашайт–«еда».

Китишат–«поведение».

11. Принимая во внимание отсутствие всякой социально-исторической близости между тюркскими и латинско-греческими языками, мы сомневаемся в возможности принять и такие общепринятые в европейских языках словообразовательные суффиксы, как изм, логия (ложи), ация, (ассион), ист. Среди тюркских языков мы до сих пор не имеем более или менее значительного числа случаев, когда такие окончания применялись бы в живой речи; отдельные слова с подобными частицами, вроде «коммунизм, коммунист, организация», могут остаться среди новой терминологии, как

обыкновенные варваризмы.

12. В области современно-технических знаний наблюдается большой наплыв в тюркские языки западно-европейских терминов, как: «трактор, аэроплан, автомобиль» и т. д. Считаясь с этим явлением, мы должны пользоваться этими общепринятыми европейскими терминами.

13. В области абстрактно-философской и идеологической тюркские языки весьма богаты заимствованиями из арабского языка, которые могут, в большинстве случаев, удовлетворить потребности тюркских языков.

14. Местная терминология может иметь более или менее широкое употребление лишь для распространения элементарных и культурных понятий среди массы малограмотного населения. Что же касается школ, главным образом школы II-й ступени и ВУЗ'ов, то в них должна найти применение терминология, уже существующая и вновь составленная на изложенных выше принципах.

15. Вопросы тюркской терминологии во всех деталях, по моему, могут найти окончательное разрешение только в созданном специально для этой цели научном институте. Цель института– собрать имеющийся во всех тюркских областях опыт по терминологии, составить соответствующие предварительные словари, разослать таковые на места для соответствующих отзывов, собирать эти отзывы, обсуждать их и окончательно устанавливать терминологию в разных областях науки. (Аплодисменты).

Байтурсун (апплодисменты). Доклад мой будет о том, как мы, казахские научные и литературные работники, строим терминологию для литературы народа, и, во-вторых, какого принципа мы придерживаемся в выработке терминологии.

1. Основные мои мысли по выработке терминологии мною высказаны в тезисах, с которыми, полагаю, все делегаты С'езда знакомы. Настоящий мой доклад к ним ничего нового в основе не прибавит. Он будет носить скорее характер раз'ясняюший, конкретизирующий основные мысли, нежели их дополняющий. Изложенные в тезисах положения настолько очевидны, что едва ли они могут вызвать недоумение. Разве только сжатость изложения может внести некоторую неясность для правильного по¬нимания

высказанной мною мысли; поэтому я в своем докладе, базируясь на высказанных мною в тезисах основных мыслях, намерен развивать последние в пределах необходимой конкретизации.

2. То, что в наше время лучшим фундаментом жизни является культурный фундамент, и что, поэтому, вся жизнь современных передовых государств строится на фундаменте культуры, я думаю, это бесспорно. В самом деле, кто же может отрицать то, что там, где культура слаба, земля приносит меньше урожая, машины работают хуже, промышленность и торговля мало развиты, борьба с болезнью и смертностью малоуспешна, природа подчиняется мало или совсем не подчиняется, и стихийные ее силы для людей разрушительны и разорительны. В наше время культура есть глубокая жизненная потребность. Не основанная на культуре жизнь подвержена всяким случайностям. За примерами далеко не приходится идти. Еще свежи в нашей памяти ужасы голода 21-22 г. г. А сколько было таких голодовок до этого? В жизни России такие голодовки случаются часто. Чем обяснить подобное явление, при неисчислимых и неисчерпаемых природных богатствах страны? Конечно, малокультурностью населения. Всякая повторяющаяся два года подряд засуха возвращает наших земледельцев в первобытное состояние, одна только неблагоприятная зима делает то же самое с нашим скотоводством. Это определенно, со всей очевидностью говорит о слабости в нашей стране культуры, которая еще не подчинила себе природы. При высокой культурной форме земледелия и скотоводства, того, что сказано, не было бы.

3. Современная культура не есть создание одной какой-нибудь нации или расы, а результат совокупных усилий и навыков всего человечества. В культуре каждой нации, кроме собственного творения, имеются заимствования, и на смешение их культуры влияют их отношения, которые различаются с точки зрения дружественного и неприязненного. Заимствования бывают и при покорении одной нацией другой, и при мирном общении народов друг с другом. При этом сходные формы религии, обычаев, нравственности, общественной организации, сродность наклонностей, инстинктов, психологии и т. д. облегчают процесс заимствований и смешения культур.

Культура, как продолжение естественного развития в органической природе, требует для своего развития благоприятных условий. Этих именно условий для развития культуры находящихся в России тюркских народностей не было. Единственный народ, у которого они могли бы позаимствовать кое-что, оказался не имеющим никаких сходных с ними форм быта и вдобавок еще оказался господствующим, с правительственным верхом, державшимся по отношению к инородцам политики порабощения, обрусения, оправославления. Последствием этого получилось полнейшее недоверие к правительству и неприязненное отношение ко всему русскому, а, вместе с тем, и к русской культуре. С другой стороны, некоторые тюркские народности, успевшие набраться духа религизной нетерпимости, чуждались, вообще, всего немусульманского и рабски подражали всему мусульманскому, что также неблагоприятно отозвалось на развитии их собственной культуры, скажем, хотя бы литературы.

4. Русская духовная культура, благодаря политике русского правительства, до последних десятилетий не оказала никакого влияния на развитие духовной жизни тюркских народностей в России. Заимствование духовной культуры происходило между самими тюрками. Здесь-то именно пришли на помощь те сходные стороны их быта, о которых я уже говорил. Тюркские народности перенимали духовную культуру друг у друга гораздо легче, чем у русского, но только перенимать-то им друг у друга было нечего. Единственное, что возможно было им перенимать друг у друга– это учение религии и письменность. Так как ни одна область культуры так тесно не связана с духовной жизнью, как язык, то вместе с религией и письменностью стала проникать и литература духовного и светского содержания, а вместе с последней незаметно заимствовались слова из чужого языка. Языки постепенно испещрялись, терялись природные обороты и формулы; словом, получалось полнейшее засорение собственных языков. Избегнуть этого несчастья могли только те тюркские народности, где религия и письменная литература не могли пустить свои корни глубоко. Например, у казаков и киргизов религия не имела духовно-порабощающего влияния, и духовная литература большого распро-

странения среди них не имела. Благодаря этому, язык и следовал собственному ходу своего естественного развития.

5. Из сказанного видно, что на развитие культуры у тюркских народностей в России повлияли порабощенное положение их и в светской, и в духовной жизни. Теперь же, по освобождении от того и другого порабощения, тюркские народности стремятся заимствовать все стороны современной культурной жизни. Заимствуя предметы духовного и материального быта высшей культуры, они должны заимствовать и понятия, и идеи.

Для выражения этих понятий и идей лексикон родного языка далеко недостаточен. Перед всеми тюркскими народностями встала необходимость либо заимствовать слова из чужого языка, либо приспособить лексикон своего языка для выражения перенимаемых понятий и идей высшей культуры, т. е. выработать терминологию языка.

За отсутствием у меня достаточных сведений о работах по выработке терминов у других тюрков, я могу говорить лишь о положении этого дела у нас, казаков; остальных же тюрков я буду касаться лишь мимоходом, при рассмотрении вопроса терминологии с принципиальной стороны.

Как сказано в тезисах к моему докладу, до революции 1905 г. нам, казакам, печатать на родном языке ничего не разрешалось. Лишь после этой революции на казахском языке начали выходить брошюры, журналы, газеты, учебники. Рядом с этим шла работа по изучению природы казакского языка с фонетической и грамматической стороны, по реформе алфавита, соответственно фонетическим требованиям, по составлению грамматики. Словом, казахский язык за короткий промежуток времени стал принимать обработанный определенный вид, допускающий при употреблении сознательный контроль над собою.

Мы, казаки, с самого начала возникновения своего печатного слова стали держаться иного принципа, чем другие. Мы имели в виду всегда народную массу и старались, чтобы произведения печати были в полной, мере доступны всем мало-мальски грамотным казакам, а через них и неграмотным. Мы старались, чтобы каждая мысль, брошенная в толщу населения, могла быть под-

хвачена каждым, чтобы зародить в массе интерес к знанию и зарядить его сознанием для правильного понимания окружающей действительности.

Первым условием, необходимым для достижения этой цели, мы считаем доступность языка произведений для массы. В силу этого приходилось выражать на родном языке и такие понятия и идеи, которых раньше у народа не было и которым теперь поневоле пришлось облечься в казахские слова и выражения.

С развитием культурной стороны жизни и с разростанием печатного слова пришлось прибегнуть к созданию особого органа для об'единения терминов; без этого одно и то же понятие могло облечься в разные слова, в разных конструкциях. Для выработки единой терминологии у нас при Академическом Центре существует комиссия, которая, во избежание засорения языка варваризмами, должна строго придерживаться определенных принципов. Последние одобрены и приняты первым с'ездом казахских научных работников, происходившим в Оренбурге в июне месяце 1924 года. Эти принципы следующие:

а) Для терминов предпочтительно перед другими брать казакские слова с вполне соответствующим данному понятию значением. Это делается во избежание расслоения языка, т. е. для того, чтобы не получился язык верхов и язык низов, или, вернее, язык грамотных и язык неграмотных. Для нас, казаков, это имеет весьма важное значение: % грамотных у нас незначителен, организованных общественных чтений и лекций для населения у нас пока не имеется; как слушатели, так и чтецы у нас в полном смысле случайные. Для того, чтобы чтение газет, журналов, брошюр и т. п. произведений печати, где бы и кем бы не производилось оно, могло принести пользу, язык должен быть понятен для широкой публики. Только при таком положении незначительный % грамотных людей может обслужить значительное количество неграмотных.

б) В случае отсутствия в казакском языке подобного рода слов, заимствовать таковые из родственных казакскому языков. Это делается по тем соображениям что: 1) большинство слов родственных языков хотя и не имеют общих форм, но имеют общие

корни; следовательно, они и для понимания легче и для слуха и выговора не так чужды, как слова неродственного языка; 2) тюркские народности имели и имеют постоянное общение между собою, а потому большинство слов одного языка, даже без наличия общих корней, может быть знакомо представителям другого языка.

в) Общеупотребительные мировые термины могут приниматься, но с соответствующими природе казахского языка изменениями. При наличии казакских слов, могущих заменить их, должны помещаться оба, чтобы право выбора предоставить обществу. Под общеупотребительными терминами мы подразумеваем современные общераспространенные европейские термины, но не арабские. Мы принимаем их предпочтительно перед арабскими в силу того, что мы приобщаемся сейчас не к арабской культуре, а к европейской. Все достижения европейской культуры в полной мере могут быть выражены европейским же языком. Но заимствованные термины должны подчиняться нашему казахскому говору, т. е. на них должны распространяться звуковые законы нашего языка, исходящие из привычных артикуляций языка. Для того, чтобы иностранные слова сделать нашими, это необходимо.

г) Все неказакские слова, не согласующиеся с природой казахского языка, точно должны подвергаться изменениям соответственно казакскому говору. Это значит, во-первых, что во всех неказакских словах, с чуждыми казакскому языку звуками, последние заменяются соответственно нужными звуками; во-вторых, суффиксы в неказакских словах заменяются казакскими; в-третьих, двойные звуки принимаются в ординарном виде; в-четвертых, чуждые казакскому языку окончания должны измениться в пределах требуемого языком удобства произношения, например, Оренбург–Орынбор, Самара–Самар, пуховой–бокебой, покров–бокрау, Адамов- ской–Адамау и т. п.

Благодаря принципу, охраняющему язык от варваризма, мы, казаки, имеем в настоящее время единый казахский язык, т.-е. наш язык не делится на язык народный и литературный, на говор простонародья и интеллигенции. Без этого с нашии языком получи-

лось бы то же, что и с языком других тюркских народов, имеющих печатное слово с давних пор. Как говорят народные массы у анатолийских турок и азербайджанцев, мне известно. Если они говорят на том же языке, на каком пишут, то несомненно у них тюркского осталось очень мало. Тюркский элемент в их, так называемом, литературном языке представляется мне истрепанным, искалеченным, тощим грамматическим скелетом, обвешанным всевозможными чужими словами. После анатолийско-турецкого и азербайджанского наиболее испещренным языком является, по-моему, татарский язык, имеющий с давних пор письменную литературу. Это тоже один из языков, злоупотреблявших варваризмами. Узбекский литературный язык представляется мне тоже в достаточной степени засоренным языком. Крымский литературный язык тоже. У башкир литературный язык только что рождается, причем замечается стремление и у них к ограждению своего языка от варваризмов. На тот же путь вступила и туркменская литература. Одним из языков, свободных от иноязычного влияния и от варваризмов, является киргизский язык, который в отношении выработки литературного языка придерживается того же принципа, какого наш казахский.

В заключение мне остается сказать, что я нахожу правильным положенный нами в основу литературного языка принцип, потому что это есть самый вернейший путь к тому, чтобы сделать печатное слово доступным народной массе. А печатное слово, как я говорил в тезисах и говорю, играет весьма важную роль в деле поднятия культурного уровня массы. Уровень своей культуры мы должны измерять не количеством знания, накопленного в верхах, а областью распространения его в низах. При современном мировом характере хозяйства и конкурренции, борьба за существование без высокой культуры–что война безоружных с вооруженными. С каждым днем становится все очевиднее, что всякая область деятельности должна иметь свою усовершенствованную технику и специальные знания. Правильное и успешное развитие современной общественно-хозяйственной жизни возможно только при высоком культурном уровне всего населения. Крупная промышленность, составляющая особенность нашего времени, требует

высокого культурного уровня рабочих. Сельское хозяйство, составляющее основу нашего благосостояния и благополучия, требует высокого культурного уровня сельского населения. Всякого рода «зации» и «ции»–советизация, колонизация, электрификация, индустриализация и т. д.–все это такие вещи, которые требуют активного участия массы и нуждаются, в свою очередь, в гибкости и подвижности ее ума, а эти свойства не развиваются, когда человек замыкается только на одном физическом труде. Знание и труд–две неразделимые, ежеминутно сплетающиеся стороны одного и того же процесса. Знание есть орудие для активных целей человека, без знания участие массы в общественном строительстве будет не активное, а пассивное. В деле заряжения народной массы знанием большую роль играет правильно поставленное печатное слово, которое, прежде всего, должно быть доступно массе.

Это одно. А есть еще другое. Мы, тюркские народности, как в большинстве своем далеко отставшие от высококультурных народов, шествовать с ними рядом, нога в ногу, по пути прогресса пока не можем. Многие предметы их высококультурного быта, как материального, так и духовного, для нашей массы пока будут недоступны. Мы от высоко культурных народов отделены толстою стеною различия языка, которая при нашем стремлении к приобщению к европейской культуре во многом будет мешать нашему свободному движению в эту сторону. Культурные силы и культурный уровень тюркских народностей не одинаковы. В то время, когда одни тюрки будут преуспевать в своем культурном развитии, другие могут отставать. Для того, чтобы они могли пользоваться друг у друга достижениями, хотя бы в области духовной культуры, необходимо, чтобы произведения их печати были доступны друг другу. Первым шагом в этом направлении было бы освобождение тюркских языков от господства варваризма. По-моему, правильно поступили бы все тюркские народности, став на казахскую точку зрения в отношении выработки терминологии и литературного языка. Этим путем каждый из них, разгрузив свой язык от балласта чужих слов и очистив его от засоренности влиянием чужого языка, сделали бы доступными произведения своей печати и своей народной массе, и другим тюркским народностям. (Апплодис- менты).

Максудов. (По-татарски).

Бердиев. Просят всех докладчиков представить тезисы или свои доклады в редколлегию для напечатания в «Бюллетенях». Потом просят весь состав редколлегии после заседания собраться здесь.

ДЕВЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Прения по вопросу о терминологии

Председательствует тов. **Агамали оглы.**

Габитов. (По-татарски).

Сулеев. Товарищи, тюркские народности в деле создания своей национальной культуры выступают на арену в тот исторический переломный момент, когда в мировом масштабе старая культура отживает свой век, создается новая культура, а именно культура пролетарская. Мы, тюркские народности, входящие в состав СССР, только начинающие свою культуру, должны будем нашу литературу, нашу науку создавать в духе пролетарской культуры. Этот факт, конечно, никем не отрицается и, исходя из этого, я хочу дать вкратце оценку, свою личную оценку, тем принципам, которые были выдвинуты в отношении выработки новой терминологии. Многие товарищи, в том числе и докладчик, тов. Зифельдт, здесь отметили три момента в деятельности тюркских работников по созданию тюркской терминологии. Тов. Зифельдт говорит, что среди них есть пан-исламисты, есть революционеры, поддерживающие принцип принятия терминологии с европейских языков, затем пан-тюркисты и народники-демократы. Эти четыре группировки я с своей стороны соединяю только в две группы: на сторонников старой литературы, возникшей под влиянием арабизма, фарсизма или, скажем, как выражаются вообще, под влиянием исламизма. Второе течение–это сторонники новой прогрессивной литературы. Эту последнюю часть можно назвать действительно революционной. Тов. Зифельдт называет революционной ту категорию работников, которых он считает за революционных деятелей в смысле создания новой культуры, но я бы поставил их наряду с деятелями, которые в русской литературе носят название деятелей ложно-классицизма. Если можно здесь применять политические термины в области культурно-просветительной, то я

хочу в данном случае назвать их колонизаторами или подсобниками колонизаторства, заменящих тюркские слова чужими словами.

Переходя к методу принятия терминологии, я хочу сказать следующее: все принципы, выдвинутые в тезисах содокладчика, тов. Байтурсуна, по моему, правильны, и я их не буду повторять, но, вообще, в отношении создания общей для тюркских народов терминологии, я сам отношусь к этому вопросу пессимистично. Можно говорить о сближении терминологии тюркских народностей, но не об объединении. Сближение–нетрудное дело. Если изолировать из тюркской старой литературы передовых тюркских национальностей (в данном случае возьмем Азербайджан) арабские и персидские слова, которые очень засорили языки, то останутся слова чисто-тюркские. Второе: при принятии терминологии необходимо подчинить принимаемые новые слова правилам того или другого тюркского наречия.

Без этого создать подходящей для широких слоев населения терминологии мы не сможем. Вообще, попытка создания общей терминологии для всех тюркских национальностей может быть сделана в виде опыта. Для этога не нужно создавать отдельного об'единяющего это дело бюро в отдельных республиках, а необходимо будет создать такой орган при Академии Наук СССР. В целях сближения и установления контактированной работы по разработке терминологии во всех национальных тюркских республиках необходимо будет установить обмен материалами между республиками, обмен материалов между центрами научных обществ соответствующих республик. В заключение, как свое пожелание, я хочу сказать, что желательно было бы, чтобы на этом же С'езде хотя бы те товарищи, которые особенно говорят о необходимости на 50% избавить наш язык от арабских слов, чтобы они сами в своих вступлениях это постарались сделать. Наоборот, чем больше мы говорим об этом, чем больше здесь выступают, тем больше применяют арабские слова. Я не очень силен в арабском языке, но кое-что понимаю. Например, один товарищ сказал: «фаз- ла олмас занн эдейрум»,–это значит: «я думаю, не лишне было бы упомянуть».Что стоило ему сказать просто и понятно: «артых олмазды».

Мы предлагаем, чтобы на С'езде же выступающие товарищи практически пришли к тому, о чем говорят, чтобы они сами здесь перестали употреблять арабские и персидские слова.

Манатов. Товарищи, можно сказать, что выступавшие докладчики особого расхождения в мнениях по многим принципиальным вопросам как будто не показали. Как будто все говорили и сходились на том, что пора уже очистить наши тюркские языки от засорения арабско-персидскими словами, но все же есть кое-какая разница в их выступлениях. Об этом я немного позже скажу. Потом, как будто все сходились на том, что от архаизмов, слишком широких провинциализмов и от варваризмов засоряется язык, но, к сожалению, один из этих докладчиков предложил, что если есть такие слова, которые можно было бы заменить тюркскими, сделать это. Например, он говорит, что на карачайском языке имеется слово «байлыг». Почему слово «капитал» не заменить словом «байлыг»? Конечно, «байлыг» чисто тюркское слово, но оно означает не капитал в том смысле, в каком мы понимаем, а богатство. Поэтому здесь выплывает новое специфическое значение этого слова «капитал», и заменить его словом «байлыг» ни в коем случае нельзя. В этом отношении тов. Зейналлы совершенно прав. Потом есть такие слова, которых мы хотя у себя на нашем языке нашли бы, все-же их необходимо заменить кое-какими европейскими словами. Например, многие докладчики, хотя они доказывали, что нужно освободиться от арабских слов, которых не понимает широкая масса населения, все-же они вместо слова «дисциплина» предлагают «инзибат». Конечно, это арабское слово. Какое из них, «дисциплина» или «инзибат», для нас ближе? Я убежден, что слово «дисциплина» для нас гораздо ближе, чем слово «инзибат». Это арабское слово изжито у нас не только в деревнях, но даже городская масса, городское население не понимает этого слова, а всякий, кто немного вращался среди армейских или административных кругов, прекрасно понимает слово «дисциплина».

Совершенно прав тов. Зейналлы, говоря, что, когда мы принимаем европейские международные слова, мы должны считаться с особенностями нашего выговора и выговора тюркских народов. Например, «фабрика». Никогда ни один тюрок не скажет «фаб-

рика», а скажет «фабрик». Это французское слово, и, между прочим, француз тоже скажет «фабрик». Француз также не скажет «дисциплина», «система», а скажет «диссиплин», «систем». Поэтому, во-первых, мы совершенно не отдаляемся от европейского произношения и в то же время мы приспособляемся к потребностям и особенностям нашего тюркского произношения.

Здесь тов. Одабаш очень неудачно выразился. Он говорит, что если у нас не имеется какой-либо терминологии, то эта терминология имеется у какого-нибудь другого тюркского народа, и мы должны от него это слово заимствовать. Если какое-нибудь слово выкопается у какого-нибудь тюркского народа, предположим, у башкир или у татар, то он хочет это слово обязательно привить узбекам. Он говорит, что если вы такое выкопанной слово не примете, то это будет провинциализмом. Я считаю это неправильным. Провинциализм не значит, что казахское слово должно быть принято узбеками, и мы не протестуем, если Узбекистан наложит на него свою тамгу.

Товарищ Максудов не отделился от других докладчиков, от тов. Зейналлы и, отчасти, тов. Зифельдта. Они как-будто держат однулинию, все, за исключением тов. Одабаша, который является сторонником немного иной линии, который ближе к другому докладчику, нашему главному докладчику, профессору Чобан-Заде. У них немного другое направление. Тов. Зифельдт совершенно не склонен заменить тюркские слова русскими. Тов. Зифельдт, как мы знаем, совершенно не является колонизатором, как выразился предыдущий оратор. Мы хорошо знаем, что тов. Зифельдт–человек наукы, он стремится также создать тюркский язык, как и мы все. Тов. Сулеев должен был это знать. Тов. Зифельдт не является русским колонизатором. Если мнение тов. Зифельдта кое-кому не нравится, то его можно было критиковать, не употребляя слово колонизатор, потому что это слово очень резкое, неприличное и очень нехорошее.

Профессор Чобан-Заде прекрасно научно обосновал свой доклад, его доклад был очень интересен, но весь доклад его был построен на том, чтобы создать так называемый общий тюркский национальный язык. С этим я не могу согласиться. Он отделяет

язык школы первой ступени, потом отделяет язык школы 2-ой ступени, а затем для университетов, для интеллигенции, которая должна руководить всей тюркской народной массой. Для нее он создает еще особый новый язык. Этот язык выходит как будто наднациональным. С этим я не могу согласиться. Мы можем постепенно, может быть, об'единить все тюркские языки, т. е. создать такие отдельные групповые языки, которые будут понятны для каждой другой группы, поэтому с этим я не соглашусь. Кстати, недавно появилась очень большая интересная статья одного татарского писателя в Ангоре; главная мысль его статьи заключается в том, чтобы создать для всех тюрок всего земного шара такой аристократический наднациональный язык, которого не будет понимать ни кейли Анатолии, ни кентли Азербайджана, ни дехкан Узбекистана, ни ойрат-крестьянин Казакистана. От этого наднационального языка необходимо раз навсегда отказаться, мы не должны этим увлекаться. (Апплодисменты).

Председатель. Товарищи, здесь имеются представители 5-го с'езда профсоюзов. Я им предоставляю слово для приветствия. (Апплодисменты).

Мамед Эманулла (приветствует с'езд на тюркском языке).

Председатель. Слово предоставляется тов. Пескову.

Песков. Товарищи, разрешите мне приветствовать 1-ый Всесоюзный- Тюркологический С'езд от имени 5-го Азербайджанского С'езда Профсоюзов. (Апплодисменты). Товарищи! Два года прошло с того времени, как в большом зале АСПС собрался и обсудил ряд важнейших вопросов профессионального и хозяйственного характера 4-ый С'езд Профсоюзов. Два года–срок очень большой. Большим он кажется особенно для профсоюзов, которые очень сильно растут. За период с 4-го до 5-го с'езда азербайджанские профсоюзы (а их у нас 21) выросли почти что на 62%. Сейчас в азербайджанских профсоюзах имеется 185,758 человек. Наряду с ростом количественным увеличивается и рост качественный. Мы являемся живыми свидетелями большого роста активности широких слоев рабочих, об'единенных в наших профсоюзах. Мы были свидетелями восстановления нашей разрушенной промыш-

ленности, оставленной нам в наследство мусаватистами, дашнаками и всеми, кому не лень было только разграблять нашу Азербайджанскую Республику и другие Закавказские республики в свое время. Постепенно восстанавливающаяся промышленность влечет за собою улучшение положения нашего рабочего. Наряду с этим улучшается положение нашего отсталого крестьянина. Сегодня собравшийся 5-ый с'езд Азербайджанских Союзов ставит перед собою одну из основных задач–приблизиться еще больше к рабочим массам, еще больше учесть все то настроение, коим живет рабочий класс, еще ближе подойти к разрешению тех запросов, которые имеются у рабочих. Ваш С'езд, 1-ый Всесоюзный Тюркологический С'езд, думаю,–это будет мнение всех рабочих–ставит перед собой также одной из основных задач–приблизиться к широким массам трудящихся, сделать так, чтобы широкие массы трудящихся поняли лучше, за что они борятся, поняли лучше, куда они идут, и разбирались лучше во всех тех вопросах, которые сейчас перед ними ставит Советская власть и наша Коммунистическая партия. Мы видим,–задачи у нас общие. Мы стремимся сделать все, для того, чтобы широкие слои трудящихся понимали стремления нашей Коммунистической партии, те пути, которые ведут к социализму. Владимир Ильич Ленин в свое время в своих знаменитых трудах говорил о том, чтобы нации самоопределялись. Проводится ли это в жизнь, товарищи? Проводится в достаточной степени, но есть и недочеты.

Есть еще взаимное непонимание между отдельными национальностями. Для того, чтобы этого не было, для того, чтобы с этим покончить раз навсегда, у вас здесь разбирается один из важнейших вопросов, вопрос алфавита. Нам, русским, в свое время более счастливым в получении грамоты, необходимо будеть побольше уделить внимания отсталому тюркскому брату. Это мы сумеем сделать только тогда, когда у нас будет общий язык, общие письмена. Я думаю, ни для кого не секрет, что очень трудно учиться нам, русским, и другим национальностям тюркскому языку по старому арабскому алфавиту. Я полагаю, что также не легко учиться и товарищам–тюркам. Поэтому наше сегодняшнее требование, требование широких слоев рабочих, об'единяемых

профсоюзами, это требование обще-понятного языка, требование письмен на новом латинском алфавите, требование грамоты на новом алфавите.

Октябрьская Революция сильно всколыхнула народные массы. Сейчас не найдется ни одного рабочего, который не разбирался бы в происходящих событиях, сейчас не найдется ни одного крестьянина, который хотя бы в маленькой степени не понимал значения того вопроса, который мы называем нашим советским строительством. Мы видим, что на наших глазах рушится старый мир, мы видим, что на наших глазах класс буржуазии все больше и больше разлагается. С разложением буржуазного класса разлагается и буржуазная культура. Наша задача на развалинах старой культуры построить нашу новую, советскую пролетарскую культуру. Разрешите мне еще раз приветствовать вас от 5-го С'езда Профсоюзов и пожелать вам самых наилучших успехов в вашей работе. Разрешите пожелать, чтобы этот С'езд был непоследним с'ездом, чтобы этот С'езд стал твердым фундаментом для будущих с'ездов, стал ключем к тому, чтобы на будущих с'ездах нам уже так не ломать головы по ряду вопросов, а подойти прямо с деловой критической оценкой ко всем тем вопросам, которые будут у нас стоять. Да здравствует новая пролетарская культура! Да здравствуют пробуждающиеся широкие массы трудящихся Востока! (Апплодисменты).

Коркмасов. Товарищи! Президиум предлагает делегировать от имени нашего С'езда на С'езд Профсоюзов делегацию в составе: 1. Умар Алиев (Северный Кавказ), 2. Иногамов (Узбек), 3. Тыкстанов (Киргиз), 4. Сабашкин (Ойрат), 5. Габитов (Башкир), 6. Нейматт Хакимов (Татреспублика).

(Далее говорят *Н. Хакимов* и *Г. Саади* по-татарски).

Председатель. Представитель Турции предлагает совершенно выкинуть слово «османские» турки, напоминающее имя бывших султанов-угнетателей. Отныне они носят название анатолийских турок. Я предлагаю ораторам не употреблять слово «османские», а употреблять слово «анатолийские» турки. (Апплодисменты).

После речи Бектуре на турецком языке прения прекращаются.

Ибрагимов предлагает избрать комиссию для разработки резолюции по вопросу о терминологии в составе: 1. Чобан-Заде (председатель), 2. Зифельдт, 3. Зейналлы, 4. Одабаш, 5. Байтурсун, 6. Гельдиев, 7. Максудов, 8. Шакирджан Рахими, 9. Махмуд Недим, 10. Аюпов, 11. Саади.

После заключительных слов т. т. Чобан-Заде и Зейналлы, с'езд переходит к заслушанию доклада проф. Яковлева.

Председатель. Переходим к следующему докладу. Слово предоставляется тов. Яковлеву.

"Вопросы алфавита в связи с социальными и культурными условиями существования тюркских национальностей и проблема установления системы письма"

Яковлев. Товарищи! Выступая здесь перед вами, я взялся за эту трудную ответственную задачу только в надежде на то, что здесь присутствует много представителей тюркских народов, многие ответственные работники, которые проводят культурное строительство на местах, и я надеюсь, что мои промахи и, может быть, мою неосведомленность во многих вопросах, касающихся специально тюркских народов, эти товарищи исправят и дополнят. Я смотрю на свой доклад только как на материал для решения этого вопроса. Вообще, мне кажется, что мы, ученые, в особенности не принадлежащие к тюркским народам, можем давать только основной материал для разрешения, а решать этот вопрос должны сами национальные работники, в особенности потому, что им, а никому другому на своих плечах, на своей спине этот вопрос придется проводить в жизнь на местах.

В вопрос об алфавите следует, прежде всего, разграничить несколько сторон. Вопрос об алфавите распадается, во-первых, на вопрос о той культурно-социальной обстановке, вообще, у всяких народов и, в частности, у тюркских народов, которым придется проводить реформу алфавита. Это одна сторона. Другая сторона– сторона технической разработки введения того или иного алфавита. Это вторая сторона, свою очередь, делится еще на две стороны. Первая сторона, которую я называю системой письма,

это как раз та сторона, которая непосредственно связывает алфавит с вопросами орфографии. Не совсем, правда, но все-таки значительная доля этого вопроса относится сюда. Сюда, например, относятся такие вопросы, как: сколько знаков нужно для данного языка и его алфавита. Как видите, этот вопрос не касается даже графики. Это первый вопрос, с которым приходится сталкиваться, когда создаешь алфавит. Существуют разные способы установления числа знаков и разные способы экономии этих знаков. Это то, что я понимаю под системой письма.

Наконец, есть сторона чистой графики, т. е. какую графику, какие графические приемы нужны для данного языка и для его алфавита. В своем докладе я беру на себя обязанность осветить первые две стороны, т. е. сторону культурной и социальной обстановки, в которой придется и приходится проводить реформу алфавита среди тюркских народов, и сторону установления системы письма.

Что же касается вопроса о графике специально, т. е. сравнительной оценки тех граfик, которые могут быть взяты в основу, и различных способов изображения звуков графически, то на этот вопрос ответит профессор Жирков.

Подходя к вопросу о том, в какой именно обстановке и в какой стадии развития национальной письменности у тюркских народов мы должны решить сейчас вопрос, я прошу вас обратить ваше внимание на карту, которая была специально изготовлена Комитетом по Изучению Восточных Народностей в Москве, специально по вопросу о распространении национальных алфавитов восточных народов по территории Союза ССР. Цветами здесь нанесены народы, а штриховкой алфавиты.

Глядя на эту карту, вы увидите, что, прежде всего, у нас наибольшее распространение получили алфавиты на трех основах: на основе русской, основе латинской и основе арабской. Есть еще незначительные места, которые заняты алфавитами грузинским, армянским, монгольским и некоторыми другими. Из территории, занятой русской основой (главным образом, эта территория расположена на севере и востоке, и населяется народами немусульманской культуры), сюда относятся восточные финны и некоторые

тюрки: чуваши, ойраты и незначительное количество кряшенов. Надо сказать, что территория эта в последнее время проявляет тенденцию к переходу с русского на латинский алфавит. Среди финнов у зырян существует сильное течение в пользу латинского алфавита. Теперь я прошу вас обратить внимание на одну маленькую территорию (на этой карте она вышла очень маленькой),на территорию Кавказа, которая интересна в том отношении, что мы на этой территории имеем проведение латинского алфавита в чрезвычайно сложной и культурной, и социальной обстановке. Рассматривая вопрос с этой стороны, мы должны выделить вопрос религиозной ориентации. Религиозная ориентация имеет большое значение в вопросе об алфавите. Так, на том же Кавказе два народа, из которых один был христианским или полу-христианским, а другой–мусульманским, два народа, как осетины и нижние черкесы, находились в разных условиях в отношени алфавита, и если осетины сравнительно легко с русского алфавита перешли на латинский, то среди нижних черкесов этот вопрос встретил все-таки некоторые затруднения. Но даже несмотря на это, нижние черкесы уже фактически переходят на латинский алфавит.

Так как основным вопросом у нас является всетаки вопрос о латинском и арабском шрифте, то мне хочется в дальнейшем остановиться, главным образом, на народах мусульманской культуры, среди которых этот вопрос особенно актуален, и вот здесь приходится считаться еще с одним обстоятельством. Мало относить народ в рубрику народностей мусульманских. Нужно знать, насколько крепки и насколько древни в этом народе мусульманские традиции. На Кавказе это проявляется на весьма характерных примерах. Есть народ, у которого; несмотря на то, что он номинально мусульманский, все-таки эти мусульманские традиции очень слабы. Признаком для оценки этого положения является распространенность адата иногда на ряду с шариатом, а иногда вопреки шариата. У ингушей, у чеченцев безусловно еше преобладает адат. Конечно, обстановка, при проведении той или иной реформы письменности, будет у таких народов совершенно разная. Затем приходится считаться с социальным составом национальности. Есть такие народы, которые являются чисто сельско-хозяйственными в основной своей массе, и есть такие, которые уже выделили, правда, может быть, очень незначительный, но все-таки известный процент своего национального городского населения и даже имеют зачатки своего рабочего класса, своего пролетариата. Опять-таки это создает совершенно своеобразные условия в отношении проведения тех или иных культурных мер. Для примера, приведу, например, Кабарду, Чечню, Ингушетию на Кавказе, у которых городского населения почти нет или почти не было до недавнего времени, и приведу тех же осетин, которые уже успели выделить около 11% городского населения.

Опять-таки у тех же осетин мы находим зародыши и своего рабочего класса, тогда как у ингушей и чеченцев большинство населения занимается сельским хозяйством. Различное положение также может быть и в вопросе национальной письменности. В вопросе национальной письменности могут быть народы бесписьменные. Это – народы, которые до революции или до недавнего времени письменности не имели и принуждены ее строить с большим трудом сейчас. Есть народы, которые имели свою письменность, как, например, те же осетины, письменность которых насчитывает около сотни лет, а у ингушей она, вообще, началась только недавно. Подходя со всех этих сторон к оценке вопроса, при проведении или, вернее, при введении национальной письменности и при проведении того или иного алфавита, мы видим некоторые характерные явления. Среди кого из народов Северного Кавказа впервые стал проводиться латинский алфавит? Один из первых народов, который проводил этот алфавит–это ингуши, как раз по своему социальному составу, по мусульманским традициям очень слабый народ, наиболее отсталый в культурном отношении. Письменности они почти никакой не имели. Наряду с этим мы видим, что и осетины также проводят одни из первых латинский шрифт. Это–народ наиболее передовой, со своим национальным городским населением и значительным даже национальным пролетариатом. Таким образом, как будто бы напрашивается факт, что в деле такой коренной ломки, как вопрос о латинском алфавите, на первом месте оказываются одновременно и наиболее отсталые в культурном отношении народы, и народы наиболее передовые.

Этот факт мне придется еще дальше иллюстрировать и на примерах тюркских народностей. Затем из некоторых специфических фактов, относящихся к проведению латинского алфавита и, вообще, к установлению письменности на Кавказе, я должен отнести следующее: когда, вообще, вводилась национальная письменность на чеченском языке (чеченцы довольно крупный народ, их около 300.000, и они представляют собой в религиозном отношении довольно фанатическую массу, находящуюся под ближайшим влиянием Дагестана, в то же время совершенно бесписьменный народ), то здесь этот вопрос с введением нового алфавита встретил затруднения. Когда первый учитель приехал в горы с букварем на чеченском языке, отпечатанным арабским шрифтом, то этого учителя буквально обстреляли в поле, подвергли обстрелу, причем во время этого обстрела «ранили» и расстреляли этот букварь. Этот факт ярко характеризует то обстоятельство, насколько мусульманская идеология, вообще, настроена против национального самоопределения. Это было первое письмо на чеченском языке, и тот шейх, который имел большое влияние на народ, использовал этот случай для того, чтобы бороться против такого новшества.

В другой стране, как Ингушетия, где не было такой фанатической массы, где мусульманские корни еще чрезвычано слабы, получилось наоборот. Там первыми проводниками латинского алфавита оказались не кто иные, как мугаллимы. Они оказались первыми учителями, первыми пропагандистами латинского алфавита. Это показывает, что и здесь национальное самоопределение, те передовые национальные силы, которые могли быть выявлены только мугаллимами при первой возможности более-совершенного способа служения культуре пошли по этому новому пути.

Наконец, можно привести еще один пример из Северного Кавказа, где самое культурное и социальное положение страны представляет много трудностей при проведении всякой, какой бы то ни было реформы – это Дагестан. Дагестан, где мы имеем все-таки вековую традицию письменности, вековое распространение арабского языка и арабской образованности, где до сих пор попытки ввести латинский шрифт серьезно еще не начинались; безусловно, в этом случае и социальная, и культурная обстановка будут иными,

чем в случае с ингушами и другими народами, где не было письменности где религиозная традиция была слаба.

Если мы со стороны всех этих разрезов подойдем теперь к оценке положения среди тюркских народов (конечно, я не берусь вам тут проводить классификацию всех групп тюркских народов, я ограничусь некоторыми, наиболее характерными примерами, из которых вы сами сделаете выводы), здесь получится приблизительно такая картина: наряду с немногими народами, которые также смогли уже выделить свое национальное городское население, имеется, еще целая группа народов по своему составу чисто сельско-хозяйственных и народов безписьменных в массе и характеризуемых другими признаками культуры, более отсталыми. Те цифры, которые мне придется приводить, цифры, конечно, крайне неудачные, потому что национальная статистика, к сожалению, у нас поставлена недостаточно хорошо. ЦСУ дает одни цифры, а работники на местах совершенно другие цифры. Почему все это происходит, неясно, но, во всяком случае, было бы хорошо, если бы С'езд в этом отношении высказал свое веское слово, потому что без точных данных о национальной статистике никакой учет, никакое правильное решение вопросов невозможно.

Узбеки, по разным сведениям, имеют уже около 16% городского населения. Этот процент несколько велик, но, во всяком случае, процент городского населения уже чрезвычано значителен; национальная грамотность среди них доходит до 11%. Эти сведения даны мне местами. Таким образом, это народность сложного национального состава, народ, который имел большую традицию мусульманской религии и большую традицию национальной письменности, и в то же время народ, успевший развить довольно значительный процент грамотности.

Если мы сравним с этим положение азербайджанских тюрок, то увидим, (за цифры не ручаюсь), что процент национального городского населения, повидимому, равен приблизительно 13%, что же касается национальной письменности, то до недавнего времени, до советской власти в Азербайджане, этот процент равнялся чрезвычайно малой величине 1 ½ %. Наконец, мы видим здесь еще одно явление, которое мы не находим у других народов,–это

развитие национального пролетариата, а именно–те нефтяные промысла, которые находятся возле Баку, создают основу для такого очага, где этот национальный пролетариат образуется. Цифр опять-таки точных нет, но возможно колебание от 1,3 до 6% национального пролетариата.

Казанские татары имеют городское население (я считаю только по Татреспублике) 4,3%, по данным ЦСУ; грамотность до 25%, по сведедениям с мест, а по сведениям Центрального Правления–немного меньше. Цифры национального пролетариата почти совершенно отсутствуют. В Москве мне говорили, что всего на всего из 6 миллионов татар насчитывается 200.000 рабочих; но тут мы столкнулись с одним обстоятельством, а именно, что этот пролетариат сосредоточен не в одном месте, как в Азербайджане, а он рассеян по многим промышленным районам, в частности по Уралу, Донбассу и по Волге.

Подходя теперь к оценке положения реформы алфавита с точки зрения тех данных, какие мы имеем, мы можем рассеять некоторые недоразумения. Я знаю, что многие товарищи здесь говорят, что вот Азербайджан проводит (конечно, не в этом именно месте говорят, но, вообще, мне говорили), что Азербайджан проводит реформу, вводит латинский шрифт, не имея никакой серьезной под этим базы.

С другой стороны, такие же упреки сыплят на Казань, за то, что там не вводят латинского шрифта, говоря, что нет серьезной базы, нет серьезных оснований к тому, чтобы его не вводить.

С точки зрения этой статистики всетаки получается довольно ясная картина. Ведь исторически мы должны считаться с тем фактом, что азербайджанцы–одна из первых или даже первая тюркская народность, которая ввела у себя латинский шрифт. Чем это об'ясняется? Я думаю, что это об'ясняется стечением нескольких благоприятных для этой реформы признаков. Как я указал, легкость проведения латинского алфавита обратно пропорциональна развитию национальной письменности, т. е. чем больше было уже до введения латинского алфавита грамотных, тем труднее провести латинский алфавит. С другой стороны, Азербайджан имеет сравнительно большой процент национального пролетариата,

сконцентрированного в одном месте, в пределах самого Азербайджана. Мне думается, причины довольно характерного и высокого процента городского населения также влияют на это. Если мы сопоставим все эти факты, то мы поймем, почему именно Азербайджан первый стал на путь латинизации и почему он эту латинизацию может с успехом проводить. Если мы с этой точки зрения оценим положение казанских татар, то увидим несколько иные данные. У казанских татар не меньший процент пролетариата, но он не сконцентрирован, он рассеян, он находится по большей части вне Татарской Республики. Вместе с тем, значительный процент грамотных уже на арабском языке и большой процент городского населения. Отсюда становится ясным, почему именно они серьезно призадумываются о латинской реформе. Что касается узбеков, то, повидимому, у них вопрос будет стоять еще сложнее, так как там и пролетариата нет, и в то же время еще более значительнее процент городского населения, который, очевидно, состоит из торговой буржуазии и ремесленников. Теперь, если мы сравним положение этих народов с положением народов другой группы, так сказать, наиболее отсталых народов (я прошу извинить меня за это слово; тут, может быть, не следовало бы говорить этого слова «отсталый», потому что мы все знаем, что любой отсталый народ имеет иногда больше культурных завоеваний, чем даже мы; те же киргизы имеют больше культурных приспособлений и культурных завоеваний в области технической обстановки кочевого быта, чем, конечно, мы), но если мы даже оставим термин народов «более отсталых», то увидим картину следующую: у этих народов, как киргизы, туркмены и казаки, чрезвычайно интересное явление–почти полное отсутствие городского национального населения, полное отсутствие национального пролетариата и почти полное отсутствие национальной письменности. У туркмен до недавнего времени был 0,85% грамотных, а теперь, сообщают, этот процент поднялся до 4-х. Если и 4, то этот процент чрезвычайно низок. У казаков до 2% грамотных, но казаки, по сравнению с киргизами и туркменами, находятся уже на известном пути к образованию национального городского населения.Так, по данным, изданным Типсом, в Казакистане имеется до 10.000 на-

ционального городского населения. Хотя это составляет 0,41%, но все-таки это есть факт, который отличает казаков от тех, о ком я упоминал раньше.

Подходя теперь к некоторым выводам, которые мы должны сделать на основании сообщенных мною данных, мне кажется, что, прежде всего, мы можем подчеркнуть, что всякая реформа алфавита среди отдельных восточных национальностей должна проводиться с учетом всех об'ективных условий существования каждой отдельной национальности. Мы видим, что трудность на пути проведения одного из важных вопросов у разных народов совершенно разная. Поэтому одинаковыми методами и в одинаковое для всех время проводить реформу алфавита невозможно.

Затем второе: из перечисленных типичных по своей социальной культуре народов вопрос о реформе фактически ставится и у наиболее отсталых, у тех, у которых совсем нет городского населения, совершенно нет национальной культуры, и одновременно у наиболее развитых, которые уже выделили даже известный процент национального пролетариата, ставится разно. Наиболее отсталые– возьмем факты,–киргизы постановили перейти на латинский алфавит. Туркмены находятся тоже на пути к этому. Это, с одной стороны, Северный Кавказ, ингуши, кабардинцы, а, с другой стороны, Азербайджан.

Теперь третье. Наиболее трудно в объективных условиях в этом отношении приходится народам на промежуточных ступенях развития. Сюда как раз относятся казанские татары и узбеки. Вот здесь отражаются как раз условия, казалось бы, положительные, т. е. значительное развитие национальной письменности, а в одном случае значительное развитие полиграфической промышленности, значительный процент городского населения при отсутствии пролетариата. Процент какого населения? Преимущественно того, который создался в крупных торговых центрах. Рассматривая теперь с точки зрения этой обстановки собственно вопрос об алфавите, я должен, прежде всего, указать на одну особенность русского алфавита, которая во многих отношениях делает его менее приемлемым, это именно не техническая какая-нибудь сторона, а сторона как раз социальных и культурных отношений. Рус-

ский алфавит исторически связан с проведением у большинства восточных народов русификаторской политики и с проведением миссионерской политики, и это обстоятельство сообщает ему такой привкус, при котором большинство народов, при создании национальной письменности, не принимает русского алфавита, и даже те народы, которые его уже приняли, от этой письменности отказываются, уже даже за пределами влияния мусульманской культуры. Таким образом, мне думается, что вопрос о широком распространении русского алфавита среди тюркских народов ставится в связь с социальными и культурными отношениями.

Если мы остановимся на двух других графиках, арабской и латинской, то вот здесь я, переходя от фактов своей личной оценки положения, думаю, что несмотря на то, что я не принадлежу к тюркским народам, что я, просто, как гражданин Союза, который не может пройти мимо вопроса такой общественной важности, как вопрос о шрифте, как ученый, занимающийся такими вопросами, могу высказать и свое личное мнение. Мне кажется, что те чисто об'ективные признаки, которые, отчасти, отразились на этой карте, говорят за то, что история в отношении арабского алфавита уже сделала свое дело. Если мы посмотрим на эту карту, то увидим, что за пределы распространения мусульманской культуры арабский алфавит не выходит, что если возникает вопрос о введении грамотности у разных тюркских народов, то этот вопрос ни в коем случае не может быть серьезно поставлен в сторону введения арабского шрифта.

Можно привести такой пример: когда ойраты прислали проэкт своего алфавита, написанного русскими буквами, в один из органов Москвы, то представители тех тюркских народностей, которые имели арабский шрифт, пытались доказывать, что так как этот язык татарский, так как мы его все понимаем, то пускай и ваши книги пишутся арабским шрифтом, печатаются и на нем учатся. Конечно, этот случай можно рассматривать, как анекдот, конечно, нельзя серьезно навязывать немусульманскому народу арабского шрифта. В этом же сказывается известная ограниченность арабского алфавита, как орудия культуры.

Теперь если мы посмотрим на территорию чисто мусульманских народов, то и здесь мы увидим, что историческая задача арабского алфавита и в этом пространстве уступает одну территорию за другой. Правда, движение недавно началось, не вполне еще проводится, но мы уже видим ряд территорий, которые вот на этой карте отмечены или косыми чертами просто или косыми чертами с проведенными сверху прямыми. Это значит, что эти народы или совсем перешли на новый алфавит или, во всяком случае, вопрос решен, и фактическое проведение откладывается по причинам издательства. Сюда же относится Северный Кавказ, Азербайджан, и течение это перекидывается в Среднюю Азию, к киргизам и туркменам. По поводу этого обстоятельства я позволю себе привести простой принцип, относящийся, правда, к совершенно другой области, к области военного дела. Известно, что кто не наступает, тот уже побежден. Мне думается, что этот принцип в данном случае является весьма характерным. Если арабский шрифт, как средство сильной и развивающейся культуры, не смог на себя взять этой роли, т. е. не смог в отношении тех народов, которые сейчас начинают строить эту культуру, ввести их в русло своего влияния, то не доказывает ли это, что позиция самого арабского шрифта уже не совсем прочна?

Возьмем еще одну сторону вопроса: возьмем гнездо арабизма. В самом гнезде сторонников настоящего арабизма особенных защитников настоящего арабского шрифта, как такового, почти нет. Мы должны считаться с тем фактом, что сейчас, наряду с латинистами, мы видим, с другой стороны, уже не настоящих арабистов, а нео-арабистов, мы видим тех, которые стремятся, взамен коренной реформы, взамен введения латинского алфавита, к реформе умеренной, к известному приспособлению, к современной технике арабского алфавита. Это доказывает, что и в самом стане сторонников арабского шрифта дело с ним обстоит не совсем твердо. Очевидно, есть какие-то определенные об'ективные данные, которые вне реформирования делают этот шрифт не приемлемым.

И вот тут, мне думается, только необходимо выяснить один маленький вопрос, но его мне всетаки не удалось выяснить. Это вопрос о том, каково будет отношение масс к этому реформированному алфавиту. Не будет ли это отношение немного, может быть, менее оппозиционным, чем если бы вводить прямо латинский шрифт? С другой стороны, мое внимание привлекают те издании, которые должны быть образцами нового реформированного арабского шрифта. Я нарочно обращаю ваше внимание на тот факт, что мне не удалось видеть издания, целиком отпечатанного реформированным арабским шрифтом. Я видел только реформированный шрифт или ввиде заголовка на обложке или ввиде заголовка внутри книги. Это, просто, так, два вопроса, на которые, может быть, ответят те товарищи, которым дело реформы арабского шрифта близко знакомо.

Теперь и должен подновиться на одном историческом явлении. Дело и том, что культура и сама история письменности, как факт культуры, показывают нам, что, только до известной стадии развиваясь, культура, письменность и наука бывают целиком связаны с религией. При переходе к национальному самоопределению, все народы неизбежно проходили стадии отделения науки и письменности и вопросах алфавита от религии. Отчасти, здесь же сказывалась необходимость применять самый шрифт к требованиям новейшей европейской техники, к требованиям печати. На этой стадии как раз, мне думается, и находится сейчас многие тюркские народы. Мне думается, что в этом факте мы должны видеть указание на пути, по которому может пойти дальнейшее развитие письменности среди тюркских народов. Несколько слои относительно самого трудного вопроса, как же все-таки быть с теми, у кого вопрос введения латинского шрифта сильно осложняется, и частности вопрос о Казахстане и о Татарской республике. Мне думается, товарищи, что тут, просто, следует начать несколько с другого конца. Надо начать с легчайшего. Легчайшими будут в этом отношении наиболее отсталые народы, и у них сейчас этот вопрос наиболее актуален. И если реформа пойдет этим путем,–а, помоему, она не пойти не может, потому что это есть прямое развитие или продолжение того направления развития национальной письменности, которое историей предусмотрено,–если реформа пойдет этим путем, то я думаю, что и те товарищи, которые здесь выступали горячими сторонниками арабского шрифта, сами решат

у себя этот вопрос по-новому.

Теперь и приведу еще маленький довод, который, может быть, следовало, бы усмотреть из предыдущего, но чтобы несколько его подчеркнуть, и особо на нем останавливаюсь. Это–вопрос о том, что для таких не окрепших и культурном отношении, очень часто даже несамоопределившихся народов, которые только сейчас создают свою национальную письменность, что для них именно по условиям наиболее легкого культурного самоопределения выгоднее бывает иногда вводить латинский алфавит. Это было ярко видно на примере Чечни, потому что введение алфавита, связанного с теми кругами, которые, вообще, не могут стоять в оппозиции к национальному самоопределению, может затруднить и осложнять, вообще, вопрос культурного развития отсталых народностей. Это по-моему, еще один из факторов, который как раз заставляет наиболее отсталые народы сейчас легче всего соглашаться на латинский алфавит.

Вот этим я позволю себе закончить первую часть своего доклада и перейти ко второй части, в которой, может быть, таких острых вопросов, вопросов вызывающих разногласия, я не затронул совершенно, но которые я считаю также чрезвычайно важными и чрезвычайно существенными. Это вопрос об установлении системы письма. Дело в том, что обычный путь установления системы алфавитов у тюркских народов сам собою несколько усложнился. Обычный путь, который могла бы рекомендовать наука, это просто установление, сколько в данном языке имеется таких звуковых отличий, которые связываются с различением смысла слов, потому что в каждом языке есть звуковые отличия двух категорий: одни связаны с различением слов по смыслу, а другие не связаны с этим. Вопрос решается, казалось бы, просто так, что со смыслом слов не связано то, что при произношении слов наступает автоматически, в силу законов связывания звуков в контекст, и это, конечно, в алфавите отражаться не должно. Те звуковые отличия, которые связаны со смыслом, в алфавите должны быть отражены полностью. Самый простой способ подсчета, сколько в языке таких звуковых отличий, которые связаны

со смыслом слов, подсчета их числа и установление по этому числу звуков – это то, что мы называем «фонем»,–установление числа знаков алфавита. Но все дело в том, что мы встретились с интереснейшим явлением: работники на местах, из которых некоторые даже здесь присутствуют, как тов. Байтурсун из Казахстана, по своей инициативе сделали до известной степени открытие, а именно, они использовали фонетические законы тюркских языков, те из них, которые проводят явления сингармонизма без исключения, и вместо того, чтобы вводить для довольно большого количества гласных звуков особые буквы, они использовали тот факт, что в слове в этих языках могут быть или только твердые гласные, или только мягкие гласные. Они ввели особые знаки, которые должны это качество обозначать на целом слове, таким образом, алфавит, в котором все решительно звуковые отличия выражены, оказался на значительное число знаков экономней. Я здесь эту особенность вскользь только подчеркиваю. Этот вопрос передо мной также встал по отношению к кавказским языкам. Этот вопрос самостоятельно решили работники мест, ученые которые исследовали вопросы алфавита на местах, и решили этот вопрос вполне правильно. Теперь нам, ученым, остается только подыскивать подходящее об'яснение из той же категории явлений, которые есть и исторически сложились и в системе русского письма, это обозначени рядов твердых и мягких согласных через особые буквы, это явление, которое и русском письме приводит к экономии звуков алфавита. И вот, занимаясь исследованием этого явления и, вообще, теорией построения алфавита, мне удалось в самое последнее время вывести такую формулу, которую можно назвать формулой построения алфавита, формулой построения алфавита именно тех языков, которые допускают экономию знаков в алфавите. В первой формуле: $A = n_b + n_a$ вы видите «А», это число знаков алфавта. Вторую часть этой формулы занимает сумма двух слагаемых—$n_b + n_a$ – это ни что иное, как сумма гласных и согласных фонем. Это та формула, по которой выводятся все алфавиты без какого-то ни было принципа экономии букв.

Другая формула $A = (n_b + n_a) - (\mp n_b\ {}_b{}^1 \pm n_b\, II\, b^1) + 1$ заключает в себе как раз известное вычитание, в котором участвует, с

одной стороны группа таких согласных, т. е., число таких оттенков фонем, которые вступают в сочетание с гласными и которые в языке противопоставлены другой группе согласных фонем в сочетании с другими гласными. И вот, во второй части вы видите число гласных, также тех оттенков гласных, которые вступают в сочетание с гласными. Первая группа при этой экономи алфавита получается в том случае, если из этой 2-ой части формулы, если результатом ее будет отрицательная величина, т. е. та величина, которая будет не прибавляться, а вычитаться, а затем плюс единица обозначает тот общий знак, тот один знак, который вводится для обозначения, положим, особого качества согласных в том случае, если они не связаны с гласными, т. е. если на гласных этого признака нельзя обозначить.

Формула эта проверена мною на трех проектах письменности, на существующем русском алфавите, затем на алфавите кабардинском, который я составлял для кабардинцев на Северном Кавказе, и, наконец, на одном из тюркских алфавитов, в котором помог мне сделать проверку один из присутствующих здесь делегатов. Это на алфавите казакском, на том самом, в отношении которого была впервые установлена система письма с помощью гармонии гласных тов. Байтурсуном. Вот в казакском алфавите я позволю себе этот пример привести. В этом алфавите согласных 17, гласных 9. Если мы будем составлять затем те гласные, которые могут быть твердыми и мягкими попарно, то таких пар будет четыре. Если мы эти цифры уставим в одну формулу в казакском алфавите, они вообще в применении этой формулы имеют ту особенность, что число в двух членах формулы всего согласных парных должно быть принято равным нулю, потому что в тюркском языке знаком обозначается не согласная, а целое слово сразу. При этой особенности мы получим следующие цифры А = (9 +17) – 4+1. Единица это тот знак, который ставится по отношению к каждому целому слову. Итого получится 23. В алфавитах, введенных фактически, в частности, и в проекте т. Тюрякулова, 25 знаков. Здесь получилась разница. Это произошло потому, что принцип экономии не был проведен до конца потому, что звуки «п» и «к» и «г» и «х», которые выявляются только в сочетании или с мягкими или с твер-

дыми без исключения потому, что эти звуки введены в алфавит сверх этой формулы. Если мы эти два звука прибавим, то у нас получится то фактическое число знаков, которое имеется в алфавитах, существующих.

Что же касается этой формулы, то так как мне не хотелось бы, чтобы у вас было впечатление, что я даю такой рецепт, который позволит каждому делать что-либо чисто механически, я должен сказать, что когда мы вводим ту или иную формулу, то ее задача не в том, чтобы механизировать процесс. Прежде всего, должны быть даны правильные цифры, но тут формулы нет, я даю формулу не как какой-нибудь магический рецепт, как это проскальзывало в речах некоторых товарищей, но я даю некоторое техническое средство для того строительства алфавита на местах, которое сейчас у тюркских народов в большом ходу. Я думаю, что с помощью этого средства это строительство можно сделать более сознательным, более рассчетливым и заменить этим отчасти то, что раньше просто должно было выражаться в интуитивном творчестве каждого отдельного народа. (Продолжительные апплодисменты).

ДЕСЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председательствует **Агамали Оглы.**

Председатель. Десятое Заседание Тюркологического С'езда об'являю открытым. Слово предоставляется профессору Жиркову.

"Основы построения алфавита с технической точки зрения"

Жирков. Я не тюрколог, однако, я получил здесь голос потому, что сейчас мы переживаем такой момент, который ставит перед тюркскими народами те же самые задачи, какие стоят перед целым рядом и других не турецких народов. Народы на огромной площади только что пережили грандиозную революцию. После таких потрясений жизнь обновляется и как бы начинается сначала. Вся та огромная территория, о которой я говорю, и население, живущее на ней, переживают сейчас самое начало ранней весны. Эта ранняя весна национальной жизни связана с надеждами на очень хорошее будущее, связана с бодрым взглядом на будущее, когда разовьется и расцветет национальная–не националистическая–культура. Эта культура будет питать своими плодами, прежде всего, свой народ, свое племя, но она надеется и на большее. Нет ни одного столь мелкого и незначительного народа, который не выработал бы за свою культурную историю того или иного культурного приобретения, ценного для всего человечества в целом, как в области материальной культуры, так и в области народной сказки, народной песни, народного орнамента и других. В частности, нам пришлось недавно убедиться, что самые незначительные по своему политическому удельному весу племена Дагестана богаты литературным богатством, которое не грех позаимствовать Европе и следовало бы позаимствовать.

Эти надежды на будущее национальное культурное, научное, художественно-литературное развитие натыкаются на один тупик:

запись культурных приобретений–письмо. Этот тупик в известной мере существует везде, так как везде и всегда письмо несовершенно. Если язык почти всецело ускользает от сознательного урегулирования вмешательством человека, то письмо в этом отношении сильно от него отличаетея. Момент усвоения народом той или иной системы письма полон сознательности в том смысле, что мы можем проследить историю этого события, учесть и понять все факторы, которые способствовали принятию именно данной письменной или алфавитной системы. Среди этих факторов, наряду с общими культурными влияниями не малую роль всегда играли и чисто индивидуальные изобретательские таланты. Это совершенно естественно и понятно. Те, Кирилл и Мефодий, которые поработали, как техники, над первоначальной разработкой славянского алфавита, были вполне исторические личности; точно также на заре почти каждого алфавита или при каждой алфавитной реформе мы встречаемся с такими же индивидуальными изобретателями. Только самое начало семитского алфавита, общего прототипа и наших европейских и ваших восточных алфавитов, еще не вполне выяснено. Оно совершилось, однако, уже на глазах истории, и мы можем до некоторой степени нарисовать себе это событие по последующим историческим параллелям. Такой перевес, такая значительная роль индивидуальной изобретательности об'ясняют то, что между языком, устной речью с одной стороны и письмом–с другой, всегда имеется пропасть. Счастливы те народы, где эта пропасть не широка, где ее легко в педагогическом процессе перепрыгнуть, и несчастны те, где преодоление этой пропасти сопряжено с большой затратой лишнего труда, где изобретатели или реформаторы алфавита не имели достаточно такта и таланта, или где самое представление о языковой природе было в момент изобретения так не ясно, что не позволяло подойти к делу рационально. А так ведь было до сих пор всегда. Наука о языке только теперь выходит на прямой путь, только теперь она может с уверенностью предложить свою помощь изобретателям и реформаторам алфавитов.

Итак, стремление к созданию новых национальных культур и литератур–последствие обновляющих революционных потрясе-

ний. Отсюда: необходимость или создания новых алфавитов, или коренного реформирования старых. Вот характеристика текущего момента. Она относится одинаково к массе и турецких и не-турецких народов. Вот почему один из участников алфавитной реформы, не тюрколог,–на трибуне Тюркологичеческого С'езда.

Моя задача та же, что выдвинута мною в статье, которая появилась в «Новом Востоке». Здесь я, однако, не буду повторять положения статьи, которая уже напечатана. Я постараюсь подойти к вопросу несколько с другой стороны, подобрать иные аргументы и выдвинуть их в иной последовательности.

Моя статья била в одну точку. К алфавиту можно и нужно подходить с технической точки зрения. Это не исключает важности никаких иных точек зрения: политической, общественной и т. д. и т. д., но и чисто техническая точка зрения, тем более в эпоху, когда ставятся так определенно вопросы НОТ'а, также должна иметь все права гражданства. Я выдвигал положение, что алфавит есть один из инструментов письма. Совершенство письма, между прочим, зависит от совершенства письменных инструментов. Вы понимаете, что плохо очиненным калемом хорошо не напишешь, также и тупым плохим карандашем. Такими плохими инструментами напишешь не только некрасиво, что вы, пожалуй, сказали бы не важно, но и неясно, что уже является определенным социальным неудобством, а неясно напечатанная книга является подчас прямо социальным преступлением. Но успех и удача письменности зависит не только от совершенства пера, бумаги или типографии, но и еще от одного инструмента, от системы письменных знаков, в данном случае звукового алфавита. Так точно в свое время успех телеграфии был связан с совершенством алфавита Морзе из точек и черточек.

Если мы примем эту точку зрения,–оговариваюсь еще раз, ни коим образом не исключающую все иные точки зрения,–то мы, следовательно, приобретаем определенную базу для оценки технических качеств всех существующих систем письма и всех алфавитов, предлагаемых к существованию. И вот, если мы с этой чисто технической точки зрения взглянем на алфавит, то мы должны эту общую точку зрения подразделить на три частные

области. Мы можем посмотреть на всякий алфавит, во- первых, с точки зрения его удобочитаемости, т. е. с точки зрения удобства воспринимаемости его глазами читающего человека. Алфавит для глаза, для зрения,–первый уклон. Другой уклон–с точки зрения воспроизведения этого алфавита на бумаге письменными материалами и теми техническими средствами, которые в данную эпоху имеются. Это вторая-точка зрения, второй частный уклон. Третья сторона–с точки зрения легкости усвоения, с точки зрения педагогической с точки зрения легкой возможности обучить массу населения владеть этим инструментом, управлять этим инструментом. Вот по этим трем точкам зрения я и думаю рассматривать примеры алфавита, причем здесь, потому что я ограничен рамками данного мне времени, не смогу рассмотреть многих очень любопытных примеров. Ведь под этим углом зрения мы можем найти массу поучительного в таком алфавите, как грузинский, армянский, но здесь это я буду элиминировать по недостатку времени и потому, что эти алфавиты неактуальны для нас сейчас. Точно также много общего имеется, в русском алфавите, в общем сходном с латинским алфавитом, но и его я принужден элиминировать, и его я тоже вывожу за скобки и не буду рассматривать в качестве примера. Но вот два очень разительных, различных примера я здесь позволю себе рассмотреть подробно, и это будет как раз то, что, как известно, интересует большинство участников С'езда–это будут алфавиты арабский и латинский.

Перейдем к первой частной точке зрения, к пункту зрительному, пункту удобочитаемости и удобовоспринимаемости зрением алфавита. Всякий алфавит в этом отношении борется сравнительно легко с затруднениями письма, но какими способами? Обычно здесь такие простые рецепты, как «пиши четко, пиши отчетливо», т. е. мы переходим к таким вещам, как лучшая бумага, хорошо оборудованная типография и т. д., но для успешности все эти рецепты должны соответствовать преобладающей технике воспроизведения в данную эпоху, той технике воспроизведения, которая на своих плечах выносит в данную эпоху наибольшую тяжесть распространения знаний. С этой точки зрения мы приходим к одному любопытному выводу, что чрезмерная красота алфавита, чрез-

мерно повышенная эстетическая ценность алфавита вредит четкости. И это есть то качество, которое и является достоянием арабского алфавита. Этот алфавит красивый, но это же является и его недостатком потому, что он не годится для современной техники потому, что совершенно невозможно теми техническими средствами, которые сейчас мы имеем, воспроизводить арабский алфавит. В типографском наборе арабское письмо не получается таким красивым, каким оно является. То же самое и в вопросе каллиграфического письма. Мы не можем учить в школах так, как учили везиров каллиграфы мусульманских правителей. Так что с этой точки зрения я нахожу, что здесь алфавит отчетливый, алфавит латинский является неоспоримым, непобедимым конкурентом. Арабский алфавит должен ему уступить в нашу современную эпоху.

Затем, обращаясь к алфавиту с точки зрения второго технического уклона, с точки зрения воспроизведения знаков, воспроизведения алфавита на бумаге, посмотрим, какие существуют сейчас производственные техники в письме. Я думаю, что почти ничего не пропущу, если я прямо перечислю, что на первом месте должна стоять типография (и мы ее ставим на первое место): типкасса, наборная машина, печатная машина, линотипная машина, на втором месте–рукопись, которая существует в школе и которой всякий из нас должен научиться. Затем, на 3-м месте для работающих в конторах, в учреждениях, на пишущих машинах особая техника в области письма. Наконец, на четвертом месте плакат и и вывески. Последнюю технику, технику плакатов и вывесок, мы можем устранить, потому что эта техника находится одной ногой уже в области искусства. Здесь возможны всякие способы и они подлежат уже чисто эстетическому оформлению. Тут, отчасти, есть и сторона психологическая, с точки зрения способности данного плаката и вывески привлекать внимание населения. Здесь допустимы все формы трактовки с точки зрения искусства, но типография это уже такая техника воспроизведения, в которой не только красота играет роль, большую роль играет техника удобства. И вот неудобство набора из отдельных свинцовых литеров, «букашек», как их называют в типографии, набора из отдельных

а букашек» сплошной строкой арабского шрифта, который создался для того, чтобы одним взмахом калема написать целое слово, это является вопиющим недостатком техники производства с тем, что нужно произвести. И здесь мы натыкаемся прямо на поразительные факты. Мне остается только пожалеть, что очень многие из нас, многие из участников этого С'езда, не знают близко типографской техники. Трудно вообразить себе, каковы муки наборщика, который принужден набирать арабский шрифт из отдельных букашек. Что получается? Теснота набора без шпон. Если вы набираете без шпон, арабский текст получается крайне слепой; необходимо сблизить знаки друг с другом, затем путаются эти точки и т. д. Если вы набираете на шпонах, как набирается обыкновенный шрифт, а это является уж всегда обязательным, когда нужно хоть один «харакат» в строку поставить, по крайней мере нужно один «темамен» снабдить двойным «танвином», это даже грозит потерей пространства и бумаги. Затем равномерная длина букв или неравномерная длина–казалось бы маловажный вопрос. Однако, этот вопрос является самым мучительным для наборщика, потому что верстка расчитана на определенную длину строки. Строка арабского шрифта состоит из колонки букв длинных, но неравномерно. Что получается, когда наборщик набирает эти букашки? Когда он подходит к концу строки, получается, что ему нужно разравнять строку, т. е. добавить шпации и сделать вставки. Это довольно трудно. При латинском наборе, где буквы почти одной длины, и то на это требуется известная математическая сообразительность от наборщика, нужно расчитать, что и как поместить до конца строки, и вот здесь приходится прибегать к таким вещам, как удлинение буквы посредством простой черты. Это есть определенное техническое неудобство. Если бы рядом стоял наборщик из типографии, он вполне мог бы подтвердить эти слова. Нужно только видеть своими глазами, и тогда вы поймете. Затем есть в шрифте такие особенности: у некоторых букв есть свешивающиеся части, далеко выступающие наверх, и к низу, и в бок. Таких букв в латинском шрифте нет. Если есть они в какой-нибудь литатуре вроде изящного французского шрифта, они могут быть легко устранены, а из арабского алфавита, если вы их устраните, если устраните «кяф» с длинным хвостом, получите безобразную вещь, не подходящую к общему алфавиту. Есть у буквы заплечики или нет заплечиков, это штука является важной, потому что они часто ломаются, свинец-слишком мягкий материал, не может выдерживать, и у вас получается громадный процент бракованных букашек, бракованных букв, этого наборщики не могут различать и получается опечатка, т. е. то социальное неудобство, которое я указывал. Если вам приходится выставлять, что бывает при наборе с «харакатами», если приходится выставлять знаки над буквами и под буквами, вы должны набирать три строки, строку основных букв, затем строку верхних знаков и строку нижних знаков. Если эти строки сдвинутся, то получится чепуха и бессмыслица. Если этого можно избежать, то социальное удобство требует этого избежать, и исходя с точки зрения воспроизводительной техники, безусловно, мы должны стоять совершенно определенно на стороне латинского алфавита.

Перейдем к рукописи. В рукописи требуются простые формы. Эти простые формы обусловлены минимумом различимости. С этой точки зрения арабский алфавит неудобен тем, что он не дает всегда достаточно точного развития потому, что различие букв в арабском алфавите базируется очень часто на одной точке и в этом смысле минимум различимости здесь не достигается. Мы знаем другие алфавиты, которые страдают излишком различимости, как, например, грузинский, армянский и русский алфавит. Русское «ж» никому не нужно в такой слишком сложной форме. Латинский алфавит несомненно является алфавитом очень тактично восстановившимся на том, чтобы все буквы можно было легко отличить одну от другой, чтобы не, было очень вычурных форм букв. Затем, для рукописи требуется связанность форм. Связанность форм имеется в арабском алфавите, имеется и в латинском алфавите, но где она больше, где она меньше? Градус, степени связанности формы играет большую роль. В арабском алфавите письмо строго делится не на слова, а на графический комплекс по законам простой, графики, по законам того, что такая то буква должна быть оторванной от другой, а такая-то непременно связана. В рукописной форме латинский алфавит совершенно без труда может быть даже разбит

на отдельные буквы, от этого ничто не пострадает. Какова социальная выгода той или другой степени связанности? Меньшая степень связанности выгодна там, где предстоит больше ликвидировать неграмотность, потому что это в большей мере способно гарантировать население от развития дурных неразборчивых почерков, а большая связанность дает большую стенографичность и вместе с тем дает меньшую разборчивость почерка. В общем не каллиграфический почерк может быть доведен до безобразия и в почерке латинским шрифтом и в почерке арабским шрифтом. Шансов на это безобразие больше в алфавите арабском письменном. Вот значит выводы об основах рукописи.

Теперь о пишущих машинах. Сюда примыкают линотип и монотип наборных машин разных систем, проникших в наши типографии и получивших там право гражданства. Здесь мы должны рассматривать число знаков алфавита, необходимых для воспроизведения. Я произвел подсчет, я брал мой проект пишущей машины и существующие проекты, которые уклоняются в ту или другую сторону. Мой проект сводился к следующему. Мы можем устранить сложные формы арабских букв, мы будем ее примыкать к предыдущей букве, при этом условии мы получим с грехом пополам 81 знак, необходимый для арабского алфавита, могущий обслуживать арабский, персидский и турецкие языки. Мы можем здесь выключить с большим огорчением и с большим сожалением еще четыре знака, –это уже будет тогда не вполне обслуживать турецкие языки,–и получим 77 знаков. Русская машина имеет 76 клавиш и может быть хорошо обслужена 76 клавишами. Сюда я включил такие знаки препинания, которые нужны сейчас для арабского шрифта, как запятая, затем точка, тире, скобки и вопросительные знаки, а для русского языка и точка с запятой и т. д.

Теперь с точки зрения усвоения. С точки зрения усвоения здесь надо поставить соответствие принципу простой системы и соответствие этой системы фонемам языка. Об этом говорил вчера профессор Яковлев. На этом мне долго останавливаться не придется, но думаю, так как я хочу здесь представить общее суждение о графическом достоинстве того или другого алфавита, мне необходимо учесть этот довод в готовом виде. Я должен сказать, что

простота системы латинского алфавита неоспорима. Здесь мы не имеем разных форм букв в разных позициях, и с этой точки зрения преимущество надо будет отдать латинскому алфавиту. Таким образом, я разобрал по этим трем точкам зрения два примера, я взял две крайности, два полюса–арабский и латинский алфавиты. Я должен притти к выводам, что технически совершеннее и более отвечает наиболее преобладающий в современной технике алфавит латинский. Теперь я остановлюсь на том, следует ли из этого сделать тот вывод, что надо везде и всюду брать именно это орудие, это лучшее орудие латинского алфавита? Здесь я долго останавливаться не могу и не должен потому, что профессор Яковлев уже осветил этот вопрос с точки зрения социальной. Он говорил, что разным стадиям культурного развития могут отвечать разные решения этого вопроса. Я должен сказать, что наряду с этим эта реформа алфавита не должна быть проводима сейчас же целиком, а тем более проводима с напором. Нет, мы должны постепенно начать заменять несовершенные орудия письма, несовершенный арабский шрифт латинским алфавитом, и тогда мы получим следующие явления. Постепенно–это вполне естественный процесс– при существовании в обществе двух орудий, победа будет переходить к более совершенному. Все более и более крупные слои населения постепенно будут переходить от орудия старого к орудию новому, более совершенному. Вот как решается вопрос. Но здесь есть еще одна сторона вопроса: реформы должны быть обоснованы тактично. Ведь, если переходить к реформе, то нельзя терять достоинств арабского письма, а вы их теряете, говорят противники введения нового алфавита. При введении реформы вы теряете ту большую стенографичность, которая там есть и ту большую эстетичность, которая там есть. Перед теми достижениями, какие дает новый алфавит, эти моменты теряются. Таким образом, я должен сказать, что здесь я с очень большой дозой откровенности высказался о технической стороне алфавита. Я думаю, что здесь я высказался просто как сторонник этой реформы и эксперт. Может представится, что, так как сейчас существует вот такое течение, подумают, что вот, мол, ученые попали под влияние власти, попали в это течение и плывут по течению

туда, куда ведет эта власть. Ничего подобного! Я должен возразить, что подобные аргументы я отвергаю самым решительным образом. Дело в том, что еще в 1913 году я не разбирался ни в какой алфавитной реформе, и несмотря на это, все что я писал на восточных языках тогда, я писал на латинском алфавите. В 1914 году, представляя в Лазаревский Институт свою дипломную работу, представил весь текст в этой работе и на латинском, и на арабском алфавите. В 1914 году «Ени-Ел» не существовал и подобные аргументы опровергаются самой хронологией этого события. Затем еще один пункт. Может быть в этом алфавите, который принят в Азербайджане, может быть в другом каком-нибудь латинском алфавите, который может быть, придется вводить у какого-нибудь тюркского народа, будут несоответствия, частичные неудобства. Ведь всем известно, и мы указывали относительно «ш», «з», «гь» и «ку». Но как относиться к этому? Можно ли из-за этого критиковать все дело? Я должен сказать, что я никогда не могу в данном вопросе стать на точку зрения простого критика. «Ты, вот, работай, ты сделай алфавит, а я буду тебя критиковать». И вот я должен сказать, что необходимо тактично подойти к вопросу. Положим, в Азербайджане новый алфавит еще не совсем вошел в жизнь. Вот уже несколько лет «Ени-Ел» печатался, как печатный орган. Если вы это можете пустить на смарку, давайте реформируем. Если вы признаете, что всетаки в значительных кругах населения этот печатный орган «Ени-Ел» получил права гражданства, эти печатные книги, которые имеются здесь на выставке, также читаются, то мы должны сказать, что из-за этих мелочей, в которых легко переучиться, не можем же мы проваливать всего дела. Противники скажут: «Ах, вы еще будете реформировать? Мы не уверены в том, что это–последняя реформа, мы не уверены, что вы не заставите нас каждый год переучиваться». Это невозможно, потому что каждый год переучиваться было бы весьма неудобно. Поэтому я стою на той точке зрения, что легче оставить некоторое неудобство, но костяк-то самый, принцип, который слишком для нас очевиден с точки зрения его выгоды, принцип нужно оставить. (Апплодисменты). Здесь при таком споре невольно напрашивается сравнение: мы как бы пустили поезд по

одной линии, и если в это время скажем стрелочнику «переводи стрелки», то произойдет крушение. Надо стрелки поставить перед тем, как пойдет поезд. (Апплодисменты). Теперь разрешите огласить мне небольшое резюме на тюркском языке. (Голоса–просим!) (Читает на тюркском языке). (Апплодисменты).

Мамед-Заде. (Делает доклад на тюркском языке, затем переводит на русский). Я постараюсь кратко перевести суть доклада. Товарищи, перед настоящим С'ездом стоит один основной вопрос, вопрос об алфавите, вопрос, от которого зависит разрешение всех наших практических вопросов терминологии, орфографии и методов преподавания в наших начальных школах. Товарищи, говоря об алфавите, мы должны сказать, что арабский алфавит есть нетюркский алфавит, и если подойти к этому вопросу, исторически он происходит от финикийско-еврейского алфавита и, доходя до арабов, от арабов переходит к тем народностям, которые, благодаря историческим событиям, попали под владычество арабов по тем или другим причинам. На этом останавливаться не наша задача. Но тюрко-татарские народы, проживающие издревле в Средней Азии, одинаково попали под владычество арабов, которые, приходя к ним и владычествуя над ними, пришли к ним со своей религией на арабском языке, со своей религией на арабском алфавите. Тюрко-татарские народы свою письменность ведут на этом алфавите, не взирая на то, что этот алфавит с фонетической точки зрения не отвечает всем требованиям тюрко-татарских народов. Произношения тех звуков, которые имеются у нас, у тюрко-татарских народов, их формы, мы не находим в арабском алфавите. Исходя из этого, мы видим, что после Октябрской Революции тюрко-татарские народы освобождаются от ига царизма, от ига всего, оставшегося в наследие от арабов, всех препятствий, которые служили колоссальнейшим тормазом для культуры этих народов. Эти народы стремятся сейчас освободиться от того положения, в каком очутились. Возникают два течения, вернее, эти течения ведут начало с 90-х годов. Но до Октябрьской Революции эти течения были весьма слабыми, не имея возможности проявлять себя. Но Октябрь развязал всем руки, рабочим и крестьянам, и теперь все тюрко-татарские народы занимаются реформи-

рованием и созданием понятных новых алфавитов, таких, которые соответствовали бы фонетике этих народов и с технической стороны были бы удобными и для типографии и в смысле письменности. Перед нами есть течение ислахистов и течение нового тюркского алфавита, в основу которого положен латинский шрифт. Если мы возьмем реформированный арабский алфавит, он мало отличается от старого арабского алфавита. Если в старом арабском алфавите многие буквы писались в начале одной формой, в середине другой, в конце третьей и в отдельности обособленной формой, то от этого ислахисты отказались и приняли только начальную форму. Достигается ли это в типографской форме, достигается ли в печатной книжке,–я отсылаю вас на выставку учебных пособий и к литературе, которая напечатана на реформированном алфавите. Это далеко не достигается. Если они приняли начальную форму и решили не сливать букв, а оставлять между ними пространство, то для того, чтобы в этой литературе видет это пространство, нужно очень хорошо видящему человеку иметь хорошие очки для того, чтобы рассмотреть расстояние между этими буквами. Дальше они отбросили буквы «сад», «зад», которые не соответствовали буквам тюрко-татарского народа, и если у них два эти преимущества сейчас есть, то, с другой стороны, они ввели большие осложнения в арабский алфавит. В арабском алфавите всего три гласных буквы, которые соответствуют звукам тюрко-татарских народов, а вот для остальных шести-семи гласных звуков тюрко-татарских языков на арабском алфавите букв не имеется. Их должны были выдумать ислахисты. Что же они сделали? Из этих трех гласных букв они создали 9-10-16 гласных букв. Они нам не дали определенной конечной формы этих звуков, без надстрочных подстрочных знаков, без точек, а наоборот, из этих трех гласных букв арабского алфавита создали 9 или 10 гласных букв: в основе оставляя эти три гласные буквы они прибавили надстрочные, подстрочные, боковые знаки. В реформированном алфавите остается система точек, которая очень трудно усваивается, потому что местоположение этих точек определенно и меняет значение слов, если не там поставлены. С другой стороны малыш-ребенок, учащийся на этом алфавите, кроме

формы букв, должен изучать точки, где нужно поставить точку и сколько точек. От надстрочных и подстрочных знаков в арабском алфавите ислахисты не могли освободиться,–они остаются. Далее, на реформированном алфавите мы не можем вести записи музыкальных нот, потому что, если писать музыку, то ноты пишутся слева направо, а на арабском алфавите мы должны писать справа налево. При печатании учебников гистологии, математических и медицинских дисциплин мы встречаемся с затруднениями, когда пишем справа налево. Когда мы пишем арабскими буквами справа налево вдруг мы встречаемся с термином европейским; приходится отрывать руку и писать слева направо, вычисляя, сколько нужно оставить места для того, чтобы заполнить латинским словом или математической формулой. Это трудно делать и в типографии и в рукописи. Далее, реформированный алфавит не отвечает интересам тюрко-татарских народов и в том отношении, что, как в старом арабском алфавите было 28 или 32 буквы плюс к этому надстрочные и подстрочные знаки прибавить к этому точки, так что число знаков доходило до 128, которые нужно было изучить, так почти обстоит дело и в реформированном арабском алфавите т. к. от старо-арабского далеко не отошли и реформисты. Ребенку приходится изучать алфавит не в 32-х формах, а он должен изучать надстрочные и подстрочные знаки, местоположение точек и правила, когда и где их ставить. В качестве примеров я беру «о», «у», «ü», такие звуки, которые имеются в тюрко-татарском алфавите, но не имеют своей формы ни в реформированном алфавите, ни в старом. Останавливаясь на новом тюркском алфавите с основой латинского шрифта, я должен сказать, что в новом тюркском алфавите с латинским шрифтом все 9 звуков, которые имеются у нас в языке, имеются в этом латинском шрифте без всяких надстрочных и подстрочных знаков. Единственная точка во всем алфавите-это одна точка над буквой «i». Если написать по-арабски слово «четверг», то придется поставить ровно десять точек, притом нужно знать, где их поставить потому что если они будут не на месте, то прочтешь не «четверг», а «среда». Поэтому, принимая латинский шрифт, мы колоссально облегчили усвоение грамоты в кратчайший срок. Там не нужно отвлекаться и терять

время для изучения надстрочных и подстрочных знаков, чтобы знать, где поставить точки. Дальше, товарищи, новым тюркским алфавитом мы можем совершенно свободно вести нотную запись, можем писать и печатать и медицинские и математические термины. Мы приобщаемся к европейской культуре, а это имеет для нас колоссальное значение. Не имея достаточно своей письменности, имея только молодое издательство, мы в наших школах, начиная с низшей, кончая высшей, вынуждены пользоваться только литературой русской и европейской, а европейскую литературу мы можем легко изучить тогда, когда у нас алфавит будет такой же, как у них или будет очень близко стоять к этому алфавиту, а на арабском алфавите, хотя и реформированном, мы не будем иметь всех этих достижений.

Ислахисты, когда выступают против нового алфавита, говорят, что мы отрываемся от тюркской массы и поэтому между нами может быть большой разрыв. На это я отвечу словами тех народов, которые тоже пошли в сторону культуры. Возьмем турок. По этому вопросу есть определенно два течения в Турции: ислахисты и сторонники нового тюркского алфавита, с латинским шрифтом. Вот эти сторонники нового тюркского алфавита с латинским шрифтом, отвечая противникам нового алфавита, говорят–привожу из газеты «Танин» от 27-го февраля 1924 г.–«мы должны вспомнить, что арабский алфавит-не наш алфавит, и издание, напечатанное на арабском алфавите, читается очень малым количеством населения. Тираж газет на арабском алфавите ограниченный». В той же газете от 6-го марта 1924 года мы читаем следующее: «Оставленную нам от наших предков, прадедов и т. д. литературу мы терять не намерены, не отбрасываем совершенно, но мы должны стремиться к тому, чтобы эта литература читалась. Что же делается? Эта литература, написанная на арабском алфавите или на реформированном алфавите, читается каким-нибудь десятком тысяч всего населения. Если какой-нибудь десяток тысяч умеет читать и писать на реформированном алфавите, то это всегда им доступно в библиотеке. Пусть они там этим занимаются, но мы должны считаться с тем, что мы имеем перед собой многомиллионную массу, которая не культурна, которая безграмотна, и

этой самой массе литература недоступна. Поэтому нам нужно задуматься об этой многомиллионной массе, а не над кучкой интеллигенции. Далее, если говорить об оторванности от Востока мы должны добавить к этому, что мы в данный момент переживаем такое положение, когда мы уж некоторым образом занимались реформой алфавитов, занимались вопросом освобождения от арабского алфавита, мы уже разобщились. Нам нужно преследовать две задачи: во-первых, задачу приближения к европейской культуре и, во-вторых, задачу наискорейшей ликвидации того невежества, которое имеется у нас среди рабоче-крестьянской массы, невежества, оставленного нам от старого правительства. Этого можно достичь только единственным путем, при помощи того алфавита, который совершенен или близок к совершенству, при помощи алфавита, который отвечает фонетике этого народа; того алфавита, который технически удобоварим, а таковым является товарищи, новый тюркский алфавит на латинской основе. Поэтому, товарищи, сегодня, обсуждая этот вопрос, мы должны подойти к нему объективно и иметь ввиду не интересы кучки интеллигенции, которая сейчас руководит просвещением и культурой нашей, а нужно иметь ввиду ту массу, которой принадлежит власть. Нужно подумать о рабочих и крестьянах. И вот я скажу, что сделал Азербайджан в этом направлении за это кратчайшее время.

Вопрос о новом алфавите был поднят в 1922 году после Октября.

С 1922 по 1925 г. включительно, в течение 3 лет мы должны были провентилировать этот вопрос, узнать мнение, прощупать настроение масс. Массы требуют от нас просвещения, науки, и мы должны были эту жажду масс удовлетворить. Теперь, когда мы приняли новый тюркский алфавит, наши достижения нам говорят, что тот верный путь, который был нужен для ликвидации невежества, этот путь найден. Это доказывается, во-первых тем, что в наших школах I ступени в I группе, все учащиеся обучаются теперь на новом алфавите. Мы, как работники Наркомпроса, больше всего заинтересованные в этом вопросе, видим следующее: с одной стороны, конференция учителей констатирует, что на этом

фронте большие достижения, что 70% обучающихся в течение каких- нибудь 6–7 месяцев уже усваивают эти 33 буквы и уже читают на этом новом алфавите книги. Этога мы не могли достигнуть при арабском и реформированном алфавитах; с другой стороны, если тираж газеты «Ени- Ел» сопоставить с «Коммунистом», который существует в течение 6 лет, то тираж этот выразится в 6,000, а «Коммуниста» в 10.000. Это доказывает, что рабоче-крестьянские массы в этом вопросе заинтересованы жизненно, что они поняли, что если было освобождение во время советской власти, то все-таки на фронте просвещения эти массы; были некоторым образом связаны по рукам и ногам.

Перейдем теперь к ликвидации неграмотности. В течение двух лет мы имеем около 70 тысяч человек, ликвидировавших свою неграмотность. Можно об'ехать все наши рабочие районы и там видеть десятки тысяч ликвидировавших свою неграмотность рабочих. Можно поехать–это недалеко–и воочию убедиться в этом.

Эти массы поняли, что единственное спасение их в новом алфавите, который отвечает их фонетике, звуку, технике и дает им возможность приобщиться к культуре.

Я обращаюсь к С'езду и думаю, что С'езд на этом вопросе остановится об'ективно только в интересах рабоче-крестьянских масс для того, чтобы создать второй Октябрь на этом фронте и для того, чтобы освободить от векового арабизма, от векового невежства рабоче- крестьянские массы.

"Арабская и латинская система шрифтов и вопрос о применении их для тюрко-татарских народностей»

Галимджан Шараф. I. Более 90% населения всех тюркских народностей земного шара пользовались столетиями, пользуются и теперь арабской системой шрифтов, остальные же 7–8% (чуваши, крещеные татары, якуты и некоторые мелкие тюркские народности Сибири) пользовались несколько измененными русскими шрифтами, перешедшими к ним от русских вместе с православием; причем из числа тюркских народностей крещеные татары

после Октябрьской Революции, по постановлению своих конференций и с'ездов, приступили к практическому переходу от русской письменности к арабо-татарской, а якуты приступили к практическому переходу от русской письменности к латинской, являясь таким образом первыми пионерами среди тюркских народностей в вопросе о практическом массовом переходе к латинской системе. Для тюркских народностей, пользующихся арабским шрифтом, как из среды самих этих народностей, так и извне, бывали предложения со стороны отдельных лиц и групп, как о переходе к русской письменности (Алтин- сарин у казак-киргиз, Метиелов, Кулаев у башкир, так. наз. Правила 31 Марта Царского Правительства и т. п.), так и о переходе к латинской системе шрифтов (Фатх-Али Ахундов у азербайджанцев, Сагид Рамеев у татар и башкир и др.). В настоящее время среди самих тюркских народностей, пользующихся арабским алфавитом, совершенно не имеется заметных сторонников перехода к русской письменности. Сторонники же перехода к латинской системе шрифтов имеются среди всех тюркских народностей, но почти ни один из них еще практически не сделал массового перехода к латинской системе. Итак, все тюркские народности имели и имеют в массовом употреблении или арабский или русский шрифт (чуваши и др.). Поэтому вопрос о принятии латинского шрифта, является вопросом не о выборе шрифта, а вопросом о замене существующих у них шрифтов; это обстоятельство я подчеркиваю, так как вопрос о замене шрифта в культурно-экономическом и общественном отношении имеет громадное значение, в особенности, для народностей, имеющих значительные культурные достижения в прошлом и настоящем, как турки Турции, казанские татары, азербайджанцы, узбеки, казак-киргизы и др. Замена шрифта в этих случаях связана: с переучиванием новой грамоте всех грамотных по прежней письменности, с необходимостью на ряд лет ведения параллельного издательства, обучения грамоте, создания навыков чтения и письма одновременно по двум письменностям, каковое продолжается, как у немцев, ряд поколений; это потребует практической и методической переподготовки учителей, переоборудования типографий, словолитен и других технических и практических

проявлений культурной жизни, а главное, потребует, в особенности в первые периоды, создания громадного перелома в общественном настроении широких масс населения данной народности. Чем выше данная народность в культурном отношении, чем больше у него культурных ценностей, тем будет труднее провести такую перемену шрифта, не только с экономическо-финансовой стороны, но и общественной. И так, вопрос о перемене шрифта, если приступить к ее массовому практическому осуществлению, является и для тюркских народностей, крупнейшей общественной и экономической задачей, к принципиальному и практическому разрешению которой можно приступать только с сознанием полной ответственности и взвесив все реальные, и только реальные, положительные и отрицательные стороны данной перемены шрифта. И поскольку у нас стоит вопрос не о выборе, а о перемене шрифта, что связано, как я указал, с громадными трудностями, то к предлагаемому вновь для замены латинскому шрифту мы должны относиться с большей строгостью и с большими требованиями, чем к существующим шрифтам, чтоб возместить принесенную жертву и оправдать затраченную энергию и средства. Шрифт–дело техническое; здесь, действуя без достаточного расчета, вульгарно выражаясь, «можно сесть в калошу».

II. Шрифт является орудием взаимной передачи человеческой мысли и умственных достижений через время и пространство и, в качестве такового, является ценнейшим орудием культуры человечества; значение шрифта и письма несравненно выше значения других орудий того же назначения–телефона, телеграфа, радио и т. п., служащих для передачи только через пространство. Вопрос о выборе или перемене шрифта есть вопрос о выборе соответственного орудия той или иной системы. Для определения годности и сравнения относительной выгодности орудий различных систем, лучшими методами являются методы научной организации труда. Этот метод, путем изучения мельчайших движений и других моментов повторяемых миллионами людей десятки и сотни тысяч раз и интегрируя таковые, точно определяет сравнительную годность различных орудий и методов труда. Мы воспользуемся этими методами НОТ. Точки зрения изучения различных систем шрифтов применительно к тому или другому языку должны сводиться к следующим моментам: 1) Годна ли вполне та или другая система шрифтов для полной и нормальной передачи мысли на данном языке письменности, т. е. имеет ли она достаточный запас графем для практической звуковой передачи языка и, если этот запас недостаточен, имеется ли возможность его пополнения без нарушения системы; 2) при какой системе шрифта быстрее идет самый процесс чтения печатного и рукописного текста; 3) сравнение их с точки зрения скорости процесса письма; 4) удобство типографской техники, способность применения к ним усовершенствований техники; 5) сравнительная вместимость шрифта в печатную страницу, т. е. определение стоимости продукции напечатанной книги при одной и той же чтимости; 6) количество лиц, уже умеющих пользоваться данной системой орудия, т. е. % грамотности по этой письменности среди населения, говорящего на данном языке, сравнительная доступность овладения, изучения для неграмотных и для будущих поколений, а также степень наличия на этом языке по данной системе письменности материала для чтения. 7) Момент удобства для межнационального и международного сношения и полезность для взаимных культурных влияний и 8) внешняя изящность букв.

III. Исходя из различных реальных и предполагаемых недостатков арабской системы шрифтов, у многих из нас установился взгляд, что арабские буквы в существующем виде с четырьмя типографскими начертаниями каждой буквы не могут вполне удовлетворять нашим культурным нуждам, вследствие чего поднят вопрос о реформировании или замене арабской системы латинской системой шрифтов.

Что касается сторонников замены, то все виднейшие их представители предлагают принять латинский алфавит, не изменяя принципов его употребления в Западной Европе (графическая прямолинейность начертаний, сохранение заглавных и строчных букв, сохранение значительной разницы в начертаниях типографских и рукописных букв и т. п.), разбиваясь между собой только в отношении установления начертаний букв для звуков тюркских

языков, в случаях отсутствия латинских букв, с соответствующим звуковым назначением. Оставляя в стороне сторонников сохранения старых шрифтов при четырех начертаниях, укажем, что сторонники реформы арабского шрифта разбиваются или, вернее, разбивались на пять течений: 1) Приближение того или иного начертания каждой арабской буквы к начертанию какой-либо латинской или русской буквы, причем вводятся строчные и заглавные буквы, печатный шрифт отличается от рукописного, строка идет справа налево (представителями были: известный типограф в Казани Н. И. Харитонов, Шериф Манатов и др.), к ним же близко стоит проект братьев Рамеевых, графически разработанный тов. Акчокраклы, и отличающийся от первых проектов сохранением рукописного шрифта в прежнем виде совершенно без изменения; 2) сторонники принятия в качестве единого начертания прежних, так называемых, отдельных начертаний арабских букв, без изменений или с некоторыми изменениями с одинаковыми начертаниями, как для печати, так и для рукописи (проэкты Исмагил Хакки Маласлы, Ахмеджан Мустафа, Гимад Нугайбек и др.); 3) сторонники создания двух начертаний: прежних начальных и отдельных букв, с употреблением вместо прежних средних начертаний–начальных, и вместо конечных–отдельных (Проэкт газеты «Танин», Тукаева, Бурнашева); все 3 проэкта осуществлены в типографиях; 4) предложение о принятии в качестве единых т. н. начальных начертаний прежних шрифтов (Рахманкулов, Алиаров, Гади Максудов, Байтурсун, Идрисов и др.), некоторые из них осуществлены в типографиях, особенно широкое распространение в заголовках и учебниках имели шрифты по проекту Идрисова, и 5) предложение о принятии в качестве единых тех же начальных начертаний, но с прибавленем первой половины средних начертаний, напр, буква «б» с прибавлением первой половины «т» в слове «битди» بتدى (Проэкты Г. Шарафа и Тукаева). Не имея здесь возможности останавливаться на критическом разборе отдельных предложений, ограничусь указанием, что последнее–пятое предложение, новейшее по возникновению, является результатом использования всех прежних опытов в направлении реформы арабских шрифтов и дает возможность сохранить почти пол-

ностью имеющиеся у грамотного населения навыки по процессу чтение и письма, устраняя вместе с тем все главнейшие недостатки переформированных арабских шрифтов. Крупные афишные шрифты по этой системе уже осуществлены в Уфе Тукаевым и введены в практику в ряде местностей СССР, словолитни Казани заняты в данное время заготовкой соответствующих типографских шрифтов по проэкту Шарафа.

При сравнительной общей оценке системы шрифтов, мы будем сравнивать латинско-русскую систему шрифтов с основной арабской системой. При конкретных и практических сравнениях же буду сравнивать латинский шрифт в том виде, как он принят в Азербайджане, с принятой в Татреспублике системой реформированных шрифтов.

IV. Приступая к сравнению арабской и латинской систем шрифтов, начнем с выяснения вопроса о том, насколько та и иная система шрифтов может служить для достаточно точного обозначения слов тюркских языков в практической письменности, посколько у нас письмо звуковое. Этот момент сводится к вопросу о том, какая система шрифтов имеет достаточный запас графем, т. е. буквенных начертаний, соответствующих основным звукам того или другого тюркского языка. Арабский алфавит имел раньше 28 букв, тюркские народы ввели, еще задолго до революции, еще 8 букв, таким образом, общее число основных букв дошло до 36, из них 4 служили для обозначения гласных, остальные–согласных звуков.

Запас буквенных начертаний для согласных по арабским шрифтам достаточен для обозначения, в письме всех соответствующих звуков языка и их начертания и звуковые значения установились однообразно у всех тюркских народностей. Что же касается гласных звуков, то относительно их обозначения можно применять два метода: 1) метод использования момента сингармонизма–при этом приходится дополнять наличные буквы одним знаком для указания твердости или мягкости слова и 2-3 начертаниями для гласных; 2) метод парных гласных, возлагающий на гласные звуки задачу указания также тведости или мягкости всего слова в этом случае придется прибавить к существовавшим раньше еще 5-6 букв для тех гласных, по которым недостает знаков. Опыт приме-

нения того и другого метода был почти у всех тюркских народностей. Эти опыты подтвердили возможность установления для тюркских языков на основе арабской системы, не только возможность установления близко к фонетической практической орфографии, но даже академической транскрипции (казанский проэкт).

Основная латинская азбука имеет 26 букв, в этом числе 6 гласных и 20 согласных. Опыт применения латинского алфавита для различных тюркских народностей показал, что азербайджанцы из 34-х букв для своей письменности только 19 (56%) сумели взять непосредственно из латинского алфавита, не меняя начертания и значения, в 7 случаях (21%) они взяли латинские начертания с изменением обозначаемого ими звука, в остальных 8 случаях (23%) изменили и начертания и значения, в том числе частью взяли русские начертания. У якутов из 34-х букв, только 17 (47%) соответствуют латинским по значению и начертанию, 2 соответствуют по начертанию, но не по значению, остальные же 17 (47%) отличаются от латинских, как по начертанию, так и по значению; проэкт латинистов по применению к башкирскому и татарскому языкам–только в 19 случаях из 35 (54%) сумел сохранить латинские буквы, без изменения их начертаний или значения. Итак, латинский алфавит без изменения значений и начертаний удовлетворяет только от 47 до 56% звуков тюркских языков, тогда как по арабской системе приходится для писаний по той же орфографии прибавлять только 15% новых или измененных начертаний. Итак запас графем–букв, для обозначения звуков и слов тюркских языков и для установления нормальной практической орфографии, у арабской системы более благоприятный, чем у латинской. Если дополнить соответствующими знаками, то и по арабской и по латинской системе можно писать по какой угодно точной орфографии. Так что вопрос об орфографии вопрос совершенно другого порядка. Все северные тюрки изменилии свою орфографию и ряд лет уже пишут или фонетической или близкой к фонетической орфографией. Печатных материалах же, подготовленных к нашему С'езду, и в трудах по этому вопросу, написанных сторонниками принятия латинского шрифта,–почти все сторонники латинской системы шрифтов всегда путают вопрос орфографии с вопросом о шрифте. Потому мы подчеркиваем, что эти вопросы совершенно разного порядка, и что и по латинской системе можно иметь очень плохую орфографию, как у англичан и американцев, а также и по арабской системе можно иметь точную фонетическую орфографию, как у казаков, башкир и татар. Если среди нас имеются народности, а азербайджанцы остаются уже таковой единственной тюркской народностью в СССР, совершенно почти неподвижной, другими словами консервативной в отношении реформы орфографии по арабской системе, то это еще не дает право возлагать на систему шрифта вину за то, что они не хотят улучшать и реформировать свою орфографию. Это замечание относится и к той части ленинградских и московских русских профессоров, давших заключение о признании русской наукой «полной непригодности арабской системы шрифтов для передачи звуков турецкого языка» *. Трудно объяснить такое заключение, тем более после имеющихся уже опытов и практики в этом направлении. Если у кого плохая орфография, то нужно направлять орфографию, а не поднимать из-за этого вопрос о перемене шрифта, так как иначе можно очутиться в положении Японского Комитета по введению латинской письменности, истратившего массу энергии, достойной более положительного применения, а также убившего 90 миллионов фун. стерлингов денег на это дело, и в конце концов через несколько лет в 1914 году прекратившего свое существование. (См. бакинский журнал معارف مذنيت 1923 года № 11 стр. 42).

V. Переходим к моменту скорости процесса чтения. Сначала остановимся с точки зрения процесса чтения печатного текста. Когда мы читаем, то мы слова разбираем не по отдельным буквам, а своим зрением воспринимаем целое напечатанное слово, или даже два небольших слова и узнаем общее начертание этих слов, так же, как узнаем мы отдельные знакомые предметы и лица. Написанные или напечатанные слова, по какой бы системе шрифтов они ни были обозначены, являются теми же самыми иероглифами,

* Агамали Оглы. Неотложные культ, нужды тюрко-татарских народов. Стр. 73, а также см. сборник «В борьбе за новый алфавит». Москва 1926 года.

как китайские и египетские, и отличаются от посследних только системой конструкции рисунка иероглифических знаков: если в иероглифах для обозначения понятий «он» рисовали руку с указательным пальцем, то для обозначения того же слова «он» звуковым письмом, мы составляем рисунок, состоящий из особых двух маленьких значков, условно отвечающих соответствующим звукам, входящим в состав данного слова. Итак, грамотный человек читает не отдельные буквы, а сразу целые слова, узнавая общее обозначение их, т. е. их иероглиф, и на этом принципе основывается и так называемый американский метод обучения грамоте, метод целых слов. Чем характернее общий рисунок–иероглиф того или другого слова, тем он скорее схватывается нашим зрением при процессе чтения. Итак, с точки зрения процесса чтения, установленного и общепризнанного соответствующими специалистами, быстрая охватываемость, чтимость слов определяется не начертанием отдельных букв, входящих в состав слова, а только характерностью рисунка всего данного напечатанного слова в совокупности, отдельные же буквы, входя в состав слова, играют служебную роль только в отношении усиления и ослабления характерности всего иероглифа данного слова среди других слов.

Буквы в латинской системе шрифта представляют из себя, большею частью, рисунки из прямых линий частью сочетающихся с рисунком «о» и вписаны в прямоугольники. Здесь печатная строка располагается между двумя параллельными линиями, и каждое слово состоит грубо выражаясь, из отдельных кирпичиков, насаженных вертикально. Поэтому иероглифы слов отличаются между собой, большей частью, только числом этих кирпичиков и разницей между рисунками, вписанными в этих кирпичиках. Только часть латинской системы букв, как d, b, 1, t, h, p, q, i, имеют те или иные выступы, или надстрочные знаки–точки, лежащие за параллельными линиями строки. Известный профессор Мейман и другие ученые по экспериментальной педагогике и по педологии рядом точных опытов установили, что охватываемость отдельных слов нашим зрением, другими словами, быстрота чтимости отдельных слов, напечатанных по латинской системе, определяются наличием и количеством в них букв, начертание которых имеет

части, выходящие вверх или вниз за пределы двух параллельных линий, а также букв, имеющих точки и надстрочные знаки, как «i, i, ä, ö, ü, t, b, d» – в немецком языке*; так международное слово mimimum без точек над «i» читался бы гораздо труднее чем при этих точках.

Арабские же буквы не имеют двух параллельных линий и прямоугольников; здесь имеется только одна основная линия строки, от которой вверх и вниз идут разнообразные по размерам прямые и кривые линии, снабженные в большинстве случаев точками и значками над или под строкой. Вот это обстоятельство, именно наличие точек, отсутствие кирпичиков, наличие кривых и прямых линий, отходящих от одной основной линии, дают характерность каждому отдельному слову-иероглифу, облегчая своей характерностью в том или ином направлении моментальное нахождение и припоминание знакомых образов. Совершенно так же, как мы своих знакомых, ходящих с палкой или в шляпе с широкими полями, узнаем сразу среди, массы публики, так же характерные слова, написанные арабскими буквами, мы узнаем среди других слов, характерных уже в других отношениях, точки сверху, снизу, хвостики вверх и вниз отходящие от основной линии строки. Таким образом графический характер арабской системы шрифтов, если мы будем исходить от установленных наукой принципов процесса чтения, в отношении более скорой чтимости является более благоприятным, чем в латинской системе.

Правильность же законов о процессе чтения мы можем проверить и без приборов. Так слово «джан» (душа) мы привыкли видет в книгах ввиде جان или جا: в слове جانلى , если мы это слово напишем в измененном виде ج ا ن т. е. отдельными начертаниями тех же букв, то мы не узнаем этого слова, так как в арсенале иероглифов знакомых нам слов, не имеется такого иероглифа–слова. Трудность для непривычных чтения газеты хотя бы «Jeni Jol, напечатанной латинскими буквами, заключается не в том, что они плохо знают латинские буквы, они может быть, знают их и

---

* Мейман "Лекции по экспериментальной педагогике" т. III, лекции 14-я и 15-я.

очень хорошо, но иероглифы слов, состоящие из латинских букв, в совокупности им еще не знакомы, и они читают как посетители пункта по ликвидации безграмотности, знающие отдельные буквы, но не привыкшие сочетать их в иероглифы целых слов. Это обстоятельство, если с одной стороны подтверждает иероглифичность наших писаний, с другой стороны указывают, что после перемены шрифта, чтоб заново научиться нормально читать и писать, нам недостаточно ознакомление с отдельными буквами, а нужно создание в своей памяти целого арсенала иероглифов по новой системе, т. е. создать у себя заного процесс чтения по ней. Если даже мы не будем исходить от процесса чтения, а исключительно от начертания букв, то едва ли имеет смысл обвинение арабских шрифтов в однообразии (напр. отличие букв для звуков– б, п, т, н, и–между собою только надсрочными и подсрочными точками), если примем во внимание, что взамен их предлагается латинская система, в которой, по применению ее в Азербайджане буквы o, ɵ, d, b, p, q, g, e, ə, c или i, n, m, n, u, h, r, l в основе своей исходят от «o» и «i» и являются их видоизменением посредством дополнительных палочек и хвостиков, и вырезывания частей в «c» «e». Оба алфавита мирового значения, латинский и арабский, исходят от немногих основных нот, и это сделано не зря, а в целях облегчения усвоения приемов процесса письма к которому мы подойдем ниже.

Что же касается заявления о том, что арабская система своими точками и значками является вредной для глаз и негигиеничной, сообщаемых в представленных вниманию всемирного Тюркологического С'езда печатных материалах, то нужно сказать, что они основываются на представлении, как будто тюрко-татары читают не по нормальному процессу чтения, а вместо этого считают сколько и где точек поставлено. Для того, чтоб проверить влияние для глаз той или иной системы шрифтов, достаточно прибегнуть к приему глазных врачей, взять-какой нибудь текст, напечатанный шрифтами одинаковой крупноты по латинской и арабской системе, и одновременно издали приближать их к себе, человек достаточно грамотный по обоим шрифтам, как видно из многократно поставленных опытов, текст по арабской системе разбирает на

более дальнем расстоянии. Лицам, достаточно грамотным, по обоим системам, можно еще над собой сделать такой опыт: один вечер попробовать долго читать книжку напечатанную арабскими шрифтами, другой вечер читать книгу напечатанную по латинской системе или на русском языке, что мало изменит точность опыта. И вы увидите, следя по часам что глаз начинает уставать скорее при чтении по латинской системе. Я не буду затруднять ваше внимание еще рядом возможных простейших опытов в этом направлении, все они приводят к одним и тем же результатам; некоторые из них опубликованы мною еще в 1923 году*.

На ложность утверждения, что арабские шрифты вредны для глаза, указывает и то обстоятельство, что среди народов Востока, даже среди лиц, занятых всю жизнь чтением и письмом по этой системе шрифтов, лица носящие очки встречаются чрезвычайно редко; если мы сами носим очки, то это является для нас в значительной степени подарком от русской системы шрифтов.

Сообщу еще об одном опыте, поставленном в 1922 году в Казани над 40 учениками татарского педагогического техникума и над таким же количеством учеников русского педтехникума, с соблюдением нормальных условий опыта. Опыт имел целью выяснение скорости чтения и письма тех и других на родном языке, у первых по арабской, у вторых по русской письменности, текста в 1000 типографских знаков. Опыт подтвердил, что у татарских учеников, несмотря на их несколько меньшую общую подготовку и старые нереформированные шрифты, скорость чтения была в среднем на 26% выше, а скорость письма на 32% выше, чем у русских учеников. Что же касается басен о превращении « فازتلر » в « فافبلر » и т. п, то они являются веселыми анекдотами, а не историческими фактами, что можно сразу уяснить, если вдуматься в их содержание.

Несколько слов скажем относительно процесса чтения рукописного текста. Здесь остаются теже законы. Но посколько в арабской системе слова имеют в печати тоже или близкие начертания к ру-

* См. журнал «Маариф» Казань, 1923 г., №№ 2, 3, 4.

том переносится и на рукописный. Поэтому нормальный рукописный текст по арабской письменности, кем бы он ни был написан, всегда разбирается легко, тогда как написанное латинскими и русскими буквами, очень часто, даже самим написавшим, разбираются с трудностью; и здесь арабскому шрифту помогает характер графики, система точек, а также общность знаков для рукописного и печатного текста. Несмотря на это, латинисты частью ставят в вину арабскому шрифту то, что у него не имеется отдельных от рукописных начертаний для типографии. В странах же с латинской системой со стороны отдельных лингвистов и педагогов в их трудах нам приходится слышать обратные предложения о сближении печатного текста к рукописному. Так, известный языковый профессор Томсон, в своем труде по теории русского правописания, высказывается о желательности введения курсива, близкого к рукописному, в качестве основного типографского шрифта, в целях создания общего процесса чтения, а также, как он говорит, для избежания прямоугольных типографских букв, затрудняющих процесс чтения, более закругленным типографским курсивом*).

VI. С точки зрения скорости письма вопрос можно исследовать по НОТ в следующей плоскости: 1) направление движения руки при процессе писания в латинской системе идет большей частью как в буквах «о, в, е, и» против часовой стрелки, этим же об'ясняется направление слева направо. По арабской же письменности как в буквах «ﻭ، ﺑ، ﺳ» движение руки при писании букв и слов идет преимущественно по часовой стрелке, поэтому и строка идет справа налево. Если мы будем следить, как рабочий за станком или швея вертит рукой свою машину, то увидим, что все это делается движениями по часовой стрелке. Вообще, когда в процессах труда приходится делать массовые круговые и овальные движения, когда шьют иголкой, где вьют веревку и т. п., всегда рука человека делает массовые движения по часовой стрелке,

*) См. А. Томсон «К теории правописания и методологии преподавания его» –«Летопись Ист. Фил. Об-ва при Новор. Ун-те», XI. Одесса 1914 г., стр. 216-17 и 228.

тогда как, если например, машину начнет вертеть в обратном направлении, то рука весьма скоро устает. Известный педагог Блонский, в своем труде «Педология в массовой школе»* говорит, что русские дети в первом месяце обучения письму пишут буквы справа налево, т. е. по часовой стрелке, иногда даже у них слова получаются обратные нормальному русскому, получается так называемое детское «зеркальное письмо». Он об'ясняет это явление тем, что у людей, а у детей в особенности, лучше развиты мелкие мускулы, подвигающие руку и пальцы в этом направлении; он дает целый ряд указаний, какими приемами искусственно нужно развивать у детей мускулы для движения в обратном направлении, т. е. против часовой стрелки; в частности, как подготовительный прием, он предлагает заставлять детей вить веревку в обратном направлении тому, как это делается обычно. Итак, многие латинисты обвиняли арабский шрифт за то, что он пишется справа налево. Право же, в этом виновата не арабская система, а природа человеческой мускулатуры. Нельзя же ставить ей в вину то, что и в отношении направления движений в письме она соответствует законам организации труда!

Почему же культурные народы Запада пишут иначе? Ответ простой: деды их писали так, устанавливалась традиция. Первоначальное же установление у прадедов письма слева направо, относится ко временам, когда еще ни бумаги, ни карандаша, ни перьев не было, а писали они почти исключительно на мраморе, вырезывая буквы, и направление письма, как я думаю, установилось у них в зависимости от орудий письма. Когда же появились бумага и перо, дальнейшие поколения не захотели переменить направления, хотя бы на естественное.

Итак, направление мелких движений письма и связанное с ним направление строки в арабской системе более естественное и соответствующее нормальной мускулатуре человека, освобождающее от таких трудовых процессов, как вить веревку в обратном обычному направлении.

*) Москва, 1925 г. стр. 3-7.

От направления движения переходим к качеству движения. Латинская система требует для каждой буквы крупных движений, тогда как арабские буквы, как и стенографические знаки, превращаются почти в одни зигзаги. Этот момент ускоряет письмо, потому она и принята стенографией, которая несмотря на то, что возникла в западных странах, не приняла приемов латинского письма со штрихами полного оформления. Мелкие движения, хотя представляют несколько большую трудность при обучении беглому письму, но наши татарские учителя знают очень легкий выход из этого положения: на первых порах они детям предлагают писать крупными буквами и только. Теперь переходим к вопросу о количестве движений. Если написать татарское слово بالتا «балта» (топор) по курсиву рык'а арабской письменности, требуется, включая и отдельные движения и отрывы руки для точек, всего 8-9 импульсов движения руки, для написания того же слова латинскими буквами потребустен 13-14 импульсов движения. Опыты над значительным количеством слов показывают, что в среднем латинская система требует для написания одного и того же текста на 30-35 % большего количества импульсов движений, чем при писании того же текста арабской системой.

При указанных трех преимуществах, арабское письмо имеет и некоторые недостатки: это наличие точек и надстрочных знаков и букв, не соединяющихся с последующей буквой того же слова. Но, если со включением отрывов руки от основных начертаний для перехода к точке, а также движений на установку точки, а также обратного движения от точки к основной строке, все же получается быстрота письма большая на 30%, чем при латинской системе, по отрывы для точек вполне можно простить арабской системе. Чтобы удостовериться в этом, лицам одинаково свободно пишущим по обоим системам предлагаю взять какой-нибудь небольшой текст достаточно характерный для данного языка, и с секундомером на столе, в течение двух или трех минут, писать и повторить все тот же текст, сначала по одной системе, потом по другой. Такие многократно поставленные опыты подтвердили характерность результатов, указанных выше опытов в казанских

педтехннкумах, указывающих на значительно большую скорость письма арабским шрифтом. Исходя из больших преимуществ арабской системы письма от латинской, в Казани в данное время тов. Нугайбек, много занимавшийся раньше вопросами шрифта и орфографии, занят приспособлением стенографии к татарскому языку справа налево; первые опыты обещают дать желательные результаты.

VII. Переходим к сравнению систем шрифтов с точки зрения типографской техники: латинская система шрифтов имеет по два начертания каждой буквы для типографии: заглавные и строчные, и вполне приспособлена для типографской техники, для наборных и пишущих машинок. Все это имеется в Западной Европе и применительно к алфавиту европейских народностей. Если же дело доходит до нас, то перспектива воспользоваться готовой техникой Запада в значительной степени отпадает и вот почему: с одной стороны, латинский алфавит в том виде, в каком он существует на Западе, не удовлетворяет наши нужды, ввиду недостатка знаков почти на 30%. Для обозначения наших звуков, поэтому, требуется дополнение и изменение знаков, т. е. реформа латинского алфавита.–Это означает, что ни одним комплектом шрифтов без дополнительной переработки в словолитнях, ни одной пишущей или наборной машиной, без внесения соответствующих изменений в них кустарными или фабричными путями, мы воспользоваться не можем; с другой стороны, ни в одном городе, даже в таких центрах, как Ташкент, Оренбург, Самарканд, Казань, Уфа и Астрахань, вы не найдете в их типографиях даже переформированных вами латинских шрифтов.

Что же касается арабской системы шрифтов, то она в переформированном виде по применению ее к татарскому языку имеет по 4 знака для 19 букв и по 2 знака для остальных 13 букв. Так что, если латинская наборная касса Азербайджана имеет до 66 ящиков для букв, и со всякмми значками, цифрами и проч. вспомогательными материалами, должна иметь до 110 ящиков, то татарские типографии в своих кассах по практикующейся у мае переформированной орфографии при 4 начертаниях имеют до 150 ящиков. Итак, по старым шрифтам количество ящиков наборной кассы на

30% больше, чем в латинской кассе Азербайджана.

Кроме того, старые арабские шрифты имели слитые буквы вроде и т. д. В наших казанских кассах они давно устранены за исключением ( ), а последнее время эти слитые буквы, как видно по газете «Коммунист», устранены и в Азербайджане, так что о них говорить не приходится, а там где они не устранены (например, в Турции), то их устранение остается дальнейшей задачей.

Далее, старые арабские шрифты имели, так называемые, верхние боковые подрезки. Они уже в казанской словолитне устранены, и соответствующие шрифты приняты как татарской печатью, так и у других северных тюрков. Еще одним недостатком экономического порядка является высота (большой кегель) арабских шрифтов. Это обстоятельство, главным образом, объясняется наличием конечных и отдельных начертаний в виде В казанских словолитнях значительное сокращение кегля массовых шрифтов уже достигнуто также при старых начертаниях. Так, вместо 16-го кегля до революционного газетного и книжного тексте, теперь установлен 12-ый кегель нормаль. Это же привилось и у других северных тюркских народностей. В Азербайджане и Турции еще для массового текста продолжают употреблять 16-ый кегель, отнимающий значительно большее место и сокращающий число строк в странице. В Турции сохранились еще даже двухэтажные, так называемые, верхние и нижние типографские начертания, употребляемые перед «х» и «дж», устраненное у нас на севере Вурганским в 1882 году в Петербурге в словолитне Лемана. Дальнейшее уменьшение кегля массового шрифта для 10-ого, применяемого, например, в русских газетах, для арабских переформированных шрифтов возможно, но в данном составе читателей нашей массовой литературы у северных тюрок, пока это еще не рационально, так как крупнота шрифта для печатных изданий должна определяться культурным уровнем читателей. Зато арабские шрифты имеют меньшую ширину, т. е. больше букв включается в строку при одном и том же кегле. Если средняя ширина латинского шрифта 12 кегль равняется 6-ти пунктам, то средняя ширина арабского шрифта того же кегля равняется 4, 3 пункта.

Таким образом, то, что теряем мы в кегле массового шрифта, получаем в числе букв, вмещающихся в строку. В общем, при наборе 12-м кеглем русских, арабских шрифтов, мы имеем приблизительно одну и ту же вместимость одного печатного листа. Итак, если сравнить арабские переформированные шрифты–по последней их конструкции в казанских словолитнях, уступают латинской системе в отношении типографских удобств только несколько большим количеством ящиков наборной кассы. В остальных отношениях разницы особой не имеется. Теперь, если возьмем реформированные шрифты московских словолитен Бурнашовской конструкции, являющихся реформой первой степени и сохраняющих по два начертания каждой буквы (начальной и отдельной), печатный текст, который почти не отличается от старых шрифтов, то они в отношении числа ящиков кассы совпадают с латинской, в отношении установки для пишущих и наборных машин в той же степени пригодны, как и латинский шрифт; соответствующая пишущая машина уже заготовлена Трестом Точной Механики в Москве по проэкту двух башкирских работников. Эти машины уже применяются на практике в Уфе. Итак, эта степень реформы дает шрифты равноценные по технике или точнее по технической усовершенствованности с латинской системой.

Теперь переходим к последнему проэкту реформированных шрифтов, к отливке которых приступлено в Казани. Последние, сохраняя одно только начертание, умещаются со всеми дополнительными знаками в 65 ящиках наборной кассы, особой конструкции, утвержденной нашим Акцентром. Здесь число буквенных знаков имеется вдвое меньше, чем в латинской кассе. Сейчас эти шрифты отливаются для массовой печати по 10-му кеглю, не уменьшая чтимости, крупноты прежнего 12-го кегля-нормаля, вместимость печатного листа при них получается такая же, как 10-го кегля русских и латинских шрифтов, при чтимости, крупноте более крупного 12-го кегля русских шрифтов. Итак, наши реформированные шрифты, которые отливаются сразу по двум, незначительно отличающимся проэктам, число ящиков кассы имеют приблизительно на 35% меньше, чем при латинской системе, и представляют возможность увеличить крупноту и чтимость на

15% или если придать ту же чтимость и крупноту, как при латинской системе, то увеличится вместимость печатного листа на 15% Если к этому прибавить меньшую ширину букв, то экономия получается на 30%. Пишущие машины с этими реформированными шрифтами уже делаются в Казани. Ряд центральных учреждений Татреспублики и часть волисполкомов Татреспублики уже имеют и применяют на практике эти пишущие машины. Благодаря малому количеству знаков реформированных шрифтов, имеется возможность установки в одной и той же машине и русского шрифта, что уже установлено и на практике.

Все вышеизложенные усовершенствования арабского шрифта, а также практическое проведение реформы с приведением к двум и к одному начертанию, произведены постепенно и главным образом, после Октябрьской Революции, все они известны и в той или иной степени применяются у всех почти северных тюрков с арабским алфавитом. Азербайджан же, как и в вопросе орфографии, не только сам не участвовал в реформировании арабского алфавита, но почти ничего и не воспринимал из результатов кропотливой и долгой работы северных сородичей. Когда азербайджанские латинисты сравнивают с одной стороны реформированные латинские шрифты с почти фонетической орфографией, с другой стороны арабские шрифты в допотопном виде, как в отношении типографской техники, так и в отношении орфографии, с написанием заимствованных арабских слов в том виде, как они писались 1000 лет тому назад,–и делают заключение пользу латинской системы, и заявляют о готовности своей переменить систему шрифта, то это у нас, у представителей большинства северных тюрков вызывает только недоумение.

VIII. Переходим к вопросу овладения шрифтом, т. е. к вопросу грамотности. Общий процент грамотности среди тюркского населения не велик, и колеблется от 5-ти до 25%; эти колебания сами по себе достаточны, чтоб показать независимость в данном случае % грамотности от шрифта, так как все они пользуются одним и тем же арабским шрифтом. В случае перемены шрифте или придется всех их переучивать и переиздавать прежние издания, или для рядя поколений в издательстве и в школах придется иметь две

параллельные письменности, если к этому прибавится необходимость обучения в русской грамоте, то головы наших детей заполнятся одними шрифтами и иероглифами слов по трем письменностям, не говоря уже о финансовых затруднениях как того, так и другого пути. У нас еще есть масса неграмотных, а тут надо переучивать заново и грамотных.

Для выяснения сравнительной доступности обучения грамоте по той или другой системе, возьмем две основных метода обучения: звуковой и метод целых слов. Для звукового метода имеет значение количество употребляемых начертаний каждой буквы. Таковых при латинской системе будет 4 две рукописных, две печатных. Так, в отношении обучения по звуковому методу, если переформированный алфавит имеет для 13 букв по 2 начертания и только для остальных букв 4 начертания каждой буквы, то латинский будет иметь для всех букв по 4 начертания, причем все четыре нечертания буквы при арабской системе довольно близки и отличаются между собой только соединительными линиями, черточками спереди для средних начертаний и хвостиком для конечных, в латинской же часто все четыре начертания совершенно различны: наприм. «в» печатное–строчное и заглавное, рукописное–строчное и заглавное между собою ничего общего почти не имеют.

Посколько метод американский основывается не процессе чтения, постолько то выгодное положение арабской письменности в отношении процессе чтения, которое мы выше излагали, облегчает и обучение грамоте по этому методу, ставя их в этом отношении выше латинских.

IX. Теперь будем говорить о международном значении шрифта. В нашей письменности имеются обозначения двух порядков: 1. Элементы идеографии (1, 2, 3, 15, –, ? H_20, R, x, y, a, B, e, √ и т. п.) и 2. слова, написанные буквами. Элементы идеографические, совершенно не фиксируя звукового состава слова, обозначают только понятия, и каждый народ может читать их на своем языке, своими звуками и словами. Установление в этой области международности имеет практическое значение. Но слово «балта» بالتا (топор), будете ли вы его обозначать латинскими или арабскими

буквами, оно одинаково чуждо для немца, француза, англичанина и русского, поскольку он не знает значения, постолько это для него все равно, является иероглифом, не имеющим смысла. Поскольку языки у отдельных народностей остаются разными, по- столько общность шрифта почти ничего не дает. А особенности произношения, различные звуковые значения букв, сводят на нет и то, что остается общим по собственным именам и интернациональным словам. Итак, общность алфавита в международном смысле дает так мало, что во всяком случае из-за этого менять шрифт не приходится. Предпосылок реальных для ожидания ликвидации отдельных языков и установления когда-либо международного языка тоже пока не имеется. Когда будут такие предпосылки, если международный язык придет, то придет со своим алфавитом, и неизвестно будет ли он латинским с теми недостатками, на которые мы указали, или с каким либо другим алфавитом, более выдерживающим критику.

Что же касается настоящего времени, то вокруг нас, тюркских народностей, ни к северу, ни к востоку, ни к югу от нас не имеется ни одной народности, фактически имеющей массовое употребление латинской системы, а на западе поляки, пользующиеся латинским шрифтом и принявшие его совместно с католической религией, являясь самой близкой к нам по географическому положению народностью с латинским шрифтом, все же находятся от нас на расстоянии несколько тысяч верст. Предполагать, что шрифт наций наиболее «культурных» (читай: наиболее богатых и сильных), именно в настоящее время, будет международным и в будущем, пока не имеется достаточных оснований. Количеством объединяемого населения также нельзя судить об этом, так как китайские иероглифы, несмотря на самый неудобный, идеографический характер своих начертаний, об'единяют наибольшее население земного шара, второе место принадлежит латинскому шрифту, третье место арабскому об'единяющему до 300 миллионов населения земного шара.

Совсем другое значение имеет недопущение двух письменностей для одной по языку народности или для близких и родственных по языку народностей, тем более, если они географически и

экономически связаны между собой, ввиду создающегося в противном случае затруднения культурного и экономического общения, где при единой письменности, ввиду близости языка, имеется возможность массового обмена культурных ценностей. Таким шрифтом является арабский шрифт для тюркских народностей, так что и в этом отношении, если подходить к вопросу не абстрактно, а реально, то лучше сохранить арабскую систему, иначе, гоняясь за международностью, мы его не только практически не достигнем, а создадим такое положение, что рабочие, ликвидировавшие свою неграмотность по латинской системе, не только не будут в состоянии воспользоваться наличными богатствами азербайджанской печати, но даже не смогут по своей латынице написать письмо к родителям в деревню и читать получаемое от них, написанное по арабской письменности. Обвинение ислахистов в панисламизме и проч. подобных грехах является такой же демагогией, какой явилась бы демагогия, об'виняющая латинистов в стремлении, совместно с переменой шрифта, к перемене и религии или обвиняющая их в стремлении к союзу с американско-европейским капиталом, пользующимся латинским же шрифтом.

X. Вопрос о преимущественной красоте того или иного шрифта является делом индивидуального вкуса. Хотя Жузе рисует арабские шрифты безобразными, но все почти европейские писатели, высказывавшиеся по этому поводу, говорили обратное, отмечая разнообразие и причудливость общего характера арабского письма, и противопоставляли их однообразным геометрическим латинским шрифтам; архитекторы Запада и Востока, так называемые арабески употребляли для украшения домов, а так называемые «Шамаили» на Востоке украшают внутренность жилищ вместо картин. Что касается психологической оценки народных масс, то нужно указать, что вьющиеся орнаменты народного творчества тюркских народностей по своему характеру совпадают с арабской системой и отличаются от общего характера индо-европейских орнаментов из геометрических фигур и прямых линий, имеющих много общего с латинской системой.

XI. Итак, если мы будем сравнивать латинскую систему шрифтов в том виде, как введено или предполагается к введению с арабскими шрифтами, то приходим к следующему заключению.

Латинская система имеет следующие преимущества: 1) ввиду раздельности букв большее удобство при обучении грамоте, если взять звуковой метод, уже выбрасываемый за борт педагогами, как не соответствующий законам процесса чтения, 2) готовую типографскую технику, пишущие машины и проч., часть каковой можно воспринимать совместно с шрифтом, и общие лучшие условия для типографской техники, почти вдвое меньше знаков по сравнению с нереформированными арабскими шрифтами, но уступая в этом отношении реформированным арабским шрифтам, имеющим типографских букв-знаков еще вдвое меньше, чем латинская система. Но в отношении типографской техники надо оговориться, что преимущества этого порядка у латинской над старо-арабской и преимущества реформированных арабских над латинскими непосредственно не касаются всего населения, а касаются труда очень незначительной категории узких специалистов, работников типографий, словолитен и фабрик по заготовке пишущих машин, 3) мелкие технические удобства, совпадение направления строки с направлением записи музыкальных нот и расположения международных условных знаков–иероглифов для указания чисел и других математических знаков. В отношении цифр, имеющих массовое употребление, надо указать, что и до сих пор мы имели это противоречие в направлении писания текста и цифр как индийских, так и арабских, и на практике фактически его почти не замечали, в отношении нотной же системы надо сказать, что и она касается пока очень ограниченного круга лиц среди нас, а в том случае, если в будущем знакомство с нотами станет массовой необходимостью школ, то может быть, придется ставить вопрос об изменении направления нотной системы для нас, тем более, как говорят местные специалисты, международная система нот в некоторых отношениях не удовлетворяет особенностей тюрко-монгольской музыки. 4) Наличие заглавных букв, представляющая возможность ставить таковые после точек, в начале стихов и собственных имен. Как показывает наша повседневная практика по арабской системе, соответствующее отсутствие их в системе нашей письменности мы почти не чувствуем, значит, можно обходиться без них. 5) Установление единой системы

письма с Европой и Америкой и с эсперанто, сводящегося почти на нет, если принять во внимание разность языков, орфографий, состав букв алфавита и придаваемых им значений. 6) Возможность совместно со шрифтом изменить и орфографию, т. е. освобождение от постепеновщины. Относительно этого преимущества, являющегося вопросом тактики в отношении навыка всего грамотного населения, а актив населения обыкновенно бывает почти поголовно грамотным, является спорным вопросом. 7) Революционные методы действия приемлемы только в тех случаях, когда они выявляют в жизнь и осуществляют назревшие в массах и находящиеся в состоянии внутреннего брожения вопросы, революционные методы применимы только тогда, когда от неизбежной ломки при их проведении, когда, по крайней мере, в момент проведения их не страдают от них широкие массы населения, хотя бы весь грамотный актив и все остальное грамотное рабоче-крестьянское население. 8) Конечно, оно хорошо, чтобы востоковеды могли вести весьма нужные нам научные работы по нашим языкам, непосредственно по нашим изданиям, не прибегая к изучению другого шрифта, тем более, если и орфография наша будет такая же, какая употребляется в наших академических изданиях. С последней точки зрения принятие русского шрифта будет еще лучше, так как в академической транскрипции Российской Академии Наук принят дополненный русский алфавит. «Хороша шапка, когда она как раз по Ваньке», но из этого еще нельзя делать заключение, что Ваньку де надо вымерять по шапке. Это ответ и тем, кто говорит о пользе принятия латинского алфавита при огосударствлении местных языков для того, чтоб в автономных национальных областях и республиках русским легче было-б изучать соответствующие местные тюркские языки.

Арабская система имеет следующее преимущества: 1) согласно процессов чтения арабская система более удобна для чтения и представляет возможность большей скорости чтения. 2) Она, являясь стенографичной, в целом дает большую скорость письма, чем латинская. Эти два момента относятся к массовой стороне шрифта. 3) Для типографской техники старые арабские шрифты, хотя и уступают латинским, но имеют доказанную возможность

реформирования, почти не меняя создавшихся процессов чтения, и усовершенствоваться так, что становятся для техники типографии, словолитен более удобными, чем существующая латинская система. 4) С точки зрения обучения грамоте, если взять новейший метод, метод целых слов, основанный на самом процессе чтения и распространенный не только в школах Америки и Запада, но и в СССР, в особенности после Октябрьской Революции, то арабские шрифты представляют большее преимущество в отношении методов обучения грамоте, тем более, если взять их по нормальной рациональной орфографии. Если же взять ненормальную орфографию, как у англичан, то тут и латинская система шрифтов не поможет. 5) В отношении международной связи и взаимных культурных влияний арабская система уже является общей для 90% тюркских народностей, имеющих близость языка и географически смежных, а общность шрифта в международном и межнациональном общении имеет практическое значение только при указанных условиях.

Итак, если мы сравним преимущества той или иной системы шрифта, мы приходим к заключению, что арабская система в наших условиях имеет более существенные и более массовые преимущества, тогда как мы не выбираем шрифт, а там предлагают менять шрифты, что должно было бы давать нам право требовать значительно больших преимуществ у латинских шрифтов, которые предлагаются взамен употребляемых нами.

XII. Я беру на себя смелость дать и некоторый политический анализ вопроса. К этому меня принуждают весьма частые заявления в печати со стороны латинистов о революционности своего движения и обвинения ислахистов, как приспешников мулл и панисламистов. Среди тюркских народностей, если взять в целом, более 90% населения крестьян: поэтому политический анализ вопроса в советских условиях должен производиться, главным образом, со следующих точек зрения: 1) как отразится замена арабских шрифтов латинским вообще на отношении крестьянства к соввласти и СССР, 2) как отразится вопрос в борьбе за влияние на середняка, не сдвинет ли их «под защиту» мулл и кулаков, 3) как отразится на отношении к нашему Союзу низовых масс колониальных и полуколониальных стран и народностей, пользующихся тем-же шрифтом, 4) и если отношение части или всего крестьянства отрицательное, то насколько имеются реальные выгоды от нововведения, и как скоро станут эти выгоды ощутимыми для крестьянства, чтоб наискорейшим образом парализовать отрицательное отношение крестьянства к проводимому. Поскольку колониальный вопрос, в значительной степени, является тем же крестьянским вопросом, постолько фактически все четыре поставленных нами вопроса в основном сводятся к крестьянскому вопросу. Гениальный Ленин в этом вопросе еще раз показал свою гениальность в беседе с т. Агамали-Оглы по этому вопросу, приведенной в предисловии к брошюре т. Агамали-Оглы. Выслушав рассказ Агамали-Оглы о плохой орфографии и недостатках арабской системы и о принятии латинской системы шрифтов, тов. Ленин задал т. Агамали-Оглы вопрос: «А как относятся крестьяне к этому делу?» После ответа Агамали-Оглы «о доброжелательном отношении крестьянства к этому», он кратко произнес: «это–революция на Востоке»*. Здесь политический анализ и заключение этому вопросу тов. Ленина заключаются не в последней краткой фразе, а в вопросе тов. Ленина: «А как относится к этому крестьянство?» Разрешите спросить, отвечая т. Ленину о благожелательном отношении крестьянства, т. Агамали-Оглы не был ли сам введен в заблуждение, как об ожидаемых выгодах от нововведения, так и об отношении крестьянства к данному вопросу?

По моему, решительное заявление о доброжелательности крестьянства к замене существующего шрифта на латинский, по меньшей мере является преждевременным и недостаточно проверенным, поскольку можно судить по культурно-экономической и прочей отсталости нашего крестьянства, причина каковой заключается, во всяком случае, не в шрифте и не в прочих идеологических надстройках, а в его экономике и в существовавшем раньше политическом гнете. Что же касается шрифта, то перемена арабского шрифта на латинский, по всем моим расчетам, как культур-

* См. с. Агамали-Оглы «Неотложные культурные нужды тюрко-татарских народов» стр. 4.

ника, языковеда и статистика-экономиста, не только не послужит к культурному и экономическому под'ему, но на ряд лет задержит наше дальнейшее культурное и экономическое продвижение вперед. Итак, давайте не будем делать шагов в сторону от нашего прямого пути к культурному и экономическому расцвету тюрко-татарских народностей.

ОДИННАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

3-го марта 1926 года.

Председательствует тов. **Агамали-Оглы.**

Алпаров. (по татарски).

Тюрякулов. Товарищи, моя задача, как содокладчика до известной степени облегчена и упрощена тем, что предыдущие ораторы в значительной части осветили вопрос об алфавитах тюркских народов с точки зрения их исторического происхождения и, также, с точки зрения техники письма и т. д. Моя задача сводится к тому, чтобы вкратце заполнить те пробелы, которые были замечены, по моему мнению, в этих докладах и таким образом, постарается осветить этот вопрос со всех точек зрения.

Прежде всего, я хотел бы констатировать, что Тюркологический С'езд в этом отношении явился чрезвычайно прогрессивным революционизирующим фактом для всего тюркского мира в том смысле, что на этом С'езде не нашлось ни одного голоса в пользу старого арабского письма и, очевидно, если все эти ораторы и докладчики молча обходили этот вопрос, то нужно это было понимать в том смысле, что *старое арабское письмо, старая арабская грамота осуждены историей и отвергаются раз навсегда.* Поэтому я на этом вопросе останавливаться не буду, хотя, между прочим, для нашего государства этот вопрос имеет колоссальное значение постольку, поскольку у нас имеется и до сих пор еще существует это письмо. Я могу в качестве примера указать на Таджикистан, находящийся на границе Афганистана, где целый ряд товарищей культурных работников в этой стране–мотивирует свое поведение тем, что Таджикистан находится в тесной культурной и экономической связи с ближайшими ему странами и поэтому старается сохранить старое арабское письмо. Таким образом, хотя бы в отношении меньшинства стран мусульманской культуры все-таки необходимо будет Тюркологическому С'езду сказать свое

слово относительно того, что необходимо и пора покончить со старой арабской системой письма и алфавита.

Дальше я хочу перейти к современному состоянию этого вопроса. На сцене конкурируют лишь два алфавита, это ново-арабский реформированный алфавит и латинский алфавит. Сущность той реформы которая была проведена, или вернее той хирургической операции, которая была произведена над арабским алфавитом, сводится к тому, что недостающие для турецких фонем знаки были заполнены искусственным образом посредством прибавления туда надстрочных и подстрочных знаков, но эту реформу и до сего времени нельзя еще считать за оконченную. Во всех этих тюркских республиках и областях существует, в сущности говоря не одна графика, не один алфавит и не одна система письма. В Татарской республике стараются провести одну систему алфавита или графики, в Казакской республике другую, в Туркменской республике третью и т. д. В Казани, как передо мною выступавший оратор довольно подробно обрисовал, стараются остановиться на так называемой системе «Баш-харф», на системе букв начальной формы. Нужно констатировать, что эта система, которая была декретирована правительством Татарской Республики, потерпела на деле поражение.

Т. т., представители из Татарской Республики сами могут подтвердить, что все те книги, брошюры, которые они привезли сюда были выставлены здесь на выставке, являются доказательством их собственного поражения в том смысле, что эту новую систему «Баш-харф» вы видите только на плакатах, на обложках книжек или брошюр. Что касается текста этой литературы, то этот текст печатается по-старому с применением всех четырех начертаний арабских букв. Товарищи могут возразить, что они были вынуждены к этому возвратиться, т. к. современное татарское общество отвергло эту систему; что благодаря консерватизму мышления или установившимся навыкам, обществ не могло быстро приспособиться к этому новому письму, и поэтому реформисты временно должны были отступить на старые свои позиции с тем, чтобы эту систему провести в жизнь через школу.

Что касается будущего, об этом, конечно, трудно говорить, но мы должны здесь на Тюркологическом С'езде оперировать теми фактами, которые мы имели до сих пор и имеем к сегодняшнему дню. Поэтому, не входя в обсуждение вопроса, насколько эта система оправдает себя в будущем, с точки зрения сегодняшнего и вчерашнего дня мы вынуждены констатировать, что эта казанская система, новое реформированное казанское письмо потерпело поражение везде. (Апплодисменты).

Теперь я перейду к вопросу о том, в каком положении находится реформированный алфавит в других тюркских республиках и областях, где эта реформа была произведена более умеренно и где до сих пор вся литература печатается с четырьмя начертаниями арабских букв. Там до сих пор товарищи бьются, как рыба об лед, для того, чтобы устранить все те неизбежные технические недостатки, которые встречаются в их работе во время печатания книг, в их культурно-просветительной работе. Эти республики и области до сих пор еще не освободились от всех недостатков, которые были довольно полно освещены предыдущими докладчиками. Я здесь позволю себе в той части доклада, где товарищи указывали на всякие недостатки, хотя бы указать еще на следующий технический недостаток реформированного арабского алфавита, который встречается в нашей практике. Тут, между прочим, один из докладчиков указал на то, что необходимо к этому вопросу подойти об'ективно и научно и что необходимо здесь учитывать методы, так называемой, научной организации труда. Для того, чтобы иллюстрировать, как будет выглядеть эта научная организация труда в применении к арабскому алфавиту, я хотел бы привести следующие цифры. Эти цифры мною собраны у татар-специалистов по типографскому делу и они сводятся к следующему: русский наборщик на русском языке, на русском алфавите вырабатывает в течение дня норму в 7.500–8.000 букв, русский наборщик латинскими буквами на иностранных языках выполняет в течении того же промежутка времени норму 5.500–6.000 букв. Татарин-наборщик на своем родном татарском языке арабскими буквами в течение того же промежутка времени выполняет норму 5.500–6.000 букв, т. е. столько, сколько выполняет русский наборщик на иностранных языках латинскими буквами. Татарин-наборщик на казакском и узбекском языках, которые более или менее понятны татарину-наборщику, в течение того же промежутка времени выполняет норму в 4.000 букв. Татарин-наборщик на арабском и персидском языках, т. е. на тех языках, которые совершенно не понятны татарину-наборщику, выполняет норму 3.500 букв. Татарин-наборщик на северо-кавказских языках с арабским алфавитом,–(это в тот период, когда северо-кавказские народы еще не перешли к латинскому алфавиту, когда черкесская литература и буквари печатались на реформированном черкесском и казанском алфавите),–татарин-наборщик на северо-кавказских языках с арабским алфавитом в течение того же промежутка времени вырабатывал норму 3.000 букв. Эти цифры, с которыми мы сталкиваемся в нашей типографской деятельности, в культурно-просветительной работе, и которые отражаются на стоимости продукции труда, что должно быть учтено при взвешивании ценности того или другого алфавита. Само собой разумеется, что когда я выставляю те или другие недостатки алфавита, то тут нельзя подходить к алфавиту как самодовлеющему фетишу, а как к средству передачи человеческой мысли. Постольку, поскольку алфавит является орудием передачи человеческой мысли, необходимо подойти к этому вопросу прежде всего с точки зрения тех технических удобств, которые даны тем или другим орудием. Вот почему я считал уместным здесь привести эти цифры. Далее, эти товарищи указывали, что если старый арабский алфавит выдвигает целый ряд неудобств, целый ряд осложняющих моментов в деле преподавания грамоты среди населения, в частности в деле применения метода целых слов, то с другой стороны они указывали, что эти препятствия и эти моменты устранены новым арабским алфавитом. По крайней мере, так утверждал второй докладчик, Шараф. Но, да будет позволено усумниться в этом и привести несколько примеров, которые иллюстрировали бы перед С'ездом, насколько новым реформированным арабским алфавитом устранены все эти препятствия и сделано возможным преподование грамоты и распространение ее среди населения по новому методу. Я здесь напишу целый ряд букв по системе тов. Алпарова, который говорил об

этой системе, как о системе уже принятой и как будто бы усвоенной и принятой населением. Я напишу целый ряд букв, например, ڭ ڵ ۆ ۋ ۇ Эти буквы все из татаро-башкирского алфавита. Товарищ предполагает, что оставляя эти формы он сумеет преподавать грамоту по методу целых слов. Если русский учитель имеет возможность в русской школе показать ребенку слово «мама», причем эти буквы не меняют своего начертания при другом положении, то при написании какого-либо татаро-башкирского слова этими буквами, в отличие от латинского текста, пропадают читаемость, наглядность начертаний и способность каждой буквы с первого взгляда бросаться и быть настолько наглядной, чтобы человек мог схватить все слово сразу. Мне пришлось быть свидетелем того, как например, татарские дети в московских татарских школах, родители которых выступали на диспуте в Москве против латинского алфавита, жаловались на то, что в тексте целый ряд этих букв, настолько близок друг к другу по начертанию, например:

ڭ ز ۇ

«н», «з» и «ы», и как читатели испытывают чрезвычайное затруднение при чтение. Это вполне понятно. Если вы примете во внимание то обстоятельство, что эта система, которая потерпела поражение, в сущности говоря, среди читающей публики взрослых, то это будет вдвойне тяжело отражаться на детях школьного возраста.

Целый ряд этих моментов может быть еще дополнен кратким примером из современного нам казакского алфавита. Я опасаюсь, что некоторые наши товарищи будут квалифицировать это как результат недоброжелательного моего отношения к арабскому алфавиту, но, тем не менее, я здесь хотел бы перед вами продемонстрировать, как современный казакский алфавит, современное казакское письмо «разрешили» все эти трудности. В казакском алфавите звук «ы» в начале изображается вот так: ۇ , в середине , в конце слова ى Ввиду того, что часто приходится писать длинные слова, имеющие довольно значительное количество этих звуков, эти знаки в соседстве с другими должны несколько сли-

ваться. «Жилкышысы»–его пастух это пишется таким образом: جلقشسى Если бы мы это слово написали на татаро-башкирском алфавите, то это слово имело бы такое начертание جلقشسى Если же написать это слово на старо-карачаевском алфавите, употреблявшемся в Карачае до латинизации, то получилось бы следующее: جلقشسى Насколько все это в смысле письма и техники удобнее и рациональнее, чем латинский алфавит, судить, конечно, не мне, а С'езду.

Все это настолько наглядно и очевидно, что каждый член С'езда, который паче чаяния не был бы в курсе этих «реформ», после этих кратких примеров несомненно будет иметь общее представление о всех тех трудностях, которые представляет, т. н., реформированный арабский алфавит.

Теперь я перейду к вопросу о том, как вообще сейчас Казакский (б. Киргизский) Академический Центр разрешил все эти трудности. На это указывал в своем докладе тов. Мамед Заде и отчасти дополнил сам оппонент Галимджан Шараф. Как известно, существует целый ряд международных конвенций по научным вопросам, заключенных по соображениям практического характера, в целях установления международной научной связи. Казалось бы, что все те научные символы, которые употребляются во всех странах, должны быть сохранены и у нас. Казалось бы, что если формула соляной или серной кислоты пишется во всех культурных странах мира одинаково, и для передачи этой формулы не требуется признака национального, в современной казакской литературе этот международный символ получает следующее начертание (это я беру из приложения учебника физики, выпущенного казакским Наркомпросом, кажется, в прошлом году). Там формула серной кислоты пишется: $_4OS_2H$. Это является ответом арабистов латинистам, в частности тов. Мамед-Заде, которому теперь остается лишь сложить оружие и сдаться на милость победителей.

Далее, как разрешается вопрос в области математики? Если тут тов. Мамед-Заде говорил о том, что цифры приходится писать слева, а текст справа и что это составляет дефект арабского письма, то я могу ответить на это в качестве «арабиста» следующим образом. Если вам необходимо написать 16.474, то вы это, по рецепту

казахских арабистов должны написать таким образом: 473.61. Я не хотел бы, чтобы с'езд подозревал меня в легкомысленном отношении к делу. Но я принужден это показать, поскольку Казакский Акад. Центр это хочет применять на практике. (Смех). А вот посмотрите, как наши «академики»–арабисты пишут корень квадратный из ста сорока четырех: $\overline{441}\surd$ (Продолжительный смех, аплодисменты).

Теперь в конце своего краткого содоклада я хотел бы указать на то, что Галимджан Шараф и Алпаров несколько опоздали со своими доказательствами, ибо татарское учительство и татарская молодежь, которые созвали в 1923 году конференцию в городе Москве, где в качество руководящих товарищей принимали участие товарищи, присутствующие сейчас среди нас, в том числе председатель и руководитель татарской делегации товарищ Г. Ибрагимов. По его докладу было признано превосходство латинского алфавита над арабским во всех отношениях и было вынесено постановление о том, что татарское учительство принципиально принимает латинский алфавит. Быть может, тогда на линию товарища Ибрагимова повлиял выступивший там покойный тов. Нариманов. Это я заявляю в порядке «реабилитации» его перед арабистами. Но так или иначе татарское учительство и татарская молодежь, которые практически каждодневно занимаются культурно-просветительной работой среди массы, вращаются в деревне среди тюркского крестьянства, о котором вспоминает тов. Галимджан Шараф, эти культурники, рядовые культурники этого фронта, этим своим постановлением в достаточной степени членораздельно и недвусмысленно высказали свое положительное отношение к делу латинизации. Что касается практической стороны вопроса, по методы проведения в жизнь нового тюркского алфавита будут, несоменно, различны в зависимости от условий и специфических особенностей каждой республики и области. Вопрос о методах имеет особое значение, но этот вопрос должен быть обсужден особо. До сего времени никто из нас не собирался в ближайшем будущем декретировать положение, чтобы, скажем примерно, к первому января 1927 года тов. Галимджан Шараф, Алпаров и прочие писали на новом тюркском алфавите. Мы этого

не собираемся сделать, хотя бы из учета людских предрассудков. Вопрос о проведении в жизнь или принятии нового тюркского алфавита является прерогативой каждой республики и каждой области в отдельности.

Что касается характера постановки этого вопроса здесь, то я старался подойти к этому вопросу только с принципиальной стороны дела и не касаться таких моментов, которые не имеют прямого отношения к нашему вопросу, которые запутывают и затемняют понимание всей проблемы и которых, к сожалению, касались совершенно неуместно Галимджан Шараф и другие оппоненты (Апплодисменты).

Алиев Умар. Товарищи, вопрос о графике у нас, на Северном Кавказе, уже 3–4 года неоднократно ставился во всей широте. Последнее сражение с арабистами мы имели в июне 1925 года в Ростове, где участвовал нынешний Зам. Наркомпроса Татаристана тов. Мухеддинов, проект которого получил единый голос, его собственный голос. Таким образом, мы, приезжая на Всесоюзный Тюркологический С'езд, знали хорошо, что нам придется здесь поговорить с нашими соседями-арабистами. Но мы глубоко убеждены в том, что и на настоящем С'езде, по аналогии с нашим с'ездом, если не единым голосом, то голосами тех же ораторов, будет принят их проект. Я хочу здесь изложить те тезисы, которые составлены мною на русском языке о латинизации на северном Кавказе письменности тюркских народов.

Итоги проделанных за это время практических мероприятий и опытов на местах дают полное основание говорить нам, что эти достижения вполне реальны.

Обучение детей во всех национальных школах, а также ликвидация неграмотности взрослых на латинской основе идут быстрым темпом в тех областях, где латинизация произведена, в сравнении с другими областями, где обучение грамоте идет на арабской основе.

Пророчества арабистов–противников латинизации (клерикалов и небольшой кучки консервативно-настроенных национальных интеллигентов, также некоторых ответственных работников–реформистов,) о том, что создание графики на иной основе, чем гра-

фика «священного корана», вызовет негодование аллаха на небе и тем самым неизбежно брожение божественных элементов на земле среди горцев,–отсюда реакция и контрреволюция,–этот самый главный аргумент арабистов не оправдался. Уже третий год практики латинизации и никаких брожений ни в одной из этих областей мы не видим.

Даже при всем желании угодить «коранистам», это невозможно, ибо сама сегодняшняя графика корана (несхи) не есть его первоначальная графика (куфа), от которой он родился при халифе Осману в 644 г. по Р. Х., т. к. коран начали писать по несхи с X в. по Р. Х. при династии Аббасицов.

Создание национальной графики для тех народов, которые ранее не имели на своем родном языке никакой письменности, абсолютно не противоречит ранее существовавшим божественным принципам, как клерикалов, так и реформистов, ибо право печатания корана и других религиозных книг на священном алфавите остается. Точно также православное евангелие остается на основе церковно-славянской письменности.

Точно так-же, как от лечения мулл священными талисманами органы здравоохранения освободили массы горцев хиной и пирамидоном, так и латинисты освободили горских детей от всех прелестей арабистских священных графиков, с их непостижимыми для них арабскими солнечными, лунными, хворыми буквами, темтидами, джезмами и прочим, облегчением обучения графики и письменности в пять-шесть недель на латинской основе, вместо месяцев и годов, требуемых для этого на арабской основе. Мы сегодня, освобождая загнанные царизмом «дикие» горские народы от духовного и экономического рабства, принимаем такие меры, которые наиболее быстрым темпом уничтожили бы культурно-экономическую отсталость их, унаследованную от прошлого. По пути к этому, в области экономики приходится устранить допотопные орудия производства горцев усовершенствованными орудиями, вместо сохи–трактор, вместо ишачьей езды–сообщение колесной ездой, прорытием гранитных гор или переселением на плоскогорие, на лучшие земли, проведением телеграфного, телефонного и железнодорожного сообщения, которые с точки зрения

этих же арабистов–мулл, мюридов и прочих, признавались делом шайтана.

Точно также, в первую очередь, и в области культуры необходимо усовершенствовать средства производства письмен. Является ли это орудие у нас усовершенствованным, на высоте современной техники? Конечно нет, как все орудия существовавшие тысячелетия тому назад.

Этот допотопный образ графики, как орудие письма, принесен еще в 13 веке на Кавказ приверженцами Магомета. Вместе с исламом и кораном распространился и тот алфавит, который употреблялся для переписки священных книг. Благодаря последнему обстоятельству, арабские письмена сделались священными в глазах мусульман. Вместе с неизменностью корана, остался неизменным и арабский алфавит. Как известно, все письмена, как семитические, так и все европейские, происходят, из одной и той-же финикийской письменности. Последняя, идя на запад к грекам, римлянам и далее, постепенно усовершенствовалась до сегодняшней латинской формы, а, идя на Восток к свойственному исламу фанатизму и консерватизму, окаменела.

Точно так же, как, замкнутые в горах, некоторые горцы и поныне по-первобытному ездят только на ишаках и не знают колесной езды, тогда как в Европе летают на аэропланах, так и наши арабисты в замкнутых ущельях учения ислама остались при допотопной форме графики–арабском алфавите,–тогда как культурные народы выработали усовершенствованные письмена, вплоть до стенографии.

Арабисты–реформаторы не понимающие действительности аула, аула пробужденного от долгой страшной спячки, которому уже в большинстве случаев не страшен гипноз ни мулл, ни мюридов и прочих клерикалов или контр-революционной агитации чистокровных феодолов, князей, таубиев, напрасно страшатся того, что перемена алфавита вызовет реакцию. Проповедниками идеи латинизации в каждом национальном образовании являются те работники, которые выдвинулись из массы в огне гражданской войны и стоят гораздо ближе к массе, лучше учитывают ее желания и ее нужды и поэтому являются действительными руководи-

телями народных масс.

Умами трудящихся масс больше не руководят головорезы или лжеимамы Гоцинские, ни шейхы Узум-Хаджи или Али Митаев.

Освобожденный трудовой горец, в большинстве своем проникнутый классовым самосознанием, больше не является об'ектом гипноза. Если беднота Дагестана окрестила имама Гоцинского «Иваном» и вымела его метлой из Дагестана, то в самой отсталой Чечне, когда, плоть от плоти из касты шейхов, Али Митаев отправился «путешествовать» в Нарымский Край, не нашлось мюридов проводить его. Если сегодня воины этих народов, желая завоевать командные высоты на третьем фронте, фронте «красной культуры», указывают им пути латинизации–лучшего стража к скорейшему обучению грамоте, то это для горцев самый верный путь, ибо они вожаки испытанные.

Арабисты-говорят: нужно учесть международное значение реформы, ибо внутренняя национальная агит-проп-литература должна быть доступной и для однородных народов других стран, а при латинизации это не осуществится. Именно эта вещь осуществится. Именно эта вещь осуществится у нас при условии латинизации. Многочисленные черкесы, кабардинцы и осетины других стран не могут читать нашей литературы на арабской основе, так как они давно перешли на латинскую основу; они могут читать нашу печатную литературу только на латинской основе.

Прежде чем доказать положительные стороны предлагаемой латинской графики, нужно указать на отрицательные стороны отвергаемой арабской графики. Их много, но мы наметим некоторые. Отсутствие гласных звуков в арабской письменности, ибо арабский язык являясь семитическим языком не имеет в корнях слов гласных фонем, откуда затруднение правильного чтения и недоступность для инородцев арабских письмен. Представьте по арабски слово «лев»–«газанфур», с пятью согласными буквами без гласных «гзнфр», предложите прочесть не арабу, который ранее не знает, что эти знаки показывают значение льва, при возможности постановки за каждой согласной буквой любой из каждой 12 гласных на тюркском языке при разных комбинациях, т. е. при умножении пяти согласных на 12 гласных получится 60 возможных разнообразных форм чтения. Потому–то сами прогрессивные арабы, жалуясь на свои письмена, говорят: в Европе пишутся слова для того, чтобы прочтением их понять значение, а в арабской письменности, наоборот, нужно знать значение слова для того, чтобы произносить его правильно.

Второе,–тождественность в большинстве своем арабских графиков между собою и обилие точек. Неискусный переписчик арабских письмен поставит письменный знак так, что можно принять последний за знак, подходящий к нему по своему начертанию. Другой раз переписчик неправильно расставит точки, с которыми немало возни, например, слово «кер», по-турецки «косой». При случайной точке на последней букве, «косой» превратится в «видящего». Были случаи, когда случайная убавка или прибавка одной точки стоила жизни не только одного человека, но многих сотен и тысяч людей. (См. историю кастрации гяуров при халифе Джаффаре из династии Аббасидов (754–755). Другой характерный факт: халиф посылает своего представителя в VIII-ом веке в Египет с назначением его наместником, дав ему коротенькое письмо: «прибытием его встречайте, как подобает», по арабски «кабиллу» (встречайте торжественно). Случайные или умышленные точки на «б» превратили это слово в «катиллу»–«умертвите немедленно», что было по прибытии его немедленно приведено в исполнение, и наместника не стало. Таких роковых случаев в истории арабских письмен очень много в особенности в стратегических делах и потому турецкие карты в мировой войне были немецких изданий.

Большие затруднения создает многообразие форм в графическом комплексе, так как за исключением 6 букв, все остальные имеют 4 начертания, смотря по тому, стоит ли данная буква отдельно, соединяется ли она с предыдущей, с последующей или же с той и другой вместе. Несовпадение графических комплексов со словами осложняет наборное дело. Кроме того, это многообразие доводит количество знаков до 100 и больше, что затрудняет присвоение им различных форм при обучении, а в наборе арабской кассы доходит до 160 знаков, что в полтора раза усложняет наборное дело и удорожает на 50% против латинского набора.

Далее, нужно отметить недостаточность арабского алфавита для выражения фонетики языков других мусульманских народов, в особенности горских народов. Я буду говорить о татарском языке. Арабский алфавит имеет 28, а латинский 26 букв, говорит тов. Галимджан, и таким образом, у арабского алфавита больше возможностей точно выразить слова. На самом деле, из арабского алфавита только 20 букв годны, а остальные буквы выражают звуки совершенно отсутствующие в тюркском языке. Поэтому, если здесь считать, сколько нужно новых букв, то для татарского языка нужно 16 новых букв, а если считать гласные, то нужно дополнить арабский алфавит на 80% для тюркского языка. Следующий недостаток арабской графики–взаимное поглощение фонемы разных букв друг другом. Пишется «алрабик», а произносится «аррабик».

Затем, мы видим наличие произношения одних и тех же знаков на разные фонемы; буквы употребляются местами вместо гласных, а местами вместо согласных.

Следующий недостаток состоит в том, что–об этом здесь уже говорили–цифры пишутся слева направо и поэтому приходится приостанавливать процесс начертания буквенного текста справа налево и оставлять место для начертания цифр. Невозможно применение письма на основе арабской графики, как здесь говорили, и в музыке–пишется справа налево при арабской графике, трудность, почти невозможность письма арабским алфавитом на пишущей машине, на линотипе и монотипе, которые удешевляют производительность в 10 раз. Удорожание продукции издательского дела на арабской основе почти на 50%, о чем здесь уже указывали. С другой стороны, издательское дело на основе арабской графики требует вложения в несколько раз больше мертвого капитала, в шрифты, чем это в латинском или русском алфавите, ибо даже в маленькой типографии требуется 15-20 пудов арабского шрифта, а на латинском или русском достаточно будет пять пудов. Невозможна машинизация производства на арабской основе.

Бердиев. Товарищи, нам приходится на этом заседании обсуждать один из тех вопросов, которые всплывают животрепещущим образом на поверхность нашей общественной жизни. Вопрос, ка-

залось бы, больше технического практического характера, чем принципиального, но в действительности, под влиянием различных моментов социального порядка он переростает рамки технической проблемы. Однако, я должен буду фиксировать ваше внимание на определенно частном вопросе, именно алфавитном вопросе, как технической проблеме. Среди всех остальных вопросов культурного порядка, как вопрос о языке и о терминологии, об орфографии и т. д. алфавит имеет исключительное значение вопроса подсобного, технического, определяемого его ролью, как орудия зашифровки, передачи речи человека.

В абстрактной обстановке, если фонетический ряд языка выяснен, то вопрос принятия той или иной графики, казалось бы, является самой простой задачей. Это было бы то же самое, если бы портной, зная рост человека, захотел бы сшить ему костюм. Вот, собственно говоря, в чем этот вопрос. Насколько нам известно, тюркские народы в этот ближайший период строительства уже выяснили фонетический ряд своего языка Поскольку он выяснен, постольку легко построить алфавит, но есть еще «но».. Каждый человек волен, независимо от своего роста, одеваться, как ему угодно: носить узкие ботинки, широкое пальто, совершенно маленькую шапку,–это его воля. Если хочет быть оригинальным, он волен надевать, что ему угодно. Но есть другая сторона, которая определяет выбор костюма, как и алфавита, сторона эта та, что алфавит, как орудие письменности, имеет общественное назначение и поэтому этот вопрос связывается со многими другими проблемами. Т. т., кто хочет носить халат, тот волен его носить, или если кто нибудь хочет носить широкий костюм, узкую обувь, тот волен это делать, но вопрос в том, будет ли ему это удобно, или нет? Точно также мы связаны в вопросе о выборе алфавита. Для нас, казалось бы, конечно, безразличны мерки, установленные арабами для своего языка, или латинскими народностями для своего языка, эти мерки для нашего роста не подойдут.

Конечно, требуется конкретное исследование этого вопроса. Ясно, что ни латинский, ни арабский алфавит в том виде, в каком они существуют не могут полностью обслужить фонетического ряда тюркских наречий. Речь идет о дополнениях к этому ряду.

Это самое простое дело, изобретательское. Но с точки зрения технической целесообразности, это сложнейший вопрос. С каких сторон пред'являются требовения к алфавиту и письму? Со стороны удобства чтения, письма и печатания. Т. т., я в данном случае не буду восхвалять достоинства латинского алфавита потому, что он жизненно себя оправдал. (Апплодисменты). Я хочу стать на ту точку зрения и пойти за т. Галимджаном Шарафом по пути его исследования арабского алфавита со стороны техники чтения письма, типографского дела. Какие моменты имеют существенное значение в этом вопросе? Мы полагаем чтение и печатание. Прежде всего я должен заметить, как строит свою аргументацию Галимджан Шараф. Конечно, методологически он выбрал неправильный подход. Он оперирует то с одним арабским алфавитом, то с другим, в зависимости от того, что надо доказать. Например, для техники чтения–он выставляет высокую иероглифичность старого арабского алфавита. Для ученого–это удобство, для обучения сомнительно. И надо заметить, что у него 3 алфавита: старый, реформированный и проектируемый. Если брать алфавит так брать определенный. Нельзя же в самом деле оперировать тремья алфавитами и восхвалять их достоинства, как одного. Сочетала ли реформа арабского все достоинства, которые воспевал Галимджан Шараф? Мы ответим определенно нет. Нет, я говорю потому, что если бы на основе арабского алфавита действительно создан был бы алфавит сочетавший те достоинства, о которых говорил тов. Галимджан Шараф, то никакого такого течения, которое сейчас наблюдается в пределах Советского Союза, не было бы.

Что мы имеем сейчас? Мы имеем, может быть, десяток, а может быть и два десятка реформированных различным образом, но еще не устоявшихся алфавитов. С точки зрения тейлоризации, «Научной Организации труда», допустимо ли существование среди небольших отсталых народностей, родственных по языку и культуре, различных типов алфавита? Конечно, недопустимо. Это не научная организация труда. Дальше, научная ли организация труда, то что Галимджан Шараф чрезвычайно слабыми техническими силами пытается разрешить тот вопрос, который уже разрешен, иначе говоря, он пытается вторично открыть Америку, в

то время как Америка уже открыта. Ведь ничего нового, никакие новых путей реформа не открывает.

Я пойду исследовать вопрос, как идет реформа арабского алфавита в тех почти неутвержденных проектах татарского, туркменского или еще какого нибудь другого происхождения алфавита. По каким линиям она идет? Арабское письмо развивалось на основе рукописи, и весь строй письма выработался применительно к тем орудиям, что обслуживали письмо. Оно не имело в своем развитии той эволюции, необходимой для типографского, печатного дела. Латинское письмо в иных исторических, социальных условиях, и вместе с ростом общественных отношений выработало те необходимые для типографского дела признаки, которых недостает у его собрата арабского. При бурном темпе развития, по нашему мнению, оно не найдет сроков для эволюции. Был ли рост эволюции параллельно с развитием типографского дела? Мы должны сказать, что этого не была Он был алфавитом, которым только обслуживалась рукопись, почему у него появились хвосты после букв. Этого требовала рукопись. Теперь, что же техника требует от них? Техника требует, чтобы этих хвостов не было. А с точки зрения чтения и письма? С точки зрения чтения требуется больше иероглифичности, больше различаемости; хвосты необходимы, а с точки зрения типографской хвосты не нужны. Сейчас вы видите, что арабский алфавит хвосты свои начинает терять, их рубят с головы и их рубят с хвостов. Надо твердо запомнить, что нельзя одному алфавиту или одной графике сразу совместно давать одно задание и для письма и для чтения и для техники. Необходимо рукописную форму отделить от печатной. Реформисты этого еще не делают, но вынуждены будут сделать. Я пойду по следам реформистов. Реформа типографская требует, чтобы хвосты были отсечены, чтобы буквы имели одно начертание, того же требуют и интересы учебного дела и вот мы видим отсечение этих хвостов. Что же получается? Удобство для типографского дела и большое неудобство для чтения. Теряется иероглифичность письма. Отсекая хвосты, реформисты придают арабскому письму ту монотонность начертаний, которая требует невероятно большого напряжения при чтении. Вся различаемость основывается в боль-

шей своей части на точках. Я покажу это на примере. Положим, написано слово « ịjkɩndɩ » Где здесь иероглифичность письма? Здесь как раз письмо, которое требует максимума напряжения, усилия, внимания. Это то, что сейчас этой реформой уничтожается. Теперь я обращаюсь к Галимджану Шарафу, который злоупотреблял словом «тэйлоризация». Он выставил такое положение, что рука имеет привычку движения справо налево и что направление письма имеет большое значение. Я не придаю этому большого значения. Это, пожалуй, дело навыка я все таки последовательно пойду за ним, хотя его опыты не обставлены надлежащим образом, что бы претендовать на значение психо-технических опытов. Но все таки я пойду за Галимджаном Шарафом. На самом ли деле арабское письмо имеет свойство беспрерывно итти справа налево? Я покажу, что эти свойства его прерывны. Если в арабском письме, имеется 26 строчных знаков, то, к ним еще имеется 26 надстрочных и подстрочных знаков. Как ставятся надстрочные и подстрочные знаки? Например слово Sinsin بسنسيت вот эти точки, которые были поставлены над и под строчкой они идут справа налево или слева направо? Вы возьмите ваше обыкновение писать. Вы всегда напишите их слева направо. Возьму другое слово, напишу мою фамилию (пишет). На этом знаке рука идет справо налево, затем возвращается обратно. В букве «р», куда идет направление руки. Вы замечаете, что одно из положений, выставляемых тов. Галимджан Шарафом, оказалось большой натяжкой, которое нужно еще многими статистическими данными подтверждать. (Апплодисменты). Но во всяком случае уже то, что эти буквы существуют в таком начертании, говорит что в выставленном им положении уже имеется прорыв. Еще несколько слов о качестве движения с точки зрения тэйлоризации. Скажите пожалуйста, вы видите латинское письмо, где рука идет прогрессивным размером. Что вы видите в арабском письме? В арабском этого вы не найдете, вы видите большие перебои. Если бы я хотел это показать на житейском примере, это был бы человек, которому во время бегства пришлось шнурки в ботинках зашнуровывать, поминутно останавливаться и еще к друзьям заглядывать, (точки разставлять). Это с точки зрения тэйлоризации тоже большой минус, тогда как в латинском вы

этого не заметите. Оперировать такими сомнительными данными, конечно, т. т., не следовало бы. Это бесцельно, если нет статистики изучения процессов движения, если нет изучения еще параллельно и пульсации с рефлексологией, потому что процесс письма не есть механическое списывание, а письмом мы передаем наши мысли. Когда мы делаем отрыв и ищем, где бы разставлять надстрочные и подстрочные знаки, этот процесс перебивает и наши мысли, происходит заминка и в мыслях, так что тот путь, который избрал тов. Галимджан Шараф для доказательства необходимости сохранения арабского письма с точки зрения НОТ, конечно, страдает большими недостатками. Поэтому, как с серьезным фактом, здесь нам не приходится с этим считаться, поскольку я вам доказываю противное. Значит, с точки зрения НОТ, необходимость сохранения арабского алфавита дает большой перерыв. Это теория, которая имеет массу незаполненного места, которую нужно построить методологически и правильно. С точки зрения достоинства этого письма со стороны чтения, я вам показал, что то письмо, которое товарищ Алпаров и другие наркомпросовские работники Татарской Республики предлагали, с отсеченными хвостами и с отсеченной гривой, это письмо с точки зрения чтения наиболее несовершенное, какое только можно встретить на свете. (Апплодисменты). Почему провалился этот проект? Да потому, что для чтения такое письмо требует невероятно большого количества внимания, требует преодоления больших затруднений. Я, т. т., теперь перейду к вопросу, что же в самом деле делать, если арабский алфавит представляет ряд технических недостатков и его реформирование грозит ударить по другим его достоинствам, так что арабский алфавит, как техническая величина, уходит с поля зрения? В каком направлении идет реформа? Представляет ли она что–нибудь новое? Нет. В процессе реформ уже намечается расхождение рукописных форм от печатных (путь этот проделан латынью), однообразная форма букв, независимо от местоположения (тоже сделано в латыни). Реформистам придется преодолевать еще новые затруднения, которые уже возникают. Арабское реформированное письмо в большей своей части лежит на одной горизонтальной линии, что придает чрезвычайно слабую различимость.

Поэтому придется подымать остов письма с горизонтального положения на вертикальное, что уже проделано латынью. Наконец, реформированное арабское письмо будет иметь мало общего со своими родоначальниками. То, что пытаются проделать с арабским письмом реформисты, не имея на то исторического сроками сделано в латинском письме, и новых путей и подходов они не имеют. Если бы был какой нибудь новый путь в постановке их проблемы, это заслуживало бы серьезного внимания. Стоит ли вновь открывать Америку? Это ли тэйлоризация?

Теперь я перейду к одному чрезвычайно часто выдвигаемому аргументу против введения нового алфавита: будто новый алфавит затормозит на длительный срок наше развитие. Что затормозит, это еще вопрос. Длительная реформа или переход на новый алфавит? Ведь реформисты не укажут нам точного срока своих реформ, так нервирующих население. Сейчас уже есть несколько десятков алфавитов. Интересы широкой массы, интересы культурного строительства властно требуют, чтобы этот вопрос был урегулирован, положить предел разброду. Мы ведь не всегда свободны поступать так, как нам хочется. Необходимо учесть прошлое, настоящее и перспективы будущего. Не все тюркские народности Советского Союза в одинаковом положении. У одних процент грамотных дает сравнительно большой размах от 2 до 25%–это у татар, и, наконец, у других доходит до 2%, кажется, у казаков, киргиз. Вот в этом случае приходится поставить определенный вопрос: раз проведение латинского алфавита вызывается технической необходимостью, то как же нам быть? У нас есть литература, есть определенное число грамотных. Что с ними делать? Возьмем теперь ту литературу, которая существует. Скажите, пожалуйста, имеет ли книга вечную жизнь, или книга умирает и издается вновь? Вот с точки зрения того, что нам осталось от прошлого, я скажу, что не все книги живут: во-первых, они физически погибают и необходимо издавать вновь, и, во-вторых, книжки, как элемент социального назначения, прежнюю цену теряют и становятся достоянием определенного круга лиц, для которых вопросы алфавита не имеют никакого значения. С этой точки зрения мы можем говорить, что имея большой литературный запас, мы можем переходить без затруднений. Книга живет 2-3 года, ее можно переиздать. Потом ведь нам приходится при новом темпе жизни создавать много нового. Если мы возьмем перспективу будущего нашего развития, то, чем дальше, тем темп нашего развития пойдет быстрее и в будущем подавит то, что может быть сделано до сих пор. В будущем, лет через 10-15, мы, может быть, и подавим то, что сделали до сих пор. К этому темпу развития надо готовиться всесторонне. Если бы мы не подготовились, если бы мы на одном из участков культурного фронта дали прорыв, конечно, это тоже отразилось бы на судьбе тюркских народностей. Поэтому, товарищи, учитывая, что темп развития нашего строительства пойдет быстрыми шагами вперед, мы должны непременно эту подготовку вести. Конечно, каждая республика, каждая область должны готовиться теми средствами, теми путями, теми способами, которые нам более приемлемы для той или другой области. Она должна, конечно, сочетать свои собственные условия внутренней жизни с проведением этой реформы.

Теперь дальше. Многие товарищи говорят о том, что этот вопрос имеет характер большого, положим, международного значения. Товарищи, надо навсегда с этим вопросом покончить. Мы эту реформу не для международного, не для чего-нибудь другого производим, мы эту реформу производим для себя. Если я сегодня хочу кушать, а мне откуда-то говорят: не кушай,–я все равно буду кушать. (Голос:–«правильно!»). С этой точки зрения мы должны сказать, как говорит туркменская пословица: «Если хозяину нужно, то его соседу это запрещено». Мы, товарищи, в силу внутренних своих необходимостей эту реформу производим и ни с чем тем, что может вокруг этой реформы говориться, мы не считаемся. (Апплодисменты).

Рахманов. (По-тюркски). (Апплодисменты).

Ибрагимов. Товарищи, я взял слово не для полемики, а только для того, чтобы дать несколько справок. Справки мои относятся к трем основным вопросам: во-первых, принципиальный подход к этому вопросу, во-вторых, оценка того опыта, который производится в Азербайджане, среди северо-кавказских народностей, а также в некоторых тюркских республиках. Третий момент моей

справки будет относиться к тому, как относится к этому вопросу в своей практической работе Татреспублика, в частности, татарская советская общественность вообще.

По первому вопросу я выскажу не только мое личное мнение,– а я буду исходить из некоторых постановлений, которые в течение последних двух лет были. В 1924 году в Москве был Всероссийский С'езд татаро-башкирских просвещенцев. На этом с'езде обсуждался вопрос орфографии, шрифта. Было постановлено с'ездом, что принципиально латинский алфавит возражений не встречает. Наоборот, он имеет некоторые преимущества перед арабским. (Апплодисменты). Товарищи, во избежание недоразумений не надо пока апплодировать. Дальше было сказано, что главное внимание будет обращено на реформу. Еще раньше, в 1921 году, в Казани было совещание и конференция журналистов. Там тоже было постановлено, приблизительно, в таком же духе. Это– оффициальные постановления не отдельных лиц, а общественного характера. В связи с Тюркологическим С'ездом, так как нам было известно, что здесь будет поставлен вопрос о шрифте, нам нужно было в Татреспублике выяснить мнение по этому вопросу. У нас,– я сообщаю оффициально,–мнение такое, что принципиальных возражений против латыни мы не имеем. (Продолжительные и бурные апплодисменты. Возгласы: «браво»). Как мы понимаем принципиальный подход к этому вопросу? Мне приходилось много говорить по этому вопросу. Некоторый подход с точки зрения религиозной, некоторый подход с точки зрения национализма говорит, что арабский шрифт–это есть один из элементов нашей национальности и т. д. Говорят еще, что наша восточная культура имеет свои особенности. Одной из этих особенностей является шрифт, который имеет свою историю и т. д. Когда мы говорим, что принципиальных возражений нет, мы подходим к этому вопросу, главным образом, из тех соображений, что он имеет больше преимуществ перед арабским алфавитом. Как мы относимся к тому опыту, который производится в Азербайджане, в северокавказских республиках, о чем говорил тов. Алиев, и, как я понял, товарищ из Каракиргизской Республики? Как мы относимся? Мы на этот опыт смотрим, как на крупный исторической важности опыт, без-

условно очень ответственный, но, товарищи, вы знаете, что не всякий опыт и даже очень не исторически-важный бывает удачен. За исход опыта пока еще трудно отвечать. Во всяком случае, мы смотрим на этот исторический опыт, как на великий опыт, и если даже он не удастся, даже в этом случае нужно считать его исторически важным. Третья справка будет относиться к вопросу о том, как относится у себя Татреспублика к этому вопросу. Нужен принципиальный ответ. Приветствуя опыт Азербайджана, мало этим обойтись. Этот вопрос относится к нам самим, к Татреспублике, в частности к татарской советской общественности. Не все татары живут в Татреспублике, больше половины татарского народа живет вне ее. В прошлом и позапрошлом году были попытки некоторых товарищей, которые организовали латиндуст и хотели там работать, на сочувствия не нашли, и в дальнейшем у нас вопрос о латинизации идет безусловно очень туго. Причины в следующих моментах: во-первых, мы, татары, имеем литературу с историей не менее 600 лет, мы имеем сейчас печать, а именно печатное слово на татарском языке, уже более 125 лет. Дальше, татарская общественность работает над реформой арабского шрифта уже более 50 лет, причем в последние 25 лет мы имеем огромные достижения в этой области. У нас нет ни одного более или менее культурного совещания, где бы не обсуждались вопросы арабского шрифта. У нас работают над этим вопросом не отдельные личности, а вся общественность. Каждый с'езд, каждая конференция вносили свок лепту в эту большую коллективную работу. В результате у нас получились более или менее,–подчеркиваю,–более или менее сносные результаты (похвалиться пока еще нечем), хотя, конечно, есть недостатки, на которые мы не закрываем глаза.

Напрасно товарищ Бердиев старался доказать, что это самый неудобный шрифт. Нет, это неверно. Он среди всех реформированных шрифтов является более или менее сносным. Мы сейчас подошли к последнему моменту, когда необходимо выбрать, какую из трех арабских форм необходимо оставить. Практически этот вопрос еще не был разрешен. Когда мы приехали сюда на С'езд то мы говорили, что латинизация не может быть для нас централь-

ным вопросом потому, что у нас нет в ней особенной потребности, как у Азербайджана и Турции, потому, что они находятся в совершенно ином положении, чем мы.

Дальше, я обращу внимание на печать. Я мог бы вам изложить, что в этом году Татреспубликой принят план издания 3.000 печатных листов: 1.000 листов политической литературы, 1.500 листов для Наркомпроса, т. е. учебников, а остальные–краеведческие и на русском языке. Может быть, этот план не удастся выполнить полностью, но, во всяком случае, на 70 85% он будет выполнен. Это, конечно, огромная литература. Кроме того, мы собираемся издать до 100.000 экземпляров букварей. Но, может быть, мы не являемся единственными представителями татарского печатного дела. В Астрахани, в Москве, даже в далекой Сибири идет повсюду огромная работа по издательству книг, по издательству учебников. Это с одной стороны. С другой стороны, такую же огромную работу мы имеем в отношении ликвидации неграмотности. Некоторые из присутствующих здесь могут подтвердить, что у нас имеется по три учебных заведения, включая избачей и учебные заведения низшего и высшего типа; детских домов и школ у нас около 2.000. У нас остается больше 2.000 мугаллимов татар.

Надо подойти к вопросу конкретно и деловито, декларацией я заниматься не буду. Если мы скажем, что переходим на латынь, то с завтрашнего дня надо заняться этим и начать переподготовку: переподготовить избачей, переподготовить огромную машину, которая теперь работает хорошо. Сейчас мы не хотим ее остановить, нам важно, чтобы по возможности эта машина усовершенствовалась и работала. Благодаря проводимой нами реформе, которую мы не стараемся проводить сразу на все 100%, наша машина ни на одну минуту не остановится. Таким образом, татарская общественность, которая обслуживает 5.000.000-ый народ, достигнет больших результатов. Вот почему, товарищи, латинизация для нас неострый вопрос, у нас понемногу все было подготовлено к реорганизации алфавита, когда мы сюда приехали. На нас отчасти здесь смотрели так, как будто мы приехали сюда для борьбы, но у нас совершенно не было мысли о борьбе. Мы почувствовали здесь, что, оказывается, не во всех республиках вопрос обстоит

так, как он обстоит у нас. В Азербайджане еще употребляется старый шрифт, который безусловно никуда не годится, реформой здесь не занимались, хотя первую мысль о реформе дал азербайджанец Фатали Ахундов, но тогда это не получило практического применения. Теперь, если мы возьмем Северный Кавказ, то мы очень хорошо понимаем т. Умара Алиева, когда он говорит, что они уже проводят латинский алфавит. Когда я читал его статьи, то я увидел, что у них ликвидация неграмотности уже проводится в деревнях на латинском алфавите.

Я хочу подчеркнуть, что в этом вопросе, к великому сожалению, –но боюсь, что меня обвинят в пантюркизме,–есть большая опасность. Но здесь дело не в полемике. Мне неприятно полемизировать, но я хочу сказать, что здесь трагический момент для кара-киргизов,–к сожалению, мы до сих пор плохо знали наши тюркские братские народы–у кара-киргизов не было алфавита, нет культурных работников. Поэтому для них, может быть, удобнее применить латинский алфавит, а для других, как например, Туркреспублики, это не будет полезно, а послужит только задержкой огромной машины, которая там сейчас работает.

Тов. Байтурсун говорит, что не нужно единого алфавита. Не знаю, удастся ли нам вообще сохранить единый алфавит, но во всяком случае это очень серьезный вопрос и к нему надо подходить очень осторожно, потому что здесь играют роль социальные, культурные, экономические и исторические условия. Эти условия у различных народов различны, с этим надо считаться; в силу этого получается и различное положение. Один народ имеет 500-летниюю историю, а другой ничего не имеет. Это возможно в одном месте, а в другом месте невозможно.

Этот вопрос еще важен потому, что тюркские народы, благодаря этому, могут раз'единиться на очень маленькие группы и это будет иметь значение для дальнейшаго развития.

Татреспублика в этом вопросе исходит лишь только из своих данных конкретных условий. Этим своим выражением я обращаюсь особенно к марксистам. Когда мы говорим, что на 100% наше внимание будет направлено на реформу арабского алфавита, то мы должны исходить из наших данных конкретных условий.

То, о чем я вам говорю, о принципиальных моментах, на основе которых ведется работа, я должен еще раз подтвердить и сказать, что наша позиция верна.

В вопросах реформы арабского шрифта, я резюмируя свою мысль, должен сказать, что старый арабский шрифт никуда не годится (Апплодисменты). Я подчеркиваю, чтобы все хорошо слышали, что старый арабский шрифт никуда не годится. (Апплодисменты).

Дальше, для того, чтобы освободиться от этого хлама, нужны были методы. Есть два метода: я не боюсь, чтобы нас обвиняли в консерватизме,–есть метод реформы и метод революции. Мы держимся метода реформы, товарищи меня знают,–я, во многих случаях революционно настроенный человек, но в данном случае мы держимся метода не революционного, а метода реформы, потому что наши конкретные данные условия заставляют итти за остальными опытами. Я уже сказал какими.

Председатель. Заседание об'являю закрытым.

Заседание закрывается в 9 часов вечера.

ДВЕНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председательствует тов. **Джабиев.**

Ага-Заде. (По-тюркски; затем вкратце переводит на русский язык). Возможно-ли реформировать арабский алфавит таким образом, чтобы замечающиеся в нем всякого рода недостатки были бы целиком устранены? Если в этом алфавите есть кое-какие дефекты, которые никак не устранима то практично ли будет для нас попадать из одного тупика в другой? Целесообразнее будет оставить его нетронутым в литературных памятниках старины и в религиозных книгах, а для будущей культуры принять отвечающий всем требованиям науки и искусства алфавит. (Апплодисменты).

После выступлений т. т. Габитова и Максудова на татарском языке слово представляется тов. Иногамову,

Иногамов. Мне кажется, что в вопросе об алфавитах латинском и арабском должна быть ясность занимаемой позиции.

Вчера, когда я слушал тов. Ибрагимова, у меня появилась какая-то неясность в голове... Мне показалось, что татарская делегация, выступавшая от имени Татаристана в отношении латинского алфавита, не имеет принципиальных возражений против латинского алфавита. Что это значит? Это значит, что в основном латинский алфавит они принимают, что принципиальных возражений у них нет. Но когда начинают выступать другие товарищи, как например, докладчик тов. Алпаров, приводивший статистические вычисления проверочного характера, то оказывается, что латинский алфавит стоит ниже арабского. Поэтому, мне кажется, говорить, что принципиальных возражений мы не имеем, здесь не место. Татарская делегация и присоединившаяся к ней часть наших товарищей стоят и принципиально и практически против проведения и против принятия этого латинского алфавита. Теперь я перехожу к доводам. Я тут должен оговориться, что когда они так говорят, так выступают, то у них нет решительности, у них какой-то дуализм: принципиально не возражаем, а практически против. Насколько я

понял тов. Ибрагимова, когда он говорил, что принимал участие на Татаро-Башкирской конференции в Москве, то там не возражали против латинского алфавита и поставили его первым перед арабским. Он поставил «но», сказав, что у них промышленность, что у них экономика, что у них 500-летняя литература. Если товарищи признают преимущество латинского алфавита перед арабским старым и реформированным, то такие доводы, по-моему, совершенно неосновательны.

Арабисты–я говорю, главным образом, о представителях татарской делегации–представили три основных проекта не арабского старого алфавита, а нового для реформации. Я уверен, что их будет не три проекта, а гораздо больше. Какая разница между реформированным арабскими латинским? Нет разницы. По опыту Узбекистана могут сказать: у нас мальчики в школе учатся по новому. Они не знают старого арабского алфавита, но они этот новый реформированный алфавит читают очень трудно, и ставить так вопрос, что если мы примем латинский алфавит, то это будет «отрыв от масс»,–это несостоятельный довод. Реформированный арабский алфавит тоже является отрывом от масс. Говорят, в течение 500 лет создана ваша литература, но разве она создана на новом реформированном алфавите? Ведь население читает не реформированный алфавит, а старый. Кто же новый будет читать? Реформированный алфавит знают новые люди, где же тут 500-летняя литература? Такие доводы в отношении принятия этого алфавита совершенно неправильны. (Дальше тов. Иногамов воспроизводит на доске образцы тюркских слов на реформированном арабском и новом латинском алфавитах, доказывая превосходство последнего).

Мне кажется, что делегаты из Татарии и некоторые другие товарищи в этот вопрос должны внести ясность и не говорить, что принципиально возражаем, чтобы о нас не думали, что мы националисты, религиозники. Ничего подобного! Если вы могли доказать, вы докажете это на деле. (Апплодисменты).

Султан-Меджид Эфендиев. Товарищи, тут предыдущие ораторы достаточно останавливались на технической и прочих сторонах вопроса, доказывая преимущество латыни. Я сделаю только

несколько замечаний по поводу тех возражений, которые делаются в отношении введения латыни ее противниками. Некоторые противники нового тюркского алфавита подчеркивают, между прочим, свое сопротивление латыни, указывая на то, что в передовых странах Европы также существуют алфавиты, которые по своей структуре, по форме являются довольно сложными и что это нисколько не мешает этим народам итти по пути прогресса и являться передовыми странами Старого света. Я должен сказать, что люди, думающие так, упускают из виду одно важное обстоятельство, именно то, что в указанных странах, наряду с последними усовершенствованиями техники и науки, существуют пережитки старины, которые могли бы быть очень легко отброшены, но буржуазный мир стремится их сохранить для замаскирования своего существования и для того, чтобы отбить у масс охоту к новшествам, привить желание, стремление сохранить старые традиции и тем самым спасти буржуазно-капиталистический режим. Эти пережитки старины в Англии и Франции ждут своей участи в ближайшей революции, которая отметет все эти старые пережитки. Между тем, в этих возражениях противников латыни в отношении нас–они не учитывают, что мы уже перешагнули за такой англо-французский консерватизм, и, что у нас есть наличие такого колоссальной важности фактора, как Октябрская Революция, которая ликвидировала старые пережитки и расчистила путь для трудящихся Советского Союза по пути прогресса.

Второе замечание противникам латыни по поводу указания их на то, что введение латыни чревато такими серьезными последствиями, как сдача в архив всей напечатанной литературы, всего наследства старины, которое мы получили на арабской основе; что введение латыни делает это наследство бесценным, негодным, не дающим обязательной пользы; что введение латыни заставит на снова перепечатывать все книги, заставит иметь все эти литературные издания на новом алфавите, и все это вызовет большие затруднения и расходы. И вот, я хочу сказать, что расходы эти не особенно большие. Один из видных латинистов прежнего времени Мирза-Мулкюм-Хан вычислил, что для того, чтобы перепечатать всю существующую на ближнем Востоке литературу–литературу

Персии, Афганистана и др.–нужна только сумма, которая требуется на постройку одного броненосца; и сравнивая громадную ценность вводимой реформы, нужно сказать, что перед расходами, требующимися на эту реформу, нельзя ни в коем случае останавливаться, выпячивать громадность этих расходов и тем самым заставлять противников сдаться. Должен сказать, однако, что введение нового тюркского алфавита не лишает возможности пользоваться и извлекать выгоду из старого алфавита и что наряду с новым латинским может существовать и быть использован и арабский алфавит. Возьмем пример Германии, где наряду с латинским имеется готический алфавит, почти такой же трудный по своей технике, как и наш арабский алфавит и, вместе с тем, эти два алфавита там мирно уживаются.

Сделаю несколько замечаний относительно преимуществ латыни по соображениям чисто политическим. Во- первых, нужно сказать, что в тех странах, в которых придется вводить новый латинский алфавит, в странах с огромной отсталостью,– а это бесспорный факт, который, не может быть никем из присутствующих отрицаем, если это так, то надо сказать, что при такой отсталости наше поступательное движение по пути прогресса возможно при условии, если мы будем пользоваться самыми усовершенствованными орудиями в этой области. По аналогии на области путей сообщения техники нужно сказать, что при большой отсталости в этих областях в той или другой стране диктуется необходимость для народов, желающих совершить быстрое движение вперед,– необходимость именно, пользоваться самыми усовершенствованными методами, например: авиация–более совершенный способ передвижения в сравнении с железнодорожным транспортом, и она прививается скорее всего и больше всего в тех странах, где пути сообщения совершенно отсутствуют. Где есть железнодорожное передвижение, там вопрос обстоит легче и, наоборот, там где его нет, пред'являются большие требования в смысле путей сообщения и устраивается авиация. Также обстоит дело с электрификацией и в области отсталых сельско-хозяйственных стран. Далее я должен остиновиться на одном моменте: почему особенное сопротивление делается латыни, приписываются ей всевоз-

можные беды. Противники реформы сами были не прочь вводить эту реформу, но они по классовым соображениям становятся в противном лагере этой реформы, не желая чтобы честь введения этой реформы была приписана Советской власти.

Затем указывают на отрыв от Востока по причине введения латыни. Мы знаем, что Восток, Персия и Афганистан сильно отстали в культурном отношении по сравнению с нами. Мы не можем равняться по отсталым народам, мы должны итти вперед, мы должны тянуть вперед за собой более отсталые страны, мы должны это им показать на деле. Агитация здесь не поможет, самой лучшей агитацией является деловая агитация. Произведя эту реформу и шагая на основе ее вперед, мы тем самым убедим другие восточные народы принять эту реформу.

Введение латыни отрывает нас от клерикализма, который являлся все время причиной нашей отсталости. Наш арабский букварь связан с религией и тем самым с господством духовенства, той силы, которая вместе с капитализмом пагубно влияет на сознание масс. Если европейские капиталисты эксплоатируют наши физические силы, то духовенство насилует наше сознание. Принятие латыни отрывает нас от господства духовенства и тем самым усиливает факторы нашего культурного преуспеяния.

Самым важным обстоятельством здесь, кроме того, что введение латыни является отрывом от господства духовенства, оно является еще фактором, который совершит в умах европейских капиталистов некоторый переворот, который должен выразится в том, что европейские капиталисты изменят к нам отношение. Они до сих пор считали наши народы, народами, которые могут быть дойной коровой.

Поэтому наши новые шаги, наш новый путь–латынь–изменит к нам отношение. Повторяю, она будет ударом по отношению к буржуазии, которая тем самым изменит к нам отношение в смысле большего уважения прав восточных народов.

Айвазов. (По-тюркски высказывается против косности и реакционности старого арабского алфавита. Останавливаясь на реформированном арабском алфавите, он считает этот реформу вредной полумерой. Нам необходима коренная ламка, и если новый латинский алфавит обеспечивает нам эту культурную революцию, мы все должны высказаться и провести его в жизнь без всяких промедлений.

Сама жизнь заставит прибегнуть к этому тех, кто сейчас мешает новому движению. Шумные продолжительные апплодисменты).

После выступления Халил Сайда по-тюркски, слово предоставляется тов. Байтурсуну.

Байтурсун. Я не буду входить в подробности сравнения латинского алфавита с арабским потому, что об этом были сделаны доклады, и из этих докладов, я думаю, всем было видно, всем тем, кто руководствуется не чутьем, а разумом, какой алфавит именно следует предпочесть. Алфавит это не есть что нибудь такое, что не поддается нашему опыту. Это есть не больше, не меньше, как комплект знаков, изображающих основные элементы речи. Чем легче, чем полнее передаются эти элементы речи тем лучше алфавит. Мы видели из авторитетных мнений ученых, какой алфавит считается идеальным. Профессор Яковлев говорит: чем меньше знаков, тем лучше. Это есть самое основное.

Что же касается практической стороны рассматриваемого вопроса, то это вызывает здесь массу споров. С одной стороны, оно может быть лучше, а с другой стороны может быть и хуже. В этом вопросе могут разбираться только те, кто глубже и подробнее будет рассматривать алфавит.

Я не об этом хочу говорить. Мы можем ставить вопрос об изменении алфавита тогда, когда он не удачен, или вообще ставить вопрос об алфавите, когда его нет. Но у нас он имеется, и нам поэтому незачем ходить за другим алфавитом. Если бы наш алфавит был хуже, тогда дело другого рода, но из сравнения алфавитов никто не доказал, что именно латинский алфавит имеет какие-то особенные преимущества. Латинисты в своих докладах рассказывали только басни о нем, они расказывали ту басню, с которой мы покончили 13 лет тому назад, когда было еще царское правительство, когда было в силе духовенство, когда оно имело большое влияние на народ, когда вся мусульманская печать была против нас. Мы, казаки, все это выдержали.

Мы, казаки, в настоящее время имеем самое идеальное правописание (Смех в зале). Пусть кто-нибудь скажет здесь, что наше правописание не идеально! Мы имеем в настоящее время самый идеальный алфавит (Смех). Пусть кто нибудь скажет, что алфавит этот не идеален.

От алфавита, что требуется? От алфавита требуется, чтобы он хорошо передавал звуки и в техническом отношении был удобен. О техническом удобстве уже говорил тов. Галимджан Шараф. Никто полнее, никто основательнее его не разбирал этого вопроса. Я думаю, что всякий, кто руководствуется не чувством, а разумом, должен это подтвердить.

Мы-отсталая народность. Мы бедны культурными силам и средствами. Мы сейчас уделяем все свои культурные силы и все свои средства только на самое необходимое. Мы сейчас, например, не можем заниматься составлением сравнительного словаря тюркских языков, мы даже не можем заниматься составлением полного словаря своего собственного языка. Почему это? Это потому, что мы все сейчас заняты составлением учебников. До революции 1905 года мы не имели ни одного учебника. Сейчас первой необходимостью для нас является обеспечение наших школ учебниками. Мы все культурные силы и все наши средства убиваем именно на это.

Следовательно, я смотрю на этот вопрос не так, как другие, я смотрю, насколько у нас есть сил и средств, насколько может быть уделено внимание введению латинского алфавита. У нас этих сил и средств нет, следовательно, я считаюсь только с необходимостью. А необходимости введения латинского алфавита я не вижу. Если вводят его у себя те народы, которые не имели раньше совершенно никакого алфавита, то это правильно. Никто этого отрицать не будет. Почему? Потому что это необходимо. Если вводят латинский алфавит те, которые имели плохой алфавит, то это тоже имеет смысл. Если вводят его те, которые имели раньше русский алфавит, то это уже для меня непонятно. Почему? Потому, что для чего обучать детей, утруждать детей- обучением двойной грамоте? Для чего это нужно? Это только двойные расходы и двойной труд. Это бессмыслица. Для чего их утруждать изучением этого алфавита, когда им все равно придется изучать русский язык и русский алфавит? Раз они живут в Российском Союзе, они должны изучать русский язык и русскую грамоту.

Как бы ни основывали своих доводов выступавшие ораторы, я думаю, что смысл имеет введение этого нового алфавита, т. е. замена арабского алфавита каким-нибудь другим только тогда, когда это в два раза облегчает обучение. Вы будете учить своих детей русской грамоте, следовательно, вашим детам надо учиться одной грамоте, а это уже есть облегчение, и если вы, без всяких предрассудков будете руководствоваться не чувством, а только разумом, вы должны будете принять русский алфавит. Если вы это не можете, то вы заменой старого латинсим алфавитом нисколько не облегчите работу. Что арабский, что латинский алфавиты–все равно, и те и другие имеют в некоторых частях и хорошую сторону, в некоторых частях имеют недостатки. И вот, если вы хотите руководствуясь разумом, поступить разумно, без всякого предрассудка и чувства, то вы должны принять русский алфавит. Если это имеет жизнь и смысл, если это вызывается необходимостью, то почему нужен латинский алфавит? Это для меня непонятно. Кому нужен латинский алфавит, пусть тот и принимает, а у меня нет необходимости его принимать, и если хотят нам чем-нибудь и кто-нибудь помочь, если есть такие благодетели и доброжелатели, чтобы облегчить наше затруднение, то мы им пойдем навстречу. В этой же области мы далеко пошли вперед, чем первоклассные российские массы.

Мы задыхаемся в душных землянках с ягнятами и телятами. Если вы нам хотите помочь, постройте нам вот такие дворцы как этот, в котором происходит настоящий С'езд–этим вы нам поможете. Если вы этого не можете сделать, то словами вы нам не поможете или поможете в свою пользу. Если вы отстали своим алфавитом, то зачем же вы хотите нам это навязать? Мы здесь слышали, что главным недостатком арабского алфавита является его изображение: символика и потом текстовка нот. Скажите, пожалуйста, сколько процентов у вас музыкально грамотных и сколько процентов населения испытывает нужду в этом? (Голос: «а через десять лет?») Через десять лет посмотрим. Ведь вы десять лет

тому назад не говорили о недостатках своего алфавита (Голос: «говорили»). Говорили, но ничего не сделали. Мы тоже 13 лет тому назад не имели ничего, теперь имеем свой алфавит. Тут говорят, что нехорошо, что пишется справа налево и что лучше писать слева направо. Это безразлично, с этим только считаются консерваторы и косные люди. (Голос: «как Вы»). Меня в этом никто не может обвинять. Пусть об этом скажет кто-либо из моих самых ярых врагов. Я руководствуюсь разумом, а ничем другим.

Потом обвиняют арабский алфавит в сходности форм и отрывчатости. Научного обоснования не дают, но практически какое движение бывает быстрее: отрывчатое или ползучее? А какая быстрота лучше характеризуется? Конечно, отрывчатая. Когда музыка играет, скажем скрипка,– пальцы остаются свободными, а не ползают по грифу. Для чего? Для того, чтобы пальцы двигались свободно. Точно также движение, какое лучше, ползучее или шагами? Конечно шагами, а это отрывисто, иначе мы все бы ползали, а не шагали. Затем, направление письма. Говорят, вредно для зрения, когда пишут справа налево, а мне кажется, когда вы смотрите прямо–лучше, когда же вы пишите правой рукой слева на права, наше зрение передвигается вместе с письмом слева направо и чем больше наклон и уклонение вправо, тем зрение становится напряженнее. Это подтверждает, что такое обвинение арабскому письму насчет направления справа налево неосновательно. (Голос:–«О вашем алфавите расскажите»). Хорошо, я сейчас покажу свой алфавит, который я применяю. (Рисует). Я сейчас применяю этот алфавит на пишущей машине потому, что расходы для переделки пишущей машины гораздо меньше, чем типографские расходы. Вот мой алфавит: шесть клавишей и на этих клавишах написано: (пишет)

Голоса. Напишите слово «Гележде̇к», «Ленин» (Пишет)

Голос. Это рисунки.

Байтурсун... (Пишет на доске) Разве это рисование? (Шум).

В отношении принятия латинского алфавита, когда мы говорим, что мы приобщаемся к европейской культуре, то это не надо понимать, что надо перенимать только внешнюю сторону. Без внутренней стороны она будет пустой. Возьмем такой пример.

Азербайджанцы и анатолийские турки в отношении своей собственной культуры, например, литературы, до сего времени придерживались арабского принципа. А почему? Потому что по внешности, по-арабски подражали арабскому. Чтобы перенимать европейскую культуру, надо ее перерабатывать в своей лаборатории, как делаем это мы. Есть и удобство и все есть. Я больше ничего не скажу вам. Мы для вас именно не будем свой шрифт изменять. (Апплодисменты и смех).

После выступления проф. Чобан-Заде, слово предоставляется тов. Барахову. (Апплодисменты).

Барахов. Мы, якуты, имеем богатый опыт проведения в жизнь латинского алфавита. К сожалению, нам не пришлось представить свой доклад к этому С'езду, но мы сейчас представляем тезисы по этому вопросу и, надеюсь, что они будут опубликованы в «Бюллетене» С'езда. Я кратко остановлюсь на некоторых моментах из этого опыта.

Прежде всего считаю необходимым указать на то, что для нас, якутов, не существовал вопрос о переходе от арабского к латинскому алфавиту. Об'ясняется это тем, что у нас не применялся раньше арабский алфавит. Мы волей истории были отброшены на крайний север Сибири и этим были отрезаны от остальной массы тюрок жизнью, во многом потеряли однородность языка. У нас не был принят ислам, которому обычно сопутствует арабский алфавит. Поэтому у нас до Революции пользовались русским алфавитом, измененным согласно особенностям якутского языка. Таких якутских алфавитов на русском шрифте у нас до Революции имелось целых четыре. Из них 2 алфавита применялись для миссионерских целей, а два алфавита, главным образом, для научных надобностей. Один из них разработал академик Бетлинс, был принят Академией Наук, которая и сейчас пользуется им для изображения якутских слов, и на котором печатались, главным образом, якутские книги до Революции.

Якутский народ был насильно окрещен в 17-ом столетии в русскую религию. Тут надо указать, во избежание одного недоразумения и здесь на С'езде и на некоторых других, что, когда нам приходится сталкиваться с тюркскими народностями, обыкно-

венно по нашим именам «Иван», «Сергей», «Василий» нас принимают за русских. Но когда посмотрят нам в лицо, то едва ли у кого-нибудь является сомнение, что мы не похожи на тюрков. Я это говорю во избежание возможных недоразумений. Несмотря на оторванность и отличие нашего языка, от других тюркских, несмотря на непонимание нами азербайджанского тюркского наречия, наши языки имеют единый корень. Мы с чрезвычайно большим интересом относимся к данному Тюркологическому С'езду. Вопросы орфографии, терминологии и, главным образом, вопросы алфавита имеют одно значение для всей семьи тюркских языков и в том числе для якутского языка, подчиняющегося одним законам наравне с другими тюркскими языками. Я говорю относительно алфавита, который применялся у нас до Революции.

Он имел целый ряд существенных недостатков. Во-первых, в нем имелось наличие целого ряда надстрочных знаков, одна буква имела трехэтажную форму, это обстоятельство затрудняло скорость письма в рукописи, создавало целый ряд технических неудобств в печати, знаки в печати очень часто стирались и печать изобиловала целым рядом опечаток и, кроме того, этот алфавит не имел у нас большого распространения. До революции якутские дети обучались на русском языке, на якутском языке обучение запрещалось. Наиболее передовые представители якутской национальной интеллигенции занимались самостоятельно якутским языком, но и это не имело большого распространения и отдельные попытки распространения журналов быстро прекращались благодаря тормазу, который чинился царской администрацией. Поэтому после революции в 17-ом году, когда перед нами реально встала задача обучения якутских детей в школах на родном языке,–возник вопрос о создании нового, более совершенного алфавита. Эта задача была очень удачно выполнена якутом-лингвистом С. А. Новгородовым, который имеет также, как видите, чисто русскую фамилию. Для изображения якутских слов составитель принял так называемую международную фонетическую транскрипцию, которая, в свою очередь, основана на латинских буквах, причем главным, основным принципом он считал стенографичность письма, полное отсутствие надстрочных знаков, чтобы иметь возможность

пи¬сать каждое слово, не отрывая руки, и эта задача была выполнена. В его алфавите отсутствовали также заглавные буквы и знаки препинания. Мотивировалось это тем, что все тюркские языки имеют ту особенность, что каждое предложение оканчивается сказуемым, и зная этот признак, можно легко указать, где кончается предложение. На этом алфавите уже 8-й год обучаются у нас якутские дети, и с момента образования Якутской Республики, с 1922 года ликвидируют свою неграмотность и взрослые якуты.

Распространение этого алфавита встретило чрезвычайное сочувствие на местах. Началось буквально массовое движение на местах за ликвидацию неграмотности. Школы, которые создавал Наркомпрос для этой цели, не удовлетворяли запросам массы, те якуты, которые ликвидировали свою неграмотность, обучали своих товарищей, которые еще не были грамотны и, вместе с тем, в то время, как раньше, до Революции, несколько десятков человек знало якутскую грамоту, в настоящее время мы имеем примерно около 30.000 населения–взрослых и детей, которые читают и пишут на этом алфавите. На этом алфавите имеется также целый ряд учебников, журналов, издаются газеты и т. д. Но, тем не менее, мы не закрываем глаза на отдельные недостатки этого алфавита. Укажу на два основных. Если отсутствие заглавных букв и знаков препинания теоретически оправдывается, то на практике это вызвало целый ряд неудобств. Этот вопрос обсуждался на целом ряде заседаний, конференций, дискуссировался на местах, и мы единогласно пришли к убеждению, что эти два правила необходимо восстановить. Декретом якутского правительства это уже восстановлено. Кроме того, имеется целый ряд технических поправок, но все эти поправки до сего времени не были проведены в жизнь до окончания Тюркологического С'езда. Мы надеемся, что после Тюркологического С'езда перед нами станет задача не о преимуществах латинского или арабского алфавита, а вопрос о согласовании разрозненных опытов создания единого тюркского алфавита, пригодного в числе других языков и для якутского (Аплодисменты).

Тынстанов. Товарищи, я много не буду говорить. Мои тезисы к докладу, которые были приняты единогласно Областным С'ездом

Киргизской Автономной Области, опубликованы в «Бюллетенях Орг. Комиссии», поэтому сделаю я только некоторые замечания по докладу некоторых выступавших ораторов и приведу примеры того, как у нас применяется этот новый алфавит.

Здесь говорили о преимуществах арабского алфавита, а именно метода ислахистов. Здесь,–к сожалению, я не понимаю по-тюркски,–выступал профессор Чобан-Заде, но я не знаю, поддерживал ли он ислахистов или нет. Мне придется говорить свое мнение, может быть, это будет повторением того, что он говорил, может быть, это явится дополнением или противоречием.

Галимджан Шараф сам признает, что латинский алфавит очень применим к звуковому методу, а что касается метода целых слов, то здесь он не применим. В этом отношении арабская форма начертания яко-бы является очень подходящей, но я сомневаюсь, между прочим, как и он сам, в том, что наш сингармонизм очень поможет при обучении детей грамоте. Мне кажется, что если мы переходим к латинскому алфавиту, то мы законов сингармонизма ничуть не трогаем, это первое. Теперь второе. Если действительно мы скажем, что арабский алфавит в отношении методов написания и начертания целых слов применим, то тогда ставится передо мною вопрос, как быть в таких случаях, когда буквы не сливаются друг с другом. Возьмем, например, слово «Арадан». Здесь слияние совершенно невозможно. Но тогда ставится еще такой вопрос: если, действительно, арабские буквы сливаются друг с другом и это удобно и применимо, то тогда для чего Алпаров стремится создать новые буквы на арабской основе? Это мне не ясно. Поэтому мне кажется, что это выступление является просто доказательством того, как антилатинисты трудились и хотели нас опровергнуть.

Потом отмечали, что киргизы в экономическом отношении народ отсталый, и если они примут арабский алфавит, то и в этом отношении будут хромать. Я не отрицаю того, что, действительно, мы народ отсталый в экономическом отношении, но для чего тогда нам искать, для чего тогда нам что-то создавать, если можно обратиться к Турции, потому что она нас опередила в культурном отношении? У нее есть хорошая машина на арабской основе, а мы

именно принимаем готовые машины, обоснованные на латинской системе.

По моему прав был тов. Ибрагимов, когда отметил, что киргизы в культурном отношении и во всех других отношениях отсталые и латинский алфавить к ним применим. Мне кажется, мнение большинства должно быть таково. По моему мнению, очень применим тот алфавит, который имеет начертание букв не сливающихся совсем или сливающихся совсем. Это, конечно, тяжелое испытание и я лично его испытал.

Теперь в отношении скорописи. Тут антилатинисты обвиняли новый алфавит в том, что неразборчиво, когда пишешь медленно. Вот возьмем фамилию мою «Тынстанов». Вот мы написали. Затем идем назад и ставим точки. Что получается у нас? Когда они на научном с'езде у нас рекомендовали свое правописание, то оказалось, что у них буква «ы» не имеет изображения. Например, слово «Хазиз Каих».

Попробуйте писать. Это у них обозначает «и». Вот тут есть масса зубчиков. Надо взять карандаш и подсчитать. Если так считать, будет три «с», если так, будет два. Ага, значит в середине есть буква «и». Еще есть и масса других недостатков. (Коркмасов:–«все это кустарничество»). Я думаю, что от того, что мы ставим точки, толку будет мало потому, что они остаются в теории, а при письме это невозможно. Кроме того, я еще добавлю одно. Мы в данное время стремимся создать национальную культуру, национальную Красную армию. Хотим обучать ее на родном языке, а вот эти точки в арабских буквах не годятся. Вот, что я хотел добавить в этом отношении. Когда тов. Байтурсун на С'езде говорил относительно латинского алфавита и показывал для примера такое слово «агла», у вас пишется четыре, говорит, а у нас две. Мы сказали, вы присоединяетесь к нам, мы еще не полное изображение приняли, мы его будем реформировать.

Что касается возражения населения, то я думаю, что в этом отношении тов. Ибрагимов дал основательный подход. В отношении Татарской Республики, правда, трудно, но не надо забывать, что народ живет не десятками, а сотнями и тысячами лет и поэтому мы заблаговременно стараемся это дать будущему. Все равно, нам

придется принять новый латинский алфавит, и если здесь казакистанские делегаты протестуют и говорят, что они принципиально возражают, то это не принципиально, надо проводить на примере. Один из основных отпоров заключался в том, что у нас народ темен и фанатичен, что введение алфавита вызовет ропот среди темных масс. Я это не понимаю. Тогда я бы сказал, что и коммунизм также нам рано вводить и свержение халифата в Турции также было преждевременно. Правда, в этом отношении немного надо осторожно подходить. Они сами возражают. Почему не принять русский алфавит целиком, тем более, что мы каждый день соприкасаемся с русской культурой и русскими, а сами говорят, что наш народ темный и фанатичный, что новый алфавит вызовет политический ропот среди населения. (Апплодисменты).

Ульбашев. Товарищи, я просил слово и не знаю, вероятно, мне придется говорить по-русски, потому что по-балкарски не поймут. Балкарский народ до Революции не имел своей письменности. У нас были только грамотные муллы и дворяне. Первое время после Революции мы стали создавать свою письменность на русском шрифте и на русском шрифте вышел один букварь. Потом мы стали думать о латинском алфавите и этот шрифт проводится у нас в жизнь, на нем обучаются в школах. Я человек не сильно грамотный, не могу вам этого доказать научно, но просто, по-крестьянски, по простому скажу несколько слов. Здесь на С'езде есть два лагеря: один хочет доказать, что он прав, другой хочет доказать, что он тоже прав. Я рассуждаю просто и думаю, что если один татарин говорит «плуг», а другой говорит «трактор»,–то я присоединяюсь к тем татарам, которые выберут «трактор». (Апплодисменты). Наш уважаемый пророк Магомет ездил на ишаках, а Агамали-Оглы ездит на автомобилях, и мы не можем ему предложить, чтобы он ездил на ишаке. Вчера здесь говорил один татарин. Он не хочет различать автомобиль от ишака, ну, и пускай сам ездит на ишаке. (Апплодисменты). Тот же Магомет проезжал через речку по мостам, а мы пролетаем океаны от одного до другого конца земного шара. Современная наука требует от нас того, чтобы мы оставили плуг и взяли трактор. Я напишу здесь тоже самое слово «ишак». На старом арабском шрифте это будет–10

знаков, напишу на новом татарском: 4 знака. Математически ясно, что 10 больше, чем 4. (Смех. Апплодисменты). Итак, товарищи, нечего нам бояться, мы много событий пережили и во многом вышли победителями, мы победили в гражданской войне. Теперь осталось нам еще одержать победу на культурно-хозяйственном фронте, и мы должны найти правильный путь для этой победы.

Косыев. Товарищи, хоть и поздно немного, но прежде всего я должен исполнить поручение нашего Областного Исполкома. Наш Областной Исполком, командируя меня сюда, поручил мне приветствовать настоящий 1-ый Всесоюзный Тюркологический С'езд от имени нашего калмыцкого народа. (Апплодисменты). Наш Областной Исполком надеется на то, что работа данного С'езда будет направлена в том духе, что результаты этой работы будут отвечать всем требованиям пролетариата тюркских народов.

У нас, в Калмыцкой области, данный вопрос, вопрос алфавита поднимался уже 8-9 лет тому назад. У нас имелось раньше тоже свое письмо, может быть этого нашего письма никто из присутствующих не знает, но оно раньше писалось сверху вниз. У европейских народов пишут слева направо, у вас справа-налево, а у нас писалось сверху вниз. Мы нашли, что это наше старое письмо, которое идет сверху вниз, для нас неудобно, и мы решили по нашим условиям принять новый алфавит. Мы приняли новый алфавит, но не латинский, так как у нас, конечно, свои условия, может быть, не такие условия как у вас, поэтому мы приняли русский алфавит, добавив к этому алфавиту свои новые знаки для звуков, которых нет в русском языке.

Многие говорили, что русский алфавит принимать нельзя потому, что этот алфавит принадлежит тому народу, который раньше, если не в лице трудящихся, то во всяком случае в лице правительства этого народа, угнетал наше национальное меньшинство и, исходя из этих соображений, нельзя принимать этот алфавит. Но все-таки, несмотря на это мы его приняли. Население в этом пошло нам навстречу. Это было сделано просто потому, что мы живем среди русского населения, и все, что нам нужно мы получаем только от русских. Мы этим убиваем сразу двух зайцев. Первый год обучения у нас в школах идет на родном языке, и вот в

этот первый год наши дети сразу знакомятся с русским алфавитом, и в первый же год они уже умеют читать, а на второй год они начинают изучать русский язык и уже сразу могут читать.

Теперь перейдем к сути ваших прений и к сути вашего письма. Я тюркского языка совершенно не знаю. На этом языке я не знаю почти ни одного слова. Я говорил, что наше письмо идет сверху вниз, а ваше письмо идет справа налево, и теперь, если вы будете писать слева направо, мне кажется, что надо ставить вопрос совершенно иначе, надо обратить внимание на то, что нужно народу. Народу нужны знания. Конечно, эти знания они приобретут посредством письма. Какое же письмо нужно? Письмо нужно самое удобное, легче всего усваиваемое. Конечно, таким письмом может явиться письмо, которое пойдет слева направо.

Тут говорили, что, например, в Татаристане имеется печать, имеется литература, созданная в течение десятка лет, я не знаю статистики, не знаю, какой процент грамотности и неграмотности имеется в Татаристане, но полагаю, что все-таки этот процент грамотности не особенно велик. Наверное не больше 20, а может быть, не больше 25%.

Сейчас какую же литературу мы должны изучать? И что мы должны усваивать? Мне кажется, что в данный момент наши народности могут и должны прежде всего усваивать марксистскую литературу. Раз письмо ваше старое арабское, как доказывали многие ваши работники и даже профессора, подходившие к вопросу с чисто научной теоретической стороны, раз это письмо не годится, то надо заменить его новым письмом. Но алфавит, в данном случае, латинский, который вы, может быть, примете, легче всего даст возможность усвоить все то, что нужно в данный момент для пролетариата наших народностей. (Апплодисменты. Под апплодисменты с'езда приветствует от имени Исполкома по калмыцки).

Карачайли-Ислам. Товарищи, я не собираюсь полемизировать с кем бы то ни было из выступавших до меня ораторов, не собираюсь доказывать какие бы то ни было преимущества или недостатки того или другого алфавита. Я хочу высказать несколько своих соображений по поводу алфавита. Эти соображения являются не столько моими, сколько соображениями мыслящей и

работающей части того населения, которое я здесь представляю. Я говорю о маленьком тюркском племени карачаевцев. Вопрос об алфавите–кардинальный вопрос нашего С'езда, карачаевцы для себя разрешили. У нас не может быть того алфавита, при котором наш народ в течение многих веков находился в рабстве, позорном гнете, нес ярмо на своей шее. У нас должен быть новый алфавит, построенный на иных основаниях, на иных началах. С нашей точки зрения таким является предлагаемый здесь латинский алфавит или вернее система латинских письмен.

Карачаевцы, как и другие горцы Северного Кавказа, этот вопрос решили для себя. Они сказали: хотя мы считаемся народом арабомусульманской культуры, но мы не были связаны ни с культурой Востока, ни вообще с Востоком. Где же у нас будет тот отрыв, которым нас пугают в случае принятия нами латыни? Несмотря на многовековое существование у тюркских народов арабского алфавита, мы можем констатировать факт почти поголовной неграмотности тюркских народов, в том числе и карачаевцев. Спрашивается, что же мы теряем, отказываясь от того алфавита и принимая новый? Мне кажется, что мы ничего не теряем. Ни для кого не является спорным, что время для того, чтобы создать и примять новый алфавит, давно назрело, а в особенности оно назрело у нас, у карачаевцев. Здесь верно уловил присутствующий тов. Алиев, сам педагог по образованию, создавший первый карачаевский букварь с параллельным текстом на арабском и на латинском. Мы занялись агитацией и пропагандой в пользу этого нового букваря, но сами карачаевцы с огромным интересом кинулись изучать новый алфавит, новые связанные письмена по этому букварю. Я, как практический работник мест, как редактор газеты, имел возможность наблюдать весьма характерное в этом отношении явление.

Не прошло и месяца после того, как появилась книжка тов. Алиева, в редакцию нашей газеты стали поступать письма, заметки, статьи, написанные карачаевцами на латинской основе. Это писали люди, которые сами по собственному почину без всякого принуждения с чьей бы то ни было стороны занялись изучением новой письменности и усвоили ее. Наш народ и вся мысящаяся

часть нашего населения расценивает новый алфавит, как алфавит свободы.

По этому для нас представляется совершенно неоспоримым, что все тюркские народы в вопросе об алфавите должны с нами сказать: «Да здравствует алфавит свободы, алфавит новый!» (Апплодисменты).

Сабашкин. Как ни странно, я не был подготовлен к борьбе по вопросу об алфавите, но я должен сделать некоторый анализ. В то время, когда вы ставите вопрос о терминологии, в то время, когда вы ставите вопрос о культуре тюркских народов, о направлении по пути прогресса и т. д., когда эта отсталая тюркская масса ушла вперед, то этот вопрос необходимо разрешить практически потому, что этот вопрос, как и всякий вопрос, должен иметь под собой реальную почву. Тут мы должны дать нечто конкретное и реальное. Отсюда понятно, что мы, тюрки, которые являемся передовым типом тюркского отсталого населения, должны разрешить этот вопрос во всей широте. Я сам, будучи студентом, имел желание учиться арабскому шрифту, находя это неизбежным, но, когда я начал учиться, было трудно, и в результате я не постиг техники арабского шрифта. Когда я вижу новый опыт Азербайджана, то кое-что, написанное по-латыни, как будто для меня знакомо, посколько я учился в русской школе. Отсюда, пожалуй, я могу позаимствовать и ту терминологию, которая существует среди тюркских народов. Вот здесь два лагеря должны изыскать конкретный выход: остаться при старом шрифте, или перейти к новому. Я думаю, как совершенно нейтральное лицо, что гораздо будет целесообразнее и гораздо будет богаче литература тюркских народов, когда будет применена техника латинского шрифта. (Апплодисменты).

Иванов. Я буду очень краток, мне только хочется сказать несколько слов, о том, каким образом обстоит дело с новым алфавитом в Чувашской Республике и каково наше отношение к новому алфавиту, введенному здесь, в Азербайджанской Республике. Наша письменность основана на русском алфавите; появилась она в таком виде, в котором существует, 50 лет тому назад. Теперь, что касается алфавита, то в нем, конечно, нужно разбирать две стороны: прежде всего, насколько этот алфавит охватывает звуковую сторону данного языка и затем самую графику. Если с этой стороны подойти к нашему алфавиту, то он является, пожалуй, если не совершенным, то, по крайней мере, не плохим.

В течение 50 лет мы издали много книг, у нас среди населения, среди тех, кто пишет книги, в школах, в которых на этом алфавите обучаются,–ни разу не поднимался разговор о том, что наш алфавит до некоторой степени не совершенен со звуковой и графической сторон. Правда, графической стороны кое-какие недостатки имеются,–это надстрочные знаки, но их не так много и из-за этих знаков во всяком случае поднимать разговор о том, чтобы менять этот алфавит на другой не стоит. Профессор Яковлев говорил, что при изменении алфавитов приходится обращать внимание на культурно-социальную обстановку. В этом отношении нужно сказать, что грамотных у нас по этому алфавиту приблизительно около 30%, и менять дело нам было-бы трудно. Поэтому разговор у нас об этом не поднимается. Затем, чуваши об'единены в Республику, но в этой Республике из всех чувашей живет только половина, другая половина находится вне Республики. Если бы поднялся вопрос о реформе алфавита, то неизвестно, как отнеслись бы чуваши вне Республики к этому вопросу. А что касается введения нового алфавита в том виде, как ввели его здесь, то мы от всей души это приветствуем. Дело в том, что, когда тюрко-татары писали на арабском шрифте, для нас было очень трудно писать и читать на этом алфавите. Если вы перейдете к алфавиту, основанному на латинской основе, нам легче будет изучать язык родных нам народов, и с этой стороны я от всей души приветствую введение нового алфавита. (Апплодисменты).

Коркмасов (Апплодисменты). Товорищи, из выступлений докладчиков, у подавляющего большинства ораторов по латинскому алфавиту, стало ясно для нас техническое превосходство его над арабским алфавитом, как старым, так и реформированным. Стало ясно, что латинский алфавит является продуктом многочисленных реформ, в то время, как арабский недалеко ушел от своей начальной примитивности; что многократные революции более приблизили латинский алфавит к народным массам, тогда как арабский

до сих пор обслуживает лишь ограниченный, так называемый, высший класс народа, и что латинский алфавит выдержал испытание на опыте многих отдельных стран, как Сев. Кавказ, Азербайджан, Якутия и др. Ясно, следовательно, что мы должны принять именно латинский алфавит, как более усовершенствованный, но принять, приспособив его к своему языку, сообразуясь при этом со всеми другими условиями нашей жизни. Но, товарищи, хотя речь идет об алфавите, однако, этот вопрос, как часть целого неразрывно связан с одной стороны–с вопросом о культуре вообще, с другой–с вопросом о социальной жизни. Необходимо определить ориентацию этих движущих сил истории, чтобы предвидеть, какова будет дальнейшая судьба вопроса об алфавите. Если рассматривать вопрос об алфавите в этой плоскости, то мы также приходим к аналогичному заключению.

Действительно, что говорит нам философия эпохи, куда толкает нас современная история. Две тенденции являются основными в жизни Востока в переживаемый момент: это, во-первых, растущая на Востоке роль народных масс, а во-вторых, всеобщее стремление к европейской культуре. Как-же ставится вопрос о латинском алфавите в этой социальной обстановке, в этих культурных перспективах, в этом нераздельном союзе труда и науки?–Первоначально арабский алфавит, вы знаете, явился в истории, как орудие культурного производства и господства незначительного класса аристократии и духовенства; он помогал им эксплоатировать народные массы в течение всего мусульманского средневековья; он оставался недоступным народу, всецело погруженному в невежество. Реформе арабский алфавит стал подвергаться лишь под революционным напором более многочисленного класса буржуазии; а буржуазия стремилась не только к своему раскрепощению от власти аристократии, но и к охранению во что-бы то ни стало своей власти над остальной массой народа. Так, именно, в связи с буржуазно-демократическим революционным движением в 1905 году у нас, в последние годы в Турции, Аравии и др. мусульманских странах Востока, ставился вопрос о реформе арабского алфавита. Однако, и реформированный алфавит, отражая свое классовое происхождение, является орудием буржуазной эксплоатации; он остается малодоступным для широких народных масс. Поэтому, естественно, если с победой Октябрьской Революции, если с торжеством рабоче-крестьянской власти, снова ставится вопрос об алфавите на 1-м Тюркологическом С'езде и ставится самым радикальным образом. Иной постановки вопроса у трудящихся масс, товарищи, не могло быть: самый характер их революции им подсказал именно таковую. Ведь им необходимо было иметь не только средство освобождения из-под гнета аристократии и буржуазии, но и самый быстрый, самый легкий способ приобщения к советской культуре. Таким образом, вопрос о латинском алфавите является для нас плодом нашей Революции: мы должны это понять, мы должны это ценить. И мы должны приложить всю нашу энергию, всю нашу самоотверженность, чтобы разрешить этот вопрос самым лучшим, самым быстрым способом. Зевать нам более нельзя. Время не терпит. Поэтому вы понимаете, товарищи каким кустарничеством, какой мелко-буржуазностью отдает от аргументов товарищей из Татаристана и Казакистана. Первые возражают против введения латинского алфавита, ссылаясь на пятисотлетнюю древность своей культуры: они забывают ее клерикально-феодально-буржуазный характер! Вторые, как тов. Байтурсун, наивно гордятся «идеальным» своим алфавитом, выдержавшим испытание тринадцати лет. Те и другие реформаторы своим кустарническим отношением к великому перевороту напоминают нам мелкобуржуазное хватание за прядильный станок, как за рычаг обновления, знаменитого индусского реформатора Ганди. Нельзя так поверхностно подходить к вопросу: это значит итти против истории. Нужно более чуткое, более глубокое отношение к переживаемому нами историческому моменту. Иначе, товарищи, мы, отсталые народы, еще более отстанем и в то время, как другие народы Советского Союза будут шагать вперед гиганскими шагами, опираясь на диктатуру пролетариата, мы все время будем отставать и опять очутимся в хвосте. Кто этого не поймет, кто вообразит, что этого можно желать или не желать, того все равно история заставит это сделать (Апплодисменты).

Да, товарищи, все тюркские, все мусульманские народы, весь Восток переживает в настоящее время великий переломный мо-

мент. Начиная с экономики, кончая всеми социальными надстройками, все подвергается ломке. Под натиском европейского империализма рушится и старая культура. Под всю жизнь, под экономику, под культуру, подводится новая техническая база: все стараются обновить, все хотят европеизировать. Вместе с другими техническими орудиями производства и обмена стремятся усовершенствовать и способы обмена и производства в культурной области. Под угрозой окончательного порабощения империализмом восточные народы хотят перевооружиться на усовершенствованный лад своих угнетателей и в этом отношении. Под напором революционного, национально-освободительного, буржуазно-демократического движения и сам арабский алфавит стоит сегодня под вопросом, а завтра, под более революционным нажимом более высокой волны народного движения, и там будет он поставлен более радикально.

Товарищи, отсталым народам необходимы самые усовершенствованные способы, так сказать, последнее слово науки, чтобы они могли догнать опередившие их народы. И в этом культурном отношении, как и в политическом, мы, советские народы, должны дать пример другим восточным народам. Но мы это сделаем, не насильственно выживая арабский алфавит, а лишь превосходством латинского, побеждая его. Вот, почему наш с'езд знаменателен, а наше признание латинского алфавита составит новую эру в истории. Или лучше, говоря словами Ленина,–это-революция на Востоке (Апплодисменты).

Агамали-Оглы. Товарищи, я буду очень краток. Я остановлюсь только на двух моментах и если я увлекусь, то прошу об этом напомнить мне звонком.

Один момент–это ссылка наших товарищей–казанцев на историю литературы, которую они имеют в течение 500 лет. Оказывается, что эта 500-летняя литература им мешает перейти на новый алфавит. Я думаю, что здесь история совершенно не виновата. Азербайджанцы имеют тоже свою историю литературы приблизительно с того же времени. По крайней мере, если мы возьмем Физули, то наша история литературы будет иметь такое же развитие, и если каждый из здесь присутствующих народов будет так

доказывать свою культурность и если русские тоже начнут ее доказывать, начиная от Кирилла и Мефодия, то ничего не получится. Так ставить вопроса нельзя. Не в том дело, что был Физули, был Неваи. Мы ставим вопрос иначе. Мы спрашиваем, какая культура создала этих отдельных индивидуальных творцов? Вы знаете, что среда, в которой они работали, оставалась некультурной. В этой среде иной раз пропадали гении. Бывали случаи, когда мы не знали своих гениев, а знали об этом европейцы. Я, например, уверен в этом, относительно арабской философии. Это получалось благодаря окружающей среде. Я могу привести еще такой пример. Возьмем Лобачевского. Он сделал большие открытия, которые подтвердились только впоследствии, в его же время никто о них не знал. То же самое можно сказать относительно Ломоносова и других.

Весь вопрос заключается в том, чтобы создать среду, которая могла бы это использовать, а вы, имея какие-то 25% полуграмотных, говорите о культуре. Возможно ли это? (Апплодисменты). Я думаю, что товарищи казанцы и казаки переживают тоже самое, что наши артисты, когда мы старались создать театр без женского элемента. Приходилось мужчинам переодеваться, перекрашиваться и т. д., но все-таки видно было, что играет не женщина, а мужчина.

Это ерунда. Как можем мы представить себе, например, из «Отелло» Дездемону такой вот? (показывает высокую и полную). Конечно, получалась ерунда, когда такая штука играет Дездемону или Лейлу. Это был не театр, а балаган. Тогда мы запретили мужчинам играть женские роли,–ведь смешно было женскую роль играть мужчине! (Смех). Теперь у нас есть тюрчанки-артистки. Они говорят: «у нас театр 50 лет существует».

Вот тоже самое и в арабском алфавите. Тут имеется один элемент – палочки. Если точки снять, останется палочка и больше ничего. Как же хотят реформировать и как ее можно реформировать, я не понимаю. Если даже бог захотел сделать, он не смог бы потому, что нет другого элемента. Латинская азбука совершенно другое. Тут два элемента овал и палочка. Например, «о», овал, а «а» овал с палочкой. Тут разница в чем? В том, что в латинском

имеется округлость форм. Два элемента разного качества, из которых можно создать все и которые можно реформировать. Так и в мире, в жизни сходятся противоположные по качеству элементы, а все то, что здесь предложил тов. Байтурсун, мы это могли и сами проделать. Таким образом, я говорю, пусть ученые люди об этом подумают. Не было в истории такого момента и ни один из них не докажет, чтоб из одного элемента создавать новые вещи и ученые этого не скажут и мы не скажем. Раз это так, то мы должны перейти на новый алфавит. Тов. Байтурсун говорит: у кого есть разум, тот останется с арабским алфавитом, а у кого нет разума, а есть чувство, тот пусть принимает новый алфавит. У вас есть привычка к этим крючкам–это уже чувство, а разум может брать то, что сегодня выдвигается жизнью, что является родным и что требуется (Апплодисменты). Еще один момент. Тут выдвигали различные принципы один, второй, третий, четвертый. Есть в природе один высший закон социальной жизни в истории развития человечества. Этому закону подчиняются все принципы. Я не говорю: что народ пойдет к коммунизму, есть высший закон,–это потребность эпохи. Вот сейчас в русском языке много слов появилось: «Совнарком», «Ортчека», «Мортчека» и проч. и проч. Люди даже об этом и не думали, но сейчас у нас такая эпоха, это самой жизнью выдвинулось. Для тюрок-татар сейчас такая эпоха, такая стала задача в этот самый революционный период перейти к новому, чтобы дать основу нашему трудящемуся народу татар и тюрок, снять рабство с себя, стать равными со всеми, не закапываться в свою никому ненужную шкуру, а идти вместе с человечеством. Только одно это человечество может избавить все народы от рабства. (Апплодисменты),

Председатель. Прежде чем закрыть заседание я оглашу просьбу профессора Яковлева: (читает) «С арабским письмом я знаком, так как без этого нельзя быть востоковедом», это оглашается в ответ на замечание тов. М. (?).

ТРИНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

4-го марта 1926 года.

Председательствует тов. **Джабиев.**

Шараф. Товарищи, я начну с ответа на вопросы, заданные во время доклада. Первый вопрос был задан товарищем докладчиком Мамед-Заде. Этот вопрос следующий: «Что делать с гласными, их ведь мало». Этот вопрос он повторял три раза. Этот вопрос касается орфографии. Я на вопросе орфографии достаточно останавливался в своем докладе. Я еще раз утверждаю, что никак нельзя смешивать вопрос орфографии с вопросом шрифта. Об этом много и другие говорили и доказывали, что эти два вопроса смешивать нельзя. Если гласных не хватает, то надо их прибавить, исходя из арабской же системы, что и сделано давно северными тюрками. Дальше, мне задал два вопроса профессор Яковлев. Эти вопросы сводятся к следующему: не будет ли также трудно привить в жизнь реформированные шрифты, как и принятие латинского шрифта. Товарищи, эту реформу нужно произвести таким образом, чтобы этот шрифт был легко приемлем для народа. Для этого надо сохранить все имеющиеся в сознании грамотных иероглифы. Мы оставляем вместо четырех начертаний одно, а как достигнуть, чтобы иероглифы не изменялись, я об этом говорил в своем докладе. Давайте посмотрим по таблице, как пишется слово «казак» с реформированными шрифтами. Возьмем первую часть этого слова, т.-е. буквы «к», «а», «з» и «а», эта часть слова писалась раньше так же, и она совершенно не изменилась, изменение касается только последней буквы «к». Но тут имеется еще один момент. Тут нужно припомнить, что слово «казак» у нас раньше имело два иероглифа: один иероглиф с конечным «к»-в слове казак, а другой иероглиф с другим начертанием «к», как в слове «казаклар». Когда к слову «казак» прибавлялось окончание «лар», это слово имело другой иероглиф, так что при реформе из имеющихся у нас в арсенале двух иероглифов для одного и того же слова, один после реформы сохраняется, другой отбрасывается,

как ненужный. Таким образом, у нас сохраняется процесс чтения, потому реформа будет восприниматься без затруднения. Для дальнейшего же поколения придется создавать только один иероглиф для слова «казак», так что у нас дальше в связи с реформой создается только более удобное положение для обучения и создания процесса чтения поэтому, что для каждого слова вместо двух иероглифов, которые для всех слов существовали раньше, теперь будет только один иероглиф, являющийся разновидностью только прежде существовавших. Так, что тем товарищам, которые утверждали, что я пользуюсь то новыми, то старыми шрифтами, я отвечу, что я отдельно старые и новые шрифты не выделял только в тех случаях, когда законы чтения и письма оставались общими для того и другого случая. Тут некоторые товарищи выражают сомнение относительно того, что приведенные мною опыты, перечисленные мною проценты достаточно ли проверены. Я в своем докладе отмечал, что все основные моменты и опыты из моего доклада были опубликованы в печати еще в 1923 г., в феврале, а теперь у нас 1926 г. В то время в Казани было тоже много латинистов, и это движение начало принимать ненормальную форму. Я тогда разработал этот вопрос и написал статью по этому поводу. Когда статья появилась и начали обсуждать ее, эти латинисты начали помаленьку исчезать, и теперь у нас в Казани нет, так называемого, латинистского движения. Эти латинисты прежде, чем оставлять позицию, а от позиции отказаться не так легко, это многие из вас знают по опыту, сначала проверяли, насколько эти опыты и проценты оправдываются. Многие занимались, проверяли, исчисляли, и, в конце концов, после многих опытов решались менять свою «религию» – латинизм. Тут Тюрякулов останавливался на таких моментах, что будто татарский наборщик набирает 1.500, а русский 6.000. Всем из вас, знакомым с типографским делом, известно, что эти цифры ни в какой мере не соответствуют действительности. Он, верно, взял татарина наборщика-ученика и сравнил с квалифицированным русским наборщиком, у них норма различная. Я знаю по казанским типографиям, что между наборами одинаково квалифицированных русских и татарских наборщиков значительной разницы нет, и, кроме того, вы не забывайте, что

прежние нормы набора установлены исключительно для старых нереформированных шрифтов. За неимением времени, на мелких вопросах не буду останавливаться. Теперь насчет красоты шрифта. Что потеряет от реформы красота прежнего арабского шрифта? Я уже сказал, что система сохраняется, значит и красота сохраняется. Тут профессор Яковлев задал вопрос относительно того, почему в реформированном шрифте печатаются только заголовки. До сих пор реформа шрифта не закончена. Это шрифты неудачного Идрисовского проекта, но, исходя из процесса чтения, он уже выправлен. Посколько он ломает иероглифы и процесс чтения, постолько этот шрифт не может быть безболезненно использован жизнью. Тут проф. Яковлев хотел обосновать себя с общественной и экономической точек зрения. Я думаю, чтобы какой-нибудь вопрос обосновать с этих точек зрения, нужно иметь точные статистические данные, а проф. Яковлев орудовал такими данными, что по моему, к таким вопросам так подходить нельзя. Он про татарское население сказал, что их 6.000.000, тогда, когда даже, если включить башкир сюда, получим 5.000.000. На 15-25% в доводах ошибаться–это не годится. Тоже самое насчет 200 тысяч пролетариата. Я, как статистик, скажу, что это не соответствует действительности. Кроме того, товарищ говорил, что в Казани нет пролетариата. Город Казань является крупнейшим промышленным городом Поволжья. Там 25% пролетариата из татар. Так что обоснование вопроса, исходя из наличия национального пролетариата, отпадает. Тюрякулов, чтобы доказать приемлемость латинского алфавита со стороны населения, приводит в своей статье, изданной к С'езду, что какой-то шейх-уль-ислам сказал, что это допустимо. Право, это совсем не убедительно. (Тюрякулов: «Мы это привели, чтобы повлиять на Вас»). Вы можете убедиться, что на меня подобными доводами как раз не повлияете.

Вы говорите об этом мулле, как о прогрессивном. Он говорит: если коран лучше будет читать по-латыни, то пусть коран по-латыни будет написан. Это прогрессивность весьма своеобразного порядка. Тут говорили о принципиальном и непринципиальном возражении против латыни. Относительно этого надо сказать, что слово «принципиальный» имеет два значения, и то значение, ко-

торое придавал тов. Ибрагимов, как мне кажется, значит, что с принципиальной точки зрения мы не против латыни, это вульгарно выражаясь, можно так об'яснить, что если кто-нибудь предлагает: пусть люди ходят ногами вверх, руками–вниз, то мы принципиально не против этого, если это покажется удобным, но едва ли это когда нибудь окажется удобным. Относительно того, что западные народы культурные, а мы не культурные, то тут есть русская поговорка хорошая. «Нечего пенять на зеркало, если рожа крива», а у татар есть такая поговорка: «Куда не пойдешь, черная борода всегда будет с тобой».

Если мы изменим алфавит, мы не станем культурнее, наоборот, это на определенное число лет задержит наше культурное развитие.

Я еще на одном вопросе остановлюсь.

Здесь цроф. Жирков и Яковлев поддерживали точку зрения принятия латинского шрифта, и Жирков неоднократно уверял относительно своей «искренности». Тут мне приходит в голову другая татарская поговорка: «Сомнительный сомневается, кафтаном закрывается». Лишь обратимся мы к статьям этих товарищей в «Новом Востоке», или в сборнике «В борьбе за Новый Тюркский Алфавит», то мы там читаем, «русский алфавит имеет такие достоинства, которых латинский не имеет» (цитирует дальше). Получается, что люди думают об одном, а подсовывают на время другое, чтобы ломать арабский шрифт. Разрешите несколько усомниться в искреннем характере заявления проф. Жиркова. Тут лицо профессоров Яковлева, Жиркова и других, стоящих на этой точке зрения, открывается. Что же касается вопроса о том, почему этот вопрос поднялся среди тюркских народностей, или где корни арабизма и корни латинизма, то у меня имеется такая мысль. Не напрасно азербайджанцы, Ага-Заде и другие доказывают плохое качество арабского шрифта, почти исключительно говоря о моментах орфографии. Они люди не маленькие и им путать орфографию со шрифтом, как будто бы нельзя, а это им приходится делать. Вопрос о латинском алфавите выдвигается здесь не столько для того, чтобы принять латынь, сколько для того, чтобы не исправлять существующую плохую орфографию. Я себе это не

так ясно представлял до сих пор. Но особенно ясно все это выявилось из сегодняшних выступлений. Представитель Крыма Айвазов, профессор Чобан-Заде и друг. подходят к этому вопросу так: они говорят, что все северные народности перешли на новую орфографию, Крым также начинает это перенимать, и трудно удержать поток в этом направлении, что тюркские народы свой литературный язык, свое письмо, свою орфографию приближают к местным национальным языкам–узбекскому, татарскому, киргизскому, казакскому и т. д., и это ломает общий единый характер тюркского языка, ломает от той формы орфографии, которая принята в Турции и т. д. Откуда такое настроение имеется только в Азербайджане, главным образом? По моему, тут причина чисто общественного характера. Дело в том, что Азербайджан из всех тюркских республик имеет наибольшее количество интеллигенции, высоко квалифицированной, но какая здесь интеллигенция? Это интеллигенция в большинстве своем не вышедшая из деревни, из низов местного населения, в основе своей (Шум). Я люблю открыто выражаться, и если я сделаю ошибки, основной докладчик исправит их. Мне кажется так и этот момент отражается именно на вопросах литературного языка, на вопросах соответствующего мышления в некоторых отношениях. Этот момент особенно ясен стал после дилеммы Айвазова: или старый арабский шрифт со старой орфографией, или же переход к латыни. Если бы вопрос о реформе арабского шрифта исходил не из каких-либо других местностей, а исходил бы из Анадолу, то отношение к реформе арабского шрифта–было бы несколько иное, и вопрос о латыни не мог бы здесь подняться. Я вполне допускаю такое постановление о переходе к латинскому шрифту и в Турции потому, что в Турции постановка общественных вопросов также несколько иного порядка, а не такого порядка, как у северных турок. Вот, где нужно искать корни этого явления. А что касается северных тюрков, то у них почти вся интеллигенция из народа, из низов, из крестьянской массы (Шум). Конечно, нет правил без исключения... Тут вопрос такого порядка, что он не является вопросом революционного характера и достижением после Октября. Мы это определенно знаем потому, что при мусаватистах было уже определенное сильное

движение в этом направлении и хотя не было постановления правительства об этом; но мусавастское правительство, насколько я знаю, не было против этого. По крайней мере, мне говорили, что среди эмиграции и теперь имеется соответствующее течение и теперь уже они устраивают между собой диспуты по этому вопросу.

Что же касается того, что эмиграция пишет против этого, то надо сказать, что эмиграция всякий повод всегда готова использовать для того, чтобы очернить СССР и т. д. Тут совершенно другого порядка подход.

По моему, Азербайджан уже до сих пор довольно много сделал в смысле введения латинского алфавита, но опыт, как отдельные их представители сознают, требует еще дальнейшей проверки и исправления не только в частностях, но и принципиально. В других республиках тоже имеются соответствующие направления, и пусть эта работа так и идет по данной линии. Я против этого в целом не возражаю, хотя наперед думаю, что из этого ничего не выйдет и они вернутся опять к старому. Основной работой должна явиться работа о реформе существующего уже арабского алфавита с некоторыми изменениями, при чем необходимо его изменить таким образом, чтобы сохранился почти полный процесс чтения без изменения.

У нас здесь как бы происходит общественный суд над старым арабским шрифтом. Мы знаем, что общественные суды всегда выносят то или иное постановление в зависимости от состава судящих. Тут, по моему, какого-либо определенного постановления, которое могло бы иметь в дальнейшем применение к жизни, которое могло бы иметь реальные результаты такого характера, как перемена шрифта, такое постановление, повторяю, здесь выносить нельзя. Мы должны ограничиться указаниями относительно того, что отдельные тюркские народности или все тюркские народности должны вести проработку и разработку вопроса как в направлении реформы арабского шрифта, так и в направлении принятия латыни. Жизнь это лучшее мерило, лучший указатель того, что хуже и что лучше. Давайте представим самой жизни, чтобы она разрешила наш спорный вопрос, иначе, поскольку

корни здесь расходятся, мы к какому- нибудь одному заключению не придем.

Когда я ехал сюда, то эта мысль относительно корней этого движения не приходила мне в голову. Я просто думал, что в Азербайджане не знают преимуществ арабского шрифта, и потому такая штука, как латынь, принимается. Когда здесь выступали товарищи, они не опровергли тех моих положений, которые касаются арабского шрифта. Как видно из всего арабский шрифт имеет значительные преимущества над латинским. Я стал искать корни этого. Мне кажется, я их нашел, именно, в моментах подобных тем, о которых я говорил.

Тюрякулов. Товарищи, я нахожу чрезвычайно затруднительным положение постольку, поскольку Галимджан Шараф, Алпаров и целый ряд других ораторов выступали в прениях, возражая против идеи латинизации тюркского алфавита, по существу никаких возражений не привели. В частности Галимджан Шараф, только что перед вами выступая, ограничился указаниями на то, что вот дескать те цифры, которые я приводил в своем содокладе, сомнительны и что верить им нельзя, и поэтому они достойны, по его мнению, того, чтобы С'езд отверг их. На такого рода научных с'ездах, каким является 1-ый Тюркологический С'езд, прибегать к такого рода приемам мне кажется неудобным постолько, поскольку эти цифры всегда могут быть легко проверены и точно установлены.

Я в своем содокладе точно ограничил свои задачи и указал, что я касаться общественно-политической стороны этого вопроса не буду, что я ограничусь лишь указаниями на целый ряд технических недостатков, правда, имеющих очень большую органическую связь с нашей культурно-просветительной работой, в частности со школьной нашей работой. Несмотря на это, я теперь вынужден ответить на целый ряд моментов, на которых, главным образом, останавливался тов. Шараф и которые сводились к общественно-политической стороне. Он, например, говорит, что в Японии, якобы, была попытка введения латинского алфавита и ничего из этого не вышло. Я не понимаю, то-ли он предлагал остаться на старых иероглифах, то-ли он хотел предложить японцам свой казанский алфавит. Во всяком случае не договаривать, не делать выводов из того или иного положения, по моему, бесполезно. Лучше всегда доводить последовательно до конца свою мысль.

Я думаю, что если казанский алфавит по отношению к тем или иным соседним татарским народностям будет применен, то по отношению к японцам вряд-ли это возможно. Дальше Галимджан Шараф указывает на то, что он, правда, здесь не пытался нисколько обосновать возражение против тех доводов, которые мы, здесь хотели подчеркнуть. Тем не научным отношением к вопросу, с которым подходили наши оппоненты, они ничего не сказали, ничего по поводу тех примеров, которые опровергаются, так называемой якобы «Научной Организацией Труда»,

Дальше он говорил, что вопрос алфавита есть чисто технический вопрос, а с другой стороны он впадая в противоречие с самим собою, с основной своею мыслью, основывался, главным образом, на общественно-политической стороне. Конечно, мы согласны, что вопрос об алфавите есть не только вопрос технический, что он имеет колоссальное общественное, культурное значение. Особенно это нужно подчеркнуть по отношению к тем народностям, у которых сейчас вопрос об алфавите имеет колоссальное, актуальное значение с точки зрения строительства культуры. Это видно особенно ясно хотя бы на примере Азербайджана, Северного Кавказа и Туркмении, которые уже приняли латинский алфавит.

Кроме того, я был введен в недоумение после того, как Галимджан Шараф совершенно молча обошел те ошибки, которые допустили его казахские союзники. Я говорил здесь, что наши казакские оппоненты в борьбе с латинизмом дошли до того, что не говорили о международной символике и не доказывали ее значения. Товарищ Шараф тоже должен был высказаться по этому вопросу, в то время, когда он уже во всей республике провел работу.

Заканчивая свое заключительное слово, я хочу лишь указать на то, что имеется брошюра Гусейна Гили (на турецком языке). В этой брошюре он указывает на то, что в то время, когде в гор. Константинополе улицы по ночам не освещались, городская охрана в

целях безопасности жителей издала приказ, по ночам выходить с фонарями. И это приняло характер святости.

С тех пор прошло несколько сот лет, и после того, когда произошел младо - турецкий переворот, и на улицах Константинополя появилось и газовое освещение, от которого на улицах было светло, как днем, люди продолжали ходить с фонарями. (Смех).

Я заканчиваю слово тем, что это дело вкуса, быть может так удобно им ходить, но мы не хотим днем ходить с фонарями. (Шумные продолжительные апплодисменты).

Умар Алиев. Товарищ Шараф в своем заключительном слове говорил, что он только привел научные основы, я научных принципов для латинского алфавита никто не приводил. Мне еще раз хочется указать, какие научные принципы мы вкладываем в новый латинский алфавит? Мы не делаем так, как проводил научные принципы тов. Шараф. Он установил их при 40 студентах и потом опубликовал. Он, так сказать, своим авторитетом установил научные принципы для арабского алфавита. Мы все свои принципы установили, руководствуясь теми научными принципами, которые были давно установлены и признаны для латинского шрифта. Мы каждому значку даем свое изображение латинского алфавита, стараясь его изменять при применении. Основные принципы, принятые нами при латинизации письма,такие:

1) Для каждой фонемы в языке установить специальные знаки.

2) Знаки, должны быть латинскими или произведенными от них с простыми начертаниями.

3) Использования русских букв избегать.

4) Фонемами данного родного языка считать те звуки, которые имеются в родном языке и ни в коем случае не допускать установления знаков для выражения иностранных слов, вошедших в употребление данного языка, как-то арабских, персидских, русских и т. д.

5) Избегать установления тождественных между собою знаков, как это имеет место в арабском алфавите.

6) А также избегать обилия диакритических знаков под буквой и над буквой, знаков в виде птичек, кружков и т. п. (как осложняющих скоропись, так и дело печати и т. д.).

7) Системы дифтонгов (двойных, тройных букв для одной фонемы) следует избегать.

8) За латинскими знаками, по возможности, оставить их прежнее значение как и у других культурных народов мира, всячески стараться к унификации алфавитов горских народов между собою, алфавитами тюркских народов (Азербайджан, Киргизия, Башкирия и др.).

9) Считать противоречащим требованиям современной педагогии введение отдельных знаков для выражения долготы согласных букв, предпочитая таковые выражать повторением той же буквы, как во всех культурных языков мира.

10) Избегать установления особых знаков для твердости гласных, попадающихся в начале слова, в частности имеющихся в арабском (так называемой «хамза»), ставящиеся в начале каждой согласной, а между тем нигде этой системы в культурных языках Европы и Америки не имеется, т. к. сам по себе гласный звук в начале слова произносится твердо.

Вот эти основные принципы были приняты у нас при составлении письма. Каковы же преимущества латинского алфавита? Во-первых, интернациональность его: им пользуются наиболее передовые народы, вся Западная Европа, Соединенные Штаты. Из родственных для горских и тюркских народов на эту основу перешли якуты, венгерцы, с 1908 года албанцы, турецкие черкесы и осетины. В Турции, Индии, Египте, Марокко обучаются и знают латинский алфавит и на нем переписываются между собой. Второе,–латинский алфавит отвечает почти всем требованиям современной науки, педагогии и орфографии: а) отсутствие диакритических знаков, б) отсутствие тождественности и легкая различаемость и доступность его; откуда облегчение обучения грамоте: 5-6 недель, вместо 5-6 месяцев и даже года на арабской основе,–экономия времени. Дальше, в) прямострочность, г) простота по форме, д) возможность отдельного начертания печати и связывания в рукописях.

Экономность и удешевление производства–дела издательства, достигаются благодаря: а) возможности печатания переписки на пишущих машинах, б) набора посредством наборных машин, ко-

торые во много раз удешевляют набор, в) поднятию производительности труда наборщиками на латинском на 50 и 100% в сравнении с арабской основой, г) возможности удешевления цены на продукцию издательства на 25-50% сравнительно с изданием на арабском основе, что сделает печатное слово сравнительно больше доступным для широких масс населения, д) употребляемости латинского алфавита для всех алгебраических, физико-химических формул на всех языках культурных народов, а также возможности фиксиров национальной музыки. Вот факты, которые ни в коем случае не были отрицаемы и доказывают преимущество латыни. А из каких основ исходил тов. Шараф?

1) «Годна-ли та или другая система шрифта для полной нормальной передачи мысли?» Кто может отрицать, что латинский алфавит более годен для выражения тюркских наречий, чем арабский? В арабском языке при 28 буквах 19-20 годных для выражения тюркских наречий, а из 26 букв латинского алфавита все годны для этого.

2) «При какой системе шрифта быстрее идет чтение»? То, что тов. Шараф установил со своими студентами ошибочно, это факт. Другие товарищи подтвердили, что когда читают на латинской основе, чтение гораздо легче.

3) «Скорость письма при написании».

4) «Типографские удобства». Это не соответствует действительности. Мы знаем, что для печатания небольшей газеты требуется 4-5 пуд. алфавита, а на арабской основе нужно не менее 15 пуд. Таким образом около 200-300% лежит как мертвый капитал в типографии, а в смете производства на арабской основе; лучший наборщик набирает не больше 5.000, а на латинской до 7.000 знаков.

5) «Сравнительная вместимость шрифта». На арабской основе пишут и набирают без гласных букв, и выбрасываются гласные, а поэтому, конечно, больше вмещается шрифта, но это не есть основание.

6) «Исходить из процента грамотности населения и доступности той или другой графики».–Есть районы, где нет ни одного процента грамотных, а у тов. Байтурсуна, я уверен, не больше 5% грамотных. (Шум). Ну, пусть даже 20%. Есть местности, где и 50%

грамотных. Но у нас есть задание–к 10 годовщйне Октябрской Революции ликвидировать во что бы то ни стало неграмотность, т. е. 80% населения. Какая основа легче? Не основа арабской графики, не основа недавно выдуманной неоарабской графики, а латинская графика.

7) «Вводимость для международных сношений». Какая система шрифта обеспечивает нам более широкий круг сношений с цивилизованным миром.

Вы говорите, что в вашей реформированной азбуке отброшены средние, задние и отдельные начертания, правильно. Но мы говорим: кто умеет читать на передних буквах? Нет ни одной газеты на этой основе, ни одной книги, так никто не может читать. Я, т. т., хорошо умею читать и по-арабски и по-татарски но когда мне пришлось увидеть эту основу, то я не мог прочесть без долгого размышления. Эти основы соответствуют первоначальным куфическим письменам, от которых арабы сами отказались и реформируя арабскую письменность, татары приводят ее обратно к куфической письменности плюс новые гласные буквы. Это вызывает затруднения для широких масс, которые не смогут читать. Они говорят, что грамотные становится неграмотными. Неверно. Если вы дадите в латинском шрифте книжку с параллельным сопоставлением арабского и татарского шрифта то без всякой подготовки всякий сможет ориентироваться на этой новой основе и начнет обучать детей. Мы это в Карачае практиковали.

Жирков. Я здесь слышал по вопросу алфавита выступления некоторых товарищей, а также выступление тов. Шарафа, который целиком сделал доклад по-русски и, таким образом, я мог следить за ходом его мысли. Весь вопрос алфавита есть вовсе не вопрос изгнания арабского алфавита и введения латинского алфавита. Вовсе не так ставится вопрос. Арабский алфавит живет и будет еще жить. Латинский же алфавит входит в жизнь и также будет жить. Арабский алфавит еще долго будет нужен и поэтому исследование вопроса арабском алфавите нужно поставить с технической стороны, как его поставил тов. Шараф. Нужно вполне обстоятельно рассмотреть мотивы за и против, найти его достоинства и недостатки. Я очень рад, что тов. Шараф уделил так много

внимания вопросу шрифта и типографий. Надо сказать правду, что кроме меня, ориенталиста и лингвиста, с вопросом о шрифте и с типографским делом мало кто знаком, среди представителей течения в пользу сохранения арабского шрифта нет хорошо знающих это дело. Вот популяризации того, как наши измышления отражаются на рабочем, который набирает эти букашки, является очень полезным потому, что тогда не один лингвист задумается над тем, как будут технически набирать шрифт, как его поставить в верстатке. Это есть определенная положительная сторона доклада тов. Шарафа. Тов. Шараф старался, конечно, выделить все хорошие стороны арабского алфавита, многое ему удалось, но все же в целом его доклад оказался недоказательным. В этом нет вины тов. Шарафа потому, что самих достоинств у арабского шрифта слишком мало и они таковы, что ни в каком пункте не выступают над достоинствами всякого иного шрифта, не только латинского.

Зато доклад тов. Шарафа конечно, подтвердил те положения, которые выставлял здесь тов. Яковлев. Здесь были высказаны серьезнейшие основания к тому, чтобы подумать и еще раз подумать над этим делом.

В Азербайджане совершенно иные основания к тому, чтобы подумать совершенно иначе. Надо индивидуализировать этот вопрос. Серьезные возражения, которые представляли казанцы, убеждают в том, что наша точка зрения была правильна.

Но как поступить по отношению к другим, в отношении к Азербайджану? То, что является аргументом для казанцев, не является аргументом для Азербайджана. По моему, надо так поставить вопрос. В Азербайджане проводится опыт. Этот опыт интересен не только для этого собрания, но он будет интересен и для японцев и для Китая, но при одном условии, если этот опыт совершится до конца.

Конечно, я не такой человек, чтобы я мог сказать, что вижу в будущем. Я также могу ошибаться, но то, что я ошибаюсь, это может сказать только история, это можно будет сказать только тогда, когда этот опыт будет опровергнут и если будет опровергнут. Посколько я обладаю некоторыми сведениями в этом, я вижу, что есть данные к тому, чтобы этот опыт удался.

Я должен сказать, что доклад т. Шарафа изобиловал такими данными, которые были представлены в очень научно-образованном виде, т. е. было много указаний на процентные отношения и т. д. Здесь надо сказать, что технический опыт, который ставил т. Шараф, нужно ставить более основательно. Надо ставить его с возможностью контроля, надо ставить его на более длительный срок и во многих местностях, тогда может получиться другая показательность и тогда придется считаться с ним в более сильной степени, чем это приходится делать теперь. Он приводит некоторое процентное отношение, касающееся немногих латинских букв и немногих арабских. Что это может доказать? Это не может ничего доказать в том смысле, годится ли к употреблению данный шрифт или не годится.

Я понимаю проценты, которые приводил т. Яковлев. Он говорил о проценте грамотности населения и, конечно, этот процент мог быть неточным, но во всяком случае, база этого процента была реальная. Можно сказать: столько-то грамотных и столько- неграмотных. Это всем понятно и ясно, а если я скажу, что вот лежит там моя папаха и в ней 20% меха и 30% материи, и будем из этого заключать, греет ли она или не греет, то этого конечно я заключить не могу, не зная соответствует-ли это своему назначению. Точно также в процентном отношении с изменением хвостиков и точек, они ничего не покажут, это характеризует негодность инструмента, это в крайнем случае может характеризовать процесс создания этого инструмента. Нужно взять кусок шкурки и материала, чтобы создать папаху, но для другого доказательства надо оперировать другими данными.

Тут был поднят вопрос о процентах быстроты чтения и писания арабского шрифта, но тут не было указано, сколько процентов умеют бегло и быстро читать арабский шрифт. На этот вопрос тут не указывали и поэтому, посколько он не выполняет надлежащей роли, он не является научным методом, об'ясняюшим основу дела.

Проф. Яковлев обратил внимание на количество измененных и неизмененных знаков арабского шрифта. Я говорю иронически: арабский алфавит произошел из куфического алфавита. Так что этими изменениями также ничего не доказывается.

Затем говорилось о легкости движения по и против часовой стрелки. Этот вопрос не выяснен, как легче двигаться, по часовой или против часовой стрелки. Тут на этом также мало останавливались и этим вопросом мало занимались. А вот стенографы знают, как лучше по часовой или против часовой, а лингвисты этого не знают, посколько они мало соприкасаются с этим. Так и товарищи-арабисты это не знают потому, что у них эти опыты не поставлены, а там, где этим занимаются, эти опыты еще не дали определенных результатов. Вот что пока об этом можно сказать. Тут говорили, что движение по часовой стрелке швейной машины легче. Почему легче? Потому, что процесс ритмизирован, отталкивание от себя сверху, это будет сильный момент, а слабый–это притягивание к себе вниз, но если б я хотел, я бы именно этот момент мог использовать против арабистов. Я от этого должен отмежеваться, т. к. мне дорого мое имя. Некоторые товарищи пытались доказать, что направление строки играет роль. Это дело исторической случайности. Тут также дело различное и тут не приходится говорить об этом и в арабском и латинском алфавитах.

Я также хотел бы отмежеваться и от других ораторов. Один оратор говорил и ставил связь с гнустным ярмом–старый алфавит. Это надо оставить. У англичан латинской алфавит, но они все же умеют накладывать гнусное ярмо и сейчас. Так что эти доводы недоказательны.

Тут т. Шараф приводит аргумент относительно ясности и четкости письма. Все эти отметки и точки не являются ясными для алфавита, и если они дают путаницу и в старом арабском алфавите, то в новом реформированном они стоят еще ниже и понижают различаемость букв.

Я хочу сделать еще маленькую фактическую поправку. Один из выступавших товарищей сказал, что тюрки сделали к своему алфавиту добавление и привел букву «сагир-нур», но эту букву ввели для себя персы, и если они ввели только один «сагир-нур», малайцы, применяя арабский алфавит для своего языка сделали больше.

Академик Крымский мне доказывал, что есть одна поправка, которая на таком с'езде должа быть сделана. Тут говорили, что этот

шрифт у нас появился только с 10-го века. Это неправильно. Этот вопрос недостаточно раз'яснен, так как наш арабский шрифт произошел с куфического. Я и без этого замечания знаю, что он появился еще раньше, чем до 10-го века.

Я знал, что в латинском алфавите при применении его к языку есть маленькие недостатки. Вот, например, мне говорили: почему я не протестую против буквы «з» и других. Но я думаю, пусть пока останется эта форма, потом можно будет исправить. Это моя точка зрения. Я уже упомянул об этих недостатках, и я знаю, что эти недостатки есть, но, по-моему, сейчас их реформировать не нужно потому, что я знаю, сколько голов, столько будет и умов и столько будет предложений. Могут представить 50 разных проектов и этими 50-ю проектами устроить обструкцию и провалить, а принцип мне дорог, как опыт важный для всего человечества, и поэтому я говорю сейчас: надо подождать. Еще может быть десять лет пройдет, и вы сумеете сделать ту реформу, которую сделали русские, изживши свой «твердый знак» и «ять», и эти три буквы изгнать будет совершенно легко. А пока это десятилетие будет тяжело? Нет, не будет. А если взять принципы, то например буква «g», она у французов звучит «г» или «же», у итальянцев «дж», у испанцев «х» или «г», у немцев «г», у разных народов звучит по разному, и это не считается неудобством. А здесь говорят: как это, у одних так будет звучать, а у других иначе. И с этим можно легко примириться потому, что тяжесть этого ложится на плечи интеллигентной публики, которой будет легко переучиться.

Затем я прошу собрание понять мою роль здесь, как роль эксперта, стоящего на широкой точке зрения прогресса и желающего поставить некоторый эксперимент в том направление, которое, как ему кажется, ведет дальше человечество по пути прогресса... С этой мыслью я исходил при моих докладах, так и сейчас я стою на этом, в этом и будет моя единственная роль. А вот последний, самый страшный прием, который употребили против меня, но тут я должен сказать, что это как будто стыдно, что действительно человек говорит с трибуны одно, а в печати, в книге–другое. Но дело в том, что русский алфавит легче – как видите я это говорю с трибуны. Сделаем отсюда все выводы, как это делает Шараф. А вы-

воды какие? Надо спросить у товарищей-тюрок: вы согласны принять русский шрифт. Ответом на это будет или молчание или отрицание. Никто с этим не согласится. Тогда зачем вы оперируете такими цитатами, которые хороши только для полемики? Я не сказал бы, что это хороший способ. Вы начинаете применять латинский шрифт, он имеет некоторые преимущества перед русским, и если бы товарищ Шараф процитировал место из другой части статьи,–он увидел бы, как там говорится о преимуществах латинского. Из этих двух диллемм останавливаюсь на реальной. Я реалист и я выбираю между мифом и реальностью только реальность, я выбираю между реальной и нереальной возможностью. А из двух реальностей я могу сообразить, какая лучше и какая хуже, и я возьму лучшую не только для меня, но лучшую, по моим соображениям, для всего человечества. (Апплодисменты).

Яковлев. Я также с большим удовольствием слушал доклад тов. Шарафа и должен сказать, что после его последнего слова мое впечатление в значительной степени испортилось. В самом деле, тов. Шараф стал аргументировать таким образом, как обычно аргументируют тогда, когда аргументов по существу нет (Смех). Он стал аргументировать к личности докладчиков: мол, какие плохие докладчики. Он сказал, что под профессорами Яковлевым и Жирковым скрываются никто иные, как тайные руссификаторы. Но, к сожалению, тов. Шараф сделал маленькую ошибку потому, что одновременно сюда относятся и передовые работники, которых выдвинули восточные народы и которые стоят на точке зрения латинского алфавита, и они оказались «оторванными от народа» и интеллигенции. Хорошо. Ну что нее; если я очутился в такой хорошей компании, то я согласен, хотя, если обратиться к моим опубликованным работам, то товарищи ; и в том числе тов. Шараф увидят, что с начала нашей деятельности на Северном Кавказе мы вопрос о русском алфавите отбросили по той причине, что он неудобен и не приемлем для национального чувства этих народов, среди которых он в свое время насильно проводился. С этого времени мы стоим на точке зрения латинского алфавита и последовательно эту точку зрения проводим. Если обратиться к возражениям по существу, то были серьезные возражения против

цифр. Указывалось, что цифры неверны. Я вначале оговорился, что они были все приблизительны, хотя я брал и не только из опросов местных работников, но и из центральных учреждений, где только было возможно. И если эти цифры опровергать, то тов. Шараф должен был прежде всего привести свои полные цифры, хотя бы относительно национального пролетариата у казанских татар. Этих цифр он не привел и в его возражении были подробности, которые заставляют предполагать, что мои цифры были не совсем неправильны. Он указывал, что в Казани сосредоточено только 25% национального пролетариата Татреспублики. А в Азербайджане он сосредоточен на 100%. Это довольно большая разница в положении. Я не буду останавливаться дольше на этих мелочах и перейду к тем выводам, которые можно сделать из прений по докладу об алфавите. Я должен сказать, что прения носили такой характер и выступления товарищей говорили о том, что все положения, которые были выдвинуты нами, получили только подтверждение. Тот же тов. Шараф утверждал, что нельзя ставить вопрос о том, что есть ли народы письменные, и что все народы уже письменные на арабской основе и что вопрос идет не о введении алфавита, а о замене арабского латинским алфавитом. Но это противоречит очевидности. Какая, например, письменность у киргизов, у туркмен? Никакой. Я говорю о массовой грамотности, о письменности в данный момент. Я знаю, что литературная область может быть очень богата у них, но традиция могла прерваться и замереть, и если мы с этой точки зрения посмотрим, то увидим, что большое количество тюркских народов еще только начинает строить арабскую письменность и говорит, что вопрос станет о смене–это значит смотреть глазами народа, который действительно имеет свою литературу. Но это не значит, что эту литературу имеет и другая народность, тем более, что огромное большинство этих малописьменных или бесписьменных народностей, в особенности тех народностей, которые только что начали пользоваться своей литературой, до сего времени пользовались литературой на казанско-татарском языке. Все Поволжье читало казанскую литературу, а потом уже начала развиваться своя национальная литература.

Затем мое положение относительно того, что арабский алфавит осужден историей, что одним из признаков осуждения является тот факт, что арабский алфавит не завоевывает новых территорий, а наоборот, всюду отступает. Это блестяще подтвердили те прения, которые я здесь выслушал. Я узнал чрезвычайно любопытный факт, что башкиры окончательно постановили перейти на латинскую основу. Если обратимся к истории, то мы должны признать, что башкиры были народом, который наиболее подвергался влиянию казанских татар и что литература, с которой они начали, была казанско-татарской. Что же говорит при этих условиях факт перехода все-таки на не арабскую основу? Он говорит, что арабский алфавит, проведенный через такой культурный центр как Казань, не оказался в состоянии удержать под своим культурным влиянием, даже такой близко расположенный на территории с ним народ, как башкиры. Это говорит о том, что национально самоопределяющиеся народы, которые находятся в начале строения в стране национальной культуры, принуждены, как очень часто бывает, взять латинский алфавит, как наиболее нейтральный и как помогающий им национально самоопределиться.

Обратимся к другому. Здесь много говорилось о том, есть-ли какой- нибудь опыт введения латинского алфавита и что этот опыт, если он есть, может говорить. Опыт реформы арабского алфавита не совсем меня удовлетворил. Из ответов и из прений видно, что еще в 1923 году было постановление Наркомпроса о проведение реформы, но с тех пор идет уже 3-ий год, а мы слышали, что пока существует только проект, что нет еще книг и книги еще не печатаются по этому проекту, что есть только заголовки и что к ним приведены неудачные формы. Здесь я слышал, что существует несколько проектов реформы, но ни один еще не проведен в жизнь, что нет еще однообразного начертания букв в этом реформированном арабском алфавите и т. д. Если мы с такими благоприятными, по мнению казанцев, результатами реформы арабского алфавита сравним то, что за это время сделано в опыте распространения латинского шрифта, то мы увидим несколько иную картину. Мы увидим, если не считать опыт Азербайджана, что на Северном Кавказе целый ряд народов уже создал начатки письменности на латинской основе. Там не только занимаются в школах на этом алфавите, не только составляют проекты, но там уже школьники и учителя работают с этим алфавитом, и если сравнить эти две стадии, то надо сказать, что эти две стадии несравнимы, хотя они имеют один и тот же период времени, что весьма характерно.

Мне могут сказать, что там были особенно легкие условия. Нет, на Северном Кавказе условия были несколько тяжелее, чем среди тюркских народов. Если мы возьмем чисто фонетические трудности, то окажется, что там до 65 звуков, которые нужно выразить, в то время, как 9 тюркских языках мы имеем всего 30-35, причем в последних допускается экономия гласных. На Сев. Кавказе не было подготовленного учительства и приходилось пользоваться трудами мугаллимов и т. п.

Словом, мы видим, что маленькие народы на Кавказе, чрезвычайно разрозненные, очень часто разрозненные в религиозном отношении, очень часто бывает, что один и тот же народ делится на мусульман и христиан, что эти народы действительно, путем напряжения героических сил, достигли приведенных поразительных результатов, и это в то самое время, когда рядом сравнительно культурные народы, как казанские татары, имеющие сравнительно большое количество культурных сил, не встретившиеся с такими лингвистическими трудностями, как эти кавказские народы, не выработали еще даже шрифта.

Итак, по моему, уже из этого сопоставления ясен прогноз, каким путем пойдет история развития национальной письменности. Несомненно, как я уже говорил в своем докладе, в ближайшее время мы будем иметь на территории тюркских народов куски, которые будут заняты как арабской, так русской и латинской основами. Русская основа будет иметь распространение среди не-мусульман и она постепенно заменяется и будет заменяться латинском и арабской основами в пределах мусульманского мира. Она отчасти уже заменилась и в дальнейшем все больше и больше будет заменяться латинским. Этот процесс неизбежен и никаких доводов в сторону того, что историческое развитие должно итти, может быть, иначе, мы здесь не слышим. Здесь совершенно определенно наметились

те территории, которые в ближайшее время латинский алфавит займет среди тюрок. Это Киргизия, Туркмения и Башкирия. Что же касается возражения тов. Байтурсуна, то, конечно, он выдвинул весьма существенное соображение в том отношении, что у них нет сил и средств. Это действительно практическая постановка вопроса, с которой необходимо считаться. Но я бы сказал, что вывод из этого положения можно было бы сделать и другой, можно было бы сделать вывод такой: нет сил и средств, так давайте эти средства найдем и силы создадим.

Затем я перехожу к одному очень существенному моменту, который не был освещен в моем докладе, но который в прениях все-таки был затронут, это вопрос согласования алфавитов и график среди тюркских народов. Необходимость этого вызывается необходимостью культурного сотрудничества между этими народами. Это момент чрезвычайно существенный, и не думаю, что он стоит только у тюркских народов. Он стоит и у других народов Союза, он стоит у финнов и у народов Северного Кавказа, и надо сказать, что тюркские народы в этом отношении находятся в более благоприятной обстановке. На Кавказе есть народы, говорящие одним и тем же языком и рассеянные по различным автономиям, которые пользуются, конечно, латинским алфавитом. Это например, кабардинцы. В этом отношении тюрки поставлены в более благоприятные условия. То же самое и в звуковом отношении. Вот при этих благоприятных условиях сохранение графики имеет большое значение, но мне кажется, что проблему нельзя так решать сразу, чтобы завтра все ввели один и тот же алфавит. Эта проблема должна быть согласована, должна развиваться постепенно, она должна начаться принятием алфавита тех народов, которые его начали потому, что все они даже в смысле системы письма могут быть подведены под одну группу. Сингармонии некоторые не знают, а развитие и культура народов связана с сохранением сингармонизма. Ясно, что у отсталых народов меньше было согласованности, и поэтому тут должна быть согласованность и постепенный переход к этому. Тут тов. Шараф давал аргумент, что арабский согласован. Оказывается несогласован и поэтому этот аргумент так же отпадает. В заключение должен указать, что раз-

витие алфавита может итти только тогда, когда это дело каждый из тюркских народов возьмет в свои собственные руки и будет подготовлять эту работу. Это есть огромная важная задача, которую нужно сделать. Если каждая народность дело изучение родного языка возьмет в свои руки, то тогда тут не будут бросать друг другу упреки и будут иметь большие результаты. К осуществлению этого есть пути. Я укажу на одну возможность. У нас в Москве не так давно организован Комитет по изучению языка и культуры восточных народов. В Комитете есть и тюркская секция. Комитету даны стипендии для подготовки научных работников. Комитет решил, что эти стипендии будут пополняться кандидатами из самих же национальностей. Мы приняли пока двадцать человек, но это делалось наспех. Мы не могли провести как следует, но с будущей осени дело должно принять нормальный оборот. Это дело чрезвычайно важное для вас. Вы должны это помнить и вы должны молодые силы выделить и с этого момента установить живую и плодотворную связь. (Апплодисменты).

Мамед-Заде. (по тюркски). (Бурные апплодисменты).

Резолюции по докладам об алфавите

Коркмасов. Т. т., от имени делегаций Азербайджана и всех республик Закавказья, Узбекистана, Киргизской, Дагестанской, Туркменской, Якутской, автономных областей Северного Кавказа: Карачаевской, Балкарской, Кабардинской, Ингушской, Чеченской, Адыг-Черкесской, Осетинской, Туркмен, автон. района–вносится следующее предложение:

1) Констатируя преимущества и техническое превосходство нового тюрко-латинского алфавита над арабским и реформированным арабским алфавитом (Апплодисменты), а также огромное культурно-историческое и прогрессивное значение нового алфавита сравнительно с арабским,– С'езд считает введение нового алфавита и метод его проведения в отдельных тюркско-татарских республиках и областях делом каждой республики и каждого народа.

2) В связи с этим С'езд констатирует факт огромного положительного значения, заключающегося в введении Азербайджаном, областями и республиками СССР (Якутией, Ингушетией, Карачаево-Черкесской, Кабардинской, Балкарской и Осетией) нового тюрко-латинского алфавита. Отмечая и горячо приветствуя громадную положительную работу проделанную означенными областями и республиками СССР в области введения нового тюрко-латинского алфавита, С'езд рекомендует всем тюрко-татарским народам изучить опыт и метод проведения Азербайджана и других областей и республик для возможного проведения этого у себя. (Бурные апплодисменты).

Председатель. Есть ли другое предложение?

Шараф. Мое предложение такого характера:

1) Признавая, что обе–арабская и латинская–системы шрифтов могут обслуживать тюркские языки.

2) Признавая громадную работу проделанную Азербайджанской Республикой в смысле применения латинской системы к тюркским языкам, а также работу Татреспублики в направлении - реформирования прежних арабских шрифтов, окончательное разрешение вопроса в смысле того, будет ли лучшей та или иная система для тюркских языков, оставить вопрос открытым.

3) Все же признать, что для всех тюркских языков, по крайней мере, тех которые пользовались арабской системой до сих пор, должна установится единая система шрифта, что должно быть разрешено 2-м Тюркологическим С'ездом.

4) Образовать две комиссии, одну из ислахистов, другую из латинистов для согласования предлагаемых знаков, чтобы было единообразие как по латинской системе, так и по другой, у всех тюркских народов. Также по арабской линии установить окончательные принципы реформы и согласование начертаний.

Основные три момента, на которые я указал, здесь же закончить в общем постановлении Пленума.

Председатель. Т. т., к резолюции, которую прочел тов. Коркмасов, присоединяется Башкирская делегация. (Бурные апплодисменты). Т. т., резолюция ясна. Здесь уже довольно много

высказывались и представители и арабской и латинской формулировки. Я поставлю на голосование обе эти резолюции, и в порядке голосования решим этот вопрос.

Голосую: кто за резолюцию предложенную тов. Коркмасовым, прошу поднять руки. Большинство (Бурные апплодисменты).

Кто за резолюцию которую прочитал т. Шараф Галимджан? Прошу поднять руки. 7 голосов.

Голосование показало следующее. За резолюцию тов. Коркмасова 101 голос. (Бурные, долго несмолкающиеся апплодисменты). За резолюцию тов. Шарафа–7 чел. и воздержалось от голосования 9 человек.

Затем для редактирования и внесения соотв. исправлений в резолюцию, принятую С'ездом избирается комиссия в составе:

1) Коркмасов,
2) Джабиев,
3) проф. Яковлев,
4) проф. Жирков,
5) Бердиев,
6) Мамед-Заде,
7) Бекджан Рахманов,
8) Тюрякулов,
9) Алпаров,
10) Галимджан Шараф,
11) Галимджан Ибрагимов,
12) Павлович,
13) Байтурсун,
14) Тынстанов,
15) Умар Алиев,
16) Мальсагов,
17) Иногамов,
18) Идельгузин,
19) Айвазов,
20) проф. Чобан-Заде,
21) Гаяз Максудов,
22) Барахов,
23) Сабашкин,
24) Шахмурадов,
25) Наговицын,
26) Сабиров.

Заседание закрывается в 9 час. 30 мин.

С'езд в полном составе направляется на торжественный вечер, посвященный 500-летнему юбилею тюркского поэта Али-Шир Неваи.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председательствует тов. **Агамали-Оглы.**

Развитие литературного языка у тюркских народов

(Краткое изложение доклада, прочитанного на турецком языке).

Кепрюлю-Заде. Тюркский язык еще задолго до принятия ислама распался на ряд наречий. В настоящее время вследствие недостатка документов определить и установить точно эти наречия не представляется возможным. Даже при попытки Банга установить связь между языком орхонских надписей и позднейшим языком анатолийских турок, пока еще нельзя утверждать ничего категорического.

Несомненно, что еще до принятия ислама среди тюрков существовали некоторые алфавиты и, следовательно, некоторые из этих наречий, пользовавшихся указанными алфавитами, могут быть названы «литературными» языками. Язык орхонских надписей представляет собой разработанный литературный язык. Кроме этого литературного языка, имеются также исторические доказательства о существовании других произведений на тюркском языке, восходящих еще к эпохе сассанидов, что достаточно подробно освещено мною в моих произведениях «Тюрк Эдебиятында Ильк Мутасавойфляр» и «Истории тюркской литературы».

Из отрывочных сообщений, которые дают о тюркских наречиях до V века мусульманской эры китайские и мусульманские источники, нельзя сделать никаких категорических выводов. Лишь сопоставляя ценный труд Махмуда Кашгарского с другими историческими и лингвистическими источниками и изучая внимательно и детально первого, мы можем придти к следующему. Уже к этому времени существовало два литературных тюркских наре-

чия,–восточное и западное. Первое–это наречие «Хакание» или, что то же самое, просто «тюркское» наречие, которое господствовало в Кашгаре и его районах и имело большое сходство с наречиями «чигил», «ягма», «аргу», «тохсы» и «уйгур». Второе же наречие, называемое западным, есть огузское наречие, с которым имели большое сходство наречия «кыпчакское», «емак», «печенегское», «балкарское» и в особенности «кыпчак-емакское». Между этими двумя группами еще в V веке мусульманской эры существовала чувствительная разница, как в смысле морфологии, так фонетики и семантики.

В Средней Азии на наречии «Хакание» были созданы такие произведения как «Кутадгу-Билик», «Хебетуль-Хакаик», переводы религиозных произведений (переводы Корана, «Муккадемет-Ульвирд», рассказы об Абу- Муслиме и прочие мелкие сочинения). К этого рода произведениям могут быть отнесены также и народные стихотворения, собранные в «Диван-Люгат», всякие поговорки и пословицы. Сюда же можно отнести об'емистое произведение Ахмеда Есеви и его последователей. Произведение поэта Али «Юсиф и Зелейха», написанное в 630 году хиднеры в стихотворной форме, и целый ряд произведений, написанных до и после монгольского нашествия в Хорезме, как например «Бедр-Эддин-Хаджив», словарь Канглы, посвященный Джеледдину Хорезмскому, «Неджун-Невадис» 759 год, а также произведение написанное в районе Золотой Орды, с давних пор находившейся в тесных политических и экономических отношениях с Хорезмом, все это несмотря на некоторые влияния местного характера, полностью являются продуктом этого наречия. В виду того, что все произведения написанные после VIII века на этом наречии, получившем значительно позднее монгольского нашествия название джагатайского наречия, достаточно хорошо известны и упомянуты в моих произведениях, и я не вижу необходимости повторяться здесь относительно этих сочинений. Я имею целью лишь в краткой форме сделать по порядку перечень произведений, созданных в районе Золотой Орды и осветить немного этот блестящий литературный период, оставшийся до сих пор темным и неясным. Эти произведения следующие: произведение Хаджи Кутиба «Хусрев и Ширин», написанное

в стихотворной форме в 741 году, «Мухаббет-Наме» Хаджи Хаваризми–754 год, «Джемджеме-Наме-и-Хусам- Кятыб»–770 год, Мевляна-Исхак, Имади-Мевлеви, Ахмед Ходжа-Сараи, Абдул-Меджид, Тунглу-Ходжа, Гюлистани-Туджи–793 г. и Сейфи-Сараи.

Огузское наречие, под влиянием различных исторических факторов, в VIII веке мусульманской эры распалось на две группы: восточное и западное. Восточно-огузское наречие, или что то-же, «Азери» начало складываться, как нам это известно, с VIII века. Что же касается западно-огузского, т. е. анатолийского наречия, то оно еще до нашествия монголов уже начало давать литературные продукты и в течение 8 веков дало тысячи научных и литературных произведений, нисколько не стоящих ниже произведений на арабском и персидском языках. (Апплодисменты).

После доклада тов. *Н. Хакимова* и речи тов. *Габитова* на татарском языке, слово предоставляется тов. Бердиеву.

Бердиев. Товарищи, я хочу остановиться на пророчествах, высказанных тов. Неймат Хакимовом, не обоснованных и не согласованных с данными тюркологии. По прежним докладам тов. Самойловича, Чобан-Заде было выяснено, что вопрос о взаимоотношениях тюркских наречий еще научно-твердо не установлен. Значит, еще нет данных говорить с научной авторитетностью о будущем литературном языке. Пока нет данных, пока наука еще ничего не установила, до тех пор пророчества остаются пророчествами одного человека из плеяды вчерашней семерки.

Дальше Кепрюлю-Заде в своем докладе сказал, что литературные языки тюркских народов также в достаточной степени не изучены и что изучение еще предстоит впереди. Раз тюркские наречия и их взаимоотношения в науке еще не установлены, раз литературный язык тюркских народов еще в достаточной степени не обследован и еще находится в периоде развития, то, конечно, нет данных утверждать, что такого об'единения быть не может, или данных за то, что об'единение может быть. Я теперь останавлюсь на тех доводах, которые выставил тов. Неймат Хаким, что тюркские народности не имеют общего языка. Т. т., язык одно, а наречие другое. Я не пойду за примером к казанским татарам, а возьму свой собственный пример на своей родине. Если мы возь-

мем, например, туркменские наречия, то сказывается, что в пределах этого языка есть различные подразделения. Можно ли на этом основании сказать, что туркменского наречия не существует? Конечно, нет. Если я возьму тюркские наречия в целом, нет ли там данных и характерных признаков, которые были бы общими для тюркских народов? Возьмем лексикологический материал тюркских наречий. Дает ли он такой большой процент, чтобы нельзя было говорить об одном языке, дает ли он большие различия? Возьмите казанское наречие и башкирское. Я должен заверить, что я казанского и башкирского наречия не изучал, но то, что говорили товарищи, я все-таки понял. Значит, в смысле лексикологического материала есть много общего материала, который дает возможность нам понимать.

Дальше, возьмем синтаксическую сторону. Есть ли в этом отношении большая разница между этими наречиями? Конечно, нет. Дают ли эти языки в морфологическом строе большие колебания? Конечно, не дают. Я считаю, что тот, кто говорит, что не может быть общего литературного языка, поднимает вопрос преждевременный, и пророчествовать об этом не следовало бы.

Теперь возьму другую вещь: литературный язык и язык масс, или язык народный. Здесь приходится делать известное различие. Когда вы все-таки считаете, что его не должно было бы быть, вы идете за тем дешевым лозунгом, который говорит о массах. Это совсем не так. Литературный язык требуется также и массами, он образуется из материалов народного языка, но чтобы сказать, что это будет народный язык,–то такого литературного языка во всем мире вы не найдете. Возьмите русский язык, разве это тот самый язык, который вы слышете во Владимирской или Вятской губернии? Конечно, нет. Возьму говоры ближе к Москве или Ленинграду. Разве это–литературный язык? Конечно, нет. Материал берется повсюду. Язык, который мы употребляем в литературе, взят из того же материала, но он сформирован отлично, там не отражаются точь в точь все звуковые особенности какого-нибудь говора. Я, не будучи лингвистом, могу утверждать, что там недалеко от Москвы произносят «цо», в литературном языке пишут «что», а говорят «што». И это различие не дает возможности и права вам утверждать, что литературный язык не может быть.

Теперь остановлюсь на тех моментах, которые установил Нейлат Хаким, на моментах, которые отделяют языки, не дают им возможности распространяться. Он остановился на алфавитном вопросе. Но, т. т., я вчера был одет несколько иначе, сегодня у меня на голове шляпа. Но вы меня узнаете или нет? Я думая, что вопросы такого рода, как вопрос алфавита,–это вопросы одежды.

Председатель. Об алфавите мы кончили уже говорить.

Бердиев. Я не хочу портить настроения этим товарищам. Теперь я возьму Габитова.

Подходить формально к вопросу о создании литературного языка так, как подходит тов. Габитов,–совершенно произвольно потому, что есть названия: башкиры, татары, туркмены, но это еще не говорит, что у каждого из них есть такой язык, на котором они друг друга не понимают. Совсем это не так. Есть ли данные, чтобы литературный язык создался? Я считаю, что есть. Возьмем этот вопрос в экономическом разрезе, в области отношений между этими народами. Они территориально расселены, но все-таки их народность примерно сплошная, наречия сглаживаются потому, что у этих народностей начинает образовываться литературный язык. Но это не значит, что это язык вашей массы, тот язык на котором ваша масса говорит. Это не так. Сравните русский литературный язык с различными говорами Владимирской, Вятской и Тамбовский губерний и вы видете, что все-таки это не так, и в литературном языке все эти говоры полностью не отражаются, а это язык, созданный на общих точках соприкосновения этих- наречий. Если до сих пор эта сплошная масса тюркских народностей была оторвана территориально, то теперь при возможности связи, связи железнодорожной, обмена литературой, книгами,–эти связи дают надежду, что сглаживание различных наречий будет происходить быстрее, что такое сотрудничество тюркских народов, тюркских наречий необходимо и жизненно выдвигается. Вы этого опровергать не будете, хотя вы и можете сейчас говорить о том, что башкирская терминология одна, а татарская–другая. Терминологическая мысль идет в определенное русло; здесь есть возможность ориентации на западную терминологию. Значит, если местные особенности сглаживаются в литературном языке каж-

дого наречия, если терминология идет на установление почти единой линии и если эти данные наш С'езд подтвердит, то, конечно, еще далеко до того пророчества, которое тов. Неймат Хаким и Габитов здесь высказали. (Апплодисменты).

Далее говорят т. т. *Халид Саид, Ибрагимов, Айвазов, Шараф, Губайдулин, Саади, Гельдиев* на тюрко-татарских языках.

Саиойлович. Если мы условились называть язык, на котором говорят турецкие народы, обще-турецким языком, то прежде всего мы должны признать, что этот язык распадается на несколько диалектов. С одной стороны, мы видим зарождение чувашского и с другой–якутского языков. Если не считать этих двух языков, которые отличаются от турецкого, то все остальные представляет не особый язык, а только диалекты и говоры. И даже, если мы будем сравнивать и изучать отдельные говоры, то мы заметим, что очень большие районы на той территории, которая занята турецкими племенами, покрыты разными диалектами и говорами близкими между собой. В предисловии к изданной мною в 1925 г. практической грамматике анатолийского турецкого языка я указал то, что я здесь говорю. И я могу повторить всем известную мысль, что сравнительно с другими семьями языков, говоры и диалекты турецкого языка обнаруживают между собою такую близость, которой даже не имеется между славянскими и германскими группами. Турецкая диалектология не обнаруживает такого резкого расхождения, и поэтому теоретическая почва для об'единения, если не всех, то по группам, отдельных турецких диалектов, безусловно весьма благоприятна. (Апплодисменты). Если мы будем базироваться только на фактах, то мы видим, что на основании всех совершенно об'ективных факторов экономического или иного порядка, процесс сближения не только литературного языка, но даже и разговорного и диалектов фактически уже происходит.

Я счастлив, что при жизни Исмаил-бека Гаспринского я имел случай с ним беседовать по этому вопросу, который для себя считал вопросом жизни, и должен опять таки сказать то, что я ему говорил, сегодня здесь уже было сказано и тов. Ибрагимовым и целым рядом других товарищей. Конечно, нельзя путем бюрократическим, путем приказа создать сразу единый литературный

язык. Но здесь идет речь не только о литературном языке, но и разговорных диалектах, тут идет речь уже не только о сближении между существующими литературными языками, но и сближении между разговорными диалектами. В этом смысле для меня очень показательна была моя поездка в Туркестан в 1916 году, когда я, гуляя по улицам старого Ташкента и прислушиваясь к говору, заметил уже тогда, что имеется разница между говором старого поколения и говором той молодежи, которая уже прошла школу. Именно то постепенное сближение литературных языков,–возьмем казанско-татарский, узбекский, азербайджанский и анатолийско-турецкий, то сближение, которое происходит уже на протяжении целого ряд лет, особенно через школу, начинает отражаться на разговорном языке молодежи. Итак, я хочу сказать, что в настоящее время уже наблюдается выравнивание не только литературных языков, но и живых диалектов по известным группам, С'ездом уже отмеченным. С одной стороны не только в литературном языке, но и в разговоре мы видим продолжающееся сближение исторически близких между собой диалектов, как те, которые входят в группу юго-западную, а с другой стороны мы видим сближение и в области литературного языка и дже в области разговорных диалектов с одной стороны в Узбекистане и с другой в Поволожье.

Поэтому мне кажется, что нет оснований пессимистически смотреть на вопрос о выработке литературного языка. Поскольку язык является средством общения, как явление социальное, то, конечно, его об'единение явится совершенно необходимым и желательным явлением. Ведь действительно в результате сближения отдельных тюркских народов и на базе экономической с увеличением и усовершенствованием путей сообщения и способов сношения, путем постоянно усиливающегося обмена литературой между собой без какого бы то ни было насилия со стороны отдельных личностей, мы присутствуем при факте выравнивания и сближения не только литературного языка, но и языков разговорных (Апплодисменты).

Тюрякулов. Товарищи, здесь много говорили о политических возможностях, о наличии той или иной почвы для об'единения тюркских наречий и диалектов.

Быть может это несколько выходит из рамок того доклада, который сделал Кепюрлю-Заде Фуад-бей, но, тем не менее, в виду заявлений ораторов, которые выступали до меня, я хотел бы несколько остановиться на этом моменте.

Товарищи ставят этот вопрос, как вопрос самодовлеющий. По крайней мере, у большинства получается такое впечатление. В частности характерно выступление т. Саади, который говорил, что при разрешении вопроса о литературном языке не надо думать о массах. Кажется, насколько я понял, и т. Ибрагимов–если это неверно, я беру обратно–тоже и проф. Самойлович, указывая на свои наблюдения в старом Ташкенте, по моему, несколько увлекались этим вопросом, придавая ему именно самодовлеющий характер. Мне думается, что этот вопрос органически тесно связан с нашими практическими задачами дня и эти практические задачи ни на минуту не должны быть оттеснены этими теоретическими вопросами. Конечно, я здесь не вступаю в полемику и принимаю те положения ораторов, которые указывали на единство корней тюркских диалектов, но, тем не менее, мне думается, что язык постольку, поскольку он является социальным явлением, продуктом целого ряда социально–экономических и прочих условий в совокупности, этот язык не может быть изготовлен лабораторным порядком. Если в жизни происходит некоторое выравнивание в пределах той или другой группы, то это, конечно, есть также продукт исторического процесса, продукт современного положения вещей, когда все больше и больше усиливаются способы сношений и связи. Вполне правы те ораторы, которые говорили о возможности об'единения диалектов Азербайджана, Анатолии и туркменов.

Далее присоединяют к этой же группе Узбекистан, но это теоретическое положение, это наблюдение, которое относится к сегодняшнему дню. Связывать в какой бы то ни было степени, подчинять этому наши практические задачи нельзя. А. С Айвазов указывал на то, что нет в Турции, в Казани, в Узбекистане интеллигентного культурного тюрка, который не имел бы у себя Неваи и не читал бы его с удовольствием. Я думаю, что здесь нельзя путать такие вопросы. Во-первых, если Неваи нам всем понятен, нам, выходцам из старых школ, то понятен прежде всего благодаря

тем, главным образом, арабо-персидским элементам, которые имеются в старой дореволюционной классической литературе. Что же касается наблюдений наших над современной литературой и ее развитием, то они идут везде и повсюду более или менее автономно. Я приведу практический пример того, в какой мере сегодняшняя тюркская газета «Коммунист», которая выходит здесь в Баку, и «Молла-Насреддин», который выходит также здесь, насколько они оба, оба этих печатных органа понятны народным массам и интеллигенции. Каждый беспристрастный наблюдатель скажет, что несомненно среди рабоче-крестьянской массы Азербайджана «Молла-Насреддин» в десять раз понятнее, чем тюркский «Коммунист». Указывая на это обстоятельство, я хотел-бы еще припомнить, что вскоре после или в период первой и второй революции в России, в Туркестане имелись такого рода течения. На с'ездах народных учителей в гор. Ташкенте наблюдались такого рода течения, когда товарищи выступали с защитой именно тех положений, которые мы здесь заслушали. И тогда–мне помнится–один из народных учителей, присутствовавших на том С'езде,–это кажется было в 1919 или 1920 г.,–сказал иронически: кто из вас может декретировать, чтобы в следующую зиму не было снега? Он этим самым подчеркивал, что язык лабораторным порядком не вырабывается. Таким образом остается здесь согласиться опять с теми положениями проф. Самойловича, который относил всю эту унитарную тенденцию к историческим процессам, а не к бюрократическим приемам, которые раньше наблюдались. Итак, я еще раз обращаю ваше внимание на то, что нашей задачей, задачей практических работников, в качестве одного из которых я здесь и выступаю, является то, чтобы изыскать способы, каким образом мы легче и быстрее можем распространить знания среди отсталых масс. (Апплодисменты).

Далее выступают т. т. *Идельыужин, Фейзи* и *Шевки Бектуре* на татарском и турецком языках.

Джабиев. Тут некоторые ораторы затронули вопрос о языке тюркского «Коммуниста». Я думаю, что это один из важнейших вопросов. Должен заметить, что я выступаю, в данном случае, не как сотрудник «Коммуниста», а как один из членов С'езда. И вот

почему я думаю, что С'езд отнесется к моему выступлению не как к ведомственному выступлению.

Я думаю, что вопрос о литературном языке есть, прежде всего, вопрос о терминологии, и все выступающие товарищи это забыли указать. Правда, тов. Тюрякулов, когда мы с ним беседовали после его выступления, также подтвердил, что вопрос о литературном языке есть вопрос о терминологии.

Что представляют собою наши газеты? Я, товарищи, говорю обо всех тюркских газетах. Все тюркские газеты на две трети занимаются механическим переводом поступающих в редакцию телеграмм и материалов на русском языке. Я думаю, что выступившие тюркские работники печати это подтвердят, т. к. во всех республиках и во всех областях имеется такое общее положение. Этот механический перевод происходит не только в течение одних суток, но гораздо меньше, в течение нескольких часов. Вот этот спешный перевод известным образом влияет на язык нашей газеты, т. е. на наш литературный язык.

Я, товарищи, хочу привести некоторые факты. Недавно в речи одного из наших ответственных товарищей, которую мы поместили в газете, встретилось выражение: «социальная надстройка». Я прошу всех товарищей дать соответствующее тюркское значение в двух словах этому выражению. Если это кем-нибудь будет дано, то мы будем очень благодарны этим товарищам, ибо в нашей газете мы об'явили премию на подобный термин. В нашей газете об'явлен конкурс для перевода слов «хозяйство», «производство» и т. д. на тюркский язык, вместо арабских терминов, которые употребляются в настоящее время.

Перехожу теперь к газете «Коммунист». Сравнивать «Коммунист» с «Молла Насрэддином» очень смешно. Язык юмористического журнала, конечно, нельзя сравнивать с языком серьезной газеты. И я думаю, что все товарищи согласны с тем, что такого сравнения проводить нельзя. Я заявляю, что язык «Молла-Насрэддина» это жаргон, выжатый из среды тех элементов, против которого направлены все страницы этого журнала–мулл, ахундов, мясников, мелкой буржуазии, лавочников и т. д. Этими выражениями мы их высмеиваем. Конечно, этот язык не может быть литературным языком. Так, что сравнение тов. Тюрякулова совершенно недопустимо. Даже в русской печати нельзя сравнивать хотя бы язык «Правды» и язык «Крокодила». Надо более серьезно отнестись к этому вопросу.

По вопросу о литературном языке надо иметь ввиду все те принципы, все те положения, которые мы приняли по вопросу об орфографии и терминологии. Все эти положения должны найти свое достаточное развитие, последовательно развиваясь из положенной в основу резолюции по вопросу о литературном языке. Я помню, что по вопросу об орфографии проф. Щерба в своем докладе говорил о том, что фонетический момент необходимо принять во внимание и параллельно с этим он указал и остановился на уклоне этимологическом для того, чтобы не был забыт этот момент, но вместе с этим он указал, что надо меньше опираться на фонетику. Я тогда еще говорил, что это неправильно. Профессор в своем заключительном слове, постарался это исправить.

По вопросу об орфографии, именно фонетический уклон должен быть на 70-80%, а может быть и еще больше, смотря по местным условиям. По такой же схеме должен идти и вопрос о литературном языке. Надо в основу положить народный язык, от чего мы никогда в Азербайджане не отказывались и о чем неоднократно писали, и плюс к нему известное литературное содействие, некоторое дополнение, которое в результате должно дать нам литературный язык. Этим дополнением и являются термины, которые нам необходимо выработать. Я, товарищи, хотел вас познакомить с тем, что положение нас, азербайджанцев, совершенно отлично от других народов. Мы до сих пор больше всего были под арабско-персидским влиянием их языка и культуры. Вот почему перед нами стоит этот вопрос в плоскости освобождения. В наш язык вошло много слов из арабского и персидского языков и литературы. Почему для других тюркских народов, как вот для казаков, этот вопрос не так остро стоит и, кроме того, за эти века, благодаря культурному развитию своему, благодаря социально-экономическим условиям, некоторым образом надстройка в отношении языка была дополнена терминологией из родного лексикона, из родного языка, народным творчеством, чего у нас также

не было? Просто механически все термины у нас принимались из арабско-персидского лексикона. Тут тов. Гельдиев сказал, что все это в арабско-персидском значении, он говорил, что слово «Джереян» можно заменить словом «акын». Товарищи, слово «джереян» нам также непонятно, как и слово «акын». Вот почему тут те основные принципы, которые приняты по вопросу о терминологии, должны на 70-80% разрешить вопрос о литературном языке. У нас термины употреблялись в арабско-персидской форме, а теперь они меняются и берутся в тюркской форме, а где нам невозможно это делать, употребляются в европейской форме. Вот, что я хотел сказать и что имею ввиду, чтобы при дальнейшем обсуждении вопроса подобных сравнений не было.

Омаров. Я хочу говорить по вопросу об об'единении, по вопросу о возможности создания общего языка. История знает примеры об'единения языков и знает примеры создания литературных языков. Те и другие явления носили некоторый особый отпечаток капиталистического строя. Литературный язык создавался под влиянием именно тенденций классовых, под влиянием желания интеллигенции отгораживаться от массы, создать язык недоступный для черни. А объединение языков происходило таким образом, что одна нация навязывала свой язык другой нации, менее культурной. Нация культурная имела тенденцию поглотить нацию менее культурную, но это было при капиталистическом строе. Здесь же у нас совершенно другие принципы. Мы все время говорили о том, что вступаем на демократический путь, мы говорили о чистке языка, о желании очистить язык от чуждых слов арабско-персидских и прочих. Тут, конечно, исходят не из фактов, какие были раньше, тут не тенденция отгораживания, а тенденция демократизации. Таких примеров раньше не было. Раньше стремление к об'единению тюркских языков в частности происходило со стороны более культурных языков. Тут была тенденция поглотить менее культурный язык. Здесь выступали представители Башкирии и неоднократно подчеркивали, что их язык ничего общего с языком татарским не имеет. Ничего подобного. Очень много сходств, но выступления товарищей башкирцев об'ясняется тем, что башкирцы стараются защитить свои права от тенденции более

культурного соседа. Но это не значит, что об'единение невозможно. Теперь вопрос об об'единении языков должен быть поставлен как очередная наша задача. По крайней мере, для меня, как представителя менее культурной нации, этот вопрос очень важный. Мы здесь говорили, что наш язык самый чистый. Я не думаю, чтобы казакский язык, тоже весьма отсталый, мог бы поглотить язык Азербайджана или язык казанских татар. Этого не может быть, но нам хочется учиться. Средства культурные, культурные достижения до сих пор мы черпали только из русского языка, литература же более высококультурных турок была для нас недоступна. В этом отношении мы играли роль «черни», а высококультурные наши братья имели «аристократический язык». Он нам не был понятен не потому, что это особый язык с особой морфологией,–для нас были непонятны арабские элементы. Отбросить арабские слова или переделать их сообразно грамматики тюркского языка была и есть задача неотложная.

Для того, чтобы мы могли читать книгу, напечатанную в Баку, надо сначала изучить не только арабский, но и персидский язык, надо изучить два языка и потом только можно читать эти книги. Но мы их хотим читать, и если бы не было чуждых слов, то для нас была бы доступна эта литература, и это было бы большим достижением в культурном отношении. Товарищи башкиры говорили, что их язык очень похож на казахский язык. У меня сейчас в руках башкирский журнал, и если прочесть написанные в нем народные стихи «В казакском ауле», то никто ничего не поймет. Но можно прочитать иначе, и тогда не будет ни одного не-казакского слова. Для того, чтобы нам уметь читать башкирские слова, надо заучить, как отделять, как читать «и» и соответствующие окончания, и получится казахский язык без всяких изменений. Для того, чтобы уметь казакам читать башкирскую книгу, если нет иностранных слов, достаточно заучить несколько правил, и мы сумели бы читать. Мы можем читать азербайджанскую газету, но нам мешают иностранные слова. Когда я слушал доклады на тюркском языке, где было мало арабских слов, для меня перевода не требовалось, я все понимаю. Тут рассматривались вопросы орфографии и терминологии и говорили, что мы самые демократичные в этом отношении, но некоторые товарищи упрекали нас, что

мы непоследовательны, что мы реакционны по вопросам алфавита. Мы хотели быть последовательными, мы полагали, что путем уничтожения иностранных слов и правильного правописания мы сумеем читать, но азербайджанцы отгораживаются от нас и не хотят сделать доступным очищенный язык. Мы и не думаем, что латинский алфавит может испортить что-нибудь.

Я думаю, что об'единение вполне возможно на том основании, что идея об'единения исходит не от верхов, а именно от низов. В настоящее время тенденцию к об'единению имеют именно культурно-отсталые тюрки, а затем, хотя я не слишком силен в истории, но у Ушакова сказано, что история знает создание искусственного литературного языка. Греческий язык был общим языком. Но для общения, пожалуй, нам не будет особенной надобности в этом, мы сумели бы читать и без того и башкирские и другие книги. Первым шагом к об'единению тюркских языков является уничтожение арабских и персидских слов и создание общих терминов. Нас разделяют только термины. И если бы я говорил на казакском языке, меня бы не поняли потому, что не привыкли к этому языку, не поняли бы так, как и я первое время не понимал речей на тюркском языке, и если бы я заговорил по-казакски, то это было бы непонятно только потому, что к языку этому не привыкли. (Апплодисменты).

Далее выступают тов. *Юнусов* и *Чобан-Заде* на узбекском и турецком языках.

Джабиев. Тут, товарищи, последним вопросом стоят организационные вопросы. Специального доклада по этим вопросам не будет. Вот почему необходимо составить соответствующую резолюцию по этим вопросам. Есть предложение сегодня избрать комиссию, которая подготовит этот вопрос и на последнем заседании мы утвердим определенную резолюцию. Если нет возражений, тогда я оглашу состав комиссии. Состав Комиссии: академик Ольденбург, Галимджан Ибрагимов, Рухулла Ахундов, Павлович, Наговицын, профес. Чобан Заде, профес. Самойлович, профес. Яковлев, Тюрякулов, Джабиев, профес. Кепрюлю-Заде, профес. Менцель и Бердиев. Председателем предлагается академик Ольденбург.

Заседание закрывается в 3 час. 45 минут.

ПЯТНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

5-го марта 1926 г.

Председательствует **Агамали-Оглы.**

Прения по вопросу о литературном языке

После выступлений т. т. *Габитова* и *Хакимова* на татарском языке заключительное слово предоставляется проф. *Кепрюлю-Заде* на турецком языке.

«Новейшие течения в методике преподавания родного языка»

Щерба. Я только что видел книжку проф. Чобан-Заде по методике преподавания языка и смущен тем, что, т. к. мой доклад будет носить конечно, главным образом осведомительный характер, чтобы книжка не предвосхитила все то, что я хотел бы сказать, но к сожалению я не мог с ней познакомиться подробнее. Попробую в нескольких словах затронуть самый существенный вопрос. Смущен я также и тем, что в вопросах методики преподавания я могу быть у многих здесь присутствующих скорее учеником, нежели учителем, ибо я чувствую, что большинство, или очень многие из вас, опытные учителя, работавшие на этом поприще и, во всяком случае, следившие в той или другой мере за литературой. Но, может быть, все-таки кое-какие точки зрения мне здесь удастся отметить, сколько нибудь для вас новые. Прежде всего позвольте остановиться на том существеннейшем вопросе, как методика обучения, преподавание грамоте.

Два метода сейчас, так сказать, в ходу, с одной стороны метод звуковой, с другой стороны, метод целых слов, или американский метод. Каждый из этих методов имеет свою естественную сферу применения. Американский метод, как и указывает его название,

возник на почве английского языка и возник в силу того, что английский язык имеет историческую орфографию такую, в которой очень трудно, если не невозможно применить звуковой метод, в чистом его виде. Там, действительно, правила соответствия между буквами и звуками крайне трудны, зачастую неуловимы. Поэтому сначала там, дают слова целиком, как некие иероглифы. Потом, на основании достаточного запаса этих целых слов, разным образом с разными видоизменениями по разному представляется детским мозгам самим упорядочивать эти соотношения.

Звуковой метод, конечно, главным образом, приспособлен к фонетической орфографии. Там, где орфография фонетична, там, конечно, естественно применение звукового метода, и он дает наилучшие результаты. Американский метод сам по себе не имеет никаких особенных секретов и преимуществ перед звуковым, он только, как я сказал, целесообразно адаптирован, применен к нуждам английского языка, и ко всем тем языкам, которые имеют очень сильную историческую орфографию, т. е. такую, где произношение не соответствует написанию.

Почему у нас педагоги увлеклись американским методом? Это можно выяснить. Потому, что при американском методе, в значительной мере сопрягается, соединяется наглядное обучение. Как известно, по этому методу начинают изучать сначала вещи, стараются, чтобы вещь, понятие вещи укрепилось в детском сознании и потом к этому понятию приклеивают ярлык, написание. И эти знания по развитию образования понятий у детей представляются с педагогической точки зрения несомненно ценными. Не знаю, были ли проделаны опыты, но мне думается, что нет. Опытов не было проделано, но apriori представляется мне одно, что, поскольку звуковой метод не подходит к английскому языку, настолько всетаки метод цельных слов не подходит к таким языкам, которые имеют фонетическую орфографию. Там этот последний метод все же дает вероятно наиболее скорые результаты. Обращая, в связи с этим, ваше внимание на то видоизменение звукового метода, которое употребляет Монтессори, о чем, конечно, вы все слышали, и подробно я не буду останавливаться на монтессориевском методе,–укажу только, что в русской литературе есть вышедшая не-

сколько лет тому назад книжечка Фаусек «Обучение грамоте и развитие речи по системе Монтессори». Там очень интересно изложены опыты в этом направлении, которые проводились очень известной в Ленинграде учительницей Фаусек. Правда, это, главным образом, проводилось в детском саду, но отчасти и в начальной школе. Суть я укажу в двух словах. Она заключается в том, что начинают сначала со списывания, т. е. начинают с приемов воспитывания моторных элементов и потом списывания различных писем так, что дети после этого различают совершенно свободно любое слово, но еще не читают его. Чтение происходит само собой, и этим избегаются те трудности моментов слияния, которые чрезвычайно затрудняют педогогов и детей. Но я не знаю, насколько широко это сейчас применяется. Конечно, кое-где опыты ставятся, но чтобы в широком масштабе это проводилось я об этом не слыхал. Вот все по первому вопросу.

Теперь по второму вопросу. Большим вопросом является обучение письму, орфогрофически правильному письму. Был момент в истории нашей методики, когда сказали, что существующие способы обучения грамоте и грамотному письму плохи, когда пришли к убеждению, что грамотность есть механический навык и, как таковой, его и нужно создавать, и тогда панецеей т. е. таким универсальным средством, было списывание в том или другом виде с разных книг, диктантов, написанных не печатным шрифтом, а курсивным письмом и т. п. Все это обосновывалось на некоторых психологических опытах. Насколько я знаю, у нас в России в то время особенно было популярно имя Лая, которого, вероятно, вы все помните, и, грешным делом, я сам тогда, еще совсем молодой человек, в этом смысле высказывался на одном из первых с'ездов преподавателей русского языка. За этот период времени, протекший с тех пор, я несколько изменил свои мысли по этому поводу под влиянием данных моего опыта, как учителя и как заведывающего средними учебными заведениями, наблюдающим это дело. Списывание, в какой бы форме его не применять, улучшенной и т. д., оно страшно механично, страшно удручает детей, и толку от него никакого не выходит потому, что они списывают скверно, с ошибками и, таким образом, механизм-то и не усваивается. Секрет, конечно, состоит в том, чтобы обратить внимание детей на внешнюю форму. Конечно, естественно, что внешняя форма языка является не целью, а средством, а внимание ускользает в большей мере на это списывание, которое есть самое худшее средство для того, чтобы заставить обратить внимание на эту внешнюю форму. Каковы же другие методы? Вот я думаю, что тут это должно быть сопряжено со всяческими чисто-языковыми звуками и с разными наблюдениями над языком. На русском языке это особенно хорошо получается благодаря тому, что один из принципов нашего правописания этимологический, он дает массу постоянных поводов для такого рода языковых наблюдений. В этом смысле есть книжечка одного ленинградского преподавателя из народных учителей, но прекрасного знатока русского языка и любящего его. У него есть книжечка, а фамилия его Чернышев. И вот, по моему, те мысли, которые он там высказывает, уже довольно давно являются правильными. Он указывает, что достичь хороших результатов можно только тогда, если действительно всячески сосредоточивать внимание детей на самом языке, т. е. на формы языка, как не выражающие те или другие мысли, те или другие оттенки мысли. Это самое верное средство.

Перейду к третьему пункту, к развитию речи.

Связан он с звучащей речью, с живым словом, с отходом звуков от букв, от письма к слову. Вот отсюда такой термин, как «живое слово». В Ленинграде был институт целый–Институт Живого Слова, и эта идея живого звучащего слова, она и здесь дала повод к тому, чтобы посвятить особое внимание умению строить речь сознательно путем известных систематических упражнений. Сюда, в сущности говоря, в развитие речи вливалось и известное грамматическое содержание, ибо речь строится из известного строительного материала, т. е. грамматического материала, и там, в порядке целесообразности, в порядке того, как надо выразить ту или другую мысль, естественно обращается внимание детей на те или другие грамматические элементы. Дальше на этой теме я не буду останавливаться, т. к., вероятно, вы все сами об этом слышали и читали, а может быть и сами обучали. Скажу только, что монтессориевская система обучения грамматики, применявшаяся

Ю. И. Вальман, она также связана в большей мере с этим развитием речи. Скажу также, что обучение орфографии может и должно быть связано с обучением развития речи в одно целое.

Дальше–пункт программы ГУС'а, Государственного Ученого Совета, по русскому языку о наблюдениях над языком. В моей юности я также, может быть, был одним из участников начала этого движения. Пункт этой программы представляется многим очень трудным и мудренным, и я с этим согласен, что на практике учительство часто затрудняется в этой области (по моим наблюдениям) за отсутствием достаточно хорошего лингвистического образования, ибо действительно, чтобы заниматься с успехом надо, конечно, самому любить язык и тонко его понимать. Это не так легко. Но здесь открывается большое поприще для развития детского ума. Я об этом больше не буду говорить, т. к. в следующем пункте приду к тому же. Вы все находитесь, по моему, в особо благоприятных условиях для занятия языком потому, что, по тем условиям, в которых мы живем, по условиям вашего национального возрождения тюркских народов, вы, естественно, все «патриоты» своего языка и, естественным образом, вы все в него влюблены. А это есть как раз залог для успешных занятий языком. В частности, пункт, к которому я перехожу, то обстоятельство, что и вы сами и большинство ваших учеников зачастую являетесь двуязычными, т. е. знаете свой родной тюркский язык и в той или иной мере русский,–это обстоятельство, по моему глубочайшему убеждению, есть одно из самых благоприятных условий для развития ума и наблюдательных способностей, остроты этих способностей, ибо когда мы являемся одноязычными, когда у нас один язык,–очень трудно сосредоточить наше внимание перед средствами выражения мысли. Мы ведь интересуемся самой мыслью и остановить внимание на оболочке этой мысли, на языковой форме–представляется крайне трудным. И вот лишь соприкосновение одного языка с другим на почве сравнений,–как одна и та же мысль в разных языках по разному выражена,–естественным образом останавливает мысль на средствах выражения и естественным образом делает человека внимательним к тонким ньюансам мысли и чувства. Это делает его, естественно, более

восприимчивым к анализу и восприятию слова произносимого и читаемого. Обыкновенный человек скользит по читаемому на своем родном языке так, в общих чертах, через пятое на десятое, а вот, когда приходится иметь дело с другим языком, является вопрос, как это сказать,–вот тогда человек, естественно, начинает всячески углубляться и внедряться в текст, в слова. Я думаю, что то двуязычие, которое в русской школе мы стремимся создать, и, по крайней мере, должны бы стремиться создать путем серьезной постановки изучения какого-нибудь иностранного языка, немецкого или какого нибудь другого, это условие у вас всегда имеется, или в большинстве случаев, как мне кажется всегда налицо. Мне кажеся, что вы должны полностью использовать это условие, оно важно со многих точек зрения. Вот в каких смысла это важно. Во-первых, каждый язык представляет нам мир внешний, воспринимаемый мир, великий мир, всяческий мир вообще я своем аспекте, в своем особом виде. Но, к сожалению, за недостатком времени я не могу показать вам этого на примере, почему прошу принять это на веру. В каждом языке мир представлен по разному, понимается по разному. Мы смешиваем веши и слова–веши воспринимаем так, как они даны в словах, и величайший акт культурного развития состоит в освобождении мысли из плена слова. Масса заблуждений человеческой мысли на протяжении всей ее истории сводится к тому, что это было айдело-спекус-идол пещеры, т. е. с какой-то узкой точки зрения, из какого-то одного своего центра и именно, в частности, из своего языка. Язык наш благодетель, но он и наш враг потому, что он нас ведет к неправильным понятиям.

Изучение-двух языков освобождает нас от влияния слова, показывает нам вещи так, как на самом деле они существуют в природе.

Второе, на что я позволю себе указать, это на важное значение–уметь писать, т. е. как выучится писать хорошо, стилистически хорошо владеть писанием. К сожалению, до сих пор все учатся в большинстве случаев как бы ощупью,–талант есть, ну и пишут. А между тем, очевидно, что тут должна быть какая-то сознательность, какое-то умение ценить. Вот я написал. Как это можно понять? И так и сяк–и направо и налево. Уметь оценить это, значить

переставить слова, прибавить словечки–все ли это равно? Нет, не все равно. Сознательное отношение к слову, к значению всяких языковых элементов,–предпосылка хорошего правильного владения стилем. Когда каждое слово на своем месте, то, что человек хотел сказать, может быть понятно только в одном направлении и не может быть толкований ни направо, ни налево. Это есть результат–это точный стиль нашего сознания, который может быть результатом сознательного отношения к слову, сознательного изучения различных оттенков.

У меня есть еще один пункт. Так как в моем распоряжении имеется 2-3 минуты, я остановлюсь на этом пункте.

Это относительно логической и формальной точек зрения в языке. Противопоставление совершенно неправильное–житейское. Логическое–это значит попросту старое, формальное–новое, но старое, конечно, хуже. Я всю жизнь занимался тем, что практиковал старое и сейчас нужно это делать, но и формальное слишком односторонне, слишком узко, и я вполне присоединяюсь к формальной точке зрения, лишь, если под формой подразумевать не только суффиксы и префиксы и проч., т. е. такие грамматические формы, но и разные формы синтаксические в широком смысле этого слова, т. е. и порядок слов, и сочетание слов, и интонация. Тогда я совершенно согласен и тогда, конечно, очень большое значение имеет эта формальная точка зрения, понимающая под формой не только форму слова, но и форму синтаксическую, а и всякие иные формы. Почему? Как и что тут важно? В частности для вас всех это очень важно. Не надо искать в языке тех категорий, которые имеются в русском, латинском, немецком и т. д. Виды в русском языке есть такие, каких нет во французском и немецком и не надо их там искать.

Какие же категории надо искать? Надо искать те категории, которые нашли свое выражение, но, конечно, не только выражение в аффиксе, префиксе, суффиксе и т. д., но те, которые нашли себе выражение и в синтаксических формах в широком смысле этого слова.

Чтобы пояснить свою мысль, я приведу такой пример: я скажу «А он трах его кулаком».–«Я тебе такой трах припишу». Вот «он трах его кулаком», конечно будет какой-то глагольной формой по-

тому, что синтаксическое употребление будет глагольное, т. е. такое же, как у глагола. Этот пример должен иллюстрировать мою мысль по этой части.

Дальше я не буду задерживать вашего внимания, а скажу, что поэтому вопросу, вероятно, в недалеком будущем выйдет моя статья о частях речи, специально посвященная русским учителям. Она выйдет во 2-ом сборнике «Русская речь», который выходит под моей редакцией, (Апплодисменты).

«Основы методики преподавания тюркских языков»

(Тезисы по докладу, читанному на тюркском языке).

Леманов. 1. Что нужно понимать под методикой преподавания родного языка? Законы и условия развития различных методов преподавания родного языка. Устойчивость установившихся методов преподавания и их борьба с новыми методами. Вновь возникшие методы, вводя новые идеи, новые задачи и приемы, редко бывают настолько совершенны и годны, чтобы полностью могли бы быть применены к преподаванию. Применительно к особенностям данного языка и условиям, при которых ведется его преподавание, методы претерпевают ряд изменений и получают применение уже в приспособленном, согласно указания опыта, виде. Отсюда, получивший признание целесообразности в отношении к преподаванию данного родного языка какой-нибудь метод не может претендовать на применение его безоговорочно к преподаванию другого, в особенности из совершенно чужой семьи, языка.

2. Все методы преподавания родного языка по своим исходным особенностям могут быть разделены на две основные группы:

а) Одни те, которые основываются с одной стороны на физиологических и психологических законах восприятий, представления, мышления, речи и их развития, с другой стороны, на роли и значении языка в личной и социальной жизни человека, также в развитии его умственной и культурной жизни.

б) В другой группе будут те методы, которые вытекают из осо-

бенностей данного языка, а также из влияющих на постановку его преподавания наличных об'ективных условий.

Методы первой группы, как имеющие общенаучный характер, могут применяться и использоваться в преподавании каждого языка, с внесением в них некоторых коррективов в отдельных случаях. Нужно отметить, что из этой группы советская педагогика особое внимание уделяет методам и приемам, которые вытекают из роли и значения родного языка в личной трудовой и социальной жизни человека.

Методы второй группы имеют резон в применении к преподаванию определенного языка, но их выявление, оформление и приспособление труднее, чем методы обще-научного характера, в особенности, если вопрос будет касаться выявления особенностей еще грамматически и литературно необработанных языков.

3. Положение тюркских языков, с точки зрения постановки их преподавания и изучения. Нетерпимость прежнего царского правительства к национальному развитию так называвшихся «инородцев» и русификаторская политика в отношении культурно-отсталых тюркских народов России, препятствовали развитию этих народов, как в школьной постановке его преподавания, так и в литературных формах. Примитивные реформы методов преподавания (собственно, приемов обучения грамоте) начатые в конце восьмидесятых годов прошлого века, не могли получить должного развития, хотя с 1905 года школьное дело у тюрок России и преподавание родного языка в их школах немного оживилось, до Октябрьской Революции не появилось более или менее серьезного, хотя бы переводного, труда по методике преподавания тюркских языков ни у одной группы тюркских народностей.

После Октября советская власть своей национальной политикой вдохнула новую жизнь тюркским народностям и своей общепросветительной политикой обязала их позаботиться о развитии своего языка и литературы и об улучшении его обучения в школе, применительно к требованиям советской педагогики в этом отношении.

4. Началась оживленная работа тюркских народов СССР над своим языком, школьное строительство с приспособлением языка для этой цели. Но различные их группы занимают в этом деле различное положение, в зависимости от степени школьно-литературной подготовленности своего наречия и наличия культурных сил среди себя. Педагогически подготовленных лиц, в общем, везде пока мало.

Отсюда вопрос о надлежащей постановке преподавания родного языка–очередная задача для всех тюркских народов СССР. Это дело у всех у них в зачаточном виде. Требуется особая интенсивность и умелое организованное ведение дела, чтобы тюркские народы смогли в деле постановки развития преподавания своего языка в школе, если не догнать, то хоть не так отставать от передовых народов СССР в этом отношении.

5. Основной базой для нормальной постановки преподавания в школах тюркских языков и гарантией приноравливания этого преподавания к требованиям научных методов обучения может быть наличие достаточно развитых и педагогически подготовленных учителей. Отсюда необходимость мероприятий, направленных к подготовке новых и расширению познаний уже имеющихся учителей. Создание общих и педагогических учебных заведений (институтов, техникумов, курсов) для групп близких наречий с соответствующим курсом методики преподавания тюркских языков в них.

6. Обратить внимание на создание, а где уже началось, на развитие педагогической литературы. Уже проверенные опытом и признанные советской педагогикой общие для всех языков научные методы преподавания родного языка должны быть переведены на тюркские наречия. Желательно, чтобы это производилось под руководством авторитетных учреждений и лиц по целесообразному плану.

7. Необходимы на тюркских наречиях педагогические периодические издания для постоянного общения тюркского учительства с советским педагогическим миром и трактовки и разработки вопросов преподавания в тюркских школах вообще и родных тюркских наречий в частности.

Методы, основанные не на особенностях тюркского языка и его наречий, могут быть успешно выявлены и надлежаще разработаны, когда будут установлены, вытекающие из самой сути тюрк-

ского языка, нормы и формы для его орфографии, грамматики, лексикона, терминологии литературы. Отсюда научная разработка и литературное усовершенствование тюркского языка и его наречий должны быть рассматриваемы, как таковое условие для выработки точных и целесообразных методов преподавания тюркского языка. В этом отношении даже передовыми тюркскими наречиями сделано сравнительно немного, поэтому вопрос о научной разработке языка перед всеми тюркскими наречиями стоит, как очередная задача.

8. Для разработки вопросов преподавания тюркского языка и на тюркском языке, а также для руководительства работами по созданию тюркской педагогической литературы, необходимо усилить и расширить подготовку в пед ВУЗ'ах нашего Союза педагогов из представителей тюркских народностей СССР.

Создание высшего педагогического научного учреждения для общего руководительства школьно-педагогическими делами тюркских народностей должно быть признано диктуемым, с одной стороны, исключительным положением этих народностей, с другой стороны, государственными интересами, требующими скорейшего культурного уравнения тюркских народностей с остальными народами Советского Союза.

9. Что касается применения в настоящее время методических приемов к преподаванию родного языка в тюркских школах, то это обусловливается, прежде всего, наличием обладающих достаточной подготовкой тюркских учителей и наличием соответствующих учебников–учебных пособий на тюркском языке. В этом отношении тюркские школы пока оставляют желать очень многого. Потому приходится сказать: применять постольку, поскольку сами возможности позволяют. Учитель неизбежно будет преподавать так, как он умеет и может, пока его самого не переделаешь. До тех пор все требования будут безрезультатны.

(После содокладов Эфенди-Заде и Саади на тюркском и татарском языках, слово предоставляется т. Шарафу,).

Галимджан Шараф: Хотя уважаемы' проф. Щерба был моим учителем, все же разрешите мне быть не согласным с ним по одному моменту. Он сказал, что метод целых слов возник в странах

с не-фонетической орфографией и приспособлен только для таких языков, при орфографии фонетической же лучше звуковой метод. Относительно места возникновения звукового метода я с ним вполне согласен. Но о преимуществе его только при плохой орфографии–я с ним не согласен. Я напоминаю профессору, что сам процесс чтения, независимо от орфографии, остается одним и тем же при всякой орфографии. Правда, старые методисты, сторонники звукового метода, утверждали, что у детей процесс чтения иной, чем у взрослых, будто бы дети читают по буквам и словам, но опыты над детьми, обучающимися по американскому методу, показали, что у них тот же процесс чтения, что и у взрослых, показали, что при звуковом методе преподования и у них и у взрослых, обучающихся в группах ликвидации неграмотности, процесс чтения одинаков; процесс чтения не по слогам и буквам. Такие ортодоксальные, звуковисты, как Вахтеров, также сделали определенную уступку американскому методу, что видно из последнего издания их трудов. Известные методисты, как Афанасьев и некоторые другие, перешли от звукового метода к американскому методу.

Что же касается вопроса, какой метод лучше, то скажу, что при плохой орфографии звуковой метод должен быть признан совершенно негодным, а при фонетической орфографии звуковой метод создает неправильный процесс чтения и потому должен считаться не педагогичным. Если профессор большое распространение в СССР американского метода объясняет увлечением новаторства, то чем он объяснит все большее и большее завоевание, которое имеет американский метод среди западноевропейских педагогов, как видно из всей литературы по данному вопросу? Если мы перейдем к специальному вопросу о применении того или иного метода к тюрко-татарским языкам, то придется признать, кроме общего характера, преимущество американского метода в части выразительного чтения. По части сознательного чтения, присущего всем языкам, придется признать и некоторые дополнительные преимущества американского метода. Эти моменты выяснятся, если мы вспомним о законе сингармонизма в тюркских языках, создающим общую характерность слова. Например, если мы возьмем слово «сюз» и слово «суз» (Пишет). Напишем по татарской

орфографии, и если мы возьмем это слово, напишем по латинской орфографии, если взять его применительно к тюркскому языку, поскольку в татарском языке вообще имеются звуки мягкие и твердые, то американский метод безусловно тут является наиболее подходящим методом. Это остается верным и при выборе обоих способов орфографии применительно для тюркского языка. Будем ли мы использовывать сингармонизм, т. е. например, для согласных оставим по одной букве для твердой формы и мягкой формы, а для гласных возьмем только по одной, но за скобку вынесем знак твердости и будем утверждать, что это относится ко всем словам, то и тогда в этом случае, как написано по татарским буквам, схватывание методом звуковым безусловно неприменимо потому, что знак твердости показывает твердость всего слова, а если мы возьмем другую систему орфографии, систему парных гласных, то получим следующую историю. Мы когда показываем слово «сюз» и «суз», то для этого по звуковому методу нужно показать букву «ﺴ », Она в тюркском языке не только гласная, но и согласная. Мы имеем два значения; «с» твердое и «с» мягкое. Как показывает экспериментальное фонетическое обследование приборами,–а также обследования были поставлены в частности в Казани мною в кабинете профессора Бородицкого,–они показывают, что «с» мягкое и твердое является совершенно самостоятельными звуками в татарском языке. Если мы показываем «с», то мы его можем показать или в твердой форме или в мягкой,–одно из двух. Когда детям мы будем показывать в слове «суз» то должны отдельно показать букву «с», но когда мы будем переходить к слову «суз», дети должны будут читать «суюз» или вроде этого, а если мягкое, то слово «суз» будем читать по другому, если последовательно подходить с точки зрения американского метода, так, что тот метод орфографии, если звуковой метод будет сохранен, он совершенно не подходит для тюркского языка, но последовательно должен применяться американский метод.

В заключение воспользуюсь случаем по тому же вопросу и отвечу профес. Чобан-Заде. Он сказал, что некоторые ученые, сторонники американского метода, в том числе и я, отрицают значение буквенных звуков в американском методе. Я должен

раз'яснить, что в своем докладе я подходил к вопросу об американском методе исключительно с точки зрения процесса чтения, причем отдельно отмечал значение букв и процесс чтения так, что не употреблял и не мог употреблять выражения отрицающего значение отдельных букв. Поскольку я знаком со всей русской методической литературой по этому вопросу, я могу сказать профессору, что и русские ученые, по крайней мере заметные, этого не делают. Что же касается заявления, что американский метод сводится к показанию всего предложения и потом его разделяют будто бы на отдельные слова, слова разделяют на буквы и, таким образом, указывают, что тут происходит путаница между чистым американским методом и аналитическим звуковым методом, являющимся невольной уступкой со стороны звуковых видов американскому методу (Апплодисменты).

После выступления т. *Одабаша,* оглашается список Комиссии по вопросу о методах преподавания родного языка:

1) Щерба,
2) Леманов,
3) Эфенди-Заде,
4) Шараф,
5) Сиюхов,
6) Байтурсун,
7) Закир Шакиров,
8) Бектуре.

Заседание закрывается в 8 час. 45 мин.

ШЕСТНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председательствует т. **Агаиадм-Оглы.**

Ольденбург. (Продолжительные апплодисменты). Раньше чем приступить к своему докладу, я с разрешения председателя, позволю себе сделать то, что я по болезни лишен был возможности сделать в первый день нашего С'езда. Академия Наук СССР поручила мне выразить горячий привет 1-му Тюркологическому С'езду. (Апплодисменты).

Академия, которая с давних пор–о чем я позволю себе сказать несколько слов потом–интересуется занятиями по тюркологии, позволяет себе к настоящему С'езду представить дар ему, с тем, чтобы затем, эти вещи были переданы туда, куда С'езд сочтет наиболее подходящим. Вот три альбома, которые находятся здесь. (Передает их председателю). В этих альбомах заключаются материалы, собранные экспедициями Академии на территориях, на которых живут народы, говорящие на тюркских языках. Вот почему казалось наиболее целесообразным представить этот материал именно сюда. Первый из этих альбомов касается древностей т. н. Восточного Туркестана, который по большей части представляет памятники буддийские. Как вам хорошо известно, турецкие народы не были чужды и буддизма, в свое время и в буддийском искусстве мы находим следы тюркского влияния. Вот почему нам казалось, что этот материал будет интересен так же, как и материал другой из Западного Китая, из страны, где тоже говорят еще на тюркских языках до настоящего времени. Третий альбом-по шаманству, большей частью тюркских народов, материал, который находится в наших музеях: Антропологическом и Этнографическом и который известен, вероятно, не одному из настоящих участников С'езда. Академия вместе с тем думала, что было бы правильно отметить и тот юбилей, который был отмечен здесь на нашем С'езде, юбилей великого писателя Неваи, и она предпола-

гает этой осенью выпустить сборник, в котором будут сообщены сведения и материалы о Неваи, имеющиеся в наших библиотеках. К ним будут присоединены снимки с некоторых из наиболее интересных рукописей, в которых помещены и миниатюры. Нам казалось, что именно таким образом мы наиболее достойно почтим память великого турецкого писателя. (Апплодисменты).

Напомню, что эти наши занятия восходят к очень давнему времени. Вам хорошо известен классический труд академика Бетдинга по якутовскому языку, который до сих пор является руководящим для тюркологии. Напомню о главнейшем словаре разных турецких языков, который был издан также Академией,– труд академика Радлова. Вам известны также его образцы народной словесности турецких племен, эта сокровищница, где скрывается народная словесность турецких племен. Укажу на то, что сделано академиком...?...для исследования орхонских памятников, и знаменитый большой орхонский атлас, который находится в руках почти у всех тюркологов. До самого последнего времени продолжается эта работа. О ней товарищи знают, я здесь подробно не касаюсь этого, но я хотел вам напомнить о том глубоком интересе, который наша Всесоюзная Академия всегда питала к тюркологии. Таким образом, еще раз приветствую С'езд от ее имени и желаю ему больших успехов. (Апплодисменты).

Для того, чтобы оставаться в пределах назначенного мне времени я свой доклад написал потому, что опыт показал, что к сожалению ораторы очень склонны увлекаться своим предметом. Понятно, каждый из нас дорожит тем, что он исследовал, что он знает, но время наше дорого и поэтому позвольте приступить к чтению моего доклада.

Методы краеведческой работы среди тюркских народов

Краеведческая работа явление весьма старинное, почти столь же старинное, как и сам сознательный, исследующий человек, но как общественно-научное явление краеведение нечто новое, у нас даже чрезвычайно новое–послереволюционное.

Правильно, что вопрос о краеведении у тюркских народов поставлен на программу Первого Тюркологического С'езда потому, что именно краеведение в среде тюркских народов призвано произвести чрезвычайно большую работу. Во многих докладах на С'езде уже отмечалась необыкновенная сложность тех этнических групп, которые мы теперь называем тюркскими народами. Говорилось и об исключительной трудности выявления и определения тюркских элементов среди многочисленных наслоений или новообразований. Все это указывает на необходимость именно среди тюркских народов развить краеведческую работу. Потому, что краеведение одно в состоянии вести необходимые исследования путем исключительной интенсивности, самой полной детализации и дифференциации. Никакие экспедиции, как бы высоко квалифицирован и компетентен не был их состав, не в состоянии вполне справиться с задачами, требующими стационарного метода работы, каким является по существу своему краеведческий метод.

Если таким образом ясно, что с тюркологической стороны столь важен краеведческий подход, то мы прежде всего поставим вопрос, что же в этом отношении уже сделано и что делается в настоящее время? Нам известно, что на весь наш Союз приходится примерно 1500 краеведческих учреждений, из которых в лучшем случае на тюркские республики приходится несколько сот, причем из этих сотен целый ряд ведет не чисто краеведческую работу. Если сравнить с этим маленькую Финляндию с ее тысячами краеведческих учреждений, то станет ясно каждому, что у нас краеведческое дело в самом еще только зачатке. И оно вполне понятно: для процветания краеведения нужна в общем довольно цивилизованная почва, которая у нас пока почти совсем еще отсутствует, также как не высока у нас и степень духовной культуры. При таком положении особенно трудно привить массам интерес к краеведению, а только при прививке краеведческих интересов широким массам и возможно рассчитывать на настоящий успех краеведческой работы.

В самом деле, к чему желаем мы привить интерес, говоря о краеведении? К самому обыденному, повседневному, тому, что окружает нас непосредственно, что всякому человеку прежде

всего покажется неинтересным, не заслуживающим никакого серьезного внимания.

Начну с топонимики, с тех названий местностей, необходимость точного знания которых понятна каждому тюркологу, ибо по этим названиям делают самые важные исторические выводы, создаются рабочие гипотезы. Между тем стоит только всмотреться повнимательнее в наши карты, чтобы убедиться, что здесь дело обстоит совершенно не благополучно. Укажу из массы примеров два: мы на среднеазиатских картах, особенно больше на восток, находим при озерах и горах очень часто несомненно невозможные для тех местностей формы «куль» и «таг», которые могли бы дать неверное указание на состав населения. Попали они, очевидно, по вине путешественников, которые записали более знакомые им формы, но вина лежит, несомненно, и на местных жителях которые, очевидно, и сами не придавали особенного значения местным названиям, явление, которое путешественники могут засвидетельствовать. Оно ярко иллюстрируется примером того топографа, который еще в конце 19-го века при с'емке северной части Тянь-Шаня добросовестно обозначал ряд горных вершин названием «худо биле», (бог его знает!), удивляясь только тому, что так много одинаковых названий. Конечно, надо было знать язык ведшему с'емку, но в данном случае только отпала бы юмористическая фантастика, которую сейчас исправили знающие люди, а осталось бы «гора неизвестного названия». А насколько трудно добиться названия настоящего, т. е. принятого в данной местности, во время краткого пребывания или проезда, знают все путешественники, и об этом громко говорит разноголосица наших карт. Тут и знание языка не помогает путешественнику, так как местное население в массе мест относится совершенно равнодушно к местным названиям мест, рек, гор и т. д., для него это просто «вода», «река», «гора» и он, живя бок о бок с этой рекой или горой всю жизнь, никогда не спрашивает себя об их названии. Так же трудно бывает зачастую узнать даже название местности потому, что местный житель может указать и название округа и название ближайшей почтовой станции, полагая, что они важнее и интереснее, чем название его деревушки или поселка. Один только краевед, сам мест-

ный житель, может справиться с настоящей номенклатурой своей местности, если только он должным образом проникнется сознанием большого значения топонимики для решения важных исторических вопросов.

Если мы, установив с точностью все названия, оглянемся на населенное место, то нам необходимо будет уяснить себе его план, который в большинстве случаев поможет нам разобраться в причинах, почему в глубокую старину или, может быть, в недавнее время человек остановился на данном месте для поселения. Зачастую и выбор местности, а особенно план поселка, может быть, и важные этнические указания потому, что у большинства народов свои определенные жилые навыки, приобретенные ими или в местности, откуда они родом, или, где они долго жили.

В тесной связи с планировкою поселения стоят и принципы построек жилых и служебных потому, что они прежде всего зависят от условий местности и от строительных материалов. Для того, чтобы убедить местных жителей в желательности составления планов их жилищ, придется потратить много убеждений, дать много объяснений, п. ч. повторяю, именно по отношению к обыденному труднее всего убедить человека научно неподготовленного, что только понимание, осмысление обыденного в массовом масштабе и дает твердый базис науке, на которую обыватель в общем так полагается на веру. С теми же трудностями вы встретитесь, когда дело коснется пищи, одежды, а затем всего календаря быта, как в его трудовой части сельско-хозяйственной или ремесленной или торговой, так и в части внутреннего быта. Даже в среде очень культурной нет привычки учитывать и осмыслять факты повседневной жизни, вследствие чего ценнейшие наблюдения бытового характера не производятся вовремя и теряются навсегда. Долгою, зачастую мучительною, и полную лишь догадок или попыток разгадок работою приходится нам частично восстановлять то, что своевременная запись дала бы нам в цельном, и потому более ценном, виде. Настолько кажется ясно и несомненно то, что я позволю себе повторять здесь, что как будто незачем повторять такие общие места! К сожалению, жизнь говорит другое. Как ни общеизвестно то, что здесь сказано, тем не менее необходимые наблюдения производятся в ничтожном количестве, про-

изводятся до сих пор случайно, и мы нигде не имеем, ни для одной местности тех массовых записей, которые необходимы для более широких, надежных обобщений. Программ для собирания сведений существует много, но большинство этих программ не имеет ввиду определенную местность и потому на местах сведения продолжают собираться мало систематически.

Есть вопрос, который для нас с точки зрения тюркологии представляет совершенно исключительный интерес, это правильный письменный, национальный учет населения, один из самых трудных учетов. Сейчас он приобретает острую актуальность, п. ч. нам, как известно, предстоит ряд всесоюзных статистических переписей, среди них, особенно для нас важная, демографическая. Обсуждение этого вопроса, имевшее место на пленуме Ц. Б. Краеведения, в котором участвовали и некоторые представители Кавказа, ясно показало, как мало еще краеведческие организации приготовились к этому важнейшему этапу жизни нашего Союза. Не следует забывать, что в целом ряде случаев единственною исходною цифровою точкою является для нас во многом очень неудовлетворительная перепись, произведенная в 1897 г., почти тридцать лет тому назад. Такое положение, особенно в стране растущей так быстро, как наш Союз, долее не терпимо. Но вместе с тем надо твердо помнить, что неверные неточные цифры–это злейший враг, громадная помеха в жизни, и наш С'езд должен обратить особенное внимание на демографическую перепись. Укажу только, хотя бы на то, каким громадным орудием прогресса экономического и общественного стали для Индии переписи, повторяемые каждые 11 лет и разрабатываемые с изумительной полнотой и громадной быстротой.

При учете населения, результаты которого будут потом наноситься на карты, необходимо иметь в виду нанесение на карты базиметрического типа, учитывающие реальное расселение населения и густоту его. Громадное преимущество этих карт состоит в том, что они избавляют нас от фантастических представлений о расселении народа в местностях необитаемых, причем особенно ярко и рельефно выступает роль воды в деле расселения, где получают значение не только реки и озера, но и источники и места, где возможно искусственное получение воды.

Для учета тюркского населения Союза перепись должна нам дать надежный материал, и на это должны обратить соответствующее внимание все республики и готовить население при помощи краеведческих организаций. Правильно поставленная агитация в пользу переписи заложит в широких массах населения твердую базу для дальнейшей краеведческой работы, значение которой ясно, конечно всем.

Мы коснулись т. о. первой стороны вопроса, почему у нас краеведение не становится еще на надлежащее положение, и выяснили, что трудность происходит от непонятности для широких масс самого об'екта краеведения, каковым в первую голову является повседневная жизнь, все, непосредственно нас окружающее, в этой именно своей близости к нам непонятное, как только его предлагают сделать предметом изучения, учета. В этом отношении действительную и притом весьма серьезную помощь могла бы оказать только одна повседневная печать, которая одна имеет характер близости к нам, входит целиком в нашу жизнь каждого дня. Книга, даже брошюра, стоят дальше от нас, они спутники либо нашего редкого досуга, либо орудие нашей работы, но в самую гущу наших жизненных будней они не входят, туда входит только газета.

Как это ни странно, газета, однако, до сих пор не пришла на помощь краеведению, правда, газеты добросовестно печатают отчеты о краеведческих заседаниях, доброжелательно рецензируют книги по краеведению. Все это они делают, но за то, это и все. Не такая помощь нужна нам краеведам от повседневной печати. Мы ждем и все не можем дождаться газетного краеведческого похода, который всколыхнул бы широкие читательские массы и показал бы им, что тут вот рядом, в их собственной жизни лежат важные элементы творческой работы, которая позволит совсем по новому осветить и осмыслить эту самую жизнь. Трудно сейчас даже учесть последствия такого похода, но они несомненны для каждого, кому дорого и близко краеведческое дело. Я прошу поэтому представителей печати, уделяющих столько внимания нашему С'езду, обратить внимание на мои слова и почувствовать, как много от них зависит для того, чтобы в тюркских странах нашего

Союза слово «краеведение» перестало быть только ученым термином, а сделалось явлением обыденной жизни.

Но мне, конечно, скажут: ваше желание исполнится, краеведением заинтересуются, больше, краеведением увлекутся, что-же дальше? А дальше, конечно, что–правильная организация краеведения, в основе с тем, о чем мы пока только мечтаем, но чего мы в жизни настоящим образом, как жизненное явление, еще не видели–низовою краеведческою ячейкою. Всякий краевед понимает, что я разумею под этим, но для некраеведов я поясню, что мы имеем в виду или крестьянскую деревенскую или городскую рабочую ячейку, которые–та и другая–стоят непосредственно близко к жизни деревни и города. До сих пор усилия в этом направлении приводили, за редчайшими исключениями, лишь к участию отдельных крестьян и отдельных рабочих в краеведческой работе. Это не то, чего требует жизнь, когда речь идет об участии широких масс в краеведческом движении: нужно, чтобы из масс выростали соответствующие организации и первою из них–низовая краеведческая ячейка.

Для жизненности этой ячейки важна непосредственная связь ее с школою, при участии в ее работе учителей и учительниц. О роли школы в краеведческом деле писано много, и мы все знаем, что краеведение, как материал школьного образования и воспитания, широко вошло в жизнь новой советской школы. Спорным для некоторых остается вопрос об участии самих детей в краеведческой работе, уже не в целях педагогических, а в целях практических. Здесь сразу следует указать, что краеведение вовсе не такое простое дело, чтобы школьник, даже весьма способный, мог бы еще на школьной скамье стать краеведом. Это не значит конечно, что тот или другой школьник не может сделать более или менее того или другого, даже важного, научного открытия: найти редчайший минерал, растение, насекомое и т. п. Но это не сделает еще школьника ученым, и надо, чтобы молодежь не обольщалась и не думала, что через краеведение путь к науке легок. Этот путь науки всего труднее, зато верный. Мы имеем т. о. в новой краеведческой структуре: низовую ячейку и ЦБК. Все могущие понадобиться промежуточные организации зависят уже от чисто местных условий, которые никогда нельзя заранее предвидеть. На одно конечно, при этом должно быть обращено особенное внимание: поменьше предписаний сверху, больше самодеятельности на местах. Залог успеха в том, найдутся ли на местах люди, которые поймут все громадное значение краеведения, этого самого могущественного орудия для поднятия культуры народа. Если найдутся, то найдутся и лучшие формы организации.

Всюду в нашем Союзе наша чуткая молодежь, учащаяся в ВУЗ'ах, начинает сознавать свои обязательства по отношению к краеведению, от этой молодежи надо особенно много ожидать работы потому, что связь их с местами крепка, это дети, братья и сестры тех, кого необходимо на местах вовлечь в работу, дав им понимание ее значения. Я говорил с некоторыми представителями вашей молодежи здесь и в Ленинграде и вынес впечатление, что они хотят работать, пусть только наркомпросы всех республик дадут возможность материальную для реализации работы.

Здесь мы пришли ко второму, организационному моменту. Если низовые ячейки–дело местное и должны существовать сами, с небольшими субсидиями для привлечения работников со стороны, то, как только мы переходим к более крупным центрам, где уже нужны сравнительно большие библиотеки, а не библиотечки ячеек, и настоящие музеи, значение которых громадно и выходит уже за пределы краеведения, не скромные собрания узко-местной природы и быта, где наконец в отдельных местах нужны и Институты Краеведения, которые могли бы научно консультировать и на организуемых специально курсах готовить и освежать периодически краеведческих работников, то здесь без активнейшего материального и морального содействия наркомпросов мы ничего не сделаем. Мы ждем от наркомпросов глубочайшего внимания к краеведению, ибо в их бюджетах не будет более производительного расхода, как расход на краеведение. Мы убеждены, что наркомпросы уже сознают это и придут в самой широкой мере навстречу краеведению, сделают это дело тоже и своим, связав теснейшим образом школы, ВУЗ'ы, научные учреждения с краеведением.

Когда войдут в жизнь, хотя бы в малой мере, эти организации, должны начаться С'езды. Мне скажут, были уже краеведческие с'езды, знаю, и с'езды очень почтенные, давшие уже серьезные результаты, и повторение которых следует всячески приветствовать, но это с'езды более широкого научного, исследовательского характера, с'езды, хотя и в меньшем масштабе, того же типа, как наш. Я говорю о других с'ездах, гораздо более скромных к узких–для об'единения работы низовых ячеек; они должны быть сравнительно часты, по определенным районам, которые ближе выяснят жизнь и должны носить по преимуществу характер отчетно-организационный, готовить отдельных работников и к более широким, в конце концов, даже общесоюзным С'ездам.

Для всех этих организаций, особенно низовых, нужны формы работы. Конечно, нельзя в кратком докладе указать все формы, но все самое главное может быть намечено. Есть одна форма, которой, несмотря на ее очевидные преимущества, еще мало пользуется наше краеведение, но которая на Западе пользуется громадной популярностью, это картотеки.

Если мы примем во внимание, что краеведение, особенно тогда, когда оно становится явлением массовым, собирает колоссальные по об'ему материалы, что станет совершенно ясным, что ни о каком печатании этого материала, в сколько-нибудь значительных размерах, не может идти и речи. Но материал этот драгоценный, и он должен быть приведен в такой вид, чтобы им можно было пользоваться, для этого и существует картографирование, и в краеведческих центрах усердно занимаются вопросами картографирования разных краеведческих категорий. Это картографирование не есть составление географических карт, которым, конечно, тоже занимается краеведение, а есть нанесение на карточки по определенным схемам всего материала, собираемого на местах как по отношению к человеку, так и по отношению к природе. В эту карточку должен войти и тот календарь быта населения отдельных местностей, от которого мы ждем чрезвычайно много и в научном и в общественном отношениях. У нас все говорят и пишут об этом целые книги–о новом и старом быте. Но все это личные впечатления более или менее талантливых наблюдательных бытописателей. Нам этого уже теперь мало. Нам нужна цифровая и фактическая основа. Когда эти календари быта будут собраны за несколько лет, их обобщение позволит нам сделать надежные выводы, о которых мы пока и мечтать не решаемся. Точно также и с нанесением на карточки других материалов явится возможность совершенно новых работ, статистика, столь для нас важная, получит ценнейшего для него помощника, экономика может опереться на исключительно громадный материал, вся практическая жизнь осмыслится и упорядочится. Не даром в круг нового образования усиленно вводятся навыки картограмм и диаграмм; на почве картотек они получают особенно широкое развитие и фактическое, постоянно подлежащее контролю, обоснование. Рядом с этим материалом получат место и карты географические, дальнейшая ступень графического общения, увязка тех или других данных с условиями географическими, как принято говорить, с географическим ландшафтом. Сюда же войдут и планы, планы поселений, планы домов и вообще жилья и подсобных сооружений. Такие широкие перспективы и научные и практические открываются перед нами при правильной постановке местных картотек, что боишься уже перейти в область чуждой нам в нашей с'ездовой работе мечты. Если так важна для краеведения картотека, то важна для него и библиотека, но библиотека, построенная на несколько особенных основаниях, где письменному элементу придется уделить значительное место рядом с печатным. В связи с этим нам придется коснуться и краевой библиографии. Для чисто краеведческой библиотеки, кроме небольшого количества справочников общего характера, нужных для текущих работ и состав которых зависит от интересов краеведов данной организации в данное время, нужно сравнительно небольшое количество книг потому, что литература даже наиболее исследованных местностей, до сих пор не достигла еще значительных размеров, если понимать правильно термин краеведческая литература и не придавать ему неправильно расширенного значения. Но одними печатными книгами, как я только что говорил, обойтись нельзя будет потому, что зачастую о данной местности в большом, многотомном труде сказано будет несколько строк, в крайнем случае несколько страниц.

Было бы совершенно нецелесообразно приобретать громадное сочинение, зачастую уже почти не находимое, для этих нескольких страниц, тем более строк. Здесь нужны выписки, аккуратно составленные и включенные в библиотеку. Нужно сказать что наши краевые библиографы с этой стороны грешат тем, что они в большинстве случаев не указывают, что именно в цитируемых ими книгах имеет отношение именно к данной местности, точно также как у нас краеведческая библиография недостаточно дифференцировалась и не дает краеведу в руки всего того материала, который ему нужен. Так, если теперь краевед, лишенный на месте своей работы нужных ему книг, приезжает в центр, где он найдет нужные ему, он не знает, где искать, и теряет драгоценное рабочее время. Краеведческая библиография нуждается в серьезной и продуманной переработке а, кроме того, она пока и совершенно недостаточна количественно: большинство местностей нашего Союза еще ждут своих библиографов.

Остается сказать еще только об одной из форм краеведческой организованной работы, дающей ей возможность широко выявится. Зто издательство. Если мы возьмем краеведческую литературу количественно, то она нас почти подавит своим об'емом,–столько напечатано за короткий промежуток истекших послереволюционных лет; а если мы еще возьмем прежнюю литературу, которую мы вправе назвать краеведческой, то мы почти потонем в море литературы. И тут приходится пожалеть, что не сделано до сих пор серьезных попыток систематизировать эту громадную, сейчас буквально необ'ятную, литературу потому, что мы при, таком богатстве постоянно сидим без нужных нам данных. Но это еще мало, относительно современности наши пробелы очень крупны, и у нас крайне ограничено число образцовых трудов, которыми мы могли бы руководствоваться. Затем, в нашем краеведческом издательстве нет никакой планомерности, у нас до сих пор отсутствуют совершенно необходимые специальные краеведческие серии.

Отсутствуют у нас почти и совершенно необходимый вид краеведческих изданий, без которых работа не может быть надлежащим образом поставлена: это–программы для собирания сведений

в полном соответствии с местными условиями. У нас существуют тысячи программ, из них многие превосходные, но они не учитывают в своей общей постановке, местных особенностей, и для работника, еще не достаточно опытного, зачастую непонятно, как ему эту общую программу применить у себя. Поработка новых программ с этой точки зрения вопрос злободневный.

Ощущаем мы большой недостаток и в монографиях, где специалисты проработали бы для нас показательно краеведную единицу–деревню и т. п. У нас есть несколько таких работ, назову только всем известный труд Феноменова об одной новгородской деревне, но это страшно мало, и они почти все касаются только одной части нашего Союза. Значение таких монографий давно сознано на Западе, где их много и превосходных. Укажу на то, что и Восток уже вступил на этот путь, и мы в Индии имеем несколько прекрасных монографий по индийской деревне, могущих служить образцами для краеведов.

Нам необходимы справочники по краеведческим организациям по примеру того, который был издан ЦБК в Ленинграде в 1925 году и который будет переиздан в 1926 году, его предположено сделать ежегодником. Нужно только больше содействия с мест. Знаю, как один из составителей Справочника, сколько труда нам стоило получить сведения, более или менее точные, от местных организаций, причем скажу, что к пропускам, зачастую по их вине, эти организации очень чувствительны.

Нужны нам журналы, об'единяющие и обобщающие нашу работу, но это вопрос, уже выходящий за пределы моего доклада, рассматривающего краеведение все же с более специальной, тюркологической точки зрения.

Я постарался вам наметить те вехи, которые, как мне кажется, должны быть намечены в нашей краеведческой работе, самое главное, чего мне хотелось бы достичь своим докладом, мне хотелось бы, чтобы сведения о нем перешли бы за пределы этого зала, где по большей части сидят люди уже убежденные в том, что я говорил, а именно, что без краеведения, без надлежащей постановки краеведческого дела, без создания этих низовых ячеек никакие наши тюркологические работы во всех этих прекрасных

конспектах, которые перед нами здесь рисовались, рисуются и будут рисоваться,–немыслимы. Только когда, действительно, сознание необходимости осмыслить свою жизнь, осмыслить явления повседневной жизни станет достоянием всей массы тюркских народов, тогда мы скажем, что тюркология зиждется на прочном базисе, тогда мы действительно скажем, что у нас великое будущее.

Позвольте, поэтому вместе с вами пожелать, чтобы в странах тюркских языков и народов краеведение стало делом живым, чтобы каждый чувствовал, что он обязан быть краеведом, что он обязан помочь образованию этих низовых ячеек. Еще раз повторяю свою просьбу к печатникам, пусть они поднимут тот поход за краеведение, в котором мы все примем участие, как один человек.

Да здравствует тюркологическое краеведение! (Продолжительные апплодисменты).

Председатель. Т. т., есть предложение прений по докладу не открывать. Возражений нет.

Рюмин. Т. т., если у нас существует Всесоюзный староста тов. Калинин, Всесоюзный староста науки тов. Карпинский, то быть может Тюркологический Всесоюзный С'езд даст имя Всесоюзного Старосты Краеведения Сергею Федоровичу Ольденбургу. (Продолжительные апплодисменты).

Идельгужин. Я взял слово для справки для того, чтобы не оставлять в заблуждении делегации 1-го Тюркологического С'езда. Тов. Габитов, выступавший здесь от наших делегаций, до некоторой степени перегибал палку в обратную сторону. Я при этом не был, но слышал, будто бы он сказал, что в Татаро-Башкирской республике препятствовали созданию литературы на башкирском языке, будто бы было постановлено сдать все издания башкирские на хранение. В период организации Башкирской Республики и во время создания башкирской литературы были разногласия между татарами и башкирами на почве непонимания друг друга, но, наконец, благодаря усилиям наших партийных и других организаций Башкирской Республики, эти разногласия изжиты раз навсегда, и у нас ни каких разногласий между татарами и башкирами на почве создания башкирской литературы и в остальных крупных политических вопросах сейчас не имеется. Мы изо дня в день общими силами работаем для общего блага трудящихся масс Башкирии.

Вторая справка. Тов. Габитов безусловно не выдержанно высказался относительно того, что будто бы башкирские ответственные работники остаются под влиянием мулл во время издания литературы на башкирском языке. Это не правильно, ибо все ответственные работники-башкиры и остальные работники-русские товарищи стремятся во что бы то ни стало увеличить и создать литературу на башкирском языке. Такого рода заявления, если имеются здесь,–я здесь не был,–со стороны тов. Габитова, то это его личное впечатление, личный взгляд. Что касается общественного мнения, то оно совершенно стоит в стороне.

Итоги и перспективы изучения литературы тюркских народов

Кепрюлю-Заде выступает с докладом на турецком языке. (Апплодисменты).

Итоги и перспективы изучения литературы анатолийско-балканских турок

Ф. Ф. Менцель. Тюркские народы с тех пор, как они вступили в мировую историю, никогда не стояли в центре собственной культуры. Окружающие их культуры: китайская, индийская, исламо-персидская, византийская подчиняли их себе и накладывали на все свою печать.

Чужое влияние извращало их взгляд на ценность собственного своего. С самых древних времен была у тюркских народов особенная народная литература, от которой мы имели некоторые отзвуки особенно в разных видах четверостиший: مانى، تورکو، تورکمانى تويوغ...

Под напором чужого влияния, переоценки и подражания чужого ни одно из тюркских племен не имело смелости самостоятельно смотреть на собственную литературу. Считалось даже недостойным упоминать о собственной народной литературе.

Предпочтение чужого шло так далеко, что многие турки писали свои сочинения преимущественно на чужих языках, в особенности по персидски и арабски, чтобы им дать с самого начала какую нибудь научную и литературную значимость. Персидский язык

оставался до османского периода придворным и административным языком малоазиатских сельджуков.

Так многочисленные произведения турецкого творчества принадлежат не турецкой по языку литературе.

Неуважение к собственному и переоценка и рабское подражание чужому можно констатировать и в попытках составления истории турецкой литературы. Здесь применяется та же самая манера, как у других мухаммеданских народов, т. е. биографическая. Замечательно, что эта склонность к биографической системе развивалась при заметном неумении, особенно персов, довести биографию до конца. Они довольствуются самым скудным материалом, который часто не выдерживает никакой критики, и стараются, недостаток материала и монотонность данных, которые вечно повторяются, прикрыть стилистическим костюмом и многословием.

У народа столь одаренного историческим чувством и бесспорной любовью к истории как у турецкого, не понятно было бы оставление без внимания писания истории литературы. Фактически оно и существует и развивается самым богатым образом особенно у того народа, который кроме восточных турок, развивших очень рано джагатайскую литературу и историю литературы до замечательной высоты, т. е. у западных анатолийско-балканских турок.

Анатолийско-балканские турки являются наследниками и потомками огузских сельджуков. Они получили самое большое политическое и литературное развитие между всеми тюркскими народами вообще. Анатолийско-балканский язык развился до уровня современного европейского культурного языка. Турки завязали сношение с Европой, особенно через посредство французского языка. Несмотря на свою сравнительно малую численность (приблизительно 8 миллионов) они играли и играют и сегодня политически и культурно одинаково важную роль.

Так как другие тюркские народы проявили сравнительно незначительную литературную деятельность и высоко развитая джагатайская литература и появляющаяся после Казанская и Азербайджанская литературы найдут другого изследователя мы

можем ограничиться здесь одними анатолийско-балканскими турками.

Все тюркские народы создали более или менее значительные произведения народной литературы, особенно в области мистической. Но они остались совершенно вне кругозора историков литературы, не смотря на их важность.

На ряду со своей богатой исторической литературой анатолийско-балканские турки развивали тоже богатую историю литературы по своему, т. е. в совершенно биографическом смысле, без всякого внимания к связи с окружающими культурными течениями и совершенно без критической обработки имеющихся в их распоряжении, часто очень скудных материалов.

Интересно уж выяснение, что такое литература. В старое время почти исключительно является таковой только искусственная поэзия. Она разрабатывается преимущественно перед всеми другими видами литературы.

Проза принимается во внимание, посколько она служит практическим задачам, как منشئات , стилистические сборники и образцы для составления дипломатических грамот, например *Феридун Бея* при Селиме II: منشئات السلاطين (Стамбул 1264/5/1849/50) или посколько они примыкают к поэзии в употреблении особенно любимой рифмованной прозы (sedsch) и посколько здесь выставляются в изобилии стихи. Религиозная, философская, научная, историческая и географическая прозаическая литература занимает в истории литератур только очень незначительное место.

Виртуозная форма и внешняя красота играют главную роль. Образовался искусственный, разукрашенный, звучный язык, который был понятен только маленькому кругу высоко-образованных людей, смесь из персидских и арабских слов с турецкой конструкцией, непонятная настоящему турку или настоящему персианину или настоящему арабу, кроме специально обученных людей. Только сочинения, написанные на этом языке, считались литературными и вошли в историю литературы.

По нашему мнению литература какого бы то ни было народа состоит из совокупности письменно или устно переданных языковых жизненных явлений, так что и надписи и народные песни,

сказки и пословицы, загадки, драматические сочинения и всякого рода прозаические произведения, и важная газетная письменность не меньше, чем настоящая искусственная поэзия содержится в ней.

Так как прозаические труды нашли до сих пор только скудную обработку, следовало бы ей посвятить преимущественное внимание.

Характерно, что в турецких литературных сборниках большею частью ссылаются только на искусственную поэзию. Другие сочинения лишь бегло и стороною упоминаются после биографических данных часто скудных и нуждающихся в проверке. За то дают говорить каждому рифмоплету, так что число принятых поэтов доходит до нескольких тысяч. Трудная задача, пересмотреть все это изобилие материала, чтобы выбрать лучших поэтов, не придерживаясь традиционных суждений.

Разные составители تذكره смотрели только на богатство цитированных имен, не на определение значения данного поэта для своей эпохи, для умственного развития своего народа, на положение его в литературе, его сношения и зависимость от других сочинений собственной и чужой литературы.

Рядом с настоящими историками, которые при обзоре царствования отдельных султанов большею частью дают перечисление современных им поэтов кратким биографическим образом, стоят составите и биографических сборников, так называемые تذكره

Наибольшее число литературных данных дают из старых историков: تذكره‌جيلر · оь иц в своем عاشق پاشا زاده (+ 1559) تاريخ العثمان в своем علی چلبی : كتله لاخبار، в своем نشری и многие другие до самых новейших историков, особенно . Много ценного материала находится в специальных историях, как в истории Адрианополя, Бруссы, Мардина и т. д.

Из چهانئما до сих пор только часть напечатана, и может быть, как раз самая важная, еще лежит в рукописях. До восьмисотого года Гиджры, повидимому, все данные вымышлены. Настоящие материалы начинаются только с сочинения Sehi.

Я только бегло могу перечислить самых важных تذكره Это Sehi Edirnevi (+ 1548), Latifi Kastamunili (+ 1582), Taschköprü-Zade (+ 1560) «Schoqaiq- i- numanie», Ashuq Tschelebi (+ 1568), Ahdi

Baghdadi (+ 1563), Hassan Qinali-Zade или Hassan Tschelebi (+ 1603), и продолжатель его Bejani Mustafa Dscharulla-Zade, Rijazi (+ 1677) и Qaaf-Zade Fejzi, Safaji, Süfti, Riza (+ 1671), Salim, Fatiu, Ramiz, Thaqib-Dede, Esrar-Dede, Beligh, Akif, Arif Hiqmet.

Некоторое завершение манеры تذكره‌جی мы видим в об'емистом и очень ценном биографическом сочинении تذكره‌جی (+ 1925): بروسه‌لی محمد طاهر

(Стамбул, 1333-42).

Несмотря на все недостатки и на некритический способ изложения и привлечения непересмотренного материала, эта книга является очень полезным справочным сочинением.

Старые европейские обработки истории турецкой литературы принимали, конечно, без критики турецкую манеру и довольствовались передачею некоторых из عثمانلی مؤلفلری в переводах, не желая и не будучи в состоянии прибавить что нибудь новое, как это сделал Thomas Chaberfc с Latifi (перевод Цюрих, 1800) и как поступил в особенности Hammer-Purgsta II в своей четырех-томной истории Османской поэзии с антологией из двух тысяч двухсот (2200) поэтов (Pest, 1838), который лишь попавшие ему в руки تذكره собрал и перевел.

Уже рано пробудилось в Европе и впервые в Италии, которая имела самые живые сношения с Востоком, стремление, дать систематическую картину турецкой литературы. Первую попытку сделал Donato («Della letteratura dei Turchi». Venezia, 1628). Полтораста лет позже следует Letteratura turchesca составленная S. Toderini (Venezia, 1787), переведенная тоже на немецкий и французский языки. Но у обоих изящная литература играет очень незначительную роль. Особенно сочинение Toderini более является обзором всех обращавшихся среди турок познаний, чем историей литературы.

После долгого промежутка следует Dora d'Istriá. «La poesie des Ottomans» (Paris, 1877), сочинение довольно поверхностное, которое все же пробует раз'яснить особенный характер поэзии анатолийско-балканских турок.

Разные переводы на немецкий и французский языки обратили,

кроме того, внимание европейского читателя на турецкую литературу. Замечательно, что как раз в Австрии и Германии развивался интерес к турецкой литературе, кроме России, которая имела в этом случае тоже практические цели, самым сильным образом.

Только не очень давно начинается некоторая систематизация и схематизация, к каковой работе примкнули и сами турки.

В последнее столетие произошла коренная перемена в познаниях и суждениях о литературе тюркских народов, в особенности в связи с деятельностью пионера тюркологии Василия Васильевича Радлова, который с горячею любовью и железной настойчивостью в течение долгих лет занимался исследованием тюркских народов в России.

Результат этой работы заключается преимущественно в десяти томах «Образцов народной литературы тюркских народностей», Петербург, 1866 и далее. Деятельность Радлова часто теперь недооценивается, но несправедливо, ибо без Радлова многие достижения тюркологии были бы совершенно немыслимы. Пусть дешифровка орхонских надписей заслуга Томсена, тюркология, как таковая, зиждется всецело на работах Радлова.

Привлечение и рассмотрение турецкой, до тех пор всегда презираемой, народной литературы есть исключительная заслуга Европы.

Интерес к народной литературе поднял до высшей степени венгерец Ignácz Kúnos, которому благоприятствовала хорошая кон'юнктура. В виду того, что у турок до сих пор не особенно развивалась романтическая любовь к народу, и между ними еще не являлся какой-нибудь Herder или Grimm, который бы мог подобрать богатые до сих пор неиспользованные сокровища народной литературы, Kúnos мог использовать это обстоятельство и удовлетворить эту потребность. Он опубликовал об'емистую коллекцию материалов фольклора.

Только теперь начинается и у тюркских народов собирательская деятельность.

В Германии преимущественно Georg Jacob пробудил и оплодотворил во всем об'еме немецкую тюркологическую науку, будь это изучение искусственной поэзии, будь это изучение народной ли-

тературы: меддахов, театра теней, этого интереснейшато в культурном отношении явления, мистики, дервишества, особенно Бекташийского и т. д.

Хорошее связанное изложение турецкой литературы до начала новейшаго развития дал Василий Дмитриевич *Смирнов* (+ 1922) в «Очерках новой турецкой литературы», СПБ. 1891. (Корш и Кирпичников), которые вполне сохраняют свое значение и теперь.

Очень хороший меткий обзор о различных эпохах развития турецкой литературы дал академик Агафангел Ефимович Крымский в разных своих ценных исторических очерках.

Самую подробную тщательную обработку турецкой поэзии дал Gibb в своем шеститомном сочинении: «История Османской поэзии», в котором пытается преимущественно на основании восточных авторитетов и суждений, раскрыть в подробном, но не всегда верном изложении внутреннюю связь. К сожалению, посвященный новейшей литературе седьмой том, обещанный (ضا توفيق بك.)'ем не явился в свет.

Современная литература, которая развивалась параллельно внутренним реформам и преобразованию Турции из азиатской державы в современное европейское государство, в короткий промежуток полустолетия и слагалась исключительно под французским влиянием, так же как раньше решающим влиянием было персидское–повела к новой манере рассматривания литературы, особенно в Европе.

Paul Horn дал своей наскоро написанной, не очень глубокой и содержательной работой «История новейшей турецкой литературы» (Leipzig, 1902) повод к оживленным литературным размышлениям. Его очерк продолжал C. Hachtmann: «Турецкая литература двадцатого столетия» (Leipzig, 1916).

Сочинение Horn'a сменили разные статьи и работы по анатолийско-турецкой литературе, как например: Basmadjan, «Essai sur l'histoire de la litterature turc-ottomane» (Constantinople, 1910), очень не глубокая и механическая работа в стиле tezkere.

Солидный труд представляет работа Владимира *Гордлевскою*: «Очерки по новой османской литературе» (Москва, 1912), которая в наглядной и меткой форме рисует картину тогдашней турецкой

литературы, присоединяя сюда и обзор развития важной газетной публицистики. Его перу принадлежит и содержательная статья в № 2 «Известий Общества Изучения и Обследования Азербайджана».

Война побудила Martin'a Hartmann'a подробно заняться турецкой литературой и сделать выбор поэтов, особенно в своих «Поэтах новой Турции» (Berlin, 1919) на основании отзывов восточных авторов, преимущественно удачно составленного نوسال ملی 1330.

Я сам раньше нередко имел возможность говорить о современной литературе и обратил особенное внимание на народную литературу в переводе استامبولدا بر سنه M. Tevfik'a (в «Турецкой Библиотеке»). Сжатый очерк османской литературы я дал в «Современной Культуре» Hinneberg'a в Отделе Восточных литератур (Berlin, 1925).

Важные известия о турецкой литературе находятся в выходящей теперь «Энциклопедии Ислама».

Большое значение для литературной работы имеет привлечение рукописного турецкого материала, лежащего в европейских библиотеках, большею частью уже систематически обработанного и годного для употребления, в противоположность к обычаям константинопольских библиотек, где до сих пор ничего не сделано для составления мало-мальски годного каталога. Все константинопольские каталоги в этом смысле почти совершенно непригодны для литературно-исторической работы.

Особенно можно в этом случае цитировать каталог Rieu Британского Музея, содержащий многие, критически проверенные данные о турецкой литературе. Не менее важны и другие каталоги, как Берлинский и Готский (Pertsch), Венский (Flügel), Мюнхенский (Aumer), Ленйнградский (Dorn и Collection scientifique Института Восточных Языков при бывшем министерстве иностранных дел) и много других.

Здесь можно тоже указывать на грандиозную, обнимающую все произведения Ислама работу турецкого полигистора «كشف الظنون» (+ 1667) حاجى خليفه

Европейская обработка турецкой литературы, и особенно современной с одной стороны, и близкое изучение и разработка чужих литератур с другой стороны, привели к совершенному преобразованию изложения турецкой литературы у самых турок.

Последовало кроме скудной обработки عبدالحلم ممدوح в сочинении: تاريخ ادبيات عثمانيه (Стамбул, 1306) множество разбросанных почти по всем газетам и журналам статей с богатейшими историко-литературными материалами. Большею частью они остаются неиспользованными и, при презрении библиотек к произведениям повседневной печати, совершенно исчезают и навсегда остаются неизвестными. Особенно замечателен журнал ثروت فنون который наложил свою печать почти на всю эпоху.

Журналы дадут много материала как раз для пополнения наших сведений. Так, например, شهاب‌الدين считается только выдающимся прозаистом. Но разбросанные по разным газетам и журналам стихотворения могли бы показать в нем тоже большого поэта, تاريخ ادبيات عثمانيه писал свой (كويرولو زاده) (محمد فؤاديك) (Стамбул 1328); первый том нового издания был написан им, а второй должен был быть написан (ابراهيم نجمى: «تاريخ ادبيات درسلرى») 'ем, но не вышел в свет.

За этим последовали три объемистых историко-литературных опыта (назвать их настоящими историями литературы было бы слишком смело). اسماعيل حبيب «تورك تجدد ادبياتى تاريخى» 2 тома (Konstant. 1338) 1) обзор истории старой литературы и 2) появление и развитие литературного обновления ادبياتى تاريخى (Конст. 1340). Это, собственно говоря, только материалы для будущей истории и наконец: اسماعيل حكمت «تورك» (Baku, 1925), пока 4 тома.

Точка зрения такая: авторы подходят без всяких принципиальных взглядов к литературе и остаются почти на старой точке зрения تذكره‌جيلر

Только Köprulu-zadə M. Fyad-Bej умел поднять турецкую литературную науку мастерской синтетической манерой, совсем европейским научным способом, многочисленными работами, стоящими вполне на уровне современной науки, и обеспечить турецкой литературной науке почетное место. Это особенно относится к تورك ادبيات تاريخى (Конст. 1920) 1). к статьям в تورك تتبعات مجموعه‌سى и

بو كونكى عثمانلى ادبياتى (1924) и особенно к его متصوفلر ايلك (Констант., 1919) (сокращенный перевод явится скоро в «Körösi Czoma Archivum'e».

Köprulu-zadə–первый, который хотел установить связи турецкой литературы со всеми другими литературами: например, с армянской в

تورك ادبياتنك ارمنى ادبياتى اوزەرينده‌كى تاثيراتى (Костан. 1921. Интересный вопрос об ашуках.)

Самая главная задача современной истории турецкой литературы заключается:

1) в обработке и издании старых, важных, только в рукописях сохранившихся, сочинений (силами какой-нибудь комиссии);

2) в собрании везде разбросанных материалов и документов до сегодняшнего дня, в том числе и всех турецких газет и журналов;

3) в издании разных монографий самых важных литературных деятелей, что дало бы настоящую картину всей эпохи.

Совсем новый способ литературной работы над турецким материалом, т. е. установить биографию и характеристику поэта по его собственным сочинениям, испробовал Dr. Rypka (Prag, 1924) и в своем Baaqi и Sejjidvehbl.

Подобное же новшество представляет об'емистая обработка одного и того же сюжета у разных поэтов в разных эпохах, как например труд (не напечатанный еще) Dr. Nihad'a, который обследовал все сочинения ليلى و مجنون

Такие работы, как например о ليلى و مجنون и других сюжетах были бы очень важны, чтобы показать на одном и том же примере все перемены вкуса и чтобы дать почву для изложения преобразования стиля разных эпох.

Турецкие поэты больше являются толкователями, а не создателями своей эпохи, как это был Goethe для Германии. Этим частью и объясняется разная манера, с которой современная история литературы подходит к своей задаче.

Постановка проблем в общем об'еме турецкой истории литературы должна постепенно вводится посредством сравнения турецких сочинений с их персидскими или другими оригиналами. Так

можно установить влияние чужих литератур на турецкую с точными доказательствами. Понадобится рассмотрение литературы с точки зрения или философской, или этнической, или этической, далее систематизация и выработка понимания законности каждого вида поэзии, точная характеристика отдельных руководящих литературных деятелей, которых стараются представить рефлексом всей эпохи.

Несмотря на существующие препятствия, и в разработке истории турецкой литературы нельзя будет избежать широких точек зрения. (Апплодисменты).

Далее выступает на татарском языке т. *Саади.*

После докладов большинством голосования прения не открываются. Избирается комиссия для выработки резолюций в составе:

1) Кепрюлю Заде, (Пред. Комиссии)
2) Менцель,
3) Саади,
4) Ильбек,
5) Габитов,
6) Нагиев,
7) Рахими,
8) Омаров,
9) Зейналлы,

Заседание закрывается 1 час. 30 мин.

СЕМНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председательствует тов. **Агамали-Оглы.**

Гусейн-Заде. (По-тюркски).

Председатель. Слово представляется немного запоздавшему представителю тюркских народов, живущих в далекой Сибири, тов. Катанову на родном языке.

Катанов. (По-хакасски). Т. т., я приехал приветствовать 1-й Всесоюзный Тюркологический С'езд от имени хакасцев, живущих в далекой глуши Сибири, в южной части б. Енисейской губернии. Население Хакаского Округа насчитывает в настоящее время около 43.000 чел. Хакасский Округ выделился из бывшего Минусинского округа Енисейской губернии в 1923 году. Письменности на своем национальном языке у хакасов нет совершенно. Раньше при царизме этим вопросом никто не занимался, и при советской власти вначале тоже не занимались этим, но с выделением Хакасского Округа в особую автономную окружную единицу этот вопрос встал особенно ясно. С 1923 г. при Хакасском ОКРОНО создается специальная Комиссия по составлению на хакасском языке письменности. Эта Комиссия составила материалы для первых групп школ первой ступени. Материалы посланы в ноябре 1924 г. в Совнацмен Наркомпроса, но за отсутствием тюркского шрифта эти материалы не печатаются. Поэтому, посылая меня на С'езд, наши хакасы особенно просили, чтобы этот С'езд выработал здесь единый шрифт, после которого наши материалы могут быть напечатаны. (Продолжительные апплодисменты).

Культурные достижения тюрко-татарских народностей со времени Октябрьской Революции

Павлович. В мрачную эпоху царизма и Временного Правительства культурное развитие тюрко-татарских национальностей как и всех других угнетенных народов безграничной империи Рома-

новых находилось в самом отчаянном положении. Царская политика в деле культурного развития тюркских и других угнетенных национальностей России представляла собой сплошное издевательство и глумление над элементарными правами человека, направленное к тому, чтобы систематически вытравлять у угнетенных национальностей всякую возможность к сохранению и развитию своей родной культуры.

Революция расковала цепи духовного угнетения национальностей. Но, если краткий период от Февральской до Октябрьской Революции был использован буржуазно-демократической интеллигенцией, руководившей тогда тюркскими массами, не столько для широкой культурно-просветительной работы, сколько для того, чтобы организовать массы под своим влиянием и опираться на них в борьбе против центра, то дальнейшее развитие Октябрьской Революции вызвало наружу все томившиеся внутри каждой нации творческие и духовные силы, возбудив в них неутомимую жажду просвещения.

С тех пор мы являемся свидетелями необычайного и грандиозного культурного процесса, охватившего всю советскую федерацию с ее многоплеменным и многоязычным составом.

Среди мусульман Приволжских областей во главе этого нового культурного движения с самого начала октябрского переворота шли татары, культурный расцвет которых принял особо грандиозные размеры, выходя далеко за границы Татарской республики.

Татары первые принесли факел просвещения на Восток–в Башкирию, Киргизию, Туркестан и т. д., зажигая окружающих тем революционным огнем, которым горели сердца трудящихся мусульманских национальностей в самые тяжелые моменты гражданской войны. Большую роль в культурной жизни Востока сыграли татарские военные части Красной Армии, победоносно прошедшие от Волги до персидской границы, освещая на своем пути густую тьму, царившую среди мусульманского населения, подход к которому им был знаком и доступен более, чем другим.

Чтобы проследить рост культурного прогресса Татарии, достаточно привести следующие цифры, опубликованные Татнаркомпросом: школ 1-ой ступени в 1920 г. 2857 с 257.381 учащихся; в

1921 г.–3.065 с 282.707 учащихся; школ 11-ой ступени в 1920 г.–117 с 9432 учащихся, 1921 г.– 123 с 10.697 учащихся; народных домов в 1920 г.–123, в 1921 г.—135, клубов в 1920 г.–54, в 1921 г.–75, библиотек-читален в 1920 г.–110, в 1921 г.–203.

	В 1917 Г.	1920 Г.
Библиотечных работников	282	732
Других внешкольников	354	1181

В 1920 г. в Кирреспублике при 5.000.000 населения имелось 425.800 учащихся. В республике насчитывалось 5.200 школ первой ступени и 105 второй.

То же можно отметить и относительно Башкирии, культурное развитие которой сводилось самодержавием почти к нулю. Несмотря на ряд крайне неблагоприятных условий и на то, что, начиная с 1917 г., Башкирия долгое время оставалась ареной самой ожесточенной гражданской войны, все же к 1 января 1920 г. там имелось 1285 татаро-башкирских школ с количеством учащихся около 80.000.

Приблизительно такими же грандиозными скачками шел рост культуры в Туркестане.

Параллельно с этим шло развитие национального искусства, главным образом, театра, который стал подлинно народным не только потому, что он обслуживал широкие народные массы разных национальностей, но и потому, что непосредственно представители этой массы сами стали творцами в области театрального искусства.

Кипучая работа в области экономического и культурного строительства среди национальностей, главным образом, восточник началась лишь приблизительно с конца 1920 г. (западные еще раньше развили широкую работу). Большинство начинаний было, однако, прервано наступившими голодными 1921–22 г. г.,–особенно чувствительно отразившимися на национальностях Поволжья и Заволжья.

Голодные годы прервали просветительную работу среди тюркотатарских народностей, но скоро после 1922 г. снова начинается лихорадочная работа в данном направлении.

Раньше, чем перейти к достижениям отдельных республик, я скажу несколько слов о работе центральных учреждений в области просвещения и культуры тюрко-татарских народностей.

Прежде всего необходимо отметить работу в области тюркологии высшего научного учреждения СССР–Академии Наук.

Якутский словарь Пекарского значительно продвинут вперед и скоро будет кончен. Это один из наиболее полных словарей восточных языков. Печатаются материалы по якутскому фольклору и обычному праву якутов. Произведена большая работа по изучению коренного состава тюркских народов СССР, часть которых нашла себе отображение на приведенной племенной карте. Материалы комиссии все время печатаются. Во главе тюркологического отдела стоят академик В. В. Бартольд и член-корреспондент профессор А. Н. Самойлович. С 1924 года ведется всестороннее исследование Якутской Республики. В 1925 году летом будет происходить многостороннее исследование отдельных частей Казахстана, по его желанию, академическими экспедициями.

В академических периодических изданиях напечатан за эти годы ряд статей по языкам и литературам турецких народов. Выпускается труд Радлова по уйгурским рукописям под редакцией профессора С. Б. Малова. Готов к печати и частью напечатан уйгурский словарь В. Радлова. Готовится под редакцией профессора С. В. Малова к печати ряд уйгурских текстов. Все эти годы Академия усердно снабжает главнейшие библиотеки тюркских республик своими специальными изданиями.

Таким образом, мы видим, что Академия Наук много сделала в области тюркологии, но работала в этом направлении не она одна. Работала и Украинская Академия Наук.

Для изучения Востока Украинская Академия имеет отдельную кафедру, во главе которой стоит академик А. Е. Крымский. При кафедре имеется специальная ориенталистическая библиотека из ценнейших книг и рукописей в 20.000 томов. За последнее время Академией изданы труды А. Е. Крымского «История Турции», печатается и отчасти вышла «История турецкой литературы» (блестящего периода XV–XVI в.в.), работы по персидской литературе, как «Общая история Персии» т. I, так и исследование о Хафизе и

его свободомыслящие песни о персидском театре (мистерии) и др. Как совершенно новую черту в организации Академии надо отметить образование Социально-Экономического Отдела. Вся огромная территория УССР покрыта сетью ячеек Академии в форме научных обществ, краеведческих этнографических организаций и т. д.

Из других научных учреждений отмечу работу Всесоюзной Ассоциации Востоковедения при ЦИК'е СССР, которая выпустила уже 11 больших книг журнала «Новый Восток», где вы найдете ряд статей о тюрко- татарских республиках, Дагестане, Казахстане, Татаристане, Туркестане и т. д. Я должен воспользоваться своим докладом, чтобы просить представителей тюрко-татарских национальностей, находящихся на этом С'езде снабжать нас статьями и материалами по всем вопросам жизни своих народов и таким образом в скором времени мы будем иметь в «Новом Востоке» полное освещение не только зарубежного, но и нашего тюрко-татарского советского Востока (Апплодисменты).

Говоря об Ассоциации Востоковедения, нельзя не упомянуть об экспедициях, организованных ею в Крым под руководством проф. Бороздина и Башкирова, наконец, о работе Ассоциации в помощь Обществу Обследования и Изучения Азербайджана в деле созыва 1-го Тюркологического С'езда.

Интересно остановиться на работе наших центральных восточных ВУЗ'ов. В первую голову идет знаменитый КУТВ.

Коммунистический Университет Трудящихся Востока сыграл историческую роль в деле подготовки работников для тюркских национальностей. Плоды деятельности этого очага революции на лицо. Достаточно указать, что КУТВ уже дал восточным республикам до 1-го января 1926 года более 500 работников и что в настоящее время в этом университете состоит более 300 студентов тюркских национальностей. Это громадное достижение.

Немалую роль в деле подготовки тюркских работников играет и Московский Институт Востоковедения имени Н.Нариманова. В этом высшем учебном заведении, где под руководством выдающихся лингвистов – Гордлевского, Миллера, Жиркова, Колоколова и др. преподаются зарубежные восточные языки: персидский, ту-

рецкий, китайский, японский, где изучается основательно экономика и политическая жизнь стран Востока, обучается в настоящее время около 50 тюрок.

Большую работу по подготовке квалифицированных работников для наших восточных республик проделывает Ленинградский Институт живых восточных языков. В этом институте обучается сейчас 27 представителей тюркских национальностей СССР.

Изучение тюркских языков и вообще занятия по тюркологии в Ленинградском институте ведутся в двух совершенно различных аспектах с различными целевым установками. На основных разрядах Института– Османском и Туркестанском–изучаются с практическим уклоном анатолийское наречие (османский язык), узбекский, казакский, туркменский, киргизский, таранчинский (уйгурский) языки; означенные языки изучаются, главным образом, по новейшим литературным образцам, газетным текстам и оффициальным документам, с уделением этой работе не менее 10–12 недельных часов по плану, в том числе не менее 6–8 нед. часов работы лекторов данной турецкой национальности.

Наконец, говоря о работе центра, нужно отметить грандиозную работу Центроиздата, который со времени Октябрьской Революции выпустил на всех тюрко-татарских языках 6.000.000 брошюр, оттисков и различных других изданий. Так, например, на татарском языке выпущено 95 брошюр, средний тираж 10.000; на казакском языке 78 брошюр, средний тираж 5.000; на узбекском языке 57 брошюр, средний тираж 5.000 и т. д.
Это все я опубликую в специальном докладе.

* * *

Прежде, чем перейти к дальнейшему, позвольте в нескольких словах остановиться на политике Советской власти в национальном вопросе. Многие ставят вопрос, в какой связи находится наша пролетарская коммунистическая политика с национальной политикой, отрицает ли пролетарская политика политику национальную? Нет, ни в коем случае! Пролетарская по содержанию, национальная по форме, такова та, как формулирует тов. Сталин, общечеловеческая культура, к которой идет социализм. Пролетар-

ская культура не отменяет национальной, а дает ей содержание. (Апплодисменты). В ту эпоху, когда у власти стояла буржуазия, национальная политика носила буржуазный отпечаток, т. е. отпечаток насилия и угнетения, но в пролетарском государстве национальная политика означает освобождение национальностей от всякого вида угнетения.

Перейдем теперь к вопросу об языке. Каутский когда-то высказал ту мысль, будто развитие национальностей приведет к уничтожению языков отдельных народностей и созданию всеобщего интернационального языка. Тов. Сталин совершенно правильно указал, что исторический процесс идет в обратном направлении, что развитие пролетарской культуры, развитие пролетарского просвещения, будет содействовать развитию национальных языков отдельных народностей, хотя бы самых маленьких.

Мы только что видели представителя маленького народа хакасов в 43.000 душ, и вы видели, что национальная политика Советской власти идет не к уничтожению этого маленького народа и его языка, а наоборот, к расцвету его языка и созданию литературы даже у этого маленького народа (Апплодисменты).

Как мы подходим к вопросу о языке? Тов. Ленин говорил, что русский язык это великий язык, это язык на котором написаны величайшие произведения, но с помощью этого языка–подчеркивал наш великий вождь–распространять культуру и цивилизацию среди народностей путем насилия ни в коем случае невозможно. Самое лучшее средство распространения культуры и цивилизации среди отсталых народностей–это их родной язык; родной язык это величайшее орудие революционной пропаганды и революционного просвещения (Апплодисменты).

Бедность и осталость данного языка является лишь отражением примитивности и несложности жизни, конкретной обстановки, в которой вырос и боролся за свое существование данный народ. Уже одним фактом насаждения централизованной фабрично-заводской промышленности на наших окраинах, уже одним фактом перенесения фабрик и заводов в районы, служившие лишь сырьевыми базами для центральных областей бывшей-царской империи, мы производим колоссальный переворот в экономике и всем

укладе жизни отсталых народов, а вместе с тем и в языке этих национальностей, языке, который является органическим продуктом окружающей среды, идеологической надстройкой на совершенно определенном экономическом базисе. Мы не говорим уже о том, какой переворот в структуру языка, в его обогащении новыми и новыми словами и терминами, а иногда целыми, до той поры неслыханными, оборотами речи вносят новые правовые отношения, ломка старого, патриархального и семейного уклада, новые классовые отношения. Таким образом вчера еше бедный язык, в условиях новой конкретной обстановки, рождающей новые впечатления, обогащается новыми словами, буквально не по дням, а по часам, и становится все более и более совершенным орудием для выражения новых мыслей, новых понятий. Недалеко то время, когда сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, когда произведения величайших поэтов и художников слова смогут быть переведены на языки самых отсталых народов СССР.

Считаясь с колоссальной ролью национального языка, как самого могучего орудия просвещения, культуры, пропаганды идей международного братства, Советская власть отказалась от всяких проектов ассимиляторства и поставила вопрос о грамоте на родном языке в основу своей политики просвещения среди национальностей не-русского языка.

Эта правильная национальная политика Советской власти не могла не привлечь на сторону последней все живые силы тюркских национальностей. Как правильно подчеркнул уже тов. Н. Тюрякулов в своем докладе 17 января 1925 г., национальное учительство в тюркских республиках явилось в основной своей массе детищем Октябрьской революции.

Здесь я скажу несколько слов по поводу вопроса о латинском алфавите. Когда мы немногие присутствующие на этом с'езде русские ученые, коммунисты и беспартийные русские профессора, голосуем здесь вместе с вами за латинский алфавит, мы это делаем потому, что мы злейшие враги руссификаторства, что мы желаем развития родного языка каждого самого маленького народа (Апплодисменты) потому, что мы стремимся помочь развитию этого языка, мы хотим, чтобы маленькие народы имели свой развитой

язык. И так как мы убеждены, что латинский алфавит облегчит распространение просвещения среди широких народных масс, то мы за латинский алфавит, как за самое могучее орудие создания и развития языка данного народа (Апплодисменты). И мы уверены в том, что наши дорогие товарищи, Ибрагимов, Сабиров, Максудов и другие, которым дороги интересы культуры и интересы развития родного языка, если сегодня они в силу об'ективных условий, конкретной обстановки в Татарстане высказываются против введения латинского алфавита в данный момент, то через несколько лет, мы убеждены, они будут находится в наших рядах. Именно потому, что для них на первом плане стоит развитие родного языка, как фактора огромного революционного значения.

После этих общих замечаний я перейду к рассмотрению достижений отдельных республик в деле культуры, в деле просвещения. Конечно, для того, чтобы дать ясную картину грандиозных достижений тюрко-татарских народностей с момента Октябрьской революции, понадобился бы мне, может быть 3-х–4-х часовой доклад, но я ограничен временем и поэтому постараюсь быть кратким. Приведу вам всего только несколько цифр.

Начну с той республики, в столице которой мы заседаем сейчас, а именно с *Азербайджана.* Каковы достижения Азербайджана за короткий период? Мы имели в 1919-20 годах школ первой и второй ступени 654, учащихся в них 57.629, а в 1925-26 г. мы имеем уже 1.483 школы, в которых обучается 164.787, т. е. повышение на 185 %. Если мы возьмем ВУЗ'ы, то здесь мы имеем процент повышения 145 к числу учащихся. Заслуживает внимания издательская деятельность АССР. Здесь выходит 13 периодических изданий, газет 8, журналов 26, бюллетеней 5, театров 18.

Развитие просвещения в Азербайджане выражается не только в увеличении числа школ, ВУЗ'ов и т. д:, вы сами видели театры в Баку и видели новую оперу «Шах Санем». Вы видите, что и в области искусства, в области музыки Азербайджан идет вперед, не стоит на месте, и его культурные достижения можно формулировать как очень большие.

Если мы перейдем к соседней маленькой республике Дагестану, то мы здесь увидим тоже колоссальные достижения.

В *Дагестане* во времена царизма в мечетях и медресах допускалось только преподавание закона божьего и арабского языка. Воспрещалось преподавание всяких светских наук. Преподавание светских наук разрешалось только в открываемых с руссификаторской целью школах, причем языком обучения обязательно был русский. Лица, которые под предлогом паломничества ехали в Турцию и Египет, где получали скудное светское образование, по возвращении в Дагестан преследовались царской полицией. Часто таких лиц высылали за пределы Дагестана.

После революции 1905 года среди дагестанцев пробуждается интерес к светским наукам. Создаются нелегальные школы светского типа, где преподавание ведется на родном и тюркском языках.

Полиция всячески препятствовала пропуску в Дагестан азербайджанских и казанских газет. Читатели таких газет всегда были под надзором полиции.

Несмотря на неоднократные ходатайства общественных деятелей, не разрешалось издание газет на кумыкском языке. Единственный правительственный орган «Губернский вестник» издавался на русском и непонятном для массы арабском языке.

Только после установления советской власти в Дагестане началось открытие школ на родном языке и издание газет на 5 разных наречиях Дагестана (тюркском, кумыкском, аварском и даргинском).

Советская власть укрепилась в Дагестане только в 1920 году, поэтому приходится говорить о культурных достижениях Дагестана только за пять лет, в историческом масштабе срок, конечно, очень короткий. До Октябрьской революции Дагестан, в полном смысле этого слова, не имел почти никаких культурных достижений. При своем более чем миллионном населении, имея в своем составе до 8-ми основных различных народностей, Дагестан не имел ни для одной из этих народностей национальной школы.

В 1914 году в Дагестане имелось 89 школ, которые обслуживали почти исключительно русское население и прилагали все усилия к русификации не-русских народов. Школы эти совершенно пустовали, туземцы их не посещали. Можно смело утверждать, что даже один процент населения аулов не обслуживался этими шко-

лами. Не было создано культурной базы школьных занятий, не было приготовлено учительство, не создавалась соответствующая литература и учебники. В данный момент народы Дагестана имеют до 300 школ, в которых обучаются дети на родных и тюркских языках. Школы обслуживают до 20% населения. Создан кадр нацучительства до 500 человек. В различных городах наших республик насчитывается до 600 дагестанских стипендиатов, обучающихся в ВУЗ'ах. Все они находятся на полном государственном иждивении.

Перейдем теперь к народностям Северною Кавказа. Из данных, полученных мною от тов. Алиева, мы видим следующее: в 1908–1912 г.г. по официальным данным попечителя Кавказского учебного округа, мы имели в горских начальных школах 3.725 детей, а в 1924–25 г.г. в начальных щколах 30.964 детей. Таким образом, имеем увеличение на 850%

Если мы возьмем количество горцев, получавших среднее образование в то время и сейчас, то разница будет еще более поразительная. В 1909 г. обучалось горцев в средних школах–536 чел., а теперь обучается, считая семилетку, девятилетку и другие подобные школы– 4.961 чел., т. е. увеличение на 800%. Особенно скудно было поставлено профессионально-техническое образование: в 1909 г. обучалось в профессиональных и технических учебных заведениях только 44 горца, а в 1924–25 г.–1.219–увеличение–2.700%.

Во всех областях Северного Кавказа мы имеем в 1925 г. газеты на местных языках: «Карахалк» («Беднота»), на кабардинском языке со страничками на балкарском; на гор. еврейском и друг. языках на латинской основе в Кабарде; «Таулу Чашау» («Городская Жизнь») на карачаевском языке; «Адыре-Рсагу» на черкесском языке; «Горская Жизнь» в Кар.–Черкесск. обл.; «Ростзинат» («Правда») в Осетии (на лат. основе); «Сердало» в Ингушетии (на лат. основе); журнал «Советская Адыгея»– бюллетень, в виде сборника на русск языке; «Серлу» в Чечне (на арабск. основе). Все означенные печатные органы стали регулярно выходить и основываться в отчетный период, т. е. за 24—25 г.

Перейдем теперь к Приволжскому краю и к Татарстану. Нужно

сказать, что достижения в Татарстане поразительны. Можно даже сказать, что Татарстан идет в авангарде культурного движения тюркско- татарских народов. Мы имели русских министерских школ накануне революции 383, татарских всего 19, русских земских школ–531, татарских всего–16, средне-учебных заведений – русских – 21, татарских–0. *В итоге мы имели 1.148 русских школ и всего только 35 школ для татар.* В этих двух цифрах вам вся политика царизма, политика русификаторства, недопущения создания национальных школ.

Теперь мы имеем грандиозные достижения, мы имеем число детей школьного возраста: татар–240.706, русских–160.441, нацмен–59.976, а всего–460.973.

Мы видим, что в Татарстане революция привела к созданию национальных школ, к увеличению в сотни раз числа татарских детей обучающихся грамоте на своем национальном языке и одновременно к увеличению числа русских детей обучающихся на своем русском языке.

Кроме школ, Татарстан имеет 6 ВУЗ'ов, 2 Рабфака, 23 Техникума, 8 профессиональных технических школ, 8 школ фабзавуча, 10 учебно-показательных мастерских, 5 профтехнических курсов. Очень важно указать на то, что в Татарстане мы наблюдаем громадное развитие художественной литературы. Появился ряд выдающихся писателей, создавших прекрасные литературное произведения. Мы имеем удовольствие среди делегатов видеть здесь известного татарского романиста Ибрагимова Галимджана. Им написан роман «Наши дни» («Безнен-Кунляр»). Это большое художественное произведение рисует гражданскую борьбу пролетариата против царизма. Мы имеем еще другое его произведение «Дочь степи», где рисуется процесс внедрения капитализма в эту отсталую первобытную среду. Кроме того, необходимо отметить, что литературная деятельность тов. Галимджана Ибрагимова не ограничивается романами. Тому же автору принадлежит прекрасная книга «Татары и революция 1905 г.».

Дальше в той же татарской литературе мы видим описание рабоче-шахтерской жизни в поэме «Эшче» поэта М. Гафурова, описание жизни грузчиков у Ф. Сейфи, каспийских промысловых

рабочих татар у Шариф Камала, а также описание татарских красных отрядов у Ш. Усманова. Многие молодые писатели с новыми направлениями, с новыми подходами к жизни работают над созданием татарской художественной литературы нового периода. Здесь все проникнуто духом классовой борьбы, выражением марксистского отношения к вопросам жизни и изысканием новых путей, напр., Тулумбайский, Кавы Наджми, Максуд, Такташ и др.

Не имея возможности дать обстоятельную характеристику достижений татарской литературы за последнее время, отсылаю всех интересующихся этим вопросом к интересной статье проф. Бороздина «Красный Татарстан», напечатанной в «Новом Востоке» 10–11. Укажу на последние новинки вышедшие в текущем году: Г. Ибрагимова–«Вопросы орфографии, языка и литературы», Газиза Губайдуллина–«История татарских классов», Губайдуллина и Али Рахима–«История татарской литературы эпохи феодализма», Кудоярова–«Экономическая политика», сборник под редакцией Кази Наджми–«Татары и башкиры в рядах Красной Армии».

Вы видите, что татарская литература развивается во всех областях. Периодическая печать Татреспублики представлена 8 газетами на татарском языке, 6-ю на русском языке и 2-мя на языках нацменьшинств. Из 9 журналов 5 выходят на татарском языке.

Мне, как латинисту, позвольте танцовать от печки. Я говорю: если Татарстан достиг таких грандиозных результатов при реформированном арабском алфавите, каких же колоссальных результатов достигнет Татарстан, когда там через некоторое время будет введен латинский алфавит? (Апплодисменты).

Перейдем теперь к соседней с Татарстаном республике, именно к Казахстану.

Вопрос о просвещении в Казахстане занимает одно из главных мест в строительстве. При царском строе казакский народ не имел возможности свободно развивать свою культуру и строить школы.

В начале, в Казахстане насаждались школы или татарскими или сартовскими муллами или самой царской администрацией. В туземных школах (мектебах) муллы преподавали почти исключительно религиозные предметы, и только перед революцией начали преподаваться в некоторых группах школ по реформированному

методу религиозные и светские предметы. Русская школа в Казахстане возникает с самого начала завоевания края, сперва для обслуживания русского населения, но потом создаются русские школы для туземцев (русско-туземное начальное училище и др.), где казахские дети воспитываются в духе защиты царского строя и выработки в будущем из казаков чиновников царской администрации и даже в этих школах проводится миссионерская политика.

В 1900 году на территории нынешней КССР, было всех школ– 797, а к 1911 г. насчитывалось 1.246. В сравнении с 1911 г. к 1921 г. школы увеличились на 200 с лишним процентов. Русско-туземные школы особенное распространение имели в Туркестане. Например, в Сыр-Дарьинской области, по данным 1912 года имелось 56 русско-туземных училищ, где (включая городские училища) обучалось 3.033 детей туземцев. Всего же в школах обучалось 95% русского населения и лишь 2,02% детей туземцев. Такая же картина наблюдается в Джетысуйской области.

В данное время положение просвещения рисуется в Казахстане в следующем виде. Всех школ I-ой ступени в 22 году числилось– 2.001, в 24 г. количество возросло до 2.643 с числом учащихся в 156.865 чел. В 1924–25 г. общее число обучающихся в краевых учебных заведениях равнялось 1.238, из них казаков было 222. В различных ВУЗ'ах в СССР обучалось 908 чел. и командировано в 1925 г. до 600 чел., из них казаков в составе всех вузовцев около 600–700 человек.

К концу 1924 года в КССР имелось до 45.000 беспризорных детей. Около 16.000 из них содержалось в 218 детдомах.

Профтехнические учреждения были следующие: Институт нар. образ. казакский–1 (учащихся–192), педагогических техникумов–11 (учащихся 1.341), сельхозтехникумов и школ–8 (учащихся–758), медтехникум–1 (учащихся–217), фабзавучей–9 (учащихся–254), профтехшкол–4 (учащихся– 532), профкурсы–1 (учащихся–57).

Дело печати с каждым годом улучшается. В данное время в Казакстане имеется около 41 названий разных изданий, а в прошлом году было- 28. В 1920 г. всего 3 газеты, а в 1925 г. уже выходит 13 газет и 5 журналов. Тираж к началу 25 г. казакских газет равнялся 15.000 экземплярам, а к маю того же года равнялся 34.800 экз.

Общий тираж всех изданий достигает 80.650, из изданий: партийных–32, советских–1, женских–1, комсомольских–1 и ведомственных–6.

Издаются следующие газеты и журналы на казакском языке: «Энбекшил-Казак» (в г. Кызыл-орде), центр. орган «Бостандыктуы» (Петропавловск), «Казак-тли» (в Семипалатинске), «Кзылту» (в Уральске), «Ак-жол» (в Чимкенте), «Тльчи» (Алмата), а также журналы «Кзыл-Казакстан» и другие.

На русском языке: «Советская степь» (главн. орган), «Красный Урал», «Мир и Труд» (Петропавловск), «Степная Правда» (в Семипалатинске) и журналы.

Кроме того, по Казакстану издается около 100 стенных газет. Одной из хороших связей с местами являются сельские и аульные корреспонденты. В 1924 году всех корреспондентов было 1.778, а в 1925 году– 2.841 человек.

Перейдем теперь к Крымской республике. Передо мной лежат доклад наркомпросвещения Крыма т. У. Балича «Национальная политика соввласти и народное просвещение в Крыму» и его же статьи: «Местный бюджет и народное образование в Крыму» и «Состояние народного просвещения в Крыму». По этим материалам можно получить яркое представление о культурных достижениях Крымской республики со времени торжества соввласти в этом краю.

Что имели мы в Крыму в области татпросвещения до Октябрьской Революции?–Только 68 русско-татарских (земских и министерских) училищ с 2000 учащихся, ряд конфессиональных (церковно-приходских) школ и больше ничего, если не считать «Тержимана», издаваемого небольшой группой прогрессивной интеллигенции с Измаилом Гаспринским во главе.

Русско-татарские школы имели обычную программу земских, но преподавание велось на русском языке, за исключением первого года обучения, вследствие чего из этого обучения ничего кроме муки для учителя и для учеников не получалось. Население относилось к этим школам недоверчиво, справедливо усматривая в них русификаторские тенденции, зато оно очень охотно посылало своих детей в мектебы. Но что могла дать детям безжизнен-

ная насквозь пропитанная религиозным духом, схоластическая программа этих школ? Позвольте вместо ответа привести выдержку из статьи Гаспринского в «Тержимане» (1902 г.): «Преподавая русский язык своим сородичам, пишет он, я имел возможность хорошо изучить положение и значение мусульманского мектеба. Мусульманские дети почти поголовно проходят через мектеб, но потеряв столько времени и труда, что же они приобретают? Почти ничего. Между тем, проходит самый дорогой учебный возраст и дети призываются из школы родителями на работу в семье.»

Это отзыв о школе, а вот отзыв о состоянии татобразования того же Гаспринского в том же 1902 году:

«По умственному состоянию и мировоззрению мусульмане наши находились, а масса и сейчас находится, в 14 столетии, застыв на птоломеевой системе, не признавая Кеплера, не зная Ньютона, при невозможных понятиях об отношениях народов и государств.»

Что имеет татарское население сейчас? Из 794 школ I-ой ступени по Крыму татарских–348 или 43,9% количества. Работников в них–538 или 403% общего количества. При этом школа получает новую рациональную программу, близкую к жизни и построенную на началах труда, а не на мертвой религиозной догме. Преподавание ведется на родном языке и при том не только во всех группах I-ой ступени, но и на всем протяжении II-ой ступени. Обычная у нас 4-хлетка, в целях педагогических, для детей татар удлиняется на 1 год. Если общее количество этих татарских школ сопоставить с числом татарского населения Крыма–147.889 душ или 26% общего количества, то следует признать положение вполне удовлетворительным, ибо одна школа приходится здесь на 432 жителя, в то время как в РСФСР одна школа I-ой ст. приходится на 921 человек.

В области школ повышенного типа вместо прежних уродливых медресе мы имеем для татарсхого населения сейчас 10 правильно организованных школ II-ой ст. с обычной для всех школ II-ой ст. программой и с интернатами при большинстве этих школ, поскольку все они носят районный характер.

В области методической работы необходимо отметить работу Тат- секции Академического Совещания, подразделяющегося на несколько комиссий: школьная, обществоведческая, сельско-хозяйственная и по гигиене. Здесь разрабатываются основные принципиальные вопросы методичесхого характера, а также ведутся подготовительные работы по изданию учебников на татарском языке.

В этой последней области, т. е. в области издательства сделано чрезвычайно много. Вот перечень изданий только за последний год: 2-ая книга для чтения–5.000 экз., 5-ая книга–3000 экз., география–6000 экз., природоведение–2529 экз., геометрия–10.000 экз., программ на татарском языке–1000 экз., о комплексном методе–1000 экз., краеведение–1000 экз., устав трудовой школы–1000 экз., заветы Ильича–1000 экз.

Печатается обществоведение Вольфсона–3000 экз. и учет работы–1000 экз.

Готовятся к печати:–география Февзи–6000 экз., научная грамматика Чобан-Заде и математика Мухитдинова.

Всего в Крыму изб-читален в настоящее время 149, до 400 ликпунктов и 44 школы политграмоты, ряд библиотечных передвижек по деревням.

Выходят на татарском языке–«Ени Дунья» (Новый Мир), ежедневная и «Яш Куввет», выходящая в неделю два раза (комсомольский орган), два ежемесячных журнала–«Асры Мусульманлык» и «Чолпан».

Крайне интересна и заслуживает внимания работа Крымохриса (Крымского Отдела по охране памятников искусства и старины). В области татарской культуры был выработан план исследования татарской культуры с распределением между отдельными музеями. В силу этого плана, Бахчисарайский музей исследует историю и быт татар эпохи Крымских ханов, художественную и кустарную промышленность татар, Центральный музей Тавриды изучает обще-татарскую этнографию, Евпаторийский музей изучает этнографию степных татар (ногайских), Восточный музей в Ялте, помимо общей задачи сравнительного изучения культур народов Востока, специально изучает этнографию южно-бережных

татар.

При посредстве Крым. СНК и Крым. ЦИК'а организованы две экспедиции в 1925 г.: 1) по раскопкам древнейшей столицы Салхата при участии Ассоциации Востоковедения во главе с профессором Бороздиным и 2) по исследованию этнографии степных татар во главе с завед. Бахчисарайским музеем Боданинским. Обе экспедиции дали большой и интересный материал, переданный в Бахчисарайский и отчасти Центральный Музей Тавриды.

Разработан план археологической и этнографиеской экспедиций на 1926 г. (продолжение работ 25 г.).

Разработана программа по созыву татароведческого с'езда, осуществить который не удалось из-за отсутствия средств.

Итак, мы видим, что и Крым не отстает от других передовых тюрко-татарских республик. Я лишен возможности сделать хотя бы самый краткий доклад о положении средне-азиатских республик. Вина падает не на меня. В Москве я неоднократно обращался к представителям всех наших республик. То, что я здесь докладываю, это на основе официальных цифровых данных из Казакстана, Крыма, Азербайджана и Якутии. Если я о некоторых тюрко-татарских республиках не скажу ни слова, ответственность падает на представителей этих республик.

Перейдем теперь к отдаленной Якутии. В 1922–23 г. г. в Якутии было 115 школ I-ой ступени с 5.418 учащихся, в 1923–24 г.–132, с 6.402 учащихся, в 1924–25 г.–145, с 7.808 учащихся. В текущем году имеется школ i-ой ступени 160. Накануне мировой войны в 1912 г. в Якутской области было 85 школ с 2766 учащихся. Библиотек было в 1923 г.–4, в 1924–13, в 1925 г.–16.

30 лет тому назад я отбывал ссылку в Якутской области. Смешно было бы говорить тогда о беллетристических произведениях на якутском языке, об учебниках на этом языке и т. п. Всего этого в помине не было. Теперь мы видим начало создания якутской литературы. Так в одном 1924–1925 г. появились следующие литературные произведения на якутском языке:

1) Сборних стихотв. «Ырыа-Хосан», соч. Ойунского.
2) Стихи и поэмы в 2-х книгах, соч. А. Кулаковского.

3) Пьеса «Бедный Яков» (Цацаны Цокып), бытов. в 4-х д., соч. А. Софронова.
4) Сборник стихотв. разн. авторов.
5) Поэма «Алексей оксокулах и хорогор Григорий», соч. В. Попова.
6) Поэма «Красный Шаман» (Кыдыл ойун), в б част., соч. А. Ойунского.
7) Перевод революционных песен.
8) Литературный сборник «Искра» («Кыым»).

Печатаются:

1) Сборник стих. А. Иванова.
2) » рассказов и стих.–его же.
3) Ноты якутских песен.
4) Поэма «Манчары»,.в 6 ч., А. Софронова.
5) Пьеска в стих. «От'езд невесты»,–его же.
6) Пьеса «Любовь» в 4-х действ., » – »
7) » «Тина жизни» в 4-х действ., » – »
8) » «Упавши не встанешь» в 5 д. » – »
9) » «Подражает русским» в 1 д., » – »
10) » «Скупой» в 2-х д., » – »
11) 3 пьесы, соч. Сокольникова.
12) Сборник рассказов, соч. Оросина и Давыдовой.

Готовятся к печати:

1) Пьесы . . Н. Неустроева.
2) » . . А. Игнатьева.
3) » . . П. Оросина.
4) Поэмы и рассказы Г. Байшева.
5) Рассказы и стих. А. Софронова.

Изданы в Ленинграде Акад. Наук образцы народной литературы, собр. акад. Э. К. Пекарским и Худяковым.

Печатается учебник по грамматике якутского языка, по арифметике, «Книги для чтения взрослых», различные издания по сель-

скому хозяйству (о луговодстве, удобрении земли и т. д.), по медицине и санитарии и т. д. Значит, и в этом отдаленном суровом краю, в этом унылом краю морозных дней мы видим новую весну жизни, начинающийся расцвет культуры, создание поэзии, литературы, рождающейся науки на родном языке.

Подводя итоги культурным достижениям тюркских народов со времени Октябрьской Революции, мы приходим к заключению, что эта великая Революция выдержала проверку не только военно-экономическим оружием, отбив нападение российской и международной контр-революции и подчинив всю экономику страны интересам трудящихся масс. Эта революция выдержала несравненно более трудную проверку на поле культурно-просветительной работы, приобщив миллионные массы тюркского населения, искусственно удерживавшегося в эпоху царизма во мраке невежества и суеверий, к живительному источнику знания и свободной мысли. Культурные достижения тюркских народов за протекший краткий период поистине громадны. Эти достижения являются всецело продуктом Октябрьской Революции и созданных ею совершенно новых условий жизни рабоче-крестьянских масс СССР, условий немыслимых ни в одном капиталистическом государстве. В заключение я позволю себе закончить мой доклад отрывком из моей речи, произнесенной здесь же в Баку пять лет тому назад на 1-м С'езде Народов Востока.

«Советское рабоче-крестьянское государство, создавшееся в результате Октябрьской Революции 1917 г., является первым государством в мире, где разрешение национального вопроса поставлено на новых началах, ведущих к ликвидации национальной вражды, национального антагонизма между бесчисленными народностями, входившими в состав бывшей царской империи, наконец, экономического и культурного неравенства.

Кому не очевидна разница между нашей рабоче-крестьянской социалистической федерацией и разбойничьими капиталистическими империями? На одном полюсе, в капиталистических странах, зверское подавление национальных меньшинств, а порой национальных большинств, там, где национальное меньшинство держит бразды правления в своих руках. На другом полюсе, в республике Советов–самое бережное, самое братское чувство по отношению не только к более или менее крупным, но и к самым малочисленным национальным единицам, получившим возможность самоопределиться в рамках советской федерации».

Я думаю, что выскажу убеждения всех делегатов С'езда, если скажу: пройдут два–три десятилетия и мы увидим, как вместе с распространением народного образования в Республике Советов, вместе с открытием тысяч и тысяч школ, вечерних курсов, академий и т. д., вместе с полной ликвидацией безграмотности, наряду с удивительными по своей художественной красоте старыми памятниками русской и украинской литературы, с произведениями Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гоголя, Шевченко, появятся новые великие произведения новых гениальных поэтов, беллетристов и т. д. выходцев из рабочей и крестьянской среды всех народов СССР, и в том числе тюрко-татарских (Апплодисменты). Пышным цветом расцветет еще только что пробуждающиеся к жизни татарская, башкирская, киргизская, ингушская и др. поэзия и литература, и все эти отдельные ручьи, притоки, речки, большие реки, причудливо и гармонично переплетаясь, вливаясь и питая своими живительными водами один общий океан поэзии и науки впервые освобожденного от национального и классового гнета трудящегося человечества, будут сверкать такой невиданной, несравненной красотой, подобно которой не могли дать миру ни классическая Эллада со всеми ее дивными произведениями, ни цивилизация Европы средневековой и капиталистической эпох со всей созданной этой цивилизацией плеядой бессмертных поэтов, художников, мыслителей и ученых.

Мы думаем, что Тюркологический С'езд, который вынес свою точку зрения относительно латинского алфавита, будет мощно содействовать этому обогащению поэзии и искусства тюрко-татарских национальностей.

И я позволю себе здесь повторить слова, сказанные мною на днях: латинский алфавит это не мрачный верстовой столб на кровавом пути конфликтов между отдельными тюркскими народностями, и этими народностями в СССР с одной стороны и зарубежным Востоком с другой. Нет, это яркий маяк, ослепи-

тельно сверкающий указательный столб на великой дороге к завоеванию тюрко-татарскими народами культуры, цивилизации, всех благ прогресса, которыми до сих пор пользовались только европейские народы.

Да здравствует 1-й Тюркологический С'езд!

Да здравствует вождь движения в пользу латинизма тов. Агамали-Оглы! (Апплодисменты).

Да здравствует Общество Обследования и Изучения Азербайджана, которое явилось организатором этого С'езда. (Апплодисменты).

Доклад Мандатной Комиссии

Мамед Заде. Т. т., общее количество делегатов 1-го Тюркологического С'езда 131, из них 93 тюрка и 38 не-тюрок. Членов профессиональных союзов 119 человек, не состоящих в союзах –12 человек. Между делегатами есть только одна женщина-делегатка, учительница Султанова из Азербайджана.

Теперь количество делегатов по республикам, областям и персонально приглашенных:

От Азербайджана 6 человек, от Оргкомиссии 15 человек, от Грузии–1, Армении–1, Аджаристана–1, Туркестана–4, Нахреспублики–1, Крыма–3, Татаристана–6, Башкирстана–3, Казакистана–3, Узбекистана–6, Туркменистана–4, Киркизии–2. Ойратской области–1, Якутской республики–3, Калмыцкой области–1, Чувашской республики–2, Уйгурской области зап. Китая–1, Абхазии–1, Хакасск. Округа–1, Северного Кавказа: Карачаевская область–2, Балкарская–1, Чеченская–1, Ингушская–1, Адырей-Черкесская–1, Северо-Осетинская–1, Юго-Осетия–1, от Туркменского района Северо-Кавказа–1, Туркестана–1, Академии Наук–3, Ассоциации Востоковедения–3, Института Живых Восточных Языков в Ленинграде–1, Ташкентского университета–1, Ленинградского университета–1, от Совета Национальностей Северо-Кавказского Краевого Исполкома–2, от Северо-Кавказского Института Краеведения–1, от Уфимского Наркомпроса–1, от Совета Национальностей Наркомпроса РСФСР–4, от Президиума Совета

Национальностей ЦИК'а СССР–1, от Персидского Азербайджана–2, от Северо-Кавказской Научной Ассоциации–1.

Персонально приглашенные: от Азербайджана–2, Татаристанам–2, Северного Кавказа–2, Москвы—2, Украины–1, Ленинграда–4, Крыма–2, Дагестана—2, Закавказья–2, Армении–1, Узбекистана–4, Башкиристана–2, персонально-приглашенных из-за границы: из Турции–3, Германии –2, Австрии–1, Венгрии–1.

Председатель. Есть предложение утвердить. Возражений не встречается?

Теперь перейдем к резолюциям. Слово предоставляется тов. Коркмасову.

Резолюции С'езда

Коркмасов. Прежде всего я прочту вам окончательно принятую резолюцию о тюркском алфавите. Комиссия не внесла каких-либо важных изменений, лишь уточнила некоторые пункты и правильно проредактировала их. В общем и целом наша резолюция осталась той же.

Резолюция С'езда *о новом тюркском алфавите* (читает).

Председатель. Нет возражений? Нет. Принимается.

Коркмасов. Следующая резолюция по докладам *об изучении тюркских языков и о связи тюркских языков с другими языками.* «Заслушав доклад по изучению живых тюрко-татарских диалектов и языков» (читает).

Председатель. Нет возражений? Ставлю на голосование. Кто за эту резолюцию, прошу поднять руки. Принимается единогласно.

Коркмасов. Резолюция по методике преподавания родного языка.

1) Успешное преподавание родного языка (читает).

Председатель. Есть какие либо возражения?

Аюпов. Т. т., я предлагаю никакой резолюции по этому докладу не принимать. Во-первых, потому, что в резолюции имеется целый ряд спорных моментов. Например, там говорится, что изучение родного языка в школах первой ступени должно иметь самодо-

влеющее значение, тогда как по духу новой школы это положение отвергается.

Далее целый ряд следующих моментов, например, о методе Монтессори, о котором тоже можно спорить, и другие моменты.

Председатель. Будем голосовать. Кто за резолюцию Комиссии, прошу поднять руку. Кто против? 4. Кто воздержался? 4. Резолюция принимается большинством.

Голос. Я вношу поправку. Я предлагаю выкинуть слово «самодовлеющий».

Чобан-Заде. Т. т,, очевидно товарищ просто введен в недоумение словом «самодовлеющий». Наверное, он понимает так, что вокруг языка концентрируется преподование других предметов. Самодовлеющее значение языка означает, что в современной методике изучение языка не является подсобным предметом для изучения орфографии и т. д., как было до сих пор. Самодовлеющим значением является то, что, изучив язык, мы пополняем обще-образовательные предметы, смотрим на язык, как на часть психологии и естествознания.

Подавляющим большинством голосов резолюция принимается без изменений.

Коркмасов. *«Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории тюркских народов* (читает).

Здесь есть еще отдельное мнение т. Бартольда. Разрешите его читать (читает).

Мнение В. В. Бартольда

1) Составлению плана производства и исследования вдоль главных торговых путей монгольского периода вполне сочувствую, тем более, что такой же план был внесен мной уже несколько лет тому назад в Академию Материальной Культуры.

2) Необходимо поставить на первую очередь подробное изучение местности и собрания письменных известий. С производством раскопок желательно не спешить. Особенно пока на местах не везде имеются научно прочно поставленные учреждения.

3) Без достижения полного согласия между центральными и

местными учреждениями желательно к раскопкам не приступать. Настоятельно необходимо принять везде те меры к сохранению раскопанных памятников, какие судя по статье в «Новом Востоке», были приняты после раскопок в Старом Крыму.

4) Кроме сотрудничества представителей центра с работниками на местах, желательно сотрудничество представителей центра между собой. По существующим условиям руководство в области Востоковедения технической археологии желательно поручить Ленинграду, в области архитектуры и истории искусств– Москве, чем конечно не исключается ни участие московских ученых в решении востоковедных вопросов, ни участие ленинградских в решении архитектурных.

5) Желательна систематическая подготовка во всех турецких республиках научных деятелей в области местной истории. По существующим условиям план такой подготовхи может быть составлен только в Ленинграде.

6) Появление на турецком языке переводной научной литературы в, особенности научно-популярной–крайне желательно. Желательно, однако,чтобы турецкие народности не повторили ошибки русских, у которых в свое время чрезмерное обилие переводной литературы отразилось на результатах собственной научной производительности.

Одьденбург. То мнение академика Бартольда, которое было зачитано, не является для нас ни в какой мере обязательным. Оно относилось к Комиссии и только зачитано здесь к сведению, но не к голосованию. Но от имени Бартольда и своего личного, я хотел бы обратить внимание на одно обстоятельство. Вполне сочувствуя всему тому, что вынесено в резолюции, предложенной Комиссией, нам кажется, что здесь дело поставлено так широко, что никакими силами, которыми мы располагаем в настоящее время и даже которыми мы будем располагать в течение целого ряда дальнейших лет, эта колоссальная программа не может быть исполнена, и Второй Тюркологический С'езд поставит нам на вид, что мы взяли как бы на себя обязательства слишком большие, такие, каких мы исполнить не могли. Поэтому позвольте предложить, не меняя ничего в тех резолюциях, которые предложены и которые, повто-

ряю, по существу своему правильны, прибавить только ввиде заметки к протоколу сегодняшнего заседания, «что в отношении ко всем тем предложениям наш С'езд сознает, что может быть только приступлено к первым шагам по осуществлению всего того; что здесь предложено».

При такой поправке Второй С'езд не сможет упрекнуть нас в слишком большой мечтательности, и все то, что мы наметили здесь, можно сделать только как первые скромные шаги.

Голос. Я понимаю так, что резолюция, которыя была предложена Комиссией, ни в коем случае не считала, что она преувеличена и что она исчерпывает план работы. Я думаю, что Комиссия учла все те данные силы, которые находятся на территории Азербайджана и СССР, поэтому я высказываюсь против добавления.

Чобан-Заде. В основе я согласен со всеми доводами. Однако, я думаю, что заявление Ольденбурга имеет громадной важности значение, и академика Бартольда также. А поэтому нам нужно принять за основу резолюцию Комиссии, поручив Президиуму прокорректировать ее с тем, чтобы туда вошли и поправки Бартольда и Ольденбурга.

Председатель. Есть предложение–принять за основу резолюцию с мнением академиков Бартольда и Ольденбурга, поручить Президиуму окончательно средактировать, согласовать то слово, которое удовлетворит всех. Кто за это предложение, прошу поднять руки. Принимается единогласно.

Коркмасов. По докладу *о краеведении* предлагается следующая резолюция (читает).

Председатель Нет возражений. Принимается.

Коркмасов. (Читает *резолюцию Этнографической Комиссии*).

Председатель. Есть возражения? Нет? Принимается.

Коркмасов. Проект резолюции *об орфографии тюркских языков* (читает).

Председатель. Есть возражения? Кто против резолюции? Двое. (Резолюция принимается).

Коркмасов. *Резолюция организационной Комиссии* (читает). (Апплодисменты).

Председатель. Возражений нет?

Голос. Там сказано, что все прочитанные доклады на том же языке будут изданы, а доклады, прочитанные на русском языке будут ли переведены на тюркские языки или нет? Желательно чтобы были переведены. Затем там предлагается организовать по всем республикам отдельные тюркологические комитеты, а руководящий центральный орган научный будет или нет?

Председатель. Сначала, конечно, нужно организовать республиканские комитеты. Когда они фактически появятся, то они несомненно в дальнейшем сами сделают шаги в этом отношении, сорганизуются в центре, а пока примем эту резолюцию с вашим добавлением о том, чтобы был сделан перевод докладов сделанных на русском языке, чтобы был перевод и на тюркские языки. Это несомненно необходимо. Голосую резолюцию с этим добавлением. Кто за резолюцию с добавлением прошу поднять руки. Кто против? Принимается.

Коркмасов. Здесь по докладу профес. Кеплюрю-Заде еще не выработаны тезисы, поступило только краткое резюме, которое я прочту.

Кепрюлю-Заде. (Читает по турецки). (Апплодисменты).

Чобан-Заде. (по тюркски). Предлагаю прочитанную резолюцию–тезисы принять за основу и поручить президиуму разработать на основе этих тезисов подробную резолюцию.

Председатель. Кто за предложение т. Чобан-Заде? Кто против? Принимается.

Коркмасов. Резолюция по вопросу *о системе научной терминологии на тюркских языках* (читает).

Председатель Есть дополнения или возражения? Нет. Принимается (Апплодисменты). Т.т. резолюции закончены. Есть несколько просьб о предоставлении слова. Я думаю, что это придется сделать. Первое слово предоставляется азербайджанскому поэту, Салману Мумтазу.

Салман Мумтаз (по-тюркски).

Ибрагимов Галимджан. Работы 1-го Тюркологического С'езда идут к концу. Разрешите задержать ваше внимание на несколько минут на одном вопросе. Когда мы ехали сюда на С'езд, перед

представителями местных тюркскх республик были, главным образом, две задачи. Одна из этих задач заключалась в том, что среди тюркских народов по той политике, которая проводилась царской властью, были некоторые недоразумения, безусловно не имеющие серьезных корней, но они продолжались и нам во многом они мешали. Мы полагали, когда ехали на С'езд, что 1-й Тюркологический С'езд безусловно поможет и должен помочь нам изжить те недоразумения, которые существуют. Это был один момент. Другая задача наша заключалась в том, что изучение тюркологии с одной стороны идет теоретическое, с другой стороны, у нас на местах идет практическая работа, но все это было очень разрознено. Эта разрозненность заключалась, во-первых, в разрыве теории с практикой и в разобщенности тех практических работ, которые велись во всех республиках. Мы полагали когда ехали на С'езд, что всей этой разобщенности и разрозненности должен быть конец, и полагали, что 1-ый Тюркологический С'езд в этом нам поможет. В течении 10 дней работы, что мы получили? На самом деле, мы получили то, чего мы ждали. Я надеюсь, что выскажу ваше общее настроение, если скажу, что мы безусловно получили, чего ждали от этого С'езда. Именно по первому вопросу и по второму вопросу. По первому вопросу, в результате общей коллективной работы, наши общие задачи, которые стоят перед всеми тюркскими народами в области культуры, при разрешении коллективной работы никаких недоразумений среди нас и никаких враждебных настроений не было, они изжились, или было приступлено к тому, чтобы они в будущем безусловно были изжиты. Это я считаю первым серьезным результатом нашего С'езда.

Другой момент. Теоретическая работа по тюркологии велась нашими крупными академиками и профессорами, как Катановым, Радловым, Томсеном и многими другими работниками по тюркологии, но они все далеки от нашей ежедневной практической работы. Этот С'езд был первым опытом об'единения теории и теоретических работников с практиками для разрешения тех или иных практических работ. Представитель такого далекого тюркского народа, тов. Тынстанов из далекой Киргизской Республики приезжает сюда и работает над разрешением своих очередных

задач с академиками Бартольдом, Ольденбургом и другими крупными работниками, работает над разрешением этих задач, над разрешением практики и теории. Это был первый результат, это безусловно дало свои определенные серьезные результаты.

С другой стороны, другой момент-разрозненности. Опыт Киргизии, Башкирии и Туркестана был нам известен только по книгам, и в нашей общей работе он здесь получил единую систему. Таким образом, и в той и в другой области наш С'езд дал результаты, дал то, чего мы ждали.

Поэтому я надеюсь, что выражу общее ваше настроение, если скажу от имени тех тюркских местных работников, которые приехали сюда, и выражу благодарность тем учреждениям и отдельным работникам, которые работали над созданием созыва этого С'езда. Первым долгом над созданием этого С'езда работал азербайджанский народ, Азербайджанская Республика в лице ее известных руководителей. Товарищи, разрешите от вашего имени благодарить как азербайджанский народ, так и Республику и их руководителей за созыв этого С'езда. Это первое. (Апплодисменты).

Также разрешите благодарить те научные учреждения, особенно Ассоциацию Востоковедения, во главе с марксистом-ученым тов. Павловичем, и тех ученых академиков-профессоров тюркологии, которые, не будучи тюрками, работали всю жизнь над изучением тюркских народов и на данном С'езде нам во многом помогли в разрешении тех задач, которые стоят перед нами. Разрешите благодарить от вашего имени всех этих лиц, учреждения и пожелать, чтобы в дальнейшем мы в местной практической работе могли надеятся на помощь и на поддержку в отношении солидарности теории и практики.

Да здравствует в будущем соединение теории и практики во всех научных работах. (Апплодисменты).

Ольденбург. Скоро здесь раздадутся те последние слова нашего уважаемого председателя, которые скажут, что наш С'езд кончен, и мы разойдемся. Но он, по понятным причинам, не скажет тех слов, которые, мне кажется, должны мы все сказать. Этот С'езд, конечно, с'езд знаменательный. Он оставит свой след в жизни всех

наших народов, всего нашего Союза и, думаю, выйдет и за пределы нашего Союза. Но если этот С'езд, несмотря на оживленный обмен мнений часто, и я скажу, тем не менее, более чем оживленный иногда, прошел чрезвычайно дружно и хорошо, то, я думаю, в первую голову мы этим обязаны тому, что во главе его стоит такой прямо исключительный председатель. Мои годы и мой опыт позволяют мне смело сказать, что таких председателей действительно мало.(Апплодисменты). Первый он приходил сюда и последний уходил отсюда, показывая пример, как надо действительно работать. Я думаю, кроме этого, никто из нас не забудет того редкого доброжелательства, с которым он встречал каждого из нас, а ведь мы, пожалуй, положа руку на сердце, не мало его утомляли. Мы помним, как ему часто приходилось прибегать к колокольчику, с каким милым добродушием и хорошим видом он это делал! К сожалению, его не всегда слушались, но в конце-концов он победил, хотя, может быть, два лишних дня мы потеряли, но, конечно, это не по его вине. И С'езд кончается, но я думаю, что мы не окончили своего дела надлежащим образом, если не скажем: «Да здравствует наш уважаемый председатель!» И пусть все дальнейшие председатели тюркологических с'ездов,–а я убежден, что еще много будет тюркологических с'ездов и председателей,–пусть все дальнейшие председатели будут похожими на нашего первого председателя. (Аплодисменты).

Наш С'езд, как говорится, родился под счастливой звездой, и это– звезда нашего обожаемого председателя. Приветствуем его, и когда он скажет нам «прощайте», мы скажем ему с глубоким сожалением: «не прощай, а до свиданья!» (Апплодисменты).

Рахими (по узбекски). Председатель Узбекистана подносит халаты Агамали-оглы, Кулиеву, Джабиеву, Мусабекову и Мамед-Заде. (Бурные апплодисменты).

Джабиев. Т. т., я, с разрешения С'езда, буду говорить только на русском языке, имея в виду то, что надо экономить время, чтобы все товарищи поняли. Я говорю от имени Азербайджанской делегации в ответ тем товарищам, которые сегодня выступали и выражали теплую братскую благодарность азербайджанскому народу, Азреспублике и высшим органам Азербайджана за ту работу, ко-

торая проделена ими в направлении подготовки с'езда.

Т. т., с самаго начала я должен оговориться, что, по правде говоря, именно первый Тюркологический С'езд должен был быть созван в Средней Азии и в первую очередь в Узбекистане. Сложившиеся обстоятельства,–срочная необходимость созыва С'езда и та огромная нужда и потребность в обсуждении и совместном разрешении тех вопросов, которые в течение 8-ми дней обсуждались на С'езде, настоятельно требовали, чтобы С'езд был созван, и Азербайджан в этом взял на себя инициативу. Я, т. т., думаю, что сейчас к концу С'езда можно будет сделать некоторые общие выводы из того, почему стало возможным, во-первых, созвать именно такой Тюркологический С'езд, и во-вторых, почему именно в Азербайджане. Т. т., тут все ораторы указывали на то огромное значение, которое будет иметь С'езд для культурного развития всех тюркских народов. В первую очередь наш С'езд войдет в историю, как С'езд культуры, и послужит огромным толчком для культурного развития всех братских тюрко-татарских народов. И вот, т. т., тут вырисовывается огромная роль, та великая историческая роль Советской Власти, при которой стало возможным культурное развитие и отсюда созыв такого С'езда. Я, т. т., привел бы вам такой факт, факт из области отношений Азербайджана в 18, 19, 20 годах к своим соседям, наиболее близким соседям, братскому Дагестану. Я не говорю о том, что стоявшее у власти феодально-буржуазное правительство авантюристов и аферистов не только не думало о том, чтобы культурно помочь, оказать культурное содействие братьям нашим, дагестанцам, связанным с нами во многом больше, чем с каким бы то ни было народом, а, наоборот, думало, воспользовавшись наступлением Деникина, или других контр-революционных армий, урвать из живого тела дагестанского народа–Дагестанской республики целые округа, как Кюринский и Самурский округа,–это факт. Это делали националисты, националистическое, контр-революционное правительство. Советская власть в Азербайджане в течение 5-ти лет вплоть до сегодняшнего дня–наши братья дагестанцы это зафиксировали на целом ряде фактов,–доказала, что она является во всей своей работе антиподом того правительства, правительства национали-

стов. Политике этого правительства Советская власть противопоставила братские отношения с соседями.

С первых же дней Советской власти Дагестану была оказана всевозможная помощь именно в культурной области, также всем другим республикам по возможности было оказано такое же содействие.

Вот, т. т., какая совместная работа на поприще культурного строительства стала возможна именно при Советской власти. Народы бывшей царской Империи получили широкую возможность не только культурного развития для себя, но и возможность оказывать культурное содействие друг-другу. Конкретно эта работа вылилась в созыв великого исторически-важного Тюркологического С'езда, где мы совместно собрались, обсудили все принципиальные теоретические и практические вопросы нашего культурного строительства соответственно местным условиям, местным потребностям и потребностям каждого народа. Вот почему этот факт огромной и исторической важности должен всегда стоять перед каждым членом С'езда. Все должны знать, что именно при Советской власти стало возможным созвать и, именно при Советской власти был созван Тюркологический С'езд. Советская власть и органы ее, начиная от ЦИК'а СССР, кончая Бакинским Советом Рабочих, Красноарм., Матросских и Крестьянских депутатов, приняли все меры для того, чтобы обезпечить 1-му Тюркологическому С'езду плодотворную работу. (Апплодисменты).

Азербайджан никогда не старался дать почувствовать никому, в особенности своим братским народам, хоть намеком на то, что мы выставляем себя как передовой народ, наиболее культурный, наиболее образованный, что нам в каком бы то ни было отношении должно принадлежать руководство. Практическая работа по созыву с'езда изо всех работников татарских республик, которые были включены в состав с'езда, лучше всего это доказывает. В организационную комиссию вошли и т. Галимджан Ибрагимов и т. Одабаш и т. Фитрет и т. Коркмасов, все они составили ядро организационной комиссии. Мы сделали все для того, чтобы созвать первый тюркологический с'езд и все, чтобы этот с'езд был созван

в Баку. Теперь, товарищи, очередная задача созвать следующий с'езд. Очередь за тем, чтобы те же представители, или может персонально другие товарищи, но опять таки сами культурники, из самых настоящих культурных организаций тюрко-татарских республик сделали все к тому, чтобы созвать к необходимому сроку– когда жизнь этого настоятельно потребует, чтобы был созван 2-й Тюркологический С'езд. Вот почему я провозглашаю лозунг «Да здравствует 2-й Тюркологический С'езд в г. Самарканде». (Апплодисменты).

Байтурсун. Товарищи, здесь на этом С'езде мы видели настоящее пробуждение тюркских народов. Здесь обсуждались вопросы научные и практические с участием представителей тюркских народов. Назначение науки, знания–это облегчение человеческих страданий, увеличение жизненных благ и удобств. Человечество, стремясь все больше к увеличению жизненных благ и удобств все больше и больше увеличивало эти блага и удобства, человек научился переплывать моря, человек научился перелетать воздушные пространства. Все это есть культурные достижения, хотя эти культурные достижения являются плодом усилий всего человечества, но эти культурные достижения в одинаковой мере не обслуживали все человечество потому, что этими культурными достижениями завладели империалисты, капиталисты, колонизаторы. Современная положительная наука и усовершенствованная техника служили для наибольшей и наилучшей эксплоатации природы и вместе с тем служат для наилучшей и наибольшей эксплоатации человеком человека, являющегося тоже частью природы. Современное человечество так кичливо называющее себя высоко культурным, во многом хотя ушло далеко от первобытного человечества, например, умножились его познания, расширились его идеи, совершенной стала техника, но внутренняя природа человека осталась неизменной. Напротив, культура во многих отношениях усилила низменные чувства человека, прикрывая их благообразием культуры. С развитием культуры это благообразие уплотнилось, а с уплотнением благообразия культуры увеличилось лицемерие потому, что за уплотненной ширмой благообразия

не видно было низменных инстинктов и чувств: самое низменное чувство прикрывалось самыми высокими словами. Теория преуспевала в одном, а практика делала другое, и в результате получилось, что жизнь стала сплошной несправедливостью и организованным лицемерием. Все чувствовали, что на свете творится что-то неладное, требующее лечения. Самые великие умы искали исцеления для этого и искали средств для исцеления, и не могли найти этого. От этого возникали разные учения и существуют разногласия в одном и том же учении для изменения существующего строя. Одной из попыток является Великая Русская Революция, ставящая целью осуществление социализма. Социализм это высшая форма общественного устроения и требует высшей культуры. Мы, тюркские народности, в этом великом деле могли первое время, конечно, оказать мало помощи, но достаточно сейчас с нас того, что взоры наши обращены именно в эту сторону, а не в другую. Пройденные нами пути тернисты, нам не зачем оглядываться назад. Назад могут оглядываться только те, у которых было светлое прошлое, а у нас этого светлого прошлого не было, и мы естественно должны стремиться вперед. Наш лозунг вперед, а не назад. (Аплодисменты). Нашими идеалами должны быть не вороны, слетающиеся на готовую добычу, а нашими идеалами должны быть соколы, совместными усилиями добывающие себе добычу. Великий русский писатель Максим Горький ставит перед лицом жизни двух людей. Один ее умоляет, униженно просит дать ему счастье, свет, и беспристрастная жизнь ему говорит: просишь, как нищий, подаяния, но знай, мой друг,–жизнь милостыни не дает. Когда выступает другой и грубым голосом говорит: я не прошу, я требую. И на вопрос жизни, чего он требует,–отвечает: «справедливости, все остальное я возьму сам, мне теперь нужна только справедливость, я ждал долго, терпеливо ждал, ждал в лишениях без отдыха, довольно! Где справедливость?» И беспристрастная жизнь ему ответила: «Возьми.»

Но справедливость не есть нечто подобное готовому столу с разными яствами, к которому каждый может подойти и брать, что ему нужно. Справедливости не берут потому, что справедливости нет. Справедливость создается только людьми, как всякое человеческое создание. Справедливость не знает уважения к чужому праву, а в природе господствует сила. Где господствует сила, там справедливости нет, но есть другая сила, которая, умеряет, регулирует до некоторой степени природную силу, эта сила есть сила культуры. Человек может добится справедливости только уравнением в культуре. Равенство культуры это не покупается и не получается в подарок, а собирается своими усилиями. Жизнь милостыни не дает и жизнь не подбирает и не дожидается отстающих (Аплодисменты).

Председатель. Товарищи, здесь еще есть несколько товарищей, желающих слова. Я заранее благодарю их за то, что они скажут, но все-таки их имена провозглашу. Здесь от группы делегатов тов. Рогдаев, казанский крестьянин Мустафимов, потом Аюпов. Я, товарищи, за всех могу поблагодарить и за то, что они здесь скажут, но надо будет все-таки кончить и предоставить последнее слово самому себе.

Наконец, товарищи исторический С'езд, на создание которого положены были огромные труды и заботы, созван и кончен.

Идея с'езда сначала не тюркологического, а вообще с'езда восточных народов для разрешения некоторых культурных вопросов, а именно вопросов об алфавите, а также вопросов, касающихся языка возникла еще при тов. Нариманове. Затем эта идея перешла в идею о созыве тюркологического с'езда. Организовать такой с'езд без опыта у себя и у других «тюркских народов было делом колоссального труда, и он таким действительно и был. Если я не ошибаюсь, почти полтора года мы работали над созывом этого с'езда. Тов. Джабиев сказал об участии представителей всех народов в созыве этого с'езда. Я это не отрицаю, но добавляю в скобках, что на плечи молодого тов. Джабиева пала более тяжелая часть всей огромной работы.

Затем, т. т., все говорят, что состоявшийся С'езд имеет огромное значение. Это несомненно так. Я считаю, что в тюрко-татарском мире Востока произошли две крупные революции, революции, которые пикой вонзились в то ужасное, черное, дикое, которое эти народы держало веками в изоляции от всего человечества, держало в мрачном футляре, где они варились в собственном соку.

Вот в стенах этого футляра пробита первая брешь в Ангорской Турции. Это было, когда изгнали исламистическое самодержавие,–халифат, вырвав его с корнем и забросив его за тридевять земель. Конечно, быть может, многим старым туркам это больно, но это ничего, на то они и старые. Но за то, т. т., жизнь открывается молодым туркам. Вот об этом то и надо подумать.

Вторая революция, которая вонзила тоже свое жало в сердце этого старого–она проделана в Азербайджане; это есть алфавит (Бурные апплодисменты). Но до этих революций одна великая революция, пролетарская, русская потрясла весь мир, дала толчек всем спящим и дремлющим, отразилась неудержимо и у нас на Востоке, дав те две революции, о которых я сказал, и которые дадут нам возможность более быстрым темпом расти. И эта быстро растущая жизнь потребует новых грядущих с'ездов, для более глубокого освещения высших культурных задач. Жизнь никогда не стояла на одном месте и никогда не остановится, мчась все вперед и вперед, когда Советы сняли препоны ее стремлениям... Но данный С'езд,–я должен это сказать, и я думаю, что не ошибусь,–данный С'езд кладет основу, культурную основу для вступления тюрко-татарских народов, до сих пор державшихся не только внешними цепями, капиталистическими, велидержавными, но и собственными цепями, вдали от общечеловеческого движения, ныне разорвав собственные цепи, народы эти становятся в один ряд с другими передовыми народами. Мы уже можем записать их наряду с культурнейшими семьями передового человечества. Вот какое значение имеет этот С'езд (Апплодисменты).

Еще одно я отмечу. Об этом уже говорили. С'езд–не выдуман ни чьей головой. Никогда не бывает такой головы, которая могла бы раньше жизни что-нибудь выдумать. Этого не было в истории и никогда не будет.

Может быть только такая голова, которая сумеет использовать своевременно выдвинутые жизнью вопросы. Это совершенно ясно. Идея тюркологического С'езда выдвинута нашей жизнью, именно тюрко-татарской жизнью. Тюрко-татарская жизнь получила гигантский толчек от пролетарской революции и неодолимым потоком потекла к новой жизни, и в течение нескольких лет

одни и те же вопросы подняла в разных пунктах тюрко-татарских стран, начиная от Константинополя, через Казань и Ташкент и дальше. Вот что значит сила революции! И С'езд есть плод великой революции, созданный так же самой жизнью, и вот почему он так великолепно у нас прошел. Правда, кое-какие неловкости у нас были, но эти неловкости потонули в волнах чудного настроения и стали незаметными. Это, я считаю, есть успех пробуждения тюрко-татарских народов. Это есть следствие влияния пролетарской революции, прокатившейся с Севера. Но если до сих пор наши народы не могли участвовать полностью в этой великой революции, мы думаем, что теперь, уже порвав окончательно духовно с панисламизмом, рука об руку скоро со всеми народами явимся славными бойцами за освобождение угнетенных всего мира, всего человечества.

Да здравствует великая революция, да здравствует единение всех трудящихся народов в мире! (Продолжительные апплодисменты).

Об'являю, товарищи, 1-ый Тюркологический С'езд закрытым.

Голоса: Да здравствует III-й Интернационал (Овации, все встают, поют «Интернационал»).

Заседание закрывается в 10 ч. 15 минут.

К о н е ц

РЕЗОЛЮЦИИ

1-го Всесоюзного Тюркологического С'езда

Резолюция С'езда о новом тюркском алфавите

1. Констатируя преимущества и техническое превосходство нового тюркского (латинского) алфавита над арабским и реформированным арабским алфавитом, а также огромное культурно-историческое и прогрессивное значение нового алфавита сравнительно с арабским, С'езд считает введение нового алфавита и метод его проведения в отдельных тюрко-татарских республиках и областях делом каждой республики и каждого народа.

2. В связи с этим С'езд констатирует факт огромного положительного значения, заключающийся во введении Азербайджаном, областями и республиками СССР (Якутией, Киргизстаном, Ингушетией, Карачаево-Черкесской, Кабардинской, Балкарской, Осетией и Чечней) и широком движении за введение нового алфавита на латинской основе в Башкирии, Туркменистане, Узбекистане и Адыгейско-Черкесской области.

Отмечая и горячо приветствуя положительную работу, проделанную означенными областями и республиками в области введения нового тюркского (латинского) алфавита, С'езд рекомендует всем тюрко-татарским и другим народам изучить опыт и метод Азербайджана и других областей и республик СССР, для возможного проведения у себя этой реформы.

Об изучении тюркских языков и о связях тюркских языков с другими языковыми семьями

Заслушав доклад по изучению живых и литературных тюркских диалектов и языков, С'езд признает очередными задачами на ближайшее будущее в этой области:

1. Углубленное, детальное изучение отдельных языков, наречий и говоров, путем собирания и издания языковых материалов и составления отдельных научных грамматик и словарей.

2. Подготовительные работы по сравнительно-исторической

грамматике, сравнительному этимологическому словарю и классификации тюркских языков и диалектов.

3. Составление библиографии по тюркологии.

4. Продолжение исследований отношения тюркских языков к другим алтайским и угро-финским с учетом достижений яфетической теории.

5. Организация тюркологической работы на основе коллективного труда в международном масштабе по определенному плану с обеспечением издательской деятельности.

По методике преподавания родного языка

1. Успешное преподавание родного языка у тюркских народов не может быть поставлено вне серьезного изучения отдельных языков и их диалектов, и вне хорошего лингвистического образования учителей, для чего элементы этого образования как в средних, так и в высших педагогических учебных заведениях должны иметь самодавлеющее значение.

2. Метод целых слов (американский) в обучении грамоте имеет значение преимущественно в языках с исторической орфографией.

3. Звуковой метод может быть с успехом применяем в языках с фонетической орфографией.

4. Рекомендуется обратить внимание на организацию обучения грамоте звуковым методом по Монтессори.

5. Механическое списывание в чистом виде является плохим средством обучения письму. Для достижения хороших результатов необходимо, параллельно с письмом, сосредоточение внимания обучающихся на внешние формы языка путем анализа, путем решения соответствующих звуковых задач, связанных с письмом.

6. Те же методы, т. е. анализ языка и разыскание значения отдельных его элементов должны сопровождать и занятия по развитию речи.

7. Естественное двуязычие многих учащихся является условием благоприятным для подобных занятий и должно быть всячески развиваемо и используемо как для общего культурного развития учащихся, так и для чисто практической цели–овладения стилем.

8. При преподовании грамматики следует исходить из форм, разыскивая их значение. Но не следует забывать, что выразительными средствами языка являются не только формы слов, но и формы сочетания слов и другие синтаксические средства. Во всяком случае никогда не следует отыскивать в языке категорий, которые не выражены ни морфологически, ни синтаксически.

9. На второй ступени желательно изучение научной грамматики, как самостоятельного предмета.

10. Преобладающим материалом обучения на первой ступени должна служить народная словесность тюркских народов.

11. Литература на второй ступени должна изучаться и в плане эпизодическом, в связи с обществоведением и с преобладанием современной литературы, и в плане историко-литературном. В историко-литературный очерк должно быть включено и краткое знакомство с литературами других тюркских народов. В связи с этим должны быть изданы соответствующие хрестоматии.

По докладам «Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории тюркских народов»

Комиссия принимая во внимание тезисы докладчиков и происшедший в заседании комиссии обмен мнений предлагает следующее:

1. Необходимо обратить серьезное внимание на изучение памятников материальной культуры тюркских народностей СССР. В первую очередь нужно произвести учет и регистрацию имеющихся памятников древности. Ввиду разрушения многих исторических памятников, необходимо принять срочные меры к их охране, об'явив наиболее крупные из них заповедниками.

2. Развивая раскопочную работу во всех восточных республиках и областях, нужно вести ее по известному плану. В первую очередь желательно поставить археологическое обследование торговых караванных путей из Средней Азии в Поволожье и на Черноморье, и из Персии к устьям Волги вдоль берегов Каспийского моря. Желательно составление планов археологических работ на ближайшие пять лет.

3. При организации археологических экспедиций необходимо широкое привлечение местных работников из коренного населения.

4. На ряду с археологическими экспедициями существенно нужны экспедиции археографические для собирания письменных материалов.

5. В области изучения истории тюркских народностей необходимо усилить как монографическое обследование, так и составление общих исторических обзоров в социологическом освещении.

6. В историческом изучении необходимо обратить ближайшее внимание на исследование новейших эпох, особенно вопросов экономической и социальной истории, до сих пор мало разработанных.

7. Необходимо обратить серьезное внимание на изучение народных и революционных движений среди тюркских народностей. При обследовании революционных событий последнего времени необходимы, наряду с собиранием всякого рода письменных материалов, опросы участников и очевидцев революционных событий.

8. Необходимы публикации результатов экспедиций по изучению культур тюркских народов и издания археологических карт и научных описаний памятников восточных республик и областей в СССР.

9. Необходимо приступить к систематическому изданию важнейших источников по истории тюркских народов, как напечатанных уже и разбросанных по разным летописям, собраниям законов, журналам и т. д., так и неизданных до сих пор архивных материалов с переводом их на местное тюркское наречие.

10. Необходимо составление указателей архивных материалов, касающихся истории тюркских народов СССР.

11. Желательны переводы на тюркские языки важнейших трудов русских и иностранных ученых по истории тюркских народов.

12. Ко II Тюркологическому С'езду желательно произвести ряд археологических экспедиций и опубликовать исторические материалы во всех восточных республиках и областях Союза с тюркским населением.

По докладу о краеведении

1. С'езд признает громадное значение Краеведения, как единственной широкой и надежной культурной базы для тюркологической работы.

2. С'езд обращает внимание Наркомпросов всех заинтересованных в успехах тюркологии республик на необходимость выделения из бюджетов наркомпросов достаточных ассигнований на правильную материальную постановку Краеведения.

3. С'езд считает, что основными формами краеведческой организации являются низовые краеведческой ячейки, а затем центральное бюро по отдельным республикам и областям.

4. С'езд считает, что необходимо, устройство при всех краеведческих организациях соответствующих картотек по краеведческим вопросам.

Об орфографии тюркских языков

1. Первый Всесоюзный Тюркологический С'езд по вопросу об орфографии для тюркских языков находит: что из современных

четырех основных научных принципов правописания, имеющихся в культурных языках, самым подходящим для тюркского языка является главным образом принцип фонетический, в той или другой мере комбинированный с этимологическим (морфологическим).

2. Применение этимологического принципа должно зависеть от наличия литературной традиции, от большей или меньшей диалектической раздробленности данного языка и от того, насколько этимологический принцип в каждом данном случае способствует об'единению на письме диалектов, обосновывая правописание для инако говорящих.

3. Для правописания могут быть используемы лишь этимологии, очевидные для всех говорящих на данном языке. Этимологический принцип не должно смешивать с историческим, и этого последнего следует избегать.

4. Принцип фонетического написания по говору данного народа арабских и вообще иностранных слов (европейских и др.), вошедших в турецкие языки, является необходимым, так как он облегчит усвоение грамотности народной массой, в значительной мере еще неграмотной, а затруднить может лишь сравнительно небольшой слой знающей арабский язык интеллигенции.

5. Фонетическое правописание основывается на произношении; поэтому необходимо из наблюдений над живыми тюркскими языками выяснить виды слогов, участие в них гласных и согласных звуков и особенности гласных и согласных звуков в начале, середине и конце слов.

6. Из существующих для тюрко-татарских языков трех алфавитов арабский алфавит в неизмененном виде не соответствует требованиям фонетического письма ни на одном из тюркских языков. Реформированный арабский алфавит пока не послужил основой для последовательно разработанной орфографии; новый же латинский алфавит, принятый в Азербайджане и в других Республиках и автономных образованиях создает, благодаря отсутствию традиции, более благоприятные условия для создания орфографии, удовлетворяющей требованию достаточной фонетичности письма.

7. Рекомендуя сохранения единой формы орфографии в данном литературном языке, С'езд отвергает тенденции провинциализма (раздробленности), встречающиеся в некоторых тюркских наречиях.

8. Для установления рационального фонетического правописания тюркских языков необходимо создание орфографических словарей тюрко-татарских языков.

9. С'езд считает желательным разработку соответствующими научными учреждениями вопроса о создании единой фонетической научной транскрипции на основе латинского алфавита для передачи звуков всех тюрко-татарских языков.

Организационной Комиссии

1. Организовать на местах тюркологические комитеты.
2. Задачи этих комитетов сводятся к следующему:
   а) Собирание всех материалов по тюркологии; учет уже изданного;
   б) Собирание и учет всех местных тюркских рукописей;
   в) изучение местных говоров и наречий.
3. На издание работ местных комитетов соответствующие наркомпросы тюркских республик должны выделить особые средства.
4. Все местные комитеты тюркологии должны иметь между собой постоянную связь и обмен материалами и работами.
5. Для взаимного обслуживания и развития тюркологии необходимо создать трехмесячный периодический сборник, где материалы будут помещаемы на всех тюркских и других языках СССР.

В первое, по крайней мере, время издание должно вестись при Обществе Обследования и Изучения Азербайджана.

6. Необходимо принять меры к активному участию тюркских научных работников в научных экспедициях, предпринимаемых научными учреждениями Союза.

7. С'езд приветствует план принятый Академией Наук СССР, Комиссар. Просв. Турции и Берлинской Академией о переиздании словаря Радлова с дополнениями и считает необходимым поддержать это крупное научное предприятие.

8. Все доклады с'езда должны быть напечатаны на том языке, на каком они читались; должен быть издан и русский перевод их. С'езд считает также желательным издание краткого резюме этих протоколов на французском языке.

Для издания этих протоколов при Обществе Обследования и Изучения Азербайджана организуется комиссия из трех лиц: профессора Чобан- заде, тов. Зифельдта и тов. Джабиева.

9. Доклад профессора Чобан-Заде по четырнадцатому пункту программы с'езда должен быть включен в издаваемые протоколы, хотя он и не был прочтен.

10. Желателен созыв второго Тюркологического С'езда не позже как через два года в Самарканде.

О системе научной терминологии на тюркских языках

1. При установлении научной терминологии из родных тюркских слов считаться с принадлежностью каждого языка к определенной группе, чтобы не терять связи с остальными членами группы.

2. В основу терминологии брать наиболее распространенные и наиболее соответствующие данному понятию слова.

3. В случае отсутствия подходящих слов в данной группе, брать слова из других тюркских групп, давая им предпочтение перед нетюркскими словами.

4. Усвоенные широкой массой арабо-персидские термины, в случае отсутствия соответствующих слов в тюркских языках, оставляются, с условием подчинения их правилам тюркской грамматики.

5. Считать невозможным для тюркских языков дальнейшее заимствование арабо-персидских слов, окончательно отказаться от возврата к арабизмам и персидским терминам, и при выборе новых терминов держаться обще-европейской ориентации.

6. Из обще-европейских слов принимать только корни, согласуя их с природой тюркской артикуляции. Слова, принятые уже из нетюркских языков и приспособленные к тюркской артикуляции, в смысле перемещения слогов и звуков или некоторого их изменения, оставлять в таком виде, в каком они узке приняты и усвоены.

7. Все последующие этимологические наслоения, связанные с этими корнями, подчинить природе тюркских языков.

8. Исходя из педагогических соображений, следует при составлении терминов для школьной литературы по возможности ориентироваться:

на местные республиканские наречия для школ I ступени;
на групповые (для добавочных терминов) для школ II ступени;
на обще-европейские (для добавочных терминов) для высших школ.

Число иноязычных терминов должно уменьшаться с приближением к I ступени.

9. При установлении пределов научного языка, выработанного из языка широких масс, необходимо систематизировать термины таким образом, чтобы избежать создания языков верхнего и нижнего слоев населения. В целях общепонятности, принимая во внимание законы словообразования, следует прибегать и к образованию для новых понятий сложных слов из двух тюркских корней.

10. Слова, имеющие много значений, в целях уточнения, следует употреблять лишь в одном из них, наиболее близком по духу к данному понятию.

11. При составлении терминов необходимо избегать искусственно сокращенных слов, затрудняющих понимание и употребление их массами.

12. В каждой республике должны работать постоянные терминологические комиссии, которые должны делиться своим опытом с другими, для чего по инициативе одной из них созываются периодически совещания для под'итоживания всех достижений в этой области.

13. Считать необходимым создание общетюркского словаря научных терминов для облегчения дальнейшей работы каждой республики в отдельности.

Постановления этнографической комиссии Тюркологического С'езда

1. Придавая большое значение точному учету племенного состава турецких народов, Комиссия предлагает от имени С'езда обратиться в Центр. Стат. Управление в Москве с предложением, чтобы при проведении в текущем году всесоюзной переписи, было обращено особое внимание на точный учет племенного состава населения, с привлечением местных организаций.

2. Признать крайне желательным, чтобы к ближайшему Тюркологическому С'езду были составлены, на основании последних данных, детальные племенные карты, как всех турецких народностей вместе, так и по отдельным республикам и областям.

3. В связи с вопросами социальной гигиены и признаками вымирания и ассимиляции некоторых малых народностей, признать необходимым постановку на ближайшем С'езде вопросов медико-антропологического характера, с производством предварительных обследований по возможности во всех республиках и областях.

4. Комиссия считает необходимым организацию планомерных и согласованных между собою исследований быта турецких племен, причем эти исследования, в первую очередь, должны быть направлены на изучение хозяйственных форм: охотничьего быта, скотоводческого хозяйства (в частности при переходе к оседлости), земледелия, землепользования и домашних производств. При изучении названных элементов культуры должно быть обращено внимание не только на качественный, но и на количественный учет изучаемых явлений, с непременным выяснением границ их распространения (составление ряда карт распространения бытовых элементов).

5. Считая крайне важным для изучения быта турецких народов организацию центрального музея турецких культур в одном из тюркских центров, по определению одного из последующих тюркологических с'ездов. Комиссия полагает, что залогом успешного осуществления этой идеи является планомерное и мощное развитие отделов быта в местных республиканских и областных центрах. Музейному строительству в турецких республиках и областях Комиссия придает исключительное значение и уверена, что центральные музеи всемерно пойдут навстречу их развитию, как своим опытом, так и техническим оборудованием.

6. Комиссия признает крайне необходимым обеспечение следующего С'езда необходимыми средствами для издания исследовательских работ, которые будут выполнены по указаниям настоящего С'езда.

7. В целях вовлечения широких масс в дело изучения своего быта. Комиссия считает необходимым использовать в первую очередь учительские и общественные культурные силы, для чего надлежит в план преподавания соответствующих учебных заведений включить преподавание этнографии, что даст возможность впоследствии организовать школьное преподавание учения о народном быте, столь необходимого в современном строительстве.

8. Ввиду недостатка специалистов этнографов и антропологов из среды турецких народов, Комиссия считает необходимым обеспечение надлежащего количества мест в ВУЗ'ах СССР для представителей тюркской молодежи, а также предоставление им заграничных командировок.

9. Придавая большое научное и практическое значение вопросам антропологии и народного быта, Комиссия просит Организационный Комитет по созыву следующего С'езда озаботиться надлежащей предварительной проработкой и постановкой этих вопросов на предстоящем С'езде.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Правописание в тюркском языке*

Фахрад Ага-Заде. В тюркских грамматиках указаны некоторые законы, касающиеся правописания. Большею частью они касаются правописания арабских слов. Например, там речь идет об «караке», «тенвинах» и «ташдидах», которые ставятся над арабскими словами, указывается на буквы «шамсие», которые пишутся один раз, но произносятся как двойные, на «алифламы», которые в одних случаях произносятся, а в других вовсе опускаются. Далее, в некоторых грамматиках большое место отводится обозначению множественного числа в арабских словах, на мужский и женский роды.

Если мы коснемся чисто тюркских слов, и в особенности их грамматики, то мы увидим, что с одной стороны, законы тюркской грамматики не применены по отношению к арабским словам, а с другой стороны, эти законы не нашли своего применения к правописанию чисто тюркских слов.

Во всяком случае, в старой тюркской письменности имеет место двоякое правописание: одно из них касается арабских, другое тюркских слов.

Прежде всего, мы должны установить, при попытке об'единить правописание тюркского языка, какому правописанию мы должны дать предпочтение.

Мы придерживаемся такого мнения: пусть количество арабских слов на тюркском языке велико, пусть даже они представляют из себя преобладающий элемент и составят девяносто процентов, но коль скоро они вошли в тюркский язык, то они обязательно должны подчиняться законам тюркской грамматики. Если мы возьмем другие языки, то увидим, что иностранные слова, вошедшие в них, подчинены законам грамматики своего языка**.

** По техническим условиям доклад т. Ага-Заде печатается в приложении.

* См. Д. Ушаков. «Краткое введение в науку о языке», стр. 12ft.

Отсюда и вывод, что после этого в тюркской литературе арабские слова, а равно и слова других языков, вошедшие в тюркский язык, наряду с основными собственно–тюркскими словами, должны подчиниться законам тюркского провописания.

* *
*

Как следствие, отсюда вытекает, что в правописании тюркского языка должны иметь место значительныя изменения. Но, чтобы избежать ошибок, могущих быть допущенными при этом изменении, мы должны принять в основу те принципы, которые мы видим в культурных языках, иначе не исключена возможность, распростившись со старыми ошибками, внести новые в тюркское правописание и языка.

Как это было и в других языках, нельзя утверждать, что все эти принципы применимы в тюркском языке. Например, принципы исторические совершенно не могут быть применяемы в тюркском языке, ибо бесконечное множество арабских слов, вошедших в тюркский язык, при подчинении их законам тюркской грамматики, потеряют свои «Караке», «темвины», «ташдиды» и им подобные знаки. Отсюда ясно, что эти слова и термины потеряют свой исторический облик.

Вторая основа правописания–это основа морфологическая. Если этот принцип не вовсе исключается, то надо заметить, что в тюркском правописании он уложен в тесные рамки. Судя с точки зрения морфологического принципа, правописание, например, тюркских слов «кардаш», «адаш» должно было-бы быть «карындаш», «аддаш», тогда как современный тюркский язык в Азербайджане мало-по-малу отступает от этого старого правописания и предает его забвению. Наряду с этим, надо заметить, что разногласия между живыми терминами и словами могут быть устранены только с помощью принципа морфологии. Например, многие говорят; «торпак», «ярпак», а другие в большинстве случаев произносят: «топрак», «япрак». Если мы подойдем к вопросу с точки зрения морфологии, то обязательно предпочтение должны будем отдавать второй форме. Эти дефекты могут быть устранены только при помощи и вмешательстве специалистов.

В тюркском правописании другим из принципов, включенных в тесные рамки, является метод дифференции.

Согласно этого принципа, если значение слов, схожих между собою различно, то их правописание тоже должно разниться. Возьмем, например:

اود ـ اوت؛	آد ـ آت؛
حرف ـ حريف؛	قورت ـ قوردت
بلا ـ بالا.	

Но надо заметить, что если есть подходящий принцип для правописания тюркского языка, то это принцип фонетический (звуковой). В некоторых трудах этот метод называется еще «силлабическим».

Современное правописание тюркского языка, если оно будет основываться на фонетическом принципе, с течением времени перейдет на метод морфологии, что имеет место в некоторых языках, в которых от прошлых веков, от фонетики не осталось никакого следа. Причина этого кроется в том, что выговор языка интенсивно подвергается изменению, а раз установленное правописание остается веками.

* *
*

Если мы правописание тюркского языка будем основывать на фонетическом принципе, то этот принцип нужно применить раньше всего к чисто тюркским словам, затем к арабским и персидским словам, вошедшим в тюркский язык, а за этим и к словам вошедшим в тюркский язык из европейских.

Правописание по фонетическому методу, известно, будет основываться на произношении. Поэтому мы вопрос о письме должны пока что отложить. Сейчас мы займемся установлением законов произношения чисто-тюркских слов.

В первую голову мы должны обратить внимание на слоговое устройство тюркских слов и влияние сингормонии на них.

Затем мы переходим на положение гласных и согласных в начале, в середине и в конце слова.

После того, как всесторонне будет изучено слоговое устройство тюркских слов, возникшие в этой области положения должны перейти уже в письмо и, таким образом, будут положены основы правописания. Затем идет очередь арабских и персидских слов, вошедших в тюркский язык. Законы, применяемые в отношении тюркских слов, должны быть применимы и в отношении арабских и персидских слов. Кроме этого, уничтожаются вовсе специфические законоположения, присущие арабским словам, в том числе диакретические знаки, «тенвины», «тешдиты», которые должны быть обозначены теперь не знаками, а заменены буквами. Присущие арабской артикуляции восемь букв должны быть заменены буквами, присущими тюркской артикуляции. Алифламы, которые не произносятся, выбрасываются, и имеющиеся «солнечные» буквы пишутся два раза.

Когда мы приступили к делу с подобной программой, тысячи арабских слов, подчиненных законам арабского языка, потеряют свои специфические особенности правописания, и, как коренные тюркские слова, будут писаться по фонетическому методу так, как они слышатся в живой тюркской речи. Отсюда, как прямое следствие, исчезнут разногласия, хаос, ныне имеющиеся в тюркском правописании.

Вслед за этим предметом нашего внимания может служить вопрос о правописании иностранных слов, которые вошли в тюркский язык.

Но раньше, чем приступить к данному вопросу, мы должны установить, какой из алфавитов, имеющихся в обиходе у тюркских народностей, соответствует фонетическому правописанию.

Это нам покажут те условия, которые педагогика пред'являет к правописанию.

Эти условия таковы:

1) Письмо должно быть приведено в такое состояние, чтобы дети не могли более допускать ошибки; всякая ошибка должна быть отстранена. *

2) Идеалом правописания должна быть его механичность.**

---

* В. Флеров: «Наглядные уроки письма».

** Из доклада Л. В. Щербы на с'езде преподавателей русского языка.

Если принять во внимание эти требования, старый арабский алфавит, зарождающий тысячи ошибок, разногласий, сомнений, не может дать возможности механизироваться тюркскому правописанию и быть вне возможности допущения этих ошибок. Арабский алфавит является величайшим тормозом в этом вопросе. Сплошь да рядом в арабском алфавите один звук имеет четыре изображения и, наоборот, одно изображение обозначает собою четыре звука. Например, буква «واو» изображает собою пять звуков.

Не безызвестно нашим тюркским педагогам, что одна только буква «i» на русском языке являлась источником бесчисленных ошибок. Конечно, знающие это наши педагоги не примирятся с существованием у нас арабского алфавита.

За этим идут алфавиты, подвергшиеся необходимой реформе и исправлению. Критика их не является предметом моей темы. Но из всей этой критики мое внимание обращает на себя две особенности, которые тесно сплетены с вопросом о правописании.

Одна из этих особенностей это та, что в старом арабском алфавите не имеется ряда букв, присущих звукам тюркского языка. Теперь создавать, выдумывать для них соответствующие буквы и обозначения, не представляется возможным. Например, если мы признаем букву « واو » за согласное, то мы должны будем для гласных звуков е, и, у, о создать четыре новые буквы. Так-как это не представляется возможным, то мы ограничиваемся вставлением одной–двух точек или какого–нибудь другого знака.

Всем известно, что одна или другая точка играет в правописании немаловажную роль. Не безызвестно и то, что разные знаки, вставляемые над теми или иными буквами создают массу нелепостей и недоразумений. Поэтому то эта сторона реформы не может удовлетворить потребности правописания.

Есть еще и другое явление, которое служит тормазом в вопросе о правописании. Это то, что некоторые арабские буквы существуют раздельно. Их нельзя соединять с буквами, стоящими после них, и это оказывает немаловажное отрицательное влияние на правописание. Нельзя установить на первый взгляд, к какому слову эти не сливаемые буквы относятся. Возьмем слова: « سوزگون، دوزگون » Если их слоги несколько отстанут друг от

друга, то из каждой части образуется самостоятельное слово с собственным значением.

Существуют сложные имена, которые образовываются от слияния двух отдельных и самостоятельных слов, таковы например нижеследующие и им подобные слова. «دەوە بوینو»، «قوزو قولاغی»، «اوستا باشی»، «قارا دوتلو»، «قارا باغ»، «قارا داغ»، «اوردوباد»، «قیزیل یاش».

Такие слова приходится писать, соответственно их значения: то раздельно, то вместе. В арабском алфавите нет выхода из этого положения, его нельзя искать и в его реформе.

Если, вместо диакритических знаков, мы поставим соответствующие буквы, то в результате этого каждое слово разделится на несколько частей, например: موهومەد، موستافا،قەلەم. и им подобные слова. Нет выхода из этого положения.

Если и есть соответственный тюркскому произношению алфавит, который мог установить его правописание, так это и есть единственно новый алфавит, который ныне находит свое применив у нас в Азербайджане. Только этим алфавитом можно писать как все тюркские слова согласно их слоговому устройству, так и арабские и другие иностранные слова, которые вошли в тюркский язык.

Кроме этого, у нового алфавита есть и другие положительные стороны, которые чужды любому реформированному арабскому алфавиту.

Мы тут коснемся только взаимоотношений этих положительных сторон с правописанием.

Одна из этих положительных сторон–это употребление заглавных букв. В арабском алфавите нет определенных знаков, которыми бы обозначались собственные имена. Не имея другого выхода, собственные имена приходится включить в скобки или в кавычки, тогда как функция скобок и ковычек совершенно другая.

Для примера скажем так, если слово « گوموش » напишем прописными буквами, то значение его другое, а если мы напишем его через заглавную букву, то значение его может быть совсем иное, предположим название собаки. Если мы напишем через заглавную букву сложное слово « قوشچیلار », то опять и тут значение этого слова изменится.

Тюркские малограмотные рабочие, когда увидят, что слова « لوقارنو » « بالدوین »написаны через заглавную букву, то сейчас же поймут, что речь идет о названии какого-то города или имени какого-то лица. Таким образом они избавятся от ежеминутной необходимости прибегать к помощи словаря.

У новаго алфавита есть еще и второе преимущество. Это то, что если какое–нибудь слово не помещается в строку целиком, его можно разделить на части и перенести в другую строку не помещающиеся слог или слоги. Например: və–tən–daş–lık, (طنداشلیق) Это то-же одна из сторон правописания, с которой надо считаться. Если мы возьмем слово « خاصای » не в виде ха—saj, а xas—aj и перенесем так в другую строку, то не исключается возможность изменения от этого значения слова. Арабский алфавит лишен и этого преимущества.

Имеется третья положительная сторона: это ударение. Этого в арабском алфавите нет. Когда гласные буквы выступят в арену, то можно будет над ними ставить знак ударения. В азбуках надо установить ударения тюркскаго алфавита потому, что ударение помогает правильному произношению. Когда ударение ставится над гласными буквами, это способствует детям в целях правильного произношения.

Четвертое–это правильное употребление знаков препинания, остановки. Хотя в арабском алфавите эти знаки и употребляются, но все же их место правильно не установлено, тогда как эти знаки имеют огромное значение для правописания. Например: «Jaz qəlsin» Если между этими словами мы поставим запятую, значение предложения в корне меняется (Jaz, qəlsin!)

Кроме того, как указано выше, за неимением заглавных букв на арабском алфавите скобки и ковычки, считающиеся, как знаки препинания, употребляются не в своем месте и значении.

* *
*

Правописание, какое должно быть принято новым алфавитом, имеет некоторые важные моменты, которых мы никак не можем не коснуться.

1. Имеется ряд слов, которые в тюркском языке получили право гражданства. Их надо писать так, как они произносятся массою, например: منقب، استفتاح، استقرغ. Масса произносит их так: ماتقاب، سوفته، سیفراغ. Их надо писать так, как мы их слышим из уст массы, которая эти слова усвоила. Есть множество слов, которые имеют место в литературе, но они еще не сделались достоянием массы. Их нужно писать в соответствии с их первоначальным произношением например: منطقه، کتله، محاربه، نهایت должны быть написаны так: nihajət, qutla, mintəkə, muharəbə,

2. Слова, взятые из арабского и других языков. При их тюркизации или сингармонизировании, если они имеют два или три вида, надо при их правописании руководствоваться тем видом, который ближе к первоисточному произношению. Для примера мы возьмем например слово « خیرمن ». Это слово имеет три вида: xərmən, xarman, xurman. Можно принять любой из этих видов. Но так как xərmən ближе к оригиналу, то предпочтение можно отдать, конечно, этому виду.

3. Надо стараться сингармонизировать каждое иностранное слово, вошедшее в тюркский язык. Когда это не представится возможным, то надо писать так, как оно есть, без изменения.

Примером могут служить следующие слова: idarə, risalə ikbal,

4. Некоторые иностранные слова в Азербайджане произносятся иначе, чем в других тюркских странах. Какое из этих произношений подходит под тюркскую сингармонию, надо принять это произношение.

Например, слова « دولت، «شوکت » в турецкой литературе произносятся səvgət, dəvlət. Это произношение ближе к сингармонии, а потому его и нужно перенести на новый алфавит.

5. Правописание слов, присущих Азербайджану должно соответствовать их местному произношению. Это произношение должно быть изучено на месте. Точное название какого-нибудь селения, реки, горы должно быть взято у коренных жителей. Зачастую мы в литературе читаем:

شمکور ـ شامخور، خوردالان ـ خاردالان، بنه‌قادی ـ بنه‌قاضی.

Для того, чтобы точно определить, какое из этих названий соответствует действительности, а какое нет, надо это узнать, к

этому прислушиваться на месте, у самих жителей. Только тогда цель будет достигнута.

6. Слова, взятые у других тюркских народов, должны быть подчинены в отношении правописания законам произношения их отечества. Мы должны писать их так, как они произносятся там. Мы для примера возьмем слова: اورمان. قوللانماق. اوفاق توفك. На наречии стамбульских турок они произносятся так: «orman», «kullanmak», «yfaktəfəq». И мы их на новом алфавите должны будем писать именно так.

Если одно слово имеет два произношение, то нужно его писать или по-азербайджански: illiq—illiji, или по стамбульски: jıllık–jıl jıllıgı.

7. Если одно слово имеет несколько правописаний, то предпочтение нужно отдать самому новейшему и последнему из них. Например: раньше писали « قاریندداش » ныне уже пишется « قارداش ». Безусловно мы должны остановиться на этой последней форме.

8. Есть и такие слова, которые в каждой отдельной тюркской стране пишутся совершенно разно. Например:

پارماق ـ بارماق ؛ شاشماق ـ چاشماق؛ پامبوق ـ پامبیق؛ قرانفج ـ قارانقوش. منکشه ـ بنفشه؛ کله‌بك ـ کپنك؛ کوملك ـ کوینك.

и другие. Какому из этих произношений нужно отдать предпочтение, установить трудно. Указать на то, на каком произношении мы должны остановиться–это не наша задача. По нашему мнению, пока специалисты не высказали своего авторитетного мнения, каждое из этих произношений должно сохранить свою особенность.

* * *

После этого еще необходимо установить правописание всех тех тюркских слов, которые вошли в тюркский язык и получили права гражданства.

Кроме арабских слов, теперь в тюркский язык проникает масса европейских слов. Нет сомнения, по мере приобщения тюркских народностей к европейской культуре, их количество будет прогрессивно возрастать. Если мы теперь же не установим их право-

писания в тюркском языке, то и они, как арабские слова, в тюркском языке будут подчиняться своим законам.

Тюрко-татарская масса, живущая в С. С. С. Р., европейские термины воспринимает через русскую литературу, а потому мы должны изучить методы и пути, которыми руководилась в этом вопросе русская литература.

1. Русские, когда принимали европейские слова, больше всего обращали внимание не на то, как они произносятся, а на то, как они пишутся. Например, в отдаленном прошлом в письмах имя знаменитого математика упоминалось как «Невтон» (Nevton), но впоследствии стали произносить «Ньютон», и так до наших дней доходит «Ньютон». В русской литературе подобные имена и слова встречаются в разнообразном правописании. Новая литература держит уклон в сторону произношения. Что же касается тюркского языка, то и он тоже правописание подобных слов должен обосновать согласно их произношения.

2. Некоторые европейские слова перешли в русский лексикон через греческие книги. Произношение и письмо подобных слов на языках французском и немецком совершенно другие. Например: в греческих книгах слова «варваризм», «вивлиофика», согласно немецкого и фрацузского произношения пишутся «барбаризм», «библиотека». Русская литература в таких случаях отдает предпочтение греческому их произношению. Что же касается нашего языка, в таких случаях нам необходимо отдавать предпочтение не мертвому латинскому или старому греческому, а живому немецкому или французскому языкам. Например, слово «вулкан» это латинское произношение, а «волкан» позднейшее французское. Мы именно предпочтение должны отдавать последнему.

Если живые произношения слов, вошедших в тюркский язык, разновидны и неодинаковы, то в таких случаях предпочтение отдается тому произношению, которое более целесообразно. Например: французы говорят «маскарад», немцы «маскерад». Как видите, тут имеется разница в произношении и в письме. Если это слово войдет в тюркский лексикон, то надо взять тот вид, который соответствует законам сингармонии. Иной раз встречается различие и в сингармонии и в произношении. Например, французы говорят «карактер», русские «характер». В таких случаях, по моему мнению, надо отдать предпочтение французскому произношению, ибо у тюрок, особенно западных, имеется уклон в сторону произношения « ق ».

3. Так-как на русском языке не имеются буквы, g, (غ), h, ö, ü, то слова с этими звуками при их перенятии в русский язык из европейских стали разниться от своего оригинала, другими словами их правописание изменилось. Например: «Heine», «Hugo» по русски пишутся «Гейне», «Гюго». За неимением соответствующих букв на русском языке, пишут: то «Лудовик», «Миллер», то «Людовик», «Мюллер». При принятии подобных слов в тюркский, конечно, их надо взять так, как они отвечают своему европейскому оригиналу.

4. В некоторых европейских языках буква пишется, но не произносится. В тюркском языке такой особенности не имеется и потому при принятии подобных слов в тюркский эти не произносящиеся буквы должны быть вовсе выкинуты.

5. Русские в некоторых европейских словах приняли их латинскую форму. Для примера возьмем слово «вакансия». Это слово отвечает требованиям русского ударения, но это не отвечает требованиям тюркского ударения. Ударения на тюркском языке падают на конец слова. Для того, чтобы ударение пришлось на конце европейского слова, принятого в тюркский язык, надо эти слова заканчивать согласными буквами. Например:

پرویله‌م. دیسیپن. وارشاو. موسقوف. سیستەم. دوام. فامیل. آنکەت. قونطور...

Согласно этого закона, итальянские формы pianino, fortepiano должны быть изменены, следует писать pijanin, fortepijan.

6. Согласно литературному произношению у русских, в некоторых словах встречается «о» без ударения. Это произносится как «а». Русские эту особенность применяют и в отношении тех слов, которые они приняли из европейских языков. Например: «коммунист», «командор», «кондуктор» и подобные европейские слова они произносят как «камандир», «каммунист», «кандуктор». Этой особенности нет на тюркском языке, а потому подобные слова должны быть написаны и произнесены так, как это мы видим на европейских языках. Чисто русские подобные слова должны будут

писаться через «о» и произносится, как «о». Например: samovar, paroxod, sovet. Это относится и к собственным словам Kozlof, Kovaljof.

7. Как европейцы, так и русские, подвергли изменению те слова, которые они приняли из восточных языков. Возьмем мы восточные слова

خليفه. قهوه. عثمان. Они их переделали на: kalif, kofe, ottoman. Нет сомнения, что в таких случаях надо считаться с их произношением на языках восточных народов.

8. Есть такие слова, где два согласных имеют один знак, другими словами одним знаком обозначаются два звука. Общеизвестные из них «Ц» (C=ts) и русский «Щ». В тюркском языке подобные слова произносятся двумя согласными. Из этих двух согласных звуков в начале слова один отпадает. Например слова تصانسور، تصانيمه‌ترو، شچوتقا ркском языке произносятся صانسور. صانيمه‌ترو. چوتقا. Фамилия русского поэта Щедрина произносится у нас как «Шедрин». По моему, так и надо писать на тюркском языке.

9. Буква «I» у европейцев как в мягких слогах так и твердых слогах произносится мягко. Если будут приняты в тюркский язык европейские слова с твердым слогом и имеющие букву «I», над этой буквой надо поставить какой-нибудь знак. Например, возьмем слово «Pol» .Если же такого знака мы не прибавим, то произношение слова видоизменится, одновременно и значение слова изменится.

* *
*

Заключая свой доклад, я хотел бы сказать, что в тюркском мире фонетическое правописание – явление, исключительной важности, новое. Вопрос этот обширный и разрешение его нельзя включить в рамки маленького доклада. В этом вопросе имеется широкая арена для толкований и споров. Сколько бы об этом не писалось–это все будут одни паллиативы. Тут имеется кратчайшая дорога. А это есть издание словарей в тюрко-татарских странах фонетическим методом. Если эти словари будут писаться при ближайшем сотрудничестве ученых, то это будет иметь громадное

значение. Во-первых, забытые тюркские слова будут найдены и собраны и тем самым тюркский язык войдет в семью богатых языков, а, во-вторых, разногласие и неточности в правописании раз навсегда исчезнут. Впоследствии, если эти словари об'единятся, то создастся один общий богатый словарь, который будет обслуживать все тюрко-татарские народности. Одновременно раз навсегда установится наше правописание. Я хотел бы кончить свой доклад словами проф. Ушакова, который говорит: «Правописание– это костюм, в котором является язык, и он может быть удобным и неудобным; но всегда нужно помнить, что это–внешность, от изменения которой не меняется язык»*.

Да, это именно так. Если изменится правописание, но не поколебим тюркский язык.

---

* Д. Н. Ушаков. «Краткое введение в науку о языке». 5-е изд. Стр. 9–10.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ДЕЛЕГАТОВ

1-го Всесоюзного Тюркологического С'езда

№ по порядку	ФАМИЛИЯ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО	Должность или профессия	Национальность	Кем командирован	Постоянное место жительства
1	Абдрахимов, Галей Шакирович (Али-Рахим)	педагог	каз татар.	Татреспублика (НКП)	Казань
2	Абдуджаббаров, Абдурашид . .	пред. Ак. Центра	узбек	Узбекистан (НКП)	Самарканд
3	Ага-Заде, Фахрад Рагим-оглы . .	педаг., науч. отр. К-та Нов. Тюрк. Алф.	аз. тюрок	Азербайджан (ЦИК)	Баку
4	Агамали-Оглы, Самед Гасан-Оглы	пред. АзЦИК'а и Зак-ЦИК'а	аз. тюрок	Орг. комиссия	Баку
5	Айвазов, С. А. . . .	литератор	крым. татар.	Крым. ЦИК	Симферополь
6	Акчокраклы, Гусейн . . .	литератор	крым. татар.	Крым. ЦИК	Симферополь
7	Алиев, Ибрагим Махмудович . .		даг. тюрок	Дагестан (НКП)	Махач Кала
8	Алиев, Умар Джашуевич . . .		карачаевец	Крайисполком	Ростов н/Д.
9	Алпаров, Ибад . . .	педагог, уч. секр. Науч.-Пед. Ком.	каз. татар.	Татреспублика (НКП)	Казань
10	Арифуллин, Саттар Арифуллинович .		каз татар.	Турк. р. Став.Окр.(РИК)	Летняя Ставка
11	Атнагулов, Салах Садри-оглы .	зав. и глав. ред. изд-ства «Кажур»	башкир	Татреспублика (издательство «Кажур»)	Казань
12	Ахундов, Рухулла Али-оглы .	журналист, редактор изд. «Бак. Раб.»	аз. тюрок	Азербайджан (ЦИК)	Баку
13	Ачарьян, Рачия Яковлевич .	профессор	армянин		Эривань
14	Ашмарин, Николай Иванович .	профессор	русский	Орг. комиссия	Баку
15	Аюпов, Галимджан Сулейманович .		мещеряк	Дагестан (НКП)	Махач-Кала
16	Байтурсун, Ахмед Байтурсунович .	пред. Ак. Центра	казак	Орг. комиссия	Кызыл-Орда
17	Бараков, Исидор Никифорович .		якут	Як. ЦИК	Москва
18	Бартольд, Василий Владимирович .	академик	русский	Орг. комиссия	Ленинград
19	Бассария, Симон Петрович . .		абхазец	Абхазия (Науч О-во)	Сухум
20	Башкиров, Алексей Степанович .	профессор	русский	ВНАВ	Москва
21	Бектуре, Шевки		крым. татар.	Дагестан	Махач-Кала
22	Бердяев, Бекки Э	чл. Ак. Центра	туркмен	Туркменистан (НКП)	Полторацк
23	Вилялов, Меджит Масагутович .		башкир	Башкирия (НКП)	Москва
24	Бороздин, Илья Николаевич .	профессор	русский	перс, притл.	Москва
25	Вельтман, Соломон Лазаревич .	журналист	еврей	ВНАВ	Москва
26	Вильгадданов, Габдулахат Фазлыевич .		тептяр	Башкирия (СНК)	Уфа
27	Витте к, Пауль	профессор	нем. (Авст.)	перс, притл.	Стамбул
28	Габитов, Хабибулла А.-Кагирович .	педагог	башкир	Башкирия (НКП)	Уфа
29	Гаврилов, Михаил Филиппович .	пред. САГУ	русский	Узбекистан (САГУ)	Ташкент

№№ по порядку	ФАМИЛИЯ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО	Должность или профессия	Национальность	Кем командирован	Постоянное место жительства
30	Гафуров, Сибгат Сатдыкович		каз. татар.	Татреспублика (НКП)	Казань
31	Гельдиев, Мухаммед		туркмен	Туркменистан (НКП)	Полторацк
32	Генко, Анатолий Нестерович		русский	Академия. Наук	Ленинград
33	Гусейнов, Мирза Давуд	Наркомфин ЗСФСР	аз. тюрок	перс. пригл.	Тифлис
34	Гусейн-Заде, Али	профессор	аз. тюрок	перс. пригл.	Стамбул
35	Губайдуллин, Газиз	доцент	каз. татар.	перс. пригл.	Баку
36	Данияров. Базаркул	педагог	киргиз	Киргиз, респ. (ОНО) Орг.	Пишпек
37	Джабиев, Габиб	ред. газ. «Коммунист»	аз. тюрок	комиссия	Баку
38	Джячибеков, Абдул-Гамид Шаршетвеевич.	педагог	ногаец	Сев.-Кавк. Инст. Краев.	С. Канг. (Тер.Ок.)
39	Джевдет -Задэ, Хикмет		осм. тюрок	Аджаристан (НКП)	Батум
40	Жирков, Лев Иванович	профессор	русский	ВНАВ	Москва
41	Захири, Ашур-Али.	журналист	узбек	Узбекистан (НКП)	Фергана
42	Зейналлы, Ханафи Баба-оглы	ред. АзГИЗ журналист	аз. тюрок	Азербайджан (ЦИК) Орг.	Баку
43	Зифельдт-Симумяги, Артур Рудольфов.	литератор	эстонец	комиссия	Баку
44	Ибрагимов, Галимджан Гирфанович	пред. Ак Центра	каз. татар.	Орг. комиссия	Казань
45	Иванов, Алексей Андреевич	журналист	якут	Як. ЦИК.	Москва
46	Иванов, Павел Иванович		чуваш	Чув. ЦИК	Чебоксары
47	Идельгужин, Карим Абдулович		башкир	Башкирия (НКП)	Уфа
48	Ильбек, Метрик Юнус-оглы	журналист	узбек	Узбекистан (НКП)	Ташкент
49	Ильясов, Мусеиб Ибрагим-оглы	зав. УОНО	курд	Азербайджан (Курдист)	Лачин
50	Иногамов, Рахим Ахунджан-оглы	журналист	узбек	Узбекистан (НКП)	Самарканд
51	Касимов, Панах Алекпер оглы	пед. пред. Союза Азпрос	аз. тюрок	Азербайджан (ЦИК)	Баку
52	Катано в, Николай Гаврилович	чл. Хак. перев. комисс.	хакас	Хакасск. Окр. (ОНО)	С. Усть-Абаканск
53	Кепрюлю-Заде, Мехмед-Фуад	профессор	осм. турок	перс, пригл.	Стамбул
54	Коркмасов, Джелалэддин.	пред. СНК ДССР	кумык	Орг. комиссия	Махач-Кала
55	Косыев, Хонин Косыевич	Зав. ОНО	калмык	Калм. обл. (Обл. Испол.)	Астрахань
56	Крымский, Агафангел Ефимович	академик	украинец		Киев
57	Кулаев, Александр Исаакович		осетин	Сев. Осетия (ОНО)	Владикавказ
58	Кулиев, Мустафа.	Наркомпрос АССР	аз. тюрок	Азербайджан	Баку
59	Кульбешеров, Бяшим		туркмен	ЦИК СССР (Совнац.)	Москва
60	Леманов, И.	педагог	крым.татар	Крым. Пед. Инст.	Симферополь
61	Максудов, Гаяз Кысымович	пред.Главл.,чл.колл.НКП	каз. татар.	перс. приглаш.	Казань
62	Малов, Сергей Ефимович	профессор	русский	Академия Наук	Ленинград
63	Мальсатов, Заурбек Куразович		ингуш	Ингушетия (Об. Исп.)	Владикавказ

№№ по порядку	ФАМИЛИЯ. ИМЯ, ОТЧЕСТВО	Должность или профессия	Национальность	Кем командирован	Посто нное место жительства
64	Мамедбеков, Керим Гусейнович		даг. тюрок	Дагестан (НКП)	Махач-Кала
65	Мамед-Заде, Джаббар Аббас-оглы	преподав. АГУ	аз. тюрок	Азербайджан (Азпрос)	Баку
66	Мамед-Заде, Джалил Мамед-оглы	замнаркомпрос.	аз. тюрок	О-во Обсл. и Из. Азерб.	Баку
67	Манатов, Шариф Ахмедович	педагог	башкир		Тифлис
68	Менцель, Теодор Теодорович	профессор	немец	перс. пригл.	Киль
69	Месарош, Юлиус	профессор	мадьяр	перс. пригл.	Стамбул-Ангора
70	Миллер, Александр Александрович	профессор	русский	Академия Наук	Ленинград
71	Мрясов, Сагид Губайдуллин		башкир.	О-во Изуч. Башкири.	Уфа
72	Мусаев, Гасан Абдуллаоглы	студент	аз. тюрок	перс. пригл.	Баку
73	Мусаев, Гусейн Мамед-оглы	наркомпрос. Нах. ССР	аз. тюрок	Нах. ССР (ЦИК)	Нахичевань
74	Нагиев, Джангир Рустамович		аз. тюрок	Сев.-Кавк. Исп. (ОНО)	Ростов н/Д.
75	Наговицын, Иосиф Алексеевич	пр.Совнац. НКП РСФСР	вотяк	РСФСР (НКП)	Москва
76	Наджаров, Риза-Кули		аз. тюрок	Грузия (НКП)	Тифлис
77	Недим, Мамут		крым. тат.	Крым ЦИК	Симферополь
78	Одабаш, Хабибулла Абдурашид-оглы	преп. Крым. Г. Универс.	крым. тат.	Орг. комиссия	Симферополь
79	Ольденбург, Сергей Федорович	академик	русский	перс, пригл.	Ленинград
80	Омаров, Ильдес	сотр. Ак. Центра	казак	Казакистан (НКП)	Кызыл-Орда
81	Ошаев, Халид Дудаевич		чеченец	Чеч. Обл. Исполк.	Грозный
82	Павлович, Михаил Павлович	пред. ВНАВ	еврей	Орг. комиссия	Москва
83	Пепинов, Ахмед-Джевдет	зав. АзГИЗ	аз. тюрок	Орг. комиссия	Баку
84	Перенглиев, Бяшим		туркмен	Туркм. (НКП)	Полторацк
85	Петров, Михаил Петрович	литератор и педагог	чуваш	Чув. ЦИК	Чебоксары
86	Поппе. Николай Николаевич		русский	перс. пригл.	Ленинград
87	Радебольд, Вальтер	Д-р.	немец	перс. пригл.	Берлин
88	Рахими, Шакирджан		узбек	Узбекистан (НКП)	Ташкент
89	Рахманов. Бикджан		узбек	Узбекистан (НКП)	Хива (Хорезм)
90	Рогдаев, Николай Игнатьевич	уч. секр. ЗНА	русский	ЗНА	Тифлис
91	Руденко, Сергей Иванович	профессор	русский	Академия Наук	Ленинград
92	Саади. Габдуррахман Эйнан-оглы	журналист	каз. татар.	Татреспублика (НКП)	Казань
93	Сабашкин, Алексей Макарович	журналист	ойрат	Ойрат Обл. Исп.	Улала
94	Сабиров. Рауф Ахметович		каз. татар.	РСФСР (НКП)	Москва
95	Садри, Исмаил	зав. Соцвос	узбек	Узбекистан (НКП)	Бухара
96	Самойлович, Александр Николаевич	профессор	русский	Орг. комиссия	Ленинград
97	Бай-Сейдули, Азиз	чл. Ак. Центра	казак	Казакист. (союз Рабпр.)	Кызыл-Орда

№ № по порядку	ФАМИЛИЯ. ИМЯ, ОТЧЕСТВО	Должность или профессия	Нацио-нальность	Кем командирован	Постоянное место
98	Сиюхов, Сефер-бей Хапцевич	литератор	адыге	О-во Изуч. Адыг. обл.	Краснодар
99	Сафронов, Анемподист Иванович	учитель	якут	Якут. ЦИК	Москва
100	Сулеев, Билал Сулеевич	учительница	казак	Казакистан (НКП)	Кызыл-Орда
101	Султанова, Айна.	пред. СНК Нах. ССР	аз тюрчан.	Азербайджан	Баку
102	Султанов, Гамид Гасан-оглы	студент	аз. тюрок	Нах. ССР	Нахичевань
103	Таги-Заде, Абдулла М.		аз. тюрок	ЛИЖВЯ	Ленинград
104	Тибилов, Александр Арсеньевич		осетин	Ю.-Осетия (ЦИК)	Цхинвали
105	Токов, Нана Хасанович		карачаевец	Кар.-Черк. О. Исп.	Кисловодск
106	Томашевский, Всеволод Брониславович	профессор	русский	перс. прикл.	Ленинград
107	Тынстанов, Касым	педагог	киргиз	Киргиз, республ.	Пишпек
108	Тюрякулов, Назир	журналист	казак	Орг. комиссия	Москва
109	Ульбашев, Ибрагим Мусаович		балкарец	Каб.-Балк. ОНО	Нальчик
110	Усманов, Меджид Сагитович	педагог	каз. татар,	Узбекистан (НКП)	Самарканд
111	Усманов, Шамиль Хайрулович	литератор	каз. татар,	перс. прикл.	Москва
112	Утамишев, Гани Фахреддинович		каз. татар,	Сев.-Кав. Кр. ОНО	Ростов н/Д.
113	Фейзи, Эдхем Мустафа-оглы		даг. тюрок.	Дагестан (НКП)	Махач-Кала
114	Ферид, Хуршид	консул	осм. турок	перс. прикл.	Баку
115	Хакимов, Неймат Эйнагулла-оглы	журналист	каз. татар,	Татреспублика (НКП)	Ташкент
116	Ходжаев, Халид-Саид	педагог	узбек	перс. прикл	Баку
117	Хубиев (Карачайли), Исп. Абдул. Керим.		карачаевец	Карач. А. О. (Исп.)	Баталпашинск
118	Цей, Дауд Хатирович		адыге	Ад.-Черк. Авт. Об. (Исп.)	Краснодар
119	Чобан-заде, Бекир Вахаб-оглы	профессор	крым. тат.	Орг. комиссия	Баку
120	Шабистари, Ибрагим Рза-оглы	ткач, прокурор	аз. тюрок	Персид. Азербайджан.	Нахачевань
121	Шакиров, Закир Шакирович	педагог	башкир	ИНО	Уфа
122	Шамурадов,		туркмен	Туркм. (НКП)	Полторацк
123	Шамхалов, Абдул-Латиф.	преп. В. Пед. Инст.	аварец	К-т по из. Вост. нар.	Москва
124	Шараф, Галимджан Шарафович	профессор	каз. татар,	Татреспублика (НКП)	Казань
125	Щерба, Лев Владимирович.		русский	перс. прикл.	Ленинград
126	Эфендиев, Бала Ибрагимович		аз. тюрок.	Армения (НКП)	Эривань
127	Юдахин, Константин Кузьмич		русский	ЛИЖВЯ	Ленинград
128	Юманкулов, Ибрагим		каз. татар,	РСФСР (НКП)	Москва
129	Юнусов, Гази-Алим	зампред. Ак. Центра .	узбек	Узбекистан (НКП)	Самарканд
130	Яковлев, Николай Феофанович	профессор	русский	перс. прикл.	Москва
130	Якуб-Кемаль, Якум Мемет-оглу		крым. тат.	О-во Из. Крыма	Ялта

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Первое заседание.....5

Приветствия.....6

Второе заседание.....25

а) Доклад акад. В. В. Бартольда «Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей»26

б) Доклад И. Н. Бороздина «Новейшие открытия в области тарской культуры» 42

в) Доклад Г. Губайдулина «Развитие исторической литерауры у тюрко-татарских народов».....50

г) Доклад С. И. Руденко «Современное состояние и ближайшие задачи этнографического изучения турецких племен»..77

д) Доклад Ю. Мессароша «Современное состояние и ближайшие задачи изучения этнографии анатолийских и балкан-турок».....88

е) Доклад Г. Ф. Чурсина «Ближайшие задачи этнографиче ского изучения кавказских тюрков».....96

ж) Доклад А. А. Миллера «Об изобразительном искусстве тюркских народов» 103

з) Прения по докладам 108

Третье заседание 111

а) Продолжение прений.....112

б) Доклад Б. Чобан-Заде «О близком родстве тюркских наречий».....129

Четвертое заседание 138
а) Доклад Н. Н. Поппе «История и современное положение вопроса о взаимном родстве алтайских языков» 139
б) Доклад А. Генко «Об отношении турецких языков к яфетическим языкам» 159
в) Прения 167
Пятое заседание.....174
а) Доклад А. Н. Самойловича «Современное состояние и ближайшие задачи изучения турецких языков».....175
б) Доклад С. Е. Малова «Изучение древних турецких языков»187
в) Доклад Н. И. Ашмарина «Кое-что о прошлом туркологии и ее настоящем состоянии».....191
г) Прения 197
д) Конспект доклада Р. Я. Ачаряна «Взаимное влияние тюркского и армянского языков» 204
Шестое заседание.....207
д) Доклад Л. В. Щерба «Основные принципы орфографии и их социальное значение» 208
б) Доклад Л. И. Жиркова об орфографии 214
в) Доклад Г. Ибрагимова об орфографии 217
г) Перевод докл. Ш. Рахими об орфографии.....217
д) Тезисы докл. Ф. Ага-Заде.....220
(Докл. Ф. Ага-Заде в приложении, стр. 527)
е) Доклад А. Б. Байтурсуна об орфографии 222
Седьмое заседание.....227
а) Прения и заключ. слова докладчиков 228
Восьмое заседание 238
а) Доклад А. Р. Зифельдта-Симумяги «О принципах образования научной терминологии в тюркских языках» 239
б) Доклад Б. Чобан-Заде «О системе научной терминологии» 249
в) Доклад Зейналлы «О системе научной терминологии в тюркских языках» 254
г) Тезисы док. Одабаша «Терминология на тюркских языках»262
е) Доклад А. Б. Байтурсуна о принципах казакской терминологии 267

Девятое заседание.....276
а) Прения.....277
б) Приветствия представителей V Азерб. С'езда профсоюзов .281
в) Докл. Н. Ф. Яковлева «Вопросы алфавита в связи с социальными и культурными условиями существования тюркских национальностей и проблема установления системы письма» : 284
Десятое заседание.....300
а) Докл. Л. И. Жиркова «Основы построения алфавита с технической точки зрения» 301
б) Докл. Дж. Мамед-заде о системах алфавитов тюркских народов.....311
в) Докл. Г. Шарафа «Арабская и латинская системы шрифтов и вопрос о применении их для тюрко-татарских народностей» 316
Одиннадцатое заседание.....343
а) Докл. Н. Тюрякулова об алфавите.....344
б) Докл. У. Алиева о системах графики 351
в) Докл. Б. Бердиева об алфавите 356
г) Прения :.....363
Двенадцатое заседание.....369
а) Прения.....370
Тринадцатое заседание 395
а) Заключительные слова докладчиков.....396
б) Голосование проектов, резолюций по вопросу об алфавите. 417
Четырнадцатое заседание.....420
а) Краткое изложение докл. Кепрюлю-Заде «Развитие литературного языка у тюркских народов».....421
б) Прения 425
Пятнадцатое заседание.....435
а) Прения 436
б) Докл. Л. В. Щерба «Новейшие течения в методике преподавания родного языка» 436
в) Тезисы доклада Леманова «Основы методики преподавания тюркских языков».....443

г) Прения 446
Шестнадцатое заседание.....450
а) Докл. акад. С. Ф. Ольденбурга «Методы краеведческой работы среди тюркских народов» 452
б) Докл. Ф. Ф. Менцеля «Итоги и перспективы изучения литературы анатолийско-балканских турок» 465
Семнадцатое заседание.....476
а) Докл. М. П. Павловича «Культурные достижения тюрко-татарских народностей со времени Октябрской Революции».477
б) Докл. Мандатной Комиссии 498
в) Голосование резолюций С'езда.....499
г) Заключительные речи 500
Резолюции С'езда 514
Приложение: 526
Докл. Ф. Ага-Заде «Правописание в тюркском языке»...527
Алфавитный список делегатов С'езда.....540

ИЗДАНИЯ

Общества Обследования и Изучения Азербайджана.

1. Место прикаспийских стран в истории мусульманской мира акад. В. В. Бартольда .....2 р. 60 к.
2. Монетные клады Азербайджана – Е. А.Пахомова. . 2 р. 50 к.
3. История Шекинских Ханов – Абдул-Лятифа (на тюркском и русском языках)..... –45 к.
4. Гюлистан-Ирям (История Ширвана и Дагестана)– А.К. Бакиханова .....2 р. –
5. Заметка о языке и словесности кумыков– проф. Б. Чобан-3 аде (на тюркском языке) .... 1 р. 50 к,
6. Склонение имен существительных без притяжательных аффиксов в говоре тюркского населения гор. Гянджи– И. Гасанова .....2 р. –
7. Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи– проф. Н. И. Ашмарина .....5 р. –
8. До-историч. Азербайджан – проф. И. И. Мещанинова – 30 к.
9. Основные начала яфетидологии–проф. И. И. Мещанинова .....– 40 к.
10. Предварительный отчет о поездке в Талыш– проф. Б. В. Миллера .....– 30 к.
11. Краткая программа собирания грамматических материалов по языкам и наречиям Дагестана– проф. Н. И. Ашмарина .....– 20 к.
12. О сословно-поземельном вопросе в Азербайджане– Е. А. Пахомова ..... – 20 к.
13. Предварительное сообщение о кумыкском наречии– проф. Б. Чобан-3 аде.....– 20 к.

14. Тюркское население Азербайджана в XVII веке–
В.М. Сысоева .....– 40 к.
15. Программа собирания материалов по вопросам театра–
проф. В. В. Сладкопевцева ..... – 30 к.
16. «Известия» О-ва Обсл. и Из.Азерб. № 1, с приложением
(«История Шекинских ханов» Абдул-Лятифа). 2 р. 40 к.
17. «Известия О-ва» № 2 .....2 р. 40 к.
18. Кавказ и Турецкий мир–проф. А. Н. Самойловича.–25 к.
19. Переходная пора османской литературы–
проф. В. А. Гордлевского .....– 40 к.
20. Ассирийская бусина из Азербайджана–
проф. И. И. Мещанинова .....– 50 к.
21. Почвы юго-восточной части Нагорного Карабаха–
проф. В. П. Смирнова-Логинова .....– 40 к.
22. Русский язык, как метод преподавания в тюрко-татар-
ских школах–Лукьяненко .....– 50 к.
23. Сравнительная грамматика османского, узбекского, казак-
ского языка–Халид-Сайда .....1 р.–
24. Путеводитель по Алфавитной выставке О-ва, составил
Е. А. Пахомов .....– –
25. Аталар-Сези (сборник азербайджанских пословиц) –
Зейналлы (печатается) .....– –
26. «Известия» № 3 .....2 р. 40 к.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

И. И. Мещанинов. Халдоведение.
Е. Лалаян. Удины
Белазорий. Книга войн народов
пер. проф. П. К. Жузе).
«Известия О-ва» № 4

Склад Изданий Общества Обследования и Изучения Азербайджана:
Баку, Дворец Тюркской Культуры.